

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

1959

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

DS12V620.5

1959

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

№ 20 05
1889

АВГУСТЪ.

1896.

РУССКОЕ КОГЯТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 8.

ЛЕНИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
Пл. ... 3.

№ 4447 ж. 91.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

1896.

^Δ
P8aw 620.5 ($\frac{1896}{8}$)
✓ ИЮЛ 1939

61+2-

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Августа 1896 года.

СОДЕРЖАНІЕ:

СТРАН

1. Нобылка въ пути. Разсказъ <i>Л. Мельшма</i>	5— 37
2. Соціально-экономическія воззрѣнія Симонда де-Сисмонди. <i>Б. Эфруси</i>	88— 58
3. Когда въ пустынь раскаленной. Стихотвореніе. <i>Allegro</i>	59
4. Въ юртѣ послѣдняго киргизскаго царевича. <i>Гр. Потанина</i>	60— 88
5. Напастъ. Повѣсть <i>А. О. Немировскаго</i> . X—XV .	89—124
6. Развѣтіе основныхъ началъ податнаго обложенія въ Западной Европѣ. <i>Л. Зака</i>	125—157
7. Въ родномъ углу. Очеркъ <i>А. Пютровской</i>	158—182
8. Конецъ старины. Романъ <i>Поля Бурда</i> . Переводъ съ французскаго. Окончаніе	183—252
9. Профессиональная гигиена на шестомъ съѣздѣ русскихъ врачей въ Кіевѣ. <i>А. В. Погожева</i>	1— 17
10. Наше предварительное слѣдствіе. <i>Ф. Солмоуба</i> . . .	17— 51
11. Новая книги:	
Полезная библіотека. Т. Стивенсъ.—Басни и были. Н. В. Масло- вича.—Нужды. Сборникъ стихотвореній.—В. П. Соколовъ. Но- вая мама. Повѣсть.—Н. А. Лейкинъ. Хлѣбный вопросъ. Юмо- ристическіе разсказы.—Жоржъ Пелисье. Литературное движе- ніе въ XIX столѣтіи.—Гиббинсъ. Англійскіе реформаторы.— Александръ Миклашевскій. Рабочій вопросъ и соціальное законо- дательство въ Германіи.—Николай Гротъ. Основанія эксперимен- тальной психологіи.—Душевные движенія. Психо-физиологиче- скій этюдъ д-ра Г. Ланге.—Интеллектуальныя функціи головного мозга. Приватъ-доцента В. А. Муратова.—Новыя книги, по- ступившія въ редакцію	
	51— 78

См. на оборотѣ.

1959

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

С. Н. Кривенко. На распутьи. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Э. К. Ватсонъ. Этюды и очерки по общ. вопросамъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Н. А. Рубакинъ. Этюды о русской читающей публикѣ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

С. Я. Надсонъ. Литературные очерки. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

В. Острогорскій. Изъ исторіи моего учительства. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Р. Левенфельдъ. Графъ Л. Н. Толстой (на простой бумагѣ). Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
— (на веленовой бумагѣ). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

А. Н. Анненская. Анна. Романъ для дѣтей. Изданіе второе. Ц. 60 к., съ пер. 77 к. (Можно послать почт. марками).

Дж. Мармери. Прогрессъ науки. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Э. Реклю. Земля и люди. Швеція и Норвегія. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Дж. К. Ингрэмъ. Исторія рабства. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

І. К. Блунчли. Исторія общаго государственнаго права и политики. Цѣна (вмѣсто 3 р.) 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к. Большой уступки не дѣлается.

Дж. Леббокъ. Какъ надо жить. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

В. А. Гольцевъ. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

Съ благотворительной цѣлю:

Путь-дорога. Художественно-литературный сборникъ. (На простой бумагѣ). Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.
— (На веленовой бумагѣ). Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

О. Петерсонъ. Семейство Бронте. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Въ добрый часъ. Сборникъ. (Въ обложкѣ). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 85 к.

— (Въ переплетѣ). Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 10 к.

Т. Хиггинсонъ. Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Подписчики «Русскаго Богатства», при покупкѣ книгъ, пользуются уступкой въ размѣрѣ стоимости пересылки.

Черезъ Контору редакціи и Московское отдѣленіе конторы можно выписывать только книги, означенныя въ этомъ спискѣ.

Другія книги высылаются въ видѣ исключенія и не иначе, какъ по номинальной цѣнѣ книжныхъ магазиновъ и съ платежомъ за пересылку. Въ этомъ случаѣ уступки никакой не дѣлается.

Полные экземпляры журнала «Русское Богатство»
за 1893, 1894 и 1895 года.

Цѣна за годъ: безъ перес. 8 р., съ перес. 10 р. 50 к.

СОЧИНЕНИЯ

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

- Томъ I.** Жертва старой русской истории.—Аналогическій методъ въ общественной наукѣ.—Суздальцы и суздальская критика.—Преступленіе и наказаніе.—Вольтеръ человекъ и Вольтеръ мыслитель.—Естественный ходъ вещей. *Цена 2 р.*
- Томъ II.** Литературныя замѣтки 1872 и 1873 гг.—Письмо къ графу Орлову-Давыдову.—Марксъ передъ судомъ г. Жуковскаго.—Графъ Бисмаркъ.—Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. *Цена 2 р.*
- Томъ III.** (*Въ двухъ выпускахъ*). Записки профана. *Цена 3 р. 75 к.*
- Томъ IV.** }
- Томъ V.** }
- Томъ VI.** Экспериментальный романъ.—Жестокій талантъ.—О Тургеневѣ.—О Глѣбѣ Успенскомъ.—Палка о двухъ концахъ.—Дамскія воспоминанія о великихъ людяхъ.—Герой и толпа. *Цена 2 р.*

Подписчики «Русскаго Богатства», при покупкѣ этихъ книгъ, пользуются уступкой 50%.

Складъ изданія: книжный магазинъ А. Я. Панафидина, — Москва, Петровка, Ляпидъ пер., соб. домъ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

- Критическіе опыты:** { Левъ Толстой. Ц. 1 р.
Щадринъ. Въ продажѣ больше нѣтъ.
Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Ц. 1 р.

ПРОДАЮТСЯ: въ Конторѣ журнала «Русское Богатство» — Петербургъ, Бассейная ул., 10 и въ Отдѣленіи конторы — Москва, Никитскія ворота, д. Гагарина.

Литература и жизнь. Цѣна 1 р. Складъ въ книжномъ магазинѣ Луковникова — Петербургъ, Лештуковъ пер.

Литературно-критическія характеристики.

М. А. Протопопова.

В. Г. Бѣлинскій.—Левъ Толстой.—Н. В. Шелгуновъ.—Воеводѣ Гаршинъ.—С. Т. Александръ.—А. М. Жемчужниковъ.—Глѣбъ Успенскій.—О. М. Рѣшетниковъ.—Н. Н. Златовратскій.—Н. Е. Петропавловскій (Каролина).

Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство».

Цѣна 2 р. 20 к., съ перес. 2 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ ВЛ. Г. КОРОЛЕНКО.

Очерки и рассказы. Книга первая. 7 изданіе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1^о р. 75 к.

Очерки и рассказы. Книга вторая. Изданіе третье. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Въ голодный годъ. Изданіе второе. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. Изданіе пятое. Ц. 75 к., съ перес. 90 к.

СКЛАДЫ:

Контора журнала «Русское Богатство»—С.-Петербургъ, Бассейная ул., 10 и Отдѣленіе конторы журнала «Русское Богатство»—Москва, Никитскій ворота, д. Гагарина.

Подписчики «Русскаго Богатства» за пересылку не платятъ.

Кн. магаз. журнала «Русская Мысль» — Москва, уголъ Леонтьевского пер. и Большой Никитской, № 2—24.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

(начатый проф. И. Е. АНДРЕЕВСКИМЪ)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго профессора **Ө. Ө. ПЕТРУШЕВСКАГО**
при участіи редакторовъ отдѣловъ:

Проф. А. Н. Векетовъ (біологич. науки), С. А. Венгеровъ (исторія литературы), Проф. А. И. Воейковъ (географія), Проф. Н. И. Карѣвъ (исторія), А. И. Сомовъ (иванш. искусства), Проф. Д. И. Менделѣвъ (химико-технич. и фабрично-завод.), Проф. В. Т. Собищевскій (сельско-хозяйственный и гдсоводство), Владиміръ Соловьевъ (философія), Проф. Н. Ө. Соловьевъ (музыка).

Энциклопедическій словарь выходитъ каждыи два мѣсяца попутумаи, въ 30 лист. убористой печати. Въ настоящее время вышли 34 попутума. Всего попутумовъ предполагается до пятидесяти. Цѣна за каждый попутумъ (въ переплетѣ) 3 руб., за доставку 40 коп. Въ Москвѣ и друиихъ университетскихъ городахъ за доставку не платятъ.

Словарь обнимаетъ собою свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, литературы, исторіи, промышленности и прикладныхъ знаній.

Текстъ помѣщаемыхъ въ словарь статей составляется самостоятельно русскими учеными и специалистами, причемъ все касающееся Россіи обрабатывается наиболее полно и тщательно.

Заявленія о подпискѣ принимаются: въ конторѣ журнала «Русское Богатство»—Петербургъ, Бассейная ул., д. 10.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА

на слѣд. услов.: при подпискѣ вносится задатокъ отъ 10 руб., послѣ чего выдаются ииѣющіеся на-лицо попутумы; остальная сумма долга выплачивается ежемѣсячными взносами отъ трехъ рублей.

Издатели: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ), И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ).

КОБЫЛКА ВЪ ПУТИ.

(РАЗСКАЗЪ).

Въ сумерки холоднаго декабрьскаго дня стрѣтенскій этапъ растворялъ свои ворота для маленькой обратной партіи, шедшей на поселеніе изъ рудниковъ нерчинской каторги. Такіе арестанты сами себя называютъ «вольными», да и конвой относится къ нимъ снисходительнѣе, нежели къ каторжнымъ, и ведетъ незакованныхъ въ кандалы. Въ партіи былъ, однако, и кандалный—каторжанинъ, еще не кончившій своего срока, но переводившійся вмѣстѣ съ семьей изъ одного рудника въ другой.

Ефрейторъ пересчиталъ арестантовъ, выпустилъ ихъ со всѣмъ дорожнымъ скарбомъ, котомками, узлами и котелками въ узкій, темный корридоръ тюрьмы, гдѣ слабо тлѣли мокрыя щепки подъ плитой, и молча ткнулъ пальцемъ въ дверь направо, за которой скрывалась назначенная для нихъ камера. По привычкѣ, арестанты тотчасъ же ринулись туда, какъ угорѣлые, толкая другъ друга, крича, переругиваясь, спѣша занять лучшія мѣста на нарахъ, хотя особенной нужды въ такой поспѣшности и не представлялось, такъ какъ мѣстъ могло бы хватить и для вдвое большаго количества людей.

— Сюда, Оська Непомнящій, сюда!.. ревълъ плотный рыжебородый мужчина, стоя во весь ростъ на нарахъ у окна и съ торжествомъ махая шапкой:—сюда, товарищи!

Грузно ковыляющей походкой торопился на этотъ зовъ маленький неуклюжій человѣчекъ, повидимому, большой флегматикъ по природѣ, но на этотъ разъ также возбужденный и торжествующій. За нимъ бѣжало къ окну еще человѣкъ пять молодыхъ, здоровыхъ ребятъ. Вся эта группа, очевидно, состоявшая въ дорожномъ товариществѣ и игравшая руководящую роль въ партіи, заняла нѣсколько саженъ лучшихъ мѣстъ на нарахъ. Худшія, болѣе удаленныя отъ свѣта, мѣста заняли старики и семейные. Ближе всѣхъ къ дверямъ очутился единственный кандалный въ партіи, еврей неопредѣленныхъ лѣтъ, худой, сухопарый, съ жидкой козлиной бородкой и пугливо

бѣгающими сѣрыми глазками. Его сопровождала многочисленная семья: жена, маленькая и худенькая женщина, совсѣмъ больная, еле передвигавшая ноги, но съ явственными еще слѣдами когда-то большой оригинальной и симпатичной красоты. На рукахъ она держала двухъ маленькихъ дѣвочекъ—одну съ рыжими, какъ огонь, курчавыми волосенками, съ ярко блестящими отъ мороза щечками, весело на все кругомъ улыбающуюся, другую, напротивъ,—смуглую, какъ цыганочка, испуганно глядѣвшую по сторонамъ своими большими, темными, какъ-бы съ удивленіемъ раскрытыми глазами. За юбку матери прѣвлялась третья дѣвочка, постарше, съ серьезнымъ, не подѣтски озабоченнымъ личикомъ; четвертая тащила мѣшокъ больше себя самой. Отецъ и десятилѣтній мальчуганъ, очень на него похожій, съ такимъ же длиннымъ, острымъ носомъ и сѣрыми глазами, волокли прочій семейный скарбъ.

— Шюда, шюда, Ента!—съ характернымъ еврейскимъ пришепетываньемъ говорилъ глава семейства, складывая вещи на пустыя нары у самыхъ дверей.—Абрашка, бѣги скорѣй на дворъ, погляди, не забыли-ль еще чего.

Ента въ изнеможеніи опустилась на нары съ обѣими дѣвочками. Рыженькая сейчасъ же весело соскочила съ ея рукъ и принялась помогать старшимъ сестрамъ въ разборкѣ вещей; черненькая, напротивъ, еще крѣпче прижалась къ матери.

— Ну, что, Ентала? какъ себя чувствуешь, душа моя?—пониженнымъ голосомъ спросилъ мужъ, съ нѣжностью и тревогой заглядывая женѣ въ глаза. Последняя ничего не отвѣчала и только нервно гладила по головкѣ прильнувшую къ ней любимицу дочь.

— Я чайку сейчасъ заварю... Погрѣмся! Хася, Брухэ, Сурель! помогайте матери. Я за водой побѣгу.

— Ну, а я, господа, куда же пристроюсь?—громко проговорилъ въ это время, послѣднимъ вошедшій въ камеру, старичокъ благообразной и почтенной наружности, съ шутовскимъ нѣсколько выраженіемъ своихъ умныхъ, даже плутоватыхъ сѣрыхъ глазъ.—Мнѣ-то, старику, подѣ нары, что-ль, лѣзть?

— Старичку Николаеву наше почтеніе! Къ намъ пожалуйте!—откликнулся ему отъ окна рыжебородый мужчина изъ компаніи молодыхъ Ивановъ.

— Иди къ намъ, старый аспидъ!—крикнулъ оттуда еще кто-то.

— Вотъ ужъ и ругаетесь!.. Развѣ это возможно, господа? Я къ вамъ съ добромъ, а вы эвона въ какія глупости углубляетесь!

— А не то къ намъ ступай, Николаевъ, мѣста хватить,—послышался вкрадчивый голосъ изъ другого угла. Голосъ этотъ принадлежалъ мужчине уже пожилыхъ лѣтъ, коренастому, блѣд-

ному, съ непріятнымъ выраженіемъ маслянистыхъ глазъ и всего лица, недоброго, но всегда подернутого приторно-сладкой улыбочкой.

— Къ намъ! Павелъ Николаевичъ, къ намъ милости просимъ,—подтвердила и женщина, сидѣвшая съ нимъ рядомъ:—вы—старики, вамъ съ семейными-то спокойнѣе будетъ.

— И вѣрно! Благодаримъ за привѣтъ. Будемте сусѣдами.

— А, старый чортъ, къ бабамъ полѣзъ! Губа-то не дура! заревѣлъ отъ окна рыжебородый. — Ты посматривай тамъ за нимъ, Перминовъ. Онъ не спроста... Знаемъ мы этихъ старцевъ божіихъ... Того и гляди, безъ жены останешься!

При этихъ словахъ у Перминова все лицо злобно перекосилось; онъ промолчалъ, однако, и только бросилъ къ окну полный презрѣнія взглядъ. Николаевъ, уже начавшій раскладывать свои мѣшки, тоже ничего не отвѣтилъ на насмѣшку; судя, впрочемъ, по выраженію лица, онъ былъ скорѣе польщенъ ею, чѣмъ уколотъ.

Камера начинала постепенно принимать жилой видъ. Въ Стрѣтенскѣ обратныя партіи сидятъ не меньше двухъ недѣль, и потому всѣ устраивались прочно, основательно, точно намѣреваясь жить здѣсь цѣлые годы. Распаковывались самыя зажиточныя ушлы и мѣшочки, запасалась провизія. Пока камера не была еще замкнута на ночь, арестанты то-и-дѣло сновали по корридору и по двору этапа, стараясь лучше ознакомиться съ мѣстными порядками и обычаями, узнать, нѣтъ-ли въ другихъ камерахъ арестантовъ и проч. Оказалось, что въ сосѣднемъ большомъ номерѣ находилась замкнутая по случаю прибытія новичковъ, официально еще не принятыхъ и необысканныхъ, партія въ 80 челоуѣкъ, пришедшая за нѣсколько дней передъ тѣмъ изъ Благовѣщенска и состоявшая на половину изъ каторжанъ, на половину изъ подсѣдственныхъ, которые должны были судиться въ Иркутскѣ по знаменитому дѣлу о разграбленіи на Амурѣ каравана съ золотомъ. У двери этой камеры стояла кучка только что прибывшихъ обратныхъ, переговариваясь сквозь щель съ запертыми «стариками».

— Строго-ль тутъ—обыскиваютъ?—допрашивалъ разбитной рыжебородый, котораго товарищи называли Китаевымъ.

— Можно сказать, даже безчеловѣчно, — отвѣчалъ изъ-за двери невидимый голосъ челоуѣка; повидимому, не менѣе разбитного, бывалаго и словоохотливаго. — Капитанъ Петровскій прямо за жандарма сойти можетъ. Чуть что—даже и въ скулы норовить. Но вы, господа, не смущайтесь. Вверху нашей двери, около печки, дыра есть, заткнутая тряпкой. Все, что у васъ есть отъ запретнаго плода Адама или Евы, спѣшите передать намъ на храненіе.

— А когда будутъ принимать и обыскивать? Сегодня же?

— Ни въ какомъ случаѣ. У капитана Петровскаго правила твердая, разъ навсегда заведенныя. Завтра ровно въ одиннадцать часовъ.

Предложеніе невидимаго голоса было тотчасъ-же принято къ свѣдѣнію, и Оська Непомнящій, усѣвшись на плечи дюжему и высокому Китаеву, полѣзъ на печку розыскивать спасительную дыру. Въ рукахъ у него было нѣсколько колодъ картъ и еще какіе-то изъ «запретныхъ плодовъ», о которыхъ упоминалъ предусмотрительный совѣтникъ.

— А какъ только обыщутъ васъ завтра, отопрутъ и насъ. Тогда заведемъ пріятное знакомство, и если пожелаете, перекинемся по маленькой!

— Съ нашимъ полнымъ удовольствіемъ. А есть въ вашей партіи деньги?

— Водятся. Мы по золотому вѣдь дѣлу судиться въ Иркутскъ ѣдемъ. Жиды есть богатые—раззудить только надо. Ну, да увидимся лично—все это обсудимъ еще и оборудуемъ. Сами вы откуда путь держите?

— Мы изъ Шелая. Слыхали, вѣрно?

— Уголокъ теплый, какъ не слыхать. Говорять, могила?

— Прямо обитель святая! Смотритель—игумень, арестанты—монахи. Ха-ха-ха!

— Значить, деньжонокъ и вы достаточно везете? Накопили въ монашествѣ-то?

— Много-ли, мало-ли, а на нашъ вѣкъ хватить,—хвастливо отвѣчалъ Китаевъ, подмигивая товарищамъ.—По домамъ однако пора, ребята. Кажись, запирать насъ идутъ. До свиданья, пане!

И точно, въ корридоръ вошелъ ефрейторъ съ ключами, въ сопровожденіи еще нѣсколькихъ солдатъ, и велѣлъ затаскивать въ камеру парашу. Арестантовъ пересчитали и собирались запереть на замокъ.

— Господинъ ефреторъ,—несмѣло выступилъ въ это время впередъ глава еврейской семьи:—обратите вниманіе...

— Чего такого?—надменно спросилъ безусый еще ефрейторъ, какъ-то искоса и сверху внизъ смѣривъ его взглядомъ.

— У насъ есть зенщины... и много дѣвочекъ... моихъ дочекъ...

— Ну, такъ что-жь? У тебя вѣдь ихъ не просятъ. Аль сами просятъ?

— Я насчетъ парашки, господинъ ефреторъ, доложите господину охвиперу, чтобъ не запирать камеры, въ корридоръ ушатъ поставить.

— Партія у насъ смирная, господинъ старшій,—поддержалъ просьбу кто-то еще изъ угла:—вездѣ нами конвой былъ доволенъ.

— Чего ихъ тутъ слушать! Запирай, паря! По мѣстамъ, пока цѣлы!—заревѣлъ вдругъ ефрейторъ.

Дверь шумно захлопнулась, ключъ въ замкѣ щелкнулъ.

— Чего взялъ, жидъ?—загрохоталъ Китаевъ:—нашему-ль брату модничать, прихоти барскія разводить? Женщина, женщина... Да что она у тебя—дѣвка, что-ль? Небось, звона сколько жиденятъ наплодила, не хуже насъ съ тобой про все знаетъ.

И, какъ-бы въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ тутъ же направился къ парашѣ...

Жизнь пошла своимъ чередомъ. Обитатели камеры тотчасъ же разбились на нѣсколько кучекъ. Одна состояла изъ еврейскаго семейства; въ другой старакъ Николаевъ бесѣдовалъ съ пріютившей его четой Черминовыхъ; центромъ и душой третьей, пяти или шести молодыхъ ребятъ, былъ говорливый Китаевъ, мужчина немолдыхъ уже лѣтъ, но теперь, по окончаніи каторги, собиравшійся, казалось, снова помолодѣть и расцвѣсти. На противоположныхъ нарахъ, въ углу, сидѣли еще два человѣка: одинъ высокій и дряхлый старикъ, у котораго ясно обрисовывалось на лбу клеймо, каторжный еще николаевскихъ временъ, только теперь окончившій, вслѣдствіе частыхъ побѣговъ, небольшой въ началѣ срокъ своего наказанія. Сильно оглохшій и припешдшій почти въ состояніе младенчества, но всегда веселый и неунывающий, онъ былъ общимъ любимцемъ въ партіи, шутникомъ по профессіи. Не принадлежа ни къ какому лагерю, онъ чутко прислушивался, не смотря на глухоту, ко всѣмъ разговорамъ и по временамъ подавалъ свои реплики! Звали его Тимофеевымъ.

Рядомъ съ нимъ, хотя не имѣвшій никакой съ нимъ связи, сидѣлъ косматый мужикъ съ водяночнымъ лицомъ и дикимъ взглядомъ, необыкновенно угрюмый, молчаливый, косившійся на всѣхъ и постоянно что-то про себя ворчавшій. Арестанты называли его Бовой и считали сумасшедшимъ.

Въ группѣ Китаева было особенное оживленіе и веселье. Китаевъ безостановочно болталъ и хвасталъ.

— Спрашиваетъ: «Много-ль деньжонокъ везете?» Ну, да меня-то, стараго мошенника, не проведешь. Знаю я васъ, ростовскихъ жуликовъ, насквозь. Хитры вы, а все-же подольскіе три раза васъ вокругъ пальца обовьютъ! У жидовъ и поляковъ учился я... Съ 67-го года съ тюрьмой знакомство веду! «Много! отвѣчаю:—держи карманъ шире, гляди только, чтобъ не прорвался». И вотъ помяните мое слово, братцы, не будь я Китаевъ, коли я этого ростовскаго франта завтра же голымъ не пущу со всѣми его жидами выѣстъ. Деньги! да какія могутъ у насъ быть деньги, коли мы изъ Шелая идемъ? За то башка у насъ на плечахъ. За то просвѣтилъ насъ отецъ игумень!

— Ну, да тебѣ-то грѣшно-бъ жаловаться, Китаевъ,— вдругъ отозвался ему старикъ Николаевъ, который, слышавъ издали интересную бесѣду, подвигался теперь отъ своего мѣста къ веселой группѣ. Въ бѣлой казенной рубахѣ, низко подпоясанной тонкимъ ремешкомъ подъ круглымъ животикомъ, съ волнистой сѣдовой бородкой, изъ тѣхъ, какія пишутъ на ликахъ святыхъ, съ кудреватыми волосами, тщательно разобранными по срединѣ проборомъ, съ лукавыми сѣрыми глазами и носомъ картошкой на благообразномъ, покрытомъ морщинами, но еще румяномъ лицѣ, съ своими степенно скрещенными на груди руками, неспѣшной походкой и мягкимъ пѣвучимъ голосомъ—онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, рѣшительно всѣмъ на свѣтѣ довольнаго, своей участію, самимъ собой и людьми, всегда готоваго и другой умѣренности. — Тебѣ-то грѣшно-бъ жаловаться, Китаевъ. У тебя ошкуръ-то тугонько, небось, рублевками набить.

— Ахъ ты, старый песъ! Да ты щупаль мой ошкуръ-то, што-ль?

— А развѣ невѣрно? На что жъ ты Любку въ Шелаѣ содежалъ? Этакая дѣвка развѣ любить-бы тебя безъ денегъ стала?

— А почему жъ бы и не стала? Развѣ я рыломъ не вышеть? Мнѣ хошь и сорокъ четыре года, а какъ надѣну я кумачную рубаху да въ руки гармонь возьму, такъ не только, братъ, Любка, а сама—и не знаю кто—влюбитья въ меня можетъ! Дурень ты, дурень, пенъ новгородскій! Ты по себѣ видно, судишь, что тебя безъ денегъ баба полюбить не можетъ?

— Меня ты оставь. Я изъ тѣхъ годовъ вышеть. Мнѣ Богу пора молиться.

— Богу молиться?! Нѣтъ, чорту ты молишься, а не Богу. Что ты евангеліе постоянно читаешь, да псалмы божественные поешь, такъ думаешь, я и не вижу тебя всего наскрозъ? Вижу, голубчикъ, отлично вижу...

Компанія Китаева неистово загоготала. Старикъ не то сконфуженно, не то самодовольно прищуривъ глазки и слегка ухмыльнувшись, укоризненно закивалъ головой.

— Вотъ городить... вотъ городить... Чушь такую преть, что даже уши вянутъ!

— Чушь? А скажешь, денегъ въ вольной командѣ не накопилъ? Я полагаю, у насъ у всѣхъ здѣсь столько нѣтъ, сколько у тебя одного въ кулакѣ зажато. Только ты—аспидъ. У насъ вонъ, у всей компаніи, десятка какая развѣ наберется, которую мы на пищу можемъ позволить себѣ тратить, а мы—посмотри: и чай байховый съ булками пьемъ, и баранину каждый день ѣдимъ. А ты—что ты ѣлъ сегодня? Скажи. Сухари съ водой? Даже чаю кирпичнаго не пилъ?

— Да я въ сухаряхъ больше сѣксу нахожу, чѣмъ въ вашей баранинѣ. Отъ нея только мысли дурныя въ башку лѣзутъ.

— Хо-хо-хо! мысли дурныя... То-то, небось! Да ты постой, ты не уходи отъ насъ, не серчай. Я тебѣ вотъ что скажу, Николаевъ; по дружбѣ. Нечего намъ перекурами заниматься. Какъ ни какъ, въ одной тюрьмѣ нѣсколько лѣтъ провели. Такъ вотъ что я присовѣтую тебѣ, добра желаячи: сними майданъ! Партія, какъ видно, богатая соберется. Оборотъ хорошій изъ своихъ денегъ сдѣлать можешь.

— Хм... Вотъ чудной ты человѣкъ, Китаевъ! Да изъ какихъ денегъ? Гдѣ онѣ у меня?

— Не притворяйся, Николаевъ. Ну, сказывай по совѣсти: сколько у тебя?

— А и не знаю сколько. Вотъ кормовыя вчера получили... Отъ прошлыхъ кормовыхъ тоже двадцать копѣекъ, што-ли, еще осталось...

— Врешь! окромя кормовыхъ есть.

— Отвяжись ты отъ меня, сатана! Господи, прости за согрѣшеніе...

И Николаевъ, дѣйствительно, на этотъ разъ осерчавъ, идетъ, махнувъ рукой, прочь, сопровождаемый смѣхомъ и тюканьемъ компаніи. А Китаевъ, придя послѣ этого совсѣмъ уже въ благодушное настроеніе и чувствуя себя царькомъ небольшого, но покорнаго государства, самодовольно дуетъ на блюдечко съ чаемъ и продолжаетъ разглагольствовать.

— Что, братъ Оська Непомнящій? И теперь еще за бока, небось, хватаешься, щупаешь самъ себя: снится тебѣ, аль въявь все это происходитъ, что ты отъ отца игумена вырвался, на поселеніе идешь?

— И не говори лучше, — мотаетъ бородой маленький человѣчекъ, котораго зовутъ Непомнящимъ.

— А признаться, я все, братъ, время думалъ, что ты на Сахалинъ уходишь. Потому родства непомнящій, то-исъ самый, по ихъ мнѣнію, вредный ты человѣкъ. И вдругъ на тебѣ: выходить приказъ — въ Ключевской волости поселить.

— Забыли, видно, въ статеинный заглянуть, — подтвердилъ молодой обрусѣвшій татаринъ Мангировъ: — а то гдѣ жъ бы уйти отъ Сахалина? Нонче всѣхъ бродягъ туды шлютъ.

— Прямо сказать, счастливычкі! Въ Ключевскую волость! Вѣдь это, Оська, и до родной твоей деревни, кажись, рукой подать?

— Молчи! — не то серьезно, не то шутливо грозитъ пальцемъ Непомнящій.

— Какъ! и теперь еще отца игумена трусишь? Воротить, бойшься? Нѣтъ, ужъ не воротить, другъ, шалишь! Теперь мы

вольные люди... Теперь межъ пріятелями могъ бы ты и родословіе свое объявить.

Непомнящій не выказываетъ, однако, намѣренія объявлять родословіе и хранить упорное молчаніе.

— Держи карманъ шире, объявить онъ—какъ-же!—отвѣчаетъ за него Мангировъ:—онъ крѣпокъ, аспидъ!

— А и слабила жъ у тебя гайка въ послѣдніе мѣсяцы, охъ, какъ слабила!—продолжаетъ Китаевъ:—самъ не свой ходить, бывало, въ тюрьмѣ по двору, все думушку свою думаетъ да гадаетъ: Сахалинъ, аль не Сахалинъ?..

— Станешь, небось, думать,—кратко откликаетъ Непомнящій. Онъ несловоохотливъ, замкнуть въ себѣ, но лицо его тѣмъ не менѣе сіяетъ во время этого разговора довольствомъ и радостью.

Вынесла судьба на свѣтъ Божій, мертвого, отгбѣтаго уже совсѣмъ человека вынесла! И вспоминается ему, какъ тяжелый, страшный сонъ, недавнее прошлое. Тихій и смиренный мужичонко, только что женившійся и не успѣвшій насладиться, какъ слѣдуетъ, радостями семенной жизни, попадаетъ онъ въ солдаты. Непривычная тяжелая жизнь въ строю и въ казармѣ... Тоска по женѣ и родинѣ... Рядъ незаслуженныхъ обидъ... И вотъ тихая и покорная всегда душа внезапно прорывается и зарабатываетъ себѣ дисциплинарный батальонъ. Слухи о невыносимой тяжести жизни въ батальонѣ наполняютъ безумнымъ ужасомъ сердце молодого солдата—и онъ совершаетъ дерзкій побѣгъ изъ-подъ строгаго караула, съ опасностью получить въ спину пулю часового, рискуя быть пойманнымъ и подвергнутымъ еще болѣе суровому, чѣмъ прежде, наказанію. Но судьба, къ счастью, покровительствовала ему. Его арестовали только за тысячу верстъ отъ мѣста побѣга; онъ назвалъ себя Осипомъ Непомнящимъ и, принятый за бѣлаго каторжнаго, ѣздилъ «на уличку» по всѣмъ рудникамъ нерчинской каторги, нигдѣ не былъ признанъ и осужденъ, наконецъ, какъ бродяга, на четыре года временно-заводскихъ работъ. Всѣ эти четыре года онъ дрожалъ день и ночь передъ возможностью быть отправленнымъ на Сахалинъ—и вдругъ... вмѣсто всего этого, ему назначаютъ мѣстомъ поселенія родимыя палестины! Теперь уже всякимъ страхамъ конецъ! Если бы и нашелся такой недругъ, который пожелалъ бы изобличить его, то само начальство не приметъ уже къ свѣдѣнію обличеній: стоитъ-ли заваривать никому немужную кашу, когда у человека имѣются вполнѣ узаконенныя, купленные нѣсколькими годами страданій, новое имя и званіе? Онъ можетъ получить теперь въ своей волости, когда захочетъ, законное свидѣтельство и идти съ нимъ на всѣ четыре стороны... Да, кончидась страшная пытка! Впервые сонъ его можетъ стать по преж-

нему тихъ и безмятеженъ. Иныя, болѣе блаженныя грезы посѣщаютъ теперь его ночи: что-то жена? Что онъ о ней услышитъ? Какъ-то она его приметъ? И сладко щемить и вмѣстѣ болѣзненно ноетъ сердце отъ самыхъ разнородныхъ предчувствій...

Старикъ Николаевъ опять сидитъ рядомъ съ супругами Перминовыми. Мужъ—необыкновенно словоохотливый и сентиментальный человѣкъ, исполненный къ тому же всяческаго благочестія.

— Я, брать ты мой, никогда неправды не любилъ. За правду, могу сказать, я и пострадалъ, въ каторгу пришелъ. Да! И куда я ни приходилъ, вездѣ меня начальники тотчасъ-же отличали и награждали довѣріемъ. Вотъ хотя бы и теперь въ Алгачахъ. Какъ только явились мы съ женой, меня и одного дня въ тюрьмѣ не держали, потому въ статейномъ моемъ все прописано... Сейчасъ-же меня въ вольную команду, и не то чтобъ на чужолую какую работу, а прямо горнымъ сторожемъ постановили. «Мы видимъ, говорятъ, Перминовъ, что ты старикъ честный, и совѣсть въ тебѣ еще не потеряна. Тутъ тебѣ и мѣсто!»

— Въ пеклѣ-бъ тебѣ мѣсто, Антипъ проклятый!.. прощамкалъ внезапно старикъ Тимофеевъ, у котораго было клеймо на лбу («Антипами проклятыми» онъ обзывалъ всю дорогу солдатъ и всякое начальство).—Антипъ ты проклятый!.. повторилъ онъ еще разъ съ непонятнымъ остервенѣніемъ.

— А ты молчалъ бы себѣ, журавль долготерпѣливый,—съ перекосившимся лицомъ отозвался ему оцѣпенѣвшій на минуту отъ неожиданности Перминовъ:—Богъ ужъ убилъ, и царь заклеилъ—сидѣлъ бы себѣ въ углу, жевалъ свой табакъ. Такъ нѣтъ—туда же лѣзетъ, куда и конь съ копытомъ.

— Это ты-то конь съ копытомъ? Антипъ ты проклятый—вотъ ты кто!..

— Журавль! Клейменный! Табачный носъ! вотъ кто ты.

— Это кто тамъ нашего журавля обижаетъ?—вмѣшался въ ссору съ другого конца камеры Китаевъ.—А! Это Перминовъ? Такъ его, такъ его, журавушка, родной! Антипъ онъ проклятый, Антипъ!

— Антипъ проклятый и есть!—гаркнулъ еще разъ старикъ, вытянувшись во весь свой солдатскій ростъ и грозно поглядывая на своего врага.

Но послѣ этого онъ мгновенно успокоился, опустилсѣ на нары и съ блаженнымъ выраженіемъ въ лицѣ, точно отъ сознанія исполненнаго долга, принялся по прежнему жевать табакъ, уже не обращая больше вниманія на воркотню и брань Перминова. А послѣдній, поругавшись всласть и метнувъ еще нѣсколько злобныхъ взглядовъ въ сторону Тимофеева и Ки-

пiali? Вотъ за это Онъ и гоняетъ васъ теперь по бѣлу свѣту!

— А за что же васъ онъ гоняетъ, коли вы не зиды?

— Насъ? Насъ за грѣхи наши... Охъ-охъ-охъ! грѣхи наши тяжкіе! Жалко мнѣ тебя, Вороховичъ. Мужикъ ты, я вижу, безхитрошный. Вонъ онъ и русскій, нашъ православный (мотнулъ Николаевъ бородой въ сторону весело разглагольствовавшего о чемъ-то Китаева), да что изъ того? Продастъ и выдастъ тебя за мѣдную книгѣйку. И какъ утораздило тебя съ этой семьей въ каторгу влопаться?

— За напрашину, дѣдушка, видитъ Богъ—жа напрашину. Въ чужую вклепали. И все оттого, что—зидъ. Ограбили церковь въ нашемъ селѣ. На кого подумать? Конечно, на зиду. Сдѣлали у меня обыскъ? И нашли платокъ какой-то церковный, воздухомъ зовется... Самъ дьяволъ, видно, подбросилъ намъ его! Такъ мы и до сихъ поръ не знаемъ съ Ентой, какъ онъ у насъ очутился. А межъ тѣмъ—улика! Такъ и пошелъ на семнадцать лѣтъ каторги.

— Жаль тебя, коли не врешь. Да! оно послушать насъ всѣхъ, такъ и ни одного, почитай, виновнаго не найдется... Перминовъ вонъ тоже говорить, за правду пришелъ... А ужъ чего тутъ! по глазамъ видно, что либо дѣвку изнасиловалъ, либо разбойный притонъ содержалъ.

— А ты самъ, дѣдушка, за что же попалъ?

— Я-то?.. Положимъ, я-то, дѣйствительно, безъ вины... Да вѣдь кто повѣритъ? Кто повѣритъ? Судъ не повѣрилъ, а ужъ тебѣ-то, али яному-прочему съ какой стати вѣрить? Не люблю я и говорить поэтому зря. Надѣть лучше впередъ заглядывать. Какъ бы не вышло потомъ, что и каторгу еще пожалѣешь?

— И очень просто,—подтвердилъ Боруховичъ, тоже любившій порой пофилософствовать:—правду русская пословица говорить: что имѣемъ, не хранимъ—потерявши платѣ!..

Побесѣдовавъ полчаса въ такомъ родѣ, Николаевъ, широко зѣвая и крестя ротъ, и видя, что разговоры начинаютъ притихать по всѣмъ угламъ, тоже направился, наконецъ, къ своему мѣсту. Тамъ онъ разостлалъ на нарахъ свой узенькій войлочный тюфячокъ, примостилъ въ изголовье мѣшокъ и затѣмъ, горячо помолясь на колѣняхъ и стукнувшись нѣсколько разъ лбомъ о грязный этапный полъ, улегся подъ арестантскую шубу, накрывшись ею по крестьянскому обычаю съ головой. Но сонъ долго не шелъ къ нему.

— О, Господи, Господи, простишь-ли слабость нашу?—размышлялъ старикъ съ сокрушеніемъ сердечнымъ.—Не хватило духу съ перваго раза въ винѣ сознаться, такъ ужъ оно и идетъ, такъ и до конца идти будетъ. Вотъ и жидъ этотъ—

тоже, надо быть, врать. Безпрѣмѣнно онъ это церковь ограбилъ, сказать только боится. Охъ-охъ-охъ! Всякому-то изъ насъ богатства пуще всего хочется, и вотъ приготавливаемъ мы себѣ и на землѣ, и на небѣ адъ кромѣшный. Ну, развѣ не адъ это? Хотѣ меня же взять. Жилъ хорошо, пилъ-ѣлъ, одѣвался, какъ люди, почетъ имѣлъ отъ чужихъ, отъ дѣтей покорность—и вдругъ наеосъ! Въ пучину какую самъ себя вверзилъ! Голова сколько лѣтъ бритая была, на ногахъ брус-леты звякали, промежъ какого народа жить пришлось, {чего-чего не видѣть, не слышать... Теперь-то, положимъ, все ужъ это миновало, на волю иду... Ну, а все ужъ не то, что прежде, будетъ! Родного мѣста никогда не увижу, на чужбинѣ въ униженіи помру, дѣтими проклятый и забытый... Да. А кусокъ-то хлѣба гдѣ на старости лѣтъ добуду? Коли и {есть кой-какія деньжонки, въ поясѣ да въ голенищахъ запрятаны, такъ вѣдь на нихъ одиѣхъ вся и надежда теперь. А глоты эти и храпы разные, вроде Китаева, въ скупости укоряють, асмоемъ зовутъ. Да будь бы у самихъ у васъ шестьдесятъ три года на шеѣ—что бы вы заплѣли тогда? И чудакъ же этотъ Китаевъ: сыми, говорить, майданъ. Партія, молъ, большая и съ деньгами составится. Ну, да гдѣ жъ мнѣ старику такимъ дѣломъ орудовать? Разоришься только—ничего больше. Оно допустимъ, грамотный я, и глаза еще зоркіе имѣю. Особливо мудренаго ничего я тутъ не вижу: картъ нѣсколько колодъ, запаси да слѣди—знай, сколько партій за ночь сыграли, сколько на твою долю проценту причтется... Да нѣтъ! Тьфу-тьфу, прости, Господи! Пущай сами снимають, мнѣ и думать-то объ этомъ грѣхъ!..

На слѣдующій день послѣ приѣмки новой партіи оба номера отворили и арестантамъ позволили размѣститься {въ камерахъ по собственному желанію. Немедленно изъ большой камеры въ меньшую нахлынула цѣлая толпа тѣхъ, у кого не было тамъ мѣста на нарахъ, и сдѣлалось вездѣ такъ тѣсно, какъ обыкновенно бываетъ тѣсно на этажахъ. И на полу, и даже подъ нарами—вездѣ помѣстился народъ. Шумъ стоялъ невообразимый. Махорочный дымъ и паръ отъ дыханья людей (не смотря на многолюдство, было довольно холодно) застилали воздухъ съ полу до потолка. Большая партія, приѣхавшая на пароходѣ изъ Благовѣщенска, была самого разноразнохарактернаго состава: были въ ней и простые безбилетные, отправлявшіеся по этапу на родину, были и осужденные уже по разнымъ дѣламъ въ каторгу и шедшіе теперь въ рудники; человѣкъ же двадцать должно было еще судиться въ Иркутскѣ. Эта послѣдняя группа, состоявшая изъ людей бо-

гатыхъ и нахальныхъ, видимо, верховодила въ партіи. Красно-рѣчивый рассказчикъ, съ которымъ обратники познакомились вчера сквозь дверную щелку, Красноперовъ по фамиліи, оказался господиномъ лѣтъ тридцати пяти, небольшого роста, съ очень блѣднымъ лицомъ и пронзливыми карими глазками, одѣтымъ въ сѣрый пиджакъ съ жилетомъ, на которомъ красовалась золотая цѣпочка безъ часовъ. Онъ также ѣхалъ судиться по дѣлу объ ограбленіи каравана и съ явною гордостью заявлялъ, что ему грозитъ веревка... Пятерыхъ-шестерыхъ товарищей, съ не меньшей гордостью готовившихся къ той же участи, онъ ругалъ за глаза дешевками и язычниками. Между прочимъ, Красноперовъ привелъ съ собой маленькаго мальчика лѣтъ семи, весьма бойкаго и развязнаго, закладывавшаго одну руку въ карманъ брюкъ, а другою неустанно лущившаго кедровые орѣхи.

— Вотъ нашъ Ринальдо-Ринальдони, атаманъ шайки!—громогласно отрекомендовалъ онъ мальчика нашимъ знакомцамъ Николаеву, Китаеву и другимъ.

Мальчикъ глядѣлъ на всѣхъ смѣло и самоувѣренно, переводя съ одного лица на другое свои пытливые сѣрые глаза, и усѣлся, какъ большой, на нары.

— Чей же это? Сынъ твой, што-ли?—полюбопытствовалъ Николаевъ.

— Нѣтъ, это сынъ знаменитаго еврея Пенто. Помните, того, что нѣсколько лѣтъ назадъ повѣшенъ былъ въ Читѣ вмѣстѣ съ купцомъ Алексѣевымъ за ограбленіе почты? Мать-то его за другого теперь вышла, тоже еврея, который ѣдетъ по нашему же дѣлу въ Иркутскъ судиться.

— И этого, надо быть, повѣсятъ?

— Надо быть, что такъ. Вотъ судьба малютки удивительная, а? Двухъ отцовъ имѣть и обоихъ на висѣлицу отправить! И вы не повѣрите, пожалуй, какой развитой мальчишка? Семи лѣтъ еще нѣтъ—и все понимаетъ, какъ взрослый. Онъ у насъ такъ и зовется атаманомъ шайки!

— Выдрать-бы его хорошенько—не сталъ-бы такъ звать-ся!—съ негодованіемъ заявилъ Николаевъ.

— Ха-ха-ха!—слышишь, Миша, что дѣдушка про тебя говорить?

— Руки коротки,—отрѣзалъ атаманъ шайки, нахально поглядѣвъ на дѣдушку и выплюнувъ изо рта орѣховыя скорлупки.—Сегодня въ карты станете играть?—полюбопытствовалъ онъ затѣмъ у своего покровителя.

Но послѣдній отошелъ уже въ сторону съ Китаевымъ, успѣвшимъ завязать съ нимъ близкое знакомство, и теперь держалъ какое-то таинственное совѣщаніе. Нѣсколько минутъ спустя они вдвоемъ подошли опять къ Николаеву.

— Ну, Павелъ Николаевъ! Я не зря совѣтовалъ тебѣ вчера майданъ сымать. Вотъ послушай, что говорить человѣкъ.

— Да, я вамъ скажу, что это дѣло точно подходящее. Имѣйте въ виду, что еврей Левенштейнъ мѣтитъ въ эту цѣль. Изъ одного этого можете понять, насколько выгодное дѣльце.

— Ну, и пушай его сымаетъ. Мнѣ-то што... По мнѣ хоть татаринъ сыми! Я хлѣба отнимать ни у кого не хочу; всѣ мы тутъ безъ отца, безъ матери, всякъ о себѣ промышляетъ.

— Не въ томъ дѣло, старикъ. А намъ, русскимъ, обидно будетъ, коли жида всю партію въ свои руки заберутъ. Имѣйте въ виду, ихъ тутъ много. Плохо намъ придется.

— Меня обидѣтъ никто не можетъ. Буду получать свои кормовыя—и вся тутъ. Ну, а коли ежели такая забота беретъ васъ, такъ сами бы и сымали майданъ.

— Дуракъ ты безмозглый, Николаевъ, истинный дуракъ! Да кабы у насъ деньги были, неужто-бы мы тебѣ предложили? Я тебѣ, какъ земляку, добра хочу. Сколько лѣтъ вибѣстѣ въ Шелаѣ прожили, не грѣхъ бы тебѣ, старому чорту, и постоять за своихъ.

— А съ чего я постою-то? Гдѣ у меня купила-то, чтобъ майданы сымать? Много-ль за него заплатить-то надѣтъ?

— Пустяки. Съ двухъ рублей начать. Ну, догонять, быть можетъ, до шести.

— Вона какой капиталъ нуженъ! Нѣтъ у меня этакихъ денегъ. Да и были-бъ—не купилъ бы. Это говорите вы только такъ, что партія ваша богатая, а поглядите-ка эвона, какіе сенаторы рядомъ со мной улеглись... Шуба-то прямо, небось, енотовая?.. Вшей-то, вшей-то, я думаю, сколько!

— Ну, какъ вамъ угодно, была бы честь предложена. У меня самого такіа деньги найдутся. Не хотѣлось мнѣ только мараться объ это дѣло. А жиду Левенштейну я все-таки не уступлю, ни за что не уступлю!

И новоиспеченные друзья отошли отъ старика прочь, заронивъ, однако, въ него тревожную думу. Скрестивъ руки на груди, медленной походкой пошелъ онъ въ большую камеру пошататься промежъ народа, прислушаться къ бесѣдамъ и присмотрѣться къ новымъ лицамъ.

Впечатлѣніе отъ этой прогулки вынесъ онъ, повидимому, благоприятное. Народъ, дѣйствительно, казался богатымъ. Нѣсколько разъ въ теченіе дня онъ самъ подходилъ послѣ этого къ Китаеву и заговаривалъ о майданѣ.

— Ты говоришь, Китаевъ, майданъ-моль... Да вѣдь гдѣ жъ мнѣ оборудовать такое дѣло, старъ я...

— А чего тамъ орудовать? Сторговать, купить—и баста. Пойми ты, старый чурбанъ, что никто вѣдь тогда окромя

тебя во всей партіи не будетъ въ правѣ ничѣмъ торговать! Одной торговлей вернешь себѣ то, что заплатишь. А карты? Ты подумай только, какая игра тутъ пойдетъ. У меня, братъ, заранѣе руки чешутся... Тутъ еврей одинъ есть—прошлую ночь, говорятъ, двѣсти цѣлковыхъ спустилъ и хотъ бы поморщился. Еще столько же спустить готовъ. Съ двухсотъ на твою долю двадцать рублей пришлось-бы... Вотъ и смекни, дуракъ. Идти-то намъ придется до Верхнеудинска два мѣсяца, а заплатишь ты всего какихъ-нибудь шесть рублей.

— Говорится только такъ, что шесть, а хорошо я знаю, что и до всѣхъ десяти догонять.

— Ну, да хотъ бы и десять. Развяжи кошну-то, аспидъ.

— Нѣту у меня столько-то денегъ, говорю тебѣ—нѣтъ. Да и то еще: надо вѣдь товарища нанять, помощника.

— И найми.

— Кого наймешь? Тутъ добросовѣстный человѣкъ нуженъ. Вотъ кабы Оська Непомнящій пошелъ, на харчи бы мои поступилъ. А еще бы лучше ты, Катаевъ. Я знаю, что ты подлецъ и мошенникъ; ну, да меня-то старика, ты, я знаю, не обидѣлъ бы...

— Тамъ видно будетъ... Купи ранше!

— Нѣтъ, ужъ Богъ съ имъ, съ майданомъ... Нѣтъ, нѣтъ! Отойти отъ меня, искушеніе сатанино! Посѣти меня царь Давыдъ и кротость его!

— Зацѣль опять свое... Да душа изъ тебя вонъ и изъ Давыда твоего! Тѣфу! Пошелъ отъ меня ко всѣмъ дьяволамъ, асмодей бездушный! Пропади ты и съ деньгами своими, издохни на нихъ, песь смердящій!

— Экую чужь городишь! Экую чужь прешь!—укоризненно качалъ головой Николаевъ и медленно отходилъ еще разъ прочь.

У всякаго свое дѣло и свои заботы. Наиболѣе замкнуто и странно ведутъ себя супруги Перминовы. Оба, видимо, чего-то волнуются, изъ-за чего-то ссорятся, хотя все происходитъ подъ сурдинкой, сора изъ избы не выносятся. Мужъ тихимъ шопотомъ дѣлаетъ женѣ какія-то внушенія. Наконецъ, она не выдерживаетъ и ударяется въ слезы.

— Всегда вотъ такъ, всегда такъ... Что-жъ я худого сдѣлала? Знакомый человѣкъ отыскался, почему жъ было не поговорить? Почему чаю стакана не предложить? Ты же самъ нашелъ какихъ-то тоже знакомыхъ, цѣлый часъ въ томъ номеру просидѣлъ—я ничего...

Волнуясь, она возвышаетъ постепенно голосъ, привлекая къ себѣ вниманіе публики.

— Цыц!—гнѣвно шепчущимъ голосомъ останавливаетъ ее мужъ; глазами онъ точно собираетъ ее проглотить и весь дрожитъ отъ сдерживаемой внутри ярости.

Отъ вниманія Китаева не ускользаетъ эта семейная сцена.

— Ба! Глядите, ребята,—кричитъ онъ съ другого конца камеры:—Перминовъ, надо быть, опять свою жену приревновать. Ужъ не къ нашему-ль старцу божію? Бѣда бабѣ—да и на! Ночью мѣшками ее со всѣхъ сторонъ обладываетъ, чтобъ кто-нибудь поддѣвать не прихитрился, а днемъ выйти, съ позволенія сказать, одну не пускаетъ. Эй, тетка! Да плюнь ты на него, старика хрѣна. Мало-ль тутъ молодчиковъ есть почище его. Хоша бы меня взяла—полюбила.

— Да и вѣрно, дяденька, что ревнуетъ... Житья просто не стало,—отзывается вышедшая изъ себя тетка.—Людей-то хоть бы постыдился! Кто ужъ позарится теперь на меня? Пятьдесятъ вѣдъ второй годъ...

— Шкура ты, шкура,—рычитъ на нее мужъ, злобно сверкая глазами:—какъ почну я тебя лупить, какъ почну лупить, такъ будешь ты знать тогда, какъ честная жена должна вести себя.

— А чѣмъ я неладно себя веду?

— А тѣмъ, что со всякимъ проходимымъ хвостомъ готова крутить.

— Гдѣ я хвостомъ-то кручу?

— Тамъ узнаешь гдѣ... Стерьва!

И вслѣдъ за этими словами послышался звонкій ударъ пощечины. Женщина громко зарыдала. Вся камера, какъ одинъ человѣкъ, ополчилась противъ такого самоуправства (единственно потому, конечно, что всѣ единодушно ненавидѣли Перминова): Китаевъ произнесъ даже цѣлую горячую рѣчь въ защиту гуманности вообще и женской слабости въ частности и чуть не полѣвъ въ драку съ Перминовымъ. Наконецъ, послѣдній, плюнувъ въ сердцахъ, ушелъ въ сосѣднюю камеру. Жена же его долго еще сидѣла и плакала. Старикъ Николлаевъ подошелъ къ ней съ разспросами. Лицо у нея, не смотря на пятьдесятъ два года, о которыхъ она только что заявила, довольно еще молоджавое и миловидное. Повидимому, было время, когда она знала лучшую жизнь. Въ сердцѣ ея, въ этомъ покорномъ и забитомъ сердцѣ, должно быть, много накопило злости и протеста: оглядываясь безпрестанно на дверь, скороговоркой и вполголоса она рассказала Николаеву всю свою жизнь.

— Ты его, дѣдушка, не слушай, что онъ о своемъ благочестіи тебѣ сказывалъ. Разбойникъ былъ, настоящій разбойникъ. И чѣмъ приколдовалъ меня—право, сама не могу въ толкъ взять—ни красивый, ни богатый, ни разумный... Пенъ

пнемъ! Я вѣдь за второго за него вышла. Отъ перваго-то мужа у меня дочка ужъ взрослая есть. Объ Сашенькѣ-то я пуще всего и крушусь. Что-то теперь съ ней, голубонькой моей, стало? Хорошенькая-то какая была, кабы ты видѣлъ, деликатная, нѣжная, ровно барышня... Повѣришь-ли: и ее-то вѣдь онъ околдовалъ! Домогался тоже... угрозы дѣлалъ... и меня не стыдился!

— Чего жъ ты не бросишь его, такого варвара?

— Да вѣдь я не вольная была. Я вѣдь тоже съ лишеніемъ правъ пришла. Онъ и меня въ эти дѣла свои вовлекъ... Потому какъ я не доносила и укрывала... За это и осудили. Теперь, говорить, манафестъ долженъ быть примѣненъ ко мнѣ, да вотъ узнать не могу настоящимъ образомъ—въ какомъ смыслѣ примѣненъ. Самъ-то, надо быть, знаетъ, а мнѣ не говорить и у людей спрашивать не даетъ.

— Что-жъ онъ—силой, значить, держать тебя?

— Угрозами, дѣдушка... Все вотъ хочу съ добрыми людьми посоветоваться, какъ бы уйти лучше, да никакъ невозможно—сторожить. Да еще вѣдь что: хочеть, чтобъ я и Сашеньку куда же къ намъ звала.

Но тутъ разсказчица прикусила внезапно языкъ, потому что Церминовъ показался опять въ дверяхъ, подозрительно оглядывая Николаева, который сидѣлъ рядомъ съ женой, румяный и видимо взволнованный.

— Я прошу вотъ дѣдушку письмецо къ Сашенькѣ написать,—поспѣшила она объявить мужу съ дѣланной, заискивающей улыбкой.

Церминовъ принялъ тотчасъ же свой обычный медоточивый видъ и началъ просить Николаева сочинить письмо, не откладывая въ долгій ящикъ. Старикъ не заставилъ себя уговаривать и, доставъ листъ сѣрой бумаги, перо и чернила и вооружившись огромными старомодными очками въ черепаховой оправѣ, немедленно приступилъ къ сочинительству. Сперва слѣдовали обычные поклоны всей роднѣ и знакомымъ, затѣмъ обычное же: «Посылаю тебѣ, любезная дочь моя Сашенька, материнское свое благословеніе, которое можетъ быть вамъ полезнымъ до гробовой вашей доски». Дальше расписывались яркими красками прелести и выгоды жизни въ Забайкальской области и, въ заключеніе, предлагался Сашенькѣ совѣтъ бросить неблагодарную родину и ѣхать къ любящимъ родителямъ на новую, болѣе счастливую жизнь.

Старуха все время заливалась слезами, пока писалось письмо, однако такъ и не посмѣла высказать какое-нибудь противорѣчіе тому, что диктовалъ мужъ. Взглядъ его зеленыхъ глазъ, казалось, усыплялъ въ ней всякую мысль, подавлялъ всякое движеніе ея собственной воли. И Николаеву.

было несомнѣнно, что мечты. ея уйти отъ него такъ и останутся навсегда пустыми, несбыточными мечтами...

Только что заперли послѣ вечерней повѣрки корридоръ, оставивъ на этотъ разъ камеры отворенными, какъ кто-то прокричалъ зычнымъ голосомъ, чтобъ всѣ сходились въ одно мѣсто на выборъ артельныхъ чиновниковъ. Арестанты повалили тотчасъ же въ большую камеру, одни движимые общественными инстинктами, другіе—простымъ любопытствомъ. Въ меньшей камерѣ остались на мѣстѣ только Боруховичи, Перминовы да сумасшедшій Бова, неподвижно сидѣвшій въ своемъ углу въ шапкѣ и шубѣ, сучившій какую-то веревку и ворчавшій себѣ подъ носъ какія-то заклинанія. Даже 76-лѣтній Тимофеевъ съ своимъ длиннымъ табачнымъ носомъ и клеймомъ на морщинистомъ лбу поплелся вмѣстѣ съ другими. А впереди всѣхъ неспѣшными шагами двигался въ своей бѣлой рубахѣ, сложивъ на груди руки и нѣсколько насмѣшливо улыбаясь, старикъ Николаевъ.

— Ну, что, не надумалъ, асмодей? — хлопнулъ его по плечу суетливый Китаевъ и, не дождавшись отвѣта, побѣжалъ впередъ розыскивать Красноперова. Но Красноперовъ уже самъ заявилъ о себѣ. Взобравшись на нары, онъ закричалъ къ собравшейся толпѣ:

— Не будемъ терять, господа, времени. Что касается старосты, то мы всѣ здѣсь смѣло можемъ увѣрить обратную партію, что лучше прежняго нашего старосты Свистунова желать нельзя. Да и выбрать больше некого.

— Какъ некого? Соколова можно выбрать, а не то Иванова, послышался чей-то голосъ изъ заднихъ рядовъ.

— Чего тутъ разговаривать? Свистунова оставить! обратная партія согласна! — заглушила его крикливая глотка Китаева, уже успѣвшаго снюхаться и со Свистуновымъ.

— Свистунова! Свистунова!

— Соколова!

— Ну, такъ, значитъ, рѣшено, господа, оставимъ Свистунова, — заключилъ Красноперовъ, какъ-бы не разслышавшій другихъ голосовъ. — Остается теперь болѣе важное дѣло — продажа майдана. А то насидимся въ дорогѣ безъ чаю, сахару и табаку. Сколько же дадите за майданъ, старики?

Всѣ молчали.

— Я самъ готовъ дать три рубля, — заявилъ тогда Красноперовъ.

— Три рубля. Кто больше? — закричалъ, появляясь вдругъ на тѣхъ же нарахъ и беря въ свои руки бразды правленія,

староста Свиштуновъ, мужчина атлетическаго сложенія съ розовыми надутыми щеками и длинными рыжими усами.

— Четыре рубля даю,—отозвался красивый брюнетъ съ гладко выбритыми щеками, одѣтый въ черный скюртукъ и сѣрые клѣтчатые брюки. Очевидно, это и былъ еврей Левенштейнъ, о которомъ предупреждалъ Красноперовъ.

— Слышите: четыре... Кто больше?

Красноперовъ предложилъ шесть рублей, Левенштейнъ восемь. Послѣ того Красноперовъ замолкъ. Свиштуновъ готовился уже выкрикнуть, что майданъ поступаетъ къ Левенштейну, какъ вдругъ съ противоположной стороны, изъ толпы, послышался негромкій и точно охрипшій нѣсколько голосъ, заставившій всѣхъ невольно обернуться:

— Пятьдесятъ копѣекъ набавляю.

— Ба! землячокъ? Это ты?—изумился обрадованный Китаевъ:—не уступай, не уступай, братъ, жиду, подаржи нашихъ!

Всѣ захохотали и протолкали Николаева впередъ къ нарамъ, гдѣ происходила борьба.

— Пятьдесятъ копѣекъ набавляю,—повторилъ онъ еще разъ, откашливаясь, и смѣло взглянулъ на противника своими сѣрыми пронипательными глазами.

— Десять рублей даю,—объявилъ Левенштейнъ.

— Пятьдесятъ копѣекъ набавляю!—невозмутимо отозвался Николаевъ.

— Двѣнадцать рублей!

— Двѣнадцать съ полтиной...

— Четырнадцать.

— Четырнадцать съ полтиной...

— Ого-го-го! Молодчица старикъ. Не уступаетъ! не робѣетъ!

— Ая, да Павелъ Николаевъ. Знай нашихъ шелайскихъ!

— Да и не уступлю... Вы какъ думали?—пріосанившись, заявилъ Николаевъ, торжественно оборачиваясь къ толпѣ и вызывая въ ней взрывъ сочувственнаго хохота.

— Значитъ, четырнадцать съ полтиной. Кто больше?

Левенштейнъ совѣтовался съ кучкой товарищей. Рядомъ съ нимъ очутился и Красноперовъ, тоже что-то шепнувшій ему.

— Второй разъ четырнадцать съ полтиной... Кто больше?

— Шестнадцать рублей,—сказалъ Левенштейнъ.

— Шестнадцать съ полтиной,—какъ эхо, откликнулся Николаевъ.

Онъ былъ, видимо, взволнованъ и красенъ, какъ вареный ракъ, но на лицѣ написана была твердая рѣшимость. Китаевъ, въ искреннемъ восторгѣ, то-и-дѣло посылалъ ему громкія одобренія.

— Не робѣй, дружище, катай-его! Закатывай!

— А чего думаешь? И не обробѣю!—хвастался расходившійся старичина:—такъ прямо до сотни и стану гнать.

Толпа отвѣтила на эти слова новымъ радостнымъ гоготаніемъ.

— Не старикъ это, а прямо—два съ боку!

Однако, кто-то изъ благоразумныхъ подошелъ къ нему и дружески предупредилъ, что майданъ врядъ-ли стоитъ такихъ денегъ.

— Сказалъ: до сотни гнать буду!—не слушая, крикнулъ на него Николаевъ и нетерпѣливо махнулъ рукой.

Левенштейнъ пытливо посмотрѣлъ на него.

— Двадцать рублей,—провозгласилъ онъ торжественно.

— Двадцать съ полтиной,—далъ свой обычный отвѣтъ Николаевъ, доводя веселье толпы до истерики.

Левенштейнъ отступился... Свистуновъ ударилъ кулакомъ по нарамъ.

— Майданъ за тобой, старикъ! Половину денегъ, по обычаю, сейчасъ-же внеси.

Не успѣла состояться продажа майдана, какъ начали подбираться игроки. Они сошлись въ меньшей камерѣ, гдѣ у одной изъ стѣнъ находилось единственное мѣсто во всемъ этапѣ—казалось, совершенно укрытое отъ зоркихъ глазъ конвойной команды. Тутъ очутились и Китаевъ съ Красноперовымъ, и еврей Левенштейнъ, только что пытавшійся отбить у Николаева майданъ, и много другихъ любителей сильныхъ ощущений. Стремщикъ стоялъ уже на своемъ посту, и остановка была только за майданщикомъ, который обязанъ былъ доставить карты, свѣчу и устроить наблюденіе за ходомъ игры. Николаева невозможно было узнать. Куда дѣвались его степенность, солидность, неунывающая безмятежность, которыми еще недавно онъ такъ выгодно отличался отъ арестантской шпанки. Неопытный, совсѣмъ сбитый съ толку, облитый потомъ, ярко разбурчавшійся, онъ комично бросался изъ стороны въ сторону, жалкій, безпомощный, какъ мокрая курица, не зная что дѣлать, съ чего начать. Кобылка безжалостно издѣвалась и острила надъ нимъ. Наконецъ-то, удалось ему завербовать себѣ въ помощники татарина Мангирова, азнавшаго толкъ въ игрѣ и согласившагося наняться за извѣстную плату. Разостлали на полу коврикъ, зажгли сальную свѣчу, стали сдавать карты. Мангировъ прикурнулъ возлѣ играющихъ съ намѣреніемъ записывать число сыгранныхъ партій, отъ которыхъ майданщику шелъ десятипроцентный доходъ. Самъ же Николаевъ, потѣшая собравшуюся толпу любопытныхъ, хо-

диль вокругъ, волнуясь и ударяя себя безпрестанно руками по бедрамъ, и говорилъ:

— Эвона въ какую бѣду самъ себя втюрилъ! Вотъ драть-то бы кого, стараго дурака, надо! Не было никакой заботы, лежалъ себѣ на боку, припѣваючи, такъ нѣтъ! надыть было такую обузу на плечи себѣ взвалить. Ну, не диво-ли, люди добрые, а? И когда теперь выберешь эти двадцать съ половиной, а?

— Пропала теперь твоя голова, старикъ!— смѣялись надъ нимъ арестанты:—еще погоди, прикладовъ отъ капитана Петровскаго отвѣдаешь!

— Да неужто?!

Но только что сдѣлалъ онъ этотъ вопросъ, полный самаго комичнаго и неподдѣльнаго ужаса, какъ произошло нѣчто необыкновенное. Гдѣ-то въ отдаленіи что-то вдругъ звякнуло, точно быстро отбрасываемый дверной засовъ; послышался шумъ проворно улетающихъ ногъ; огни сразу вездѣ потухли; арестанты, даже вполне ни въ чемъ неповинные, торопились взобраться на нары, юркнуть подъ халаты и притвориться спящими. А по корридорѣ бѣжали уже солдаты съ ружьями на перевѣсь, освѣщаемые фонаремъ дежурнаго и поощряемые чѣмъ-то властнымъ окрикомъ:

— Бейте ихъ, мерзавцевъ! Я покажу имъ карты!

И вотъ кого-то настигли въ корридорѣ: раздался звонъ оплеухи, стукъ приклада и вслѣдъ затѣмъ верещанье точно подхваченнаго зубами псовъ зайца.

— Помилуйте, шпашите!.. ваше вишোকоблагородіе, я не причемъ... Отпустите дусу на покаянье!

— Ну, жда нашего поймали, Вороховича, — промолвилъ Китаевъ изъ-подъ своего халата:—въ чужую влетѣлъ!

Истерическій визгъ женщины былъ продолженіемъ сцены: это больная Ента бросилась на помощь своему злополучному мужу. Ей отвѣчалъ плачъ проснувшихся ребятишекъ.

— Ты стремщикъ? Ты сторожилъ играющихъ?—кричалъ, топая ногами, офицеръ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, я честный еврей, я по своему дѣлу къ nocturnu усату ходилъ.

— Онъ мой мужъ, ваше благородіе, мой мужъ... У насъ большая семья... Мы бѣдные евреи...

— А коли такъ, нечего шлаться по ночамъ. Убирайся скорѣй по добру, по здорову на нары.

Маленькая, невзрачная фигурка грознаго капитана, въ сопровожденіи цѣлой оравы солдатъ, вооруженныхъ ружьями и фонарями, появилась въ камерѣ. Онъ медленно обшелъ ее кругомъ, пристально вглядываясь въ лежавшія по нарамъ неподвижныя, какъ трупы, фигуры арестантовъ.

— Сразу на всѣхъ сонъ напалъ,—обратился онъ иронически къ солдатамъ:—въ слѣдующій разъ всякаго, кого поймаете на стремѣ или за картами, отводите въ баню.

И съ этими загадочными словами капитанъ Петровскій прослѣдовалъ въ другую камеру. Черезъ четверть часа опять послышался лягъ запираемыхъ засововъ, и, наконецъ, все смолкло.

Очнувшись отъ временнаго оцѣпенѣнія, арестанты начали мало-по-малу выползать изъ своихъ норъ. Послышались разговоры, сперва робкіе и негромкіе, потомъ насмѣшливые и веселые.

— Антипы проклятые!—завопилъ Журавль.

Китаевъ потѣшался надъ побитымъ Боруховичемъ.

— Что, братъ Мойша? Бока-то садятъ, небось, а?

— Да порядкомъ-таки отдѣлали, черти... подъ орѣхъ!

— Ха-ха-ха! каковъ капитанъ? Онъ, братъ, чохъ-мохъ не разбираетъ, лупить кого попало. Пардону запросилъ?

— Запросилъ-бы и ты... А про какую это онъ баню говорилъ?

— Жаль, что тебя не сводили туда. Выпарили-бъ тебя тамъ березовыми вѣниками такъ, что ты и жиловки своей, и жиденятъ не призналъ бы... Вотъ стремчика нашего тоже не мѣшало бы отлупить путемъ. Не зѣвай, подлецъ, коли деньги берешь!

— Ужъ это вѣстимо.

— А гдѣ же, братцы, нашъ майданчикъ? Ужъ не въ баню-ль его отвели, сердечнаго?

— Да не хуже, братъ, бани!.. отозвался изъ-подъ халата голосъ Николаева, за которымъ послѣдовалъ взрывъ хохота въ камерѣ:—едва-едва ноги уволокъ... Вотъ жизнь-то себѣ нажилъ, тусишь колыванскій! Знаешь что, Китаевъ? Купи ты у меня майданъ, право слово, купи. За пятнадцать цѣлковыхъ отдамъ, куда ни шло.

— Нашелъ дурака. Ты думаешь, старый колпакъ, Левентейнъ и вправду хотѣлъ купить? Да мы тебя, аспида, нарочно только раззадоривали, дразнили, какъ индѣйскаго пѣтуха.

— Ой-ли?

— Да вотъ тѣ и ой-ли. Ты, гляди, и въ полгода не выберешь своихъ двадцати рублей при этакихъ строгостяхъ. Что изъ того, что обратная партія? Одно названье только, когда двадцать молодцовъ прямо на вѣшалицу идуть съ нами.

— Такъ что-жъ дѣлать мнѣ таперича? Эвона въ вашу какую залѣзъ, въ страмъ какой, во тьму какую кромѣшную! И не стыдно тебѣ, Китаюшка, такъ надъ товарищемъ старымъ надсмѣхаться? Зачѣмъ же ты соблазнялъ меня? Какое я зло тебѣ сдѣлалъ?

— Ничего, не робѣй, старичина. Еще все можно попра-

шая ужъ дѣвушка. Пока замузъ не выйдешь и своихъ дѣтокъ не назывешь, обшивай насъ, чини, стряпай, сопли намъ вытирай. Да. Мамаса была такая зенщина, такая зенщина... Нѣтъ, Хася, нѣтъ, Брухъ, никогда не было больше и не будетъ на свѣтѣ такой зенщины. Я правду говорю. И вы всѣ должны стараться такими жъ стать, какъ она.

— А сколо, папаса, на этапъ мы плидемъ?—спрашиваетъ бойкая рыженькая Сурэлэ.

— Скоро, скоро, дочка. Вотъ эту сопку обогнемъ, тамъ и этапъ, говорятъ, будетъ.

— А завтла опять этапъ?

— Завтра опять этапъ.

— А потомъ что?

— Потомъ? Потомъ дневка.

— А послѣ дневки?

— Ну... тамъ опять этапъ.

— А потомъ что?

— Потомъ? Потомъ сама увидишь. Какъ приѣдемъ только въ Горный Зелентуй, такъ всѣхъ васъ, дѣточки, въ приютъ возьмутъ. Это такой хоросый домъ, такой хоросый, что вы и не видали еще такого... Надѣнуть на васъ цистыя передники, бѣлые капорчики. Много тамъ и другихъ дѣвоцекъ и мальчиковъ съ вами будетъ. Весело, хорошо. Тепло и сытно. Только учыться надо хорошо и начальства слусаться.

— А чѣмъ насъ кормить тамъ будутъ?

— Хорошо кормить будутъ. Хлѣбомъ и говядиной, и щами, и вшѣмъ такимъ.

— И молокомъ тоже?

— Ну, и молокомъ по праздникамъ.

— И цаемъ?

— Вишь, воструха, цего захотѣла! Ну, цаемъ не цаемъ, а березовой каши вдосталь дадутъ.

— А другіе мальчики и дѣвочки тоже будутъ учиться?

— Тоже.

— А они доблые?

— Добрые...

— А кто за этой вонъ сопкой зиветь?—спрашиваетъ вдругъ маленькая черноглазая Рухеню.

— Люди.

— А за той кто?

Среди такихъ разговоровъ время проходитъ незамѣтно, и партія подходитъ, наконецъ, къ этапу. Къ счастью для Мойши, партія не особенно большая и буйная, и добываніе мѣста на нарахъ достается иногда безъ большихъ хлопотъ. Но временами приходится всетаки круто. Этапы между Стрѣтнскимъ и Зерентуемъ одни изъ самыхъ убійственныхъ... Тѣснота, грязь,

холодъ имѣють мало равныхъ себѣ на протяженіи всего великаго сибирскаго «пути слѣдованія». Самыя названія у этихъ этаповъ какія зловѣщія, заранѣе тревожащія воображеніе: Удинскіе Кавыкучи, Газимурскіе Кавыкучи... «Съ Кавыкучей на Кавыкучи—глаза повыпучи», острять неунывающіе арестанты насчетъ сорокаверстнаго пути между этими этапами. Шалопугина, Тайна, Солонцы... Поперечный Зерентуй, Горный Зерентуй, или, какъ называютъ его каторжные, Горькій Зерентуй.

Нѣкоторые изъ этихъ этаповъ таковы, что пребываніе въ нихъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ въ теченіе холодной январской ночи подъ замкомъ, на взглядъ каждаго человѣка, способнаго мыслить и чувствовать по-человѣчески, было бы невозможно. Но дѣйствительность, а тѣмъ паче сибирская дѣйствительность по-человѣчески не чувствуетъ и не разсуждаетъ, и невозможное оказывается для нея настолько возможнымъ, что въ эти тѣсные и ледяные свинюшники загоняется порой людское стадо въ полтораста головъ! Ворчитъ кобылка, негодуетъ кобылка, даже протестуетъ, вызывая къ себѣ унтеръ-офицера и пытаясь внушить ему идеи человѣколюбія и справедливости; но кончается дѣло, разумѣется, тѣмъ, что кобылка подчиняется своей участи: ее загоняють въ свинюшникъ, куда ставится на ночь вонючій ушатъ-параша, и запирають на замокъ. Конвой всегда ужасно труситъ и ни за что не соглашается поставить ушатъ въ корридоръ, хотя бы и съ часовымъ возлѣ двери. Замокъ представляется дѣломъ болѣе надежнымъ: въ караульномъ домѣ тогда хоть всю ночь играй въ карты, арестанты не кинутся «на ура», не разбѣгутся, не перебьютъ солдатъ. Куда и зачѣмъ побѣгутъ арестанты въ зимнее время, холодной, темной ночью, когда вокругъ этапа высятся еще грозныя пали, охраняемыя наружными часовыми? Въ тайнѣ души всякому ясно, что страхи эти—однѣ пустыя фантазіи, но официально считаютъ нужнымъ относиться къ нимъ самымъ серьезнымъ образомъ.

Уже смеркается, когда партія, голодная и избыточная, прибѣгаетъ на одинъ изъ подобныхъ этаповъ. Съ неизбежной перебранкой, безтолковщиной, а подчасъ и дракой арестанты размѣщаются въ отведенномъ имъ стойлѣ. Боруховичу съ чадами (бываютъ и такіе случаи) достается мѣсто на полу подъ нарами, возлѣ самой параша, гдѣ холодный воздухъ всякій разъ, какъ растворяется дверь, обдастъ ихъ, точно ледяной душой. Всѣ дѣтишки страшно кашляютъ, и не будь у нихъ предварительной многолѣтней закалки, конечно, давно бы уже на смерть простудились. Но слава Богу, что хоть и такое-то мѣсто отыскалось: сегодняшній этапъ всѣмъ этапамъ слава и образецъ! Въ маленькой каморкѣ народу набилось, точно

сельдей въ бочкѣ. Страшно поглядѣть, что происходитъ тамъ, въ глубинѣ ея: лязгъ цѣпей, сопровождаемый не менѣе страшной бранью, визгливые крики женщинъ, плачь дѣтей, тѣло на тѣлѣ, голова надъ головою... Ужасающая духота и жара вверху, холодъ и сырость, соединенные съ невыносимымъ смрадомъ, внизу подъ нарами, гдѣ тоже копошатся въ темнотѣ живыя существа, масса дѣтей, мужчинъ и женщинъ...

— А намъ вѣдь, дѣточки, пофортило сегодня, цто мы у дверей захватили мѣсто, — пробуетъ утѣшить себя и ребятшекъ глубокомысленный Боруховичъ: — тамъ задохнуться можно, право слово, можно... А здѣсь ничего, вольготно...

Дѣтишки просятъ ѣсть, но еще не выданы кормовыя. Проходитъ добрыхъ два часа, пока староста получить ихъ, наконецъ, отъ унтеръ-офицера и раздѣлить партіи. Мойшѣ удается купить у торговцевъ нѣсколько прѣсныхъ шанегъ съ творогомъ и картошкой, вскипятить котелокъ съ водой и заварить въ немъ кирпичнаго чаю. Последнее достается, впрочемъ, цѣною крупной перебранки съ арестантами и даже двухъ-трехъ толчковъ въ грудь, такъ какъ у единственной печки толпится куча народу, и за каждый уголокъ идетъ борьба чуть не на жизнь и смерть.

— Куды лѣзешь, жидъ порхатый? Развѣ не видишь, тутъ прежде тебя люди стоятъ?

— А цто-жъ, я развѣ не целовѣкъ? Мои дѣти не такіе-жъ, какъ твои? Такъ же пить-ѣсть не хотятъ?

— Ахъ ты, чувырло жидовское! Туда же разговаривать! Туда же въ человѣки лѣзешь!

Но Мойша не сдается и упорно отстаиваетъ свои права человѣка. На колотушки онъ вниманія не обращаетъ, на брань — того меньше. Вотъ его «дѣточки» напоены, накормлены. Маленькія уже прикурили и спать, сплетаясь другъ съ другомъ ручонками и закутавшись во всевозможное арестантское барахло, старшіе же еще копошатся, приводя въ порядокъ разныя хозяйственныя принадлежности. Въ сознаніи честно исполненнаго за сегодняшній день долга, самъ Боруховичъ лежитъ, развалившись на пубѣ, и мечтаетъ. О чемъ онъ мечтаетъ? Объ умершей женѣ, о счастливомъ прошломъ, о дѣтяхъ, о предстоящемъ имъ будущемъ? Или просто прислушивается къ разноголосымъ звукамъ, несущимся изъ того крошечнаго ада, который представляетъ собою камера? Нерѣдко, лежа на спинѣ и заложивъ руки за голову (любимая его поза во время этихъ вечернихъ отдыховъ), онъ напѣваетъ вполголоса какую-то длинную, монотонную, заунывную арестантскую пѣсню, единственную, которую онъ знаетъ, и, въ которой можно разобрать только одинъ часто повторяющійся стихъ:

Щудьба моя несчастная...

— Эй, жида!—кричитъ ему кто-то изъ темноты подъ нарами:—не эту-ль пѣсню вы пѣли, какъ изъ земли египетской васъ выгоняли?

— А ты Фараономъ былъ тогда, что-ли?—бойко огрызается Боруховичъ и иногда, въ знакъ высшаго презрѣнiя, прибавляетъ какъ-бы про себя, любимую свою поговорку:—тозе, видно, корова, и тозе издохнуть хочетъ.

— Вишь, гадина, еще и лаетъся,—отвѣчаетъ неизвѣстный, особенно почему-то обиженный названiемъ фараона.—А слыхали-ль вы, братцы, какъ жида промежъ себя ругаются? Я слыхалъ. Одинъ говоритъ другому: «Чортъ побори твоего отца!» А тотъ отвѣчаетъ: «Врешь, дѣда твоего!» Первый ему: «И отца, и дѣда, и прадѣда твоего дѣда!» Тогда другой не выдерживаетъ и кричитъ: «Я хочу, чтобъ у тебя былъ домъ, и въ этомъ домѣ было сорокъ комнатъ, и въ каждой комнатѣ по сорока кроватей. И пусть тебя сорокъ дней трясеть лихорадка, такая, чтобъ перебрасывало тебя съ кровати на кровать, изъ комнаты въ комнату». Вотъ какъ, ребята, жида бранятся.

— Ну, спи, дьяволь!—толкаетъ рассказчика жена, и подъ нарами водворяется безмолвiе.

Наконецъ, показался и Горный Зерентуѣ, конечная цѣль пути партiи. Поднявшись на гору, арестанты увидали въ отдаленiи бѣлую каменную тюрьму и большую прилегающую къ ней деревню съ церковью по срединѣ. У каждого невольно сжалось сердце отъ смѣшаннаго чувства радости, что окончились долговременныя мытарства этапнаго путешествiя, и вмѣстѣ тревоги за близкое, но невѣдомое будущее. Вотъ она, каторга! Какова-то она? Лучше или хуже дороги? Ну, никто какъ Богъ, вездѣ люди.

Для Боруховича каторга не была новостью, онъ переводился только изъ одной тюрьмы въ другую. Тѣмъ не менѣе и у него сердце забилося въ груди сильнѣе... Одни дѣтиски не чувствовали ни малѣйшей тревоги и радостно указывали другъ другу на ярко бѣлѣвшiя стѣны централа. Они столько слышали о Горномъ Зерентуѣ, родители ихъ столько мечтали о переводѣ въ эту тюрьму, что она представлялась имъ воображенiю чѣмъ-то въ родѣ земнаго рая, или по меньшей мѣрѣ такого мѣста, гдѣ не будетъ больше ни холода, ни голода.

Пѣшіе арестанты прибавили ходу; лошади, почуявъ близость стойла, заржали и побѣжали веселой рысцой. Вотъ потянулись уже и дома чиновниковъ тюремнаго вѣдомства, почтовая контора, каторжное управленiе; вотъ, наконецъ, и

самая тюрьма, большое, красивое, чистое зданіе, ослѣпительно сіяющее на зимнемъ солнцѣ своей бѣлой каменной оградой. Точно не тюрьма, а какой-то фантастическій замокъ рыцарскихъ временъ съ башнями, амбразурами, рвами, подъемными мостами. Все ново, невидано для глаза, привыкшаго къ грязи и неприглядности сибирскихъ этаповъ. Партія остановилась у воротъ, въ ожиданіи пріеми.

Явился помощникъ смотрителя, молодой еще человѣкъ небольшого роста, круглый, плотный, привѣтливый и, видимо, беззаботный по части службы. Принималъ онъ быстро, читая по списку фамиліи арестантовъ, прибавляя къ нимъ по временамъ безобидныя остроты и дѣлая бѣглый осмотръ казеннымъ вещамъ. Мужчинъ надзиратели уводили по одиночкѣ въ ворота тюрьмы, женщинъ съ дѣтьми пускали въ вольные бараки, а нѣкоторыхъ изъ ребятишекъ тутъ же заносили въ списокъ кандидатовъ на помѣщеніе въ пріютъ. Дошла очередь и до Боруховича.

— Ну, братъ, ты двадцатилѣтній? Тюремный житель! За ворота!—улыбаясь, прокричалъ ему помощникъ.

— А дѣтишекъ моихъ въ пріютъ отошлете?—робко спросилъ Мойша, подобострастно держа въ рукахъ шапку и склонивъ бритую голову.

— Какихъ дѣтишекъ?

— А вотъ этихъ самыхъ, пятерыхъ... Старшій сынъ Абрамъ, одиннадцать лѣтъ, и четыре дѣвочки: десяти, восьми, шести и четырехъ лѣтъ.

— А мать гдѣ?

— Мать на томъ свѣтѣ. Дорогой померла.

— Вотъ такъ штука! Какъ же быть?—смутился безпечный чиновникъ:—сразу нельзя вѣдь въ пріютъ ихъ отправить... Да постой, братъ, постой: ты еврей?

— Еврей, васа благородіе.

— То-то, я смотрю, языкъ будто недоклепанъ,—обрадовался помощникъ, точно отыскавъ вдругъ желанный исходъ:—Ну, такъ дѣтей твоихъ въ пріютъ не примутъ.

— Какъ не примутъ?

— Да такъ. Приказъ есть отъ попечителя пріюта, чтобъ еврейскихъ дѣтей былъ извѣстный только процентъ; а ихъ и такъ ужъ незаконное число. Какъ же тутъ быть? Эй, Трофимовъ!—обратился онъ къ одному изъ надзирателей:—бѣги, паря, сейчасъ же къ смотрителю, скажи, что я прошу по важному дѣлу. Ну, а ты, братецъ, ступай теперь въ тюрьму, нечего тебѣ тутъ больше дѣлать.

— Васе благородіе, какъ же я пойду? Дожждоьте дожждаться господина смотрителя. Пусть вырѣшитъ дѣло.

Помощникъ не сталъ противорѣчить и, отвернувшись отъ

Боруховича, продолжалъ приемку другихъ арестантовъ. Полчаса спустя изъ-за угла тюрьмы появился, ступая медлительными шагами и опираясь на палку, самъ смотритель тюрьмы, солидный господинъ съ окладистой черной бородой и непривѣтливомъ взглядомъ изподлобья. Еще не приблизился онъ и на тридцать шаговъ къ партіи, какъ надзиратель громко прокричалъ:

— Смирно, шапки долой!

Помощникъ быстро подошелъ къ смотрителю, сдѣлалъ подъ козырекъ, отдалъ рапортъ и объяснилъ, почему счелъ нужнымъ потревожить его.

— Еврейскихъ ребятишекъ никакъ нельзя принять,—отвѣчалъ тотчасъ же чернобородый господинъ, искоса взглянувъ на униженно стоявшаго передъ нимъ Боруховича и на его сомкнувшихся въ сторонѣ тѣсною кучкой дѣтей. Мойша повалился въ ноги.

— Васе вишюкоблагородіе, васе!.. Куда же ихъ теперича? Мамютки!..

— Встань, встань, чтобъ этого не было... Я не Богъ и не царь,—оборвалъ его смотритель.—Да и вы всѣ,—обратился онъ къ шпанкѣ, будто сейчасъ только замѣтивъ обнаженные у всѣхъ головы:—шапки надѣть.

— Васе вишюкоблагородіе, какъ же теперича?..

— А такъ же, что не разговаривай и ступай въ тюрьму.

— А дѣти?..

— А что жъ я могу сдѣлать? Къ себѣ, что-ль, взять? Нельзя ихъ принять въ пріютъ. Законъ.

— Не доложить-ли развѣ-завѣдующему каторгой?—несмѣло вставилъ помощникъ смотрителя.

— О чемъ?

— Да вотъ о дѣтяхъ... Что, молъ, на улицѣ, въ морозъ... Отецъ въ тюрьмѣ, мать умерла.

— Завѣдующій каторгой еще вчера утромъ сдѣлалъ замѣчаніе, что въ пріютѣ уже цѣлыхъ девять еврейскихъ мальчиковъ. Скоро весь пріютъ жиденята заполнятъ.

— Такъ какъ же быть?

— Да такъ же и быть. Мы не въ богородномъ заведеніи съ вами служимъ. Извольте дѣлать свое дѣло. Надзиратели, отведите арестанта въ тюрьму!

Два надзирателя немедленно бросились исполнять приказаніе начальства и хотѣли было потащить Боруховича; но онъ точно обезумѣлъ: съ силой вырвался онъ изъ ихъ рукъ и посмотрѣлъ съ такимъ грознымъ видомъ, что надзиратели на минуту окаменѣли.

— Какъ, васе благородіе!—закричалъ онъ, кидаясь снова къ смотрителю, который попытался на два шага и инстинктивно

вытянул вперед свою палку.— Какъ! еврейскія дѣти — щенята, что ихъ можно на морозѣ выкинуть, безъ матери, безъ отца оставить? Они не такія жъ дѣти, какъ всѣ? Не такъ же пить-ѣсть просить, не такъ же плачутъ, какъ прочія дѣти? Евреи совсѣмъ не люди? Я не пойду въ тюрьму, я не брошу ихъ на улицѣ—лучше убейте меня, прикажите солдатамъ застрѣлить меня... Или души во мнѣ нѣтъ, что я кровь свою покину, шкуру спасаючи? Господа начальники! и надъ вами Богъ... И у васъ есть дѣти... И вы—люди...

Странное что-то случилось съ Боруховичемъ. Онъ говорилъ не такъ, какъ всегда, робко и приниженно, а властно, торжественно, даже противъ обыкновенія мало пришепечывая, голосомъ, полнымъ слезъ и проникающимъ въ самую душу... И лицо его словно преобразилось въ эту минуту: онъ былъ не тотъ смѣшной Мойша Боруховичъ, котораго всѣ передъ тѣмъ знали и видѣли, маленький человѣчекъ съ клинообразной бородкой, остренькимъ носикомъ, бѣгающими глазами и внушающей жалость фигурой. Спина его какъ-то вдругъ распрямилась, загорѣвшіеся глаза странно расширились, и все лицо сдѣлалось инымъ, внушительнымъ, почти красивымъ...

Къ общему удивленію, смотритель вѣсто того, чтобы выйти изъ себя, раскричаться, слушалъ его рѣчь какъ-то смущенно и растерянно.

— Да я что-жъ... Экой же ты, братецъ... Я бы и радъ вѣдь,—лепеталъ онъ, беспомощно озираясь вокругъ.

Въ эту самую минуту въ толпу протолкался высокій костлявый старикъ съ длинной, сѣдой бородой, въ простой арестантской одеждѣ, но съ необыкновеннымъ достоинствомъ въ лицѣ и во всѣхъ движеніяхъ. Это былъ еврей-вольнокомандецъ, ювелиръ и часовщикъ по профессіи, пользовавшійся въ мѣстномъ населеніи большой извѣстностью и даже уваженіемъ. Онъ давно уже стоялъ возлѣ тюрьмы, видѣлъ всю сцену съ начала до конца и, сильно взволнованный, принялъ теперь внезапное рѣшеніе.

— Ты чего, Гольдбергъ?—обратился къ нему смотритель, точно отъ него ожидая спасенія.

— Я беру къ себѣ на воспитаніе двухъ малютокъ!—объявилъ старикъ, хватая за руку своего злополучнаго соплеменника.

— Ну, вотъ и прекрасно,—обрадовался смотритель:—мальчугана я, пожалуй, къ себѣ возьму. Мнѣ разсильный мальчишка, какъ разъ, нуженъ.

— Я тоже возьму самую маленькую дѣвочку,—добавилъ молодой помощникъ, весь зардѣвшись, какъ піонъ:—у насъ дѣтей нѣтъ, и жена будетъ очень рада.

— Еще лучше. Значить, одна только дѣвчонка останется. Если ты, Гольдбергъ, согласишься взять двухъ среднихъ, такъ

старшую, навѣрнѣе, Оладыны возьмутъ—имъ нянька нужна для ребенка. Вотъ и все дѣло покончено. А то шумъ подняли не вѣсть изъ чего, изъ-за выѣденнаго яйца. Такъ-то оно всегда лучше выходить, по человѣчеству... Ну, вы кончили съ приемкой, Павелъ Яковлевичъ? Ты... какъ, бишь, тебя зовутъ?.. дурья ты голова... Жидъ—такъ онъ жидъ и есть! Ты прощайся скорѣй со своимъ кагаломъ и маршъ въ тюрьму. Давно пора. На дворѣ темно совсѣмъ, и конвою надо отдохнуть.

И съ этими словами смотритель сурово повернулъ къ дому; но, отойдя нѣсколько шаговъ, вдругъ приостановился и, въ полъ-оборота, крикнулъ:

— А ты, малецъ,—какъ тебя тамъ,—за мной ступай!

Между тѣмъ Мойша, весь обезсилившій и дрожавшій, какъ въ лихорадкѣ, безъ счета цѣловалъ холодныя личики дѣтей, перепуганныхъ, еще смертельно блѣдныхъ послѣ только что пережитой, мало понятной имъ, но страшной сцены. Они прощались съ отцомъ какъ-то машинально, тупо, безъ слезъ. Наконецъ, Мойша взвалилъ свой мѣшокъ на плечо и тихо поплелся къ воротамъ тюрьмы, въ которыхъ и скрылся, ни разу не оглянувшись назадъ.

И такъ былъ онъ опять жалокъ, некрасивъ и смѣшонъ въ своемъ бѣдномъ арестантскомъ одѣяніи, съ мѣшкомъ казенныхъ вещей на согнутой спинѣ!..

Л. Мельшинъ.

Соціально-економіческія воззрѣнія Симонда де-Сисмонди.

(Окончаніе).

IV.

Въ первой половинѣ нашей статьи мы видѣли, что Симондъ де-Сисмонди разочаровался въ томъ новомъ направленіи, какое приняла хозяйственная жизнь, начиная со второй половины 18-го вѣка. Онъ былъ свидѣтелемъ печальныхъ результатовъ, вызванныхъ крупнымъ экономическимъ переворотомъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, на который экономическая наука смотрѣла, какъ на осуществленіе своихъ принциповъ; естественно, что онъ долженъ былъ усомниться въ правильности основныхъ принциповъ этой науки. Онъ выступаетъ съ рѣзкимъ протестомъ не только противъ принциповъ *laissez faire*, противъ системы свободной конкуренціи и проч., но также и противъ тѣхъ методологическихъ приѣмовъ, какіе Рикардо и его ученики стали примѣнять къ экономическимъ изслѣдованіямъ. Въ этомъ отношеніи Сисмонди является однимъ изъ первыхъ и самыхъ талантливыхъ предшественниковъ современной исторической школы, съ такой силой настаивающей на необходимости изученія исторіи хозяйства. Онъ рѣзко возстаетъ противъ злоупотребленія абстрактными выкладками, противъ абстрактныхъ выводовъ, не провѣряемыхъ фактами дѣйствительной жизни, наконецъ, противъ изолированія экономическихъ явленій отъ всѣхъ другихъ специальныхъ факторовъ. «Въ настоящее время,—говоритъ Сисмонди,—ученики Адама Смита въ Англіи, благодаря тому, что они слѣдуютъ иному направленію, совершенно удалились отъ доктрины своего учителя и еще болѣе, какъ намъ кажется, отъ его метода изслѣдованія истины. Адамъ Смитъ разсматривалъ политическую экономію, какъ опытную науку; онъ старался изучать каждое явленіе въ той соціальной обстановкѣ, къ которой оно принадлежитъ, и никогда не терялъ изъ виду ни различныхъ обстоятельствъ, съ которыми это явленіе связано, ни вытекающихъ изъ него результатовъ, могущихъ вліять на благоденствіе народа... Его новые ученики въ Англіи слишкомъ

ударились въ абстракціи; въ ихъ изслѣдованіяхъ повтому совершенно упускается изъ виду человѣкъ, которому принадлежитъ богатство и который долженъ имъ пользоваться. Наука въ ихъ трудахъ сдѣлалась настолько спекулятивной, что кажется, будто она не имѣетъ ничего общаго съ практической жизнью. Полагали, что если мы будемъ изолировать теорію отъ всякихъ побочныхъ фактовъ, мы сдѣлаемъ ее болѣе ясной и удобопонятной. Въ дѣйствительности произошло совершенно обратное: новые англійскіе экономисты весьма туманны, они могутъ быть поняты лишь съ величайшимъ трудомъ, такъ какъ нашъ умъ отказывается допустить тѣ абстрактныя предположенія, изъ которыхъ они исходятъ. Недовѣріе, которое нашъ умъ питаетъ къ этимъ предположеніямъ, уже само по себѣ служитъ доказательствомъ, что мы удаляемся отъ истины, когда мы въ области общественныхъ наукъ, гдѣ все тѣсно связано между собою, стараемся изолировать одинъ принципъ и игнорируемъ всѣ остальные» *).

Но Симонди не ограничивается только однимъ принципиальнымъ протестомъ. Въ своихъ «Nouveaux Principes» и еще болѣе въ своихъ «Etudes» онъ обработалъ богатый матеріалъ по исторіи промышленности и въ особенности по исторіи сельскаго хозяйства, освѣщающій различные вопросы экономической жизни.

Только благодаря многостороннимъ историческимъ познаніямъ, Симонди удалось правильнымъ образомъ оцѣнить многія хозяйственныя явленія какъ прошлаго, такъ и настоящаго, получившія въ трудахъ экономистовъ-классиковъ ложное освѣщеніе. Вспомнимъ, напримѣръ, его оцѣнку историческаго значенія цеховой организаціи. Въ трудахъ Симонди проводится тотъ взглядъ, что хозяйственныя явленія не должны быть изолируемы отъ другихъ социальныхъ факторовъ, что они должны изучаться въ связи съ фактами социально-политическаго характера. Взглядъ этотъ, какъ извѣстно, особенно выдвигался Огюстомъ Контомъ; онъ является однимъ изъ основныхъ пунктовъ въ воззрѣніяхъ современныхъ представителей исторической школы какъ Германіи, такъ и Англіи. Именно примѣненіемъ нравственной и социально-политической точки зрѣнія къ хозяйственнымъ фактамъ объясняются взгляды Симонди на многія экономическія явленія, напримѣръ, его симпатіи къ мелкой земельной собственности, предпочтеніе ремесла предъ крупными фабриками и т. д.

Намъ слѣдуетъ теперь вкратцѣ изложить воззрѣнія Симонди на нѣкоторыя основныя теоретическія понятія. Скажемъ сейчасъ же, что эти воззрѣнія очень часто сбивчивы и противорѣчивы **).

*) Nouveaux Principes I, стр. 55—56.

**) Симонди признаетъ, напримѣръ, что только трудъ можетъ создавать богатство; но тутъ же дѣлаетъ замѣчаніе, что трудъ и бережливость (le travail et l'économie) являются всегда истинными источни-

не смотря на противорѣчія, мы и здѣсь часто находимъ у него весьма цѣнныя мысли, воспринятыя позднѣйшими экономистами, переработавшими ихъ въ стройныя и законченныя ученія. Сюда относятся воззрѣнія Сисмонди на прибыль съ капитала, на доходъ и его подраздѣленія. По своимъ воззрѣніямъ на прибыль съ капитала онъ занимаетъ среднее мѣсто между классиками, положившими основаніе трудовой теоріи цѣнности, и новѣйшими экономистами, сдѣлавшими въ ученіи о прибыли дальнѣйшіе выводы изъ этой теоріи. Бемъ-Баверкъ вполне правъ, говоря, что Сисмонди образуетъ мостъ между Смитомъ и Рикардо съ одной стороны и позднѣйшими нѣмецкими экономистами съ другой *). «Мы сказали раньше,—говоритъ Сисмонди,—что всякое богатство есть продуктъ труда... Принято, однако, различать три вида дохода, именно: ренту, прибыль и заработную плату, какъ бы происходящія изъ трехъ различныхъ источниковъ: земли, накопленнаго капитала и труда. Достаточно отнестись нѣсколько внимательнѣе, чтобы замѣтить, что эти три вида дохода составляютъ ничто иное, какъ три различныхъ способа участія въ продуктахъ человѣческаго труда. Благодаря развитію промышленности и науки, подчинившей человѣку всѣ силы природы, каждый рабочій можетъ ежедневно производить больше, гораздо больше того, что онъ въ состояніи потребить (Nouv. Princ. I, стр. 85—86). Но при современныхъ условіяхъ хозяйства рабочіе не имѣютъ ни собственности на землю, ни собственности на капиталы. Поэтому-то рабочіе нуждаются прежде всего въ томъ, чтобы земельные собственники позволили имъ пользоваться землею; послѣдніе дѣлаютъ за это вычетъ изъ продуктовъ труда. «Собственникъ земли, на которой совершается трудъ, удерживаетъ часть продуктовъ труда; экономисты называютъ этотъ доходъ земельной рентой». Рабочіе нуждаются, дажѣ, въ капиталѣ. «Богатый человѣкъ, владѣющій съѣтными припасами, сырыми матеріалами и машинами, избавленъ отъ необходимости трудиться, потому что онъ является нѣкоторымъ образомъ хозяиномъ надъ трудомъ рабочаго, которому онъ все это доставилъ. Въ награду за доставленныя рабочему выгоды, онъ удерживаетъ изъ продуктовъ труда рабочаго большую часть. Это — прибыль на вложенный въ дѣло капиталъ или доходъ капиталиста. Хотя бы рабочій производилъ при помощи своего труда гораздо

ками богатства (Nouv. Princ. I, стр. 62 и 69). Къ богатству, по его мнѣнію, относится только матеріальныя блага; но дальше онъ забываетъ это опредѣленіе и причисляетъ къ національному богатству ученыхъ и художниковъ (Ibid. стр. 147). Во взглядахъ на земельную ренту онъ, подобно Ад. Смиуту, еще не вполне отдѣлился отъ заблужденій физиократовъ: источникомъ *produit net* служить, по его мнѣнію, трудъ природы (*le travail de la nature*); земельная рента, говоритъ онъ, ничего не отнимаетъ ни у арендатора, ни у потребителя.

*) Böhm-Bawerk, «Kapital und Kapitalzins» В. I, стр. 368.

больше того, что онъ тратитъ ежедневно, весьма рѣдко случается, чтобы, послѣ того, какъ онъ подѣлился съ земельнымъ собственникомъ и капиталистомъ, у него осталось больше самаго необходимаго для его существованія» (Ibid. стр. 87). «При общественномъ порядкѣ (*dans l'ordre social*), — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — богатство приобрѣло способность воспроизводиться при помощи чужого труда, безъ всякаго содѣйствія со стороны собственника. Богатство, какъ и трудъ, при помощи труда же приносить ежегодный продуктъ... Продуктъ этотъ есть *доходъ*, возникающій изъ *капитала*» (Ibid. стр. 82).

Въ приведенныхъ цитатахъ всякій узнаетъ зародышъ той теоріи, которая теперь извѣстна подъ названіемъ теоріи прибавочной цѣнности. Слѣдующія мѣста еще болѣе говорятъ въ пользу того, что Симонди въ ученіи о доходѣ съ капитала является предшественникомъ самыхъ выдающихся новѣйшихъ экономистовъ. Когда рабочій трудится при помощи капитала, «то продукты его годичнаго труда всегда будутъ имѣть большую цѣнность, чѣмъ продукты предшествоващаго года, служащіе содержаніемъ для рабочаго. Именно благодаря этой сверхстоимости (*à cause de cette mieux-value*), которая тѣмъ больше, чѣмъ больше прогрессъ искусства или науки въ ея примѣненіи къ искусству, — промышленность способствуетъ постоянному росту богатства» (ibid. стр. 103). Но этотъ приростъ идетъ не въ пользу рабочихъ, а въ пользу капиталистовъ. Въ «*Etudes sur l'économie politique*» мы находимъ такое общее замѣчаніе: «римскій пролетарій жилъ почти исключительно на средства общества, пользуясь тѣми съѣстными припасами, какіе республика раздавала пролетаріямъ; можно было бы сказать, что современное общество живетъ на средства пролетарія, т. е. на ту часть, которую оно вычитаетъ изъ его заработной платы». Послѣ всего сказаннаго, у насъ, казалось, не должно было бы быть никакихъ сомнѣній на счетъ того, что Симонди хорошо понималъ, въ чемъ заключается источникъ дохода съ капитала; его теорія не только близка къ теоріи ренты Родбертуса и къ теоріи прибавочной цѣнности, но мы даже находимъ у него то самое выраженіе — сверхстоимость (*mieux-value*), въ которомъ позднѣйшіе экономисты формулировали свои взгляды на доходъ съ капитала: *surplus value*, *additional value* у Вильяма Томпсона, *Mehrgewerth* и т. п. И дѣйствительно, воззрѣнія Симонди на доходъ съ капитала оказали большое вліяніе на В. Томпсона, на нѣкоторыхъ сенъ-симонистовъ (Анфантена) и друг., которые цѣлкомъ восприняли эти взгляды и сдѣлали изъ нихъ дальнѣйшіе выводы.

Мы, однако, преувеличили бы значеніе Симонди въ этомъ отношеніи, если бы признали, что теорія прибавочной цѣнности была для него вполнѣ ясна: онъ не только не сдѣлалъ тѣхъ выводовъ, которые логически изъ нея вытекаютъ, но сама теорія дохода съ капитала отличается у него чрезвычайной сбивчивостью. Рядомъ съ вышеприведенными взглядами мы находимъ у него

другіе, стоящіе съ ними въ явномъ противорѣчіи. Онъ признаетъ, напр., что землевладѣлецъ, благодаря первоначальному труду по расчисткѣ земли или благодаря оккупациіи свободнаго участка, приобрѣлъ разъ на всегда право на земельную ренту (Nouv. Princ. I, стр. 110). Точно также и капиталистъ имѣетъ право на полученіе процентовъ: онъ на нихъ получилъ право, благодаря первоначальному труду, которому капиталъ обязанъ своимъ происхожденіемъ (ibid. 111). Сисмонди дѣлаетъ затѣмъ слѣдующій общій выводъ: «Мы видимъ, что, не смотря на указанную нами противоположность между доходами, происходящими отъ богатствъ и отъ рабочей силы, между ними существуетъ большое сходство. У нихъ одинаковый источникъ, но источникъ этотъ относится къ различнымъ эпохамъ. Изъ всѣхъ тѣхъ, которые дѣлятся народнымъ доходомъ, одни приобретаютъ, благодаря новому труду, каждый годъ новое право на этотъ доходъ; другіе же приобрѣли прежде постоянное право, благодаря первоначальному труду, сдѣланному ежегодный трудъ болѣе производительнымъ. Каждый получаетъ свою долю въ народномъ доходѣ постольку, поскольку онъ и его законные преемники принимаютъ или же принимали участіе въ созданіи этого дохода (ibid. стр. 112—113). Очевидно, нѣтъ никакой возможности примирить послѣднее мнѣніе съ высказаннымъ раньше взглядомъ, что всякій доходъ съ капитала есть вычетъ изъ заработной платы. Мы должны такимъ образомъ признать, что, хотя Сисмонди и создалъ сущность того, что теперь называется теоріею прибавочной цѣнности, но она у него не была вполне продумана, онъ поэтому путается въ противорѣчіяхъ. Только новѣйшимъ нѣмецкимъ экономистамъ, болѣе способнымъ къ тонкимъ дедуктивнымъ изслѣдованіямъ, болѣе привычнымъ къ абстрактному анализу, удалось переработать тѣ взгляды, которые находятся у Сисмонди еще въ зародышѣ, въ стройное и логическое ученіе.

Еще болѣе интересными являются воззрѣнія Сисмонди на различные виды доходовъ. Въ этомъ отношеніи онъ всецѣло является предшественникомъ Родбертуса. Извѣстно, что чрезъ всю систему послѣдняго красною нитью проходитъ та мысль, что, при современныхъ условіяхъ народнаго хозяйства, характеризующагося господствомъ частной собственности на земли и на орудія производства, весь національный доходъ распадается на двѣ части: одна поступаетъ владѣльцамъ земли и орудій производства, другая—представителямъ труда. Доходу, основанному на владѣніи (Besitz), включая сюда и земельную ренту, и прибыль, онъ противопоставляетъ поэтому доходъ, основанный на трудѣ. Такое же самое дѣленіе народнаго дохода мы находимъ и у Сисмонди. Хотя между доходомъ съ земли и доходомъ съ капитала, говоритъ онъ, существуетъ нѣкоторое различіе, однако мы можемъ оба эти вида дохода включить въ одну категорію, такъ какъ землевладѣльцы или предприниматели земледѣльческихъ работъ играютъ по отношенію къ рабочимъ такую же

роль, какъ и капиталисты-предприниматели въ области обрабатывающей промышленности: послѣ того, какъ они снабдили рабочихъ средствами продовольствія, они стараются присвоить для себя самихъ всю прибыль, созданную трудомъ, и оставить рабочимъ лишь самое необходимое для поддержанія ихъ жизни (Nouv. Princ. I, стр. 104). «Съ этой второй точки зрѣнія народный доходъ состоитъ только изъ двухъ частей, одна изъ нихъ заключается въ ежегодномъ производствѣ, а другая чужда этому производству. Первая есть доходъ, возникающій отъ богатства, а вторая часть рабочая сила, являющаяся результатомъ жизни... Годовое производство, или результатъ всѣхъ работъ, совершенныхъ народомъ въ теченіе года, также состоитъ изъ двухъ частей: одна изъ этихъ частей составляетъ именно то, о чемъ мы только что говорили, т. е. прибыль, происходящую отъ богатства; другую же часть составляетъ рабочая сила» (Ibid. стр. 105). Пропитированныя мѣста ясно доказываютъ, что Симонди вполне усвоилъ ту самую классификацію народнаго дохода, которая играетъ у новѣйшихъ экономистовъ такую важную роль, именно дѣленіе народнаго дохода на доходъ, основанный на трудѣ, и на безтрудоу доходъ — Arbeitsloses Einkommen.

Хотя, вообще говоря, взгляды Симонди по вопросу о доходѣ не всегда ясны и опредѣленны, но въ нихъ всетаки проглядываетъ сознаніе различія, существующаго между частно-хозяйственнымъ и народно-хозяйственнымъ доходомъ. Онъ много разъ повторяетъ ту мысль, что на увеличеніе чистаго дохода предпринимателя нельзя смотрѣть, какъ на выигрышъ для народнаго хозяйства, такъ какъ этотъ чистый доходъ можетъ получиться либо благодаря тому, что предпринимателю удалось продать свои товары дороже, либо благодаря тому, что онъ уплатилъ рабочимъ болѣе низкое вознагражденіе. Онъ сознавалъ, хотя еще не вполне ясно, что заработная плата, съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, не можетъ быть отнесена къ издержкамъ производства, а потому сокращеніе заработной платы, хотя оно и можетъ увеличить доходъ предпринимателя, не увеличиваетъ народнаго дохода въ цѣломъ *). Школа Рикардо, говоритъ Симонди, называетъ *прибылью* всякую экономію, какую предприниматели дѣлаютъ на издержкахъ производства, т. е. и на содержаніи людей, которыхъ они употребляютъ въ дѣло. На нашъ взглядъ эти люди составляютъ націю.....; то, что желаютъ сэконоимичать на содержаніи этихъ людей, является источникомъ ихъ счастья, это—тотъ излишекъ бѣдняка, въ которомъ воплощаются всѣ его матеріальныя наслажденія, связанныя съ этимъ достаткомъ, т. е. хорошее жилище, хорошее платье, хорошее здоровье (Etudes I, стр. 190—191). Симонди поэтому отказы-

*) Schmoller, Die Lehre vom Einkommen, Zeitschrift für gesammte Staatswissenschaft, 1863 г. стр. 13.

вается видѣть прогрессъ тамъ, гдѣ, хотя и увеличивается чистый доходъ землевладѣльцевъ и промышленныхъ предпринимателей, но это увеличеніе ихъ дохода покупается цѣною уменьшенія вознагражденія трудящихся классовъ. Съ сердечною болью говоритъ онъ о томъ направленіи, по которому пошло англійское хозяйство, характеризующееся въ области земледѣлія превращеніемъ пахатныхъ земель въ пастбища, т. е. сокращеніемъ количества земледѣльческихъ рабочихъ и арендаторовъ, а въ области обрабатывающей промышленности—все болѣе и болѣе замѣной человѣческаго труда машинной работой. Противъ извѣстнаго мнѣнія Рикардо, что для націи безразличенъ размѣръ ея валового дохода, а важенъ лишь размѣръ чистаго дохода, онъ приводитъ слѣдующее знаменитое возраженіе: «Какъ? богатство составляетъ все, а люди—рѣшительно ничего! Какъ, богатство имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку оно можетъ быть обложено налогомъ? Право, остается только пожелать, чтобы король остался одинъ на всемъ островѣ и, постоянно вертя рукояткой, исполнялъ-бы при помощи автоматовъ всю работу Англій» *) Nouv. Princ. II, стр. 331). Этимъ мы заканчиваемъ изложеніе взглядовъ Сисмонди на различные вопросы теоретической экономіи.

Мы, такимъ образомъ, ознакомились съ той критикой, какую Сисмонди выставилъ какъ противъ того новаго направленія, по которому съ конца прошлаго вѣка пошла экономическая жизнь передовыхъ странъ, такъ и противъ науки, смотрѣвшей на это направленіе, какъ на нѣчто идеальное и вполне здоровое; мы подробно остановились на томъ анализѣ, которому Сисмонди подвергъ основныя черты капиталистическаго хозяйства, страдающаго, по его мнѣнію, двумя органическими болѣзнями, т. е. отсутствіемъ равновѣсія между ростомъ дохода и ростомъ населенія съ одной стороны, и нарушеніемъ равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ съ другой. Мы подчеркнули, наконецъ, нѣкоторыя изъ его теоретическихъ воззрѣній (его ученіе о прибыли, его классификація дохода), которыя еще болѣе уясняютъ намъ критическое отношеніе Сисмонди къ существующимъ условіямъ хозяйства. У всякаго долженъ теперь естественно возникнуть вопросъ, въ чемъ-же заключается его положительная программа? Какое направленіе народнаго хозяйства представляется ему болѣе нормальнымъ? Какія измѣненія въ существующихъ экономическихъ и правовыхъ условіяхъ считаетъ онъ возможными и желательными? На эти вопросы мы постараемся отвѣтить въ слѣдующей главѣ.

*) «Quoi donc? la richesse est tout, les hommes ne sont absolument rien? Quoi! la richesse elle-même n'est quelque chose que par rapport aux impôts? En vérité, il ne reste plus qu'à désirer que le roi, demeuré tout seul dans l'île, en tournant constamment une manivelle, fasse accomplir, par des automates, tout l'ouvrage de l'Angleterre».

V.

Почти до самаго послѣдняго времени въ литературѣ господствовало мнѣніе, что у Симонди не было никакой положительной программы; хотя онъ и раскрылъ язвы капиталистическаго строя, но онъ не былъ въ силахъ предложить какія-либо практическія средства для ихъ исцѣленія *). Это мнѣніе переходило какъ-бы по традиціи изъ учебника въ учебникъ, изъ одного *Handbuch*'а въ другой. Можно-ли считать его основательнымъ? Обыкновенно ссылаются на слѣдующія слова самаго Симонди: «Сознаюсь, что послѣ того, какъ я указалъ, въ чемъ, на мой взглядъ, заключается справедливость, я не чувствую себя въ силахъ намѣтить средства, которыя необходимы для ея осуществленія. Распределение продуктовъ труда между тѣми, которые содѣйствуютъ ихъ производству, представляется мнѣ несправедливымъ, но мнѣ кажется, что почти выше силъ человѣческихъ придумать иную форму собственности, которая была-бы совершенно отлична отъ существующей» (*Nouv Princ.* II, стр. 364).

Если-бы упрекъ въ томъ, что Симонди не даетъ никакихъ положительныхъ средствъ для устраненія ненормальностей существующихъ условій, исходилъ только отъ утопистовъ, то это было-бы вполне понятно. Симонди, дѣйствительно, не вѣрить въ предлагаемые ими рецепты; онъ категорически заявилъ, что не раздѣляетъ фантастическихъ проектов Роберта Оуэна, Томпсона, Фурье и другихъ, что не считаетъ ихъ осуществимыми. Но упреки со стороны утопистовъ только говорятъ въ пользу Симонди: какъ чужбѣкъ, прекрасно знакомый съ исторіею, онъ слишкомъ хорошо знаетъ, что крупныя измѣненія въ общественныхъ условіяхъ не совершаются по мановенію волшебнаго жезла, что та или иная общественная организація не устанавливается по созданному человѣческой фантазіею шаблону. Мы хотимъ убѣдить экономистовъ, говоритъ онъ, что ихъ наука идетъ по ложному направленію. Но мы не имѣемъ достаточно довѣрія къ нашимъ силамъ, чтобы указать имъ, въ чемъ должно заключаться истинное направленіе. Самое большее, что доступно нашему уму, заключается въ томъ, чтобы уяснить себѣ современную организацію общества. «Но гдѣ найти того выдающагося человѣка, который могъ-бы придумать такую общественную организацію, какая еще не существовала, который-бы могъ видѣть будущее такъ-же, какъ мы видимъ настоящее» (*Etudes I*, стр. 105).

Мы признаемъ также справедливость упрековъ, дѣлаемыхъ Симонди новѣйшей нѣмецкой экономической школой. Дѣйствительно, не смотря на то, что Симонди хорошо сознавалъ органи-

*) Mignet, *Memoires de l'Académie des sciences morales et politiques*, t. VI. 1850 г. стр. 19.

ческія болѣзни, присущія капиталистическому строю производства, не смотря на то, что онъ раскрылъ основныя противорѣчія этого строя, онъ былъ не въ силахъ освободиться отъ привычныхъ понятій, не могъ отрѣшиться отъ частно-хозяйственной организаціи производства; онъ стремился къ тому, чтобы сохранить новыя средства производства и обмѣна въ рамкахъ старыхъ формъ хозяйственной организаціи. Въ этомъ замѣчается самая характерная черта Сисмонди. Онъ является въ полномъ смыслѣ слова писателемъ переходной эпохи: во многомъ порвавъ связь съ существующимъ, онъ относится къ нему весьма критически, но оно всетаки надъ нимъ тяготеетъ. Ему не удалось подбѣгнуть тѣхъ зародышей новыхъ условий, какія вырабатывались уже современной ему общественной жизнью.

Но упреки въ отсутствіи у Сисмонди положительной программы, въ томъ, что онъ не знаетъ, чего желаетъ, дѣлались не только представителями вышеуказанныхъ направленій. Въ этомъ упрекали его и сторонники манчестерства, и представители исторической школы. Вотъ эти-то упреки мы считаемъ совершенно несправедливыми. Какъ увидимъ сейчасъ, Сисмонди уже въ первой четверти нынѣшняго столѣтія намѣтилъ ту программу социальныхъ реформъ, которую съ такой торжественностью и помпой стали развивать только 50 лѣтъ спустя нѣмецкіе катедеръ-соціалисты. Сравнивая различныя практическія мѣропріятія, предлагаемыя Сисмонди и извѣстнымъ «Verein für Socialpolitik», можно лишь удивляться тому, какъ мало ушли впередъ члены этого Verein'a, какъ мало они воспользовались уроками быстро развивающейся экономической жизни. Разница между Сисмонди и этими писателями заключается лишь въ томъ, что первый выставляетъ свою программу съ гораздо большей скромностью; онъ чувствовалъ и откровенно заявилъ, что эта программа недостаточна, что она не устранитъ всѣхъ бѣдствій капиталистическаго строя. Мы находимъ у него также гораздо больше искренности и меньше самоувѣренности. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ увидимъ ниже, онъ даже ушелъ дальше современныхъ экономистовъ.

Итакъ, въ чемъ-же заключается положительная программа Симонда-де-Сисмонди? Мы уже указывали на то, что онъ является однимъ изъ первыхъ писателей, выступившихъ съ рѣзкимъ протестомъ противъ принциповъ *laissez-faire*; этотъ протестъ вытекаетъ у него не изъ желанія оградить національные интересы или національную самостоятельность, какъ мы это видимъ, напр., у Фридриха Листа; онъ протестуетъ исключительно во имя болѣе справедливаго распредѣленія богатства, во имя интересовъ трудящейся массы. Не смотря на благоговѣніе, съ которымъ онъ относится къ Адаму Смиту, онъ прямо заявляетъ, что дѣлаетъ изъ его теоретическихъ положеній выводы, прямо противоположные тѣмъ, къ которымъ пришелъ авторъ «Богатства народовъ». «Ад. Смитъ, говоритъ онъ, имѣя въ виду лишь богатство и зная, что все владѣю-

ще богатствомъ заинтересованы въ его увеличеніи, пришелъ къ тому заключенію, что ростъ богатства скорѣе всего будетъ достигнутъ въ томъ случаѣ, если предоставить обществу полную свободу въ преслѣдованіи своихъ интересовъ. Онъ обратился къ правительству со слѣдующими словами: сумма богатства отдѣльныхъ лицъ составляетъ богатство націи; нѣтъ такого богача, который не старался бы сдѣлаться еще болѣе богатымъ; дайте ему полную свободу, и онъ обогатитъ націю, увеличивая свое собственное богатство (Nouv. Princ. I, стр. 51). По нашему-же мнѣнію, продолжаетъ Сисмонди, цѣль политической экономіи заключается не въ увеличеніи богатства, а въ увеличеніи всеобщаго благоденствія. Мы поэтому не вѣримъ въ благотѣльность принципа *laissez faire*. «Мы видѣли, что богатые могутъ увеличивать свои богатства, или благодаря новому производству, или же благодаря тому, что они присвоить въ свою пользу большую часть изъ того, что раньше поступало въ пользу бѣдныхъ; именно, чтобы регулировать это распредѣленіе, чтобы сдѣлать его справедливымъ, мы почти постоянно призываемъ государственное вмѣшательство, которое отвергалось Ад. Смитомъ. На нашъ взглядъ, правительство должно быть защитникомъ слабого противъ сильнаго, защитникомъ того, кто не можетъ защищаться собственными силами; оно должно являться представителемъ общихъ и постоянныхъ интересовъ противъ временныхъ и несправедливыхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ» (Ibid. стр. 52). Догматъ свободной и всеобщей конкуренціи, говоритъ онъ далѣе, получилъ широкое осуществленіе во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Благодаря свободной конкуренціи производительныя силы, дѣйствительно, сдѣлали большіе успѣхи; но ей же многочисленныя классы населенія обязаны своими страданіями. «Только благодаря опыту мы почувствовали потребность въ государственной защитѣ, которую мы призываемъ; она необходима для воспрепятствованія тому, чтобы люди не были принесены въ жертву богатству, которымъ они совершенно не въ состояніи будутъ воспользоваться» (Ibid. стр. 53). На упрекъ, сдѣланный ему Ж. Б. Се, въ томъ, что онъ отказался отъ принциповъ *laissez faire* и призываетъ вмѣшательство общественной власти, Сисмонди отвѣчаетъ: «Вѣдь законодатель, устанавливая право частной собственности, регулируя наследственное право, защищая монополіи разнаго рода, запрещая насилие и допуская хитрость — *adresse* (онъ разумѣетъ, вѣроятнѣе, союзы предпринимателей), вовсе не остается нейтральнымъ. Именно, съ цѣлью измѣнить то, что онъ самъ создалъ, я и требую, чтобы онъ дѣйствовалъ далѣе» (Nouv. Princ. II, стр. 463).

Итакъ, Сисмонди требуетъ вмѣшательства государственной власти, чтобы установить болѣе справедливое распредѣленіе богатства, чтобы оградить интересы болѣе слабыхъ. Въ чемъ-же это вмѣшательство должно проявляться? Укажемъ прежде всего на мѣры, такъ сказать, отрицательнаго характера, т. е. сводящіяся къ

отмѣнѣ нѣкоторыхъ уже существующихъ законовъ. Великое зло современнаго экономическаго строя заключается, по мнѣнію Сисмонди, въ томъ, что три фактора производства не соединены въ одномъ лицѣ, что представитель труда не является въ то же время представителемъ земли и капиталовъ. Законодательство должно стремиться къ соединенію факторовъ производства. «Мы бы ужъ много сдѣлали, если-бы законодательство перестало дѣйствовать въ направленіи, какъ разъ противоположномъ этому соціальному интересу: если-бы отмѣнили всѣ законы, задерживающіе подраздѣленіе наслѣдственныхъ имуществъ, благопріятствующіе образованію и сохраненію крупныхъ состояній и препятствующія тому, чтобы капиталъ и земельная собственность распредѣлялись маленькими долями между исполняющими ручной трудъ; если-бы отмѣнили всѣ законы, защищающіе коалиціи предпринимателей противъ рабочихъ и лишающіе рабочихъ ихъ естественныхъ средствъ для противодѣйствія» (Nouv. Princ. II, стр. 450—451).

Но помимо этихъ отрицательныхъ мѣръ, Сисмонди рекомендуетъ и рядъ положительныхъ мѣропріятій какъ въ области сельскаго хозяйства, такъ и въ сферѣ обрабатывающей промышленности. Какъ намъ уже извѣстно, въ области сельскаго хозяйства его симпатіи лежатъ на сторонѣ такъ называемой патріархальной системы обработки земли, т. е. обработки земли мелкими земельными собственниками. Поэтому-то онъ требуетъ отъ правительственной власти поощренія этой формы хозяйства. «По отношенію къ земледѣльческому населенію задача правительства заключается въ томъ, чтобы обезпечить за тѣми, которые трудятся, участіе въ земельной собственности, поощрять преимущественно ту систему обработки земли, которую мы назвали патріархальной. Крупныя владѣнія никогда не могутъ быть обрабатываемы по этой системѣ. Законодательство должно поэтому стремиться къ ихъ подраздѣленію... Но, тѣмъ не менѣе, изъ уваженія къ свободѣ, законодатель долженъ для этого употреблять лишь общія и косвенныя мѣры; его дѣло сводится къ тому, чтобы по возможности облегчить продажу недвижимостей, чтобы дозволить подраздѣленіе въ каждой семьѣ наслѣдственныхъ имуществъ, чтобы воспрепятствовать всякія изыятія и субституціи, навсегда закрѣпляющія собственную стѣнь, чтобы признать, наконецъ, за владѣніемъ землею извѣстныя преимущества, такъ что всякій крестьянинъ будетъ стремиться къ приобрѣтенію маленькаго участка земли для удовлетворенія своего самолюбія». Эти косвенныя мѣры, по мнѣнію Сисмонди, въ значительной степени исправятъ то зло, т. е. концентрацію земельной собственности, которое явилось результатомъ нераціональнаго законодательства. Но когда концентрація земельной собственности уже пустила слишкомъ глубокіе корни, какъ напр. въ Англіи, гдѣ всѣ земельныя владѣнія сосредоточены въ немногихъ рукахъ, гдѣ крупныя фермеры совершенно не даютъ возможности конкурировать мелкимъ собственникамъ и арендато-

рамъ, тамъ законодательство должно придти на помощь этимъ послѣднимъ болѣе прямымъ путемъ. «Законодательство, обязано оказывать эту помощь въ интересахъ трудящейся массы, въ интересахъ всей націи, наконецъ, и въ интересахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые сами будутъ разорены, если имъ удастся уничтожить все то населеніе, которое они теперь изгоняютъ» (Ibid. стр. 342). Эти прямые мѣры вмѣшательства, ведущія къ нѣкоторымъ ограниченіямъ частной земельной собственности, Симонди оправдываетъ весьма интересными соображеніями.

«Частная собственность на землю, говоритъ онъ, основана не на принципѣ справедливости, а на принципѣ общественной пользы». Общество установило институтъ частной собственности, чтобы усилить стимулъ къ труду. «Оно, слѣдовательно, приняло землевладѣльцевъ подъ свое покровительство ради своей-же пользы, ради пользы какъ бѣднаго, такъ и богатаго. Но общество можетъ предписывать землевладѣльцамъ, обязаннымъ ему этой уступкой права собственности, извѣстныя условія. Оно даже должно это дѣлать по духу самой уступки. Оно должно подчинить земельную собственность такому законодательству, которое, дѣйствительно, имѣло-бы своимъ результатомъ пользу всѣхъ, такъ какъ только въ интересахъ общей пользы собственность эта признана закономъ» (Nouv. Princ. I, стр. 160). Частная собственность на землю, говоритъ онъ далѣе, не есть ничто, вытекающее изъ природы. Исторія даетъ намъ массу примѣровъ, гдѣ такой собственности вовсе не существуетъ. Вообще отдѣленіе представителей труда отъ представителей земельной собственности есть продуктъ общественной организаціи. «Ихъ раздѣленіе, противоположность ихъ интересовъ есть слѣдствіе искусственной организаціи, которую мы дали человѣческому обществу. Все, что составляетъ дѣло нашихъ рукъ, подлежитъ и нашему контролю; вмѣшательство законодателя должно поэтому касаться и тѣхъ злоупотребленій, которыя являются результатомъ его законовъ». И такъ, какія-же ограниченія общество можетъ наложить на частную земельную собственность? Въ чемъ здѣсь должны заключаться прямые мѣры государственнаго вмѣшательства?

Мѣры эти заключаются, по мнѣнію Симонди, въ томъ, что на крупныхъ земельныхъ собственниковъ должна быть возложена обязанность обезпечить земледѣльческихъ рабочихъ на случай ихъ старости, болѣзни, несчастій и безработицы. «Крупные земельные собственники и крупные арендаторы вызвали къ жизни классъ земледѣльческихъ рабочихъ, безъ конхъ они не могутъ обойтись. Собственность этихъ крупныхъ землевладѣльцевъ ничего не стоила-бы, еслибы не было земледѣльческихъ рабочихъ; въ услугахъ послѣднихъ нуждается исключительно классъ земельныхъ собственниковъ. Между этими двумя классами существуетъ поэтому солидарность, и земледѣльческіе рабочіе должны получать средства къ жизни исключительно изъ того богатства, которое они создаютъ въ круп-

ныхъ земельныхъ владѣнiйхъ. Они могутъ сговариваться съ земельными собственниками насчетъ цѣны ихъ рабочаго дня; но если эта цѣна недостаточна, если семья рабочаго, получившаго эту цѣну, нуждается еще въ нѣкоторой прибавкѣ, то исключительно земельные собственники или крупные арендаторы, для пользы которыхъ и существуетъ классъ земледѣльческихъ рабочихъ, обязаны давать эту прибавку» (Nouv. Princ. II, стр. 350). Обязанность оказывать помощь земледѣльческимъ рабочимъ должна, такимъ образомъ, падать не на все общество, а лишь на земельныхъ собственниковъ, пользующихся ихъ трудомъ. Если мы признаемъ этотъ принципъ, если собственникъ и арендаторъ будутъ знать, что только они обязаны давать содержанiе земледѣльческимъ рабочимъ въ случаѣ болѣзни, старости, несчастiй и безработицы, то они сами будутъ давать своимъ рабочимъ лучшее вознагражденiе, они не станутъ ихъ изнурять работой и будутъ распределять работу болѣе равномерно. Итакъ, мѣры государственнаго внимательства, рекомендуемыя Сисмонди въ области сельскаго хозяйства, сводятся къ слѣдующему: поощренiе мелкаго землевладѣнiя и раздробленiе крупной земельной собственности съ одной стороны, возложенiе на земельныхъ собственниковъ обязанности содержать своихъ рабочихъ во время болѣзни, несчастiй, старости и безработицы—съ другой.

Еще многочисленнѣе мѣры, предлагаемыя Сисмонди, по отношенiю къ обрабатывающей промышленности. Хотя онъ въ принципѣ высказывается противъ таможенной политики и вообще противъ всякаго покровительства промышленности и торговлѣ, онъ все-таки не придаетъ этому принципу абсолютнаго значенiя. Онъ допускаетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ покровительство общественной власти является полезнымъ и даже необходимымъ. Не всякая нацiя хорошо понимаетъ свои интересы, не всякая обладаетъ достаточной инициативой, чтобы стремиться къ ихъ осуществленiю. «Иной разъ необходимо бываетъ прибѣгать къ толчкамъ, чтобы вывести нацiю изъ оцѣпенѣнiя» (Nouv. Princ. I стр. 459). Въ этихъ случаяхъ требуется государственное поощренiе. Когда нацiя, вслѣдствiе укоровившихся въ ней предрасудковъ, относится съ презрѣнiемъ ко всѣмъ утилитарнымъ профессiямъ, къ промышленности и торговлѣ, тогда, быть можетъ, является необходимымъ поощрять эти отрасли труда путемъ льготъ и экстраординарныхъ милостей» (Ibid., стр. 460). Какъ извѣстно, эти-же самыя соображенiя явились также у Стюарта Милля одной изъ причинъ его отступленiя отъ принциповъ *laissez faire*; Милль развилъ эту мысль еще подробнѣе.

Но несравненно больше вниманiя Сисмонди удѣляетъ внимательству государственной власти съ цѣлью устранинiя или, по крайней мѣрѣ, смягченiя вредныхъ результатовъ нарождавшейся тогда промышленной системы. Мы уже выше видѣли, какими мрачными красками онъ нарисовалъ ту промышленную революцiю, сви-

дѣтелемъ которой ему пришлось быть. Онъ съ сердечной болью смотрѣлъ на постепенное исчезновеніе мелкихъ ремесленниковъ и кустарей, на концентрацію капиталовъ и промышленности; онъ съ ужасомъ говоритъ о тяжеломъ трудѣ женщинъ и дѣтей на фабрикахъ, объ убійственной обстановкѣ труда, объ изнурительно длинномъ рабочемъ днѣ, о нищенской заработной платѣ, о непрочности положенія рабочихъ, постоянно рискующихъ лишиться занятій вслѣдствіе болѣзни, старости, а главное—вслѣдствіе повторяющихся кризисовъ и постепенной замѣны человѣческаго труда трудомъ машинъ. Онъ признается, что противъ всѣхъ этихъ бѣдъ онъ не можетъ представить никакихъ радикальныхъ средствъ; но онъ все-таки не считаетъ возможнымъ оставаться безучастнымъ къ этимъ тяжелымъ страданіямъ трудящейся массы, онъ находитъ нужнымъ сдѣлать все, что возможно, по крайней мѣрѣ, для смягченія этихъ страданій». Мы дѣйствительно должны признаться, что противъ такихъ крайнихъ бѣдъ мы можемъ предложить лишь паллиативныя средства, совершенно не соотвѣтствующія этимъ бѣдствіямъ» (Etudes II, стр. 355). Симонди предлагаетъ прежде всего мѣры, которыя могутъ до нѣкоторой степени задержать быструю концентрацію капиталовъ и вытѣсненіе мелкихъ формъ промышленности. Для этого онъ рекомендуетъ государству привлекать крупныхъ капиталистовъ, путемъ наградъ и титуловъ, къ такимъ занятіямъ, которыя не даютъ особенно высокихъ доходовъ, поощрять раздробленіе крупныхъ имуществъ путемъ раздѣленія наслѣдствъ между сонаслѣдниками; сюда-же относится и рядъ финансовыхъ мѣръ, также направленныхъ къ уменьшенію концентраціи капиталовъ; объ этихъ финансовыхъ мѣрахъ у насъ будетъ рѣчь ниже.

Симонди рекомендуетъ затѣмъ рядъ мѣръ, входящихъ теперь въ сферу рабочаго законодательства. Онъ находитъ необходимымъ установить ограниченіе дѣтскаго труда. Плата, получаемая дѣтьми за ихъ трудъ, въ дѣйствительности не приноситъ никакой пользы рабочему семейству: фабриканты пользуются этимъ, чтобъ настолько же сократить плату взрослыхъ рабочихъ, которая раньше была достаточна для прокормленія всѣхъ членовъ семьи. «Въ самомъ дѣлѣ, результатомъ употребленія дѣтскаго труда было не увеличеніе дохода бѣднаго класса, а лишь увеличеніе труда, обмѣниваемого на ту же сумму, т. е. уменьшеніе поденной платы, между тѣмъ какъ цѣна всего національнаго труда осталась прежней. Такимъ образомъ, безъ всякой выгоды для націи, дѣти бѣдняковъ лишены были единственнаго удовольствія своей жизни, лишены были возможности весело и свободно насладиться тѣмъ возрастомъ, когда развиваются физическія и умственные силы». Симонди не формулировалъ опредѣленно своихъ требованій относительно огражденія дѣтскаго труда, но мыслями его воспользовались его ученики, группировавшіеся вокругъ «Revue mensuelle d'économie politique»,

напр., Villeueuve, выработавший проект относительно дѣтскаго труда на фабрикахъ. По этимъ-же самымъ соображеніямъ Сисмонди высказывается и за воспрещеніе воскреснаго труда. Такъ какъ рабочіе обыкновенно получаютъ лишь то, что необходимо для поддержанія ихъ существованія, то при обязательности воскреснаго отдыха они за шестидневный трудъ получаютъ вознагражденіе, достаточное для существованія въ теченіе семи дней. Если отменить этотъ воскресный отдыхъ, то необходимая заработная плата отъ этого нисколько не увеличится; рабочимъ придется работать изо дня въ день безъ всякихъ перерывовъ, и за 7 дней труда они будутъ получать столько-же, сколько раньше получали за шестидневный трудъ въ недѣлю. «Воскресный отдыхъ—не только еврейскій обрядъ, это не религіозный обрядъ, существующій лишь у одной націи, какъ очищеніе или жертвоприношеніе; этотъ благодѣтельный законъ одинаково исполняется послѣдователями различныхъ религій: евреями, магометанами и христіанами. Отдыхъ этотъ былъ предписанъ человѣку не исключительно для того, чтобы онъ могъ отдаваться молитвѣ и религіознымъ обрядамъ, но и для того, чтобы онъ наслаждался покоемъ и удовольствіями, чтобы веселье, танцы, пѣнье, словомъ всѣ благородныя удовольствія, составляющія потребность человѣка, время отъ времени были-бы доступны также рабу и рабочему» (Nouv. Princ. I, стр. 384).

Сисмонди высказывается далѣе, хотя въ несовсѣмъ опредѣленныхъ выраженіяхъ, въ пользу воспрещенія чрезмѣрно длиннаго рабочаго дня и чрезмѣрно низкой заработной платы. «Итакъ, обязанность правительства, какъ защитника населенія, заключается въ томъ, чтобы ставить преграды тѣмъ жертвамъ, которыя человѣкъ можетъ быть вынужденъ приносить; оно не должно допускать, чтобы рабочій послѣ того, какъ онъ работалъ 10 часовъ въ день, соглашался на работу въ 12, 14, 16 или даже въ 18 часовъ; или—послѣ того, какъ онъ раньше употреблялъ здоровую пищу, животную и растительную, сталъ довольствоваться сухимъ хлѣбомъ, картофелемъ или пустыми щами» (Nouv. Princ. II, стр. 238).

Съ особенной подробностью Сисмонди останавливается на тѣхъ гарантіяхъ, которыя должны быть предоставлены рабочимъ, чтобы обезпечить ихъ на случай болѣзни, несчастій, старости и безработицы. Здѣсь онъ высказывается приблизительно за тѣ самыя мѣры, которыя гораздо позже получили въ нѣкоторыхъ странахъ осуществленіе въ видѣ обязательнаго страхованія рабочихъ. Заработная плата, говоритъ онъ, должна быть достаточна для того, чтобы поддерживать рабочаго не только тогда, когда у него есть работа, но и тогда, когда онъ лишается занятій или въ тѣ дни, когда онъ пользуется отдыхомъ; она должна также обезпечить рабочаго на случай старости и на случай болѣзни (Nouv. Princ. I, стр. 379). Но если заработная плата недостаточна для всего этого, то причиной является наша общественная организація, разорвавшая связь между пред-

ставителями труда и собственностью на землю и капитал. Онъ предлагаетъ поэтому, возложить на хозяевъ промышленныхъ предприятий такіе-же обязанности, какія онъ раньше указывалъ для земельныхъ собственниковъ, т. е. обязанность заботиться о своихъ рабочихъ въ случаѣ болѣзни, старости, несчастія и безработицы. Предприниматели должны соединиться въ корпораціи, и каждый изъ нихъ долженъ дѣлать извѣстные взносы, изъ которыхъ составится касса для оказанія помощи рабочимъ въ указанныхъ выше случаяхъ. Если предприниматели будутъ обязаны поддерживать своихъ рабочихъ въ случаѣ болѣзни, старости, несчастій и безработицы, то они-сами, думаетъ Симонди, будутъ заинтересованы въ томъ, чтобъ рабочіе получали хорошее вознагражденіе, они будутъ болѣе заботиться о здоровой фабричной обстановкѣ, не станутъ подвергать своихъ рабочихъ слишкомъ изнурительному и продолжительному труду, не станутъ такъ поспѣшно вводить новыя машины, дѣлающія «излишними» рабочія руки (Nouv. Princ. II, стр. 361—363).

Симонди не скрываетъ отъ себя, что указанныя мѣры недостаточны, что при современныхъ условіяхъ хозяйствъ положеніе рабочаго никогда не можетъ быть прочнымъ, его заработокъ не можетъ быть гарантированъ. Измѣненіе характера производства въ какой-либо провинціи можетъ отнять заработокъ у рабочихъ другой провинціи; такимъ образомъ, на предпринимателя послѣдней провинціи, безъ всякой вины съ его стороны, падетъ тягость содержанія его рабочихъ, между тѣмъ эти измѣненія въ условіяхъ производства могутъ разорить и самихъ предпринимателей, отъ которыхъ рабочіе должны ждать помощи (Ibid. стр. 363). Другой мѣрой, могущей до нѣкоторой степени гарантировать рабочему болѣе прочное существованіе, является, по мнѣнію Симонди, участіе рабочихъ въ прибыли предприятия. Онъ поэтому рекомендуетъ государству предоставить нѣкоторые преимущества, матеріальныя и политическія, тѣмъ предпринимателямъ, которые нанимаютъ рабочихъ на болѣе продолжительные сроки и предоставляютъ имъ нѣкоторую долю въ прибыли (Ibid. стр. 366).

Практическая программа Симонди не ограничивается перечисленными мѣрами въ области сѣльскаго хозяйства и обрабатывающей промышленности; въ ученіи о налогахъ онъ, подобно современнымъ нѣмецкимъ экономистамъ, предлагаетъ рядъ финансовыхъ мѣръ, которыя также должны вести къ болѣе равномерному и справедливому распредѣленію богатства. Исходя изъ того соображенія, что налоги, уплачиваемые гражданами, являются вознагражденіемъ за то покровительство, какое государство оказываетъ ихъ личности и ихъ собственности, онъ считаетъ вполне справедливымъ, чтобы каждый платилъ соотвѣтственно тѣмъ выгодамъ, какія онъ извлекаетъ изъ общественнаго строя, и тѣмъ тратамъ, какія общество дѣлаетъ въ его интересахъ. Поэтому, хотя онъ и признаетъ общій принципъ, что каждый долженъ платить налоги пропорціонально

своему доходу, но считает необходимымъ рядъ отступленій. «Большая часть общественныхъ расходовъ, говоритъ Сисмонди, предназначается для защиты богатаго противъ бѣднаго; если-бы ихъ предоставили самимъ себѣ, то богатые скоро были-бы разорены бѣдными. Такимъ образомъ, налоги, уплачиваемые богатыми для поддержанія столь выгоднаго для нихъ порядка, не только должны быть пропорціональны ихъ состоянію, но даже должны превышать эту пропорцію тѣмъ болѣе, что гораздо справедливѣе брать отъ излишка богатаго, чѣмъ изъ скудныхъ средствъ бѣдняка... Большая часть общественныхъ работъ, большая часть военныхъ расходовъ и расходовъ на правосудіе совершаются скорѣе ради земельной, чѣмъ ради движимой собственности; было-бы справедливо поэтому, чтобы съ землевладѣльцевъ взымали болѣе большой налогъ, чѣмъ съ другихъ гражданъ. Далѣе, хотя бѣдный также пользуется преимуществами общественнаго строя, но богатый капиталистъ, купецъ или фабрикантъ пользуются ими въ гораздо большей степени. Они еще болѣе, нежели землевладѣльцы, если это возможно, возбуждаютъ зависть бѣдняка, и при анархіи ихъ имущество было-бы моментально уничтожено. Чтобы извлечь выгоду изъ своихъ капиталовъ, они или сами, или черезъ своихъ служащихъ и должниковъ, ведутъ постоянную борьбу съ бѣдняками, работающими на нихъ; они ставятъ имъ чрезвычайно жестокія, иногда даже просто безразсудныя условія. Но для этого недостаточно ихъ собственныхъ силъ; они заимствуютъ силы у общества. Промышленность, изъ которой они прямо или косвенно извлекаютъ всѣ свои доходы, не могла-бы существовать, если-бы правительство, защищающее болѣею частью установленный порядокъ, не разбирая даже правъ различныхъ сторонъ, не оказывало бы постоянно поддержки тому, кто владѣетъ чѣмъ нибудь, противъ тѣхъ, которые ничѣмъ не владѣютъ. Такимъ образомъ, налоги, уплачиваемые землевладѣльцами, должны быть болѣе нежели пропорціональны ихъ доходу, чтобы вознаградить правительство за расходы, совершаемые исключительно ради нихъ; налоги-же, уплачиваемые капиталистами, также должны превышать эту пропорцію, такъ какъ они даже своимъ существованіемъ обязаны правительству» *). Эти цитаты ясно показываютъ, что Сисмонди считалъ подоходно-пропорціональный налогъ недостаточнымъ; онъ находилъ справедливымъ съ болѣе крупныхъ доходовъ, какъ землевладѣльцевъ, такъ и капиталистовъ, взымать нѣсколько болѣе, чѣмъ пропорціональный налогъ. Въ этомъ отношеніи нѣмецкіе экономисты ушли немногимъ далѣе. Среди различныхъ правилъ обложенія Сисмонди выставилъ также правило, что та часть дохода, которая необходима для существованія, не должна быть облагаема налогами. «Такъ какъ налогъ есть цѣна, уплачиваемая гражданиномъ за получаемое имъ наслажденіе, то его нельзя

*) Nouv. Princ. II. стр. 155—157.

требовать отъ того, кто не пользуется никакими наслажденіями; налогъ, слѣдовательно, никогда не долженъ падать на ту часть дохода, которая необходима для существованія плательщика». (Nouv. Princ. 170). Другими словами, онъ признаетъ необходимость освободить отъ обложенія такъ называемый Existenzminimum.

Далѣе мы находимъ у Симонди весьма интересную главу, посвященную налогамъ на потребление. Онъ высказывается противъ этихъ налоговъ не только потому, что ихъ взиманіе сопряжено съ большими расходами, требуется большая армія чиновниковъ и проч., не только потому, что мы никогда въ точности не знаемъ, на кого, въ концѣ-концовъ, падетъ этотъ налогъ, но главнымъ образомъ потому, что налоги эти падаютъ преимущественно на бѣдные классы населенія. «Если перечислить всѣ тѣ части дохода богача, которые избавлены отъ налога, то мы увидимъ, что онъ едва съ одной десятой своихъ расходовъ уплачиваетъ налоги на потребление. А по мѣрѣ того, какъ мы спускаемся къ бѣднымъ классамъ, налоги все возвышаются сравнительно съ доходами; доходъ же наиболѣе бѣднаго класса, класса фабричныхъ рабочихъ, который тратится почти исключительно на сѣбствыя припасы, привезенные въ города, этотъ доходъ цѣликомъ подвергнуть обложенію. Такимъ образомъ, предложеніе уничтожить всѣ прямые налоги и собирать государственные доходы лишь при помощи налоговъ на потребление—предложеніе крайне несправедливое и не гуманное; оно почти равносильно тому, чтобы освободить богатыхъ чуть-ли не отъ всѣхъ налоговъ и взимать налоги только съ бѣдныхъ». Налоги на потребление должны, по мнѣнію Симонди, быть только дополненіемъ къ прямымъ налогамъ. Симонди рѣзко возстаетъ противъ извѣстнаго мнѣнія Рикардо, утверждавшаго, что косвенные налоги не вредны для рабочаго класса на томъ основаніи, будто они ведутъ къ соотвѣстственному повышенію рабочей платы и такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ, уплачиваются предпринимателями.

Послѣ всего вышесказаннаго ясно, я думаю, насколько несправедливо мнѣніе, будто у Симонди не было никакой положительной программы. Мы видѣли, что онъ призывалъ государственное вмѣшательство для защиты слабаго отъ сильнаго, чтобы внести въ отношенія между представителями капитала и труда больше справедливости. Онъ указалъ рядъ мѣръ въ области сельскаго хозяйства и обрабатывающей промышленности, которыя должны, по его мнѣнію, содѣйствовать болѣе равномерному распредѣленію богатствъ и хотъ отчасти смягчить вредныя стороны капиталистическаго хозяйства; онъ высказался въ пользу свободы рабочихъ союзовъ, въ пользу ограниченія дѣтскаго труда, установленія дня отдыха въ недѣлю, регулированія заработной платы и длины рабочаго дня; онъ предложилъ рядъ мѣръ, осуществленныхъ недавно въ нѣкоторыхъ странахъ, въ видѣ рабочаго страхованія; кромѣ того, финан-

совая политика, по его мнѣнію, также должна быть направлена къ смягченію неравномѣрности въ распредѣленіи богатствъ. Онъ поэтому находить справедливымъ, чтобы съ богатаго налогъ взимался въ большей пропорціи, чѣмъ съ бѣднаго, чтобы Existenzminimum былъ свободенъ отъ обложенія, чтобы налоги на потребление являлись лишь дополненіемъ къ болѣе справедливымъ прямымъ налогамъ. Правда, предложенія Сисмонди не всегда формулированы точно и опредѣленно, но вѣдь не слѣдуетъ забывать, что онъ писалъ въ первой четверти XIX столѣтія, когда требованіе государственнаго вмѣшательства считалось чуть-ли не ересью.

Въ ученіи Сисмонди важны, однако, не столько отдѣльныя, спеціальныя мѣры, предлагавшіяся имъ, сколько общій духъ, которымъ проникнута вся его система. Вопреки классической школѣ, онъ выдвигаетъ съ особенной силой интересы распредѣленія, а не интересы производства. Черезъ всѣ его труды проходитъ идея, воспринятая потомъ Стюартомъ Миллемъ, что общественные законы не носятъ того абсолютнаго характера, какимъ отличаются законы естественныя, что система распредѣленія богатствъ и вообще вся хозяйственная организація сложились въ значительной степени подъ влияніемъ человѣка, а потому человѣкъ же въ состояніи ихъ измѣнить. «Организація человѣческаго общества, говоритъ онъ, есть дѣло нашихъ рукъ (*l'organisation de la société humaine est notre ouvrage*); мы всегда въ силахъ остановить ея дѣйствіе, если она причиняетъ большія страданія, мы не должны съ этимъ примиряться и не имѣемъ права сваливать отвѣтственность за наши дѣйствія на какой-то ложный фатализмъ». Хотя Сисмонди и не могъ отрѣшиться отъ частно-хозяйственной организаціи производства, но онъ и въ этомъ отношеніи всетаки ушелъ дальше многихъ видныхъ представителей современной исторической школы политической экономіи. Институтъ наемнаго труда онъ не считалъ чѣмъ-то постояннымъ и вѣчнымъ, какимъ его считаютъ современные экономисты *). Онъ категорически заявилъ, что, по его мнѣнію, наемный трудъ есть такое же историческое и временное явленіе, какъ рабство и крѣпостничество. «Нашъ взоръ, говоритъ онъ, такъ привыкъ къ современной общественной организаціи, къ этой всеобщей конкуренціи, устанавливающей враждебныя отношенія между классомъ богатыхъ и трудящейся массой, что мы не можемъ себѣ представить другой формы существованія... Но почему не допустить, что мы откроемъ основной порокъ системы наемнаго труда точно такъ же, какъ мы открыли порокъ рабства, феодализма и цеховой организаціи. Когда господствовали эти три системы, также нельзя было себѣ представить, какая система явится имъ на смѣну; исправленіе существующаго порядка тогда также должно было ка-

*) Brentano Lujo, Die Arbeitsgilden der Gegenwart 2 B., Leipzig, 1872 г., глава V.

заться невозможнымъ и абсурднымъ. Безъ сомнѣнія, настанетъ время, когда наши внуки будутъ считать насъ варварами за то, что мы оставляли трудящіеся классы безъ гарантій, подобно тому, какъ они будутъ считать и какъ мы сами считаемъ варварами всѣ тѣ націи, которыя довели свои трудящіеся классы до состоянія рабства». (*Nouv. Princ.* II, стр. 434—435).

Нашъ взглядъ на значеніе Симонда де-Сисмонди мы можемъ резюмировать въ слѣдующихъ словахъ, коими одинъ нѣмецкій экономистъ охарактеризовалъ все направленіе, родоначальникомъ котораго явился авторъ «*Nouveaux Principes*». «Это направленіе въ высшей степени тонко разобрало всѣ тѣ противорѣчія, какія существуютъ въ современныхъ условіяхъ производства. Оно раскрыло лицемерныя прикрашиванія экономистовъ. Оно неопровержимо доказало разрушительное вліяніе машинъ и раздѣленія труда, оно указало на концентрацію капиталовъ и земельной собственности, на существованіе кризисовъ и на неизбежную гибель мелкихъ ремесленниковъ и крестьянъ, на бѣдственное положеніе пролетаріата, на анархію производства, на вопиющую неравномерность въ распредѣленіи богатства, на разрушительную промышленную войну различныхъ націй между собою, на разложеніе старыхъ нравовъ, старыхъ семейныхъ устоевъ и старыхъ національностей». Прибавимъ къ этому, что по нѣкоторымъ теоретическимъ воззрѣніямъ Сисмонди является предшественникомъ самыхъ выдающихся новѣйшихъ экономистовъ: вспомнимъ его взгляды на доходъ съ капитала, на кризисъ, его классификацію національнаго дохода и т. д. Что же касается его практическихъ предложеній, его положительныхъ проектовъ, то въ этомъ отношеніи мы съ полнымъ правомъ можемъ смотрѣть на него, какъ на родоначальника этического или социальнаго-реформаторскаго направленія.

Если Сисмонди оказалъ на своихъ современниковъ слишкомъ слабое вліяніе, если предлагавшіяся имъ социальныя реформы не получили осуществленія, то это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ значительно опередилъ свою эпоху. Онъ писалъ въ то время, когда буржуазія праздновала свой медовый мѣсяцъ; онъ раскрылъ язвы современнаго ему общества, когда июльская революція окончательно передала власть и могущество въ руки буржуазіи. Понятно, что при такихъ условіяхъ голосъ человѣка, требовавшаго социальныхъ реформъ, долженъ былъ оставаться гласомъ вопиющаго въ пустынь. Но вѣдь мы знаемъ, что и потомство отнеслось къ нему немногимъ лучше. Это объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что Сисмонди является, какъ мы уже сказали выше, писателемъ переходной эпохи: хотя онъ и желаетъ крупныхъ измѣненій, онъ тѣмъ не менѣе не можетъ вполне отрѣшиться отъ стараго. Умѣреннымъ людямъ онъ казался потому слишкомъ радикальнымъ, а на взглядъ представителей болѣе крайнихъ направленій онъ былъ слишкомъ умѣреннымъ.

Нельзя всетаки думать, что идеи Сисмонди прошли совершенно безслѣдно, что онѣ пропали даромъ. Онѣ дали толчекъ къ образованію школы экономистовъ, группировавшихся вокругъ «*Revue mensuelle d'économie politique*» и развивавшихъ болѣе подробно и опредѣленно тѣ практическія требованія, которыя высказаны были у Сисмонди лишь въ общей формѣ. Кроме того, его общія социальныя и теоретическія воззрѣнія оказали сильное вліяніе на такихъ видныхъ экономистовъ, какъ Томпсонъ, Милль, Родбертусъ и другіе. Эти писатели переработали его идеи, не всегда опредѣленныя и ясныя, а подчасъ просто обивчивыя, въ стройную и цѣльную систему.

Важной заслугой Сисмонди останется далѣе и то, что онѣ является однимъ изъ первыхъ экономистовъ, содѣйствовавшихъ тому сближенію исторіи съ политической экономіей, которое оказало столь благотворное вліяніе на ту и другую дисциплины. Въ области исторіи, рядомъ съ изученіемъ памятниковъ искусства, литературы, права и проч., стало все болѣе и болѣе выдвигаться на первый планъ изученіе хозяйственныхъ явленій. Въ области политической экономіи стали играть все болѣшую и болѣшую роль провѣрка и освѣщеніе дедуктивныхъ выводовъ путемъ историческихъ изслѣдованій и вообще изученіе исторіи хозяйства. Сисмонди является одновременно и историкомъ, и талантливымъ экономистомъ, въ его лицѣ осуществилось сближеніе исторіи съ политической экономіей.

Б. Эфруси.

* * *

Когда въ пустынь раскаленной
Ты совершаешь трудный путь
И страстно жаждешь, утомленный,
Хоть на мгновенье отдохнуть;

Когда вокруг тебя сверкает
Неумолимо знойный день,—
Порою взоръ твой различает
Дворцы, фонтаны, рощи тѣнь,

И ты, забывъ объ утомленьи,
Идешь, бѣжишь туда скорѣй,
Ты предвкушаешь наслажденье
Въ тѣни таинственныхъ вѣтвей...

Не трать слабѣющія силы,
Ты вновь пустыней окруженъ,
И все, что такъ тебя плѣнило,
Лишь только бредъ, лишь только сонъ.

Иди впередъ, мечтою лживой
Своей души не соблазняй
И, путь свершая терпѣливо,
Въ обѣтованный вступишь край.

Allegro.

Въ юртѣ послѣдняго киргизскаго царевича*).

(Изъ поѣдки въ Кокчетавскій уѣздъ).

Едва-ли читатель знаетъ, гдѣ это Кокчетавскій уѣздъ. Не многимъ яснѣе для него станеть, если сказать, что это въ Акмолинской области, и развѣ когда назовешь Киргизскую степь, то онъ уразумѣетъ, въ которую сторону нужно выйти изъ воротъ, направо или налѣво, чтобы попасть въ этотъ уѣздъ, и у него появятся нѣкоторыя представленія о пейзажѣ и о людяхъ этой мѣстности. Но тутъ выйдетъ еще хуже, потому что эти представленія совсѣмъ не будутъ вѣрны дѣйствительности. Киргизская степь! значить это что-то плоское, монотонное, сѣрое, скучное, безъ голубыхъ водъ и безъ зеленого покрова земной поверхности, это край, гдѣ задыхаются отъ пыли, страдаютъ отъ жажды и утоляютъ ее изъ застоявшихся колодезей,—словомъ, что-то въ родѣ Сахары или Гоби. На самомъ же дѣлѣ это край съ высокими лѣсистыми горами, съ горными рѣчками и множествомъ большихъ прѣсныхъ озеръ, покрытый сосновыми борами, березовыми лѣсами и луговыми степями,—словомъ, край благодатный и очень богатый живописными уголками.

При обширности нашего отечества, вѣроятно, не мало такихъ

*) Настоящая статья есть рассказъ о дняхъ, проведенныхъ мною въ юртѣ киргизскаго султана Чингиса Валиевича Валиханова. Султанъ Чингисъ сынъ послѣдняго киргизскаго хана Вали, почему я и называю его въ заголовкѣ статьи киргизскимъ царевичемъ. У хана Вали было двѣ жены; отъ старшей жены былъ сынъ Габайдулла и друг.; у младшей, ханьши Айханымъ старшій сынъ назывался Чингисъ; у него было два брата: Чепе и Альджанъ. Послѣ смерти Вали - хана киргизы объявили ханомъ Габайдулла, но сохраненіе ханской власти въ ордѣ не входило въ расчеты русскаго правительства; Габайдулла былъ арестованъ и отвезенъ въ ссылку въ Березовъ; такъ кончилась ханская власть въ ордѣ. Братья Чингиса, Чепе и Альджанъ, умерли; если изъ дѣтей младшей ханьши остался теперь только одинъ Чингисъ, то очень вѣроятно, что изъ дѣтей старшей ханьши никого не осталось, такъ что изъ всѣхъ сыновей послѣдняго хана Вали въ живыхъ теперь, вѣроятно, одинъ только султанъ Чингисъ, и мы думаемъ, что мы имѣемъ полное право величать султана Чингиса «послѣднимъ» киргизскимъ хановичемъ или царевичемъ.

уголковъ, которые мало извѣстны, хотя бы заслуживали большей популярности. Кокчетавскій же уѣздъ тѣмъ болѣе вправѣ разсчитывать на общественное вниманіе, что въ него теперь устремляется сильное движеніе переселенцевъ.

Одинъ научный узко-спеціальный вопросъ привелъ меня прошлымъ лѣтомъ въ этотъ хорошенькій уголокъ. До города Петропавловска, лежащаго на сѣверной границѣ Кокчетавскаго уѣзда, доходитъ желѣзная дорога; отъ Петропавловска до города Кокчетава приходится ѣхать на почтовыхъ. Послѣ четырехдневнаго заточенія въ вагонѣ, мелкія неудобства ѣзды на перекладныхъ въ открытомъ экипажѣ, то есть въ простой тележкѣ, переносясь съ удовольствіемъ и въ охотку.

Чѣмъ болѣе удаляешься на югъ отъ Петропавловска, тѣмъ рѣже становятся березовые «колки», т. е. березовыя рощи; цвѣтистый луговой коверъ ишимскихъ степей, окружающихъ Петропавловскъ, сменяется волнующимся моремъ ковылей; вмѣсто «томаровъ», чаще-образныхъ углубленій въ почвѣ съ выбухимъ болотомъ въ серединѣ, появляются солонцы. Словомъ, Ишимская степь переходитъ въ Киргизскую, которая на отдаленной южной своей окраинѣ превращается въ безплодную пустыню, извѣстную у киргизъ подъ названіемъ Проклятой степи (Бедпакъ-дала), а у русскихъ подъ именемъ Голодной. Переходъ этотъ былъ-бы непрерывенъ, если-бы въ 200 верстахъ къ югу отъ Петропавловска не было горъ, которыя тутъ проходить съ запада на востокъ и пересѣкаютъ нашу дорогу. У сѣверной подошвы этихъ горъ степь становится уже типически безлѣсной, настоящею киргизскою, но тутъ вдругъ вмѣстѣ съ горами опять появляются березовыя колки и, чего нѣтъ даже около Петропавловска, основныя боры на горахъ, а между горами, вмѣсто солончаковъ, разстилаются прѣсныя озера и струятся горныя рѣчки.

Отъ Петропавловска вплоть до Кокчетава—разстояніе въ сто семьдесятъ верстъ—дорога гладкая, ровная, но станціи за двѣ до Кокчетава открывается видъ на кокчетавскій Кавказъ; весь южный горизонтъ представляется взволнованнымъ; прямо на югъ видны плоскія возвышенности или холмы, но налѣво и направо отъ нихъ видны синія горы съ крутыми профилями, очевидно скалистыя. При подошвѣ невысокихъ холмовъ, которые видны прямо въ концѣ дороги, и расположенъ небольшой городокъ Кокчетавъ, киргизскій «Владикавказъ»; подобно кавказскому, этотъ киргизскій «Владикавказъ» лежитъ на плоскости, но гора начинается сейчасъ же за городомъ, и городской садъ находится уже на горѣ.

Кокчетавъ едва-ли имѣетъ болѣе двухъ тысячъ жителей; весь деревянный, ни одной выдающейся постройки, двѣ церкви и двѣ мечети; изъ этого уже видно, что половина населенія состоитъ изъ мусульманъ; мечети красивѣе церквей; есть лавочные ряды, въ которыхъ торгуютъ преимущественно татары. Городъ состоитъ изъ двухъ частей: изъ мѣщанской слободы и казачьей станицы. Интел-

лигенція въ городѣ главнымъ образомъ состоитъ изъ казачьихъ офицеровъ. Тутъ есть казачій клубъ, казачья (единственная) общественная библіотека; единственная въ городѣ школа для дѣвочекъ, въ которой учатся и мѣщанскія дѣти, тоже казачья.

Здѣсь прежде всего я познакомился съ казачьимъ полковникомъ Н. А. Симоновымъ, о которомъ я слышалъ еще въ Петропавлоскѣ (мнѣ рекомендовали обратиться къ нему за совѣтами). Дѣйствительно, я встрѣтилъ въ домѣ г. Симонова самый теплый пріемъ; г. Симоновъ направилъ меня къ помощнику уѣзднаго начальника г. Делазари; самого начальника въ это время въ Кокчетавѣ не было; онъ уѣхалъ въ отпускъ въ Россію. Г. Делазари былъ ко мнѣ очень любезенъ и оказалъ мнѣ такія услуги, безъ которыхъ моя дальнѣйшая поѣздка не была бы удачна. Конечной цѣлью ея былъ аулъ Валихановыхъ; это киргизская семья, съ которой я былъ давно знакомъ; съ однимъ изъ братьевъ Валихановыхъ, Чоканомъ, давно уже умершимъ, мы были школьные товарищи; впоследствии я встрѣчался также и съ другими братьями и съ ихъ отцомъ. Мой планъ на лѣто былъ такой — заѣхать въ аулъ Валихановыхъ, поселиться въ немъ, если меня примутъ, и работать. Но я никогда не переписывался съ Валихановыми и даже не зналъ, живъ ли султанъ *) Чингисъ, отецъ Чокана.

Я зналъ, что зимовка Валихановыхъ находится въ урочищѣ Серембетъ, но теперь лѣто, аулъ Валихановыхъ откочевалъ на лѣтовку, слѣдовательно, въ Серембети искать его нечего; нужно было въ Кокчетавѣ узнать, гдѣ находится лѣтовка Валихановыхъ; да и о самомъ Серембети я не зналъ, въ какомъ разстояніи оно лежитъ отъ Кокчетава.

Г. Делазари далъ мнѣ въ проводники одного изъ «почтовойше», которые состоятъ на службѣ при уѣздномъ полицейскомъ управленіи. Такъ называются полицейскіе разсыльные изъ киргизъ. Это обыкновенно бойкіе, расторопные люди, соединяющіе знаніе кочевыхъ обычаевъ съ знаніемъ русскаго языка, незаменимые для русскихъ чиновниковъ во время ихъ разъѣздовъ по степи. Данный мнѣ «почтовойше» носилъ имя Найманъ; онъ потомъ, въ дальнѣйшей нашей поѣздкѣ, оказался неоцѣненнымъ товарищемъ.

Еще до моего знакомства съ Найманомъ я отъ кого-то получилъ пріятное извѣстіе, что султанъ Чингисъ живъ. Вслѣдъ за тѣмъ Найманъ въ тотъ же самый день, какъ мы съ нимъ познакомились, привелъ въ мою квартиру родственниковъ султана Чингиса, по какимъ-то дѣламъ пріѣхавшихъ въ Кокчетавъ. Они сообщили, что Чингисъ стоитъ подъ горой Тохту, въ 30 верстахъ отъ казачьяго селенія Бабыка. Пріѣхавшіе родственники Валиханова рекомендо-

*) Султанами у киргизъ называются потомки хановъ; они составляютъ высшее сословіе киргизскаго народа, которое называется «бѣлою костью» въ отличіе отъ «черной кости», т. е. отъ простолюдины.

вали мнѣ прожить нѣсколько лишнихъ дней въ Кокчетавѣ, чтобы дать имъ время, справивъ свои дѣла, уѣхать впередъ и оповѣстить султана Чингиса; намъ бы изъ аула выслали въ Бабыкъ тарантасъ и лошадей. Но времени и такъ было потеряно много; согласиться было нельзя, и мы на другой день выѣхали изъ Кокчетава по дорогѣ въ Бабыкъ. Со мной ѣхалъ также студентъ петербургскаго университета киргизскій султанъ Султанъ-газинъ, котораго я пригласилъ сопутствовать мнѣ въ качествѣ переводчика, встрѣтившись съ нимъ еще по дорогѣ въ Петропавловскъ; Найманъ сидѣлъ у насъ на козлахъ.

По всей дорогѣ до Бабыка намъ попадались русскія селенія, такъ что вездѣ мы ѣхали въ тележкѣ на смѣнныхъ лошадяхъ; мѣстами станціи были не болѣе 15 верстъ. Всего въ Кокчетавскомъ округѣ насчитывается до сорока русскихъ селеній; частью это казачьи станицы, частью крестьянскія деревни. Только первая станція отъ Кокчетава стоитъ одиноко среди такой же пустыни, какъ и та, которая окружаетъ городъ Кокчетавъ; но неприглядныя окрестности этого города не даютъ никакого представленія о живописныхъ картинахъ, которыя открываются въ глубинѣ края, хотя схематическія черты мѣстнаго пейзажа и здѣсь уже есть: гора, при поднѣвѣ горы озеро, на берегу озера селеніе — вотъ схема всѣхъ здѣшнихъ, наиболѣе живописныхъ мѣстечекъ. Это все есть у города Кокчетава, но только тѣ двѣ горюшки, которыя торчатъ надъ озеромъ, слишкомъ ничтожны, чтобы ослабить монотонный характеръ прилегающей плоской степи; менѣе, чѣмъ въ часъ ходьбы, можно быть на самой высшей ихъ точкѣ; онѣ плоски, на нихъ нѣтъ никакихъ скалистыхъ выступовъ и, кромѣ того, онѣ совершенно голы, безлѣсны, какъ безлѣсна и плоскость, окружающая со всѣхъ сторонъ большое кокчетавское озеро. Словомъ, окрестности Кокчетава не даютъ никакого намека на красоты, которыя скрываются за этими прованческими предгорьями.

Селенія, которыя мы видѣли на дорогѣ, Челкаръ, Янгиставъ, Аиртавъ—всѣ расположены въ живописныхъ мѣстностяхъ; каждое лежитъ на берегу озера, надъ которымъ непременно съ одной стороны круто поднимаются скалистыя горы, покрытыя густымъ сосновымъ лѣсомъ. Промежуточные между горами, сравнительно болѣе плоскія пространства покрыты болѣе или менѣе густыми березовыми рощами, а промежутки между рощами покрыты высокой по колѣно луговой травой; люцерна иногда заливаетъ цѣлыя десятины своимъ желтымъ цвѣтомъ. Въ горахъ травы еще выше; нѣкоторыя своей высотой почти въ ростъ человѣка напоминаютъ могущественную растительность Алтая. Не мудрено, что въ этотъ уголокъ устремилась волна переселенцевъ. Такія живописныя мѣста тянутся на сто верстъ къ западу отъ Кокчетава и на сто верстъ къ востоку. Особенно красивы, по общему отзыву, мѣста къ востоку

лигенція въ городѣ главнымъ образомъ состоитъ изъ казачьихъ офицеровъ. Тутъ есть казачій клубъ, казачья (единственная) общественная библіотека; единственная въ городѣ школа для дѣвочекъ, въ которой учатся и мѣщанскія дѣти, тоже казачья.

Здѣсь прежде всего я познакомился съ казачьимъ полковникомъ Н. А. Симоновымъ, о которомъ я слышалъ еще въ Петропавлоскѣ (мнѣ рекомендовали обратиться къ нему за совѣтами). Дѣйствительно, я встрѣтилъ въ домѣ г. Симонова самый теплый пріемъ; г. Симоновъ направилъ меня къ помощнику уѣзднаго начальника г. Делазари; самого начальника въ это время въ Кокчетавѣ не было; онъ уѣхалъ въ отпускъ въ Россію. Г. Делазари былъ ко мнѣ очень любезенъ и оказалъ мнѣ такія услуги, безъ которыхъ моя дальнѣйшая побѣдка не была бы удачна. Конечной цѣлью ея былъ аулъ Валихановыхъ; это киргизская семья, съ которой я былъ давно знакомъ; съ однимъ изъ братьевъ Валихановыхъ, Чоканомъ, давно уже умершимъ, мы были школьные товарищи; впоследствии я встрѣчался также и съ другими братьями и съ ихъ отцомъ. Мой планъ на лѣто былъ такой — захватъ въ аулъ Валихановыхъ, посидѣться въ немъ, если меня примутъ, и работать. Но я никогда не переписывался съ Валихановыми и даже не зналъ, живъ ли султанъ *) Чингисъ, отецъ Чокана.

Я зналъ, что зимовка Валихановыхъ находится въ урочищѣ Серембетъ, но теперь лѣто, аулъ Валихановыхъ откочевалъ на лѣтовку, слѣдовательно, въ Серембети искать его нечего; нужно было въ Кокчетавѣ узнать, гдѣ находится лѣтовка Валихановыхъ; да и о самомъ Серембети я не зналъ, въ какомъ разстояніи оно лежитъ отъ Кокчетава.

Г. Делазари далъ мнѣ въ проводники одного изъ «почтовойше», которые состоятъ на службѣ при уѣздномъ полицейскомъ управленіи. Такъ называются полицейскіе разсыльные изъ киргизъ. Это обыкновенно бойкіе, расторопные люди, соединяющіе знаніе кочевыхъ обычаевъ съ знаніемъ русскаго языка, незамѣнимые для русскихъ чиновниковъ во время ихъ разъѣздовъ по степи. Данный мнѣ «почтовойше» носилъ имя Найманъ; онъ потомъ, въ дальнѣйшей нашей побѣдѣ, оказался неоцѣненнымъ товарищемъ.

Еще до моего знакомства съ Найманомъ я отъ кого-то получилъ пріятное извѣстіе, что султанъ Чингисъ живъ. Въслѣдъ за тѣмъ Найманъ въ тотъ же самый день, какъ мы съ нимъ познакомились, привелъ въ мою квартиру родственниковъ султана Чингиса, по какимъ-то дѣламъ пріѣхавшихъ въ Кокчетавъ. Они сообщили, что Чингисъ стоитъ подъ горой Тохту, въ 30 верстахъ отъ казачьяго селенія Вабыка. Пріѣхавшіе родственники Валиханова рекомендо-

*) Султанами у киргизъ называются потомки хановъ; они составляютъ высшее сословіе киргизскаго народа, которое называется «бѣлою костью» въ отличіе отъ «черной кости», т. е. отъ простолюдины.

вали мнѣ прожить нѣсколько лишнихъ дней въ Кокчетавѣ, чтобы дать имъ время, справивъ свои дѣла, уѣхать впередъ и оповѣстить султана Чингиса; намъ бы изъ аула выслали въ Бабыкѣ тарантасы и лошадей. Но времени и такъ было потеряно много; согласиться было нельзя, и мы на другой день выѣхали изъ Кокчетава по дорогѣ въ Бабыкѣ. Со мной ѣхалъ также студентъ петербургскаго университета киргизскій султанъ Султанъ-газинъ, котораго я пригласилъ сопутствовать мнѣ въ качествѣ переводчика, встрѣтившись съ нимъ еще по дорогѣ въ Петропавловскъ; Найманъ сидѣлъ у насъ на козлахъ.

По всей дорогѣ до Бабыка намъ попадались русскія селенія, такъ что вездѣ мы ѣхали въ тележкѣ на смѣнныхъ лошадяхъ; мѣстами станціи были не болѣе 15 верстъ. Всего въ Кокчетавскомъ округѣ насчитывается до сорока русскихъ селеній; частью это казачьи станціи, частью крестьянскія деревни. Только первая станція отъ Кокчетава стоитъ одиноко среди такой же пустыни, какъ и та, которая окружаетъ городъ Кокчетавъ; но неприглядныя окрестности этого города не даютъ никакого представленія о живописныхъ картинахъ, которыя открываются въ глубинѣ края, хотя схематическія черты мѣстнаго пейзажа и здѣсь уже есть: гора, при подшвѣ горы озеро, на берегу озера селеніе — вотъ схема всѣхъ здѣшнихъ, наиболѣе живописныхъ мѣстечекъ. Это все есть у города Кокчетава, но только тѣ двѣ горюшки, которыя торчатъ надъ озеромъ, слишкомъ ничтожны, чтобы ослабить монотонный характеръ прилегающей плоской степи; менѣе, чѣмъ въ часъ ходьбы, можно быть на самой высшей ихъ точкѣ; онѣ плоски, на нихъ нѣтъ никакихъ скалистыхъ выступовъ и, кромѣ того, онѣ совершенно голы, безлѣсны, какъ безлѣсна и плоскость, окружающая со всѣхъ сторонъ большое кокчетавское озеро. Словомъ, окрестности Кокчетава не даютъ никакого намека на красоты, которыя скрываются за этими прованческими предгорьями.

Селенія, которыя мы видѣли на дорогѣ, Челкаръ, Янгиставъ, Аиртавъ—всѣ расположены въ живописныхъ мѣстностяхъ; каждое лежитъ на берегу озера, надъ которымъ непремѣнно съ одной стороны круто поднимаются скалистыя горы, покрытыя густымъ сосновымъ лѣсомъ. Промежуточные между горами, сравнительно болѣе плоскія пространства покрыты болѣе или менѣе густыми березовыми рощами, а промежутки между рощами покрыты высокой по колѣно луговой травой; люцерна иногда заливаетъ цѣлыя десятины своимъ желтымъ цвѣтомъ. Въ горахъ травы еще выше; нѣкоторыя своей высотой почти въ ростъ человѣка напоминаютъ могущественную растительность Алтая. Не мудрено, что въ этотъ уголокъ устремилась волна переселенцевъ. Такія живописныя мѣста тянутся на сто верстъ къ западу отъ Кокчетава и на сто верстъ къ востоку. Особенно красивы, по общему отзыву, мѣста къ востоку

лигенція въ городѣ главнымъ образомъ состоитъ изъ казачьихъ офицеровъ. Тутъ есть казачій клубъ, казачья (единственная) общественная библіотека; единственная въ городѣ школа для дѣвочекъ, въ которой учатся и мѣщанскія дѣти, тоже казачья.

Здѣсь прежде всего я познакомился съ казачьимъ полеовникомъ Н. А. Симоновымъ, о которомъ я слышалъ еще въ Петропавлоскѣ (мнѣ рекомендовали обратиться къ нему за совѣтами). Дѣйствительно, я встрѣтилъ въ домѣ г. Симонова самый теплый пріемъ; г. Симоновъ направилъ меня къ помощнику уѣзднаго начальника г. Делазари; самого начальника въ это время въ Кокчетавѣ не было; онъ уѣхалъ въ отпускъ въ Россію. Г. Делазари былъ ко мнѣ очень любезенъ и оказалъ мнѣ такія услуги, безъ которыхъ моя дальнѣйшая поѣздка не была бы удачна. Конечной цѣлью ея былъ аулъ Валихановыхъ; это киргизская семья, съ которой я былъ давно знакомъ; съ однимъ изъ братьевъ Валихановыхъ, Чоканомъ, давно уже умершимъ, мы были школьные товарищи; впоследствии я встрѣчался также и съ другими братьями и съ ихъ отцомъ. Мой планъ на лѣто былъ такой — заѣхать въ аулъ Валихановыхъ, поселиться въ немъ, если меня примутъ, и работать. Но я никогда не переписывался съ Валихановыми и даже не зналъ, живъ ли султанъ *) Чингисъ, отецъ Чокана.

Я зналъ, что зимовка Валихановыхъ находится въ урочищѣ Серембетъ, но теперь лѣто, аулъ Валихановыхъ откочевалъ на лѣтовку, слѣдовательно, въ Серембети искать его нечего; нужно было въ Кокчетавѣ узнать, гдѣ находится лѣтовка Валихановыхъ; да и о самомъ Серембети я не зналъ, въ какомъ разстояніи оно лежитъ отъ Кокчетава.

Г. Делазари далъ мнѣ въ проводники одного изъ «почтовойше», которые состоятъ на службѣ при уѣздномъ полицейскомъ управленіи. Такъ называются полицейскіе разсыльные изъ киргизъ. Это обыкновенно бойкіе, расторопные люди, соединяющіе знаніе кочевыхъ обычаевъ съ знаніемъ русскаго языка, незаменимые для русскихъ чиновниковъ во время ихъ разъѣздовъ по степи. Данный мнѣ «почтовойше» носилъ имя Найманъ; онъ потомъ, въ дальнѣйшей нашей поѣздкѣ, оказался неоцѣненнымъ товарищемъ.

Еще до моего знакомства съ Найманомъ я отъ кого-то получилъ пріятное извѣстіе, что султанъ Чингисъ живъ. Въслѣдъ за тѣмъ Найманъ въ тотъ же самый день, какъ мы съ нимъ познакомились, привелъ въ мою квартиру родственниковъ султана Чингиса, по какимъ-то дѣламъ пріѣхавшихъ въ Кокчетавъ. Они сообщили, что Чингисъ стоитъ подъ горой Тохту, въ 30 верстахъ отъ казачьяго селенія Вабыка. Пріѣхавшіе родственники Валиханова рекомендо-

*) Султанами у киргизъ называются потомки хановъ; они составляютъ высшее сословіе киргизскаго народа, которое называется «бѣлою костью» въ отличіе отъ «черной кости», т. е. отъ простонародья.

вали мнѣ прожить нѣсколько лишнихъ дней въ Кокчетавѣ, чтобы дать имъ время, справивъ свои дѣла, уѣхать впередъ и оповѣстить султана Чингиса; намъ бы изъ аула выслали въ Бабыкѣ тарантасъ и лошадей. Но времени и такъ было потеряно много; согласиться было нельзя, и мы на другой день выѣхали изъ Кокчетава по дорогѣ въ Бабыкѣ. Со мной ѣхалъ также студентъ петербургскаго университета киргизскій султанъ Султанъ-газинъ, котораго я пригласилъ сопутствовать мнѣ въ качествѣ переводчика, встрѣтившись съ нимъ еще по дорогѣ въ Петропавловскъ; Найманъ сидѣлъ у насъ на козлахъ.

По всей дорогѣ до Бабыка намъ попадались русскія селенія, такъ что вездѣ мы ѣхали въ тележкѣ на смѣнныхъ лошадяхъ; мѣстами станціи были не болѣе 15 верстъ. Всего въ Кокчетавскомъ округѣ насчитывается до сорока русскихъ селеній; частью это казачьи станицы, частью крестьянскія деревни. Только первая станція отъ Кокчетава стоитъ одиноко среди такой же пустыни, какъ и та, которая окружаетъ городъ Кокчетавъ; но неприглядная окрестности этого города не даютъ никакого представленія о живописныхъ картинахъ, которыя открываются въ глубинѣ края, хотя схематическія черты мѣстнаго пейзажа и здѣсь уже есть: гора, при подношій горы озеро, на берегу озера селеніе — вотъ схема всѣхъ здѣшнихъ, наиболѣе живописныхъ мѣстечекъ. Это все есть у города Кокчетава, но только тѣ двѣ горюшки, которыя торчатъ надъ озеромъ, слишкомъ ничтожны, чтобы ослабить монотонный характеръ прилегающей плоской степи; менѣе, чѣмъ въ часъ ходьбы, можно быть на самой высшей ихъ точкѣ; онѣ плоски, на нихъ нѣтъ никакихъ скалистыхъ выступовъ и, кромѣ того, онѣ совершенно голы, безлѣсны, какъ безлѣсна и плоскость, окружающая со всѣхъ сторонъ большое кокчетавское озеро. Словомъ, окрестности Кокчетава не даютъ никакого намека на красоты, которыя скрываются за этими прозаическими предгорьями.

Селенія, которыя мы видѣли на дорогѣ, Челкаръ, Янгиставъ, Аиртавъ—всѣ расположены въ живописныхъ мѣстностяхъ; каждое лежитъ на берегу озера, надъ которымъ непременно съ одной стороны круто поднимаются скалистыя горы, покрытыя густымъ сосновымъ лѣсомъ. Промежуточные между горами, сравнительно болѣе плоскія пространства покрыты болѣе или менѣе густыми березовыми рощами, а промежутки между рощами покрыты высокой по колѣно луговой травой; люцерна иногда заливаетъ цѣлыя десятины своимъ желтымъ цвѣтомъ. Въ горахъ травы еще выше; нѣкоторыя своей высотой почти въ ростъ человѣка напоминаютъ могущественную растительность Алтая. Не мудрено, что въ этотъ уголокъ устремилась волна переселенцевъ. Такія живописныя мѣста тянутся на сто верстъ къ западу отъ Кокчетава и на сто верстъ къ востоку. Особенно красивы, по общему отзыву, мѣста къ востоку

лигенція въ городѣ главнымъ образомъ состоитъ изъ казачьихъ офицеровъ. Тутъ есть казачій клубъ, казачья (единственная) общественная библіотека; единственная въ городѣ школа для дѣвочекъ, въ которой учатся и мѣщанскія дѣти, тоже казачья.

Здѣсь прежде всего я познакомился съ казачьимъ полковникомъ Н. А. Симоновымъ, о которомъ я слышалъ еще въ Петропавлоскѣ (мнѣ рекомендовали обратиться къ нему за совѣтами). Дѣйствительно, я встрѣтилъ въ домѣ г. Симонова самый теплый пріемъ; г. Симоновъ направилъ меня къ помощнику уѣзднаго начальника г. Делазари; самого начальника въ это время въ Кокчетавѣ не было; онъ уѣхалъ въ отпускъ въ Россію. Г. Делазари былъ ко мнѣ очень любезенъ и оказалъ мнѣ такія услуги, безъ которыхъ моя дальнѣйшая поѣздка не была бы удачна. Конечной цѣлью ея былъ аулъ Валихановыхъ; это киргизская семья, съ которой я былъ давно знакомъ; съ однимъ изъ братьевъ Валихановыхъ, Чоканомъ, давно уже умершимъ, мы были школьные товарищи; впоследствии я встрѣчался также и съ другими братьями и съ ихъ отцомъ. Мой планъ на лѣто былъ такой — заѣхать въ аулъ Валихановыхъ, посидѣть въ немъ, если меня примутъ, и работать. Но я никогда не переписывался съ Валихановыми и даже не зналъ, живъ ли султанъ *) Чингисъ, отецъ Чокана.

Я зналъ, что зимовка Валихановыхъ находится въ урочищѣ Серембетъ, но теперь лѣто, аулъ Валихановыхъ откочевалъ на лѣтовку, слѣдовательно, въ Серембети искать его нечего; нужно было въ Кокчетавѣ узнать, гдѣ находится лѣтовка Валихановыхъ; да и о самомъ Серембети я не зналъ, въ какомъ разстояніи оно лежитъ отъ Кокчетава.

Г. Делазари далъ мнѣ въ проводники одного изъ «почтовойше», которые состоятъ на службѣ при уѣздномъ полицейскомъ управленіи. Такъ называются полицейскіе разсыльные изъ киргизъ. Это обыкновенно бойкіе, расторопные люди, соединяющіе знаніе кочевыхъ обычаевъ съ знаніемъ русскаго языка, незамѣнимые для русскихъ чиновниковъ во время ихъ разъѣздовъ по степи. Данный мнѣ «почтовойше» носилъ имя Найманъ; онъ потомъ, въ дальнѣйшей нашей поѣздкѣ, оказался неоцѣненнымъ товарищемъ.

Еще до моего знакомства съ Найманомъ я отъ кого-то получилъ пріятное извѣстіе, что султанъ Чингисъ живъ. Въслѣдъ за тѣмъ Найманъ въ тотъ же самый день, какъ мы съ нимъ познакомились, привелъ въ мою квартиру родственниковъ султана Чингиса, по какимъ-то дѣламъ пріѣхавшихъ въ Кокчетавъ. Они сообщили, что Чингисъ стоитъ подъ горой Тохту, въ 30 верстахъ отъ казачьяго селенія Бабыка. Пріѣхавшіе родственники Валиханова рекомендо-

*) Султанами у киргизъ называются потомки хановъ; они составляютъ высшее сословіе киргизскаго народа, которое называется «бѣлою костью» въ отличіе отъ «черной кости», т. е. отъ простолюдины.

вали мнѣ прожить нѣсколько лишнихъ дней въ Кокчетавѣ, чтобы дать имъ время, справивъ свои дѣла, уѣхать впередъ и оповѣстить султана Чингиса; намъ бы изъ аула выслали въ Бабыкѣ тарантасъ и лошадей. Но времени и такъ было потеряно много; согласиться было нельзя, и мы на другой день выѣхали изъ Кокчетава по дорогѣ въ Бабыкѣ. Со мной ѣхалъ также студентъ петербургскаго университета киргизскій султанъ Султанъ-газинъ, котораго я пригласилъ сопутствовать мнѣ въ качествѣ переводчика, встрѣтившись съ нимъ еще по дорогѣ въ Петропавловскъ; Найманъ сидѣлъ у насъ на козлахъ.

По всей дорогѣ до Бабыка намъ попадались русскія селенія, такъ что вездѣ мы ѣхали въ тележкѣ на смѣнныхъ лошадяхъ; мѣстами станціи были не болѣе 15 верстъ. Всего въ Кокчетавскомъ округѣ насчитывается до сорока русскихъ селеній; частью это казачьи станицы, частью крестьянскія деревни. Только первая станція отъ Кокчетава стоитъ одиноко среди такой же пустыни, какъ и та, которая окружаетъ городъ Кокчетавъ; но неприглядныя окрестности этого города не даютъ никакого представления о живописныхъ картинахъ, которыя открываются въ глубинѣ края, хотя схематическія черты мѣстнаго пейзажа и здѣсь уже есть: гора, при подножьи горы озеро, на берегу озера селеніе — вотъ схема всѣхъ здѣшнихъ, наиболѣе живописныхъ мѣстечекъ. Это все есть у города Кокчетава, но только тѣ двѣ горюшки, которыя торчатъ надъ озеромъ, слишкомъ ничтожны, чтобы ослабить монотонный характеръ прилегающей плоской степи; менѣе, чѣмъ въ часъ ходьбы, можно быть на самой высшей ихъ точкѣ; онѣ плоски, на нихъ нѣтъ никакихъ скалистыхъ выступовъ и, кромѣ того, онѣ совершенно голы, безлѣсны, какъ безлѣсна и плоскость, окружающая со всѣхъ сторонъ большое кокчетавское озеро. Словомъ, окрестности Кокчетава не даютъ никакого намека на красоты, которыя скрываются за этими прозаическими предгорьями.

Селенія, которыя мы видѣли на дорогѣ, Челкаръ, Янгиставъ, Аиртавъ—всѣ расположены въ живописныхъ мѣстностяхъ; каждое лежитъ на берегу озера, надъ которымъ непременно съ одной стороны круто поднимаются скалистыя горы, покрытыя густымъ сосновымъ лѣсомъ. Промежуточные между горами, сравнительно болѣе плоскія пространства покрыты болѣе или менѣе густыми березовыми рощами, а промежутки между рощами покрыты высокой по колѣно луговой травой; люцерна иногда заливаетъ цѣлыя десятины своимъ желтымъ цвѣтомъ. Въ горахъ травы еще выше; нѣкоторыя своей высотой почти въ ростъ человѣка напоминаютъ могущественную растительность Алтая. Не мудрено, что въ этотъ уголокъ устремилась волна переселенцевъ. Такія живописныя мѣста тянутся на сто верстъ къ западу отъ Кокчетава и на сто верстъ къ востоку. Особенно красивы, по общему отзыву, мѣста къ востоку

лигенція въ городѣ главнымъ образомъ состоитъ изъ казачьихъ офицеровъ. Тутъ есть казачій клубъ, казачья (единственная) общественная библіотека; единственная въ городѣ школа для дѣвочекъ, въ которой учатся и мѣщанскія дѣти, тоже казачья.

Здѣсь прежде всего я познакомился съ казачьимъ полковникомъ Н. А. Симоновымъ, о которомъ я слышалъ еще въ Петропавлоскѣ (мнѣ рекомендовали обратиться къ нему за совѣтами). Дѣйствительно, я встрѣтилъ въ домѣ г. Симонова самый теплый пріемъ; г. Симоновъ направилъ меня къ помощнику уѣзднаго начальника г. Делазари; самого начальника въ это время въ Кокчетавѣ не было; онъ уѣхалъ въ отпускъ въ Россію. Г. Делазари былъ ко мнѣ очень любезенъ и оказалъ мнѣ такія услуги, безъ которыхъ моя дальнѣйшая поѣздка не была бы удачна. Конечной цѣлью ея былъ аулъ Валихановыхъ; это киргизская семья, съ которой я былъ давно знакомъ; съ однимъ изъ братьевъ Валихановыхъ, Чоканомъ, давно уже умершимъ, мы были школьные товарищи; впоследствии я встрѣчался также и съ другими братьями и съ ихъ отцомъ. Мой планъ на лѣто былъ такой — заѣхать въ аулъ Валихановыхъ, поселиться въ немъ, если меня примутъ, и работать. Но я никогда не переписывался съ Валихановыми и даже не зналъ, живъ ли султанъ *) Чингисъ, отецъ Чокана.

Я зналъ, что зимовка Валихановыхъ находится въ урочищѣ Серембетъ, но теперь лѣто, аулъ Валихановыхъ откочевалъ на лѣтовку, слѣдовательно, въ Серембети искать его нечего; нужно было въ Кокчетавѣ узнать, гдѣ находится лѣтовка Валихановыхъ; да и о самомъ Серембети я не зналъ, въ какомъ разстояніи оно лежитъ отъ Кокчетавы.

Г. Делазари далъ мнѣ въ проводники одного изъ «почтовойше», которые состоятъ на службѣ при уѣздномъ полицейскомъ управленіи. Такъ называются полицейскіе разсыльные изъ киргизъ. Это обыкновенно бойкіе, расторопные люди, соединяющіе знаніе кочевыхъ обычаевъ съ знаніемъ русскаго языка, незаменимые для русскіхъ чиновниковъ во время ихъ разъѣздовъ по степи. Данный мнѣ «почтовойше» носилъ имя Найманъ; онъ потому, въ дальнѣйшей нашей поѣздкѣ, оказался неоцѣненнымъ товарищемъ.

Еще до моего знакомства съ Найманомъ я отъ кого-то получилъ пріятное извѣстіе, что султанъ Чингисъ живъ. Въслѣдъ за тѣмъ Найманъ въ тотъ же самый день, какъ мы съ нимъ познакомились, привелъ въ мою квартиру родственниковъ султана Чингиса, по какимъ-то дѣламъ пріѣхавшихъ въ Кокчетавъ. Они сообщили, что Чингисъ стоитъ подъ горой Тохту, въ 30 верстахъ отъ казачьяго селенія Бабыка. Пріѣхавшіе родственники Валиханова рекомендо-

*) Султанами у киргизъ называются потомки хановъ; они составляютъ высшее сословіе киргизскаго народа, которое называется «бѣлою костью» въ отличіе отъ «черной кости», т. е. отъ простонародья.

вали мнѣ прожить нѣсколько лишнихъ дней въ Кокчетавѣ, чтобы дать имъ время, справивъ свои дѣла, уѣхать впередъ и оповѣстить султана Чингиса; намъ бы изъ аула выслали въ Бабыкъ тарантасъ и лошадей. Но времени и такъ было потеряно много; согласиться было нельзя, и мы на другой день выѣхали изъ Кокчетава по дорогѣ въ Бабыкъ. Со мной ѣхалъ также студентъ петербургскаго университета киргизскій султанъ Султанъ-газинъ, котораго я пригласилъ сопутствовать мнѣ въ качествѣ переводчика, встрѣтившись съ нимъ еще по дорогѣ въ Петропавловскъ; Найманъ сидѣлъ у насъ на козлахъ.

По всей дорогѣ до Бабыка намъ попадались русскія селенія, такъ что вездѣ мы ѣхали въ тележкѣ на смѣнныхъ лошадяхъ; мѣстами станціи были не болѣе 15 верстъ. Всего въ Кокчетавскомъ округѣ насчитывается до сорока русскихъ селеній; частью это казачьи станціи, частью крестьянскія деревни. Только первая станція отъ Кокчетава стоитъ одиноко среди такой же пустыни, какъ и та, которая окружаетъ городъ Кокчетавъ; но неприглядныя окрестности этого города не даютъ никакого представленія о живописныхъ картинахъ, которыя открываются въ глубинѣ края, хотя схематическія черты мѣстнаго пейзажа и здѣсь уже есть: гора, при подшвѣ горы озеро, на берегу озера селеніе — вотъ схема всѣхъ здѣшнихъ, наиболѣе живописныхъ мѣстечекъ. Это все есть у города Кокчетава, но только тѣ двѣ горюшки, которыя торчатъ надъ озеромъ, слишкомъ ничтожны, чтобы ослабить монотонный характеръ прилегающей плоской степи; менѣе, чѣмъ въ часъ ходьбы, можно быть на самой высшей ихъ точкѣ; онѣ плоски, на нихъ нѣтъ никакихъ скалистыхъ выступовъ и, кромѣ того, онѣ совершенно голы, безлѣсны, какъ безлѣсна и плоскость, окружающая со всѣхъ сторонъ большое кокчетавское озеро. Словомъ, окрестности Кокчетава не даютъ никакого намека на красоты, которыя скрываются за этими прозаическими предгорьями.

Селенія, которыя мы видѣли на дорогѣ, Челкаръ, Янгиставъ, Аиртавъ—всѣ расположены въ живописныхъ мѣстностяхъ; каждое лежитъ на берегу озера, надъ которымъ непременно съ одной стороны круто поднимаются скалистыя горы, покрытыя густымъ сосновымъ лѣсомъ. Промежуточные между горами, сравнительно болѣе плоскія пространства покрыты болѣе или менѣе густыми березовыми рощами, а промежутки между рощами покрыты высокой по колѣно луговой травой; люцерна иногда заливаетъ цѣлыя десятины своимъ желтымъ цвѣтомъ. Въ горахъ травы еще выше; нѣкоторыя своей высотой почти въ ростъ человѣка напоминаютъ могущественную растительность Алтая. Не мудрено, что въ этотъ уголокъ устремилась волна переселенцевъ. Такія живописныя мѣста тянутся на сто верстъ къ западу отъ Кокчетава и на сто верстъ къ востоку. Особенно красивы, по общему отзыву, мѣста къ востоку

отъ Кокчетова, именно окрестности озеръ Щучьяго и Борового, а также окрестности селенія Котуръ-куль къ югу отъ Кокчетова.

Три названные селенія Боровое, Щучье и Котуръ-куль сдѣлались въ послѣднее время мѣстами, куда ежегодно лѣтомъ наѣзжаетъ до пятидесяти человѣкъ изъ сосѣднихъ губерній лѣчиться кумысомъ. Этотъ новый кумысный курортъ имѣетъ будущее; наплывъ больныхъ несомнѣнно будетъ разрастаться. Пока сюда прїѣзжаютъ гости только изъ сибирскихъ городовъ, изъ Тобольска, Кургана и Омска; съ проведеніемъ желѣзной дороги до Петропавловска поѣдутъ, вѣроятно, и изъ Европейской Россіи. У этого вновь открывающагося кумысолѣчебнаго района есть, конечно, недочеты, но много и преимуществъ передъ другими подобными мѣстностями. Во-первыхъ, желѣзная дорога не доходитъ вплоть до мѣста; отъ Петропавловска приходится еще 260 верстъ ѣхать до Борового или Щучьяго; потомъ мѣстное населеніе и мѣстная администрація пока не успѣли еще сдѣлать никакихъ приспособленій для удобства больныхъ; нѣтъ организованной медицинской помощи, нѣтъ библиотекъ. Но за то, во-первыхъ, здѣсь жизнь дешевле, чѣмъ на какомъ нибудь другомъ «кумысѣ» *), во-вторыхъ, едва-ли какой другой районъ можетъ похвалиться лучшимъ достоинствомъ этого напитка, чѣмъ кокчетавскій районъ. И наконецъ, въ третьихъ, ни на какомъ другомъ «кумысѣ» вы не будете жить въ такой поэтической обстановкѣ, какъ здѣсь.

На другой день по выѣздѣ изъ Кокчетова мы добрались до Бабыка. До сихъ поръ мы ѣхали на земскихъ лошадахъ, платя установленные прогоны; въ Бабыкѣ нужно было нанять вольнонаемныхъ лошадей до аула султана Чингиса, то есть до горы Тохту, до которой, по словамъ бабыкскихъ казаковъ, оставалось всего верстъ тридцать. Казаки, какъ настоящіе цивилизованные люди, не дикари какіе нибудь, счумѣли вѣрно оцѣнить моментъ: дорога отъ Петропавловска до Бабыка около 250 верстъ стоила мнѣ за пару лошадей немного больше восьми рублей; казаки-же за провозъ меня съ моими двумя спутниками до аула Валихановыхъ, т. е. за 30 верстъ, заломили тоже восемь рублей. Сколько я ни прибѣгалъ къ сравнительному методу, сопоставляя казачьи цѣны съ тѣмъ, что мнѣ стоило проѣхать отъ Петропавловска, я не могъ убѣдить казаковъ; противъ моихъ доводовъ они умѣли выставить свои, — до горы Тохту хотя и считается тридцать верстъ, но въ самомъ-дѣлѣ тридцать, кто его знаетъ, можетъ быть и всѣ сорокъ! Доѣдемъ до горы, а вдругъ окажется, что аулъ Валихановыхъ стоитъ не у самой горы, а десять верстъ далѣе! Да и вообще это дорога въ неизвѣстность, середина идетъ пустыремъ, тутъ могутъ встрѣчаться и грабители. Если бы я былъ культурнѣе, я подождалъ бы до ве-

*) Комната отдается за 4 рубля въ мѣсяцъ; мясо 4 копейки фунтъ, крынка молока 5 копѣекъ, цыплята 15 копѣекъ штука.

чера, позвалъ бы другихъ охотниковъ ѣхать въ степь, а потомъ и третьихъ, сначала поторговался бы съ одними, потомъ съ другими, потомъ съ третьими, и не на улицѣ, какъ я это сдѣлалъ, гдѣ съ однимъ ведешь переговоры, а другіе все слышать, а призывая каждого отдѣльно въ домъ, и наединѣ; словомъ, надо было разъединить противниковъ и каждого уничтожить отдѣльно. Конечно, еслибъ оставалось еще ѣхать версты сто, можетъ быть, я такъ бы и сдѣлалъ; но осталась всего одна станція, завтра я буду уже среди нецивилизованныхъ киргизъ, и новыя впечатлѣнія заслонять горечь этого поединка простофильства съ китайскимъ опытомъ. Казачья культура и выдержка восторжествовали, а я уступилъ.

Такого большого экипажа, въ которомъ могли бы помѣститься мы всѣ трое съ нашимъ багажемъ, здѣсь не нашлось, и потому намъ пришлось ѣхать въ двухъ телѣжкахъ; каждая была запряжена одной лошадыю и на каждой сидѣлъ казакъ-кучерь. Въ одной телѣжкѣ помѣстились я и мой товарищъ г. Султанъ-Газинъ, въ другой нашъ багажъ и Найманъ, съ которымъ у насъ начало зарождаться духовное родство. Мы поняли, что у насъ съ Найманомъ есть общіе интересы и есть общіе противники, что мы съ Найманомъ составляемъ одинъ лагерь, а казаки, которые насъ везутъ, другой, и что надо насторожить вниманіе, — не станутъ-ли казаки облегчать свой трудъ въ ущербъ нашей выгодѣ.

Сначала мы ѣхали по волнистой мѣстности, покрытой березовыми рощами; дорога проходить то внутри березоваго лѣса, то по прогалинамъ между рощами. Горизонтъ былъ постоянно закрытъ лѣсомъ, и если на горизонтѣ были горы, то онѣ были такъ незначительны, что не выдвигались изъ за верхушекъ лѣса. Только влѣвъ на юго-востокъ поднимались высокія скалистыя и безлѣсныя Акканъ-бурлукскія горы. Къ концу дня березовыя рощи остались назади, мы выѣхали на безлѣсную степь, по которой протекаетъ мелкая рѣчка Акканъ-бурлукъ. Казаки указали на небольшую горку, которая видѣлась впереди, немного вправо отъ дороги. Это, по ихъ словамъ, и была гора Тохту. Степь была совершенно пуста; нигдѣ не было видно ни скота, ни людей. Солнце уже было низко, а до горы оставалось еще версты двѣ. Казаки предложили ночевать; они говорили, что все равно, намъ сегодня много что удастся доѣхать до горы Тохту, а поиски аула Валихановыхъ придется оставить до завтра. Совѣтъ не былъ коварный, и оставалось только принять предложеніе. Остановились надъ рывиною, въ которой течетъ Акканъ-бурлукъ, возлѣ киргизской зимовки. Зимовка состояла изъ двухъ-трехъ хижинъ съ плоскими крышами, съ квадратными маленькими окнами безъ рамъ; у каждой хижины былъ небольшой дворъ, огороженный тыномъ. При каждомъ дворѣ, кромѣ хижины, есть еще одна постройка, которая по-киргизски называется *чучели*; она служитъ вмѣсто кухни. Это бременчатая шестигранная

юрта безъ оконъ и безъ печи, съ землянымъ поломъ, съ очагомъ посерединѣ и съ конической крышей, прикрытой дерномъ.

Эта ночевка въ степи не предвидѣлась, и казаки не захватили съ собой посуды, чтобы сварить чай. Пришлось въ сухую лечь спать. Казаки надергали изъ тына хворосту, зажгли небольшой костеръ больше для развлечения, чѣмъ для удовлетворенія физической потребности, — и всѣ улеглись на голой степи подъ открытымъ небомъ. Ночь была теплая и небо ясное; дождь не угрожалъ, но спать было душно, потому что пришлось закрыть голову пледомъ отъ комаровъ. Найманъ предлагалъ расположиться въ одной изъ киргизскихъ хижинъ; тамъ, онъ говорилъ, отъ комаровъ будетъ покойнѣе, если внутри дома развести курево, но за то тамъ была другая напасть—множество блохъ.

На другое утро голодные мы двинулись далѣе. Все видимое пространство степи было, какъ и вчера, безжизненно. Нигдѣ не было видно скота, ни одинъ всадникъ не показывался на горизонтѣ. По сю сторону горы Тохту—не было никакого сомнѣнія—аула не было; еслибъ онъ скрывался въ рывинѣ рѣчки, его присутствіе выдалъ бы бродившій около него скотъ. Всѣ наши надежды сосредоточились на той точкѣ дороги, гдѣ она огибаетъ гору Тохту и, слѣдуя параллельно долинѣ рѣки Акканъ-бурлука, поворачиваетъ на западъ. Тутъ мы ожидали увидѣть новое колено долины, которое было загорожено горой; въ немъ, можетъ быть, и прятался аулъ Валихановыхъ. Одинъ изъ казаковъ увидѣлъ на горѣ Тохту какія-то темныя пятнышки; онъ думалъ, что это бродитъ скотъ, но Найманъ сказалъ, что это можетъ быть и камни.

Наконецъ, мы доѣхали до критическаго пункта. Передъ нами открылось новое пространство, которое ранѣе было закрыто возвышенностями, но положеніе не измѣнилось. Ни одного радостнаго признака, ни малѣйшаго загадочнаго пятнышка! Всѣ начинаемъ волноваться. Казаки неохотно ѣдутъ впередъ; мы ждемъ, что сейчасъ начнется разладъ нашихъ интересовъ, что мы заспоримъ. И въ самомъ дѣлѣ, споръ между казаками и Найманомъ загорѣлся. По мнѣнію казаковъ, напрасно продолжать поиски аула Валихановыхъ; его тутъ нѣтъ и не было.

Въ самомъ дѣлѣ, что же было дѣлать? Чтобы ѣхать въ степь далѣе другія сутки, до тѣхъ поръ, пока не доѣдемъ до аула Валихановыхъ, нужно начать новые переговоры съ казаками; а что они запросятъ теперь, когда, кромѣ нихъ, никого нѣтъ? Или вернуться назадъ въ Бабынкъ?

Найманъ, однако, зналъ отлично обыкновенія своего народа, умѣлъ ориентироваться въ подобныхъ обстоятельствахъ и энергически настаивалъ на томъ, что надо ѣхать впередъ. Въ Кокчетавѣ киргизы сказали, что аулъ Валихановыхъ стоитъ у горы Тохту; не зря, конечно, сказали, обманывать не станутъ. Аулъ гдѣ нибудь тутъ. Султанъ Чингисъ тронулся съ лѣтовки на зимовку, и

другой дороги ему нѣтъ, какъ тутъ, мимо горы Тохту; ему некуда дѣваться. Султаны всегда стоятъ на рѣчкахъ; вотъ тутъ и рѣчка, и аулъ гдѣ нибудь подлѣ рѣчки.

Найманъ говорилъ съ такой увѣренностью, какъ будто все это было для него аксіомой. Казаки сдались и согласились еще податься немного впередъ, до ближайшаго бугра; если съ этого бугра ничего не увидимъ, поворотимъ назадъ. Довѣхали до бугра и не только до этого, но и до другого подальше, но никакихъ признаковъ аула не открылось. Казаки торжествовали. Никакого сомнѣнія, что аула близко нѣтъ; около большого аула гдѣ нибудь на горахъ былъ бы виденъ скотъ. Но это соображеніе казаковъ въ глазахъ Наймана не имѣло никакой цѣны: солнце на вершинѣ неба, жара; зачѣмъ же скотъ будетъ ходить по горахъ; онъ теперь стоитъ сгруженный у рѣки на днѣ рѣчной рывины и его не видать.

Въ это время сади насъ вдали были замѣчены два всадника, которые переѣзжали степь поперекъ нашей дороги. Они какъ будто ѣхали къ тому же пункту, какъ и мы, только другой, болѣе прямой дорогой, черезъ гору. Появленіе всадниковъ окончательно убѣдило Наймана, что аулъ находится впереди на нашей дорогѣ. Они ѣдутъ налегкѣ, безъ багажа, безъ вьючной заводной лошади, значить какіе то родственники или знакомые ѣдутъ въ гости въ аулъ, который гдѣ-то недалеко. Казаки должны были уступить и согласиться, что тутъ гдѣ-то есть аулъ,—если не тотъ, который мы ищемъ, то какой нибудь другой; въ немъ мы, по крайней мѣрѣ, что нибудь узнаемъ о Валихановыхъ.

Ѣдемъ. Вдругъ передъ нами открывается неглубокая впадина въ землѣ и въ ней какой-то таборъ. Вотъ и аулъ Валихановыхъ, думаемъ мы. Кажется, и Найманъ такъ думалъ. Но странно: юртъ не было видно; однѣ только телѣги съ уложенною на нихъ поклажею, завернутою войлоками, и между ними небольшіе балаганы, наскоро построенные изъ красныхъ юрточныхъ рѣшетокъ.

— Э, они кочуютъ! — сказалъ Найманъ, какъ только увидѣлъ таборъ.

Хотя я провелъ не мало времени въ степяхъ, но мнѣ никогда не приходилось кочевать вмѣстѣ съ кочевниками; во всѣхъ путешествіяхъ я ходилъ своимъ собственнымъ ауломъ и никогда не видалъ кочеваго табора на остановкахъ во время передвиженія съ лѣтовки на зимовку. Юртъ въ этомъ случаѣ не ставятъ, а устраиваютъ шалаши изъ юрточныхъ рѣшетокъ. Чаще всего берутъ два «каната» *) и ставятъ ихъ такъ, какъ дѣти строятъ домики изъ картъ, въ видѣ двускатной крыши; такіе шалаши называются по-киргизски *итъ-арха*, «собачья спина». Еще проще другой шалашъ,

*) Рѣшетка, изъ которой образуется цилиндрическая нижняя часть юрты, состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльных звеньевъ, которыя связываются вмѣстѣ; отдѣльное звено называется *канатъ*.

киргизское имя которого я забылъ, а въ переводѣ оно значить «чангаракъ прислоненъ» *); это значить, что обручъ, который образуетъ вершину свода юрты, прислонили къ телѣгѣ сзади да набросили на него войлокъ, и больше ничего.

Подѣхавъ къ табору, мы узнали, что это еще не аулъ Валихановыхъ, а чей-то чужой, что до аула Валихановыхъ еще остается съ версту проѣхать внизъ по той же рѣчкѣ. Вскорѣ, къ общему нашему удовольствію, мы увидѣли два другихъ аула, расположенныхъ на противоположномъ берегу рѣки Акканъ-Бурлука, одинъ выше по рѣкѣ, другой въ полуверстѣ ниже; первый былъ аулъ племянниковъ султана Чингиса, сыновей его брата Альджана, второй—его самого. Этотъ послѣдній состоялъ изъ десятка большихъ юртъ и нѣсколькихъ мелкихъ шалашей; юрты были окружены телѣгами, большею частью пустыми, разгруженными; двѣ бѣлыя юрты стояли на близкомъ другъ къ другу разстояніи; потомъ оказалось, что въ одной изъ нихъ помѣщался самъ султанъ Чингисъ съ женой, а въ другой его младшій сынъ Кокушъ съ своими дѣтьми.

Подѣхавъ къ рывинѣ, въ которой течетъ рѣка, мы остановились противъ аула на другомъ берегу. Насъ отъ аула отдѣляла только рѣчная рывина, на днѣ которой, частью въ водѣ, стояли табуны и стада, совершенно согласно предсказанію Наймана. Киргизъ, провожавшій насъ верхомъ на лошади отъ перваго табора, уѣхалъ впередъ съ нашими визитными карточками. Мы видѣли, какъ онъ переѣхалъ черезъ рѣку, поднялся на террасу, подѣхалъ къ юртамъ, слѣзъ съ лошади и вошелъ въ юрту Кокуша. Найманъ остался съ нами и, сидя на козлахъ, истолковывалъ тѣ движенія и дѣйствія, которыя мы замѣчали въ аулѣ и которыя, очевидно были вызваны нашимъ появленіемъ.

— Пошли съ докладомъ къ Чингису.

— Хотятъ принять, откинули тюндюкъ **); значить, ладятъ юрту, стелютъ коверъ.

Когда наши телѣги переѣхали рѣку и поднялись на террасу, изъ дверей юрты вышелъ прилично одѣтый мужчина лѣтъ около сорока, красивой наружности, съ важной осанкой и меланхолическимъ взглядомъ; это былъ Кокушъ. Онъ былъ одѣтъ почти по европейски; на немъ было бѣлое лѣтнее платье: пиджакъ и узкіе панталоны; только красная феска придавала его фигурѣ видъ мусульманина. Этотъ смѣшанный костюмъ напоминалъ булочника, анатолійскаго турка въ Севастополѣ или въ Феодосіи въ Крыму. Приглашенные Кокушемъ войти въ юрту и уже знакомые съ киргизскимъ этикетомъ, мы съ султаномъ Султанъ-Газинимъ вошли и заняли свои мѣста на разостланномъ коврѣ, на правой половинѣ юрты. Разговоръ начался съ обычныхъ привѣтствій; Кокушъ говорилъ сдержанно, такъ что

*) Чангаракъ—деревянный обручъ, которымъ вѣнчается сводъ юрты.

**) Войлокъ, которымъ закрывается верхнее дымовое отверстіе юрты.

мы не знали, пріятные ли мы гости или нѣтъ. Кокушъ недавно овдовѣлъ; на рукахъ его осталась застѣнчивая дѣвица Тума, въ возрастѣ младшей гимназистки, и рѣзвый мальчикъ Шерджанъ.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ другой юрты пришелъ Якубъ, старшій сынъ султана Чингиса, и разговоръ оживился. Якубъ былъ одѣтъ совершенно въ такой же костюмъ, какъ и Кокушъ. Это, очевидно, была киргизская мода конца XIX столѣтія. Якубъ властно вошелъ въ юрту, поздоровался съ нами громко, не церемонясь, и сѣлъ между нами и хозяиномъ юрты, т. е. занялъ первое мѣсто на хозяйской половинѣ, стушевавъ Кокуша на второй планъ. Онъ отдавалъ приказанія слугамъ Кокуша, какъ будто сидѣлъ въ своей собственной юртѣ, и къ нашему пріѣзду отнесся, какъ первое лицо въ аулѣ, обѣщая устроить наше пребываніе въ степи. Словомъ, онъ былъ въ роли старшаго брата.

Черезъ полчаса въ юрту вошелъ киргизъ, очевидно, посолъ изъ юрты султана Чингиса, и обратился къ Якубу съ докладомъ. Выслушавъ его, Султанъ-Якубъ передалъ намъ по-русски: «Папаша зоветъ васъ къ себѣ на чашку чаю!»

Мы двинулись въ главную юрту аула всей нашей компаніей: я, султанъ Султанъ-Газинъ и Найманъ, а также Якубъ и Кокушъ.

Въ главной юртѣ вмѣстѣ съ султанами Чингисомъ жили его жена (байбиче) и дѣвица Чаукобай, внучка Чингиса. Когда мы сидѣли въ юртѣ Кокуша, Якубъ старался приготовить насъ къ впечатлѣнію главной юрты; онъ, повидимому, боялся, какъ бы мы, увидѣвши Чингиса, не испытали разочарованія; онъ предупреждалъ насъ, что «папаша» теперь уже не прежній, сдѣлался болѣзненнымъ старикомъ, умъ его сталъ ребяческій. Оказалось, что сынъ слишкомъ ужъ мрачными красками обрисовалъ состояніе своего отца. Султанъ Чингисъ, не смотря на свои 85 лѣтъ, еще бодрый старикъ; до послѣдняго времени онъ дѣлалъ свои перекочевки не въ тарантахъ, а верхомъ на лошади; года три тому назадъ онъ женился на новой женѣ. Со старой женой Зейнепъ, матерью Чокана и его братьевъ, Чингисъ прожилъ 52 года.

Султанъ Чингисъ сидѣлъ у задней стѣны юрты, т. е. противъ дверей. Кровать съ нагроможденными ковриками и подушками занимала правый бокъ юрты; подлѣ кровати сидѣла байбиче; рядомъ съ нею дѣвица Чаукобай; она разливала чай.

Сидѣли мы съ поджатыми ногами. Въ молодости я умѣлъ сидѣть по турецки безъ утомленія, но отвыкъ, ноги мои не гнулись, и мнѣ было ужасно неловко, хотѣлось вытянуть ихъ впередъ. Султанъ Чингисъ замѣтилъ это, но онъ не могъ себѣ представить, чтобы мои ноги были не въ состояніи согнуться, и думалъ, что вся причина въ узкихъ панталонахъ. Онъ приказалъ байбиче сейчасъ же достать мнѣ изъ султанскаго гардероба панталоны и рубашку киргизскаго покроя, посоветовалъ переодѣться въ это платье и рассказалъ, что одинъ его старый пріятель чиновникъ Сотниковъ, кото-

рый въ сороковыхъ годахъ прѣзжалъ гостить къ нему изъ Омска каждое лѣто, всегда въ аулѣ одѣвался въ кочевой костюмъ.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ только мы кончили чай и стали раскланиваться съ султаномъ Чингисомъ, мнѣ подали киргизскій лѣтній костюмъ. Взявъ подъ-мышки эти вещественные знаки моего водворенія въ киргизскомъ аулѣ, я удалился въ юрту Кокуша, которая семейнымъ совѣтомъ была назначена для помѣщенія меня и моего спутника г. Султанъ-Газина.

Лѣтовка Валихановыхъ, т. е. мѣсто, гдѣ они проводятъ лѣто, находится у овера въ 20 верстахъ къ югу отъ того мѣста на Акканъ-бурлукѣ, гдѣ мы нашли эту семью. Аулъ уже двинулся съ лѣтовки на зимовку, и мы застали его въ ходу, но такъ какъ Валихановы имѣли намѣреніе простоять здѣсь нѣсколько дней, то аулъ былъ не въ кочевомъ порядкѣ, а какъ будто на постоянной стоянкѣ: были поставлены юрты, а временныхъ шалашей въ родѣ «собачьей спины» или «прислоненнаго чангарака» не было.

Лѣтовка, *дэжяйлау* для киргизъ самое веселое время. Зимой киргизы въ теченіе восьми мѣсяцевъ живутъ на одномъ мѣстѣ; понятно, что народъ долженъ размѣститься какъ можно просторнѣе, чтобы около каждой зимовки была достаточно обширная кормовая площадь для скота. Лѣтомъ этого простора въ такой мѣрѣ не требуется, и на лѣтовкахъ народъ живетъ болѣе сплоченно, чѣмъ зимой. Известно, что англичане зиму проводятъ въ фамилльных паркахъ, а лѣто въ Лондонѣ, и сезонъ увеселеній, театровъ и оперы у нихъ лѣто, а не зима, какъ на материкѣ,—и у киргизъ въ томъ же родѣ лѣто есть сезонъ игръ, скачекъ и всякаго рода спортивныхъ. Тутъ устраиваются борьба, бѣга и разныя другія игры и состязанія. Мы опоздали и уже не застали этихъ народныхъ развлеченій.

Разгаръ лѣтней жизни миновалъ, но всетаки до настоящаго конца-сезона, т. е. до водворенія киргизъ въ ихъ зимнихъ хижинахъ еще оставалось около двухъ мѣсяцевъ и намъ было еще достаточно времени, чтобы испытать вдоволь всю прелесть пребыванія среди мычащихъ и блеющихъ стадъ и извѣдать «свѣтъ и тѣни» кочевого образа жизни.

Когда вы водворяетесь въ киргизскомъ аулѣ, прежде всего вамъ бросается въ глаза, что вы неожиданно попали подъ негласный надзоръ, особенно ночью. Вы замѣчаете, что за вашими движеніями внимательно слѣдятъ; только вы приподнялись съ мѣста, какъ уже ваше намѣреніе оставить юрту угадано, слуга предупредительно приподнимаетъ занавѣску дверей, выходитъ вслѣдъ за вами изъ юрты и слѣдуетъ за вами по пятамъ въ почтительномъ разстояніи, но и не въ такомъ большомъ, въ какомъ вы бы желали. Волей-неволей вы должны подчиниться этому надзору, иначе на васъ нападутъ злыя аульныя собаки.

Постепенно вы знакомитесь и съ другими особенностями жизни среди мирныхъ стадъ. Вы думаете, что нигдѣ вы не найдете та-

кого блаженнаго воздуха ночью, нигдѣ вы не будете засыпать среди такой тишины и безмолвія, какъ въ киргизской палаткѣ, но вы ошибаетесь. На ночь киргизы пригоняютъ стада къ аулу; овцы укладываются спать посрединѣ аула, а коровы ложатся кругомъ. Какъ только стадо вошло въ аулъ, начинается возня. Телѣги скрипятъ, юрты ходуномъ ходятъ, потому что коровы и овцы начинаютъ чесаться и тереться объ нихъ. Ручные козлы вскакиваютъ въ юрты, дебоширятъ, ходятъ по вашимъ ногамъ, если онѣ протянуты, и наступаютъ на вашу голову, если вы лежите. Это вторженіе четвероногихъ въ жизнь людей продолжается до тѣхъ поръ, пока стада не улягутся. Вы сидите въ юртѣ или палаткѣ ничего не видите и только по звукамъ, доносящимся до васъ, догадываетесь, что происходитъ внѣ юрты; тамъ что-то трещитъ, въ другомъ мѣстѣ ломается, въ третьемъ что-то падаетъ на землю; еще далѣе женскіе голоса въ испугѣ кричатъ: ой ба йй! лошади пробѣжали, задѣли ногами за шнуры палатки и обронили уголь ея на сидѣвшихъ въ палаткѣ женщинъ. Вотъ что-то мѣдное зазвенѣло; изъ сосѣдней юрты раздается добродушный голосъ султана Чингиса:—Э, самаурнымъ басы кетты! (ахъ, пропала головушка у самовара!) Онъ тоже, сидя въ юртѣ, ничего не видитъ, но для его умственного зрѣнія стѣнъ не существуетъ, и онъ понялъ, что только что скипѣвшій самоваръ роковымъ образомъ пришелся на пути, по которому должна была пройти корова. За часъ времени, пока не улеглись стада, они успѣютъ привести пространство воокъ юртъ въ такое состояніе, что всякій разъ, если вамъ случилось выйти изъ юрты въ темнотѣ, возвращаясь назадъ, вы должны самымъ внимательнымъ образомъ осмотрѣть свою обувь. Нѣсколько промаховъ, которые вы неизбежно дѣлаете, вскорѣ убѣждаютъ васъ, что, намѣреваясь поселиться въ киргизской юртѣ, вы поступите вѣжливѣе по отношенію къ ея хозяину, если оставите русскую обувь и замѣните ее киргизской, т. е. надѣнете «ичиги», сафьяновые чулки и «кебисы», кожанныя калоши. Входя въ юрту, вы можете бросить «кебисы» съ ноги у порога, какъ это дѣлаютъ киргизы, и тогда вы ступаете на дорогой персидскій коверъ подошвами чистыхъ «ичиговъ», не рискуя его запачкать.

Наконецъ, стада улеглись, но и тутъ еще они не совсѣмъ угомонились. Они кряхтятъ, пыхтятъ, стонутъ, чихаютъ и издаютъ разныя другіе звуки; кромѣ того, эти «дѣти природы» портятъ воздухъ съ невмѣняемою, приводящею въ отчаяніе. Если потянуть ночной легкій вѣтерокъ, вы радуетесь его прохладѣ, но если онъ тянетъ съ той стороны, въ которой расположилось стадо, вы не знаете куда дѣваться. Днемъ животныя ведутъ себя самымъ беззастѣнчивымъ образомъ. То приходится зажимать носъ, то закрывать глаза. А иногда наоборотъ—нужно смотрѣть въ оба, потому что можетъ случиться, что невдалекѣ отъ вашей юрты корова разрѣшится отъ бремени, вы не замѣтите родившагося теленка, проби-

раясь мимо него домой, и чадолюбивая родительница может своими рогамъ освободить васъ отъ вашихъ внутренностей.

Простоявъ два или три на Акканъ-бурлукъ, аулъ Валихановыхъ двинулся далѣе на сѣверъ, по дорогѣ на зимовку, къ урочищу Серембетъ, гдѣ у султана Чингиса построены большой деревянный домъ. Намъ пришлось кочевать вмѣстѣ съ ауломъ, и тутъ я въ первый разъ близко познакомился съ процессомъ киргизскаго кочеванія.

Наканунъ кочевки, еще съ утра было объявлено намъ, что завтра мы кочуемъ, что вечеромъ юрты будутъ разобраны, и мы ночуемъ подъ открытымъ небомъ. Когда солнце начало садиться, люди стали готовиться къ кочевкѣ; прежде всего началась укладка вещей въ телѣги. Когда всѣ вещи, за исключеніемъ немногихъ, безъ которыхъ нельзя было обойтись ночью, были уложены въ телѣги, покрыты войлоками и увязаны, начали снимать войлока съ юртъ; вскорѣ тамъ, гдѣ недавно стояли бѣленькія полушарія, видны были только красныя кружева деревянныхъ остововъ юртъ; разрушеніе шло далѣе, и эти кружева были разобраны на части, а когда солнце сѣло, аулъ превратился въ таборъ. Мы были теперь на кочевомъ положеніи. Аулъ получилъ, если можно такъ сказать, другой силуэтъ. Онъ сдѣлался плоче, принявъ болѣе приплюснутый видъ; пустыя телѣги исчезли, всѣ телѣги наполнились и сдвинулись, аулъ сдѣлался плотнѣе. Жизнь стала болѣе уличною; ранѣе часть огней скрывалась въ юртахъ, теперь скрытыхъ огней не было, всѣ они стали наружными. Людскіе разговоры тоже не заглушались болѣе стѣнами; они велись на открытомъ воздухѣ. Аулъ сталъ оживленнѣе, поэзіи прибавилось.

Мы шли отъ Акканъ-бурлука до Серембета одиннадцать дней: вставали по утрамъ рано, въ 4 часа, до свѣту. Меня будилъ обыкновенно скрипъ телѣгъ. Сначала раздается отдѣльный скрипъ въ одномъ концѣ стана; это значить, одну изъ телѣгъ тревожили съ мѣста, подтащили впередъ или завернули оглоблями по пути; значитъ, хотять запрягать въ нее быка; потомъ такой же скрипъ доносится изъ другого конца стана; другую телѣгу сдвинули съ мѣста. Черезъ нѣсколько минутъ скрипѣніе начинается во всѣхъ концахъ; отовсюду слышны отдѣльные, отрывистые скрипы съ болѣе или менѣе продолжительными перерывами. Проходить еще нѣсколько минутъ, и вы замѣчаете, что въ одномъ какомъ-то мѣстѣ эти отрывистые скрипы слились въ непрерывающееся скрипѣніе, хотя изъ другихъ частей стана несется телѣжная музыка въ прежнемъ родѣ: вы понимаете, что нѣсколько телѣгъ вытянулись въ линію и потянулись въ дорогу; вмѣстѣ съ удаленіемъ отъ стана скрипъ этихъ телѣгъ становится тише, но за то на другомъ концѣ начинается новая непрерывная арія; еще группа телѣгъ пустилась въ ходъ. Гдѣ-то въ отдаленіи за рошей началась такая же скрипучая арія, которую едва слышно; это потянулись телѣги изъ ауловъ Альджа-

новцевъ или Чепеевцевъ, т. е. изъ ауловъ племянниковъ султана Чингиса, дѣтей его братьевъ Альджана и Чепе, аулы которыхъ стояли отдѣльно отъ аула Чингиса. Все еще темно, разсвѣтъ еще не начинался, а уже все пространство оглашается скрипомъ телѣгъ, точно въ ночномъ небѣ совершается перелетъ ночныхъ птицъ; вы припоминаете изъ Слова о полку Игоревѣ: «заскрипѣли телѣги половецкія, рдцы лебеди во полунощи». Двигающіяся человѣческія фигуры видны только на близкомъ разстояніи; контуры окружающей станъ рощи не выделяются на темномъ фонѣ неба.

Но вотъ, позади рощи образуется бѣловатый фонъ; начинается разсвѣтъ; тѣнь сбѣгаетъ съ земной поверхности и быстро отступаетъ вдаль. Сначала мы различаемъ подробности только внутри нашего стана, а потомъ становятся доступными зрѣнію и дальніе планы. На нашемъ станѣ остались только послѣднія телѣги, на которыхъ торопятся сложить наши постели, части нашихъ импровизированныхъ палатокъ и посуду, которая служила намъ при вчерашней послѣдней трапезѣ, да остался еще тарантасъ, въ которомъ поѣдетъ султанъ Чингисъ съ байбиче и двумя внуками, дѣвками Чаукобай и Тума.

Пространство впереди нашего стана усыяно рядами движущихся телѣгъ; переднія телѣги уже вытанулись въ одну линію и идутъ по дорогѣ, но это не самыя переднія ряды; тѣхъ, конечно, уже не видать: они скрылись за неровностями почвы и за березовыми рощами. Самыя заднія ряды еще не вышли на дорогу; они вразбродъ тянутся и справа, и слѣва, какъ ручки къ общему руслу.

Тамъ, гдѣ были раскинуты станы Альджановцевъ и Чепеевцевъ, видны только кучки осѣданныхъ лошадей и копошащихся около нихъ пѣшеходовъ. На нашемъ станѣ тоже готовыя лошади стоятъ связанныя и ждутъ сѣдоковъ. Мы ждемъ перваго солнечнаго луча. Кокушъ съ двумя ассистентами будетъ совершать на разостланныхъ на землѣ халатахъ утренній намазъ.

Лошади, которыя пойдутъ сегодня подъ сѣдломъ, всѣ переловлены; табунъ стоитъ спокойно, точно тяжелая черная масса лежитъ на землѣ; но вотъ эта масса дрогнула, двинулась вслѣдъ за телѣгами, лошади захрапѣли и зафыркали, два пастуха, какъ два маятника, замотались позади заднихъ рядовъ, и табунъ тоже началъ удаляться. Тронулись и тарантасы съ киргизскими дамами; легкой рысцой догоняютъ они караванъ и перегоняютъ его.

По окончаніи намаза мы, немногіе оставшіеся отъ каравана, садимся на лошадей. Султанъ Чингисъ, какъ я уже сказалъ, не смотря на свои 85 лѣтъ, все еще кочуетъ верхомъ на лошади, но на этотъ разъ онъ сѣлъ въ тарантасъ, а своего коня и свое сѣдло изъ любезности уступилъ мнѣ; Якубъ тоже сѣлъ въ тарантасъ, а сѣдло свое уступилъ моему товарищу г. Султанъ-Газину. Мой конь былъ бѣлый, красивый, самый высокій во всемъ табунѣ, съ мягкой, ласкающей, какъ мелодія, походкой. Бѣда была только въ томъ,

что при маленькомъ моемъ ростѣ мнѣ было трудно садиться на такую высокую лошадь. Я не могъ обойтись безъ посторонней помощи; мнѣ приходилось чуть не выше моего тѣни поднимать свою ногу, чтобы вставить носокъ ея въ стремя, причемъ, еслибъ мнѣ не помогали, я упалъ бы навзничъ прежде, чѣмъ вѣсть ногу. Помогали мнѣ такимъ образомъ: прежде всего подпирали мнѣ ладонями спину, а потомъ брали мою ногу и всовывали ее въ стремя. Конечно, взгромоздившись на высокаго коня, я въ теченіе перехода чувствовалъ себя безпомощнымъ; при другихъ условіяхъ я съ охотой отказался бы отъ ѣзды на такой башнѣ, но въ этомъ случаѣ было бы безтактно просить о смѣнѣ лошади: это значило бы не оцѣнить, какъ слѣдуетъ, ласку хозяина, который меня пожаловалъ собственнымъ конемъ. Да кромѣ того, ѣзда на такомъ чудесномъ конѣ имѣла большую прелесть,—она вызвала въ сѣдокахъ спокойное настроеніе.

Кокушъ былъ начальникъ нашего движенія, волюновожатый, центральная фигура кочевки. Во время пути къ нему подъѣзжали родотвенники, племянники султана Чингиса, здоровались и ѣхали рядомъ, составляя его свиту. Многіе изъ членовъ этой свиты вели на рукахъ ловчихъ соколовъ и ястребовъ. Всегда къ этой компаніи присоединялся также мулла, ведя въ поводу лошадь, на которой въ дѣтскомъ особаго устройства сѣдлѣ ѣхалъ его пятилѣтній сынъ, привязанный къ сѣдлу.

Аулъ двигался въ такомъ порядкѣ: по дорогѣ или вдоль ея по степи шли телѣги, запряженные быками, и тарантасы, запряженные лошадьми. Влѣво отъ обоза шли лошади, вправо—бараны. Наконецъ, небольшой фронтъ изъ всадниковъ съ Кокушемъ во главѣ держался либо вправо, либо влѣво отъ обоза.

Современная картина кочевки не даетъ понятія о томъ, какъ кочевали здѣшніе киргизы прежде, когда въ здѣшнемъ краѣ киргизы держали верблюдовъ. Лѣтъ двадцать какъ это животное здѣсь уже не разводять. Въ періодъ верблюдоводства багажъ перевозился обыкновенно на верблюдахъ; на быкахъ перевозили только кухонную посуду. Вьюки на верблюдахъ покрывали коврами. Каждую связку изъ семи или восьми верблюдовъ вела обыкновенно молодая замужняя женщина въ «соуколе», т. е. въ высокой острокопечной шляпѣ, украшенной серебромъ, маржаномъ и жемчугомъ. Всѣ дѣвицы ѣхали верхомъ на-ряду съ джигитами. Кочевка была наряднѣе и толпа всадниковъ была многочисленнѣе. Теперь блеску много убавилось. Быки, идущіе въ оглобляхъ, далеко не такъ величественны, какъ верблюды.

Интересно, что, хотя способъ передвиженія существенно измѣнился, роль женщины осталась прежняя; прежде она кочевала при багажѣ, и теперь тоже при багажѣ; только прежде она ѣхала верхомъ на лошади и вела верблюдовъ; теперь она сидитъ на козлахъ и править быкомъ. Эти женщины, сидящія на возахъ, съ голо-

вами, покрытыми бѣлыми «джавлуками», придаютъ оригинальный видъ киргизскому обозу. Въ особенности странно видѣть, что и на козлахъ тарантасовъ, въ которыхъ перекочевываютъ киргизскія дамы, тоже сидятъ киргизки въ бѣлыхъ джавлукахъ и правятъ тройками лошадей. Когда бытъ измѣняется, нерѣдко нѣкоторые манеры и фасоны остаются при новыхъ формахъ быта, хотя существованіе ихъ не оправдывается потребностями; такъ, резиновыя калоши почему-то дѣлаются съ ложными рантами, какъ будто изъ подражанія калошамъ изъ кожи.

Подвигаясь такимъ образомъ къ сѣверу, мы, наконецъ, подошли близко къ урочищу Серембетъ. Оставалось верстъ пятнадцать или семнадцать до дома, въ которомъ султанъ проводитъ зиму. Тутъ Валихановы стоятъ мѣсяць, чтобы не вытравить преждевременно корма около Серембета. Прежде аулъ султана Чингиса приходилъ на это урочище позже; съ каждымъ годомъ, какъ и всѣ другіе киргизскіе аулы, Валихановы начинаютъ приходить на зимовку ранѣе, чтобы не упустить сѣнокосное время. Прежде, когда киргизы не косили сѣна, имъ незачѣмъ было торопиться на зимовки; они могли дольше оставаться на югѣ, на степныхъ кормахъ, — да и самыя лѣтовки были тогда южнѣе. Теперь съ каждымъ годомъ и разстояніе между лѣтовкой и зимовкой сокращается, и уменьшается также степной сезонъ.

Дня за два или за три до прихода на Серембетъ Валихановскіе аулы стали убывать; народъ сталъ уходить на сѣверъ, ближе къ зимовкамъ, около которыхъ расположены сѣнокосные луга; когда-же мы остановились на послѣднюю стоянку, на другой день въ нашемъ аулѣ остались одни только три барскія юрты; остальные юрты и шалаши съ ихъ телѣгами ушли на сѣнокосы.

На этой стоянкѣ я познакомился съ остальными двумя сыновьями султана Чингиса. Одинъ изъ нихъ Махмудъ; его аулъ очутился отъ нашего аула въ разстояніи не болѣе четверти версты. Я сдѣлалъ ему визитъ, и мы потомъ очень часто видѣлись. Мнѣ было очень пріятно съ нимъ познакомиться, такъ какъ онъ прекрасно говоритъ по русски. Султанъ Махмудъ кончилъ курсъ, какъ и Чоканъ, въ кадетскомъ корпусѣ, учился потомъ немного въ Петербургѣ, служилъ въ военной службѣ, дослужившись до чина поручика, вышелъ въ отставку и теперь живетъ въ степи, кочуетъ и занимается сельскимъ хозяйствомъ; ни одинъ изъ Валихановыхъ не имѣетъ такой большой пашни, какъ онъ.

Чтобы познакомиться съ другимъ братомъ, Макѣ, я долженъ былъ съѣздить въ Серембетъ. Макѣ нынѣшнимъ лѣтомъ отказался кочевать и все лѣто провелъ на зимовкѣ. Какъ только мы пришли на послѣднюю стоянку, у насъ начались частыя сношенія съ Серембетомъ; люди изъ нашего аула стали ѣздить въ Серембетъ, жители Серембета пріѣзжали къ намъ. Макѣ давно уже заказывалъ сказать, что онъ ждетъ меня. Якубъ пригласилъ меня поѣхать съ нимъ

выѣсть, и мы большой компаніей верхомъ на лошадяхъ отправились въ гости къ Макѣ.

Ѣхали почти всю дорогу между березовыми рощами, то по тѣнистой аллеѣ внутри рощи, то по прогалинѣ между рощами. На прогалинахъ было уже наставлено много стоговъ накопленного сѣна. То вправо, то влево отъ дороги были видны киргизскія усадьбы или зимовки. Мы не успѣли еще выѣхать изъ березовыхъ рощъ, какъ надъ вершинами березъ показалась желтовато-сѣрая верхушка горы Серембетъ.

Березовыя рощи вдругъ обрѣзались, и мы выѣхали на сухую степь, которая образуетъ подошву Серембета. Гора передъ нами во весь ростъ отъ вершины до подошвы. Мы выѣзжаемъ на какую-то укатанную дорогу, по которой, очевидно, не мало проѣхало телѣгъ и тарантасовъ. Это дорога изъ Прѣсновской станицы, которая находится на Казачьей линіи около города Кургана, въ городъ Атбасаръ, лежащій въ центрѣ Киргизской степи. По этой дорогѣ мы быстро домчались до усадьбы султана Чингиса, расположенной подъ западнымъ мысомъ горы Серембетъ.

Усадьба султана Чингиса состоитъ изъ большого барскаго дома съ тремя флигелями, амбарами и мечетью. Въ главномъ домѣ зимой помѣщается самъ султанъ Чингисъ съ семьей младшаго сына Коккуша, во флигеляхъ—Макѣ, разведенная жена Якуба съ его дѣтьми (бывшая сначала женою Чокана) и мулла. Усадьба расположена на открытой площадкѣ, надъ которой съ востока возвышается гора Серембетъ, покрытая на этой сторонѣ сосновымъ лѣсомъ, съ Запада большая березовая роща отдѣляетъ усадьбу отъ большого озера, воды котораго видны между стволами березъ.

Макѣ верхомъ на лошади выѣхалъ къ намъ на встрѣчу. Его юрта стояла въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ усадьбы, на окраинѣ березовой рощи. Макѣ получилъ образованіе въ школѣ глухонѣмыхъ въ Петербургѣ, на Гороховой улицѣ (онъ глухонѣмой), потомъ служилъ въ разныхъ канцеляріяхъ въ Петербургѣ и Омскѣ, (въ Петербургѣ пробылъ всего одиннадцать лѣтъ), такъ что изъ всѣхъ сыновей султана Чингиса это былъ самый обрусѣлый. Мы говорили, что, когда онъ наѣзжаетъ зимой въ Кокчетавъ, въ русскомъ клубѣ его принимаютъ, какъ пріятнаго гостя; его любятъ тамъ за его общительный характеръ и галантное обращеніе. Къ сожалѣнію, я не владѣю искусствомъ говорить знаками съ глухонѣмыми и потому не могъ ближе сойтись съ Макѣ, но когда я ѣхалъ изъ Кокчетавъ разыскивать аулъ Валихановыхъ, я думалъ, что если я съ кѣмъ изъ четырехъ живыхъ братьевъ заведу наиболѣе откровенныя снязи, то именно съ Макѣ.

Макѣ недавно овдовѣлъ и женился вновь. Отъ прежней жены у него остались хорошенькая дочка и два мальчика. Новая жена, татарка изъ города Петропавловска или, кажется, киргизка, но выросшая въ Петропавловскѣ; кажется отецъ ея, киргизъ, посе-

дившійся въ Петропавловскѣ и отатарившійся: Киргизки не прячутся отъ мужчинъ и не закрываютъ лица, а жена Маке все время, пока мы жили въ его юртѣ, не выходила изъ-за занавѣски. Иногда Маке отдергивала занавѣску, чтобы похвастаться намъ ея красотою, но она снова ее задерживала.

Въ юртѣ Маке мы провели сутки и вернулись въ аулъ султана Чингиса.

Урочище Серембетъ было пожаловано матери султана Чингиса, ханышъ Айханымъ, второй женѣ послѣдняго киргизскаго хана Вали, по имени котораго и серембетевскіе помѣщики называются Валихановыми. Въ жалованномъ документѣ было сказано, что земля эта отдается въ безспорное пользованіе ханышъ Айханымъ съ ея потомствомъ и родами Атачай и Карауль. Впослѣдствіи это «безспорное» владѣніе сама администрація стала оспаривать у Валихановыхъ. Владѣльцы земли, пользовавшіеся ею болѣе полустолѣтія, привыкли смотрѣть на нее, какъ на собственность; мѣстная администрація только въ позднѣйшее время (кажется, въ шестидесятыхъ годахъ) вздумала обсудить, какъ понимать поземельныя права серембетевцевъ, и рѣшила, что они не собственники, а только имѣющіе урочище Серембетъ во временномъ пользованіи.

Пожалованіе земли въ безспорное пользованіе ханской семьѣ было сдѣлано въ расчетѣ на услуги Россіи, которыя ожидалось отъ ханской семьи, и въ самомъ дѣлѣ, едва ли можетъ быть названа какая-нибудь другая киргизская семья, которая питала бы такія дружественныя чувства къ русскимъ, какъ семья султана Чингиса. Самъ Чингисъ Валиевичъ обучался въ русской школѣ переводчиковъ въ Омскѣ и, слѣдовательно, съ дѣтства привыкъ къ русскимъ; впослѣдствіи, когда онъ служилъ, управлялъ Кушмурунскимъ округомъ и занималъ должность представителя отъ киргизскаго народа при областномъ правленіи въ Омскѣ, онъ постоянно велъ дружбу съ самыми интеллигентными русскими чиновниками въ Омскѣ, который былъ центромъ управленія степью,—сначала съ чиновникомъ Сотниковымъ, потомъ съ домами Гутковского и Капустина. Сотниковъ, оріенталистъ изъ казанскаго университета, любилъ въ киргизскій народъ; каждое лѣто онъ пріѣзжалъ въ аулъ султана Чингиса и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ кочевалъ вмѣстѣ съ нимъ по кушмурунскому округу, жилъ въ киргизской юртѣ и одѣвался по киргизски; по его-то совѣту Чингисъ Валиевичъ отдалъ своего второго сына Чокана учиться въ кадетскій корпусъ въ Омскѣ. Семейства Капустинныхъ и Гутковскихъ, состоявшихъ въ близкомъ родствѣ между собою, были центромъ омской интеллигенціи: въ этихъ домахъ собирались образованные чиновники и молодые офицеры; тутъ можно было встрѣтить офицера генеральнаго штаба, художника или чиновника литератора, ученаго путешественника, заѣхавшаго въ Омскъ по дорогѣ въ Центральную Азію, или поэта, очутившагося здѣсь въ качествѣ «невольнаго стран-

ника». Чокаѣ, сынъ султана Чингиса, былъ принятъ въ семействѣ Гутковскихъ, какъ родной сынъ, и это имѣло такіа послѣдствія, какъ будто два дома, одинъ русскій, Гутковскихъ, и другой киргизскій, Валихановыхъ, породнились между собою. Кромѣ Чокана, султанъ Чингисъ далъ русское образованіе еще двумъ своимъ сыновьямъ—Махмуду и Маке; старшій сынъ Якубъ не учился въ русской школѣ, но онъ говоритъ по-русски, служилъ на выборныхъ должностяхъ и тоже до извѣстной степени обрусѣлъ; только одинъ Кокушъ остался не затронутымъ русскимъ вліяніемъ. Словомъ, Валихановы одно изъ самыхъ русифицированныхъ киргизскихъ семействъ. Къ перечисленнымъ членамъ этого дома нужно еще присоединить Мусу Чорманова, дядю Чокана по матери, т. е. брата первой жены султана Чингиса. Муса Чормановъ, теперь уже умершій, подобно султану Чингису, долго состоялъ на русской службѣ, то какъ управитель цѣлаго киргизскаго округа (баян-аульскаго), то какъ представитель отъ киргизскаго народа при омскомъ областномъ правленіи. Онъ былъ извѣстенъ въ Омскѣ, какъ человѣкъ врожденнаго ума и знатокъ киргизской жизни. Въ теченіе не менѣе полувѣка омская администрація пользовалась совѣтами и вліяніемъ на степное населеніе этихъ трехъ лицъ: султана Чингиса, его сына Чокана и его свояка Мусы Чорманова, какъ самыхъ свѣдующихъ въ степныхъ обычаяхъ людей. Въ архивахъ омскихъ канцелярій, вѣроятно, найдется не мало трактатовъ и записокъ о киргизскомъ хозяйствѣ или о киргизскихъ судебныхъ порядкахъ и т. п., или составленныхъ Чоканомъ по собраннымъ имъ лично даннымъ, или написанныхъ подъ диктовку Мусы или султана Чингиса. Съ одной стороны, члены семейства Валиханова были незамѣнными помощниками мѣстныхъ администраторовъ въ управленіи областью, съ другой—примѣръ этого семейства, преданнаго русскимъ интересамъ, не оставался безъ вліянія на верхній классъ степного населенія, на классъ султановъ, биевъ и богатыхъ людей. Особенно же вліятеленъ былъ для степи примѣръ Чокана Валиханова. Это былъ небывалый феноменъ—киргизскій юноша, офицеръ, принадлежавшій къ свитѣ генераль-губернатора, принятый въ высшемъ кругу въ мѣстной столицѣ Омскѣ, мало того, пользовавшійся въ мѣстномъ русскомъ обществѣ репутаціей человѣка съ блестящими умственными способностями и съ благороднымъ направленіемъ мыслей. Чоканъ придалъ такой блескъ имени Валихановыхъ, что другіе валиханиды, не называвшіеся Валихановыми, получившіе свои фамиліи прозвища не по имени хана Вали, а по именамъ его сыновей, стали потомъ добиваться замѣны ихъ негромкихъ фамилій славнымъ именемъ Валихановыхъ. Въ средѣ ближайшихъ родственниковъ Чокана память о немъ хранится, какъ о добромъ семейномъ геніи. И теперь еще чувствуется духовное наслѣдство, оставленное Чоканомъ въ родной семьѣ; онъ показалъ имъ, какого тонкаго судью человѣческихъ поступковъ

вырабатываетъ европейская культура. Чоканъ былъ киргизскій патриотъ, но въ то же время это былъ и патриотъ русскій, и если бы изъ киргизскаго народа было вызвано поболѣе Чокановъ, связи той части киргизскаго народа, которая заправляетъ киргизскою жизнью, съ русскимъ обществомъ были бы прочнѣе. Если въ средѣ киргизовъ и найдутся лица, которые могутъ быть поставлены, по ихъ заслугамъ русской жизни, рядомъ съ старшими членами семейства Валихановыхъ, съ султаномъ Чингисомъ или Мусой Чормановымъ, то не найдется ни одного, за которымъ возможно было бы признать значеніе, равное съ Чоканомъ.

Такое общественное значеніе серембетевскихъ владѣльцевъ усложняетъ рѣшеніе серембетевскаго вопроса. Пусть Валихановы уже бесполезны для русскихъ плѣей, все же рѣшеніе вопроса о земляхъ Серембетевскаго урочища будетъ имѣть значеніе добраго или дурного прецедента для киргизъ въ будущемъ.

Поземельныя отношенія урочища Серембетъ въ настоящемъ ихъ видѣ довольно странны и запутаны. Это не собственность, но и не общинная земля. Урочище находится въ пользованіи у трехъ классовъ людей; на немъ сидятъ, во 1-хъ, султанскія дѣти, сыновья, внуки и племянники султана Чингиса; во 2-хъ, бывшіе тюленгуты, т. е. бывшіе ихъ рабы или крѣпостные, и въ 3-хъ, свободные люди родовъ Атагай и Караулъ; всего, кажется, до пятидесяти отдѣльных хозяйствъ. Не то это общинная земля, находящаяся въ пользованіи общины, въ составъ которой, вопреки обычному порядку, входят и султанскія дѣти, т. е. дворяне, что-то въ родѣ всеословной волости, не то помѣстье, куда помѣщикомъ припущены и простые люди. Не знаю, есть-ли въ киргизской степи еще другой участокъ въ такихъ же условіяхъ пользованія.

Отношенія эти усложняются еще тѣмъ, что одинъ изъ сыновей султана Чингиса, Махмудъ, по соглашенію съ другими серембетевцами, выдѣлился, и въ его пользованіе вырѣзанъ особый участокъ земли; кромѣ того, омская администрація, вѣрнѣе бывший генералъ-губернаторъ Колпаковский, желая, вѣроятно, сгладить непріятное впечатлѣніе рѣшенія вопроса о Серембетѣ не въ смыслѣ потомственной собственности, возбудилъ ходатайство о надѣленіи султана Чингиса въ потомственное владѣніе двумя тысячами десятинъ земли изъ того же Серембетевскаго урочища. Пестрота еще болѣе увеличится, когда мѣстная администрація приведетъ въ исполненіе свое предположеніе основать русскій поселокъ въ самомъ центрѣ серембетевской территоріи, въ мѣстности Акбасъ, гдѣ находится зимовка Якуба. Теперь этотъ вопросъ о распространеніи русской колонизаціи на урочище Серембетъ волнуетъ Валихановыхъ. Они говорятъ: «Мы не противъ основанія поселка въ будущемъ, но желали бы, чтобы намъ дали нѣсколько лѣтъ обдумать новое наше положеніе и приготовиться къ надвигающимся условіямъ жизни».

Мы вовсе не намѣрены настаивать на признаніи Валихановыхъ

потомственными владѣльцами Серембета; такая раздача земель въ частныя руки будетъ непредусмотрительностью, вредною для того же киргизскаго народа. Но нельзя и легкомысленно отнестись къ этому вопросу въ виду тѣхъ явленій, которыя совершаются рядомъ. На земляхъ, нѣкогда принадлежавшихъ киргизамъ, поселены сибирскіе и оренбургскіе казаки; изъ бывшихъ киргизскихъ земель на-рѣзаны надѣлы казачьимъ станицамъ, а также и участки казачьимъ офицерамъ, хорунжимъ и сотникамъ по 600 десятинъ, а генераламъ и значительно болѣе. Затѣмъ офицерамъ предоставлено право свои участки продавать. Пользуясь этимъ, какъ мы слышали, купцы въ предѣлахъ оренбургскаго войска скупаютъ офицерскія земли и создаютъ такимъ путемъ крупныя помѣстья; въ особенности много скупилъ такихъ земель какой-то уфимскій или казанскій татаринъ. Если это правда, то какъ же такъ? Киргизскій султанъ, предки котораго жили на этой землѣ еще до прихода русскихъ, султанъ, услуги котораго, оказанныя русскому государству, безспорны, обойденъ въ правѣ получить участокъ въ собственность, а казачій офицеръ, объ услугахъ котораго, ничего неизвѣстно, который, можетъ быть, служилъ заурядно,—подъ бокомъ у заслуженнаго султана получаетъ земельный участокъ въ потомственную собственность.

Видъ султанской усадьбы не произвелъ на меня пріятнаго впечатлѣнія. Во первыхъ, нѣтъ около усадьбы огорода; это лишаетъ картину домовитости; точно это почтовая станція, а не усадьба. Кто проѣзжалъ по Башкиріи, тому припомнились бы не домовитыя усадьбы башкиръ, которыя тоже у человѣка, привыкшаго къ картинамъ осѣдлости, вызываютъ гнетущее чувство, слѣдующее всегда за сознаніемъ, что вы стоите передъ вымирающимъ народомъ. Эти султанскіе дома и флигеля, стоящіе на степи безъ заборовъ и огородовъ, или съ повалившимися заборами, съ разсыпавшимися воротами, заставляютъ васъ спрашивать себя: неужели и киргизскій народъ ждетъ та же участь, какая постигла башкировъ, т. е. участь угасающаго племени?

Другое обстоятельство, надъ которымъ приходится задуматься,—это то предпочтительное расположеніе, которое въ султанскихъ усадьбахъ оказывается мусульманскому обученію дѣтей. Въ серембетевской усадьбѣ живетъ мулла; для него и для его школы построенъ особый домъ. Конечно, все это вполне естественно; но хотѣлось бы, чтобы султаны и вообще «влиятельные люди» изъ киргизъ, рядомъ съ муллою, приглашали бы для обученія своихъ дѣтей и русскихъ учителей. Чуть ли это не общее явленіе въ степи.—умный и способный киргизъ начинаетъ служить, по дѣламъ службы ему приходится часто бывать въ русскомъ городѣ, даже цѣлыми годами жить въ немъ, и онъ усваиваетъ европейскія привычки, вкусы и даже нѣкоторыя изъ нашихъ идей; потомъ онъ становится старъ, прекращаетъ службу, удаляется въ степь; связи съ русскимъ обществомъ порываются, а тутъ еще появляется мысль о близкой смерти;

личные земные интересы, можетъ быть, и остаются въ прежней силѣ, но энергія къ общественнымъ интересамъ ослабѣваетъ, и человѣкъ подпадаетъ подъ вліяніе народныхъ вкусовъ.

Мусульманско-клерикальное направленіе съ каждымъ годомъ усиливается въ степи. Отдѣльныя киргизскія семейства или лица, вначалѣ подчинившіяся русскимъ вліяніямъ, подъ конецъ поддаются и поглощаются общимъ теченіемъ. Нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ положеніе дѣлъ, можетъ быть, было благопріятнѣе для прониканія европейскихъ идей въ киргизскую среду. Мулла изъ киргизъ было мало; большею частью это были казанскіе татары; свои киргизскіе муллы если и были, то это были ученики казанскихъ муллъ. Теперь это измѣнилось: съ завоеваніемъ Туркестана молодые люди изъ киргизъ стали уѣзжать въ «святую» Бухару; они изучаютъ тамъ персидскій и арабскій языки и мусульманскій законъ и, возвратившись на родину, становятся муллами. Бухарскіе богословы извѣстны своимъ фанатизмомъ; ихъ ученики распространяютъ въ киргизскомъ народѣ ханжество, отвращеніе къ европейской наукѣ и щеголянье персидскими и арабскими фразами; молодые люди въ султанскихъ семьяхъ любятъ въ многолюдномъ обществѣ пустить пылъ въ глаза, выпаливъ одну или двѣ персидскія фразы, изъ которыхъ чаще всего и состоитъ весь ихъ арсеналъ. Персидско-арабская культура проникаетъ и ниже; иногда даже олуги, на голосъ барина отвѣчаютъ: «Готово! сейчасъ!» не на киргизскомъ, а на арабскомъ языкѣ. А если и есть киргизы, познакомившіеся съ персидскимъ или арабскимъ языками, какъ слѣдуетъ, то и тогда изученіе этихъ языковъ не имѣетъ другихъ цѣлей, кромѣ тщеславія и расчета на званіе ученаго человѣка, — здороваго воспитательнаго значенія въ этомъ изученіи нѣтъ.

Рядомъ съ этимъ, растущимъ и въ ширь, и въ глубь киргизскаго народа, клерикальнымъ вліяніемъ, русское, т. е. свѣтское культурное вліяніе ограничивается одной внѣшностью — поярковыми шляпами, жилетами, галстуками, пиджаками и узкими панталонами самоварами, каросиновыми лампами, тарантасами; въ духовную жизнь народа оно почти не проникаетъ.

Да оно и понятно. Русская наука, русская исторія, русская литература и вообще русское умственное движеніе мало трогаютъ сердце киргиза. Торжествующимъ средствомъ въ борьбѣ съ мусульманскимъ клерикализмомъ можетъ быть только свое киргизское свѣтское направленіе; чтобы оно появилось, нужно возбудить въ верхнихъ слояхъ киргизскаго народа интересъ къ своей народности, интересъ къ изученію своего родного, своей исторіи, своихъ обычаевъ, своихъ устныхъ памятниковъ старины. Пока интересъ къ киргизской народности пробужденъ только у ориенталистовъ, этнографовъ, фольклористовъ, но они занимаются изученіемъ киргизской народности только для пополненія европейскаго знанія, а вовсе не въ цѣляхъ пробужденія самосознанія киргизскаго народа. Пожалуй,

есть отдѣльныя личныя симпатіи къ самому киргизскому народу, независимыя отъ интересовъ науки, но онѣ не сплочены въ организацію и потому безрезультатны въ данномъ смыслѣ.

Число образованныхъ киргизъ, кончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ каждымъ годомъ увеличивается; къ сожалѣнію, по окончаніи курса молодые люди не образуютъ живущей въ одномъ мѣстѣ колоніи, а разсыпаются по обширной киргизской территоріи или, что еще не выгодно для киргизскаго народа, остаются служить въ европейской Россіи, на Кавказѣ, въ Одессѣ и т. п. Нѣтъ пока у киргизъ умственного центра, гдѣ могла бы завязаться духовная жизнь киргизской интеллигенціи, гдѣ бы ея члены могли работать сообща, другъ другу помогая примѣромъ и совѣтомъ, гдѣ бы киргизъ юристъ или киргизъ докторъ могъ встрѣчаться съ киргизомъ художникомъ, киргизомъ литераторомъ или съ киргизомъ ученымъ. Правда, между молодыми киргизами нѣтъ ни одного, котораго можно было бы поставить въ уровень съ покойнымъ Чоканомъ Валихановымъ; Чоканъ съ либеральнымъ образомъ мыслей и съ свободомысліемъ въ религіозныхъ вопросахъ соединялъ искреннюю любовь къ своему народу и мечталъ о служеніи ему. Но, уступая Чокану въ воодушевленіи народными интересами и въ умственныхъ способностяхъ, молодые люди, если бы собрались въ кучку, могли бы, можетъ быть, еще больше сдѣлать, чѣмъ одинъ человѣкъ. Некому только сплотить ихъ; нѣтъ протектората просвѣтительнымъ стремленіямъ киргизской интеллигенціи.

Часть этой просвѣтительной миссіи какъ будто исполняется администраціей, но если ею и дѣлается что нибудь въ этомъ родѣ — устраиваются школы, издается газета на киргизскомъ языкѣ — то все это ограничивается формальнымъ отношеніемъ къ предпріятію, и въ основѣ такой дѣятельности лежатъ узко утилитарныя цѣли, а не пробужденіе въ народѣ духовной жизни. Конечно, администраціи некогда заниматься этимъ, и для успѣшнаго исполненія ея прямыхъ обязанностей лучше освободить ее совсѣмъ отъ подобной задачи.

Покровительство, о которомъ мы говоримъ, должно быть организовано въ средѣ образованнаго русскаго общества, конечно, мѣстнаго. Для русскаго общества неудобно оставить цѣлый край безъ вліянія русскаго просвѣщенія, которое прочнымъ и продолжительнымъ можетъ быть только въ томъ случаѣ, если степь будетъ покрыта системой народныхъ свѣтскихъ школъ. Съ этими школами народится въ степи классъ людей, дружелюбно относящихся къ формамъ европейской жизни и довѣрчиво къ выводамъ европейской науки, и тогда если несовсѣмъ сдѣлаются невозможными, то станутъ рѣже отступленія руссифицированныхъ семействъ, какъ это замѣчается теперь. Въ настоящее время устарѣлый человѣкъ оставляетъ службу и вмѣстѣ съ тѣмъ русское общество удаляется въ степь и неизбежно подчиняется народнымъ вкусамъ, а направленіе народнымъ вкусамъ и мыслямъ даютъ люди болѣе молодого поколѣ-

нѣя, набравшіеся мудрости въ Бухарѣ; въ нѣдрахъ же самаго народа нѣтъ среды, которая противоѣствовала бы крайностямъ бухарскаго вліянія.

Во многихъ городахъ Западной Сибири основаны общества попеченія о народномъ образованіи; такое общество необходимо было бы устроить и въ киргизской степи, его задачей было бы — заботиться объ учрежденіи народныхъ школъ, объ устройствѣ народныхъ чтеній, объ изданіи народныхъ книжекъ, а также и о переводѣ для киргизской интеллигенціи произведеній русской и европейской литературы и беллетристики. Мнѣ рассказывали объ одномъ киргизскомъ султанѣ (уже умершемъ Уськенбаевѣ), который кончилъ курсъ въ Омскомъ кадетскомъ корпусѣ и потомъ жилъ на родинѣ въ степи около Семипалатинска, что онъ любилъ вечерами рассказывать своимъ землякамъ содержаніе русскихъ повѣстей и романовъ, и киргизы съ такимъ интересомъ его слушали, что просили его записать свои рассказы; такимъ образомъ получились тетрадки, написанныя по киргизски и содержащія въ себѣ вольный переводъ произведеній Тургенева, Лермонтова, Толстого и др. Иногда во время этихъ литературныхъ вечеровъ въ юртѣ киргизы пускались въ сужденія, и тогда, какъ рассказывалъ очевидецъ, можно было слышать, какъ Уськенбаевъ пользовался русскими авторитетами: «Послушайте, а вотъ что объ этомъ говорить извѣстный русскій критикъ Вѣлинскій» или: «вотъ какого мнѣнія объ этомъ былъ русскій критикъ Добролюбовъ!» Если бы нашлась искусная рука, которая облегчила бы киргизскимъ читателямъ эти открытія, вкусъ молодыхъ султановъ къ персидскимъ и арабскимъ виршамъ значительно бы уменьшился.

Можно предвидѣть, что скоро народится «молодая Киргизія». Чѣмъ она обогатитъ свой народъ, въ какомъ направленіи будетъ работать ея мысль, какіе продукты создать ея умъ и ея чувство, чѣмъ она подѣлится съ русскимъ обществомъ въ области науки и искусства? Можно предугадывать, что киргизская народность, подобно малорусской и польской, дастъ двуязычныхъ писателей, которые будутъ писать и на киргизскомъ, и на русскомъ языкахъ.

Многія черты характера этого молодого народа очень симпатичны и не даютъ повода думать, чтобы иссушающее народную жизнь мусульманско-клерикальное направленіе и увлеченіе персидскими виршами отвѣчало его духу. Это какое то недоразумѣніе жизни. Духовное наслѣдство киргизскаго народа достаточно для того, чтобы киргизская жизнь нашла въ немъ поддержку и не иссякла бы подъ сирокко мусульманскаго клерикализма, подобно тому, какъ усыхаютъ воды и почва степи подъ дѣйствіемъ сухихъ вѣтровъ изъ центральной Азіи. Киргизы народъ живой, здоровый, жаждущій жизни; они любятъ веселье; въ костюмѣ любятъ яркіе цвѣта, въ жизни праздники. Поминки по умершимъ у этого народа превращаются въ продолжительныя и грандіозныя торжества

съ играми, скачками, пѣснями, состязаніями, съ исполненіемъ пѣсенъ и съ лирическимъ творчествомъ. Состязанія въ артистическомъ искусствѣ и въ нарядахъ воспитываютъ, можетъ быть, въ киргизахъ нѣкоторую долю тщеславія, что дѣлаетъ ихъ похожими на французовъ. Подобно аѳинянамъ, киргизы необычайно любятъ новости, «хабары»,—страсть, которая въ молодомъ поколѣніи замѣняется любознательностью.

Чоканъ Валихановъ любилъ выставлять на видъ, что киргизы народъ пастуховъ; это,—говорилъ онъ,—выразилось и въ ихъ одѣяніи, состоящемъ изъ халатовъ, и въ военномъ оружьи, которое состоитъ изъ суиловъ, т. е. шестовъ съ петлями, съ помощью которыхъ ловятъ лошадей. Киргизская жизнь слагается изъ пасторадей; любимая повѣсть, которую знаетъ вся степь отъ Оренбурга до Зайсана, верхъ киргизской эпикѣ, это исторія красавицы Баянъ-сулу, которая влюбилась въ бѣднаго пастуха Козу-курпеша, не могла перенести гибели любимаго человѣка и покончила съ собой на его могилѣ; на этой могилѣ выросли два дерева, которыя протягиваютъ другъ къ другу свои вѣтви; это погибшіе любовники, которые и по смерти продолжаютъ любить другъ друга; между деревьями колючій кустъ;—это разлучникъ, который при жизни помѣшалъ счастью любовниковъ и теперь еще продолжаетъ мѣшать ихъ замогильному соединенію. Сюжетъ международный, но ни одна народность не сдѣлала его такимъ выдающимся пунктомъ въ своей эпикѣ, какъ киргизы. Не менѣе трогательны и человѣчны другія киргизскія легенды, напримѣръ, легенда, которая объясняетъ, почему одна изъ киргизскихъ рѣкъ называется Ата-су, «слезы отца». Дѣвушка полюбила пастуха, но богатый отецъ не захотѣлъ отдать дочь за своего бѣднаго работника; молодые бѣжали; отецъ пустился догонять ихъ и, когда приблизился къ нимъ на выстрѣлъ, вынулъ лукъ и наложилъ на него стрѣлу. Женищина, замѣтивъ, что любимому ея человѣку угрожаетъ опасность, заслонила его своимъ тѣломъ; стрѣла поразила ее. Отецъ нашелъ на землѣ только бездыханное тѣло и оплакалъ свое горе; его обильныя слезы образовали цѣлую рѣку, которая и теперь называется «Слезы отца». Подобные примѣры самоотверженной женской любви, хотя и не такіе, быть можетъ, героическіе, и теперь бываютъ въ степи. Въ шестидесятыхъ годахъ, во время управленія степью Гутковского, омское общество было сильно заинтересовано исторіей одной любовной парочки, бѣжавшей въ Омскъ подъ защиту русскихъ властей чуть ли не съ озера Зайсана.

Сердечность киргизскаго народа рисуется также обычаемъ заключать братскіе союзы; такіе друзья называются «тамырами»; у тамыра для тамыра нѣтъ ни въ чемъ отказа, какой бы онъ цѣнный подарокъ ни попросилъ. Киргизское сердце хотѣло бы даже сдѣлать чувство дружбы наследственнымъ: дѣти двухъ тамыровъ не забываютъ о духовномъ родствѣ своихъ отцовъ; тамыръ, отецъ не-

вѣсты, называетъ сына своего тамыра окульгуу, «зятѣмъ». Разсказомъ о двухъ такихъ тамырахъ и начинается киргизская повѣсть объ идеальной женской любви красавицы Баянъ-сулу. Отецъ ея Сарыбай и отецъ ея любовника Козу-курпеша были тамыры, друзья на жизнь и смерть. Сарыбай однажды выѣхалъ на охоту; въ то же самое время и Карабай вздумалось поохотиться. Случайно они выѣхали на одно и то же поле, и, завидѣвъ самку оленя, но не замѣчая другъ друга, стали съѣзжаться и скрадывать дичь; приблизившись къ ней, Сарыбай замѣтилъ, что оленуха беременна, и вспомнилъ, что его оставленная жена тоже беременна; въ немъ шевельнулось чувство отца, онъ пожалѣлъ бѣдное животное. Но то же самое чувство испыталъ и Карабай, потому что и его жена тоже была беременна. Оба охотника поднялись и тутъ только увидѣли другъ друга и узнали, что они пѣлились въ одну и ту же дичь. Они порѣшили, что, если ихъ ожидаемая дѣти будутъ одного пола, они сдѣлаютъ ихъ тамырами, а если разныхъ, то женятъ ихъ. У Сарыбая родилась дочь Баянъ-сулу, у Карабая сынъ Козу—курпешъ.

Высокое понятіе о поэтическомъ творествѣ выразилось у киргизъ въ легендѣ о происхожденіи пѣсни. Легенда рассказываетъ, что нѣкогда, именно въ тѣ отдаленныя времена, когда люди еще не умѣли пѣть, пѣсня (конечно, существо небеснаго происхожденія) летала надъ землею и пѣла; гдѣ она пролетала низко, люди хорошо разслышали ее и переняли ея пѣсни; гдѣ высоко, тамъ плохо были слышны ея пѣсни, и народы, населяющіе эти земли, остались не музыкальными. Надъ киргизскою степью пѣсня пролетѣла ниже, чѣмъ надъ какой другой страной, и потому киргизы лучшіе пѣвцы въ мірѣ. Обездоленные монголы, добавляетъ другое преданіе, позавидовали счастливымъ киргизамъ и рѣшили выкрасть у нихъ даръ боговъ, искусство пѣнія; они выбрали ловкаго молодого чело-вѣка и послали его туда, гдѣ стоялъ киргизскій аулъ; онъ долженъ былъ украдкой подойти къ аулу, спрятаться за скалой, подслушать, какъ поютъ киргизы, и перенять мотивы. Юноша подошелъ къ мѣсту, спрятался и сталъ ждать вечера, когда въ аулѣ начнется пѣніе; но аула въ это время тутъ уже не было, онъ откочевалъ, осталась на пепелищѣ одна старая и хромая собака, которая была не въ состояніи уйти за ауломъ. Когда наступилъ вечеръ, собака начала выть отъ голода. Монгольскій юноша услышалъ эту серенаду, подумалъ, что это и есть киргизское пѣніе, запомнилъ его и научилъ ему своихъ сородичей. Вотъ почему монгольскія пѣсни и походятъ на вой волковъ.

Можетъ быть, о томъ же воззрѣніи на поэзію, какъ на примиряющій съ жизнью элементъ, свидѣтельствуетъ и киргизское преданіе о первомъ киргизскомъ шаманѣ Куркутѣ, который, какъ есть нѣкоторыя основанія думать, считался по преданію и первымъ киргизскимъ поэтомъ. Онъ однажды увидѣлъ сонъ: какіе то люди роютъ могилу и на его вопросъ, что они дѣлаютъ, они отвѣчали, что

роютъ могилу для Куркута. Онъ бѣжалъ на сѣверный край свѣта и думалъ тамъ спастись отъ смерти. Но и тамъ увидѣлъ тотъ же сонъ. Потомъ онъ побѣжалъ на южный край свѣта, на восточный, на западный, и вездѣ его преслѣдовалъ одинъ и тотъ же сонъ. Тогда онъ убѣдился, что отъ смерти не уйти, примирился съ этимъ роковымъ фактомъ, возвратился на родину, въ киргизскую степь, и здѣсь, усѣвшись на разостланный коверъ, началъ играть на бала-лайкѣ и играть и пѣлъ до самой своей смерти. Въ этой легендѣ киргизскій народъ, можетъ быть, выразилъ мысль, что только искусство красить жизнь и удаляетъ отъ насъ преждевременно появляющіеся мрачные призраки.

Между киргизскими пѣвцами есть виртуозы въ исполненіи, которые умѣютъ придать пѣнію выразительность; это не простое пѣніе, а пѣніе съ отдѣлкой, артистическое. Киргизскій народъ потрудился надъ обработкой своей пѣсни, и потому она вышла такая оригинальная, что при звукахъ ея сейчасъ же переносишься въ своеобразную киргизскую обстановку; начинаешь воображать себя въ разгоряченномъ воздухѣ киргизской степи, среди киргизскаго пейзажа и даже начинаешь чувствовать ароматы степныхъ травъ; такъ и понесешь запахомъ полыни.

Вообще черты, которыми обрисовывается духовный обликъ киргизской народности, какъ будто говорятъ, что періодъ увлеченій клерикальной персидско-арабской мудростью не можетъ быть продолжительнымъ, и что вкусъ къ ней, какъ выше уже было замѣчено, совсѣмъ не соответствуетъ духовной организаціи киргизъ, которые не похожи въ этомъ отношеніи на своихъ сосѣдей, на монгольскую народность, обезличенную чуждымъ церковнымъ вліяніемъ. Правосходно выразилась разница въ духовной организаціи этихъ двухъ народностей въ двухъ типическихъ фигурахъ: въ фигурѣ праздношатающагося изъ монгольскаго народа и въ фигурѣ праздношатающагося изъ киргизскаго. Странникъ-монголъ это «батырчи», т. е. лама — паломникъ, странствующій монахъ, а иногда и свѣтскій человѣкъ, но всетаки богомолецъ, шляющийся изъ монастыря въ монастырь на поклоненіе святынямъ. Онъ плетется пѣшкомъ изъ аула въ аулъ и питается подаеніемъ; на спинѣ онъ несетъ узелъ, въ которомъ связана его походная палатка, и уложена его чашка для пріема милостыни, такъ называемая, «батыръ» или «бадиръ», откуда и терминъ «батырчи»; онъ идетъ по степи, подпираясь двумя костылями. И когда онъ останавливается среди степи, у какой-нибудь воды, посохи свои втыкаетъ въ землю, растягиваетъ на нихъ свою палатку и садится передъ ея дверями, поставивъ передъ собою свою чашку для пріема милостыни. Руками онъ перебираетъ четки, устами шепчетъ молитву. Такъ онъ переходитъ изъ одного отдаленнаго монастыря въ другой. По дорогѣ онъ заходитъ въ аулы и сообщаетъ новости, которыя онъ слышалъ дорогой, рассказываетъ о чудесахъ, которыя онъ видѣлъ въ монастыряхъ, и передаетъ ле-

генды о подвигахъ святыхъ. Совсѣмъ въ другомъ родѣ киргизскій странникъ. Это молодой человѣкъ, «джигитъ», сидящій верхомъ на быкѣ и перебѣгающій безцѣльно изъ аула въ аулъ; такихъ фланеровъ киргизы называютъ «джолоучи», отъ слова «джоль» — дорога; по русски это будетъ странникъ или путешественникъ. Въ рукахъ у молодого человѣка не четки, а балалайка; онъ ѣдетъ и наигрываетъ киргизскія мелодіи, или импровизируетъ пѣсню. Приѣхавъ въ аулъ, онъ подсаживается къ трапезѣ; его накормятъ, а онъ за это разкажетъ новости, «хабаръ», которыя слышалъ въ дорогѣ, и споетъ пѣсню подъ звуки балалайки. Угостившись и забравъ новый запасъ новостей, онъ отправляется въ слѣдующій аулъ. Одно и то же явленіе въ основѣ, и тамъ и тутъ «гуляющій человѣкъ», праздношатающійся, старающійся убить лишнее время, ищущій развлечения въ смѣнѣ картинъ и общества, въ собираніи и сообщеніи новостей; но какое различіе въ ситуаци, какая разница въ подробностяхъ рисунка!

Неужели этотъ народъ, который такъ любитъ жизнь и который умѣетъ украсить ее искусствомъ при своихъ варварски бѣдныхъ средствахъ, не найдетъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы не дать себя опутать той сѣтью, которую набрасываетъ на него мулла? Народъ, который въ пѣснѣ видитъ откровеніе Божіе, имѣетъ право жить и творить. Въ его похоронныхъ и свадебныхъ обрядахъ и въ судебныхъ обычаяхъ столь много особеннаго, указывающаго на сложную жизнь, прожитую киргизскимъ народомъ, въ преданіяхъ, въ народной эпикѣ, въ чертахъ народнаго характера такъ много оригинальнаго, что въ этомъ историческомъ наслѣдствѣ, которое можетъ доставить большой матеріалъ ученымъ для изученія, киргизская жизнь найдетъ въ послѣдствіи элементы для развитія въ болѣе здоровомъ направленіи. Пусть почва степей усыхаетъ, пусть природа окажется безсильною въ борьбѣ съ надвигающимся вѣяніемъ пустыни, для киргизской жизни есть обильный источникъ силъ и средствъ въ духовномъ организмѣ народа, если только сами киргизы отъ него не отвернутся.

Вернувшись изъ Серембета въ аулъ султана Чингиса, я долженъ былъ собираться въ обратный путь. Наступилъ день разставанья. Для насъ съ султаномъ Султанъ-Газинымъ приготовили троечный тарантасъ, который долженъ былъ доставить насъ въ ближайшее русское селеніе, въ Кривоозерный поселокъ. Когда все было готово къ отъѣзду, я вошелъ въ юрту султана Чингиса проститься съ нимъ. Чингисъ Валіевичъ всталъ съ своего мѣста, взялъ меня за бороду, и мы поцѣловались. Вѣроятно, по киргизски это былъ знакъ особеннаго дружелюбія. Въ моемъ лицѣ онъ хотѣлъ обласкать друга своего сына Чокана, съ которымъ я находился въ товарищескихъ отношеніяхъ. Одно изъ самыхъ дорогихъ воспоминаній въ

семья Валихановыхъ, конечно, воспоминаніе о Чоканѣ, который не только былъ украшеніемъ этой семьи, но несомнѣнно долженъ считаться самой лучшей личностью, вышедшей до сихъ поръ изъ киргизскаго народа. Замѣчу еще разъ, что въ сердцѣ Чокана любовь къ своему народу соединялась съ русскимъ патріотизмомъ; въ шестидесятыхъ годахъ общерусскій патріотизмъ не отрицалъ мѣстныхъ, областныхъ и инородческихъ, и два патріотизма, общій и частный, легко уживался въ одномъ человѣкѣ. Въ жизни Чокана, если-бы она была описана, нашлись бы указанія, что нужно сдѣлать для того, чтобы водворить и распространить русскія идеи въ киргизскомъ народѣ.

Гр. Потанинъ.

«Н А П А С Т Ь».

(Повѣсть)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Х.

«И ви... и видѣвши е... го такія пламе... пламенные чувства благо... род... благороднаго милорда, на ко... лѣнкахъ сто... стоявши передъ нею, маркграфиня при... бли... приближилась своею лично... личностью къ нему, мя... мягкимъ голо... голосомъ вос... воскли... восклицаетъ...»

— А ты чти, Федя, чти миленькій! — заискивающимъ голосомъ подбадривала маленькаго чтеца черная кухарка Авдотья, сидѣвшая, подпершись рукою, на концѣ стола и съ умиленіемъ слушавшая, чуть ли не въ пятый разъ, трогательную исторію о самоотверженной любви аглицкаго милорда къ нассаусской маркграфинѣ. За свое необычайное увлеченіе этою исторіей, которая успѣла надѣсть всей княжеской дворнѣ, сама Авдотья была прозвана маркграфиней.

Девятилѣтній Федя, сынъ конюха Вавилы, ученикъ одной изъ городскихъ школъ и чуть ли не единственный грамотный чловѣкъ въ людской, безпокойно задвигался на лавкѣ и, повернувъ голову, засмотрѣлся въ окно. Авдотья подошла къ печкѣ, пошарила въ ней и, повернувшись, положила передъ Федей красноватую, смазанную медомъ лепешку и посыпанную сахаромъ птичку, съ почерненнымъ клювомъ, съ двумя черными изюминами, изображавшими глаза. И жирной рукою она стала гладить Федю по бѣлокурой головѣ.

Федя, косясь на птичку, вновь принялся за маркграфиню.

Отмахиваясь сердито отъ мухъ, онъ продолжалъ на распѣвъ: «Какъ вы благо... родный милордъ съ тако... съ такою примѣ... примѣрною де... ли... к... катностью въ преда... преданности пламе... пламенныхъ чувствъ...» Вошелъ конюхъ Гришка, молодой черноволосый парень въ босовикахъ, въ грязненномъ полотняномъ передникѣ поверхъ ситцевой рубашки. Рубашка эта и широкіе плисовые панталоны были

сильно изодраны. По измятой физиономіи, по соринкамъ сѣна на всемъ его платьѣ и въ волосахъ видно было, что Гришка только что проснулся на сѣновалѣ.

— А ты, маркграфиня, все проклаждаешься. Нѣтъ, чтобы обѣдать собрать.

— Что рано?

— Чего рано! Не видишь, гдѣ солнышко-то? Ну-у-у!—и Гришка широкой пятерней закрылъ страницу подъ самымъ носомъ Феи.

— Оставь!—вскрикнула Авдотья и стала бережно складывать разрозненные страницы своей любимой книги. — Ишь проголодался, всю ночь то прошлявшись!

— А тебѣ какая забота?—прошлявшись!

— Такая забота, что вотъ возьму да скажу Антонычу, чтобъ князю доложилъ.

— Какая начальница сыскалась!

— А вотъ увидишь, какая начальница. Просто срамъ! Савишна, Господи благослови, ужъ коровъ подоила, а они только ввалились на дворъ, оборванные да черные, точно черти изъ болота, Господи прости! Тотъ (разумѣлся Митька Зубокъ) и посейчасъ дрыхнетъ, а она, сердечная, чай, со вчерашняго дня глазъ не просушила.

— Жалостлива больно!—дразнилъ Гришка, сидя на высокой лавкѣ и болтая ногами, съ которыхъ бросилъ босовики.

— Это точно, что жалостлива. Другая бы съ вами давно не такъ. Я и то ей ужъ говорю:—вы бы, милая Арина Григорьевна, прямо князю въ ноги: спросилъ бы шалберниковъ, гдѣ ночи плялиса, что дѣлали?

— Очень просто: променажъ свой дѣлали,—подтрунивалъ Гришка, вытряхивая изъ кармана шароваръ мелкій табакъ и насыпая свернутую бумажную трубочку. — А можетъ, и дѣло дѣлали. Аль прикажите вашихъ дозволеніевъ спрашиваться? Чтожъ, можно! А только, кажись, ростомъ маненько не вышли. Погодите малость.

Сподвижникъ Митьки-Зубка, Гришка хорошо зналъ, что Ариша не посмѣетъ жаловаться князю на мужа. Кромѣ того, всѣмъ хорошо было извѣстно, что Митрій Ивановичъ состоитъ въ особыхъ отношеніяхъ къ князю, и за спиною такого человека Гришка чувствовалъ себя вполне безопаснымъ отъ всякихъ невзгодъ.

— Чего, ростомъ не вышли?—спросилъ кучеръ Елисей, входя вмѣстѣ съ другими дворовыми.

— А все ихъ милость маркграфиня серчать изволятъ.

— А ты бы «Галку» вычистилъ; неровно, княгинѣ закладывать. «Уборную» Вавила вытеръ.

— Успѣется.

— Да! тебѣ все успѣется!—сердито откликнулся Вавила.— Всю ночь, небось, съ дѣвками гуляете, да винцо распиваете; а тутъ за васъ поспѣвай.

— А если я ни одной рюмки не выпилъ, не то что съ дѣвками.

— Небось, Богу молился до разсвѣта. Знаемъ мы ваши дѣла.

— А чтожъ и дѣла!—хвастливо заговорилъ Гришка, садясь за столъ, на которомъ уже стояли горячія щи, и внезапно лицо его распустилось улыбкой.—И-и! ну, и Митрій Ивановичъ, молодецъ! сказано: Зубокъ. Съ нимъ, кажется, въ самое полымя; одно слово, на дное морское!

И Гришка рассказаль, какъ, шатаясь съ Митькой Зубкомъ, они позднею ночью набрели на толпу, которая состояла изъ разнаго сброда: тутъ были и береговые рабочіе-поденщики, и солемолы, и судорабочіе, и разный бродячій людъ. Какой-то рабочій въ изодранномъ холщевомъ балахонѣ ораторствовалъ, привлекая общее вниманіе. Онъ рассказываль, какъ самъ чуть не сдѣлался жертвой докторской отравы и какъ его самого чуть не похоронили живьемъ.

— Пришелъ это я, говорить, въ больницу,—рассказываль Гришка,—зубами оченно маялся; а замѣстъ зубовъ взяли да самого уложили на койку и дали лекарства, этакъ не больше, какъ съ наперстокъ. Одначе, говорить, пришелъ въ омраченіе. Просыпаюсь въ гробу. Крышку должно не больно приколотили, выперъ ногами. Гляжу, говорить:—кругомъ гроба; направо гробъ, налѣво—гробъ. А самъ-то весь въ известкѣ, глаза залѣпило. Ну, испужался, выбрался какъ то изъ подвала и—давай Богъ ноги! И на баржу-то весь бѣлый въ извести примчалъ. Вотъ и дядя Фадѣй видѣлъ. И дядя Фадѣй тутъ же стоитъ: «точно, говорить, видѣлъ: мертвецъ мертвецомъ; и по сейчасъ, говорить, изъ башки не всю известку вытряхъ». А изъ башки, точно, сынется. Народъ то кругомъ слушаетъ. А старикъ одинъ: «такъ-то, говорить, у меня парня уморили окаянныя, Миколушку мово».—Чого тутъ парня! у меня большакъ со снохой, да еще старуха на придачу, всѣ Богу душу въ два дня отдали, вонъ какъ!»—загремѣлъ другой, а самого слеза прошибаетъ. «Сиротъ полна изба, печи истопить нѣкому». И—всякъ свое. Стоимъ мы это съ Митрій Ивановичемъ, а онъ себѣ ухмыляется: «эка плутъ, враки разводитъ!» Подошелъ къ нему. «А скажи, говорить, почтеннѣйшій, зачѣмъ же это теперь известку сыплють въ гроба, когда болѣзани нѣтъ никакой, а только отравы отъ лекарей?»—«Какъ, говорить, зачѣмъ? нѣшто не понимаешь? А какъ слѣдствовать пріѣдутъ изъ Петербурга, а отравы то выйдетъ, себя окажетъ? Безъ известки то окажетъ; а ты думаешь не окажетъ?»—А прочіе галдятъ: «Какъ не ока-

жеть! безпремѣнно окажется! А то на чтобъ ее, известку-то. Знамо дѣло, со страху: слѣдствовать прїѣдутъ! Думаешь, нѣтъ? Такъ, что-ль, на изморъ отдадутъ? Нѣтъ, врешь!» «Чего прїѣдутъ! — говорить значить этотъ самый опять изъ гроба который убѣгъ, — прїѣхали ужъ, говорить: два, генерала. Только еще сами себя не объявляютъ. А вотъ побольше къ нимъ силы изъ Петербурга прибудетъ, они и примутся за окаянцевъ-то». «Прїимутся, какъ не приняться? Нѣшто можно такъ?» Видитъ Митрій Ивановичъ: увертливъ тотъ. А скажите, говорить, почтеннѣйшій, въ какую больницу ходили вы зубы лечить, гдѣ васъ умили то? «Какъ въ какую? нѣшто не знаешь больницу?» Я то знаю; у насъ ихъ три; а вы въ какую ходили? «Чего присталь: въ какую, въ какую? А песь ее знаетъ, какая она. Больница, больница она и есть». — А вы по крайности скажите, гдѣ она эта самая больница находится? «А тебѣ на что: гдѣ находится? Чего присталь? Чай не на небѣ, на землѣ находится». — Какъ на что? Можетъ, тамъ въ гробахъ такіе еще, какъ вы, упокойнички: ихъ выручить надоть. А тутъ и другіе: «выручить надо! какъ не выручить сердечныхъ!» — А онъ то: «ну, выручай, коли охота!» А самъ назадъ, въ народъ, поглубже прячется, значить. — Нѣтъ, говорить, то есть Митрій Ивановичъ, вы, почтеннѣйшій, погодите! Вы должно, не здѣшній, когда больницы, гдѣ сами помирали, найти никакъ не знаете. — А тебѣ на что: здѣшній я, или нѣтъ? — «А въ Астрахани не бывали? какъ тамъ грабили, да народъ убивали, случаемъ бываетъ, не видали?» — Видитъ плутъ, — неустойка, некуда податься. — Э-э!, кричитъ, да ты самъ, братецъ ты мой, должно, фершалъ, или лекарь какой! Православные! Этотъ самъ, должно, изъ окаянныхъ этихъ самыхъ!» — «Ну, фершалъ я, или нѣтъ, — говоритъ Митрій Ивановичъ, — а ты вотъ, чѣмъ враки разводить да народъ булгачить, пойдемъ-ка больницу покажи, да генераламъ этимъ Расскажи, какъ тебя живого хоронили». И сгребъ его, братцы мои, Митрій Ивановичъ, какъ дитя малое.

Гришка до того увлекся, что, не смотря на голодъ, почти не ѣлъ и лишь изрѣдка хваталъ жадными глотками, перхая и кашляя.

— Ну-у! пошла катавасія! — продолжалъ онъ, немного передохнувъ. — Кто на Митрія Иваныча: «фершалъ! фершалъ! бей его!» Случилось тутъ, кои его признали. «Какой фершалъ! это — Митя, Митька-Зубокъ! Митя-другъ! не сдавайся!»... Таково тутъ было, и-и-и! Сраженіе!.. И силища-жъ у него, братцы мои! Ломовикъ! Двинулись они это на насъ, своего, значить, выручать. Нашихъ-то всего пятакъ съ три, а ихъ — армія! Митрій Ивановичъ впереди. Перваго, который приспѣлъ, какъ хватить, да-что твой снопъ, себѣ черезъ голову — какъ

ахнеть! Другого этакъ еще раскачалъ, да назадъ имъ на сустрѣчь!.. Только ножки болтаются. Да этакимъ манеромъ третьяго, четвертаго... И смѣху, и горя!.. Сказано: одно слово—на дно морское.

— А молодца энтаго такъ и не отбили?—спросилъ кучеръ Елисей.

— Гдѣ отбить! сами какъ горохъ рассыпались.

— Что жъ, приставилъ его, чтоль куда?

— Нѣтъ, самъ отпустилъ. Полиція нагрянула, трое конныхъ. «Ну, говорить, счастье твое, парень: самъ бы я тебя, бродягу, свелъ, куда знаю, чтобъ не вралъ, да народъ не булгачилъ; а этимъ архангеламъ не отдамъ. Проваливай! уноси животы!»!

Кучеръ Елисей одобрительно кивнулъ головою.

Гришка не кончилъ еще своего разсказа, какъ вошелъ крестьянинъ, настоящій деревенскій мужикъ, въ синей изъ набойки рубахѣ и лаптяхъ. Онъ снялъ шапку, медленно перекрестился на иконы и отвѣсилъ низкій поклонъ сидѣвшимъ за столомъ.

— Съ праздникомъ Христовымъ! хлѣбъ-соль на доброе здоровье.

Въ звонкомъ и чистомъ голосѣ его слышалась пѣвучая нота. Большіе голубые, нѣсколько выпуклые глаза его смотрѣли открыто и ясно.

— А! Фролу Терентичу! Здорово, Фролушка!—послышалось въ отвѣтъ.—Милости просимъ, чѣмъ Богъ послалъ.

Довдали третью миску каши. Но Авдотья поспѣшно налила вновь миску щей, радушно приглашая Фрола занять мѣсто. Фролъ опять перекрестился на иконы, сѣлъ за столъ, вновь перекрестился и принялся медленно и осторожно набирать щи, бережно поднося деревянную ложку къ губамъ.

Разсказъ Гришки Фролъ слушалъ молча, лишь изрѣдка вздыхая. Когда Гришка кончилъ, онъ какъ бы про себя прошепталъ:

— Господи! Спасе!

— Ты съ чѣмъ, Фролъ Терентичъ?—спросилъ его Вавила.

— Съ сѣномъ.

— А какъ продажа?

— Семнадцать съ вѣсовъ.

— Что больно дешево?

— Не пырей какой; подлѣсное.

— Что-жъ, что подлѣсное? Нонѣ заливное, поди, не дешеьше семнадцати. А дажѣ, гляди, дороже будетъ.

— Нѣ, не будетъ: травами нонѣ грѣхъ жалиться; всю весну дожидки перепадали, а передъ Тройцей Господь какой ливень послалъ.

— А какъ у васъ насчетъ этой болѣзни?

— Пока, благодарить Господа, ничего. Да откуда ей къ намъ - то? У насъ, въ Копьевкѣ, ты знаешь, лекаря нѣтъ; фершалъ тоже за двѣнадцать верстъ. Откуда ей? Не то, что въ Кувыхахъ.

— А что?

— Какъ мухи мрутъ! Тамъ—лекарь.

— Такъ чтожъ, что лекарь?—насмѣшливо спросилъ Гришка. — Частый собесѣдникъ Митрія Иваныча, онъ не вѣрилъ слухамъ о лекарскихъ отравкахъ. Къ тому же къ деревенщинамъ, особенно къ Фролу, относился онъ нѣсколько свысока. Фролъ былъ родомъ изъ дальней деревни князя, въ лѣсистой окраинѣ губерніи. Въ числѣ другихъ природныхъ знатоковъ лѣсного дѣла онъ былъ вызванъ въ Копьевку во время крупной лѣсной рубки и такъ и остался здѣсь, получивъ отъ экономіи удобный клочекъ земли. Въ новомъ мѣстожителствѣ Фролъ сохранилъ простые обычаи своего захолустья, не соблазняясь цивилизаціей пригородныхъ селъ: зимой и лѣтомъ ходилъ въ лаптяхъ, не зналъ ситцевъ и кумачей, въ которые радилась копьевцы. Гришка, какъ вполне цивилизованный горожанинъ, считалъ себя неизмѣримо выше этого лѣсного дикаря.

Фролъ только поднялъ на Гришку свои большіе глаза и ничего ему не отвѣтилъ.

— Не знаю, какъ дальше у нихъ будетъ, — продолжалъ онъ,—намедни прогнали.

— Кого? лекаря-то?

— Еле живой ушелъ, ночнымъ дѣломъ черезъ лѣсъ въ Воробьевку. Барыня Ахматиха, сказываютъ, цѣлый день въ подвалѣ хоронила, и опять же въ полночь задами да межниками на станцію. Кабы не барыня эта, живому-бы не уйти. Народъ и къ ней подступался; всю усадьбу обшарили, а ужъ онъ уѣхавши... Солдатъ, слышь, пригнали; сказываютъ, велѣно розгами всѣхъ до одинаго,—прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Такъ вамъ и надо, башку мало-мало провѣтрить. Больно ужъ мозговиты!—вставилъ Гришка, покуривая папироску.

— Что, по твоему, мозговиты, а? — энергично заговорилъ Фролъ и даже съ сердцемъ бросилъ ложку. — А ты вотъ что скажи: зачѣмъ Миколлай Андреичъ не приказываетъ изъ Идолги никому ни капли единой пить? Всѣмъ—запретъ! Зачѣмъ? Родникъ старый opravилъ, два новыхъ родника вырылъ, а чтобъ изъ рѣчки никому ни капли. Зачѣмъ? ты вотъ что скажи.

— А я почемъ знаю, чего тамъ вамъ Миколлай Андреичъ приказываетъ? Мало ли что Миколлай Андреичъ! Вы тамъ у

него, слышно, чай съ сахаромъ роспиваете, горяченькимъ да сладенькимъ нутро парите.

— То-то: «я почему знаю?.. Мозговиты!» А ты вотъ что подумай: въ Кувыхахъ-то Идолга средь самого села прошла. Кувыхане, окромя какъ изъ ней, никакой воды не знаютъ. А Идолга, чай, изъ Кувыхъ къ намъ, а не отъ насъ течетъ. Аль не знаешь? Вонъ вязовскій Спиридонъ, чай знаете, старикъ,—не уберется, въ полѣ съ жару напился: къ разсвѣту Богу душу отдалъ... Мозговиты!.. А у насъ - то вотъ не пьютъ и пока—слава тебѣ Господи...

Аргументы Фрола всѣмъ показались очень убѣдительны. Наступило молчаніе. Самъ Гришка задумался, соображая, отчего бы могъ быть такой вредъ отъ рѣчной воды? Фролъ опять взялъ ложку и принялся спокойно ѣсть.

— А что насчетъ чаю,—говорилъ онъ уже совсѣмъ спокойнымъ тономъ,—такъ это точно: Миколай Андреичъ роздалъ бабамъ чай и сахаръ. Ну, извѣстно: бабамъ-то въ охотку, варить,—прибавилъ онъ съ улыбкой, самъ очевидно считая раздачу чая и сахара, какъ и кипяченіе воды, пустой затѣей Миколая Андреича.

— Да вамъ Миколай Андреичъ сказывалъ, что - ль, что лекаря въ Идолгу отраву пустили?—азартно спросилъ Гришка, не желавшій сдаваться и въ то же время чувствуя, что запасъ его возраженій видимо истощается, а «деревня» побѣждаетъ его на глазахъ у всей дворни.

— Зачѣмъ сказывать?—спокойно отвѣчалъ Фролъ.—Миколай Андреичъ христіанская душа. Ему жалко сиротъ, онъ и упреждаетъ: не пей-молъ этой воды. А сказывать зачѣмъ? Ты самъ понимай.

— Пьетъ же скотина!—несовсѣмъ рѣшительно замѣтилъ Гришка.

— Тоже!.. Прировнялъ скотину! Животную!—послышались насмѣшливые возгласы. Эти насмѣшки еще больше задѣли самоувѣреннаго Гришку.

— Что, животная, животная! Болтаете вы съ пустыхъ головъ, сами не знаете чего, вотъ что! Отравы! въ рѣчку пустили отраву! А ты скажи: видѣлъ ли кто изъ васъ, пусто-головыхъ, эту самую отраву въ рѣчкѣ? Казалъ-ли кто вамъ эту отраву, что всѣ сдуру болтаете: отравы, отравы пущены!

Сидѣвшій до того молча приземистый, широкоплечій дворникъ, Антонъ Бирюковъ, или просто—Бирюкъ, медленно подошелъ и обратился къ Гришкѣ, спокойно отчеканивая каждое слово:

— А я вотъ что скажу тебѣ, милый ты человекъ, Григорій Тихоничъ. Матвѣвна намъ съ тобой сегодня на обѣдъ щи варила; щи варила, ну и щи солила. А ты вотъ поди, да эту

самую соль во щахъ найди, да намъ, пустоголовымъ, ее покажи, когда ты такой умный и всѣхъ умнѣе.

Раздался дружный хохотъ.

— Съ вами тутъ и самъ одурѣешь!—огрызнулся я Гришка и, махнувъ рукой, быстро вышелъ.

— Чего захотѣлъ: отраву въ рѣчкѣ видѣлъ-ли кто? Дураки они: всѣмъ на видимость разсыпать стануть. Такъ и волка не обманешь: капканъ какъ въ снѣгъ зароешь, и то сообразить. А то человѣка.

— А я, отцы мои, скажу вамъ, что и видѣли,—вмѣшалась Авдотья,—какъ есть видѣли, вотъ какъ я васъ вижу, этотъ ядъ самый.

— Ну-у-у!—послышались недовѣрчивые голоса.

— Нѣтъ видѣли, своими глазами видѣли, — настаивала Авдотья, выступая впередъ.—И не то, что одинъ человѣкъ, весь народъ видѣлъ. Пра, ей Богу! Третьево дни на базарѣ бабенка рыбаца рассказывала. Пришелъ это лекарь въ квасоварню, квасъ, вишь, слѣдствовать. Ну, хорошо. Пришелъ съ нимъ полицейскій, околоточный. Слѣдствуетъ онъ квасъ этотъ самый и слѣдствуетъ, а самъ тростью въ чану все мѣшаетъ, все мѣшаетъ да побалтываетъ. Ну, хорошо. Долго-ли, не знаю, слѣдствовалъ онъ квасъ этотъ; а только хозяину, квасовару, сумлительно. А какъ сказалъ онъ ему: «весь квасъ выливай! безпремѣнно чтобъ весь квасъ сею минуту на дворъ вылить» —хозяину пуще въ голову ударило. Ну, хорошо. Пошумѣли они, пошумѣли промежъ себя, лекарь, то есть, съ хозяиномъ. Народъ слышитъ, а не знаетъ, чего шумать. Ну, хорошо. Только, отцы мои, хозяинъ этотъ самый выйди изъ квасной: «Православные! въ раззоръ раззоряютъ, на послѣдяхъ губятъ! Взойдите въ защиту!» У него, слышь, въ третье ужъ квасъ выливаютъ. Ну, полицейскіе за него. Онъ пуще. Полицейскіе его вязать; извозчика кликнули. Ну, народъ не стерпѣлъ, отбилъ, и лекарь-то еле ушелъ.

— Да отраву-то, ядъ - то гдѣ видѣли?—нетерпѣливо спросилъ Елисей.

— А видѣли! какъ же не видѣли, когда видѣли? У лекаря-то трость эту самую изъ рукъ вырвали, сломали. Трость сломали, а въ трости то ядъ!—почти патетически закончила Авдотья.

— Да кто видѣлъ?

— Какъ кто? всѣ видѣли, весь народъ видѣлъ.

— Ну-у, правда-ли? Не болтаетъ ли твоя бабенка рыбаца, зря?

— Я самовидецъ!—громко и твердо сказалъ Антонъ Бирюкъ.

— Ты, Федотычъ, самовидецъ?—спросило нѣсколько голо-

совъ. Слова Бирюка произвели впечатлѣніе; онъ, видимо, пользовался довѣріемъ.

— Я о ту пору шелъ отъ тележника. Оглобля у полуфурка сломалась,—оглоблю несть. Вижу на Цыганской, сюда поближе къ базару, народъ галдитъ, метлежится. Подошелъ, а они квасника-то ужъ выручили и за тѣхъ было дружно принялись, да убѣжали какъ-то.

— А отраву-то, ядъ этотъ видѣлъ?

— Нѣтъ, я далече стоялъ. Кабы поближе, да бывши я при оглоблѣ, ну-у!—Бирюкъ злобно потрясъ головою.—Тутъ люди сказывали, кои видѣли; какъ трость-то сломали, онъ изъ трости сыпется: сѣрый, буроватый, точно песокъ.

— Такъ вотъ такъ-то, братцы!—съ тяжелымъ вздохомъ молвилъ Вавила.

— Господи, Спасе!—вздыхалъ и крестился Фролъ.

XI.

Послышался неопредѣленный шумъ, который, казалось, доносился черезъ садъ, съ боковаго проулка. Сначала неясный, шумъ этотъ постепенно становился громче и явственнѣе и, наконецъ, сквозь несмолкаемый гулъ, отчетливо прорывались крики людскихъ голосовъ, взрывы хохота, свистъ и гиканье. Точно цѣлая облава наткнулась на звѣря и погнала его.

— Что это? Никакъ на слободѣ?—спросила Авдотья.

— Не надо бы на Слободѣ; это поближе.

Мимо оконъ людской съ гиканьемъ и крикомъ пронесся Федя по направленію къ воротамъ.

Вдругъ не то лязгъ падающихъ металлическихъ листовъ, не то звонъ разбитого стекла со страшною силою раздался довольно близко, и вслѣдъ затѣмъ загготали сотни голосовъ.

Всѣ разомъ бросились изъ людской и побѣжали къ воротамъ. На крыльцѣ, у выходившаго во дворъ открытаго подъѣзда стоялъ князь, встревоженный и блѣдный; въ одномъ окнѣ—искаженное страхомъ лицо княгини; а въ глубинѣ галлерей няня Клавдія, сама дрожа отъ страха, успокаивала плакавшую и трепетавшую Леночку.

Шумъ оказался не съ той стороны, откуда онъ доносился въ людскую, а съ противоположнаго угла, въ большой и широкой улицѣ. Завернувъ за уголъ, дворовые князя увидѣли слѣдующую картину.

Во второмъ отъ угла длинномъ, одноэтажномъ зданіи помещалась аптека. Почти всѣ окна ея были уже выбиты. Сорванная на половину вывѣска висѣла однимъ концомъ внизъ и кача-

лась отъ вѣтра. Изъ оконъ то и дѣло летѣли банки, стѣлянки, бутылки и пузырьки и, при шумномъ гоготаніи толпы, со звономъ и трескомъ бились о мостовую, разливая и разсыпая по ней разныя лѣкарственныя снадобья. Оборванный, почти голый парень, на видъ береговой носильщикъ, съ озвѣрѣлымъ, воспаленнымъ лицомъ, просунулъ какую-то слегу въ разбитое окно и уперъ ее въ уголъ косяка. Держась за другой конецъ, онъ, при помощи двухъ другихъ оборванцевъ, ворочалъ ея, какъ рычагомъ, производя страшное разрушеніе въ аптечной комнатѣ и не пада ни головъ, ни физиономій тѣхъ, которые туда ранѣе забрались. Сквозь грохотъ и трескъ падающихъ шкафовъ, этажерокъ слышались оттуда неистовая брань и крики. Два молодца вынесли какую-то большую бутылъ съ зеленоватою жидкостью и, при одобрительномъ хохотѣ, съ размаху бросили ее на мостовую, обливая и обрызгивая толпу. Изъ другой половины дома летѣли на улицу разныя домашнія вещи—мебель и платье. Одинъ мальчикъ плясалъ на подоконникѣ въ женской тальмѣ. Старая баба съ остервенѣніемъ рвала подушку, выпуская на вѣтеръ перья и пухъ. Въ другой комнатѣ двое мальчишекъ упражнялись надъ клавишами фортепіано, а третій, стоя на декѣ, выдѣлывалъ разныя фигуры. И среди этого хаоса, среди криковъ, шума и треска—вой и лай собакъ, то злобно кидавшихся на людей, то съ жалобнымъ визгомъ скрывавшихся подъ ворота. Въ окнахъ сосѣднихъ домовъ мелькали испуганныя, блѣдныя лица; людскія фигуры въ смятеніи и страхѣ метались по комнатамъ и то подбѣгали къ окнамъ и отворяли ихъ, то поспѣшно закрывали и опускали занавѣски, какъ бы ища за ними защиты.

Сосѣднихъ домовъ, впрочемъ, толпа не трогала; видно было, что все ея вниманіе сосредоточилось исключительно на аптекѣ. Какой то мальчикъ пустилъ камень и попалъ въ оконную раму недалеко отъ аптеки стоявшаго одноэтажнаго домика. Нѣсколько стеколъ со звономъ полетѣло на тротуаръ, и въ окнѣ показалось испуганное лицо старушки въ бѣломъ чепцѣ.

— Извините, матушка, прощенья просимъ; это по нечаянности, — обратился къ ней стоявшій тутъ высокій парень, въ франтовской поддевкѣ и въ высокихъ «гармоникой» сапогахъ. — А ты, косой! вотъ я тѣ! что зря лукаешься? — крикнулъ онъ въ слѣдъ мальчику, который межъ тѣмъ юркнулъ въ толпу.

Раздались вдругъ крики: «аптекарь! аптекарь!» — и около десятка оборванцевъ пустились за молодымъ человѣкомъ въ свѣтлой лѣтней парѣ, съ широкой шляпой на головѣ.

Молодой человѣкъ, бѣлобрысый, съ небольшой бородкой во весь духъ мчался отъ своихъ преслѣдователей; но какой-то парень, забѣжавъ сбоку, налетѣлъ на него съ такою силою, что вѣстѣ съ нимъ рухнулся на тротуаръ, причемъ оба

разбились въ кровь. Молодой человѣкъ не успѣлъ подняться, какъ десять рукъ вцѣпились въ него, рвали его въ разныя стороны, немилосердно нанося удары. Въ одинъ мигъ вся одежда на немъ была изорвана, и по лицу струилась кровь.

— Не апотейкеръ! не апотейкеръ! гутмахеръ! шапке, шляпе!—отчаянно вопилъ несчастный, какъ мячикъ, перекидываемый съ рукъ на руки, пока одинъ мастеровой вцѣпился ему прямо въ горло и свалилъ на землю. Онъ неистово душилъ и рвалъ бѣдную жертву.

Нѣмецъ пересталъ уже кричать и, увидѣвъ надъ своею головой другого оборванца съ камнемъ въ рукѣ, закрылъ глаза.

Ему, вѣроятно, и не пришлось бы ихъ ужъ больше открыть здѣсь на землѣ, еслибы рослый, широкоплечій парень въ эту минуту не очутился между нимъ и тѣмъ, который занесъ камень.

— Что вы, дьяволы, дѣлаете? Не видите, что ли, это—Карлуша, картузникъ съ Александровской!—и онъ такъ сильно рванулъ мастерового за воротъ, что тотъ скатился съ нѣмца, оставивъ половину своей рубашки въ рукѣ неожиданнаго защитника Карлуши.

— Развѣ картузникъ? Чего-жъ шумятъ: аптекаръ!—спрашивалъ мастеровой, поднявшись съ земли, межъ тѣмъ какъ кучка, терзавшая нѣмца, немного подалась назадъ. Полунагой, истерзанный, запыленный, самъ мастеровой еле переводилъ дыханье.

— «Развѣ, развѣ!» Идолъ ты проклятый! Какъ песъ бѣшеный вцѣпился, душишь, не разузнавши!

— Шумятъ: аптекаръ!—виновато бормоталъ мастеровой, стараясь уцѣлѣвшими на немъ лоскутами рубашки прикрыть обнаженное тѣло.

Карлуша межъ тѣмъ продолжалъ лежать неподвижно, хотя его уже никто не трогалъ. Когда же парень дернулъ его кверху, онъ открылъ глаза, быстро глянулъ кругомъ, понялъ, что онъ свободенъ, вскочилъ и, какъ подстрѣленный звѣрекъ, помчался отъ толпы. Пробѣжалъ онъ, однако, не болѣе двухсотъ шаговъ. Шатаясь, онъ прислонился къ забору, потомъ опустился на землю и заплакалъ, заплакалъ дѣтскимъ жалобнымъ плачемъ.

Еще тѣ, которые терзали Карлушу, кричали и галдѣли, укоряя и обругивая другъ друга, какъ съ другого конца улицы опять раздались крики и гиканья. Мимо аптеки, почти сквозь всю толпу, бѣжала и толкалась кучка людей и мелькала фигура человѣка въ бѣлой блузѣ и форменной фуражкѣ.

Сначала трудно было разобрать, гонятся ли за этимъ человѣкомъ, или онъ, вмѣстѣ съ другими, самъ гонится за кѣмъ-либо, и только, когда онъ выбрался изъ толпы и побѣжалъ

по свободной сторонѣ улицы, ясно обозначилось, что преслѣдуютъ именно его. Человѣкъ этотъ, съ виду рослый юноша, должно быть, обладалъ значительной силой: онъ бѣжалъ съ такой быстротой и легкостью, что съ первыхъ же моментовъ отдѣлился отъ своихъ преслѣдователей на значительное расстояние и, вѣроятно, очень скоро ушелъ бы отъ нихъ. Но неувѣренность ли найти защиту въ сосѣдней улицѣ, къ которой онъ приближался, или страхъ попасться на встрѣчу двумъ оборванцамъ, которые показались изъ проулка впереди его, только онъ, вмѣсто того, чтобы бѣжать далѣе, къ центральной части города, вдругъ остановился у одного дома, сдѣлавъ прыжокъ и, какъ серна, перенесся черезъ заборъ. Число преслѣдователей его быстро росло, къ нимъ на пути приставали другіе, и когда они бѣжали мимо той кучки, которая была нѣмца, то точно по тому же чувству, по которому собака кидается за бѣгущимъ мимо животнымъ, вся эта кучка тоже помчалась съ крикомъ: фершалъ! фершалъ! держи! лови! не зная даже, кто изъ бѣгущихъ фершалъ и гдѣ онъ? Толпа скоро достигла двора, въ которомъ скрылся молодой человѣкъ, и стала напирать на запертыя ворота.

Они казались довольно прочны и не уступали напору. Одинъ паренекъ уже успѣлъ взобраться на заборъ и перескочилъ во дворъ, какъ изъ калитки вышелъ бритый маленький старичекъ, съ виду мелкій чиновникъ.

— Фершалъ! у тебя на дворѣ фершалъ!.. Что ему смѣть въ зубы? Держи его! Можетъ, и онъ такой же!..—ревели въ толпѣ.

Испуганный и оторопѣлый старичекъ не успѣлъ сказать слова, какъ нѣсколько человѣкъ за его спиной шмыгнули въ открытую калитку, и черезъ минуту ворота раскрылись настежь.

Показался дворъ, одинъ изъ тѣхъ дворовъ, которые можно встрѣтить еще только въ глуши нашей провинціи: чуть не цѣлая десятина земли, застроенная кѣтущками, амбарушками и навѣсами, заросшая травой и кустарникомъ; подалѣе, вглубь, за полуразрушеннымъ плетнемъ—довольно густыя, частыя деревья, а за ними—трубы и крыши строеній, выходившихъ уже на сосѣднюю улицу.

Десятка полтора оборванцевъ кинулись въ ворота и рассыпались по двору, скрываясь за кустами и постройками.

Прошло съ полчаса. Во дворѣ было тихо. Толпа видимо стала остывать. Отдаленные возгласы и крики постепенно замолкали, и слышенъ былъ только общій нео предѣленный говоръ. Часть толпы, толкавшейся у аптеки, на крики двинулась уже было сюда ко двору, и вся масса заколыхалась въ этомъ направленіи; теперь она опять медленно стала отливать обратно,

къ аптекъ. По срединѣ улицы откуда-то очутился козелъ. Человѣкъ двадцать, старыхъ и молодыхъ, занялись имъ, съ хохотомъ бѣгали и вертѣлись, дразня и направляя другъ на другъ бодливое животное. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ воротъ двора приземистый, босоногій мужикъ показывалъ силу: она держалъ въ зубахъ что-то вродѣ обломка толстой желѣзной кочерги; середина ея была у него во рту, а на концахъ, ухватившись руками за желѣзо, повисли два здоровенныхъ парня. Поджавъ къ животу колѣни, они на вѣсу держались и показывались, увеличивая тѣмъ и безъ того немалый вѣсъ здоровенныхъ тѣлъ. Мужикъ, разставивъ босыя ноги и закинувъ нѣсколько назадъ голову, ушедшую въ приподнятыя плечи, только вздрагивалъ: концы кочерги гнулись, но изо рта онъ ее не выпускалъ.

— Ишь, дьяволъ, какой тугоуздый! — слышались одобрительныя восклицанія удивленныхъ зрителей.

Чище другихъ одѣтый мѣщанинъ, съ совершенно счастливою фizioноміей, стоялъ передъ силачомъ съ полштофомъ и стаканомъ въ рукахъ, — видимо призъ, выигранный тугоуздымъ акробатомъ.

Общее настроеніе было почти веселое.

Вдругъ въ глубинѣ двора раздались крики:

— А-а-а! а-га-га! ты во гдѣ! — Нѣсколько фигуръ межъ кустовъ мелькнуло по направленію къ какой-то постройкѣ въ саду, и вслѣдъ затѣмъ тамъ послышалась возня.

Какъ электрическая искра, пробѣжалъ этотъ крикъ по толпѣ, и она мгновенно насторожилась. Стоявшіе ближе ко двору двинулись было въ ворота; но въ это время изъ-за плетня показался молодой человѣкъ въ блузѣ; его тащили пять-шесть оборванцевъ. Люди, какъ бы сами подавленные грозой минуты, опять подались назадъ отъ воротъ, молча отступали и разступались, напередъ давая дорогу. Вся толпа какъ бы сгущалась и застывала въ ожиданіи. Тѣхъ, которые сзади и съ боковъ старались протискаться къ воротамъ, безъ крика и безъ шума, но съ злобнымъ шипѣніемъ отбрасывали назадъ.

Съ дикою радостью на лицахъ вели молодого человѣка захватившіеся оборванцы. Онъ шелъ, нѣсколько упираясь, но безъ особеннаго сопротивленія. На блѣдномъ, безбородомъ лицѣ его видна была пыль и грязь; изо рта или изъ разбитой губы текла струйка крови. Темнозеленая суконная фуражка, съ желтымъ кантомъ, была сбита назадъ, и на околышкѣ ясно виднѣлся былъ мѣдный знакъ учебнаго заведенія. Несчастный, какъ въ послѣдствіи было выяснено, оказался ученикомъ старшаго класса реальнаго училища, по фамиліи Поморскій. Рассказывали, что онъ возбудилъ противъ себя подозрѣніе тѣмъ, что старался оградить какого-то старика, выбѣжавшаго изъ воротъ

аптечного двора, которого толпа приняла за самого аптекаря и избила до полусмерти.

Когда Поморского вывели из воротъ, толпа встрѣтила его почти нѣмымъ молчаніемъ: изрѣдка лишь слышалось злобное шипѣніе и прорывались глухіе, сдвоенные звуки:—«душегубы! христопродавцы!...»

Понялъ ли несчастный юноша, что его ведутъ на казнь, и отъ ужаса оцѣпенѣлъ, или онъ не вѣрилъ, чтобы то ужасное и грозное, которое его страшило, могло въ дѣйствительности совершиться, только онъ молча озирался на толпу, странно улыбаясь своими блѣдными, посинѣлыми губами.

А межъ тѣмъ каждое его слово было бы услышано среди нѣмого молчанія, и скажи онъ только, что онъ—не фальдшеръ, а ученикъ реального училища, онъ, можетъ быть, былъ бы спасенъ. Но онъ молчалъ и криво улыбался. Можетъ быть еще одна минута и въ самой толпѣ нашелся кто-либо, кто по фуражкѣ узналъ бы въ немъ ученика училища и однимъ словомъ, однимъ окрикомъ разсѣялъ бы роковое заблужденіе обезумѣвшей массы. Но—судьба рѣшила иначе.

Люди не только разступались передъ нимъ, образуя довольно широкую дорогу, но даже какъ будто подавались отъ него назадъ, хотя это было очень трудно, такъ какъ стоявшіе сзади сильно напирали. Недалеко отъ воротъ, въ ряду другихъ, стоялъ Антонъ Бирюковъ. Онъ такъ же, какъ и другіе, подался назадъ, когда вывели Поморского изъ воротъ, и, стоя бокомъ, смотрѣлъ на приближавшихся. Маленькіе, глубоко сидящіе глаза его лихорадочно и быстро бѣгали по фигурѣ молодого человѣка, и правое плечо его судорожно подергивалось. Оборванцы уже провели несчастнаго мимо Бирюкова и стали углубляться въ толпу, какъ Бирюковъ вскрикнулъ или, правильнѣе взвизгнулъ, взвизгнулъ пискливо, жалобно и нанесъ сзади Поморскому ударъ. Ударъ пришелся по затылку и нанесенъ былъ съ такою силой, что несчастный рухнулъ на мостовую, увлекши съ собою одного изъ тащившихъ его оборванцевъ.

Затѣмъ произошло что-то ужасное, что-то безобразное и вмѣстѣ съ тѣмъ до того неопредѣленное, до того безформенное, что понять его, уловить его глазомъ не представлялось никакой возможности. Точно какая-то живая куча ворочалась, барахталась, то подымаясь, то опускаясь; мелькали руки, спины, головы, затылки, и эта куча дышала, охала и стонала. Казалось, ея барахтанью не будетъ конца, хотя оно длилось не болѣе минуты. И какъ прежде ударъ Бирюкова, казалось, вызвалъ всю эту свалку, такъ и теперь внезапный, жалобный дѣтскій крикъ, казалось, прошелъ по этой кучѣ и остановилъ ея движенія ея стали замедляться; въ ней стали обозначаться отдѣльныя человѣческія фигуры, которыя постепенно и медленно

отдѣлялись отъ нея. Вскорѣ на мостовой можно было видѣть мальчика лѣтъ десяти: онъ съ страшнымъ крикомъ метался въ пыли, хватаясь то за бокъ, то за ногу. Рослая молодая женщина подошла къ нему, подняла и повлекла къ тротуару. Очевидно, сломленная нога его болталась, и мальчикъ отъ боли неистово кричалъ:—не надо! не надо!—Подальше чернобородый мужикъ все силился подняться съ земли, но это ему не удавалось: отдѣлившись кой-какъ отъ земли, онъ каждый разъ опять молча падалъ на выставленные назадъ руки. Ему никто не подавалъ помощи и никто, казалось, не обращалъ на него никакого вниманія.

Поморскій лежалъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ свалилъ его ударъ Бирюкова. Онъ лежалъ на правомъ боку, головой уткнувшись въ мостовую. Яблоко лѣваго глаза почти все было наружи и торчало, упираясь въ переносицу; лѣвая рука еще слабо вздрагивала.

Люди, запыхавшись, тяжело дыша, медленно разступались; ктоправлялъ свою изодранную одежду, кто на ходу подымалъ съ земли запыленную, затоптанную шапку. На потныхъ, покрытыхъ пылью лицахъ трудно было прочесть какую-либо мысль, трудно было понять, какъ относятся эти люди къ только что совершенному ими звѣрскому убійству. Изрѣдка слышались отдѣльные, негромкія и нерѣшительныя слова:—то-то! не бойсь, больше не станешь! душегубы! и проч.—Но словъ этихъ никто не слышалъ; не слышали ихъ, казалось, и тѣ, которые ихъ произносили.

Изъ той толпы, которая была у аптеки и не участвовала въ свалкѣ, многіе бросились на шумъ. Теперь они, замѣчая отходившихъ, молча обступали убитаго. Какой-то маленький тщедушный старикъ, съ желтымъ безбородымъ лицомъ, тяжело таща свои огромные сапоги, приблизился къ трупу и нѣкоторое время съ злобной усмѣшкой разсматривалъ его; потомъ, прошептавъ какое-то ругательство, онъ вдругъ тупымъ носкомъ сапога толкнулъ мертвеца.

Все кругомъ охнуло, и ничего одобрительнаго теперь не слышно было въ этомъ звукѣ...

Черезъ заднюю калитку княжескаго сада, неподалеку отъ котораго произошло убійство, еще въ началѣ свалки приближалъ старикъ Антонычъ. Онъ былъ безъ фуражки и въ страхѣ и безпокойствѣ бѣгалъ около толпы:

— Господи! что вы это? Господи!—Когда же свалка окончилась, народъ разступился, и онъ увидалъ несчастнаго юношу въ судорожныхъ подергиваніяхъ на мостовой, онъ подбѣжалъ къ нему, нагнулся надъ его лицомъ и съ энергіей, несвоейственной его тихому нраву, набросился на окружающихъ, крича:

— Безжалостные! креста на васъ нѣтъ! за что убили человека! Изъ толпы послышалось: — фершалъ! — А кто знаетъ, что фершалъ? кто видѣлъ, что фершалъ? а коли фершалъ, такъ что? Безжалостные!

И долго шумѣлъ и кричалъ въ толпѣ старикъ, нападая самъ и вызывая брань и озлобленіе противъ себя.

ХП.

Фролъ Савосинъ долго и безучастно смотрѣлъ на разгромъ аптеки. Онъ слышалъ крики: «фершалъ! фершалъ!» видѣлъ, какъ бѣжали люди, какъ колыхалась и волновалась толпа по направленію этихъ криковъ, и все стоялъ, прислонившись къ забору. Среди ужаса разгрома, среди хаоса его щемило неопредѣленное чувство. Не смотря на то, что толпа состояла преимущественно изъ самаго простого люда, изъ такихъ же, какъ и онъ, рабочихъ и мужиковъ, Фролъ испытывалъ чувство чужести. Онъ сознавалъ, что онъ не у себя въ Копьевкѣ, а въ чужомъ ему, большомъ городѣ, гдѣ живутъ чужіе, ему незнакомые люди, гдѣ живетъ большое и важное начальство. Онъ видѣлъ разгромъ аптеки, сознавалъ его причины и, пожалуй въ своей темной мысли, оправдалъ бы ихъ; но онъ ни о чемъ въ эту минуту не думалъ, а лишь боязливо смотрѣлъ на бушующихъ, незнакомыхъ ему людей и озирался по сторонамъ, какъ бы ища и ожидая появленія той силы, которая слилась у него съ представленіемъ о большомъ городѣ, о важномъ начальствѣ, о «губерніи». Онъ ясно чувствовалъ отсутствіе этой силы и ожидалъ ея появленія, ибо безъ нея онъ не понималъ самой «губерніи».

Но сила эта не появлялась. Войска были въ лагерьѣ, а не привыкшая справляться съ движеніями массы, ошеломленная, испуганная внезапнымъ, неожиданнымъ взрывомъ, полиція ступала и скрылась.

Когда шумъ у двора, въ которомъ скрылся Поморскій, уже затихъ, Фролъ медленно пошелъ въ ту сторону. Онъ подходилъ какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда изъ воротъ вывели Поморскаго. Съ противоположнаго троттуара черезъ толпу Фролу мелькало блѣдное лицо несчастнаго. Затѣмъ началась свалка. Фролъ, какъ вкопанный, стоялъ и въ оцѣпенѣніи слѣдилъ за тѣмъ, что происходило передъ его глазами. Онъ зналъ, что народъ справляется съ «фершаломъ», хорошо понималъ, чѣмъ должна окончиться эта расправа, и дрожащей рукою крестился коротенькими крестами: — Господи, Спасе Милосердный! — Когда же свалка стихла и Фролъ, сквозь рѣдѣющую массу движущихся человѣческихъ фигуръ, увидѣлъ

распростертое тѣло убитаго, онъ быстро двинулся по троттуару. Чужая «губернія» показалась ему еще болѣе чужой и страшной. Какая-то огромная и—онъ ясно сознавалъ—враждебная ему сила гнала его прочь. И онъ спѣшилъ на Сѣнную, гдѣ остались его двѣ телѣги съ лошадьми, гдѣ, подѣ присмотромъ односельцевъ, ожидать его пятилѣтній Васянька, который «уязвлялся» за нимъ изъ Кошневки въ городъ. Фролъ шелъ быстро, не озираясь. «Ко дворянъ!» — эта мысль, что онъ скоро будетъ въ Кошневкѣ, у себя дома нѣсколько успокаивала щемящее чувство, которое онъ испытывалъ. На поворотѣ въ проулокъ ему послышался какъ будто барабанный бой. Онъ остановился, прислушался и дѣйствительно: издали, еле слышно, доносился глухой, мѣрный рокотъ.

— Такъ-то лучше! — проговорилъ Фролъ, одобрительно кивнувъ головой. — А то что? Не порядокъ.

Фролъ былъ глубоко убѣжденъ, что народъ убилъ «фершала» — отравителя, но внутреннее чувство его не мирилось съ такимъ самосудомъ. И въ отдаленномъ боѣ барабана ему слышалась именно та сила губерніи, которой не доставало при разгромѣ аптеки.

— А то что? рвутъ, какъ собаки. И на людей не похожи, Господи, Спасе! Нѣтъ, ужъ ловить, такъ всѣхъ, по реестру. Порядокъ закона... — припомнилъ онъ страшную картину убійства.

И онъ отъ времени до времени останавливался, съ довольнымъ видомъ прислушиваясь къ отдаленному бою барабана. Онъ прошелъ нѣсколько улицъ, и ему оставалось только свернуть въ проулокъ на Сѣнную, какъ мимо него пронеслись двѣ пожарныя бочки. Тутъ только онъ увидѣлъ столбъ дыма, который большими клубами взвивался влѣво, въ нѣсколькихъ кварталахъ отъ него. Погруженный въ себя, онъ ранѣе не замѣтилъ пожара, хотя дымъ былъ видѣнъ и съ тѣхъ улицъ, по которымъ онъ прошелъ.

Деревенскій мужикъ не можетъ не бѣжать на пожаръ, какъ не можетъ ласточка не взвиться за пролетѣвшимъ мимо ястребомъ. Деревенскій мужикъ родился и выросъ съ инстинктивнымъ сознаніемъ той страшной опасности, которою грозитъ ему огонь; онъ унаслѣдовалъ неодолимое чувство борьбы съ этимъ страшнымъ врагомъ. Забывъ свои телѣги и маленькаго сына, Фролъ кинулся по направленію пожара.

Горѣло длинное одноэтажное съ мезониномъ зданіе — временная холерная больница. Огромная тысячная толпа колыхалась на широкой улицѣ, наполняла сосѣдніе дворы и стѣнной окружала горящій домъ. Пожарная команда тщетно старалась пробраться сквозь сплошныя массы живыхъ тѣлъ: заѣзжала съ разныхъ сторонъ, съ крикомъ кидала на народъ

сытыхъ, разгоряченныхъ лошадей; но люди безстрашно останавливали ихъ на ходу, отгоняли или отводили назадъ. Видно было, что толпа рѣшилась не давать тушить больницѣ. Рослый брандтмаюръ кричалъ, грозилъ, ругался, направлялъ на толпу пожарную трубу. Все напрасно. Окачиваемые холодной струей, люди ухали, ахали, гоготали, смѣялись: — а вы еще ваше благородіе! у-у-у-хъ! важно! съ жару-то пользительно! — и все-же тушить больницѣ не давали.

И въ то же время весьма бережно охранялись сосѣднія зданія. Замѣтивъ малѣйшую опасность, люди кидались къ нимъ, завладѣвая пожарными бочками, часто насильно ссаживая пожарныхъ. И ни одно зданіе, не смотря на страшный пожаръ больницы, не было задѣто пламенемъ.

Въ глубинѣ двора, за полуразрушенной оградой, подъ рѣдкими деревьями суеилось человекъ пятьдесятъ: здѣсь видны были подушки, матрацы, халаты, больничныя койки и проч. Сюда, еще до пожара, народъ вынесъ больныхъ и размѣстилъ ихъ какъ и на чемъ попало. Около нихъ суеились больше бабы.

— На, пей, родименькій, пей! отъ него здоровъ останешься... Охъ, проклятые, охъ, душегубы, какъ заморили... Мотри, мотри! энтогъ отходить!.. Охъ, голубчики!.. Корчить, какъ корчить!.. Охъ, Господи!..

И больныхъ трясли, мяти, терли, растирали, поили водкой, молокомъ и другими жидкостями, неизвѣстно откуда появившимися. Несчастные, кто въ страхъ, кто по слабости, не сопротивлялись: пили все, что имъ давали, выносили всѣ растиранія, стонали, кричали, а иные, въ судорогахъ и рвотѣ, тутъ же умирали.

Фролъ былъ здѣсь. Весь дрожа и со слезами на глазахъ, онъ кидался отъ одного больного къ другому и, не помня себя, поилъ, растиралъ, покрывалъ, мочилъ и съ ужасомъ замѣчалъ, что средства его никакого дѣйствія не производятъ.

Раздалась глухая дробь барабана.

Изъ боковой улицы выступала полурота. Народъ нѣсколько заколыхался было съ приближеніемъ солдатъ, но затѣмъ остановился на мѣстѣ. И только когда офицеръ, съ требованіемъ: «разступись», вплоть подошелъ къ толпѣ, она подалась и пропустила солдатъ на больничный дворъ.

— Раздайся! пропусти! — требовалъ офицеръ дороги для пожарныхъ бочекъ. Одинъ моментъ толпа, казалось, хотѣла было сопротивляться, но затѣмъ подалась.

— Пуцай! нѣшто зальеть? Она во-какъ пылаетъ.

И дѣйствительно, — брандтмаюръ не дѣлалъ серьезныхъ попытокъ къ тушенію больницы, охваченной уже со всѣхъ сторонъ пламенемъ. Убѣдившись, что вода пожарныхъ трубъ не

только не тушить, а больше усиливаетъ пламя, онъ отвелъ бочки и принялся ограждать сосѣднія строенія.

Вмѣстѣ съ полуротой прибылъ полицейскій приставъ и нѣсколько городскихъ. Перебѣгая впереди солдатъ отъ одной кучки къ другой, приставъ, не переставая, кричалъ и въ страшномъ возбужденіи требовалъ: то расходиться по домамъ, то помогать тушить, то отстаивать сосѣднія зданія...

Вдругъ страшный крикъ раздался въ глубинѣ двора. Нѣсколько десятковъ голосовъ, точно по данному знаку, вырвались откуда-то и отчаянно потрясали воздухъ. Неистовая брань, проклятія, стоны, плачь и похоронный вой — все слилось и смѣшалось въ какой-то безобразный хоръ.

Толпа сразу подалась туда, но солдаты быстрымъ движеніемъ преградили ей дорогу. Она остановилась, и лишь немногіе, съ боковъ и черезъ сосѣдніе дворы, прорвались и побѣжали по направленію криковъ. Офицеръ также направился туда, взявъ съ собою нѣсколько рядовыхъ.

Длинное, съ низкими каменными стѣнами строеніе было отведено подъ покойницею временной больницы. Широкая, двустворчатая дверь посрединѣ была закрыта; сбоку — другая на тяжелыхъ замкахъ. Разсыпавшіеся по двору люди набрели на это зданіе и открыли дверь. Въ полосѣ свѣта, проникшаго внутрь, они увидѣли нѣсколько гробовъ, а дальше, въ тѣни на голой землѣ, виднѣлись трупы въ разныхъ положеніяхъ.

— Упокойники! — послышался шопотъ, и люди пріостановились у двери. — Царство небесное! — и нѣсколько человекъ, крестясь, боязливо прошли въ помѣщеніе. Осторожно ступая между гробами и покойниками, люди разсматривали лица умершихъ. Вдругъ молодой паренекъ съ испугомъ шепнулъ сосѣду:

— Мотри, Ваня, торкается, — и онъ указалъ на стоявшій въ сторонѣ гробъ.

Ваня уставился на гробъ. Этотъ шопотъ услышали другіе и приблизились. Гробовая крышка была значительно сдвинута; между нею и стѣнкой гроба зіяла широкая, темная щель. Когда стали приближаться къ гробу, крышка на немъ явственно дрогнула, и внутри послышался глухой стукъ.

— Сила крестная! — Люди подались назадъ, и тотъ самый малый, который ранѣе другихъ замѣтилъ движеніе крышки, опрометью выбѣжалъ изъ мертвецкой, крича: — живой! живой въ гробу! Батюшки! живой въ гробу!

Оставшіеся въ зданіи скоро оправались. Громаднаго роста, совсѣмъ сѣдой старикъ протискался впередъ:

— И впрямъ живыхъ хоронять, окаанные! — и онъ сильнымъ толчкомъ сбросилъ гробовую крышку.

Въ гробу лежалъ живой человѣкъ. Онъ чуть слышно вздохнулъ, слабо шевеля рукою.

— Берись! чего смотришь! — загремѣлъ старикъ, и черезъ минуту гробъ былъ вынесенъ наружу.

Лежавшій въ гробу былъ въ грязномъ, больничномъ халатѣ, на которомъ, какъ и на доскахъ гроба, видны были обильные слѣды холерныхъ изверженій. Больной лежалъ на боку, повернувшись вверхъ темнымъ, почти уже посинѣлымъ лицомъ. Онъ дышалъ слабо; впалые, окруженные черной каймой, глаза его то открывались, то закрывались.

— Вотъ такъ-то вотъ! Гляди, православные! — гремѣлъ старикъ народу, толпившемуся у гроба. — У-у-у! Окаянные! — Онъ потрясалъ сжатыми кулаками и самъ весь трясся, какъ въ лихорадкѣ.

Произошло нѣчто невообразимое. Съ страшнымъ крикомъ отчаянія десятковъ человѣкъ ринулись въ открытую дверь покойницкой, и черезъ минуту гроба были вскрыты и покойники вынесены во дворъ. Обезумѣвшая толпа, думая привести умершихъ въ чувство, качала, трясла ихъ, поливала и прыскала водой. Узнали-ли нѣкоторые родственниковъ своихъ и знакомыхъ между умершими, или просто по сочувствію — только среди всевозможныхъ криковъ, возгласовъ, ругательствъ и проклятій понесся душу раздирающій похоронный вой и плачъ. Кто-то указалъ на сосѣднюю запертую дверь и — вмгъ появилось громадное бревно; десятки рукъ его раскатали и высадили имъ дверь. Покойниковъ въ этомъ помѣщеніи не оказалось; были лишь разныя больничныя принадлежности и дезинфекціонные припасы. Все это было вынесено, разбито, разлито, изломано, изорвано и уничтожено.

Фролъ неистовствовалъ болѣе другихъ. Онъ кидался отъ одного мертвеца къ другому, трясъ ихъ, теръ, растиралъ, разжималъ окостенѣвшія челюсти, лилъ въ зияющіе мертвые рты молоко, водку и все, что попадалось подъ руки, и въ безнадежномъ отчаяніи выкрикивалъ: — омрачились, голубчики омрачились! Сумлѣли, сердешные! Господи! Спасе!..

Какъ могло случиться, что въ мертвецкой, среди десятка труповъ, очутился въ гробу еще живой, хотя видимо умирающій человѣкъ? — этого никакъ выяснить не удалось. Впалъ ли онъ въ глубокой обморокъ и впопыхахъ былъ сочтенъ за умершаго (смерть въ это время была явленіемъ обыденнымъ: въ больницѣ ежедневно умирали десятки), или, что вѣроятнѣе, самъ, испугавшись нагрянувшей толпы, собравъ послѣднія силы и укрывшись въ мертвецкой, гдѣ, накрывъ себя гробовой крышкой, медленно угасалъ, пока бушевала толпа? Несомнѣнно одно, и впослѣдствіи подтверждено очевидцами, въ томъ числѣ и командовавшимъ полуротой офицеромъ: толпа, дѣйствительно, въ

одномъ изъ гробовъ нашла живого человѣка, и въ этомъ получила потрясающее по своей очевидности доказательство ходившихъ въ народѣ нелѣпѣйшихъ слуховъ о томъ, что лѣкаря не только отравляютъ, но и живьемъ зарываютъ въ могилы.

Повидимому, и офицера озадачило это потрясающее зрѣлище. Онъ подошелъ къ мертвецкой какъ разъ въ тотъ моментъ, когда старикъ вновь поднялъ гробъ, чтобы вынести его на улицу къ народу.

— Гляди, ваше благородіе! гляди, батюшка! гляди, отецъ родной! Взойдите въ защиту!—Старикъ весь трясся и, нагнувшись, ловилъ губами руку осторопѣлаго офицера.

Между тѣмъ больничное зданіе постепенно валилось. То съ той, то съ другой стороны, балка за балкой, обрушивались потолки, пока, наконецъ, съ трескомъ рухнулъ мезонинъ, пахнувъ громаднымъ столбомъ пламени и обсыпая дождемъ искръ. Больница сгорѣла до тла.

Толпа отхлынула и постепенно рѣдѣла.

Черезъ часъ громили другую городскую больницу, въ разстояніи версты отъ холерной, и, пока прибыли солдаты, квартира старшаго врача обращена была въ щепки. Самого зданія не тронули, убѣдившись, что холерныхъ больныхъ въ немъ не было.

Въ то же время на противоположной городской окраинѣ подступали къ губернской земской больницѣ и разгромили нѣсколько квартиръ. Въ числѣ бушевавшей черни были частью и тѣ, которые жгли холерную больницу. По крайней мѣрѣ, при погромѣ городской тотъ же огромный старикъ, который вынесъ гробъ, былъ видѣнъ въ первыхъ рядахъ, и его голосъ гремѣлъ надъ толпою.

Еще остатки толпы шатались около догоравшей больницы, вмѣсто уходившихъ появлялись новые, съ любопытствомъ спрашивая и осматривая, какъ на одномъ изъ смежныхъ съ больницею дворовъ замѣтили человѣка, который, озираясь, пробирался межъ строеніями и плетнями. На немъ былъ форменный сюртукъ. Это былъ студентъ-медикъ пятаго курса Серединъ, приглашенный городскимъ управленіемъ на время эпидеміи въ холерную больницу. Скрывшись въ одномъ изъ амбаровъ сосѣдняго двора, онъ просидѣлъ тамъ, въ смертномъ страхѣ, прислушиваясь къ шуму то удалявшейся, то у самыхъ стѣнъ его жалкаго убѣжища бушевавшей толпы. И ему казалось, что оглушительные крики народа относятся къ нему; что именно его, а не кого другого, ищетъ эта толпа, и онъ ежеминутно ожидать, что она его откроетъ и растерзаетъ въ куски. Когда шумъ сталъ постепенно затихать, молодой человѣкъ не выдержавъ, выбрался осторожно изъ своего шалаша и сталъ пробираться къ площади, на которой не было скопленія народа.

Его замѣтили, но, къ счастью, лишь немногіе, шатавшіеся еще на заднемъ больничномъ дворѣ. Раздались крики: — Лѣкарь! лѣкарь! Молодой человѣкъ пустился бѣжать, какъ можетъ бѣжать человѣкъ, чувствующій, что за нимъ гонится сама смерть: ни плетни, ни заборы не задерживали его. За нимъ съ крикомъ погнались съ десятокъ человѣкъ.

Фролъ Савосинъ сидѣлъ, опустивъ голову около какого-то покойника, когда мимо него съ крикомъ пробѣжали люди. Онъ вскочилъ и понесся за ними, не зная, куда и зачѣмъ; но несся быстрѣе другихъ. Его свѣтлые волосы вѣеромъ развивались вокругъ головы; слетѣвшій съ ноги лапотъ вмѣстѣ съ портянкой трепался, прыгалъ и бился на размотавшейся оборѣ. Шагахъ въ пятидесяти, перескакивая черезъ плетень, Фролъ зацѣпился, запутался и всею тяжестью тѣла рухнулся на землю. Очень ли ужъ силенъ былъ ушибъ, или не выдержалъ организмъ сильныхъ потрясеній, испытанныхъ въ теченіе дня, только Фролъ остался на мѣстѣ.

Преслѣдуемый студентъ добѣжалъ до площади и наткнулся на раскрытыя ворота церковной ограды. Онъ бросился туда и самъ не помнилъ, какъ черезъ какія-то двери очутился подъ бѣлымъ каменнымъ сводомъ, съ быстротою птицы поднявшійся вверхъ по лѣстницѣ; онъ увидѣлъ себя прямо подъ церковными колоколами.

Его преслѣдователи проникли за нимъ въ ограду и въ первые минуты разсыпались по церковному двору, яща его въ кустахъ акацій и сирени. Уже нѣкоторые готовы были проникнуть въ самое зданіе храма, какъ передъ ними, съ крестомъ въ рукахъ, появился настоятель церкви. Молодой, красивый священникъ внушительно и строго обратился къ нимъ, требуя немедленно «отступиться отъ вратъ храма Господня». Люди кричали, ругались, указывали, что въ храмѣ скрылся убійца, грозили самому священнику; но пастырь не уступалъ, говоря, что если человѣкъ этотъ въ чемъ-либо виновенъ, то онъ «получить по закону осужденіе, а переступить порогъ обители христовой съ убійственнымъ намѣреніемъ» онъ не дозволить. И какъ ни волновались отдѣльные оборванцы, какъ ни кидались къ паперти, какъ ни подстрекали другихъ, но «переступить черезъ крестъ» не посмѣли. Люди остались въ церковной оградѣ и около нея, рѣшивъ, повидимому, караулить студента, въ ожиданіи прихода начальства.

Долго ожидали они здѣсь. Одни уходили, другіе приходили. Около сотни человѣкъ, какъ на бивуакѣ, лежало и сидѣло вокругъ церкви, когда уже къ вечеру пришла команда, освободила несчастнаго Середина и, подъ охраной штыковъ, увела его къ дому полицейскаго управленія. Кстати забрала и всю караулившую его толпу.

Фроль Савосинъ пролежалъ болѣе двухъ часовъ и, очнувшись, не сразу опомнился. Смѣтно носились у него въ головѣ пережитыя впечатлѣнія и событія дня, и онъ долго сидѣлъ неподвижно и смотрѣлъ на свою босую ногу, на валявшійся рядомъ на оборѣ лапоть, на продранные на колѣнѣ штаны. Наконецъ, всталъ и, тщетно поискавъ въ бурьянѣ свою шапку, медленно поплелся и поплелся впередъ, потому что сзади былъ плетень. Пройдя широкимъ, густо заросшимъ дворомъ къ калиткѣ, выведшей его въ узенькій проулокъ, онъ затѣмъ черезъ другую улицу вышелъ на площадь. Здѣсь его вниманіе привлекли люди, лежавшіе бивуакомъ около церкви; онъ подошелъ и присѣлъ къ нимъ. Онъ молча слушалъ говоръ сосѣдей, молча поглядывалъ на колокольню, гдѣ спрятался «окаянный» и — все что-то припоминалъ. Ему казалось, что онъ забылъ или обронилъ что-то такое, что ему необходимо нужно было сейчасъ же поискать и найти. У кого-то изъ сосѣдей онъ увидѣлъ кувшинъ съ водою; онъ попросилъ и съ жадностью напился. Наконецъ, онъ вспомнилъ! Это былъ его Васянька, его порожнія телѣги, его односельцы на Сѣнной, съ которыми ему нужно возвращаться въ Копьевку, «ко дворами». Онъ уже поднялся, чтобы идти на Сѣнную, какъ подошла команда и окружила церковь.

Фроль не только не сопротивлялся, когда его забирали вмѣстѣ съ другими, но, напротивъ, находилъ это вполне естественнымъ, даже необходимымъ. Какъ же? вѣдь онъ свидѣтель, свидѣтель-очевидецъ гроба, въ которомъ лежалъ живой человекъ!

Когда онъ увидѣлъ сведеннаго съ колокольни студента, окруженнаго штыками, онъ улыбнулся, и глаза его сверкнули побѣдоносно и злобно. — Такъ-то вотъ лучше! Порядокъ законан!.. Не бойсь, всѣхъ твоихъ милыхъ дружковъ сподручниковъ тоже!.. Такъ-то прямѣй!.. Порядокъ закона!..

И постепенно припоминая все видѣнное, онъ все болѣе оживлялся и возбуждался. Онъ всю дорогу, до самаго полицейскаго дома, кидалъ сосѣдямъ отрывочныя фразы, непонятныя для нихъ слова и два раза подбѣгалъ къ офицеру, ведущему команду, и возбужденно завѣрлялъ его: — самъ видѣлъ, своими глазами видѣлъ, вотъ какъ тебя, батюшка, ваше благородіе, вижу! — И молодой офицеръ, не понимая, о чемъ такъ горячо толкуетъ ему этотъ оборванный, запыленный и, какъ ему казалось, выпившій человекъ только строгимъ голосомъ покрикивалъ: — назадъ, въ кучу! не смѣть выходить за линію!

Фроль былъ, правда, нѣсколько озадаченъ, когда его не пустили съ полицейскаго двора «сбѣгать на часокъ провѣдать мальчонку, Васяньку, да съ ребятами наказать бабъ»; но скоро успокоился. — Что-жъ? тутъ тоже дѣло не малое! Ва-

сянью ребята не бросать, а Домна, чай, сама свести стожокъ догадается, не ровно здѣсь задержуть».

«Ребята», дѣйствительно, не бросили Васяньку: и его, и двѣ пустыя телѣги Фрола они привезли въ Коньевку и сдали женѣ его Домнѣ. Васянька всю дорогу, до самого дома, ревлѣлъ, повторяя за взрослыми: «тятеньку, должно, забрали».

XIII.

Какъ и съ чего началось буйство городской черни, съ точностью узнать не удалось. Одни указывали его начало на толкучемъ рынкѣ; другіе рассказывали, что на рынкѣ явилась уже толпа, собравшаяся гдѣ-то на одной изъ нижнихъ, прибрежныхъ улицъ. Поводомъ къ взрыву была, по рассказамъ однихъ, простая ссора у кабака; причемъ кто-то крикнулъ: караулъ! убили! Затѣмъ, уже, повидимому, безъ всякой логической связи и причины, народъ кинулся на амбулаторную пріемную, гдѣ обыкновенно сидѣлъ фельдшеръ и имѣлись медикаменты. Рассказывали также, что на какомъ-то дворѣ производили дезинфекцію; баба, съ крикомъ, что «окаянные» отравили у ней мужа, выбѣжала на улицу и взволновала шатавшійся, по случаю праздничнаго дня, народъ.

Были и такія мнѣнія, что буйство подготовлено было еще наканунѣ и даже за нѣсколько дней; что подстрекатели шныряли по кабакамъ и притонамъ, волнуя чернь и подготавливая ее къ имѣющему совершиться событію; при этомъ будто народъ увѣряли, что избіеніе докторовъ и разрушеніе аптекъ кѣмъ-то предписано, такъ-какъ начальство не въ силахъ-де справиться съ «окаянцами».

Первыя движенія толпы были направлены исключительно на тѣ пункты, гдѣ, по ея мнѣнію, могла храниться отравя: аптеки, амбулаторіи, больницы. Уже поднявшись до высшихъ предѣловъ возбужденія и не встрѣчая на своемъ пути никакого отпора, толпа накинута на одну полицейскую часть и разгромила ее. Частныя помѣщенія остались, однако, не тронуты, исключая тѣхъ немногихъ домовъ, гдѣ находились или предполагались квартиры врачей. Проходя мимо лавокъ и магазиновъ, толпа не только не кидалась туда, гдѣ имѣлось все для удовлетворенія грабительскихъ инстинктовъ, но успокаивала и ободряла торговцевъ, крича имъ, что ихъ она не тронетъ. И грабежа въ тѣсномъ смыслѣ слова, дѣйствительно, не было, если не считать незначительнаго количества вещей изъ разбитыхъ квартиръ, которыя затѣмъ оказались у разныхъ лицъ: толпа преимущественно уничтожала, а не похищала.

Уже далеко за полдень прекращены были безпорядки при-

шедшими изъ лагеря войсками, но почти всю ночь шатались еще по городу кучки народа и шли толки о событіяхъ дня. Полиція, при помощи солдатъ, усердно разгоняла эти кучки, причемъ, конечно, происходили недоразумѣнія, начинавшіяся съ остротъ и насмѣшекъ и кончавшіяся арестами: арестовано не мало народа, и въ числѣ прочихъ этой участи подверглись Гришка и Митька-Зубокъ.

Митька-Зубокъ, послѣ трудовой ночи на берегу, гдѣ ему пришлось выдержать свалку съ цѣлой толпой, проспалъ весь день. Послѣ полудня его разбудилъ Гришка, тоже не задолго передъ тѣмъ проснувшійся на сѣновалѣ, куда онъ ушелъ послѣ неудачныхъ преній въ людской.

— И-и-и! что было, Митрій Ивановичъ, что было! Ужаси просто.—И Гришка вкратцѣ рассказавъ, что самъ успѣлъ узнать.

— Ты что же, дьяволъ, не разбудилъ меня?

— Да я самъ только сейчасъ глаза продралъ.

— А ты, принцесса, — обратился Митька къ вошедшей женѣ, — почему меня не разбудила?

— Будеть съ тебя! За ночь довольно нагулялся. Тутъ и безъ тебя отъ страха не знаю, какъ душа въ тѣлѣ удержалась.

— У! Тварь! — и звонкая оплеуха раздалась въ маленькой уютной комнатѣ.

Ариша упала на диванъ и залилась громкимъ плачемъ.

— Какъ душа удержалась! Не бойсь, крѣпко, должно быть, сидитъ она въ тебѣ:дохнешь,дохнешь, а никакъ не сдохнешь.—Ариша еще громче залилась.

— За ночь нагулялся! — продолжалъ Митька, подойдя къ шкафу и наливъ себѣ стаканъ водки. — Нѣтъ, съ тобой сидѣть, въ твои ясныя очи глядѣть!.. А человѣка то тамъ убили.

И, смѣнивъ изорванный пиджакъ на другой, Митька, какъ былъ, грязный, немытый вышелъ въ сопровожденіи Гришки. У выхода онъ столкнулся съ Антонычемъ. Старикъ ничего не говорилъ, только укоризненно качалъ головою.

— Что мотаешь головой, манашка? Чего-жъ стоишь? Иди къ ней, утѣшай!

— Эхъ, Митя, Митя! Бога ты не боишься.

— А ты боишься! Плаксу жаль, а человѣка убили, не жаль. При тебѣ били, самъ видѣлъ, какъ терзали на куски. Это ничего? Митя! Митя!

— А она чѣмъ причинна?

— Чѣмъ причинна, чѣмъ причинна! — передразнивалъ Митька старика. — О, Господи, какъ опротивѣли, какъ всѣ опротивѣли!

— А ты Бога моли, что не былъ тамъ. Тому бы пользы

не сдѣлалъ, а самъ бы безпремѣнно угодилъ, пожалуй, цѣль бы не остался. Чай, знаешь свой нравъ.

— Ну, остался бы или не остался, а этимъ баранамъ терзать человѣка не далъ бы, — отвѣтилъ Митька, скрываясь за деревьями аллеи.

— Не отдалъ бы на терзаніе! — шепталъ, глядя ему вслѣдъ, Антонычъ. — А вотъ подрасть случай упустилъ, вотъ чего намъ жалко. — И Антонычъ вошелъ во флигель къ Ариштѣ.

Митька пошелъ шататься по городу, переходя отъ одной кучки къ другой и прислушиваясь къ разговорамъ о событіяхъ дня. Не одно ругательство отпустилъ онъ по адресу буяновъ, и не одно проклятіе получили отъ него убійцы Поморскаго. Одинъ рассказчикъ, довольно игриво изображавшій сцену убійства, былъ неожиданно огорошенъ Митькой, бывшимъ въ числѣ слушателей.

— А тебя бы самого, скотина, вотъ на фонарный столбъ! Навѣрно, и самъ приложился: ужъ очень весело рассказываешь. Рассказчикъ подался назадъ и смодкъ.

— А тебѣ что? Ишь какой! Фонарный столбъ!

— Вѣшайся самъ, коли хочешь, — послышалось съ разныхъ сторонъ.

— Расходись, расходись! не шумѣть тутъ! — раздался зычный повелительный голосъ, и человѣкъ шесть солдатъ съ приставомъ, тѣмъ самымъ, который былъ на пожарѣ холерной больницы, подошли къ кучкѣ.

— Расходись! что буянишь? — И приставъ сталъ передъ Митькой. Онъ, какъ и вся полиція, хорошо зналъ въ лицо извѣстнаго гуляку и буяна.

— Мы не буянимъ, ваше благородіе; мы такъ промежъ себя, — оправдывались люди, разступаясь.

— Ты чего стоишь, какъ дубина? — крикнулъ приставъ на Митьку, который не трогался съ мѣста.

— Я — ничего, — и Митька отпустилъ какую-то острогу.

— А, ты — дерзости! — и приставъ налетѣлъ на Митьку. — Взять его!

— За что меня брать? что я такое сдѣлалъ, что меня брать? — съ видимымъ спокойствіемъ возражалъ Митька, отстраняя руку пристава, теребившаго его лацканы. Недостаточно ли мягко отстранилъ Митька эту руку, или произошло что-либо другое, только приставъ, почти не помня себя, кричалъ:

— А-а-а! ты еще... ты еще... ты еще... ты еще... Берите его!!

Митьку окружили штыки.

— А этого, ваше бродіе? — спросили двое городскихъ, державшіе бившагося у нихъ въ рукахъ Гришку. Приставъ вопросительно посмотрѣлъ на нихъ.

— А-аны, ваше бродіе, одинъ за одно; аны, ваше бродіе, другъ безъ дружки!..—пояснялъ городской, рослый соколъ Кондрачукъ, хорошо знавшій обоихъ пріятелей и не разъ испытавшій тяжелую руку Митьки Зубка.

Арестовали и Гришку.

Въ числѣ инцидентовъ дня наиболѣе интереснымъ былъ арестъ Юліи Райской. Арестована она была при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Разгромивъ наполовину полицейскую часть, толпа двинулась по главной улицѣ, по направленію къ центральной городской площади. Куда собственно шла толпа,—неизвѣстно. Шла она, конвоируемая съ обѣихъ сторонъ тѣмъ незначительнымъ числомъ солдатъ, которые спасли отъ разгрома городскую больницу и появленіе которыхъ вынудило буйновъ оставить полицейскую часть. Толпа шла шумно и весело, не проявляя, повидимому, никакого желанія продолжать буйство. Можетъ быть, присутствіе хотя незначительной, но все же вооруженной силы ее удерживало. Производило впечатлѣніе, что тысячная толпа двигалась не по своему произволу, что ее вели эти два десятка солдатъ, которые шли позади и по бокамъ ея. Люди весело разговаривали межъ собою и съ массой любопытныхъ, пристававшихъ на ходу; а впереди мальчишки играли, прыгали и гонялись за какой-то небольшой комнатной собаченкой. Когда толпа приблизилась къ выходу, ее тутъ встрѣтило довольно внушительное число солдатъ, успѣвшихъ прибыть изъ лагеря. Здѣсь былъ и командующій генераль, и губернскія власти, и большая масса любопытныхъ изъ разныхъ слоевъ общества, которыхъ, при всемъ стараніи, полиціи никакъ не удавалось удалить.

Произошли объясненія. Наиболѣе смѣлые изъ толпы выступили съ своими жалобами, не слушая ни упрековъ, ни увѣщаній. Эти смѣльчаки были взяты и переброшены въ ряды солдатъ. Толпа заволновалась; слышались угрожающіе возгласы.

Генераль потребовалъ—разойтись. Потому ли, что буйны окружены были посторонней публикой, или по другой причинѣ, только та масса, которая стояла непосредственно передъ войсками, не двигалась съ мѣста. Требованіе было нѣсколько разъ повторено съ предупрежденіемъ, въ случаѣ неповиновенія, употребить въ дѣло оружіе, но толпа не двигалась...

Юлія Райская стояла у самаго выхода на площадь, прижатая къ дверямъ углового магазина. Впереди ея былъ мальчикъ лѣтъ десяти, босоногій, безъ шапки. Когда раздался залпъ, мальчикъ вскрикнулъ и упалъ. Пуля пробила ему мякоть ноги и прошла въ дверь магазина. Юлія кинулась къ мальчику.

— Убили! убили ребенка! Воды! доктора скорѣе! Ужасно,

безбожно!—И Юлія, не помня себя, металась надъ мальчикомъ, рвала свой носовой платокъ, не знала, какъ остановить кровь, которая лилась изъ раненой ноги и изъ рта мальчика, расшибаго себя при паденіи челюсть. Два солдата подняли раненаго. Отъ испуга-ли, или отъ ушиба онъ лишился чувствъ. Юлія бросилась за нимъ, продолжая волноваться, плакать и осыпать упреками военныхъ, стрѣлявшихъ въ народъ. Это усиливало возбужденіе массы. А такъ какъ Юлія не унималась, то ее вывели въ задніе ряды, а затѣмъ отвели въ полицейскую часть, которая находилась на той же площади.

Ее, конечно, въ тотъ же вечеръ освободили; но случай этотъ произвелъ сенсацию и вызвалъ толки въ обществѣ. Серьезные и глубокомысленные люди покачивали головами и высказывали серьезные и глубокомысленныя предположенія; легкомысленные и шутники—сочиняли анекдоты. Рассказывали, что Юлія предводительствовала толпой, дала сраженіе регулярнымъ войскамъ и, разбитая на голову, сложила оружіе и сдалась въ плѣнъ. Нашелся даже римоплеть, который сочинилъ стишки на веселенькій мотивъ, хорошо извѣстный посѣтителѣмъ лѣтняго увеселительнаго заведенія. Въ этой пѣснѣ изображалось затруднительное положеніе полицеймейстера, когда онъ увидѣлъ Юлиньку, которая носилась «Орлеанской Жанною передъ толпою пьяною».

Хоть храбрости испытанной,
Но—человѣкъ воспитанный —
Онъ драться вѣдь съ дѣвицею
Не могъ послать полицію.

И послѣ каждого куплета отъ лица полицеймейстера повторялся рефрентъ:

Забрать ихъ въ часть могу ли я,
Коль во главѣ ихъ Юлія?

Всѣхъ больше этимъ стишкамъ смѣялась сама Юлія и въ слѣдствіи, подъ акомпаниментъ фортепьяно, сама ихъ распѣвала и заставляла пѣть другихъ.

На другой день послѣ безпорядковъ власти приступили къ слѣдствію. Черезъ нѣсколько дней добрались до Сергѣя Вирюкова, и вмѣстѣ съ нимъ были арестованы почти всѣ люди князя Кейстутъ-Вилинскаго, въ томъ числѣ старикъ Антонычъ и черная кухарка Авдотья, «маркграфиня».

XIV.

Холерные безпорядки и возникшее затѣмъ слѣдствіе непріятно отразились на князѣ Кейстутъ-Вилинскомъ и даже нѣсколько задѣли его общественное положеніе.

Князя Кейстутъ-Вилинскіе вели свой родъ изъ Литвы. Въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, въ одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ подъ Москвою служилъ въ чинѣ капитана отецъ нашего Александра Владиславовича, князь Владиславъ Казиміровичъ Кейстутъ-Вилинскій, уже православный по матери, дочери какого-то секундъ-маіора.

Красивый, скромный капитанъ былъ вхожъ въ домъ извѣстнаго въ то время богача Злобкова, понравился матери и пригланулся дочери Варѣ. Съ этой Варей, послѣ смерти ея отца и единственнаго брата, къ капитану перешло все огромное состояніе Злобкова, которымъ онъ, однако, не долго пользовался: онъ умеръ въ холеру сорокъ восьмого года, оставивъ жену съ двумя дочерьми и десятилѣтнимъ сыномъ, Сашей. Саша росъ на рукахъ болѣзненной, религіозной матери, окруженный няньками, гувернантками, приживалками и богомолками. Его готовили въ университетъ; но, вмѣсто университета, онъ въ двадцать лѣтъ, въ чинѣ корнета Б—скаго гусарскаго полка, очутился въ большомъ малороссійскомъ мѣстечкѣ, Самойловкѣ, гдѣ стоялъ его эскадронъ. Пять лѣтъ прожилъ онъ тамъ. Скромный, молчаливый и застѣнчивый, онъ жилъ не по-гусарски и далеко ниже своихъ средствъ. Товарищи называли его княжной. У хозяина его квартиры была красивая дочка, Одарка. Къ концу пятаго года въ Самойловку пріѣхала княгиня Варвара Тихоновна и, послѣ долгихъ усилій, при содѣйствіи старика эскадроннаго командира, спланила Сашу въ городъ, въ полковой штабъ, а Одарку увезла съ собою. Одарка черезъ три мѣсяца родила сына Дмитрія (впослѣдствіи Митька Зубокъ); а Саша черезъ три года женился на дочери директора гимназіи, Софьѣ Никаноровнѣ Бойченко.

Первые годы послѣ женитьбы князь провелъ въ чужихъ краяхъ, наѣзжая лишь не надолго въ столицы; затѣмъ поселился въ Копьевкѣ, а по зимамъ жилъ въ городѣ. Совершенно неожиданно для себя и помимо своей воли попалъ онъ сначала въ уѣздные, а потомъ въ губернскіе предводители.

Въ дворянской средѣ, послѣ холерныхъ безпорядковъ нѣкоторую пищу чувству недовольства дало еще то обстоятельство, что, по возникновеніи слѣдствія, почти нѣтъ люди князя были привлечены и частью арестованы. Какъ-то вскорѣ распространился слухъ, что въ числѣ арестованныхъ самымъ главнымъ дѣятелемъ, подстрекателемъ и чуть не убійцею Поморскаго оказывается нѣкій Митька-Зубокъ; что этотъ Зубокъ—

никто иной, как незаконный сынъ князя, прижитый съ какой-то полькой и самъ чуть не скрытый католикъ.

Какъ чернь, потрясенная ужасомъ небывалой смертности, въ паническомъ страхѣ искала то «шмару», то «англичанку» и готова была вѣрить всякому нелѣпому слуху, такъ и общество, ошеломленное бунтомъ, пустилось въ область самыхъ фантастическихъ предположеній, догадокъ и подозрѣній. Оно не хотѣло видѣть въ безпорядкахъ простое проявленіе темноты грубой, всегда и вездѣ подозрительной массы; напротивъ, оно готово было объяснять себѣ событія всѣмъ, чѣмъ угодно только не этой простой и дѣйствительной причиной. Оно также, какъ и чернь, искало «шмару» и «англичанку», только въ образѣ зловредныхъ подстрекателей всѣхъ возможныхъ наименованій и націй, цѣлей и стремленій.

— Нѣтъ, батенька, тутъ не холера! Не вчера родились: не проведете. Ищите поглубже!

— Не повѣрю я, что эти оборванцы не знаютъ, что такое холера. Пустяки! Развѣ они ее не видѣли въ сорокъ восьмомъ году?

— Какое въ сорокъ восьмомъ! Въ Т. въ 1871 была холера и почище нашей, а бунта не было. Нѣтъ, работали люди, похитрѣ этихъ оборвышей.

— А вы развѣ не слышали, какъ при разгромѣ аптеки играли на фортепьяно, да еще что!..

— А что?

— Марсельезу, вотъ что.

— Нѣтъ, не марсельезу, Оедоръ Акимычъ; я слышалъ, что польскій гимнъ.

— Польскій гимнъ это—въ другомъ мѣстѣ. Ну, пускай и польскій гимнъ. Что жъ, по вашему, это береговые крючники да солемолы играли польскій гимнъ на фортепьяно?

— «Дубинушку» пѣли, когда шли на полицейскую часть! Это кто, по вашему, пѣлъ? Тоже крючники оборванцы?

— А вотъ этотъ Зубокъ или Зубковъ—главный зачинщикъ и руководитель: онъ, говорятъ, по-французски объясняется, что твой Талейранъ. Вотъ и ихъ превосходительство знаютъ. Не такъ-ли ваше пр-во?

— Говорятъ, что онъ жилъ у князя?

— Какое жилъ! Говорятъ,—онъ прямо сынъ его отъ какой-то шляхтянки и по сейчасъ, говорятъ, католикъ. Мать тоже, говорятъ, до сихъ поръ гдѣ-то у князя въ имѣніи живетъ. Не правда-ли, ваше пр-во?

— Да, кажется, князь этому Зубку приходится родственником... что-то въ родѣ отца... съ материнской, знаете, стороны, — острилъ генералъ Сергѣй Сидорычъ.

Такъ говорилось въ буфетной дома дворянства, гдѣ засѣдало экстренное собраніе губерскаго земства, созваннаго вслѣдъ за безпорядками. Говорили, слушали и вѣрили, и никому не приходило въ голову всмотрѣться поближе, убѣдиться — вѣрны ли слухи о марсельезѣ, о польскомъ гимнѣ, и т. д.; вѣрили и съ нетерпѣніемъ ждали скорѣйшей записки, скорѣйшаго освобожденія отъ давившаго всѣхъ страха, скорѣйшаго прекращенія и искорененія смуты и, въ особенности, наказанія, примѣрнаго, строгаго наказанія. Одинъ сухой, какъ сталь упругій, нѣмецъ, овцеводъ, долго служившій у богатаго барина и по смерти его женившійся на его весьма пожилой вдовѣ, заявилъ, что «безъ смертнѣй казнѣ нельзя приводить къ порядку: русскій человекъ ни довольно лояль».

При такомъ общемъ настроеніи росло чувство недовольства и недовѣрія къ князю. Это отношеніе къ нему общества сказалось даже въ преніяхъ гласныхъ. Одинъ извѣстный своими либеральными взглядами гласный высказалъ, что «въ холерныхъ безпорядкахъ извѣстную долю отвѣственности несетъ само земство своимъ равнодушіемъ и небрежностью къ народному образованію».

Пошли пренія; оказалось, что бесѣды съ народомъ даже о пользѣ дезинфекціи имѣетъ право вести лишь одно непосредственное начальство и, въ извѣстномъ случаѣ, духовенство. Сдѣлано предложеніе: ходатайствовать, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, о дозволеніи постороннимъ лицамъ собирать для этой цѣли сельскіе сходы.

Князь находилъ такую мѣру весьма цѣлесообразной и высказалъ, что народъ, за рѣдкими исключеніями, дѣйствовалъ «слѣпо, какъ дитя»; что отсутствіе грабежей доказываетъ, что «эти ослѣпленные дѣти» стремились, правда, въ дикой и безобразной формѣ, но въ сущности «лишь къ самозащитѣ», самозащитѣ, съ ихъ точки зрѣнія, «необходимой и справедливой»; что безпорядки могутъ повториться, и жалко, какъ «невинныхъ жертвъ, такъ и этихъ ослѣпленныхъ дѣтей»...

Поднялся гласный изъ консерваторовъ. Молодой красно-рѣчивый, съ высшимъ образованіемъ и состоятельный чело-

вѣкъ, онъ обращалъ на себя общее вниманіе и своими воззрѣніями, и своею благовоспитанностью, и тактомъ. «Le beau Serge» называли его дамы; «нашъ будущій предводитель», говорили о немъ мужчины. Съ несвойственною ему запальчивостью заговорилъ онъ противъ предложенія, кидая вызывающіе взгляды въ сторону князя.

И предложеніе съ трескомъ провалилось.

— Прекрасно, мой дорогой другъ, прекрасно! — говорилъ генераль Сергій Сидорычъ, крѣко пожимая руку молодому оратору. — Конечно, дѣтей жалко, очень жалко, *въ особенности своихъ собственныхъ дѣтей!* — добавилъ онъ, съ значительной улыбкой оглядывая присутствующихъ.

Сергій Сидорычъ въ эти тревожные дни занялъ въ глазахъ общества выдающееся положеніе. Обыкновенно любезный, шутливо-снисходительный, онъ сталъ сдержаннѣе, молчаливѣе и важнѣе. Неудостоивавшій прежде земскаго собранія своими посѣщеніями, хотя и постоянно заочно избираемый въ гласные, онъ на этотъ разъ являлся ежедневно, сидѣлъ, слушалъ и загадочно молчалъ. И только въ перерывахъ, когда гласные кружками спорили, г рячились, сѣтовали и въ особенности обвиняли, обвиняли безъ разбора всѣхъ и вся, — Сергій Сидорычъ какъ бы мимоходомъ процѣживалъ сквозь зубы: — я вѣдь это *имъ* давно говорилъ, давно *имъ* предсказывалъ; или: *они* меня, конечно, поймутъ, но, можетъ быть, слишкомъ поздно.

Никто, конечно, въ точности не зналъ, кто такіе эти *они*, кому онъ говорилъ и предсказывалъ и которые его не послушали; но именно эта неизвѣстность, эта загадочность придавала его словамъ, словамъ «почти сановника» большой вѣсъ и значеніе. Его слушали, ему внимали, покачивали головами и даже вздыхали по поводу того, что *они* въ свое время его не послушали.

И Сергій Сидорычъ становился съ каждымъ днемъ все важнѣе и загадочнѣе и все болѣе фыркалъ какъ въ сторону предводителя, такъ и губернатора. Къ этому фырканию отнесились съ тѣмъ большимъ вниманіемъ, что объясняли его отнюдь не какою-либо завистью, а именно высшими соображеніями государственнаго свойства. Онъ даже какъ-то разъ

выразился: — у меня былъ одинъ такой губернаторъ,—и хотъ всѣмъ извѣстно было, что онъ никогда не занималъ такого служебнаго положенія, при которомъ «у него» могъ быть губернаторъ, и все же слушали, внимали, ходили, ѣздили къ нему, совѣтывались съ нимъ и поучались.

— Не суды, не судебныя пренія и не адвокатское краснорѣчіе намъ нужны, а — мѣры, мѣры, мой дорогой! — сказалъ онъ однажды въ обществѣ. И всѣ согласились, что нужны мѣры» и—ждали мѣръ.

— Не знаю, догадаются ли *они тамъ* и достаточно ли *они* освѣдомлены?—сказалъ онъ въ другой разъ.—И всѣ искренно желали, чтобы Сергѣй Сидорычъ *ихъ* надоумилъ и надлежащимъ образомъ *ихъ* ознакомилъ съ положеніемъ вещей.

А Сергѣй Сидорычъ многозначительно молчалъ, не отнимая, впрочемъ, надежды, что онъ, можетъ быть, и заговорить, гдѣ слѣдуетъ, и указать, кому слѣдуетъ.

Mon Aldegonde,
La blonde
Doit plaire à tout le monde...

напѣвалъ онъ, входя въ свою холостую квартиру, старинную шансонетку, заученную имъ еще въ молодые годы:

Doit plaire, doit plaire
Doit plaire à tout le monde!..

выводилъ онъ, игриво раскачиваясь, и счастливо улыбался, припоминая, съ какимъ глубокимъ уваженіемъ внимало ему въ этотъ вечеръ доверчивое общество, съ какимъ упованіемъ взирали на него и чуть не молили о помощи...

Такъ росъ авторитетъ губернскаго «почти сановника», и значеніе его подымалось. Подъ конецъ онъ сталъ дѣлать намеки, «какъ бы самому не пришлось проѣхаться *туда*, хотя и очень не хочется», и въ концѣ лѣта онъ, дѣйствительно, уѣхалъ.

ХУ.

Князь не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣчать этого отношенія къ нему общества. Его гораздо больше заботили Митя и Антонъ. О послѣднемъ онъ былъ убѣжденъ, что онъ арестованъ безвинно. Онъ зналъ, что старикъ «не способенъ мухи обидѣть» и былъ совершенно спокоенъ за него: «разъяснится и освободятъ».

Другое дѣло—Митя. Какъ ни увѣряла его Ариша, что Митя во время безпорядковъ весь день проспалъ, ему не вѣрилось: онъ зналъ, какъ Ариша любитъ своего грубаго буяна. И чѣмъ менѣе онъ ей вѣрилъ, чѣмъ болѣе сомнѣвался, чѣмъ

яснѣ представлялъ онъ себѣ Митю въ толпѣ дикой, бунтующей черни, тѣмъ болѣе становилось ему больно и за себя, и за Митю, тѣмъ болѣе подавляло его уже не разъ охватывавшее его сознание своей виновности передъ этимъ буйнымъ, необузданнымъ Митей. Не онъ ли самъ виноватъ въ томъ, что Митя вышелъ такимъ человѣкомъ? Пусть первые годы его дѣтства онъ не обращалъ вниманія на его воспитаніе: самъ былъ молодъ и глупъ. А послѣ? Митѣ не было еще двухъ лѣтъ, какъ покойная княгиня выдала замужъ его мать, его же оставила при себѣ. Мальчикъ росъ, зналъ, что отецъ его—буфетчикъ Иванъ, мать—Одарка, и въ то же время старую княгиню называлъ бабушкой. Бабушка-княгиня его баловала, даже гувернантку взяла въ домъ, но скоро умерла. Въ семьѣ буфетчика Ивана Митя чувствовалъ себя чужимъ, въ особенности, когда умерла его мать, до самой смерти оставшаяся хохлушкой Одаркой, до самой смерти не привыкшая къ чуждой ей великорусской средѣ. Въ четырнадцать лѣтъ мальчикъ узналъ тайну своего рожденія и убѣжалъ отъ Ивана.—Бѣдный Митя! Прямо бы врать къ себѣ слѣдовало послѣ смерти матушки. Правда,—Софи... Ну, что жъ Софи? Немного настойчивости и характера, и—только. А главное, правду, правду не слѣдовало скрывать отъ него. Все равно узналъ, только узналъ отъ другихъ; родной же отецъ скрывалъ отъ него, отталкивалъ его! Бѣдный Митя!.. Развѣ это могло навсегда остаться тайной для него? И запись изъ церковной книги какъ то добытъ.

— Я, говоритъ, незаконнорожденный сынъ дѣвицы малороссіянки Одаріи Остапенковой.—Малороссіянка Одаріа Остапенкова! Такъ перевелъ на русскій языкъ хохлацкую Одарку старичекъ священникъ, крестившій Митю. Лучше не сьумѣлъ...

— И что за диво и эти дебоши, и это пьянство, и... эта женитьба на дочери сельскаго писаря! Какъ ему не ожесточиться? Другой бы на его мѣстѣ, можетъ быть... а у этого нравъ дѣда, и нравъ, и сила казака Остапенка... Бѣдный Митя!.. А какой хорошій мальчикъ былъ и—теперь, въ душѣ совсѣмъ не злой человѣкъ... Какъ любить Леночку! Ко мнѣ—какъ-то желчно; къ Софи еще хуже, къ своимъ дѣтямъ будто совсѣмъ равнодушенъ, а къ Леночкѣ...

— Ты хотѣла бы быть моей сестрой, Леночка?

— Конечно, Митя, хочу!

— Но вѣдь ты княжна; а я, я... простой мужикъ.

— Такъ что-жъ! Я тебя, Митя, люблю очень, ты хорошій!..

Думалъ,—никто его не слышитъ. И какъ цѣловалъ Леночку, какъ цѣловалъ!.. Бѣдный Митя!.. Теперь, можетъ быть, обвинять, заключать въ тюрьму, а то, пожалуй, засудятъ и... сошлютъ! Бѣдный мой Митя!..

.

Вбѣжала Леночка, въ нѣсколько прыжковъ очутилась на колѣняхъ у отца и ручками обвила его шею.

— Миссъ говорить, что мы завтра переѣзжаемъ въ Копьевку. Правда, папочка?

— Да, милая: вы завтра ѣдете.

— А ты, папочка?

— Я приѣду послѣ, черезъ нѣсколько дней.

— Нѣтъ, папа, поѣзжай и ты; я не люблю, когда ты не ѣдешь.

— Что жъ, дѣточка, нѣсколько дней пробудешь съ мамой, а послѣ и я приѣду.

— Я не люблю; я люблю, когда и папа, и мама.

Князь цѣловалъ ея мягкіе, волнистые волосы. Леночка замѣтила грустное выраженіе его лица.

— А тебѣ, папочка, не скучно безъ мамы?—спросила Леночка, глядя на большой портретъ старой княгини, висѣвшій въ кабинетѣ князя.

— Что, Леночка?

— Безъ мамы тебѣ не скучно?

— Вѣдь я черезъ нѣсколько дней приѣду къ тебѣ и къ мамѣ!—со вздохомъ отвѣтилъ князь.

— Нѣтъ! безъ твоей мамы, безъ этой, безъ бабушки, — пояснила Леночка. И вновь взглянувъ въ лицо князю, припала къ нему.—Бѣдный папочка! тебѣ скучно безъ твоей мамы.

— Нѣтъ, моя крошечка! нѣтъ, моя маленькая! съ тобою мнѣ не скучно. Ты — моя мама, ты — моя сестра, ты — моя доченька!..

Глаза князя подернулись влагой; въ голосѣ слышалось слабое, почти старческое дрожаніе, какого Леночка раньше не слыхала.

— Лошади поданы! — доложилъ лакей и вслѣдъ за нимъ на порогѣ показалась княгиня.

— Я не знаю, Александрѣ, зачѣмъ ты непременно хочешь ѣхать туда? Мнѣ кажется, — предоставить, пока выяснится.

Князь молчалъ.

— У насъ есть все, что нужно; каждый день посылается. А ты непременно самъ добиваешься свиданія, пока не выяснено...

Князь продолжалъ молчать.

Подѣхалъ экипажъ губернатора.

— Андрей Павловичъ, помогите, пожалуйста, мнѣ уговорить князя отложить свиданіе на время, пока выяснится.—По тону видно было, что княгиня не въ первый разъ объ этомъ говорить съ губернаторомъ.

— Да, я тоже полагаю бы, пока...

— Не заподозрять ли и меня въ сочувствіи и подстреканіи?

тельствѣ?—нѣсколько рѣзко перебилъ его князь,—и какъ бы самъ озадаченный тономъ своей фразы, мягко прибавилъ: — Простите, Андрей Павловичъ! Посидите съ женою, я скоро возвращусь. Мы вѣдь завтракаемъ вмѣстѣ, не правда ли?

Но видѣть Антоныча и Митю князю не пришлось.—Приказано никому не позволять свиданія, никому,—какъ бы извиняясь, доложилъ тюремный смотритель. — А что касается до крестьянина Дмитрія Зубкова, — прибавилъ онъ, — такъ этотъ въ секретной камерѣ. Впрочемъ, для васъ, ваше сіятельство, вѣроятно будетъ исключеніе. Если прикажете, я спрошу по телефону.

Но князь поблагодарилъ смотрителя и уѣхалъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

А. Немировскій.

Развитіе основныхъ началъ податнаго обложенія въ Западной Европѣ.

I.

Общественное раздѣленіе труда принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ факторовъ социальной жизни. Благодаря ему, народное хозяйство является не механическимъ соединеніемъ единицъ, а органическимъ цѣлымъ, въ которомъ составныя части «работаютъ каждая для всѣхъ и всѣ для каждой» *). Отдѣльныя отрасли народнаго хозяйства имѣютъ самостоятельное существованіе только повидимому; въ дѣйствительности же онѣ находятся въ полной зависимости отъ всего механизма, деспотической волѣ котораго онѣ должны безпрекословно повиноваться. При обсужденіи экономическихъ категорій нельзя поэтому исходить отъ частнаго хозяйства, упуская изъ виду его общественный характеръ, его неразрывную связь съ народнымъ хозяйствомъ. Для правильнаго сужденія о хозяйственныхъ явленіяхъ необходимо отправляться отъ цѣлаго къ его частямъ, отъ народнаго хозяйства къ его членамъ. Равнымъ образомъ и государственное хозяйство нельзя разсматривать какъ нѣчто совершенно самостоятельное, ни съ чѣмъ не связанное и ни отъ чего не зависящее: оно ни болѣе, ни менѣе какъ одна изъ составныхъ частей народнаго хозяйства, стоящая въ неразрывной органической связи съ частными хозяйствами. Народное хозяйство представляетъ собою, такимъ образомъ, соединеніе частныхъ хозяйствъ съ общественными; народно-хозяйственная дѣятельность есть сочетаніе дѣятельности частныхъ хозяйствъ съ дѣятельностью общественныхъ союзовъ (государство, земство, городъ). Каждый изъ этихъ членовъ удовлетворяетъ свои потребности изъ общаго фонда народно-хозяйственныхъ доходовъ. Національный доходъ дѣлится на множество долей, изъ которыхъ одна идетъ на удовлетвореніе потребностей государства (и общественныхъ союзовъ вообще), а другія достаются частнымъ хозяйствамъ **). Финансовые органы—это, по фигуральному выраженію Шефле, «ложка, которую государство наравнѣ

*) K. Rodbertus-Jagetzoff. Das Kapital, 80.

**) Ibid., 86.

съ другими хозяйствами погружаетъ въ общую колоссальную миску національнаго дохода, чтобы почерпнуть оттуда соответственную часть національнаго производства, какъ матеріальныя средства своего существованія *)). *По существу* такъ бываетъ и бывало всегда, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Но *форма*, въ которой государство получаетъ свои средства, *способъ*, которымъ происходитъ выдѣленіе государству его доли изъ національнаго дохода, — варьируются въ зависимости отъ организаціи народнаго хозяйства, отъ экономического строя. Государственное хозяйство здѣсь отражаетъ въ себѣ судьбы общаго народно-хозяйственнаго развитія.

На зарѣ политической жизни источникомъ государственныхъ доходовъ служатъ собственныя имущества государства — домены. Частно-хозяйственная дѣятельность въ эту пору еще мало развита, и большая часть земель и лѣсовъ принадлежитъ общественнымъ союзамъ. Государство и общины — самые крупные собственники, въ ихъ рукахъ сосредоточивается главный источникъ доходовъ этой эпохи — недвижимое имущество. Государство удовлетворяетъ свои потребности изъ собственного хозяйства, не прибѣгая къ помощи частныхъ хозяйствъ. Такое независимое существованіе государства возможно не только потому, что оно обладаетъ громадной собственностью, но и потому еще, что его потребности сравнительно ничтожны. Благодаря слабому развитію общественнаго раздѣленія труда, частныя хозяйства занимаются не только добываніемъ матеріальныхъ благъ, но и сами исполняютъ общественныя функціи. Это — замѣнутыя клѣточки, которые удовлетворяютъ всѣ свои потребности, не выходя за частокolk своего двора. Хозяйство античнаго рабовладѣльца или сеньера начала среднихъ вѣковъ не имѣло нужды обращаться за чѣмъ бы то ни было ни къ другимъ частнымъ хозяйствамъ, ни къ государственнымъ органамъ **). Все, что требовалось тогда отъ государства, это — внѣшняя охрана, да и объ ней въ средніе вѣка приходилось заботиться каждому хозяйству въ отдельности, такъ какъ государствомъ она обезпечивалась болѣе чѣмъ неудовлетворительно. На этой стадіи соціальнаго развитія отдѣльныя хозяйства (въ томъ числѣ и хозяйства общественныхъ союзовъ) составляютъ какъ бы обособленныя царства, которыя не только исполняютъ хозяйственныя функціи, но и творятъ судъ, охраняютъ себя отъ внѣшнихъ нападений и пр. При такой ничтожной роли государства, и потребности его не велики: доменовъ вполне достаточно для обезпеченія его существованія. Налоги въ смыслѣ правильныхъ взносовъ въ казну, производимыхъ частными хозяйствами, встрѣчаются лишь въ видѣ исключеній. Въ особо экстренныхъ случаяхъ, при чрезвычайной нуждѣ въ матеріальныхъ средствахъ, государство прибѣгаетъ къ помощи частныхъ хозяйствъ,

*) *Schefle*. Die Grundsätze der Steuerpolitik, 10.

**) *H. v. Scheel*. Die Theorie der sozialen Frage, 4—10.

но это имѣетъ характеръ или «добровольныхъ» подарковъ, или займовъ, которые, впрочемъ, никогда не уплачивались. Въ исторіи развитія государственныхъ доходовъ эту эпоху можно назвать *доманіальной*.

По мѣрѣ развитія культуры отношенія частно-хозяйственного оборота усложняются. Замкнутость (относительная, конечно) частныхъ хозяйствъ исчезаетъ, уступая свое мѣсто живому обмѣну услугъ. Технические усовершенствованія даютъ могучій толчекъ социальному дифференцированію. Представляя собою результатъ общественнаго раздѣленія труда, они въ свою очередь оказываютъ обратное дѣйствіе на общественное развитіе. «Съ дифференцированіемъ орудій труда все болѣе и болѣе дифференцируются и тѣ отрасли промышленности, которыя занимаются производствомъ этихъ орудій». Денежное хозяйство, замѣняющее натуральное, ускоряетъ этотъ процессъ, облегчая сношенія между отдѣльными хозяйствами и тѣмъ давая имъ возможность существовать одно при помощи другого. Частно-хозяйственная дѣятельность развивается съ неимоверной быстротой; обладая высокой жизнеспособностью и стремясь къ преобладанію, частныя хозяйства расширяютъ сферу своего господства, шагъ за шагомъ отнимая у общественныхъ союзовъ источникъ ихъ доходовъ. Въ то время какъ въ доманіальную эпоху общественная собственность на матеріальныя средства производства занимала видное мѣсто, теперь экономическая организація все болѣе становится частно-хозяйственной *по преимуществу*, и средства производства постепенно переходятъ въ руки частныхъ хозяйствъ. Государство, теряя свои домены, вынуждено искать новыхъ источниковъ для удовлетворенія своихъ потребностей. И это тѣмъ настоятельнѣе, что и самыхъ потребностей этихъ стало несравненно больше. Общественное дифференцированіе все болѣе освобождаетъ частныя хозяйства отъ отравленій, выходящихъ изъ сферы строго хозяйственной дѣятельности. Усложненіе общественныхъ отношеній требуетъ специализаціи такихъ функцій, какъ судъ и внѣшняя охрана, и ихъ выполненіе окончательно передается въ руки государства *). Мало того, наряду съ правовой защитой личности, собственности, безопасности и національной независимости, выступаютъ положительныя культурныя задачи общественнаго союза, которыя, касаясь всѣхъ частныхъ хозяйствъ въ совокупности, также выпадаютъ на долю государства. Общественный союзъ все болѣе и болѣе беретъ на себя функціи, принадлежавшія дотогѣ частнымъ хозяйствамъ. Но усложненіе функцій ведетъ за собою расширеніе потребностей, которое, въ свою очередь, требуетъ увеличенія доходовъ.

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ развитія системы частныхъ

*) W. Uocke. Die Abgaben, Auflagen und die Steuer vom Standpunkte der Geschichte und der Sittlichkeit. 141—208.

хозяйствъ, съ одной стороны, и расширенія государственныхъ функций, съ другой, государство лишается прежняго способа удовлетворенія своихъ потребностей и вынуждено искать новыхъ источниковъ дохода. Такъ какъ вся хозяйственная дѣятельность перешла въ руки частныхъ лицъ и общественная форма хозяйства либо окончательно прекратила свое существованіе, либо доведена до *минимума*, то единственнымъ источникомъ доходовъ оказывается, частное хозяйство, и государству не остается ничего болѣе, какъ выдѣлять изъ этихъ частныхъ хозяйствъ нѣкоторую долю въ свою пользу. Естественной формой государственныхъ доходовъ являются, слѣдовательно, налоги. Но сразу перейти отъ доминальныхъ доходовъ къ податямъ было бы слишкомъ рѣзкимъ скачкомъ отъ одной формы къ другой, прямо противоположной. Государство все еще не можетъ отрѣшиться отъ взгляда на свои доходы, какъ на продуктъ собственной хозяйственной дѣятельности, а частныя хозяйства, въ свою очередь, слишкомъ привыкли къ тому, чтобы государство прибѣгало къ ихъ помощи лишь въ случаяхъ чрезвычайной нужды. Если, поэтому, въ ряду государственныхъ доходовъ налоги занимаютъ болѣе видное мѣсто, чѣмъ раньше, то тѣмъ не менѣе они еще не играютъ преобладающей роли. Главнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ становятся регалии, составляющія нѣчто среднее между общественной формой хозяйства и частной. Здѣсь государство не отрѣшается окончательно отъ прежняго способа извлеченія своихъ доходовъ и въ то же время примѣняется къ новымъ условіямъ экономическихъ отношеній. Подобно тому, какъ раньше оно пользовалось доходами отъ своихъ земель и лѣсовъ, теперь оно обращаетъ въ свою *исключительную* пользу доходы отъ нѣкоторыхъ другихъ отраслей промышленности, отстранивъ отъ нихъ частную конкуренцію. Монополія является здѣсь необходимой въ виду стремленія частныхъ хозяйствъ къ захвату всѣхъ родовъ хозяйственной дѣятельности,—стремленія, обусловленнаго ходомъ соціальнаго развитія.

Въ этомъ же направленіи дѣйствовала и политическая эволюція. Регальный способъ добыванія государственныхъ доходовъ былъ возможенъ только при той политической формѣ, которая къ тому времени вступила въ силу. Если доминальная эпоха вполне гармонируетъ съ тѣмъ періодомъ политическаго развитія, когда государственная власть еще очень слаба, и государь только «первый между равными», то система монополій возможна не иначе, какъ при условіи сильнаго могущества государственной власти. Централизованное государство съ абсолютнымъ монархомъ во главѣ есть необходимое условіе для развитія *системы* регалій.

Но долго это продолжаться не могло. Развиваясь въ силу логической необходимости, частныя хозяйства съ неудержимой стремительностью напирали на всѣ преграды, задерживавшія ихъ движеніе впередъ. Принципъ свободной конкуренціи входитъ во все-

общее сознаніе и признается *conditio sine qua non* общественного развитія. Экономическая организація не выноситъ ни стѣсненій, ни ограниченій въ какой бы то ни было сферѣ. Наступаетъ переворотъ: рамки сбрасываются; все, что тормазило свободное развитіе, устраняется, монополіи объявляются противными свободѣ. Свободная конкуренція вступаетъ въ свои права, экономическій строй получаетъ чистый индивидуалистическій характеръ. И вмѣстѣ съ тѣмъ налоги становятся преобладающимъ источникомъ государственныхъ доходовъ *).

Итакъ, способъ полученія государствомъ своихъ доходовъ «опредѣляется прежде всего существующей въ данное время организаціей народнаго хозяйства, т. е. комбинаціей частныхъ хозяйствъ съ общественными. Та или другая экономическая организація даетъ извѣстный порядокъ собственности на матеріальныя средства производства и опредѣленное распредѣленіе послѣднихъ на частную собственность, принадлежащую частнымъ хозяйствамъ, и общественную, принадлежащую общественнымъ союзамъ. Это распредѣленіе опредѣляетъ, въ какой мѣрѣ нужды государства удовлетворяются налогами и въ какой—собственной хозяйственной дѣятельностью государства. По мѣрѣ того, какъ средства производства становятся частной собственностью отдѣльныхъ лицъ, и экономическая организація становится частно-хозяйственной, — налоги занимаютъ все болѣе видное мѣсто. Слѣдовательно, налоги—это историческая категория. Для ихъ существованія необходимъ институтъ частной собственности и переходъ матеріальныхъ средствъ производства къ частнымъ хозяйствамъ» **).

Налоги представляютъ естественный и въ то же время протѣйшій способъ добыванія государственныхъ средствъ изъ народнаго хозяйства, организованнаго на индивидуалистическомъ началѣ. Такъ какъ національный доходъ въ моментъ появленія своего на свѣтъ разбивается на множество осколковъ, то государству ничего иного не остается, какъ собирать то, что ему нужно, каплю за каплей изъ отдѣльныхъ хозяйствъ. Въ общей національной экономіи здѣсь совершаются два процесса: сначала національный доходъ разбивается на части, а потомъ эти же части концентрируются

*) Когда въ концѣ XVII столѣтія въ Пруссіи впервые была учреждена должность сборщиковъ податей, то жалобамъ не было конца. «Похоже на то,—жаловались сословія,—что отнынѣ бѣдная страна никогда не освободится отъ налоговъ». Рейхстагъ въ Брауншвейгъ-Вольфенбютелѣ выразился такъ: «твердо установлено, что налоги противны природѣ государственнаго общежитія». Neumann, Die progressive Einkommensteuer. Schriften der Ver. für Socialpolit., VIII). Въ Англіи налоги получаютъ характеръ правильнаго обложенія не раньше конца XVII вѣка (Vocke, Geschichte der Steuern des Britischen Reichs). Въ Россіи до Алексѣя Михайловича не существовало правильнаго вниманія налоговъ (Лавинъ-Данилевскій. Организація прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованія).

**) Ad. Wagner, Finanzwissenschaft, II, 170—171.

обратно. Въ томъ и другомъ случаѣ происходитъ огромная трата энергій *), являющаяся прямой потерей для національнаго производства. Такимъ образомъ, податная форма добыванія государственныхъ доходовъ далеко не можетъ считаться идеальной. Но для *даннаго*, индивидуалистическаго строя она наилучшая и единственно возможная.

Связь налоговъ съ данной экономической организаціей нельзя себѣ, однако, представлять механически. Было бы ошибочно думать, что въ дѣйствительной исторической жизни можно такъ же точно разграничить предѣлы разныхъ финансовыхъ періодовъ, какъ мы это сдѣлали на предыдущихъ страницахъ. Историческая эволюція не знаетъ скачковъ. Это справедливо не только для экономического развитія, но и для финансоваго. Въ то время, какъ старый порядокъ находится еще въ полномъ расцвѣтѣ, уже нарождаются новые элементы, которые, въ началѣ едва замѣтны, постепенно разрастаются, накапливаютъ энергію и шагъ за шагомъ отвоевываютъ преобладающее мѣсто. Жизнь получаетъ новую окраску, но старыя формы еще долго продолжаютъ свое существованіе, вымирая мало по малу, пока онѣ окончательно не исчезаютъ. Поэтому, если говорить о новомъ строѣ, то это значить, что новые элементы преобладаютъ, задаютъ тонъ жизни, окрашиваютъ своимъ цвѣтомъ общественныя отношенія. При господствѣ частно-хозяйственной системы продолжаютъ еще существовать, хотя въ ограниченныхъ размѣрахъ, общественныя хозяйства, подобно тому какъ въ донаціональную эпоху существовали частныя хозяйства. Поэтому налоги встрѣчаются и въ древнія времена, но *преобладающую* роль они начинаютъ играть лишь съ воцареніемъ частно-хозяйственнаго способа производства, лишь съ этихъ поръ они обращаются въ *систему*.

Слѣдя за развитіемъ налоговъ съ самого ихъ зарожденія, не трудно замѣтить, что на ихъ судьбахъ отражались всѣ перипетіи внутренней исторіи народовъ, ихъ обликъ въ данный моментъ опредѣлялся соотношеніемъ общественныхъ силъ. Если въ исторіи государственныхъ доходовъ вообще рѣшающую роль играла, какъ мы видѣли, экономическая организація въ связи съ развитіемъ политическихъ формъ, то въ исторіи налоговъ эта роль принадлежитъ борьбѣ классовъ, стремящихся къ политическому господству, — все равно, основывается ли эта борьба на сословныхъ прерогативахъ, происхождение которыхъ восходитъ къ родовому быту, или на антагонизмѣ экономическихъ интересовъ. Налоги имѣютъ ту или другую фізіономію, смотря по тому, какой слой населенія пользуется

*) Въ 6 европейскихъ государствахъ (Пруссія, Австрія, Італія, Франція, Великобританія и Россія) на вниманіе налоговъ тратится больше 223,3 мил. руб. (*Р. фонъ Кауфманъ*. Государственные и мѣстные расходы главнѣйшихъ европ. странъ, 103—115).

въ данную эпоху политической власти. «Всякій господствующій классъ дѣлаетъ господствующимъ принципомъ всѣхъ общественныхъ учреждений тотъ принципъ, на которомъ зиждется его господство, налагаетъ на всѣхъ ихъ исключительную печать этого принципа». Сосредоточивая въ своихъ рукахъ политическую власть, господствующій классъ тѣмъ или инымъ способомъ сваливаетъ всю тяжесть налоговъ на тѣ слои населенія, которые, въ силу юридическаго-ли или фактическаго безправія, не въ состояніи противиться этой своекорыстной политикѣ. *De facto* податное бремя лежитъ обыкновенно на элементѣ слабѣйшемъ въ экономическомъ или политическомъ отношеніи, а сильнѣйшій всегда находитъ возможность или прямо освободиться отъ обложенія, или переложить его на другихъ. Въ основномъ государствѣ, гдѣ преобладающую роль играетъ родовая знать и господствующимъ принципомъ является благородство происхожденія, налоги падаютъ исключительно на неблагородныхъ (*misera plebs contribuens*), къ которымъ принадлежатъ крестьяне и торговые люди. Привилегированное положеніе, въ которомъ здѣсь вообще находится высшее сословіе, распространяется и на область налоговъ: дворянство, не смотря на свои огромныя земельныя богатства, исполняетъ только личную службу, за которую оно получаетъ не малое вознагражденіе, и какъ принципиально такъ и фактически свободно отъ налоговъ. Податныя привилегіи родовой аристократіи, наряду со всѣми другими ея прерогативами, не возбуждали никакихъ сомнѣній у тогдашнихъ государственныхъ людей. Въ тѣ времена государственная власть мало заботилась о правильномъ подборѣ предметовъ обложенія; облагалось все, что было возможно, но господствующее сословіе открыто признавалось свободнымъ отъ налоговъ. Руководящимъ принципомъ здѣсь было именно благородство происхожденія, а не земельное богатство, какъ думаютъ иные (напр., Лассаль). Это видно, между прочимъ, изъ того, что если неблагородный (напр., купецъ) приобреталъ землю, то онъ этимъ самымъ еще не освобождался отъ налоговъ; напротивъ, свободу отъ обложенія получалъ всякій, кто покупалъ «титულъ благородства». Лишь въ послѣдствіи, когда, благодаря нуждѣ королей въ деньгахъ, этой искусственной знати расплодилось несмѣтное множество, первоначальный принципъ мало по малу теряется, уступая свое мѣсто богатству, но тогда богатство заключалось ужъ не въ одной землѣ, а и въ денежномъ капиталѣ. Такимъ образомъ, въ феодальномъ государствѣ политическое господство основывалось на родовомъ принципѣ, на немъ же основывались и податныя привилегіи. Первое ограниченіе господство это терпѣть со стороны клира, который, отвоевавъ себѣ земную власть посредствомъ «духовнаго» оружія, становится вторымъ сословіемъ и приобретаетъ тѣ же привилегіи, какъ первое. Аристократія и духовенство вершатъ судьбу феодальнаго сословнаго государства, и въ результатъ получается страшный гнетъ налоговъ, подъ которымъ стономъ стонутъ «под-

ные люди». Податное бремя падаетъ на третье сословіе, т. е. на всѣхъ, кромѣ аристократіи и духовенства. Дѣло нисколько не измѣнилось, когда въ сословномъ государствѣ водворился абсолютизмъ. Высшія сословія сохранили свои прерогативы въ полномъ видѣ; по отношенію къ прочимъ классамъ населенія они остались господствующими не только *de facto*, но и *de jure*. Свое первенство они потеряли только передъ лицомъ монарха, который, не смотря на свою абсолютную власть, никогда не рѣшался лишить ихъ привилегій. Подъ давленіемъ военныхъ нуждъ монархъ иногда прибѣгалъ къ обложенію, распространявшемуся и на высшія сословія, но въ такихъ случаяхъ они незначительными единовременными взносами откупались отъ налоговъ, оставаясь по существу при старыхъ привилегіяхъ.

Къ концу среднихъ вѣковъ въ Европѣ вырастаетъ новая сила — города. Благодаря развитію торговаго оборота и открытію новыхъ странъ, ихъ матеріальныя силы растутъ съ неимоверной быстротой, а съ тѣмъ вмѣстѣ растетъ и самосознаніе городского класса. По мѣрѣ увеличенія роли движимаго капитала въ общественной жизни, горожане начинаютъ стремиться и къ политической власти. Покупая титулы благородства у сильно нуждающихся въ деньгахъ королей и давая имъ «взаимы» крупныя суммы для ихъ личныхъ и военныхъ потребностей, горожане съ каждымъ днемъ все болѣе убѣждаются, что ихъ богатства составляютъ истинную опору государства, что безъ ихъ денегъ кичливая аристократія не могла бы пожинать побѣдныхъ лавровъ на полѣ брани. Горожане начинаютъ стремиться къ тому, чтобы стать третьимъ сословіемъ; между ними и привилегированными классами возгорается продолжительная борьба за преобладаніе, то глухая, подпольная, то явная, открытая. Королевская власть нерѣдко содѣйствуетъ притязаніямъ городскихъ классовъ, съ одной стороны потому, что она вѣчно нуждается въ деньгахъ, а съ другой, потому, что она надѣется съ ихъ помощью сломить могущество аристократіи, враждебной ея абсолютическимъ тенденціямъ. На зарѣ новой исторіи городскимъ классамъ удается тамъ и самъ проникнуть и въ представительныя собранія, но такъ какъ они тамъ составляютъ незначительное меньшинство, то рѣшительнаго значенія не могутъ имѣть. Этого, однако, имъ достаточно, чтобы приобрести твердую точку опоры для своихъ стремленій. Въ началѣ борьба ведется главнымъ образомъ на почвѣ налоговъ, и на первомъ планѣ стоятъ тутъ, конечно, податныя привилегіи, противъ которыхъ зарождающаяся буржуазія начинаетъ жестокую войну. Она выставяетъ требованіе всеобщности обложенія, которое, отрицая всякія изыятія отъ налоговъ, прямо направлено противъ высшихъ сословій. Такъ какъ, даже, дворянство и духовенство владѣютъ огромными помѣстьями, приносящими крупныя доходы, то выставяется другое требованіе: налогъ долженъ быть пропорціоналенъ доходу. Правда, оба эти требованія

поражаютъ и буржуазію, но она, во-первыхъ, и безъ того платитъ большіе налоги, притомъ безъ всякаго соотвѣтствія съ доходностью своихъ имуществъ, а во вторыхъ, она прекрасно понимаетъ, что истинную величину дохода отъ денежныхъ капиталовъ гораздо легче скрыть отъ государственныхъ органовъ, чѣмъ доходы отъ земель. Та форма обложенія, которая была предложена буржуазіей и ея идеологами, есть не что иное, какъ т. н. *Ertragsteuer*, при которой констатируется не общій доходъ лица, а доходность того или другого податнаго объекта. Теорія фیزیократовъ, предлагающихъ введеніе единого налога на землю, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ стремленіямъ третьяго сословія. Само собою разумѣется, что господствующіе классы вовсе не расположены безъ борьбы уступить поле битвы непріятелю и систематически отвергаютъ всякія реформы, клонящіяся къ удаленію ихъ привилегій. Не будучи, однако, въ состояніи удержать въ полной силѣ прежнюю форму обложенія, падавшую всей своей тяжестью на третье сословіе, господствующіе классы выдвигаютъ на первый планъ косвенные налоги, маскирующіе неравномѣрность обложенія. Буржуазія на первыхъ порахъ примиряется съ этимъ безмолвнымъ компромиссомъ, тѣмъ болѣе, что косвенные налоги болѣе всего обременительны для низшихъ слоевъ третьяго сословія, не имѣющихъ представителей въ законодательныхъ собраніяхъ; но, по мѣрѣ того, какъ ряды ея увеличиваются и богатства умножаются, жажда власти охватываетъ ее все болѣе и болѣе. Съ ростомъ самосознанія усиливается ея стремленіе совершенно оттѣснить первыя два сословія отъ власти и самой занять ихъ мѣсто. Это, какъ извѣстно, ей удается. Наступаетъ царство буржуазіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и того принципа, на которомъ основывается ея историческое значеніе, — движимаго капитала. Теперь роли мѣняются: изъ наковальни она обращается въ молотъ, который нещадно бьетъ всѣхъ, не принадлежащихъ къ ея рядамъ. Всеобщность и «соразмѣрность» съ доходами становятся господствующими принципами обложенія; объявляются съ достоподобной торжественностью свобода и равенство не только въ политической области, но и въ финансовой. Однако, эти громкія формулы имѣли и обратную сторону: благодаря всеобщности, обложенію подлежатъ, правда, и «благородные», но въ то же время не дается пощады и нищему, живущему впроголодь. Въ силу пропорціональности, богатый платитъ, правда, больше бѣднаго, но у богача за уплатой налога остается еще громадный излишекъ, идущій на прихоти, а у бѣдняка налогъ отнимаетъ насущный кусокъ хлѣба. Для народной массы, при помощи которой буржуазія достигла власти, не произошло никакихъ улучшеній. Она по-прежнему изнемогаетъ подъ бременемъ налоговъ, съ тою лишь разницей, что раньше господствующіе классы открыто выставили свои привилегіи, а теперь они прикрываются мантией равенства и равномѣрности. Въ дѣйстви-

тельности же, подобно тому, какъ раньше дворянство и духовенство взваливали всю тяжесть налоговъ на торговый классъ и трудящуюся массу, такъ теперь буржуазія, въ свою очередь, слагаетъ податное бремя съ себя на другіе классы — землевладѣльцевъ, крестьянъ и рабочихъ. Характеристическая черта новой податной системы состоитъ въ томъ, что прямые налоги падаютъ главнымъ образомъ на недвижимыя имущества и трудъ, тогда какъ доходы съ движимыхъ капиталовъ или вовсе не облагаются, или очень легко, а косвенные налоги ограничиваются обложениемъ предметовъ первой необходимости; и тѣ, и другіе больше всего поражаютъ трудящуюся массу.

Но и господство буржуазіи вызываетъ противъ себя протестъ, идущій со стороны неимущихъ классовъ, складывающихся въ четвертое сословіе. Предъявляемое неимущими классами право на человѣчески достойное существованіе выражается въ финансовой области въ двухъ принципахъ: въ освобожденіи отъ налоговъ извѣстнаго *minimum'a* дохода и въ болѣе сильномъ привлеченіи богатыхъ классовъ къ участию въ податномъ бремени. Эти принципы сводятся на практикѣ къ уничтоженію косвенныхъ налоговъ на предметы потребленія народной массы и къ введенію прогрессивнаго начала въ систему прямыхъ налоговъ. Лозунгомъ рабочаго класса является прогрессивность обложения, подобно тому, какъ лозунгомъ буржуазіи была пропорціональность. На этой-то почвѣ и происходили тѣ многочисленныя финансовыя битвы, которыми полна исторія Европы во 2-й половинѣ XIX столѣтія. Буржуазія, подвергаясь сильной атакѣ въ своихъ насущныхъ интересахъ, цѣлко держится буржуазныхъ началъ обложения, объявивъ ихъ единственно удовлетворяющими требованіямъ справедливости. Эта борьба продолжается до сихъ поръ съ переменнымъ счастьемъ. Тамъ, гдѣ, въ силу особыхъ историческихъ условій, неимущимъ классамъ удалось пріобрѣсть нѣкоторое политическое вліяніе, буржуазія вынуждена была пойти на уступки и допустить преобразование податной системы на началахъ соціальной справедливости. Въ большей же части европейскихъ странъ обложеніе въ существенныхъ чертахъ остается глубоко буржуазнымъ.

II.

Таково историческое развитіе основныхъ тенденцій податнаго обложения, красной нитью проходящихъ черезъ исторію всѣхъ культурныхъ странъ. При всемъ разнообразіи, представляемомъ историческими судьбами европейскихъ государствъ, начиная съ первыхъ шаговъ политической жизни и кончая современностью, не трудно уловить эволюцію общаго характера налоговъ. Наиболѣе типична въ этомъ отношеніи Франція, гдѣ эволюція налоговъ выразилась въ болѣе чистомъ видѣ. Исторія французскихъ налоговъ

естественнымъ образомъ дѣлится на два большихъ періода, изъ которыхъ одинъ обнимаетъ податную систему «старого порядка», а другой-систему, установившуюся во время великой французской революціи и оставшуюся въ полной силѣ до сего дня. Эти періоды находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ ходомъ исторіи Франціи, въ которой до 1789 года господствующими классами были первое и второе сословія, а съ этого момента ареной политической и социальной жизни всецѣло овладѣла буржуазія, удерживающая ее по нынѣ. Разнообразные налоги, существовавшіе до революціи (постоянно или временно), носили одинъ и тотъ же характеръ: главной своей тяжестью они падали на тѣ слои населенія, которые въ то время, не смотря на различіе своихъ экономическихъ интересовъ, противопоставлялись въ качествѣ третьяго сословія дворянству и духовенству, пользовавшимся свободой отъ налоговъ: «Просьбы провинціальныхъ и генеральныхъ штатовъ,—говоритъ Кламажеранъ*),—жалобы парламентовъ, статьи публицистовъ, переписка министровъ, мемуары современниковъ,—все они единогласно свидѣтельствуютъ о неравномѣрномъ распредѣленіи прямыхъ налоговъ, начиная съ среднихъ вѣковъ до 1789 года. Это подтверждается и многочисленными ордонавсами, которые своими распоряженіями относительно *taille* обнажаютъ язвы тогдашняго финансоваго строя... Изъ всѣхъ документовъ вытекаетъ одинъ фактъ, принадлежащій къ числу безстыднѣйшихъ фактовъ нашей исторіи: постоянное обремененіе бѣдныхъ людей въ пользу богатыхъ. Не только существовали цѣлые классы, которые, въ силу самаго политическаго строя, пользовались свободой отъ налоговъ, но и среди самихъ плательщиковъ господствовало полное неравенство: богатый собственникъ сваливалъ часть податнаго бремени на бѣднаго, лишеннаго вліянія или покровительства». При установленіи новаго налога считалось само собою разумѣющимся правиломъ, что двухъ высшихъ сословій онъ не касается. Когда, при особѣ критическихъ обстоятельствахъ, приходилось привлекать къ обложенію и привилегированные классы, то это дѣлалось съ всяческими извиненіями и оговорками, ссылками на безвыходное положеніе государства, увѣреніями, что новый налогъ будетъ отмѣненъ немедленно по минованіи надобности. Когда Людовику XIV, въ виду стѣсненныхъ обстоятельствъ, пришлось ввести налогъ, задѣвавшій привилегіи знати, то онъ долго колебался, сомнѣваясь въ своемъ правѣ облагать высшія сословія. Мучимый сомнѣніями, онъ обратился къ авторитетному голосу Сорбонны, и когда послѣдняя высказалась въ положительномъ смыслѣ, король, принявъ окончательное рѣшеніе, говорить, заплакалъ. Тотъ самый человекъ, который не поколебался обложить налогомъ посуду бѣдняка и обогатилъ себя кровью бретанскихъ крестьянъ, вставшихъ противъ чрезымѣрныхъ податей, который съ нескрываемымъ удоволь-

*) *Clamagérans*. Histoire de l'impôt en France. I, предисл. LVII.

ствіемъ предавалъ протестантовъ самымъ возмутительнымъ казнямъ,—не могъ совладать съ своими нервами, когда ему пришлось взять грошъ изъ кармана «благородныхъ» богачей...

Въ до-революціонной Франціи центромъ тяжести прямого обложенія была *taille* (личный и поземельный налогъ), отъ которой пользовались изъятіемъ какъ личность благородныхъ, такъ и ихъ земли. Этотъ налогъ, составлявшій крупную часть бюджета тогдашней Франціи *), былъ однимъ изъ обременительнѣйшихъ для бѣднаго люда налоговъ. Память о немъ жива понынѣ въ массѣ французскаго народа, и стоитъ только при проектѣ ка-кого-нибудь новаго налога показать его сходство, хотя бы вѣйшее, съ *taille*, какъ противъ него тотчасъ поднимется сильное недовольство народной массы. Имѣя дѣло съ налогами стараго режима, мы ни на минуту не выходимъ изъ сферы либо полнаго изъятія привилегированныхъ классовъ отъ обложенія, либо различныхъ льготъ, сводившихъ платежи дворянства и духовенства къ нулю. Такъ, въ 1695 году была введена поголовная подать (*capitation*), которая должна была падать безъ исключенія на всѣхъ французовъ, раздѣленныхъ на 22 класса. Но всеобщность обложенія здѣсь была только номинальная. Привилегированныя сословія мало по малу, единовременной уплатой незначительной суммы, откупались отъ налога, такъ что, по словамъ Тюрго, капиталія привилегированныхъ классовъ постепенно дошла до *minimum'a*, а капиталія податныхъ сословій достигла цифры самой *taille*. Въ промежутокъ времени отъ введенія этой подати до эпохи Тюрго капиталія дворянина уменьшилась на $\frac{3}{4}$ и даже $\frac{1}{6}$, а капиталія крестьянина увеличилась въ 10 разъ. Третье сословіе Немура жалуется въ своихъ *sahiers*, что дворяне въ видѣ капиталіи платятъ около $\frac{1}{100}$ своего дохода, а крестьяне около $\frac{1}{11}$. То же самое показываютъ протоколы провинціальныхъ собраній Иль де-Франса и Орлеанна. Въ Верхней Гіени въ 1783 году капиталія дворянства и чиновничества была значительно уменьшена, а капиталія, платимая народомъ, осталась безъ перемѣны. Мало того: недоимки дворянъ забывались съ большою снисходительностію, и это было однимъ изъ средствъ для избавленія себя отъ платежа. Какіе широкіе размѣры принимало накопленіе дворянскихъ недоимокъ, можно видѣть изъ того, что въ 1775 году, напримѣръ, многіе дворяне не уплатили капиталіи за 1767 годъ. Духовенство вовсе избавилось отъ капиталіи, замѣнивъ ее незначительными добровольными приношеніями до 3-хъ милліоновъ въ годъ, да и тѣ не всегда уплачивались: въ 1788 году оно уплатило всего 1 мил. 800 тыс., а въ 1789 году совсѣмъ отказалось платить. То же самое нужно сказать о третьемъ главномъ видѣ прямыхъ налоговъ—*vingtième* («двадцатая денѣга»).

*) Въ 1775 году *taille* составляла 65,6% всей суммы налоговъ и почти $\frac{1}{2}$ всего доходнаго бюджета.

Дворяне платили только половину и даже треть того, что должны были платить, имѣнія же бѣдныхъ людей обложены были со всей строгостью. Сюда слѣдуетъ присоединить еще и то, что всѣ другія повинности (милиція, солдатскій постоя, дорожная повинность) отбывались исключительно непривилегированными сословіями. Такимъ образомъ, почти вся масса налоговъ и повинностей падала на третье сословіе. По вычисленію Моро де-Жоннеса, въ началѣ XVII вѣка 3-е сословіе платило 77% всѣхъ налоговъ, а привилегированныя сословія 23%. Передъ революціей духовенство уплачивало государству въ видѣ налоговъ не больше четверти своихъ доходовъ, дворянство только $\frac{1}{6}$, а 3-е сословіе $\frac{2}{3}$. Cahier Немурускаго балъяжа жалуется, что изъ 12 сноповъ 4 уходятъ на налоги. Въ Шампани налоги колеблются между 54 и 71% валового дохода, въ Иль де-Франсѣ они составляютъ около 42%, въ Оверни болѣе 55%, иногда даже 85%, въ приходѣ Valves они равняются 65%. Тѣ же налоги платили и люди, ничего не имѣющие. Поденщикъ въ Тулузѣнѣ, получавшій 10 су въ день, платилъ капитаціи 8, 9 и 10 ливровъ; въ Бургундіи простой батракъ платилъ отъ 18 до 20 ливровъ *).

Многочисленныя изыятія и привилегіи примѣнялись также къ косвеннымъ налогамъ, имѣвшимъ громадное распространеніе и не щадившимъ ничего, что только можно было обложить. Неравномѣрность и тутъ была поразительная; привилегированное положеніе высшихъ классовъ выступало здѣсь съ такой же откровенностью, какъ и въ прямыхъ налогахъ. Товары разной цѣнности платили одинаковый налогъ, причемъ розничная торговля облагалась сильнѣе оптовой. Поэтому лица, употреблявшія дорогіе товары, платили относительно меньше тѣхъ, которые употребляли товары дешевые. Кромѣ того, высшіе классы при потребленіи продуктовъ нерѣдко прямо освобождались отъ налоговъ или уплачивали только часть. Такъ, въ водочномъ бюро Фландріи крестьяне платили за водку 3 ливра 10 су, а дворяне только 2 ливра 7 су. Въ балъяжѣ Дуэ крестьяне платили за водку 3 л. 5 су, а привилегированные 2 л. 10 су. Если еще принять во вниманіе злоупотребленія сборщиковъ податей, которые изъ личныхъ соображеній давали разныя льготы знатымъ и богатымъ людямъ **), увеличивая тягости бѣдныхъ, то получимъ полное представленіе о томъ гнетѣ, который лежалъ на народной массѣ и на третьемъ сословіи вообще ***).

*) Н. Картезъ. Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка. 169—174.

**) «Богѣе или менѣе богатый человекъ иногда просто говорилъ сборщику податей, что онъ незатѣ, и сборщикъ уходилъ ни съ чѣмъ, боясь подвергнуться наказанію за взысканіе подати съ изыятаго отъ платежа лица» (*Ibid.*, 171—172).

***) «Достоинно готтентотовъ то государство, въ которомъ извѣстная группа людей можетъ сказать: «платить долженъ тотъ, кто работаетъ; мы

этотъ изъ года въ годъ росъ съ неизмѣрной быстротой. Такъ, въ приходѣ Жанвилль одна только *taille* съ 1715 г. до 1789 возросла болѣе чѣмъ въ $8\frac{1}{2}$ разъ. Въ деревнѣ Бурже налоги увеличились за 20 лѣтъ на 10%; въ Вермантонѣ съ 1687 по 1780 г. налоги поднялись съ 7897 ливр. до 12768. Приходъ *Pierreville* въ 1775 г. платилъ 1915 ливр., а черезъ 7 лѣтъ уже 4783 л. *).

Не удивительно, что *sahiers* третьего сословія полны горькихъ жалобъ на гнетъ налоговъ: «Во всѣхъ деревняхъ Франціи, говорится въ одномъ *sahier*, подымается крикъ народа, раздавленнаго непосильнымъ мисѣствомъ налоговъ, и этотъ крикъ возвѣщаетъ, что скоро будетъ самое полное истощеніе всѣхъ источниковъ обложенія». Въ другомъ *sahier* жалуются, что «бѣдному рабочему приходится платить и содержать тѣхъ, которые его бьютъ, выгоняютъ изъ дому, лишаютъ средствъ къ существованію **). Руанскій парламентъ сказалъ въ 1763 году: «Вашъ народъ, государь, несчастенъ; все свидѣлствуетъ объ этой печальной истинѣ. Потопъ налоговъ залилъ нещадно наши города и деревни; имущество, промыслы, личность гражданъ—все обложено; даже нищета сдѣлалась жертвой налога» ***). Въ 1759 году *Gilhouette* докладывалъ королю: «Бремя налоговъ уже очень тяжело; деревни находятся въ такомъ положеніи, что съ нихъ болѣе нечего взять» ****). Неккеръ въ своемъ докладѣ королю заявляетъ, что обложеніе достигло крайнихъ предѣловъ, отмѣченныхъ положеніемъ народа. О тяжести налоговъ еще краснорѣчивѣе свидѣлствуютъ многочисленныя народныя волненія, сплошь и рядомъ сопровождавшія взиманіе налоговъ. Тамъ и сямъ народъ прямо отказывался платить, такъ что приходилось посылать войска. «Съ незапамятныхъ временъ прямыя налоги поступаютъ не иначе, какъ при помощи гарнизона, и въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, такъ какъ они отнимаютъ почти половину чистаго дохода» *****).

Вмѣстѣ съ броженіемъ, происходившимъ въ народныхъ массахъ и прорывавшимся наружу въ видѣ открытыхъ возмущеній, недовольство существующимъ строемъ постепенно накоплялось и въ средѣ высшихъ слоевъ третьего сословія. Оно становится весьма замѣтнымъ уже съ семилѣтней войны. Книжный рынокъ наводняется брошюрами и памфлетами, полными рѣзкихъ нападокъ на правительство и господствующія сословія. По мѣрѣ роста самосознанія

ничего не должны платить, потому что мы правды». (*Voltaire. Oeuvres complètes*, t. 24, стр. 302).

*) *Kapner*, 167.

**) *P. J. Proudhon*, *Theorie de l'impôt*, 30.

***) *Sismondi*, *Histoire des Français*. XXXIX, 287.

****) *Charles Gomet*, *Les causes financières de la révolution française Les ministères de Turgot et de Necker*. 11.

*****) *Taine*, *Les origines de la France contemporaine. La Révolution*. I 17-me édit), 92.

въ буржуазіи и развитія экономическихъ идей, вращавшихся главнымъ образомъ вокругъ гнета налоговъ и несправедливости податныхъ привилегій, инстинктивная ненависть къ существующей системѣ налоговъ обращается въ сознательную. Къ концу царствованія Людовика XV буржуазные классы начинаютъ открыто требовать распространенія податнаго бремени и на оба высшія сословія. Господствующіе классы, съ своей стороны, крѣпко держатся своихъ льготъ и преимуществъ, и такъ какъ на ихъ сторонѣ правительство, а въ парламентахъ, судебныхъ учрежденіяхъ и собраніяхъ генеральныхъ штатовъ они имѣютъ большинство, то жалобы 3-го сословія остаются гласомъ вопіющаго въ пустынь. Попытки финансовыхъ реформъ, предпринимавшіяся правительствомъ подъ давленіемъ настоятельной нужды въ деньгахъ, никогда кореннымъ образомъ не посягали на существующую организацію налоговъ. Малѣйшій намекъ, въ которомъ знать могла усмотрѣть опасность для своихъ привилегій, возбуждалъ бурю негодованія, крики о потрясеніи основъ государственнаго строя. Ни Ришелье, ни Мазарини, ни Кольберъ, ни Сюлли не обнаружили серьезнаго намѣренія преобразовать систему налоговъ. Первую и единственную попытку этого рода можно было ожидать отъ Тюрго, но и онъ не успѣлъ осуществить своихъ намѣреній и палъ, лишь только преобразованиемъ дорожной повинности онъ задѣлъ интересы привилегированныхъ сословій. Тюрго несомнѣнно былъ представителемъ буржуазіи, въ которой одной видѣлъ опору для своей политики. Не смотря на крайнюю скромность его начинаній, на всю его осторожность, онъ возбудилъ противъ себя негодованіе аристократіи и ея представителей—парламентовъ и министровъ. Парижскій парламентъ отказался зарегистрировать эдиктъ короля о реформѣ дорожной повинности, что было необходимо для вступленія закона въ силу. Въ торжественномъ засѣданіи, состоявшемся въ присутствіи короля, первый президентъ парламента въ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждалъ эдиктъ, въ которомъ онъ усмотрѣлъ покушеніе на привилегіи знати. Съ еще большимъ цинизмомъ выступилъ генеральный адвокатъ, выразившій правительству порицаніе за то, что объявленная реформа смѣшиваетъ привилегированныя сословія съ остальной массой. «Меня возмутила рѣчь генеральнаго адвоката,—писалъ по этому поводу Вальполь,—отстаивавшаго ненавистные интересы знати и духовенства отъ жалобъ бѣдняковъ и употреблявшаго свое преступное краснорѣчіе, чтобы заставить короля пожертвовать интересами массъ ради привилегій немногихъ» *). Съ неменьшимъ жаромъ отстаивали интересы аристократіи представители правительства. Министръ Miromésnil писалъ Тюрго: «я долженъ сказать, что во Франціи привилегіи знати должны быть уважаемы; я полагаю, что прямой интересъ короля — ихъ поддержи-

*) Gomel, 202—203.

вать» *). Всеобщее недовольство аристократіи поколебало довѣріе короля къ Тюрго. Когда распространилась вѣсть объ отставкѣ генеральнаго контролера, то радости аристократіи, съ членами королевскаго дома во главѣ, не было предѣловъ. «Радость двора, писалъ Мирабо, выразилась въ восклицаніи М. d'Artois: наконецъ-то у насъ будутъ деньги!.. Но народъ опустилъ голову» **). Попытка Тюрго не могла увѣнчаться успѣхомъ, потому что буржуазія тогда не имѣла политическаго вліянія. Его ошибка состояла въ томъ, что, увѣренный въ нравственной поддержкѣ со стороны третьяго сословія, ***) онъ не позаботился дать ему фактическое участіе во внутреннемъ управленіи. Реформу провинціальныхъ собраний онъ поставилъ на задній планъ, между тѣмъ какъ съ этого онъ долженъ былъ начать. Если бы онъ рѣшился созвать генеральныя штаты, то успѣхъ тогда былъ бы несомнѣнно на его сторонѣ, такъ какъ буржуазія преобладала бы численно ****). Послѣдующія событія вполне подтвердили это.

Въ 1789 году буржуазія восторжествовала, и первымъ дѣломъ ея была отмѣна ненавистныхъ привилегій высшихъ сословій и уничтоженіе старой системы налоговъ какъ прямыхъ, такъ и косвенныхъ. Декретъ національнаго собранія отъ 7 октября 1789 года объявилъ: «Всѣ налоги и общественныя тягости должны падать на всѣхъ гражданъ и собственниковъ, соразмѣрно ихъ состоянію и платежнеспособности». Здѣсь буржуазія выразила свою податную *profession de foi*: отсутствіе всякихъ изъятій и пропорціональность обложенія. Эти два координатныхъ принципа цѣликомъ перешли въ декларацію правъ, конституціи 1791, 1795 гг. и во всѣ позднѣйшія. Движеніе 1789 года носило на себѣ буржуазный характеръ. Это видно, между прочимъ, изъ того, что конституція 1791 года лишила батраковъ избирательныхъ правъ и установила цензъ какъ для права избранія, такъ и для права избираемости. Напротивъ, правительство 1793 года имѣло яркій демократическій характеръ: установивъ всеобщее избирательное право, оно вмѣстѣ съ тѣмъ провозгласило прогрессивный принципъ обложенія. Но торжество демократіи было слишкомъ кратковременно; ея идеи пронеслись блестящимъ метеоромъ, исчезнувшимъ безъ слѣда. Вся предшествовавшая исторія подготовила побѣду буржуазіи, но не рабочаго класса, въ которомъ еще не было сознанія антагонизма интересовъ труда и капитала. Съ 1795 года устанавливается въ исторіи французскихъ налоговъ буржуазный принципъ, торжество котораго продолжается, за исключеніемъ короткаго промежутка 1848 г., вплоть до нашихъ дней.

*) *Ibid.*, 174.

**) *Ibid.*, 221.

***) *Ibid.*, 146.

****) *De Lavergne. Les assemblées provinciales sous Louis XVI, préf. XII.*

Податная система, введенная въ эпоху великой революціи, состояла изъ 4-хъ главныхъ налоговъ: 1) поземельнаго (*contribution foncière*, зак. 1 дек. 1790 г.), 2) *contribution personnelle et mobilière* (зак. 13 янв.—18 февр. 1791 г.), состоявшаго изъ двухъ основныхъ частей, изъ которыхъ одна опредѣлялась трехдневной заработной платой, а другая — платой за квартиру; 3) промышленнаго налога (зак. 2—17 марта 1791 г.), величина котораго опредѣлялась въ зависимости отъ стоимости помѣщенія (10%), и 4) налога на окна и двери (зак. 24 ноября 1798 г.). Разсматривая эту систему, не трудно замѣтить три характерныя черты ея: 1) доходы отъ движимыхъ капиталовъ не подлежатъ налогу, 2) общій принципъ — пропорціональность обложенія, 3) размѣръ налога опредѣляется внѣшними признаками. Слѣдовательно, всеобщности налоговъ въ дѣйствительности не было: громадный классъ богачей, живущихъ процентами на капиталъ, пользовался изъятіемъ отъ обложенія. Тотъ именно классъ, который пользовался наибольшимъ вліяніемъ въ эпоху революціи, эта «*bourgeois vivant noblement*», изъ рядовъ которыхъ рекрутировались «патріоты 1789 года» *), — сдѣлала себѣ маленькій подарокъ въ видѣ свободы отъ налоговъ. Привилегіи, принадлежавшія раньше благороднымъ по крови, перешли теперь къ благороднымъ по кошельку, съ тою лишь разницей, что тѣ, убѣжденные въ своемъ правѣ на преимущества, заявляли о томъ открыто *orgi et urbi*, а эти, на словахъ протестуя противъ всякихъ изъятій, фактически создали для себя преимущественное положеніе, замаскировавъ его въ обложеніи всѣхъ источниковъ дохода, кромѣ движимаго капитала. Эта привилегированность высшей буржуазіи не такъ бросалась въ глаза поверхностному наблюдателю, какъ прежде привилегированность дворянства и духовенства. Съ внѣшней стороны все тутъ прекрасно: рядомъ съ всеобщностью обложенія введена соразмѣрность съ доходомъ, такъ что справедливость торжествовала. Но это лишь буржуазная справедливость: въ то время какъ крупныя доходы отъ денежныхъ капиталовъ забыты, доходы отъ личнаго труда не оставлены безъ вниманія, и поденщику, еле добывающему себѣ пропитаніе, приходится отдать въ казну свою трехдневную плату, чтобы, живя всегда впроголодь, три дня голодать вполнѣ. Далѣе, доходы отъ промысловъ платятъ 10% со стоимости помѣщенія; но такъ какъ размѣры помѣщенія и плата за него зависятъ не отъ величины оборотовъ и прибыли, а отъ особенностей промысла, то малые доходы удѣляли въ дѣйствительности большую долю, чѣмъ крупныя. То же имѣетъ мѣсто въ отношеніи къ *contribution mobilière*, опредѣляющейся платой за занимаемую квартиру: тотъ фактъ, что бѣдная семья уплачиваетъ за квартиру большую часть своего заработка, чѣмъ богатая, не подлежитъ спору; во Франціи средняя семья затрачи-

*) *Taine*, назв. соч., I, 416.

вает на квартиру $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{3}$ своего дохода, тогда какъ у бѣдныхъ расходъ на квартиру равняется $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{6}$ дохода *). Что касается обложенія оконъ и дверей, то негѣность налога на свѣтъ и воздухъ не нуждается въ объясненіяхъ. Такимъ образомъ, пропорціональность обложенія сводится къ обремененію бѣдняка, а всеобщность означаетъ привлеченіе къ налогу нищеты. Неравномѣрность, влекущая за собою отягощеніе бѣднѣйшихъ классовъ, усугубляется еще общимъ характеромъ податной системы, въ основаніи которой лежатъ внѣшніе признаки (величина земельного участка, плата за квартиру, помѣщеніе для промысла). Здѣсь особенности индивидуальнаго хозяйства вовсе не принимаются во вниманіе, между тѣмъ какъ при современномъ развитіи хозяйственного оборота доходность предпріятій часто и сильно мѣняется, въ зависимости отъ условій мѣста и времени, личной инициативы, случайныхъ удачъ, связанныхъ съ конъюнктурой и проч. Облагая не индивидуальный доходъ, фактически получаемый даннымъ лицомъ, а ту абстрактную выгоду, которая можетъ быть вычислена на основаніи того или другого внѣшняго признака; государство поражаетъ одного плательщика больше, чѣмъ другого; внося одинаковый налогъ, они на самомъ дѣлѣ имѣютъ разные доходы. Не говорю уже о томъ, что измѣреніе доходности количествомъ извѣстнаго признака не можетъ не быть произвольно. Поэтому, всякая система, основанная на внѣшнихъ признакахъ (такова Ertragsteursystem), а не на опредѣленіи фактическаго дохода плательщика, страдаетъ неравномѣрностью, неизбежной даже вопреки намѣреніямъ законодателя. Французская революція, провозгласивъ принципы всеобщности и равномѣрности, установила податную систему, освобождающую отъ налоговъ крупную буржуазію, обременяющую малые доходы въ пользу большихъ и вообще взваливающую податное бремя на низшіе классы. Народная масса мало выиграла отъ податныхъ реформъ революціонной эпохи.

Всѣ перипетіи, которыя пережила Франція отъ первой революціи до упроченія третьей республики, не оказали существеннаго вліянія на податную систему. Привилегированное положеніе буржуазіи, обремененіе трудящагося класса и теперь составляютъ главную характерную черту французскихъ налоговъ. Незначительныя преобразованія старой системы и введеніе 4%-наго налога на денежныя капиталы не внесли существенныхъ перемѣнъ и нисколько не уменьшили ни привилегированности богатыхъ классовъ, ни крайней неравномѣрности податнаго бремени вообще. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на бюджетъ третьей республики, чтобы увидѣть, на какіе слон населенія падаетъ главная тяжесть государственныхъ доходовъ. Одна четверть доходнаго бюджета приходится на долю налоговъ, получаемыхъ подъ разными наименовані-

*) В. Судейкинъ, Прямые налоги и ихъ организація во Франціи, 114.

ями съ поземельной собственности, между тѣмъ какъ съ торговли и промышленности получается не болѣе $\frac{1}{12}$ государственныхъ доходовъ. А обложеніе поземельной собственности во Франціи есть по преимуществу обложеніе крестьянъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ всего числа плательщиковъ поземельнаго налога 61,02% приходится на долю мелкихъ собственниковъ, имѣющихъ не больше 1 гектара земли, тогда какъ участками до 200 гектаровъ владѣтъ не больше 0,22%, а выше 200 гектаровъ всего 0,12% *). Слѣдовательно, главную массу плательщиковъ поземельнаго налога составляютъ мелкие собственники—крестьяне. Что касается неравномѣрности, то она очень краснорѣчиво выражается слѣдующими цифрами: поземельный налогъ составляетъ въ среднемъ 4,68% съ чистаго дохода, а съ добавочными сентимами 9,20%; обложеніе торговли и промышленности составляетъ 3% съ чистаго дохода, а съ добавочными сентимами 6%, т. е. недвижимая собственность обложена въ $1\frac{1}{2}$ раза сильнѣе торговли и промысловъ; налогъ на строенія беретъ 2,65% съ дохода, а съ добавочными сентимами 5,43%. Если принять во вниманіе, что патентный сборъ обыкновенно передается на потребителя, то станетъ вполне яснымъ, что главная тяжесть налоговъ падаетъ на народную массу, тогда какъ господствующій классъ уплачиваетъ ничтожную сумму, получающуюся отъ сбора съ процентныхъ бумагъ.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло только съ прямыми налогами, а между тѣмъ со времени вступленія во власть Наполеона I вплоть до нашихъ дней косвенные налоги прогрессировали съ неизмѣрною быстротой, составляя подавляющую часть бюджета. Если мы рассмотримъ бюджеты Франціи съ 1801 до 1883 г., взявъ годовыя среднія по періодамъ: 1801—14, 1815—30, 1831—47, 1848—51, 1852—70, 1871—83 (владычество Наполеона I, реставрація Бурбоновъ, мѣщанская монархія Луи Филиппа, вторая республика, вторая имперія, третья республика), то найдемъ, что прямые налоги непрерывно падали, составляя въ первый періодъ 42,4% общаго бюджета, во второй 38,1%, въ третій 33,9%, въ четвертый 34,0%, въ пятый 27,7%, въ шестой 23,1%, тогда какъ косвенные налоги, напротивъ, безостановочно росли: 41,8%—55,4%—59,3%—57,2%—62,5%—66,7%. Къ тому же результату придемъ мы, если, вмѣсто процентнаго отношенія обоихъ видовъ налога къ общему бюджету за данный періодъ, возьмемъ абсолютныя цифры бюджетовъ за одинъ какой-либо годъ каждаго изъ этихъ періодовъ; мы найдемъ, что съ 1830 до 1885 г. прямые налоги возросли на 144,8%, а косвенные на 394,5%. Для характеристики собственно третьей республики сравнимъ бюджеты 1870 и 1894 гг.: послѣдній превышаетъ первый на 1847,7 мил. фр.; изъ этой суммы 9,1% приходится на долю прямыхъ налоговъ, а 82,4% на долю косвенныхъ. Къ этому

*) *Ad. Wagner, Finanzwissenschaft, III, 447.*

нужно прибавить, что косвенные налоги падают почти на *все* предметы массового потребления, не исключая бумаги, свѣчей, спичекъ, уксуса и пр. Такое развитіе косвенныхъ налоговъ, *падающихъ главнымъ образомъ на предметы первой необходимости*, очень характерно для буржуазнаго режима современной Франціи. Въ финансовой наукѣ считается неоспоримымъ фактомъ, что налоги на предметы потребления обременяютъ бѣдные классы несравненно больше, чѣмъ богатые *); кромѣ того, во Франціи обложены тѣ именно предметы, которые употребляются бѣднѣйшимъ людемъ: водка, сахаръ, кофе, сѣрные спички, соль, восковые свѣчи, табакъ и пр. *). Словомъ, французская система налоговъ, взятая въ цѣломъ, не удовлетворяетъ даже принципамъ буржуазнаго кодекса—всеобщности и пропорціональности обложенія, не говоря уже о принципахъ, выдвинутыхъ современной финансовой наукой—прогрессивности обложенія и освобожденіи отъ налога известнаго *minimum'a* дохода.

Непомѣрное обремененіе трудящихся классовъ **) не могло не вызывать недовольства всякій разъ, когда рабочему классу удавалось заставить выслушать свои требованія. Въ революцію 1848 года впервые сказалось классовое самосознаніе въ рабочей средѣ; тогда впервые рабочий классъ выступилъ отдѣльно отъ буржуазіи и противъ нея. И февральская республика первая сдѣлала попытку измѣнить податную систему въ направленіи, благоприятномъ народной массѣ. Уже черезъ 5 дней послѣ низверженія Луи Филиппа временное правительство возвѣстило, что необходима болѣе справедливая система налоговъ. Въ своей деклараціи отъ 16 марта 1848 г. Гарнье Паже заявилъ, что самый справедливый налогъ—это подоходный на подобіе британскаго *income-tax*. Въ 1849 году Гарнье Паже предложилъ отмѣнить соляной налогъ, обложеніе напитков и мяса и установить взамѣвъ этого прогрессивное обложеніе собственности и налогъ на нѣкоторые предметы роскоши. Но всѣ эти реформы были уничтожены, какъ только вторая республика прекратила свое существованіе, и установился режимъ Наполеона III.

При третьей республикѣ вопросъ о прогрессивно-подоходномъ налогѣ возбуждался неоднократно. Чуть-ли не при каждомъ внесеніи въ палату проекта бюджета депутаты лѣвой выступали съ предложеніемъ пополнить дефицитъ прогрессивнымъ обложеніемъ доходовъ. Но всякій разъ оппортунисты, составляющіе большинство въ

*) Косвенные налоги занимали видное мѣсто и при сословномъ режимѣ; разница только въ ихъ организаціи: прежде облагалось все безъ разбора, причемъ сильно стѣснялись торговля и промышленность; теперь косвенное обложеніе специализировалось, поражая предметы *массового* потребления, т. е. падая главной своей тяжестью на рабочіе классы.

**) Во Франціи бѣдное семейство уплачиваетъ въ видѣ налоговъ до 20% своего заработка, тогда какъ на среднюю французскую семью вообще приходится не больше 14%. (*Cavaignac. Pour l'impôt progressif, 1895, 74—75*).

палатѣ, единодушно поднимались противъ всякой попытки реформъ, и дѣло кончалось тѣмъ, что дефицитъ покрывался повышеніемъ косвенныхъ налоговъ. Еще на нашихъ глазахъ происходила борьба между радикальнымъ министерствомъ Буржуа и законодательными собраніями,—борьба, окончившаяся тѣмъ, что Буржуа долженъ былъ уступить свое мѣсто крайнему протекціонисту и ярому защитнику интересовъ буржуазіи — Мелину. Характерно и то, что противники реформъ не рѣшались открыто выступить противъ самаго принципа прогрессивности и либо направляютъ свои стрѣлы на второстепенные недостатки проектов *), либо выставляютъ на видъ яко-бы социальную опасность, кроющуюся въ подоходномъ налогѣ. «Наша финансовая система, писалъ, напримѣръ, Леонъ Сэ **),—страдаетъ большими несовершенствами, но было бы очень опасно приступить къ радикальному ея преобразованію въ угоду такихъ доктринъ, осуществленіе которыхъ повело бы къ гибели нашего отечества». То же повторяетъ и Леруа-Болье ***) и многое множество другихъ идеологовъ буржуазіи. Они забываютъ, однако, что введеніе прогрессивно-подоходной системы налоговъ въ Пруссіи не повело не только къ гибели отечества, но и къ какимъ бы то ни было смутамъ.

III.

Въ Англіи исторія налоговъ въ существенныхъ чертахъ сходна съ исторіей французскихъ налоговъ; разница въ томъ, что переходъ отъ одной стадіи развитія къ другой, совершавшійся во Франціи путемъ насильственныхъ переворотовъ, здѣсь происходилъ постепенно, безъ особенныхъ внутреннихъ потрясеній. Въ то время, какъ во Франціи въ теченіе перваго періода родовая аристократія господствовала всецѣло и генеральные штаты,—единственное учрежденіе, въ которомъ третье сословіе могло заявить свои жалобы,—созывались изрѣдка, въ Англіи уже со 2-ой половины XIII столѣтія города получили представительство въ парламентѣ. Правда, политическая власть по-прежнему сосредоточивалась въ рукахъ аристократіи, и Нижней Палатѣ предоставлялось только присоединяться къ постановленіямъ Верхней, но все же, засѣдая непрерывно, она имѣла нѣкоторую возможность отстаивать свои интересы въ тѣхъ случаяхъ, когда высшіе классы слишкомъ явно ихъ нарушали. Не смотря на свое преобладаніе, родовой аристократіи волей-нево-

*) Такъ поступилъ, напримѣръ, докладчикъ бюджетной комиссіи Деломбръ. См. *Temps* отъ 13 марта 1896 г., suppl.

**) *Solutions démocratiques des impôts*. II, 273. См. также его новую книжку «Contre le socialisme».

***) См. его *Traité de la science des finances*, 1892, I, 140, 148, 159 и др., также рядъ статей, напечатанныхъ въ журналахъ за 1896 годъ и направленныхъ противъ проекта Думэ.

лей приходилооь падать интересы буржуазіи и въ особенно критическія для государства минуты поступаться въ нѣкоторой степени своими собственными интересами. Вотъ почему аристократическій характеръ перваго періода въ развитіи англійскихъ налоговъ выступаетъ не такъ рельефно, какъ во Франціи. Точно также во второмъ періодѣ буржуазная окраска податной системы смягчается красками, наложенными новѣйшими социальными движеніями. Исторія Англіи вообще отличается равномерностью развитія и относительно отсутствіемъ сильныхъ внутреннихъ потрясеній; элементы стараго порядка естественнымъ ходомъ вещей замѣнялись здѣсь новыми элементами, получавшими господствующее значеніе въ силу нормальнаго развитія. Этотъ общій характеръ англійской исторіи наложилъ свою печать и на развитіе налоговъ. Тѣмъ не менѣе, отличительныя черты каждаго изъ этихъ періодовъ могутъ быть и здѣсь констатированы съ достаточной опредѣленностью.

Привилегированное положеніе дворянства довольно рельефно выступаетъ уже въ Великой Хартіи 1215 года, въ силу которой дворяне облагаются только съ ихъ согласія, тогда какъ обложеніе другихъ сословій считается обязательнымъ. До начала XVII вѣка въ Англіи не было правильной системы налоговъ, и потому едва ли можетъ быть рѣчь о какой-либо общей тенденціи. Однако, несомнѣнно одно: это—особое пристрастіе къ поголовной подати, облагающей одинаково всѣ безъ различія состоянія, и сильное развитіе косвенныхъ налоговъ, обнимающихъ всѣ безъ исключенія предметы потребленія. Поголовная подать не была уничтожена, а даже увеличена, не смотря на вызванныя ею волненія крестьянъ (Jack Straw и Wat Tyler). Что касается косвенныхъ налоговъ, то ихъ распространеніе было доведено до необычайныхъ размѣровъ. «Трудно и сказать, на что еще можно бы было распространить акцизъ,— всѣ важнѣйшія потребности имъ охватывались: въ ѣдѣ — мясо и соль, въ платьѣ— всѣ матеріи, въ жилищѣ — дерево и желѣзо; отопленіе подвергалось особому обложенію черезъ налогъ на уголь» *). Чудовищное вздорожаніе продуктовъ, происходившее вслѣдствіе высокихъ акцизовъ и косвенныхъ налоговъ вообще, вызывало частыя волненія, для подавленія которыхъ правительство не находило ничего лучше военной силы. Жалобы и протесты раздавались со всѣхъ сторонъ, находя откликъ и въ литературѣ. Въ шутиломъ памфлетѣ, появившемся въ 1649 году подъ заглавіемъ «Протестъ женщинъ противъ акцизовъ», говорится: «Добрые люди! послушайте наши вопли и сжальтесь надъ несчастными, бѣдными женщинами. Мы не можемъ приготовить супъ, чтобы не наткнуться на акцизъ въ формѣ налога на соль, ни приготовить пирожковъ, не наткнувшись на то же. Пожелаемъ-ли выстирать наши рубашки—мы встрѣчаемъ акцизъ въ видѣ налога на мыло... Все обложено налогами: соль,

*) *И. Янгулъ*. Опытъ изслѣдованія англійскихъ косвенныхъ налоговъ, 15.

пиво, платье, перины и даже дѣтскія пеленки!» *). Въ этомъ всестороннемъ развитіи косвенныхъ налоговъ сказывается особенность отношеній классовъ въ тогдашней Англіи. Желая ввалить бремя налоговъ на непривилегированныя сословія, но встрѣчая протестъ со стороны Палаты Общинъ при всякой попыткѣ прямого обложенія буржуазіи, господствующій классъ прибѣгнулъ къ тому именно виду налога, который «обладаетъ въ высшей степени способностью производить иллюзію» **). Косвенные налоги всегда служили средствомъ, къ которому прибѣгали господствующіе классы, желая заставить другихъ нести на себѣ все бремя податей незамѣтнымъ для нихъ образомъ. Вѣкъ аристократіи въ этомъ отношеніи тѣмъ лишь отличается отъ вѣка буржуазіи, что въ первомъ случаѣ не пренебрегаютъ и налогами, стѣсняющими производство и обмѣнъ товаровъ, тогда какъ во второмъ система косвенныхъ налоговъ получаетъ такое устройство, при которомъ падаютъ интересы торговаго и промышленнаго класса и облагаются исключительно предметы потребленія народной массы. Вотъ почему англійскіе косвенные налоги до-буржуазной эпохи являются, главнымъ образомъ, въ видѣ акцизовъ, сильно стѣсняющихъ торговлю и промышленность. Вотъ почему англійская буржуазія, лишь только достигла нѣкотораго политическаго значенія, начинаетъ сильную агитацію противъ косвенныхъ налоговъ и, одержавъ побѣду, не уничтожаетъ ихъ совсѣмъ, а лишь преобразовываетъ, ограничивъ обложеніе предметами, употребляемыми низшими классами.

Своего апогея косвенные налоги достигли въ царствованіе первыхъ двухъ монарховъ Ганноверскаго дома, — царствованіе, которое по справедливости считается самымъ цвѣтущимъ временемъ владычества англійской аристократіи ***). Министръ Георга I и II, Робертъ Вальполь, заданъ мыслью уничтожить поземельный налогъ, падавшій на аристократію, и замѣнить его обложеніемъ производства. Министръ въ своей идеѣ сконцентрировалъ лишь заветныя мечты и постоянныя стремленія англійской аристократіи. Но это было слишкомъ откровенное покушеніе на карманы буржуазіи, — покушеніе, отнимавшее у косвенныхъ налоговъ ихъ чудодѣйственную способность производить иллюзію. Его планъ — однимъ почеркомъ пера освободить аристократію отъ прямыхъ налоговъ — не удался; но «это не помѣшало постепенно, нечувствительнымъ для плательщиковъ образомъ ввести подобную же систему, при которой прямое обложеніе доведено до *minimum*'а, а обложеніе предметовъ потребленія — до *maximum*'а. Правда, въ силу военныхъ потребностей и аристократіи пришлось себя нѣсколько обложить посредствомъ налога на предметы роскоши; но что это значило въ сравненіи съ

*) *Ibid.*, 25—26.

**) *Clamagèran*, I, пред. XIV.

***) *Чичеринъ*, О народномъ представительствѣ, 258—9.

налогомъ на предметы потребленія, дѣйствовавшимъ какъ худшая поголовная подать? Всякое употребленіе, всякое движеніе имущества было обложено, и изобрѣтательность государственныхъ людей нашла предѣлъ только въ невозможности открыть новые предметы обложенія» *).

Что касается прямыхъ налоговъ, то они, по мѣрѣ усиленія могущества аристократіи, постепенно теряли свое значеніе въ англійскомъ бюджетѣ и къ концу XVIII вѣка дошли до minimum'a. Наиболѣе ненавистенъ былъ для господствующей аристократіи поземельный налогъ, введенный въ 1697 году. И вотъ, всё ея усилія направляются къ тому, чтобы освободиться отъ этой тягости, хотя поземельный налогъ былъ болѣе чѣмъ умѣренный. Не говоря уже о томъ, что многія земли были очень низко оцѣнены**), — налогъ не повышался, хотя поземельная рента увеличилась съ 8 мил. ф. ст. въ концѣ XVII вѣка до 25 мил. въ концѣ XVIII. Однако, въ министерство Вальполя, этого яраго поборника интересовъ аристократіи, поземельный налогъ былъ значительно пониженъ. Еще дальше въ этомъ направленіи пошелъ Вил. Питтъ, установившій въ 1798 г. выкупъ поземельнаго налога на очень льготныхъ условіяхъ.

Весьма характерно было поведеніе аристократіи, когда Питтъ внесъ въ парламентъ свой другой законопроектъ: сильно нуждаясь въ деньгахъ для веденія французскихъ войнъ, онъ предложилъ парламенту прибавку къ существовавшимъ налогамъ на роскошь, — прибавку, увеличивавшуюся въ возрастающей прогрессіи по мѣрѣ роста дохода. «Но и этотъ въ высшей степени умѣренный шагъ встрѣтилъ такое сильное противодѣйствіе, что только чрезвычайно критическія обстоятельства могли сломить его» ***). Цѣлая буря поднялась противъ министра, который «новымъ необычнымъ, гнетущимъ, мучительнымъ налогомъ возбудилъ неудовольствіе всего народа» (такъ выражалась тогдашняя англійская печать). Въ парламентѣ застрѣльщиками противниковъ налога явились Фоксъ и Шериданъ, нападавшіе на законопроектъ, «посягавшій на собственность и устанавливавшій деспотизмъ и произволъ». Въ слѣдующемъ году налогъ былъ преобразованъ: вмѣсто надбавокъ, прямо введенъ прогрессивно-подходный налогъ (property and income tax), который взимался въ размѣрѣ отъ $\frac{1}{6}$ до 10% съ объявленнаго по содѣйстви дохода. Этотъ налогъ падалъ одинаково на поземельное имущество и движимые капиталы. Для Англіи представляется въ высшей степени характернымъ то, что первый крупный прямой налогъ не заключалъ въ себѣ изъятій для аристократіи: буржуазія

*) Vocke, Geschichte der Steuern des Britischen Reichs, 54. См. также Dowell, History of Taxation in England. 1885.

**) Объ этомъ свидѣтельствуетъ Синклеръ въ своей History of Public Revenue of the British Empire.

***) Vocke e, Geschichte etc., 51.

была уже достаточно сильна, чтобы не допустить явныхъ преимуществъ для господствующаго класса. Но, съ другой стороны, аристократія была слишкомъ могущественна, чтобы не вознаградить себя въ другомъ мѣстѣ за это посягательство на ея карманы. И дѣйствительно, Питтъ, ожидая большого дохода отъ обложенія богатой буржуазіи, распространилъ налогъ и на аристократію, но за то преобразовалъ поземельный налогъ, сведя его къ нулю. Задѣвая интересы обоихъ классовъ, пользовавшихся политическимъ вліяніемъ, налогъ Питта не могъ существовать долго. Лишь только окончились Наполеоновскія войны, во всей странѣ поднялась сильная агитація противъ подоходнаго налога. «Во главѣ агитаціи было лондонское купечество, которое на собраніи въ декабрѣ 1814 года составило петицію, требовавшую отмены налога; этому примѣру послѣдовали другіе города и въ февралѣ 1815 года представили парламенту петицію, покрытую безчисленнымъ множествомъ подписей. Въслѣдствіе этого, уже въ началѣ 1815 г. министерство имѣло намѣреніе отменить налогъ, но возвращеніе Наполеона съ Эльбы потребовало новыхъ денежныхъ средствъ, и намѣреніе было оставлено. За то, когда на слѣдующій годъ министерство предложило удержать подоходный налогъ въ бюджетѣ, хотя-бы въ половинномъ размѣрѣ, послѣдовала такая буря оппозиціи, въ парламентъ поступила такая масса петицій и адресовъ, въ обществѣ шла такая агитація противъ этого налога, что пришлось отменить ненавистную форму обложенія. Чтобы похоронить самую память объ этомъ налогѣ и по возможности въ будущемъ затруднить его возобновленіе, парламентъ, по предложенію лорда Брума, постановилъ уничтожить посредствомъ сожженія всѣ документы, имѣвшіе отношеніе къ нему» *).

До середины XVIII стол. Великобританія не очень высоко стояла въ промышленномъ отношеніи. Но великія открытія и изобрѣтенія быстро измѣнили положеніе дѣлъ: прядильная машина Харгрэвса и паровая Уатта дали могучій толчекъ промышленности. Богатства буржуазіи съ этихъ поръ растутъ съ неувѣроятной быстротой, а по мѣрѣ увеличенія ея экономическаго могущества возрастаетъ и стремленіе къ политическому господству. Но старая система выборовъ держала число буржуазныхъ представителей въ парламентѣ не на той высотѣ, которая соотвѣтствовала фактическому значенію буржуазіи. Такіе города, какъ Манчестеръ и Бирмингемъ, быстро выросшіе изъ маленькихъ мѣстечекъ въ крупные промышленные центры, вовсе не имѣли представителей въ парламентѣ, тогда какъ ничтожные городки, принадлежавшіе крупнымъ землевладѣльцамъ, посылали по нѣскольку депутатовъ **). Отъ такого порядка выборовъ страдалъ главнымъ образомъ промышленный классъ, и вотъ

*) И. Янжуль. Основныя начала финансовой науки, 373.

**) Такъ напр., герцогъ Норфолькъ располагалъ 11 голосами въ палатѣ, лордъ Лансдейль 9, Дарлингтонъ 7 и т. д.

съ начала XIX вѣка возникаетъ агитація въ пользу измѣненія избирательныхъ законовъ. Билль 1832 года, создавшій 40—50 новыхъ избирательныхъ единицъ и лишившій прежнихъ правъ мѣстечки съ населеніемъ не выше 2000 жителей, знаменуетъ собою побѣду буржуазіи. Съ этихъ поръ рѣшительное преобладаніе аристократіи падаетъ, и ея мѣсто занимаетъ промышленный классъ, власть котораго безостановочно растетъ.

Какъ только буржуазія достигла власти, тотчасъ же финансовая политика принимаетъ соответствующее направленіе. Однако, такъ какъ побѣда досталась буржуазіи не путемъ радикальнаго переворота, какъ во Франціи, а мирной реформой, то не произошло крутой перемѣны въ соотношеніи общественныхъ силъ. Подобно тому какъ раньше, при господствѣ аристократіи, буржуазія представляла силу, съ которой приходилось считаться, такъ теперь, при преобладаніи буржуазіи, аристократія сохранила за собою значительное вліяніе въ парламентѣ. Какъ раньше при проведеніи какого-либо билля, задѣвавшего интересы буржуазіи, приходилось выдерживать упорную борьбу съ нею, такъ теперь при проведеніи реформъ буржуазія вынуждена была считаться съ сопротивленіемъ аристократіи. Это характерно для Англіи, гдѣ старые элементы долго уживаются бокъ-о-бокъ съ новыми.

Уже въ началѣ 40-хъ годовъ финансовая политика Англіи пріобрѣтаетъ яркую буржуазную окраску. Исполнителемъ заветныхъ мечтаній торговаго и промышленнаго классовъ является Робертъ Пиль, этотъ ярый торі, понявшій стремленія эпохи и изъ сторонника аристократіи ставшій проводникомъ идей буржуазіи. Когда Пиль вступилъ въ министерство, финансовое положеніе Англіи было въ высшей степени запутано: на государствѣ лежалъ огромный долгъ, во всѣ предыдущіе годы бюджеты оканчивались дефицитами, въ будущемъ предвидѣлся дефицитъ въ 2½ милл. Сюда присоединялись и внѣшнія затрудненія: война съ Китаемъ, недоразумѣнія съ Индіей, натянутыя отношенія съ Франціей и Америкой. Денегъ требовалось много, а старые финансовые источники были совершенно исчерпаны. Повысить косвенные налоги значило бы довести страну до полного экономического разстройства. «Въ обложеніи предметовъ потребленія, сказалъ Пиль въ своей знаменитой рѣчи, мы дошли до предѣловъ возможнаго». Въ самомъ дѣлѣ, въ промышленности и торговлѣ былъ застой. Англійская индустрія, не смотря на свое высокое развитіе, не могла расширить внѣшняго рынка, потому что запретительная таможенная политика, правительственная регламентація, вторгавшаяся во внутреннія отношенія производства, способъ взиманія косвенныхъ налоговъ, крайне стѣснявшій улучшенія и усовершенствованія—все это тормазило развитіе индустріи, не давало ей достигнуть такой высоты, при которой она могла бы перейти за предѣлы Великобританіи. Къ этому присоединялась дороговизна хлѣба, происхо-

дившая отъ установленнаго въ пользу землевладѣльческаго класса запрещенія ввоза иностраннаго хлѣба,—дороговизна, повышавшая заработную плату и, слѣдовательно, весьма неудобная для предпринимателей. Все это было причиною сильнѣйшей агитаціи, поднявшейся въ пользу уничтоженія стѣснительныхъ для индустріи косвенныхъ налоговъ. Главныя стрѣлы буржуазіи были, однако, направлены противъ хлѣбныхъ законовъ. Ввести свободный ввозъ иностраннаго хлѣба значило лишить поземельную аристократію привилегированнаго положенія; это былъ, слѣдовательно, не только экономическій вопросъ, но и политическій, и притомъ вопросъ чрезвычайной важности для буржуазіи, стремившейся отнять послѣднюю точку опоры у поземельной аристократіи. Эта тенденція неоднократно выступаетъ въ рѣчахъ главарей Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ, Брайта и Кобдена *). На одномъ изъ митинговъ Кобденъ прямо заявилъ, что Лига выступаетъ противъ привилегій поземельной аристократіи, и что ея задачи вполне соотвѣтствуютъ интересамъ промышленности. Лига пользовалась громаднымъ успѣхомъ; ея журналъ «Anti-Bread-Tax Circular» расходился въ 15 тыс. экземпляровъ въ мѣсяцъ. Популярность ея доходила до того, что даже «Times», въ началѣ жестоко нападавшій на нее, перемѣнилъ фронтъ и заявилъ: «Лига есть великій фактъ». «Новая сила, писала эта газета въ другомъ мѣстѣ, выросла въ государствѣ; теперь дѣвицы и дамы стремятся не въ театръ, а на митингъ Лиги, какъ будто тамъ дается новая пикантная французская пьеса». Въ парламентѣ вступало все больше сторонниковъ свободной торговли; въ лондонскомъ Сити членъ Лиги на выборахъ побѣдилъ консерватора. Торговыя палаты обращались въ парламентъ съ петиціями, указывавшими на стѣснительность хлѣбныхъ законовъ для торговли.

При такомъ возбужденіи противъ покровительственной политики и косвенныхъ налоговъ, нечего было и думать объ исправленіи государственныхъ финансовъ посредствомъ повышенія таможенныхъ пошлинъ и налоговъ на потребление. Пиль, вѣрно понявшій положеніе дѣлъ, рѣшилъ взять на себя исполненіе программы буржуазіи. Постепенно реорганизуя косвенное обложеніе и вводя свободу торговли, онъ пріобрѣтеть расположеніе промышленнаго класса, который за то поможетъ ему провести мѣру, представляющую единственный исходъ изъ запутаннаго положенія государственныхъ финансовъ. Тактика Пила здѣсь напоминаетъ способъ дѣйствій Питта: послѣдній, для проведенія подходящаго налога въ эпоху господства аристократіи, видѣлъ себя вынужденнымъ купить ея согласіе на реформу уменьшеніемъ поземельнаго налога; первый, для проведенія подходящаго налога въ эпоху господства буржуазіи, долженъ былъ одѣлать ей уступку въ видѣ реорганизаціи косвенныхъ на-

*) Они были хлопчатобумажные фабриканты.

логовъ и ослабленія протекціонизма. Программа Пилля заключалась во введеніи прогрессивно-подходнаго налога, пониженіи пошлинъ на 750 предметовъ, въ томъ числѣ на хлѣбъ, и уничтоженіи вывозныхъ пошлинъ. Въ своей первой знаменитой рѣчи Пилль высказался въ томъ смыслѣ, что главная задача его въ томъ и состоитъ, чтобы понизить налоги на потребление, и это одно дастъ, по его мнѣнію, такое увеличеніе государственныхъ доходовъ, что дефициты будутъ устранены. Но такъ какъ результаты реформы скажутся лишь по истеченіи нѣкотораго времени, то необходимо, *въ видѣ временной мѣры*, ввести общее обложеніе доходовъ. Таковую-то замаскированную форму счелъ Пилль необходимымъ придать своему законопроекту, задѣвавшему одновременно интересы аристократіи и буржуазіи.

Но и въ подслащенномъ видѣ пилля эта была встрѣчена бурей негодованія. Принципіальное обсужденіе законопроекта продолжалось цѣлыхъ 8 засѣданій. При той дружной оппозиціи, съ которой былъ встрѣченъ законопроектъ Пилля, трудно сказать, какой исходъ имѣла бы эта борьба министерства съ парламентомъ, если бы тутъ не выступили на сцену чартисты. 2 мая 1842 года Нижней Палатѣ была передана, при торжественной процессіи, благоприятная министерству петиція, покрытая 2¹/₂ мил. подписей. Народная манифестація, подготовленная чартистами, оказала сильное давленіе на парламентъ, и, скрѣпя сердце, онъ принялъ законопроектъ Пилля въ видѣ временной мѣры.

Чартистское движеніе знаменуетъ собою выступленіе рабочаго класса на арену политической жизни. Въ Англіи, какъ и во Франціи, рабочій классъ въ началѣ шелъ рука объ руку съ буржуазіей. Только благодаря его содѣйствію, буржуазіи удалось достигнуть власти. «Когда въ началѣ царствованія Вильгельма III поднялось требованіе парламентской реформы, то всѣ классы, исключая того, который пользовался монополіей политической власти, соединились для агитаціи съ единодушіемъ и энтузіазмомъ, рѣдко виданнымъ. Никто не сомнѣвается, что ревность, съ которою рабочіе во всей странѣ примкнули къ движенію, много способствовала народной побѣдѣ. Они вѣрили въ обѣщанія, которыя средніе классы щедро раздавали, что, когда они сами добьются правъ, то употребятъ свою власть для того, чтобы дать въ ней участіе и прочимъ соотечественникамъ. Однако-же, скоро рабочіе увидали, что тѣ, получивъ политическія права, не очень заботятся объ исполненіи обѣщанія. Рабочіе сильно ожесточились противъ среднихъ классовъ, какъ люди, которые видѣли себя не только обманутыми, но даже одураченными» *). Наряду съ требованіемъ всеобщаго избирательнаго права, чартисты выставили и соціальную программу, какъ ограниченіе

*) *Henry Richard, The Memoirs of Joseph Sturge, 293. Ср. Янжуль. Опытъ изслѣдованія косвенныхъ налоговъ, 134.*

женскаго и дѣтскаго труда, уменьшеніе рабочаго дня и пр. *). Такимъ образомъ, возникшее рабочее движеніе наложило свою печать на финансовую политику Англіи. Не успѣла буржуазія укрѣпиться въ своей власти, какъ уже выступилъ новый элементъ, съ которымъ приходится сильно считаться. Вотъ почему эгоизмъ средняго класса не могъ проявиться во всей своей чистотѣ, и современная система англійскихъ налоговъ имѣетъ смѣшанный характеръ. Здѣсь опять-таки сказываются особенности развитія англійскаго народа.

При всемъ томъ, однако, податное бремя въ Англіи въ значительнѣйшей степени падаетъ на народную массу. Сравнивая бюджеты 1801, 1846, 1848 и 1866 гг., мы видимъ, что налоги на потребление, поражающіе особенно рабочій классъ, увеличились болѣе чѣмъ вдвое, тогда какъ категорія налоговъ (прямые), падающихъ преимущественно на богатые классы, осталась безъ перемѣны. Въ какой мѣрѣ косвенные налоги падаютъ на рабочую массу видно изъ того, что съ чая, сахара и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ высшій классъ платитъ въ видѣ налога 0,25% своего дохода, средній классъ 0,8—2,0%, рабочій классъ 2,0—2,4%; съ алкоголя и табаку высшій классъ платитъ 1% своего дохода, средній 1,5—3,3%, рабочій 2,5—3,2%. Кроме того, косвенные налоги охватываютъ преимущественно предметы, составляющіе необходимый питательный матеріалъ для рабочаго класса. Пиво, табакъ, чай и сахаръ ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться роскошью для англійскаго рабочаго; а эти предметы и являются главнымъ объектомъ косвеннаго обложенія, причемъ съ чая, напримѣръ, какъ дешеваго въ 35 коп. фунтъ, такъ и дорогаго въ 7 руб. фунтъ, берется одинаковая пошлина — 18 коп. съ фунта. Статистика показываетъ, что максимумъ потребления этихъ продуктовъ приходится на рабочій классъ. По расчету проф. Леви, изъ 88 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, которые тратятся англійскимъ народомъ на напитки, 60 милліоновъ падаютъ на рабочій классъ. Изъ этой суммы казначейство получило въ 1869 году 25½ милліоновъ, изъ коихъ на долю рабочихъ приходилось 18 милліоновъ. Далѣе, по официальнымъ свѣдѣніямъ, 9½ всего табаку въ Великобританіи потребляется рабочимъ классомъ, уплачивающимъ пошлины 6 мил. По вычисленію Макъ-Кулоха, англійскіе рабочіе потребляютъ сахару 39,5% и изъ 5 мил. 614 тыс. налога уплатили въ 1869 г. около 2 мил. По изслѣдованію Дэдлея Бэкстера, каждый рабочій потребляетъ въ Англіи не меньше 3 фунт. чая въ годъ, слѣдовательно, каждый рабочій уплачиваетъ въ годъ налога 1¼ шил., а весь рабочій классъ 1¼ мил. фунт. стерл. Такимъ образомъ, только за напитки, табакъ, сахаръ и чай рабочій классъ уплачи-

*) О чартизмѣ см. прекрасныя статьи Брендано «Die englische Chartistenbewegung» въ «Preussische Jahrbücher» за 1874 г. XXXIII, также въ Conrad's Handwörterbuch d. Staatswissenschaften. т. X.

васть государству 27,5 мил. фунт. стерл., а такъ какъ вся сумма налоговъ на эти предметы составляетъ 66,5 мил., то на долю высшего и среднего классовъ приходится 39 мил. Если будемъ считать годовой доходъ рабочей семьи въ 50 фунтовъ стерлинговъ, то весь валовой доходъ рабочаго класса (4 мил. семействъ) составитъ 200 мил. фунт., изъ каковой суммы въ видѣ налога за напитки, табакъ, чай и сахаръ уплачивается 27 мил., т. е. 14%. Принимая весь валовой доходъ Великобританіи въ 800 мил. фунт., получимъ на долю высшего и среднего классовъ 600 мил., изъ коихъ налога на помѣшоваемые предметы уплачивается 39 мил., т. е. 6½%. Следовательно, рабочий классъ обложенъ въ два раза сильнее, чѣмъ оба высшихъ класса *).

Вообще, бросивъ бѣглый взглядъ на бюджетъ Великобританіи, напримѣръ, за 1891—1892 г. увидимъ, что таможенные пошлины, патенты и налоги на потребление, т. е. сборы, падающіе главнымъ образомъ на народную массу, составляютъ 28,85% всѣхъ государственныхъ доходовъ, тогда какъ прямые налоги, падающіе на состоятельные классы, составляютъ лишь 9,55% бюджета.

IV.

Мы не пишемъ исторіи налоговъ и потому не станемъ слѣдить за ихъ развитіемъ во всѣхъ государствахъ Европы. Мы хотѣли только конкретными фактами изъ исторіи подтвердить схему эволюціи налоговъ, начерченную нами выше. Примѣръ Англіи и Франціи показалъ, что борьба общественныхъ классовъ играетъ рѣшающую роль въ распредѣленіи податнаго бремени, и характеръ податной системы зависитъ отъ соотношенія политическихъ силъ. Для дополненія картины намъ необходимо, однако, сказать нѣсколько словъ о Пруссіи, современное состояніе которой представляетъ нѣкоторыя важныя для нашей цѣли особенности. Исторія налоговъ въ Пруссіи **) раскрываетъ передъ нами тѣ же существенныя черты, которыя мы видѣли въ исторіи Франціи и Англіи. Податныя привилегіи существовали тамъ вплоть до 1865 года, хотя формально онѣ были отмѣнены уже въ 1810 году ***). Система, установленная въ 1820 году, имѣла яркую буржуазную окраску: пропорціональность обложенія (классная и классифицированная подать), широкое развитіе налоговъ на предметы первой необходимости, какъ напр. налогъ на хлѣбъ, мясо, пиво и водку, и совершенное освобожденіе отъ налога доходовъ съ движимыхъ капиталовъ. Для характеристики этого періода мы ограничимся нѣсколькими цифрами. По смѣтѣ на 1869 годъ сумма классовой

*) И. Янжуль. Опытъ изсл. англ. воев. налоговъ, 301—302.

**) D. Riedel. Brandenburg-Preussische Staatshaushalt in den beiden letzten Jahrhund. A. Зоблоцкий-Десятовский. Финансовое управленіе и финансы Пруссіи. Озеровъ, «Русск. Мысль», 1896, кн. 1.

***) Dr. H. A. Zachariä. Deutsches Staats-und Bundesrecht, II, 523—533

подати, падавшей на лица съ доходомъ не выше 1000 марокъ, почти втрое превышала сумму подати классифицированной, падавшей на доходы выше 1000 мар., причемъ изъ послѣдней половина приходилась на долю низшихъ 4-хъ разрядовъ (всѣхъ разрядовъ 12); слѣд., подоходное обложеніе главной своей тяжестью падало на менѣ состоятельные классы. Въ бюджетѣ 1870 г. прямые налоги составляли 18,4% всѣхъ государственныхъ доходовъ, а косвенные 32,8%. Эта система держалась недолго. Пруссія—единственное въ Европѣ государство, гдѣ существующая организація налоговъ въ извѣстной мѣрѣ соответствуетъ современнымъ требованіямъ. Это, безъ сомнѣнія, находится въ связи съ той видной ролью, которую рабочее движеніе играло съ начала 60-хъ годовъ въ Пруссіи и 70-хъ въ объединенной Германіи. Въ германскомъ рейхстагѣ съ первыхъ дней его существованія рабочая партія представляла собою внушительную величину, съ которой необходимо было считаться. Хотя въ прусскомъ ландтагѣ рабочіе не имѣютъ своихъ представителей, однако фактическая роль, которую играетъ рабочій классъ въ нѣмецкой общественной и политической жизни, достаточно велика, чтобы производить соответственное давленіе *). Уже въ 1873 году установлено освобожденіе отъ налога доходовъ ниже 420 марокъ; въ 1883 году этотъ minimum повышенъ до 900 мар.; въ 1891 году введена прогрессія обложенія отъ 0,62% до 4%. Законъ 14-го іюля 1893 года придалъ прусской податной системѣ организацію, при которой бремя налоговъ перенесено на состоятельные классы. Налоги поземельный, подоомовый, промысловый и съ горнаго промысла переданы общинамъ, а взамѣнъ ихъ государство ввело налогъ поимущественный, падающій на всякое движимое и недвижимое имущество съ освобожденіемъ лицъ, имущество которыхъ не превышаетъ 6000 мар. Если сюда присоединить прогрессивно - подоходный налогъ, введенный въ 1891 году взамѣнъ класснаго и классифицированного, то получимъ стройную систему, удовлетворяющую въ значительной степени современнымъ требованіямъ финансовой науки. Освобождая отъ обложенія доходы ниже 900 мар., подоходный налогъ взимается съ дѣйствительнаго дохода, показываемаго плательщикомъ на совѣсть причемъ принимаются во вниманіе всѣ индивидуальныя особенности того или другого плательщика, какъ напр., долги, расходы на приобретеніе, обезпеченіе и сохраненіе дохода, отчисленіе на погашеніе строеній, машинъ и проч., страхованіе на случай болѣзни и старости, численность семьи. Наконецъ, поимущественный налогъ производитъ болѣе сильное привлеченіе фундированныхъ доходовъ въ сравненіи съ нефундированными.

*) «Я думаю, что въ эпоху, когда социальный вопросъ занимаетъ такое видное мѣсто, когда мы имѣемъ въ социальныхъ вопросахъ такъ трудно исполнимыя обязанности, всѣ акты правительства и законодательныхъ собраний должны оцѣниваться съ точки зрѣнія ихъ вліянія на развитіе социаль. демократіи» (Слова имперскаго канцлера).

Въ прусскомъ бюджетѣ 1895—96 г. прямые налоги составляютъ 35% всѣхъ государственныхъ доходовъ, а косвенные лишь 9%, и притомъ падаютъ не на предметы потребленія, а на обороты и наслѣдства. Остальная часть бюджета покрывается собственными предприятиями государства, среди которыхъ желѣзныя дороги занимаютъ первое мѣсто. Что касается распредѣленія прямыхъ налоговъ, то исполненіе бюджета 1894—95 г. показываетъ слѣдующее: число плательщиковъ налога не превышало 2 $\frac{1}{2}$ мил. при населеніи въ 30 мил.; въ то время, однако, какъ 2199634 плательщика съ доходомъ отъ 900 до 3000 мар. уплатили всѣ вѣсти 34 $\frac{1}{4}$ мил., 111 тыс. богатыхъ съ доходомъ выше 6000 мар. внесли 61 мил.; на 1 гражданина 1-ой категоріи падало въ среднемъ 15 $\frac{1}{2}$ марокъ въ годъ, а 2-ой—746.

V.

Тѣ же главные моменты, которые мы прослѣдили въ развитіи государственныхъ доходовъ вообще и налоговъ въ частности, рельефно выдѣляются и въ исторіи финансовой науки. Въ ту эпоху, когда единственнымъ правильнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ служили домены,—и писатели признавали собственную хозяйственную дѣятельность государства единственнымъ нормальнымъ способомъ удовлетворенія государственныхъ потребностей, удѣляя налогамъ мѣсто чрезвычайнаго и временнаго источника. Эту идею мы находимъ у всѣхъ политическихъ писателей континента до начала XVIII вѣка, таковы: Оома Аквинскій, Карафа, Пальміери, Пети, Бодинъ, Борнитцъ и др. Особенное развитіе получила литература о домашнемъ хозяйствѣ въ Германіи. Не говоря уже о писателяхъ XVII вѣка, какъ Зеккендорфъ, высказывающій надежду, что налоги не будутъ долго продолжаться, и Пуфендорфъ, отказывающій государю въ правѣ отчуждать государственныя имущества и взимать налоги,—даже въ XVIII столѣтіи Юсти и Зонненфельсъ отводять налогамъ второстепенное мѣсто. Теорія этихъ писателей является ничѣмъ инымъ, какъ отраженіемъ современной имъ дѣятельности. Ту же тѣсную связь съ дѣйствительностью мы замѣчаемъ и во взглядахъ разныхъ писателей на характеръ налоговъ. Литература, относящаяся къ періоду господства сословныхъ привилегій, высказывается въ пользу освобожденія аристократіи отъ всякихъ налоговъ. Таковы, напр., Каспаръ Клоккъ, Борнитцъ, Кнорингъ въ Германіи, Темплъ, Давенантъ, Галифаксъ въ Англіи и др. По мѣрѣ развитія буржуазіи и роста въ ней самосознанія, и въ литературѣ все болѣе и болѣе возвышаются голоса противъ привилегій знати. Справедливостью обложенія начинаетъ считаться тотъ принципъ, что никто не долженъ быть изъятъ отъ налога и что размѣръ его долженъ соответствовать доходу плательщика. Въ теоріи налоговъ отражается, слѣдовательно, протестъ, поднятый буржуа-

зіей противъ преимуществъ аристократіи. Она ставится въ связь, съ одной стороны, съ новыми экономическими воззрѣніями, выдвинутыми принципіемъ свободной конкуренціи, а съ другой—съ новыми политическими теоріями, видящими назначеніе государства исключительно во вѣншей охранѣ и внутренней защитѣ собственности (Кантъ, Фихте, Гумбольдтъ *), наконецъ, съ философскими идеями равенства и свободы, составляющими абстрактную формулировку стремленій буржуазіи. Извѣстныя финансовыя правила Ад. Смита, заключающія въ себѣ требованіе всеобщности и равномерности обложенія **), представляютъ ни болѣе, ни менѣе какъ резюме стремленій средняго класса. По мѣрѣ того, какъ обнаруживается, что принципы справедливости, выставленныя буржуазной школой, ведутъ къ одностороннему обремененію низшихъ классовъ, въ финансовой литературѣ начинается все болѣе и болѣе выступать теорія, требующая уменьшенія податной тягости неимущихъ классовъ. То, что прежде считалось справедливымъ, теперь оказывается противорѣчащимъ справедливости; социальный вопросъ вторгается и въ финансовую науку. Понятіе о справедливости видоизмѣняется въ томъ смыслѣ, что признается необходимымъ облагать богатые классы сильнѣе бѣдныхъ и извѣстный minimum доходовъ вовсе освобождать отъ обложенія. Эта новая теорія, въ свою очередь, находится въ полномъ соотвѣтствіи, съ одной стороны, съ усиленіемъ роли трудящагося класса въ политической жизни, съ другой—съ новыми политическими взглядами, въ силу которыхъ на государство не только возлагается обязанность правовой и военной защиты, но ему присваиваются и положительныя культурныя задачи, клонящіяся къ устраненію общественныхъ противорѣчій и обезпеченію интересовъ трудящейся массы,—наконецъ, съ новыми философскими идеями, признающими за каждымъ индивидуумомъ право на существованіе, достойное культурнаго человѣка. Такимъ образомъ, понятіе о справедливости обложенія находится въ зависимости отъ характера экономическихъ отношеній эпохи, существующаго правового порядка и господствующихъ философско-политическихъ идей. Это не логическая категорія, а историческая. Нельзя поэтому построить такой системы обложенія, которая была бы справедлива для всехъ временъ; но, сообразуясь со всей совокупностью условій данной эпохи, можно установить систему обложенія, которая будетъ справедлива для этой эпохи. Желая найти принципъ справедливости, соотвѣтствующій переживаемому нами моменту, мы должны, слѣдовательно, исходить изъ особенностей современныхъ общественныхъ отношеній, изъ новѣйшаго взгляда на цѣль государства, изъ обще-философскихъ идей, господствующихъ въ настоящее время,—словомъ, изъ тѣхъ задачъ, которыя должно себѣ ставить общество въ переживаемую эпоху.

Л. Закъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Цѣль государства формулирована у Канта въ «Rechtslehre», §§ 47—49, у Фихте въ «Naturrecht», Werke, III, 152, у В. Гумбольдта въ «Grenzen der Wirksamkeit des Staats», гл. III и IV.

**) Оно формулировано въ его «первомъ законѣ». («Исслѣдов. о природѣ и причинахъ богатства народовъ», перев. П. Библикова, III, 185).

ВЪ РОДНОМЪ УГЛУ.

Очеркъ.

Надъ городомъ М. только что гулко прозвучалъ ударъ большого соборнаго колокола, возвѣщая о началѣ вечерни. Ему тотчасъ же стали втерять болѣе тонкіе голоса колоколовъ другихъ церквей, и къ собору, стоящему на высокой каменной горѣ, медленно потянулись богомольцы всѣхъ сословій, состояній и возрастовъ. Они чинно поднимались по отлогой каменной лѣстницѣ, устроенной для пѣшеходовъ, а справа, по дорогѣ, то и дѣло, мчались сытыя купеческія лошади, обгоняя заморенныхъ кляченокъ бѣднаго люда и мелкихъ торговцевъ; изрѣдка мелькали господскія запряжки и, какъ исключеніе, проскакали двѣ амазонки, возбудивъ общее удивленіе.

Нѣкоторые богомольцы уже дошли до послѣдней площадки лѣстницы и остановились перевести духъ. Отсюда открывался дивный видъ на городъ, лежащій внизу, на капризно-извивающуюся голубой лентой рѣку, покрытую тяжелыми барками и лодками, на окрестныя села, деревни, поля и лѣса. Все это было до того красиво, что даже сморщенная, подвижная старушка изъ породы «вѣчныхъ странницъ» пришла въ неподдѣльное умиленіе и воскликнула:

— Господи Батюшка! Микола Угодникъ!.. благодать-то какая!

Ей поддакнула другая странница, изъ случайныхъ, помоложе, съ страдальческимъ выраженіемъ исхудалаго лица. Старушка оглядѣла ее внимательно.

— Что это, милая, я тебя раньше не примѣтила, или ты изъ здѣшнихъ, городскихъ?—спросила она.

— Нѣтъ, матушка. Я—пензенская, изъ Верхняго Ломова пришла... Мужъ у меня обезножилъ, пятнадцатый годъ лежитъ, а теперь сынокъ свалился, вотъ я и собралась къ Угоднику, можетъ оглянется Господь на мою долю сиротскую,—надреснутымъ голосомъ отвѣтила странница.

— Это дѣло хорошее, молись, голубонька. Мало ли милости у Угодника Божьяго, на всѣхъ хватить. Молись только

поусерднѣе, — успокаивающимъ тономъ произнесла старушка, усаживаясь на каменной скамьѣ и приглашая сдѣлать то же новую знакомую.

Въ ту-же минуту по лѣстницѣ быстро вошла молодая дѣвушка въ синей сатинетовой матроскѣ, простой соломенной шляпкѣ, съ кожаной сумочкой черезъ плечо. Она запыхалась и раскраснѣлась. Оглянувшись кругомъ и видя, что всѣ скамейки заняты, она сѣла на верхней ступенькѣ, недалеко отъ старушки, сняла шляпку и нѣсколько разъ провела платкомъ по красивому разгоряченному лбу, обрамленному волнистыми прядями волосъ ярко рыжаго цвѣта. Но, противъ обыкновенія, веснушки — отличительный признакъ рыжихъ, совершенно отсутствовали на бѣло-матовой кожѣ ея хорошенкаго лица. Кроткое выраженіе большихъ, сѣрыхъ глазъ и привѣтливая улыбка розовыхъ губъ — дѣлали молодую дѣвушку очень симпатичной. Она была высока и изящно сложена, не смотря на легкую полноту. Невольное вниманіе обращала на себя ея длинная, густая коса, тянувшая немножко назадъ гордую головку.

Глядя, какъ она тяжело дышала, старушка обратилась къ ней съ вопросомъ:

— Скоро, должно быть, шли, барышня, устали?

— Нѣтъ, — охотно отвѣтила она, оборачиваясь, — не скоро, а далеко. Съ вокзала пришла пѣшкомъ.

— Вы, стало быть, изъ городскихъ?

— Опять, нѣтъ, — изъ уѣздныхъ. Мнѣ надо въ Каменку попасть, да не знаю, какъ это устроить?

— Что же васъ здѣсь родные встрѣтятъ, или въ городѣ кто знакомый есть, что въ соборъ зашли? — продолжала допрашивать старушка.

— Въ соборъ зашла помолиться Угоднику, а въ городѣ у меня ни родныхъ, ни знакомыхъ нѣтъ. Въ Каменку пойду тоже пѣшкомъ; поищу здѣсь попутчиковъ.

— Матушка! Этакую даль-то! Вѣдь до Каменки верстъ тридцать, почитай, будетъ, — всплеснула руками отъ изумленія рябая баба, стоявшая неподалеку.

— А ты сама изъ Каменки? — спросила ее молодая дѣвушка.

— Нѣтъ, родиненькая, я изъ Могилокъ, верстъ восемь отъ Каменки будетъ.

— Такъ вотъ я съ тобой, хоть, до Могилокъ дойду, а тамъ, можетъ, еще кто до Каменки найдется.

— Нѣтъ, матушка барышня, я теперь у купцовъ на хуторѣ живу подъ городомъ, домой, можетъ, къ Покрову отпращусь.

— Досадно! Бабушка, можетъ, ты мнѣ найдешь кого изъ Каменки, — обратилась молодая дѣвушка къ старушкѣ, — поищи, голубушка. Я за тебя свѣчку Угоднику поставлю.

— Поищу, касаточка, нешто мнѣ трудно. Да ты что-же, безродная что-ли какая, или бѣдная? Къ кому ты въ Каменку-то идешь?—спросила старушка, невольно переходя на «ты» и принимая покровительственный тонъ.

— Не безродная, бабушка, а бѣдная, правда. У отца лошадь пала, а другую купить не на что. Ямщика нанять дорого, деньги на другое пригодятся, а ноги у меня молодыя, авось пѣшкомъ дойду.

— Да ты, милая, изъ какихъ же будешь? Священника что-ли Каменскаго дочка? — спросила рябая, тоже почему-то переходя на «ты».

— Нѣтъ... Тамъ живетъ Дмитрій Ивановичъ Борчагинъ, недалеко отъ церкви; свой домикъ у него, можетъ, знаешь?

— Да ты его дочка что ли? — опять всплеснула руками рябая и пристально поглядѣла на дѣвушку, — такъ, такъ, и рыженькая—въ отца, схожа съ нимъ.

— Это хорошо, коли дочъ на отца походить, а сынъ на мать. Счастливые будутъ,—важно замѣтила старушка.

Рябая захохотала:

— Счастливая! Ну, избави Царица Небесная отъ такого счастья! Ужъ бѣдно живетъ Дмитрій Ивановичъ, бѣднѣ послѣдняго мужика на деревнѣ... Ни мучицы, ни хлѣбушка нѣтъ, ни топки, ни одеженки. Куска ине годы въ Свѣтлый праздникъ не видать, разговѣтся нечѣмъ. Чѣмъ только живы—Господи Батюшка вѣдаетъ! Развѣ что по господамъ знакомымъ Дмитрій Ивановичъ пойдетъ-выпросить, да домой принесть, а то прямо съ голоду бы померли. Хозяйка-то его къ черной работѣ непривычна: прежде на барскомъ дворѣ экономкой жила. Да двухъ дочекъ нонѣшней зимой схоронила. Не знаю, съ чего померли? Отъ холода, да отъ голода хворобѣ-то какъ не привязаться! Зима-то лютая была. Дмитрій Ивановичъ собирать поидеть, а онѣ на печкѣ сидятъ, въ лохмоты завернувшись, да голосятъ: бояться — кабы не замерзъ отецъ-то! Нешто мудрому старому человѣку ознобиться на смерть... Одеженка же опять плохая... А ты, родименькая, гдѣ же была-то, въ ученѣ что-ли какомъ? — перебила она сама себя.

Молодая дѣвушка не отвѣчала. Она закрыла лицо руками, и крупныя слезы неудержимо лились изъ ея глазъ.

Всегда тяжело видѣть слезы, но на прекрасномъ молодомъ лицѣ, конечно, еще тяжелѣе. Поэтому не удивительно, что сердца окружающихъ женщинъ прониклись живымъ сочувствіемъ, и онѣ всѣ поспѣшили съ своими простыми утѣшеніями.

— Полно, голубонька,—говорила старушка, глядя костлявой рукой по головѣ плачущую дѣвушку, —нешто въ бѣдности

то люди не живутъ, да еще какъ иной разъ Господь помогаетъ. Во всемъ Его Святая Воля! Другому черезъ золото лишь слезы приходится; ты же въ ученьи была. Можетъ, вынуждешь своихъ; ты чему училась-то?.. Ахъ, ты, моя горькая,—прибавила она, видя, что отъ слезъ дѣвушка не въ состояніи ей отвѣтить, и сердито обратилась къ рябой бабѣ: — ну не грѣхъ это тебѣ... Зачѣмъ ты ее растревожила? Не успѣетъ она безъ тебя наплакаться, что ли? Сама видишь, какая ей доля вышла! Словно за языкъ тебя тянули.

Нѣсколько другихъ женщинъ тоже накинудь на рябую, и та совсѣмъ сконфузилась. Къ ея счастью, въ церковь прошель священникъ, и богомолки потянулись за нимъ. Старушка ласково тронула за рукавъ молодую дѣвушку.

— Пойдемъ, касаточка, батюшка пришелъ.

Та послушно встала и пошла за нею. Соборъ уже былъ полонъ. Богомолцы тѣснились у церковнаго ящика, и густой звонъ мѣдныхъ монетъ не умолкая стоялъ въ воздухѣ. Быстро наполнялись всѣ подсвѣчники толстыми и тонкими свѣчами, и ихъ маленькіе огоньки яркими, красными звѣздочками загорались въ полумракѣ высокаго собора.

Саша, — такъ звали молодую дѣвушку, — тоже купила нѣсколько копѣчныхъ свѣчей. Старушка не отставала отъ нея и, идя за ней, распредѣляла, кому ихъ ставить. Совершенно потерявъ свою волю, Саша машинально ходила отъ иконы къ иконѣ, ставила свѣчи, клала земные поклоны и прикладывалась къ образамъ. Кончивъ все, она стала у рѣшетки, за которой помещались пѣвчіе, и осмотрѣлась.

Въ соборѣ все такъ-же, какъ и десять лѣтъ тому назадъ. Также строго смотреть на нее темный ликъ угодника въ золоченой ризѣ, тотъ же сѣденый священникъ, и тотъ же толстый регентъ... Да и толпа такая же, такъ же, какъ и тогда, стеклись сюда со всѣхъ сторонъ родной земли эти люди, неся свое горе. И горе все то же... Только Саша одна измѣнилась. Тогда она была маленькой дѣвочкой и въ соборѣ молилась съ матерью. Помнить она, какъ испугалась, когда мать подвела ее приложиться къ каменному изваянію чудотворца. Это было передъ ея отъѣздомъ въ гимназію.

Странно, что послѣ горячки, перенесенной ею на двѣнадцатомъ году, изъ прошлаго только и уцѣлѣлъ въ ея памяти этотъ соборъ. Домашнюю обстановку, лица родныхъ она безслѣдно забыла. Всѣ девять лѣтъ, что она провела въ Т—ой гимназіи, она никого изъ своихъ не видала. Кончивъ курсъ, она еще цѣлый годъ прожила на урокъ у знакомыхъ, чтобы заработать хоть немного денегъ на проѣздъ домой.

Саша знала, что отецъ ея очень бѣдный дворянинъ, знала, что старикъ пол-уѣзда исползалъ на колѣняхъ, чтобы помѣ-

стить дочь въ гимназію на казенный счетъ. Помнила она, какъ дружно хохотали гимназистки, когда она въ старомъ, рваномъ пальтишкѣ и огромныхъ валенкахъ, очутилась въ свѣтлой приѣмной гимназической залы. Живая, рѣзвая дѣвочка сама разразилась неудержимымъ смѣхомъ, случайно увидавъ себя въ большомъ зеркалѣ. Но за то, когда ее одѣли въ форменное платье, то при видѣ хорошенькой, стройной фигурки, воспоминаніе о «смѣшной нищенкѣ» живо изгладилось, и новую товарку искренно полюбили за общительный характеръ.

Помня свою бѣдность, Саша прилежно училась и кончила курсъ съ золотой медалью. Она надѣялась сейчасъ же получить хорошее мѣсто... но увъ! Не она одна на свѣтѣ была «медалисткой». Мѣста не находилось. Цѣлый годъ, въ ожиданіи его, она прожила у своихъ знакомыхъ Завьяловыхъ. Съ Лизой Завьяловой она вмѣстѣ училась, и дѣвочки такъ подружились, что Екатерина Ивановна (мать Лизы), каждое воскресенье, а потомъ на всѣ праздники и на лѣто брала Сашу къ себѣ, чтобы та въ тихомъ семейномъ уголкѣ могла отдохнуть отъ занятій и казенщины. У Лизы былъ еще братъ, Алеша, старше ея на четыре года, съ которымъ Саша тоже очень сошлась.

Когда Саша кончила курсъ, та же Екатерина Ивановна одѣла ее съ ногъ до головы и приютила у себя. Старушка горячо ее полюбила. Алеша, уже студентъ, тоже не остался равнодушнымъ къ симпатичной и красивой дѣвушкѣ. Незамѣтно ихъ дѣтская симпатія перешла въ болѣе глубокое чувство, и было рѣшено только дожидаться, когда Алеша кончитъ курсъ, чтобы отпраздновать свадьбу.

Всѣ эти воспоминанія отдаленнаго и близкаго прошлаго невольно тѣснились въ головѣ Саши, мѣшая ей молиться. Она усиленно крестилась, а мысли все возвращались къ ея единственному друзьямъ, и она никакъ не могла ихъ направить въ другую сторону.

Вечерня кончилась. Вслѣдъ за другими Саша пошла прикладываться къ чудотворному образу, и опять (какъ въ дѣтствѣ) ей стало страшно отъ строгаго взгляда Угодника...

На паперти ее остановила знакомая старушка.

— Ну, дитятко, нашла я тебѣ сопутницу, бабу изъ Каменки. Только на ночь куда дѣваться тебѣ? Ты еще нынче, поди, не закусила?—заботливо спросила она.

— Спасибо тебѣ, бабушка, за хлопоты. Ёсть, правда, еще не ѣла... А объ ночевкѣ думать нечего,—уйду опять на вокзалъ и чаю тамъ напьюсь съ булкой.

— Не ладно это ты придумала,—покачала головой старушка.—Себя только изморишь, да и баба на зорькѣ домой поидеть... гдѣ жъ она тебя по вокзаламъ искать станетъ? А

вотъ, коли не побрезгуешь, пойдѣмъ вмѣстѣ на постоянный дворъ. Тамъ съ насъ по двѣ копейки за ночевку берутъ... И чаю съ булкой тамъ же достанемъ.

— Ахъ, бабушка,—воскликнула Саша,—не побрезгуешь, говоришь ты! Да вѣдь ты же слышала, что рябая сказала про моего отца, какъ онъ живетъ. Такъ чѣмъ же тутъ брезгать! Спасибо, что выручила меня, да надоумила!

— Такъ мы бабу тутъ ждать не станемъ, она тоже на постоянный придетъ; пойдѣмъ помаленьку, — предложила старушка.

Саша согласилась, и онѣ двинулись въ путь. По дорогѣ ихъ обгоняли экипажи и, глядя на одну рѣзвую, хорошенькую лошадку, Саша вспомнила буланчика, на которомъ каталась верхомъ, гостя въ имѣнии Завьяловыхъ, вспомнила Алешу, всегда сопровождавшаго ее, и невольно вздохнула. Но всетаки мысли ея слегка прояснились.

— Что жъ такое, правда, что мы бѣдны,—думала она,—есть у насъ, всетаки, свой домикъ. Въ немъ можетъ быть чисто и уютно. Наконецъ, найдется же когда нибудь мѣсто гувернантки, значить, можно будетъ помочь роднымъ...

Такъ размышляя, она незамѣтно дошла до шаткаго крыльца постоялаго двора. Старушка отворила дверь, и онѣ очутились въ довольно большой комнатѣ, гдѣ уже сидѣло на полу и на лавкахъ нѣсколько богомоловъ.

Сашина покровительница прошла въ дальній уголъ. Тамъ развязывала котомку маленькая, тщедушная баба въ заплатанномъ сарафанѣ и рваномъ зипунишкѣ.

— Дарьюшка,—кликнула старуха,—вотъ та барышня, что завтра съ тобой пойдетъ. Ужъ ты, родименькая, не нудь ее дорогой-то. Ей впервые этакую даль идти приходится. Твое-то дѣло, вѣстимо, привычное, такъ ты не торопись, дай ей передохнуть, коли приустанетъ.

— Чтожъ, мнѣ торопиться некуда,—равнодушно отвѣтила Дарья, доставая краюшку хлѣба,—что рано, что поздно приду—все одно.

— А хозяйина-то нѣтъ, что ли?—участливо спросила старушка.

— Нѣту... лѣтъ двадцать, какъ ушелъ. Ничего не слышать о немъ. Ребята всѣ померли,—такъ-же равнодушно произнесла баба и погрузилась въ жеванье хлѣба.

Старушка ушла, а Саша сѣла на окно; оглядывая невзрачную, грязную комнату и съ ужасомъ думая о ночлегѣ здѣсь.

Дождавшись возвращенія старушки, она съ мольбой обратилась къ ней:

— Бабушка, нельзя ли лучше прямо на дворѣ или въ сараѣ какомъ переночевать?

— Затѣмъ, касаточка, на дворѣ. Я ужъ переговорила съ хозяйкой Пантелеича, она тебя въ чистой горенкѣ положить. Она и отца твоего хорошо знаетъ. Такъ-то, родная, пойдемъ—я устрою тебя,—говорила старушка, показывая Сашѣ дорогу въ новое помѣщеніе.

На чистой половинѣ, гдѣ жили хозяева, было много лучше. Въ маленькой комнаткѣ, съ тюлевыми занавѣсками и цвѣтами на окнахъ, было довольно уютно.

Около стола, занятого огромнымъ самоваромъ, сидѣла высокая, желтая старуха, вставшая при входѣ Саши. Она ласково улыбнулась молодой дѣвушкѣ, подала ей руку и пригласила сѣсть.

— Чайку не угодно-ли?—предложила она низкимъ пріятнымъ голосомъ и поставила передъ Сашей огромную чашку чая.—Вы, я слышала, дочка Дмитрія Ивановича будете? Садись, Домнушка, садись странница Божія, гостей будешь,—обратилась она къ старушкѣ, тоже подвигая ей налитую чашку. Саша и старушка усѣлись къ столу. Хозяйка продолжала занимать ихъ разговоромъ, преимущественно обращаясь къ Сашѣ:

— Плохо живетъ Дмитрій Ивановичъ, бѣдно! Ну, да Господь поможетъ, вы замужъ скоро выйдете—родителей успокоите. Женихи найдутся, меня еще напередъ матушка изъ Глинницъ про васъ спрашивала. У нея братъ есть—въ академіи учился, умный такой господинъ, такъ онъ непременно хочетъ взять неvěсту съ «шветскимъ» образованіемъ.

Саша чуть не разсмѣялась надъ предпослѣднимъ словомъ, но во время сдержалась и продолжала чинно пить бездонную чашку.

— Вы молочка не хотите-ли?—любезно предложила хозяйка, видя, что разговоръ клеится плохо. Саша нерѣшительно взглянула на старушку. Та поняла ея взглядъ.

— Что матушка, Анна Семеновна,—добродушно проговорила она,—кушать-то намъ, конечно, хочется. Съ утра маковой росиночки во рту не было. Да боимся, капиталу не хватить; домой тоже лишнюю копейку принести хочется.

— Ахъ, батюшки мои, да развѣ на мнѣ креста нѣтъ!—воскликнула хозяйка,—сколько лѣтъ мы съ Дмитріемъ Ивановичемъ знакомы, а я съ его дочери деньги брать стану? Да я за честь почитаю принять такую образованную особу.

Черезъ нѣсколько минутъ передъ Сашей уже стоялъ жбанъ съ молокомъ, а затѣмъ явились на столѣ и другія яства, находившіяся въ шкафу гостепріимной хозяйки. Саша сначала стѣснялась, но Анна Семеновна ее такъ радушно угощала, что она дала полную волю аппетиту и съ наслажденіемъ пила и ѣла.

Послѣ ужина, Анна Семеновна отвела дѣвушку въ малень-

кую коморочку рядомъ, гдѣ уже была приготовлена чистая постель, и Саша почти сейчасъ же заснула крѣпкимъ, беззаботнымъ сномъ, успокоенная тѣмъ, что на первыхъ же шагахъ встрѣтила добрыхъ людей.

Было еще совершенно темно, когда кто-то разбудилъ ее. Съ усиленіемъ открывъ глаза, она увидала знакомую старушку.

— Бабушка, неужели вставать надо? Спать еще хочется, — жалобно произнесла она, борясь съ сладкой дремотой.

— Пора, касаточка. По холодку идти легче, а какъ солнышкомъ пригрѣетъ — скорѣе умаешься. Вставай, дитятко; хозяйка ужъ самоварчикъ согрѣла, — ласково убѣждала старушка.

Нехотя поднялась Саша. Старушка принесла ей умыться. Холодная ключевая вода разомъ освѣжила дѣвушку, прогнавъ ея сонъ, и она вошла къ Аннѣ Семеновнѣ бодрой и веселой.

— Тяжело вамъ съ непривычки подниматься съ зарей. Что дѣлать! Для родителей помучитесь.

— Я вотъ тутъ вамъ узелочекъ провизіи на дорожку приготовила, да чайку въ бутылочку налила, все попьете можете. Молочка бы дала, да время жаркое — испортится. Ужъ не побрезгуйте моимъ угощеніемъ, — сказала хозяйка, подвигая узелъ, лежавшій на столѣ, и поспѣшно наливая чай.

У Саши слезы навернулись на глаза. Она порывисто бросилась на шею старухи и горячо ее расцѣловала.

— Анна Семеновна, голубушка! Какая же вы добрая, хорошая! Чѣмъ мнѣ отблагодарить васъ? — взволнованно проговорила она.

— Пожните, Александра Дмитриевна, какая тамъ благодарность, — сказала тронутая хозяйка, — вотъ, если случится еще въ городѣ быть, заходите опять, я вамъ всегда буду рада. А пока, садитесь-ка за чаекъ, вотъ булочки мягкія.

Саша охотно послѣдовала ея совѣту и стала подкрѣпляться на дорогу.

Скоро пришла Дарья, уже совсѣмъ готовая въ путь.

Наскоро допивъ чашку чаю, Саша перекрестилась, потомъ низко поклонилась хозяйкѣ.

— Спасибо вамъ, Анна Семеновна, за вашу доброту, я никогда не забуду васъ, — сказала она, опять крѣпко ее цѣлуя. — Прощай, бабушка моя хорошая, спасибо тебѣ за твои хлопоты, помолись обо мнѣ, — обратилась она къ старушкѣ и тоже крѣпко расцѣловала ея сморщенные щеки.

— Прощай, дитятко мое золотое, храни тебя Царица Небесная, — любовно перекрестила ее старушка, едва сдерживая слезы.

Надѣвъ шляпку, Саша перекинула черезъ плечо сумочку, взяла узелъ и вышла за Дарьей.

Городъ еще спалъ. Маленькіе деревянные домики съ высокими тесовыми крышами, мезонинами и балкончиками казались нарисованными и напоминали Сашѣ древне-германскіе городки, видѣнные ею въ иллюстраціяхъ къ «Фаусту».

Пройдя широкую улицу съ рядомъ кузницъ и колодцевъ, путницы вышли изъ города на большую дорогу, по обѣимъ сторонамъ которой тянулись озими. Ихъ густая, бархатная зелень порадовала Сашу.

— Съ хлѣбушкомъ народъ будетъ,—замѣтила она,—зеленя то какіе славные, прелесты!

— Господи вѣдаетъ, кто ихъ дождется-то?—утрумо отозвалась Дарья,—хлѣбушка уродится много, да ѣсть будетъ некому...

— Почему?—заинтересовалась Саша.

Сосредоточенно глядя впередъ, Дарья заговорила тихо, словно про себя:

— Есть у насъ въ Каменкѣ старичекъ богоудный, Михеичемъ звать. Онъ сторожемъ церковнымъ годовъ десять служить. Вотъ онъ на Егорія вечеромъ пошелъ въ поле, только съ лѣсочкомъ-то поровнялся, слышитъ—кто-то на зеленяхъ голоситъ... ужъ вотъ какъ голоситъ, ровно мать по сыну родимому. Голоситъ, голоситъ, да какъ всплеснетъ руками, затрясется такъ, что вся земля задрожитъ. Михеичъ-то старикъ не робкій, а тутъ бѣлѣй снѣга домой прибѣжалъ.

— Вѣдь у васъ на Егорія праздникъ храмовой, можетъ, выпилъ лишнее, ему и почудилось,—сказала Саша.

Дарья промолчала, и по ея лицу нельзя было догадаться, какое впечатлѣніе на нее произвело предположеніе Саши? Тѣмъ не менѣе разговоръ оборвался, и онѣ шли молча. Не смотря на май мѣсяцъ, утренній холодокъ пробиралъ молодую дѣвушку и заставлялъ ее вздрагивать.

Дарья безучастно скользнула по ней взглядомъ и сказала куда-то въ пространство, словно избѣгая прямо обратиться къ своей спутницѣ:

— Безъ одежды плохо... Еще-то что, кромѣ платья, есть?

— Есть,—улыбнулась Саша,—мнѣ послѣ пришлютъ.

Опять воцарилось молчаніе. Саша хотѣла спросить о своихъ, но послѣ разсказа рабой ей было страшно.

— Пусть лучше сама все увижу, чѣмъ раньше мучиться,—рѣшила она про себя. Природныя веселость и беззаботность скоро прогнали ея думы, и она шла, разсѣянно скользя взоромъ по сторонамъ.

Изъ за сѣрой тучки на востокъ выглянуло солнышко, и, словно ему въ привѣтъ, изъ ближайшаго лѣса раздалось веселое пѣніе птичекъ, изъ зеленей отозвались жаворонки, совершенно невидимые, такъ что Сашѣ невольно казалось, что сама земля поетъ. Полная дѣтскаго восторга, дѣвушка бѣгомъ

бросилась къ лѣсу, безъ труда перескочивъ небольшую канаву.

— Смотри, Дарьюшка, какъ здѣсь хорошо, — говорила она, поспѣшно срывая ландыши и незабудки, ютившіеся подъ деревьями въ изумрудной травѣ, и украшая ими свою шляпку и платье.

Облокотившись на палку, Дарья терпѣливо ждала возвращенія Саши. Опять ея взглядъ какъ-то странно скользнулъ по цвѣтамъ, но она не проронила ни слова и тѣмъ же неторпливымъ шагомъ двинулась впередъ.

Къ позднему вечеру путешественницы достигли, наконецъ, цѣли своего пути. Не смотря на продолжительный отдыхъ на половинѣ пути, Саша чувствовала себя очень усталой. Но, тѣмъ не менѣе, ей смутно хотѣлось отдалить свиданіе съ своими. Она не могла и не успѣла еще заглушить въ себѣ чувство молодого эгоизма, ей хотѣлось хоть немного пожить безъ тягелаго гнета горя и нужды. На мгновеніе въ ея груди вспыхнуло отрадное свѣтлое чувство: она вспомнила объ Алешѣ, но оно тотчасъ же смѣнилось горечью. Разлюбить онъ, конечно.. мало ли у него знакомыхъ развитыхъ и богатыхъ дѣвушекъ. Вѣдь только въ романахъ безкорыстные герои остаются вѣрными и неизмѣнными, а не въ жизни, гдѣ такъ легко затираются новыми впечатлѣніями скоро блѣднѣющія черты прошлаго. «Съ глазъ долой, изъ сердца вонъ», говоритъ старинная поговорка, и, не смотря на молодость, Саша понимала горькую справедливость этой поговорки.

Ее вывелъ изъ раздумья голосъ Дарьи:

— Вотъ и дошли, слава Богу!

Саша остановилась. Все село было видно съ пригорка. Внизу струилась неширокая рѣченка, черезъ нее былъ перекинутъ мостъ, и дорога вела въ гору, гдѣ бѣлѣлась церковь, окруженная липовымъ, вѣковымъ садомъ. Направо, черезъ лощину, на высокой горѣ раскинулось село, налѣво отъ церкви, черезъ вторую лощину возвышалась красивая барская усадьба въ темной зелени елей.

— Вотъ тамъ, около церкви Дмитрій Ивановичъ живетъ, — тихо заговорила Дарья, — рядомъ почти. Кромѣ его домочка — сторожка только... Нешто проводить до него?.. поздно вато будто... мнѣ на село, вотъ сюда идти... А то, провожу.

— Нѣтъ, спасибо, я одна дойду, — вымолвила Саша поблѣвшими отъ волненія губами и, перейдя мостъ, быстро стала подниматься въ гору.

Дойдя до каменной церковной ограды, она опять остановилась. Изъ стараго сада на нее вѣяло прохладой и тишиной, ей хотѣлось уйти туда и плакать, плакать безъ конца въ изумрудной травѣ между памятниковъ и крестовъ.

Вдали послышался крикъ, и скоро показалась толстая босоногая дѣвочка въ подоткнутой юбкѣ и разорванной кофточкѣ, съ огромной хворостиной въ рукахъ, которой она подгоняла двухъ овецъ.

Некрасивое лицо дѣвочки было изуродовано оспой, маленькіе сѣрые глаза, злобно глядѣвшіе изподлобья, и лохматые, рыжіе волосы дѣлали ее совсѣмъ непривлекательной. Она оглядѣла Сашу съ головы до ногъ и презрительно фыркнула.

— Господи! Неужели это моя сестра?—съ ужасомъ подумала Саша и, чтобы разомъ разсѣять свои сомнѣнія, спросила:

— Ты не знаешь, гдѣ живетъ Дмитрій Ивановичъ?

Дѣвочка засмѣялась:

— Гдѣ ужъ мнѣ про то знать, когда онъ мнѣ тяткой доводится. На что онъ тебѣ? Онъ вторую недѣлю гдѣ-то шляется, пьянствуетъ должно. Вѣдь онъ у насъ пьянушка...

— Не хорошо такъ про отца говорить, — попробовала ее остановить Саша.

— О, о! Ты это откуда выискала? Тоже меня учить вздумала!.. гляди, какъ бы я тебя прежде хворостиной не поучила, — погрозила дѣвочка и, вбѣжавъ на шаткое крылечко домика, до котораго онѣ дошли, закричала: — Мама, какая-то барышня отца спрашиваетъ.

Дверь заскрипѣла и отворилась. На порогѣ показалась высокая, худая женщина въ опрятномъ темномъ платьѣ. Она съ удивленіемъ посмотрѣла на Сашу и вздрогнула.

— Саша! — несмѣло сорвалось съ ея губъ, и столько радости и теплаго чувства вылилось въ этомъ звукѣ, что только одни уста въ мірѣ могли такъ сказать это имя. Саша быстро бросилась на шею матери.

— Мамочка, да какъ же вы меня узнали? — спрашивала она между поцѣлуями.

Мать отстранила ее тихонько на мгновеніе.

— погоди, дѣточка, дай поглядѣть на тебя. Красавица какая стала! Рослая... статная... Говорятъ, маленькой ты на меня была похожа, только волосы... Нюша тоже со мной была схожа, вотъ Варя, та — въ отца... Милушка ты моя, не думала я тебя дожидаться, — любовно говорила мать, оглядывая цвѣтущую дѣвушку. — Да гдѣ же это Варя?—вдругъ спохватилась она.

Но босоногой дѣвочки давно слѣдъ простылъ. Саша разсмѣялась.

— Она хотѣла меня угостить хворостиной, а теперь ей, вѣрно, стало стыдно, она и спряталась.

Мать покачала головой.

— Озорница она у насъ, отецъ избаловалъ, только его одного и слушаетъ. Сладу съ ней теперь нѣтъ. Ну иди, дѣ-

точка, въ горенку; я ее сейчасъ разыщу. Господи, вотъ и не чаяла такой радости!

Она отворила Сашѣ дверь, а сама проворно ушла искать младшую дочь.

Комната была очень мала, потому что перегородки дѣлили ее на четыре части: первая представляла изъ себя переднюю, изъ нея прямо дверь вела въ пріемную, а направо — въ маленькій чуланчикъ, изображавшій спальню. Въ пріемной два окна были обращены на площадь передъ церковью, изъ нихъ видно было село, домъ священника и дорога къ мосту, по которой пришла Саша; третье окно выходило къ оградѣ и саду, направо за дверью находилась вторая спальня. Благодаря вчерашнему празднику (дню Святителя Николая), все въ домикѣ сіяло чистотой. Бѣлыя коленкоровыя занавѣси на окнахъ, вязанная салфеточка на угольномъ столикѣ подъ образомъ, скатерть на большомъ столѣ, между двухъ оконъ, и бѣлый деревянный полъ — сіяли бѣлизной. У длинной стѣны пріемной помѣщался также довольно красивый, кожаный диванъ; недавно выбѣленные стѣны украшались царскими портретами и двумя-тремя олеографіями; были даже цвѣтуція розы, герани и резеда на окнахъ, а мирно горѣвшая лампада всему сообщала какую-то теплоту и уютность.

Обстановка родного гнѣзда произвела на Сашу самое пріятное впечатлѣніе. Освободившись отъ шляпы и сумочки, осмотрѣвъ все, она подошла къ окну и услышала разговоръ матери съ сестрой, на крылечкѣ.

— Сейчасъ бѣги, — говорила мать, — скажи матушкѣ: сестра, молъ, изъ гимназіи пріѣхала, чаемъ напоить надо, а его ни соринки нѣтъ, и сахару попроси, да бѣлаго хлѣбца, либо просвирокъ.

— А какъ не дать? — выразила сомнѣніе Варя.

— Не дать? Гм... Ну, тогда къ господской ключницѣ сѣгай. Да лучше прямо иди къ ней, къ Аграфенѣ Марковнѣ, она всегда даетъ, а попадья наша скаредная.

Кивнувъ головой въ знакъ согласія, дѣвочка немедленно умчалась, а мать вошла въ комнату.

— Мамочка, зачѣмъ вы такъ хлопочете, развѣ нельзя обойтись безъ чая? — обратилась къ ней Саша.

— Какъ же можно, милушка! Да, что же это, я голову потеряла, — вспомнила Авдотья Степановна (такъ звали мать Саши). — Гдѣ же твоя подвода, на чемъ ты пріѣхала? Пожители, чай, какіе есть?

— Ничего, мамочка, я съ собой не взяла. Пѣшкомъ пришла изъ города съ Дарьей, — объяснила Саша, садясь на диванъ рядомъ съ матерью.

Авдотья Степановна всплеснула руками, и слезы градомъ полились изъ ея глазъ.

— Тридцать верстъ пѣшкомъ! Дочечка ты моя ненаглядная, мученица ты моя несчастная... Господи... бѣдность-то насъ заѣла... дитятко свое родное отъ горя уберечь не приходится,— причитала она, обнимая и цѣлуя дочь.

Саша молчала. Ей тоже почему-то хотѣлось заплакать, но она сдержалась.

Въ чуланчикѣ послышался тихій, больной плачъ. Авдотья Степановна встрепенулась.

— Братенокъ твой плачетъ,—сказала она, вставая,—сейчасъ принесу его. Несчастный онъ у меня... Господь знаетъ, за что мнѣ такое горе выпало. Двухъ дочекъ схоронила, этотъ просится на погостъ; отецъ плохъ становится. Все только горе горькое, да мука мученическая. Хоть бы ужъ скорѣе всѣхъ насъ прибрала Царица Небесная. Вѣдь это что, ребенокъ развѣ?—вынесла она къ Сашѣ блѣднаго мальчугана съ непомерно большой головой и животомъ и тонкими, крохотными ручками и ножками. — Три года вчера сравнялось, а онъ на ноги не становится, сиднемъ сидитъ. Связалъ насъ совѣмъ. Дѣвчонку съ нимъ не усадишь, все самой приходится нянчить. Безъ него на работишку бы куда ушла, лишній грошъ добыла бы, а тутъ онъ виснетъ, ровно камень на шеѣ.

Саша взяла брата на руки. Грустные, черные глазенки, полные недѣтской думы, остановились на ней съ любопытствомъ, но онъ не заплакалъ, когда она его поцѣловала.

— Ишь, маленький, а разумѣть, что ты не чужая, своя кровь, — сказала Авдотья Степановна, довольная тѣмъ, что Саша приласкала ребенка, — ты ужъ посиди съ нимъ, дѣточка, пока я самоваръ поставлю, — прибавила она, уходя.

Саша стала забавлять малютку своими часиками. Онъ внимательно прислушивался къ ихъ тихому ходу, осторожно дотрогиваясь до нихъ прозрачно-блѣдными ручками, на которыхъ сквозили синія жилки, проглядывавшія также на лбу и вискахъ его болѣзненного личика. Молодой дѣвушкѣ стало его ужасно жаль, и она еще нѣсколько разъ горячо поцѣловала ребенка.

— Саша, — озабоченно окликнула мать, пріотворяя дверь изъ сѣней, — а что же, все-таки, есть у тебя бѣлье, платишки?

— Есть, мамочка, все есть. Я уговорила съ подругой, что она мнѣ послѣ пришлетъ. Какъ только изъ города получить—не знаю.

— Оттуда не хитро. Отецъ сходить, принесетъ. Онъ за лѣто разъ десять въ городѣ побываетъ... Туда по дорогѣ господъ много знакомыхъ живетъ, помогаютъ намъ... Да какъ теперь ты съ нимъ не встрѣтилась? Онъ въ той сторонѣ вторую

недѣлю колобродить; боюсь, все собранное пропѣть... Слабъ старичекъ сталъ. Онъ...

Она не успѣла договорить. Въ сѣни вихремъ влетѣла Варя, нагруженная узелками. Передавъ все матери, она опять хотѣла обѣжать, но Авдотья Степановна поймала ее за руку.

— Погоди, егоза! Что же Аграфена Марковна про Сашу спрашивала?

— Спрашивала, и барышня спрашивала, а Андрей говорить: я ее видѣлъ, красавица, говорить.

— Ужъ Андрейка всюду успѣетъ... Ну, а барина видѣла?

— Баринъ по двору ходить съ арапникомъ, меня обѣщаль собаками затравить. Велѣлъ Андрею Зацѣпу спустить, да барышня плакать начала,—расхохоталась Варя.

— Да что же этотъ баринъ—сумасшедшій? Почему онъ людей травить?—выѣшалась въ разговоръ Саша.

— Злы они всѣ на меня въ усадьбѣ. Я у нихъ дыни изъ парниковъ покрала, да стекла въ оранжереѣ выбила,—объяснила Варя, со вниманіемъ слѣдя, какъ мать доставала изъ свертковъ чай, сахаръ, жареныхъ цыплятъ, сладкіе пирожки и бутылку съ молокомъ.

— Вотъ и самоваръ поспѣлъ, можно дорогую гостью подчивать,—прервала Авдотья Степановна болтовню Вари, внося самоваръ и ставя его на столъ,—садись, Саша, съ Колюшкой вотъ тутъ, подъ окошечко, и ты, Варюша, иди. Мы съ тобой вчера ради годового праздника голодали, а сегодня за то Богъ вдвое послалъ.

Варя нерѣшительно, глядя на сестру, сѣла около нея. Саша съ ласковой улыбкой хотѣла погладить ее взъерошенную голову и протянула руку, но дѣвочка вдругъ вся съежилась, и ея лицо приняло испуганное выраженіе.

— Что съ тобой?—удивилась Саша.

— Я думала, ты меня за вихоръ отодрать хочешь, хворостину припомнила,—отвѣтила Варя,—а нешто я знала, что ты сестра.

— А теперь, когда узнала, не будешь со мной воевать?

— Коли ты меня трогать не будешь—не стану. А то вѣдь я—драчливая. Меня всѣ на селѣ такъ и зовутъ: Варька-драчунья. Я наемни Аришкѣ Матрениной какъ морду-то расплосовала, страсть,—похвасталась дѣвочка и въ доказательство своей способности хотѣла влѣпить щелчокъ маленькому Колѣ.

Возмущенная Саша во время схватила ее руку.

— Никогда не смѣй обижать брата, негодная дѣвчонка, иначе я тебя вонъ вышвырну,—сердито крикнула она.

Варя смѣрила глазами высокую фигуру сестры и, очевидно, сообразивъ, что сила не на ея сторонѣ, принялась за чай,

даже ни мало не обидясь окрикомъ. Въ ней твердо сидѣло убѣжденіе: кто силенъ, тотъ и правъ.

— Съ кѣмъ же мнѣ отослать письмо на почту?—спросила Саша, обращаясь къ матери, такъ увлеченной чаемъ, что она не замѣтила даже столкновенія между сестрами.

— Черезъ господскій дворъ можно, тамъ въ городъ часто посылають. Варька, ты не слыхала, когда въ городъ собираются?

Варя перекувырнула свою чашку кверху дномъ, положила сверху огрызокъ сахару въ знакъ того, что чаепитіе кончено, и отвѣтила, болтая босыми ногами:

— Баринъ при мнѣ сказалъ Андрею, что самъ завтра поѣдетъ.

— Завтра! — обрадовалась Авдотья Степановна. — Не успѣешь, пожалуй, написать-то, дѣточка,—полупечально, полу-вопросительно прибавила она. Ужъ очень ей хотѣлось, чтобы поскорѣе были получены вещи дочери.

— Написать успѣю, конечно; развѣ это долго. У меня все есть для письма, а съ кѣмъ его переслать въ усадьбу? Поздно теперь, я ночью писать буду.

— Свѣту у насъ нѣтъ, дѣточка,—тихо вымолвила мать,—который вечеръ безъ огня сидимъ, керосину купить не на что.

Саша поспѣшно достала изъ сумочки всѣ бывшія у нея деньги и подала ихъ матери.

— Письмо я завтра утромъ напишу,—сказала она,—не до свѣта же поѣдутъ въ городъ. Ты меня разбудишь, мамочка? Вѣдь ты, вѣрно, рано встаешь?

— Нѣтъ, милушка. Мы, какъ бездомники какіе, живемъ. Дѣлать намъ нечего, коли съ зарею встанемъ, съѣсть только больше придется, а куска-то подчасъ нѣтъ,—грустно произнесла Авдотья Степановна, и Саша поняла, что затронула больную струну.

— Я разбужу,—вмѣшалась Варя,—я рано овецъ въ стадо гоняю. Я и письмо барину отдамъ, онъ мимо насъ въ городъ поѣдетъ.

— Вотъ умница будешь,—похвалила ее Саша,—спасибо. Дѣвочка широко улыбнулась.

— А теперь я спать пойду, пора. Давай мнѣ Кольку, я его бить не буду,—успокоила она сестру.

Та отдала ей дремавшего ребенка и осталась съ матерью. Разговоръ ихъ не клеился. Сашѣ хотѣлось спать. Сбивчиво рассказывая о своей жизни въ гимназіи, о Завьяловыхъ, она, наконецъ, громко зѣвнула.

— Спать хочешь, дѣточка,—замѣтила Авдотья Степановна и принесла маленькую подушечку въ чистой ситцевой наволочкѣ и старое ватное одѣяло.

— Вотъ только и есть,—со вздохомъ сказала она,—и уложить тебя попокойнѣе не приходится.

Она постелила одѣяло на диванъ, поцѣловала дочь, перекрестила ее и ушла. Сашѣ показалось, что въ глазахъ матери блеснули слезы. Она слышала, какъ долго молилась Авдотья Степановна въ своей каморкѣ, тяжело вздыхая, а потомъ ворочалась на неистово скрипѣвшей кровати. Видно, ей было не до сна. Саша тоже не могла уснуть, хотя въ комнатѣ было тихо и уютно отъ горящей лампы, а въ раскрытыя окна изъ церковнаго сада доносились пѣсни соловьевъ. Саша лежала, не раздѣваясь, подложивъ руки подъ голову, и думала объ отцѣ. Ей вспоминались слова Вари: «пьянюшка вѣдь онъ у насъ».

Прямо подъ окномъ слышались чьи-то шаги. Саша встревоженно окликнула мать.

— Спи, дѣточка, это Михеичъ звонить пошелъ, — отозвалась она надтреснутымъ голосомъ, и Саша убѣдилась, что она плачетъ.

Дѣйствительно, черезъ минутку гулко прозвучалъ ударъ колокола, затѣмъ другой и третій. Саша подошла къ окну. На безоблачно-синемъ небѣ кротно мерцали звѣзды, переливаясь лучами; темныя липы въ саду стояли неподвижныя, словно замороженныя серебристымъ свѣтомъ луны.

— Хорошо-то какъ тамъ,—подумала Саша и выглянула за окно, но въ тоже мгновеніе съ легкимъ крикомъ отшатнулась назадъ.

— Что съ тобой, Саша?—съ безпокойствомъ спросила мать.

— Ничего, мамочка, летучей мыши испугалась,—отвѣтила она, запирая раму на задвижку и спуская занавѣску.—А что Михеичъ молодой?—прибавила она немного спустя.

— Въ субботу сто лѣтъ будетъ,—пошутила Авдотья Степановна,—а ты развѣ его видѣла?

Саша молчала.

— Саша, ты, можетъ, кого видѣла,—тревожнѣе заговорила мать.—Баринъ вѣдь тутъ часто по ночамъ шатается, чтобъ ему добра не было! Друженъ онъ съ Михеичемъ: вишь, полюбилось ему, какъ старикъ на свирѣли играетъ. Можетъ, ты его видѣла, барина?

— Не знаю, — тихо произнесла Саша, — мнѣ показалось, стоитъ кто-то у окна; можетъ, просто померещилось...

Но ей не померещилось. Въ окнѣ она чуть не лицомъ къ лицу столкнулась съ молодымъ, высокимъ брюнетомъ въ красной шелковой рубашкѣ. Какъ огнемъ обдалъ молодую дѣвушку его пристальный, слегка насмѣшливый взглядъ, а потомъ она видѣла, какъ онъ съ Михеичемъ ушелъ въ садъ. Она вся дрожала отъ негодованія... гадость какая, лазить по окнамъ; что

ему нужно здѣсь, этому «барину»?—волновалась Саша, ворочаясь на своемъ жесткомъ ложѣ.

Вдругъ до нея донеслись унылые звуки свирѣли и чье-то пѣніе. Бархатный баритонъ такъ и разливался красивыми волнами въ тихомъ воздухѣ чарующей, лѣтней ночи, и дѣвушка невольно заслушалась, забывая свой гнѣвъ. Мелодическія ноты ее убаюкивали, и она скоро заснула.

Блеянье овецъ подъ окномъ разбудило ее. Открывъ глаза, она увидала передъ собой Варю.

— Ну, Саша, проснулась, вотъ и хорошо, а то мнѣ тебя жалко было будить,—сказала дѣвочка,—ну, вставай, пиши. Я посмотрю, какъ люди письма пишутъ.

Саша поспѣшно вскочила, накинула одѣяло на плечи и, доставъ изъ сумочки письменныя принадлежности, сѣла къ столу. Съ минуту Варя смотрѣла на непонятную работу, съ удивленіемъ слѣдя за перомъ быстро скользящимъ по красивому листку розовой почтовой бумаги, но затѣмъ ей наскучило, и она ушла на крыльцо. А у Саши не ладилось письмо. Она не выпалась еще, не успѣла собрать въ одно цѣлое свои впечатлѣнія, да и мухи мѣшали, кружившіяся надъ нею цѣлымъ роемъ. Ей безпрестанно приходилось отбиваться отъ ихъ назойливыхъ приставаній, что ее ужасно раздражало.

Едва она успѣла надписать конвертъ и наклеить марку, какъ Варя стремительно вбѣжала въ комнату.

— Давай скорѣе, баринъ ѣдетъ,—закричала она и, выхвативъ письмо изъ рукъ сестры, также быстро исчезла.

Саша, спрятавшись за занавѣску, посмотрѣла въ окно. Передъ домомъ только что поравнялась щегольская коляска, запряженная парой вороныхъ полукровокъ. Въ коляскѣ сидѣлъ «баринъ» въ красной рубашкѣ и поддевкѣ. При видѣ его, Варя неистово замахала руками и бросилась къ экипажу. Баринъ остановилъ кучера.

— Ты куда подъ лошадей мчишься, рыжій чертенокъ?—обратился онъ къ дѣвочкѣ, и по звуку голоса Саша узнала въ немъ ночнаго пѣвца.

— Сестра велѣла на почту письмо отвезть,—смѣло отвѣтила Варя, протягивая конвертъ.

Баринъ взялъ его.

— Гм... велѣла! Почеркъ-то весьма недуренъ; твоя сестра, видно, грамотница?

— Она въ гимназіи восемь лѣтъ была, ученая,—гордо объявила Варя.

— Ого! Это Дмитрія Ивановича дочка-то! Слышишь, Андрей?—отнесся онъ къ кучеру.

Красавецъ и, очевидно, барскій любимецъ Андрей улыбнулся:

— Я ее вчера встрѣтилъ, подивился на нее; откуда такая красавица взялась... Статная, не въ папашу съ мамашей вышла...

— Слушай, чертенокъ, — опять обратился баринъ къ Варѣ, — а твоя сестра тоже рыжая?

— А ты не больно ругайся-то! Я и сама ругнуть получше твоего умѣю, — озлилась дѣвочка, — хоть и рыжая, да не твоей слѣпой чета. Самъ ты чортъ косоплѣтый!

— Андрей, дай мнѣ кнуть, я ее проучу, — живо повернулся баринъ.

Но Варька уже убѣжала и, стоя за канавой въ безопасномъ мѣстѣ, высовывала языкъ и бранилась самыми отборными словами. На нее, впрочемъ, никто не обращалъ вниманія. Андрей тронулъ лошадей, и коляска, плавно покачиваясь на рессорахъ, покатила дальше. Саша видѣла, какъ баринъ еще разъ осмотрѣлъ ея письмо и спряталъ въ карманъ. Вспомнивъ ссору Вари съ нимъ, она улыбнулась.

— Молодецъ дѣвочка, умѣетъ себя отстоять и никому кланяться не станетъ, — мысленно похвалила она сестру и легла досыпать.

Проснувшись она поздно. Было уже около полудня. Съ крылечка доносился въ комнату гулъ голосовъ. Торопливо одѣвшись, она вышла туда и увидала Авдотью Степановну, окруженную бабами, между которыми была и Дарья.

Кивнувъ ей головой, Саша расцѣловалась съ матерью.

— Заспалась, Сашурочка, — приласкала ее мать.

— Да, мамочка, за то отдохнула, какъ слѣдуетъ.

— Какъ не отдохнуть! Легкое ли дѣло проспять до обѣда, — улыбаясь, замѣтила одна изъ бабъ.

Саша постояла немножко, но видя, что при ней прерванная бесѣда не возобновляется, ушла въ домъ. Скоро къ ней пришла мать.

— Ты, вѣрно, утромъ чай пить привыкла, — робко спросила она.

— Привыкла, правда, но и отвыкнуть могу, — весело сказала Саша, — вотъ поѣсть мнѣ хочется!

— Накормить тебя, дѣточка, есть чѣмъ. Сегодня съ утра добрые люди, какъ узнали, что ко мнѣ дочка пришла, такъ гостинцевъ принесли. Матушка баночку варенья прислала, да просвирокъ; Аграфена Марковна — молочка, бѣлаго хлѣбца, крупы да пшена, бабочки знакомыя кто яичекъ, кто курочку, всего принесли... Съ недѣлку проживемъ. Такъ то, дѣточка, свѣтъ не безъ добрыхъ людей... Что же тебѣ молочка дать, или яичекъ сварить?

— Лучше ужъ молочка дайте, — рѣшила Саша.

— Сейчас, милушка, принесу. Да вотъ еще надо Варюшку къ Алень Капитоновнѣ послать; это арендаторы-купцы тутъ живутъ недалеко: мать съ сыномъ. Она добрая такая, узнаеть, что ты пришла, тоже что нибудь дастъ.

— Господи! Мамочка, да неужели отцу нельзя какое нибудь мѣсто взять, чтобъ не выпрашивать подачекъ?—воскликнула Саша чуть не со слезами.

Авдотья Степановна удивленно поглядѣла на нее.

— Молода ты еще, дѣточка! Поживешь, тоже пойдешь спину гнуть, да выпрашивать... Мѣсто! Не про нашего брата оно, мѣсто-то это! Ты думаешь—легко отцу ходить собирать? Да вѣдь въ одномъ домѣ ему милостыню подадутъ, а изъ трехъ въ зашеи вытолкають. Намедни нашъ баринъ его чуть плетью не вытянулъ. Нешто легко терпѣть это на старости лѣтъ? онъ же дворянинъ... Да не на радость намъ вышло наше дворянство. А мѣсту кто же бы не радъ!.. Молочка-то принести тебѣ?

— Ничего не хочу,—упавшимъ голосомъ отозвалась Саша, закрывая лицо руками.

— Что же такъ, дѣточка? Молочко холодное. Выпей, родная! Растрожила я тебя, милушка; полно, не плачь,—ласково шептала мать, глядя красивую, печально поникшую головку.

Но Саша молчала. Авдотья Степановна принесла кружку съ молокомъ и поставила на столъ.

— Выпей, дѣточка, отлегнуть отъ сердца, — уговаривала она,—а потомъ пойдемъ съ сестрами поведемся.

— Съ сестрами? — съ недоумѣніемъ спросила Саша,—да гдѣ же онѣ?

— А на погостѣ-то, голубушка, все хотъ могилкамъ поклонись. Рядомъ обѣ схоронены, подъ однимъ крестикомъ. Крестикъ-то Дмитрій Ивановичъ самъ дѣлалъ... Хотѣлъ было столарю заказать, да тотъ дорого запросилъ, такъ самъ и сдѣлалъ. Нюша черезъ двѣ недѣли послѣ смерти сестры Кати померла. Зима была лютая, мятели каждый день, снѣгъ глубокий... а у насъ дровишекъ не было... истопить нечѣмъ. Нюша пошла въ усадьбу испросить дровъ, ноги промочила, сама иззябла... въ одномъ платьишкѣ бѣгала. Дровъ намъ дали, а она свалилась. Баринъ ѣздилъ каждый день, лѣчилъ ее, нѣтъ, видно, отъ смерти уйти не легко. Живо сгорѣла... А ужъ красива-то была! Заглядѣніе! Статная, высокая, глаза большіе, черные, словно бархатъ, коса еще длиннѣ твоей была, ровно золото, свѣтлая. Вотъ Колька на нее похожъ... Да! красота-то ее и сгубила, при бѣдности красота только на грѣхъ,—глухо закончила Авдотья Степановна, отирая обильныя слезы.

— Почему же?—не поняла Саша.

Мать оглянулась на дверь, и что-то удивительно-странное промелькнуло въ ея блуждающемъ взглядѣ.

— Баринъ нашъ тутъ замѣшался... Приглянулась ему Нюша, а она дѣвчонка молодая, глупая... Стала каждый день въ усадьбу ходить; пиры тамъ баринъ съ своимъ пріятелемъ Андрейкой задавалъ. Ну, ходила, ходила, да когда спохватилась, ужъ дѣла не поправишь. Всѣ на селѣ заприимѣтили. Въ церковь Божію показаться не смѣла: засмѣяли ее... Хорошо, Господь на нее оглянулся, прибавилъ, отъ сраму избавилъ. Кабы еще мѣсяца два пожила—бѣда-бѣ была! Куда ребенка дѣвать? Отецъ бы ее проклялъ, да съ глазъ согналъ... Ничего онъ не зналъ—счастье...

— А Катя отчего умерла?—перебила ее Саша, чувствуя, что какой-то странный испугъ передается ей отъ матери, что сейчасъ она разрыдается.

— Катя-то? Ну, она съ рожденія хилая, до трехъ лѣтъ сидя-кой была, а тамъ постоянно то на бокъ, то на спину жаловалась. Ей ужъ такъ на роду было написано—умереть... Жить-то ей хорошо было. Барыня, что взяла ее въ услуженіе, любила ее, черной работы не давала. Только всего дѣла, что постель оправить, барыню причесать, да шить кое-что. На горе пріѣхала насъ провѣдать, а на селѣ какая-то хворь ходила, въ ней привязалась. А силы-то у нея ни крошечки не было, да въ домъ холодъ... Такъ и померла.

— Бѣдныя,—вырвалось у Саши. Она залпомъ выпила молока и встала.

— Куда же ты, Саша?—окликнула мать.

— Въ садъ... мнѣ душно,—еле вымолвила Саша, поспѣшно идя къ двери.

— Въ садъ! А на погостъ-то?—съ кроткимъ упрекомъ произнесла Адотья Степановна.

— Послѣ... я не могу сейчасъ, мамочка!—вскрикнула Саша, и почти бѣгомъ бросилась изъ дома.

Калитка, ведущая въ садъ, была заперта, но Саша безъ труда перепрыгнула черезъ низенькую каменную ограду и прошла въ глубину. Тамъ было тихо и прохладно. Сплетшіяся вѣтви липъ не пропускали солнечныхъ лучей, и въ ихъ тѣни густо разрослись сирени, жимолость, розы и мальвы. Въ травѣ мелькали разноцвѣтныя головки кашки, колокольчиковъ, ромашки и курортіа; цѣлые рои мотыльковъ носились надъ ними. Но Саша ничего не замѣчала. Убѣдась, что ее никто не видитъ, она бросилась на землю и, скрывъ лицо въ густой, душистой травѣ, дала полную волю своимъ слезамъ. Ей было невыносимо жаль сестеръ, особенно Нюшу, а главное, жаль себя. Сашѣ казалось, что для нея кончились счастливые, беззаботные дни, и она рыдала, какъ безумная, и билась головой о землю.

Къ счастью, чѣмъ бурнѣе порывъ горя, тѣмъ онъ скорѣе

проходить. Такъ было и съ Сашей. Физическая усталость смѣнила ея слезы, и она молча лежала, закинувъ руки подъ голову, совершенно безучастная и равнодушная ко всему, не обращая вниманія на темнѣющіе просвѣты липъ и на ровный розовый отблескъ заходящаго солнца, облившаго траву и верушки деревьевъ.

Громкій голосъ Вари заставилъ дѣвушку выйти изъ забытья. Она поднялась и, выбравшись изъ чащи, лицомъ къ лицу столкнулась съ сестрой. Та ее оглядѣла съ удивленіемъ.

— Или тебя мать оттузила за что нибудь?—спросила она.

Саша широко раскрыла глаза.

— Меня? Мать? Да ты съума сошла!

— Отчего же ты плакала? А я думала, мать побила. У насъ дядчиха свою большую дочь во-о-отъ какъ лупить... страсть!.. И меня мать бьетъ кое-когда,—заявила Варя.

Авдотья Степановна ждала Сашу съ обѣдомъ, но та ни до чего не дотронулась и, видя, что солнце сѣло, обратилась къ матери съ просьбой идти на погостъ.

Авдотья Степановна сейчасъ же стала собираться; надѣла на плечи старинную шаль, на голову темный платочекъ и объявила, что готова. Саша двинулась было въ путь, но мать ее остановила.

— Шляпку надѣнь, да перчатки,—сказала она просящимъ голосомъ,—идти мимо батюшки придется, пусть посмотрятъ, какую я барышню выходила!

Саша съ грустной улыбкой исполнила это желаніе, и обѣ отправились дальше.

Спустившись по дорогѣ, уже знакомой Сашѣ, Авдотья Степановна повернула на узенькую тропинку, ведущую къ дому священника. Тамъ, на балконѣ благодумствовали за чаемъ батюшка и матушка, оба весьма крупныхъ размѣровъ. Матушка такъ и впиалась любопытными глазами въ Сашу при ея приближеніи.

Авдотья Степановна подошла къ балкончику.

— Здравствуйте, матушка Ольга Васильевна, чаекъ на воздухъ кушаете, хорошаго вамъ аппетита,—сказала она сладкимъ голоскомъ, низко кланяясь.—Какъ здоровье ваше? Благодарю покорно за вареньице и просвирички. Дай вамъ Господи добраго здоровья, пошли вамъ Царица Небесная за вашу доброту, благодѣтельница, что не оставляете меня, горькую.

Она низко поклонилась опять. Завидѣвъ батюшку, выглянувшего на Сашу изъ-за широкой фигуры матушки, она правильно вбѣжала на балкончикъ, сложила руки «горсточкой» и

тѣмъ же сладкимъ голосомъ, жгучей болью отзывавшемся въ сердцѣ дочери, проговорила:

— Благословите, батюшка.

И звонко чмокнула благословляющую руку.

Матушка съ снисходительной улыбкой поцѣловалась съ Авдотьей Степановной.

— Это что же—ваша дочка?—спросила она, небрежно кивая на Сашу,

— Дочка, матушка Ольга Васильевна, дочка. Саша, пооди сюда, благословенья попроси у отца Николая,—не мѣняя звука голоса, сказала Авдотья Степановна.

Внутренно проклиная себя за желаніе идти на погостъ, Саша сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и поклонилась.

— Что же вы? Осчастливьте—войдите,—не безъ ядовитости пригласила матушка,—не будьте такими гордыми.

Саша вошла.

— Здравствуйте, батюшка, — сказала она, протягивая ему руку,—вы меня, вѣрно, не помните? Я вѣдь восемь лѣтъ не была дома.

Батюшка что-то промычалъ. Авдотья Степановна дернула дочь за платье.

— Благословенье проси, — шепнула она, — нешто со священниками за руку здороваются!

Саша, не слушая, обратилась къ матушкѣ:

— Здравствуйте, Ольга Васильевна, благодарю васъ за варенье.

Матушка нехотя дотронулась до протянутой ей руки.

— Не знаю, угодила-ли вамъ вареньемъ, вѣдь вы теперь такая свѣтская дѣвица стали.

— А вы, матушка Ольга Васильевна, не судите ее строго,—выѣшалась Авдотья Степановна,—извѣстное дѣло, молодость—глупость! Вѣдь сколько лѣтъ на чужой сторонѣ прожила безъ матери, а чужіе-то люди развѣ добру научать? Имъ бы все на смѣхъ подня.

— Мамочка на кладбище опоздаемъ: темно становится,—перебила Саша, видя, что матушка на нее косится и даже не предлагаетъ, ѣсть.

— Что же самъ такъ наша компанія не нравится,—киво усмѣхнулась попадья.—Конечно, мы въ губерніи не живемъ. Какой интересъ съ нами! Намъ не до науки, простымъ людямъ, не до ученыхъ разговоровъ... Есть чѣмъ закусить, да во что одѣться—и за то Бога благодаримъ, по крайней мѣрѣ по чужимъ дворамъ за милостыней не побираемся.

Саша вспыхнула. Рѣзкій отвѣтъ готовъ былъ слетѣть съ ея губъ, но, увидавъ испуганную и приниженную фигуру ма-

тери, она молча пожала плечами и, быстро сойдя съ балкона, направилась одна къ кладбищу.

— Ишь, какая гордячка!—донеслось замѣчаніе попадьи,—было-бъ съ чего носъ поднимать.

— Ольга Васильевна, матушка, не гнѣвайтесь на нее, простите глупую, нешто она понимаетъ, какъ съ людьми говорить,—кланялась Авдотья Степановна, понимавшая всю невыгоду матушкинаго гнѣва,—простите. Будьте милостивы, благодѣтельница, васъ Господь наградить и Царица Небесная за вашу доброту... Батюшка, отецъ Николай... нешто она понимаетъ...

Авдотья Степановна заплакала.

— Да что ты, Авдотья Степановна, мы на тебя не серчаемъ,—сказалъ батюшка, вообще отличавшійся большей мягкосердечностью, чѣмъ матушка,—а нехорошо, правда, въ такихъ молодыхъ лѣтахъ непочтеніе къ старшимъ... опять-же подѣ благословеніе не подошла! Это—гордость, грѣхъ... А Богу-то она у тебя молится? Нынѣ мода пошла не молиться, такъ она не изъ такихъ-ли?

— Молится, батюшка, отецъ Николай! Ей Богу, молится! Да кабы она не молилась, то я бы ее на порогъ не пустила... Простите, матушка Ольга Васильевна, — опять чуть не до земли поклонилась Авдотья Степановна.

Попадья, наконецъ, смѣнила гнѣвъ на милость.

— Мнѣ что же на всякую дрянную дѣвчонку сердиться, себя разстраивать, мнѣ на нее наплевать,—сказала она притворно-равнодушнымъ тономъ, наливая себѣ десятую чашку чая,—а тебѣ, Авдотья Степановна, я всегда рада, ты — женщина умная. Ты ее пожури хорошенько, на то ты мать... Кстати, я хотѣла тебѣ сказать, у моего батюшки носки износились, такъ я тебѣ дамъ бумаги, ты съ своей герцогиней и повяжите. Вѣдь все равно вамъ дѣлать нечего.

— Нечего, матушка Ольга Васильевна, нечего, — поспѣшила согласиться Авдотья Степановна, обрадованная тѣмъ, что ссора кончена.

Матушка тяжело встала и черезъ нѣсколько времени принесла большой мотокъ бумаги.

— Вотъ,—сказала она, отдавая,—тутъ пока на полдюжины, а потомъ еще дамъ. Ну, теперь иди, свою ученую догоняй. Какъ нибудь одна заходи, чайку попьемъ.

Низко откланявшись, Авдотья Степановна поспѣшила къ Сашѣ. Та уже стояла среди могилъ, ожидая мать.

— Ну и язва же эта попадья,—заговорила она, подходя,—ужъ такая-то ядовитая, словно змѣя подколодная. Ишь, ты! Батюшка обносился; носки ему свяжи задаромъ! Нѣтъ, чтобы помочь бѣдной женщинѣ; съ нищаго суму норовитъ стащить. Жаднющая! У,-у... чтобъ ей... Согрѣпишь съ ней, окаанной...

— Зачѣмъ же вы тамъ просили и кланялись,—изумился Саша.

— Тамъ-то? Ахъ, дѣточка! Да не поклонись имъ, они живьемъ съѣдятъ... И ты напрасно погордилась, Сашурочка, подѣ благословеніе бы подошла, Ольгѣ Васильевнѣ руку-бъ поцѣловала, она женщина старая. Уважила бы ихъ, смотришь,—когда бы чайкомъ попоили, когда бы обѣдать позвали, гостинецъ, можетъ, какой нибудь дали бы... Э-эхъ, дѣточка! Въ бѣдности не поклонись—не проживешь, а ѣсть каждому хочется! Вотъ Нюша тоже гордая была... да развѣ лучше вышло? Годъ почти въ усадьбѣ прожила, сначала-то сладко казалось, а послѣ, куда какъ горько пришлось... Такъ-то, милушка, а съ поклоновъ тебя не убудетъ,—заклЮчила мать, останавливаясь у большой, свѣжей насыпи подѣ грубымъ крестомъ.—Вотъ онѣ обѣ, Катюша и Нюшечка, дѣточки мои сердечныя!..

Она заплакала и стала на колѣни. Саша послѣдовала ея примѣру и стала читать про себя заупокойныя молитвы. Кругомъ все было мирно и торжественно. Только на сосѣднемъ крестѣ весело чирикали двѣ какія-то сѣренныя птички, да отъ вѣтра мѣрно колыхались тяжелыя головки татарника, пышно разросшагося на кладбищѣ. Саша перестала молиться, стараясь вызвать въ памяти образъ красавицы сестры. На минуту ей казалось, что она мысленно уловила контуръ блѣднаго молодого лица съ черными глазами и золотистой косой, но опять все разсѣялось, и она встала съ колѣнъ.

— А ты и не поплакала, Саша,—упрекнула ее мать, пряча въ карманъ мокрый отъ слезъ носовой платокъ.

— Вѣдь я ихъ не знала, мамочка,—кротко замѣтила Саша.

— Такъ-то такъ, а все-таки — своя кровь, — пробормотала мать.

Когда онѣ поровнялись съ домомъ батюшки, Саша тревожно посмотрѣла на балкончикъ. Тамъ, къ ея удовольствію, никого не было. Но за то ихъ ожидала другая встрѣча. Не успѣли онѣ повернуть на гору, какъ съ моста съѣхала коляска, и «баринъ», сидѣвшій въ ней, поклонился Саши, глядя на нее въ упоръ. Дѣвушка вспыхнула. Не отвѣчая на поклонъ, она продолжала идти впередъ. Но Авдотья Степановна поклонилась почти до земли. Андрей расхохотался и насмѣшливо взглянулъ на Сашу. Та поблѣднѣла отъ гнѣва.

— Я сдалъ ваше письмо на почту, — крикнулъ баринъ, поровнявшись съ ней и снова снимая фуражку.

Саша отвернулась, и коляска быстро понеслась въ гору. Андрей нѣсколько разъ обертывался назадъ, и Саша слышала, какъ онъ сказалъ:

— Словно царица идетъ... Ай да Дмитрій Ивановичъ!

Она просто была-бы готова прибить дерзкого кучера и его барина.

— Ахъ, онъ какъ окаянный, — разразилась Авдотья Степановна по адресу Андрея, когда поляска скрылась изъ глазъ, — избаловали его господа полоумные.

— Да зачѣмъ же вы такъ низко кланялись этому мальчишкѣ? — замѣтила Саша.

— Я? — оторопѣла мать на минуту, — нѣтъ, ты мнѣ скажи, съ чего это баринъ вздумалъ съ тобой-то кланяться? Смотри, ты у меня, Сашка, по Нюшкѣ не пойдѣ... Голось ея измѣнился, и въ глазахъ опять появилось то-же странное, блуждающее выраженіе, которое разъ уже замѣтила Саша.

Дѣвушка даже остановилась.

— Если вы мнѣ еще разъ скажете подобное, — еле вымолвила она, дрожа отъ оскорбленія, — я сейчасъ же уйду отъ васъ.

— Господь съ тобой, Саша, что это ты? — испугалась Авдотья Степановна, — ну прости, коли я, глупая, не такъ что сказала. Вѣдь материнское сердце всего боится... Двухъ дочекъ схоронила, такъ за третью-то развѣ душа не болитъ? Господи! Царица Небесная! вѣдь и такъ сколько муки надъ вами приняла. Надъ маленькими ночей не досыпала, часу спокойнаго не видѣла, надъ большими еще того хуже. Подушка-то, бывало, отъ слезъ мокрехонька станеть, все объ васъ убивалась, горькая! Иная-то мать во всю жизнь слезинки не проронить, а мнѣ только и вышли на долю мука мученическая, да горе горькое, — причитала она, вытирая слезы.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Піотровская.

КОНЕЦЪ СТАРИНЫ.

Поля Бурда.

Переводъ съ французскаго.

XIX.

Старый Бородачъ сидитъ на деревянной скамьѣ передъ домомъ Гурро. Весеннее солнце развернуло почки на деревьяхъ, и старикъ грѣтся подъ его ясными лучами. Подобно пьяницѣ, пьющему послѣднюю рюмку, онъ смакуетъ прекрасный день, вдыхая чудный живительный воздухъ, пробуждающій растенія отъ зимняго сна. Онъ обводитъ взглядомъ дворъ, гдѣ протекла его жизнь, деревья, выросшія на его глазахъ, вишню, которую онъ принесъ съ горы, когда родился у него сынъ, и къ которой потомъ привилъ отводокъ отъ испанской вишни. Въ ту пору старый Бородачъ былъ молодъ и силенъ и не нуждался въ чужомъ хлѣбѣ; вишенка была не толще рукоятки мотыки, а Гурро былъ красненькой штучкой, которая пицала въ колыбели и на которую отецъ глядѣлъ съ нѣкоторой тревогой. Теперь вишня стала толстымъ деревомъ, на которое влѣзетъ Дювонъ, когда поспѣютъ плоды; Гурро уже не первой молодости, а старый Бородачъ—бѣдный старикъ, разбитый, немощный, безсильный, для котораго жизнь—сплошная мука и чье сердце больше истоптано, чѣмъ камни на дорогѣ.

Онъ мечтаетъ объ избавленіи. Если смерть не хочетъ придти за нимъ, то онъ самъ пойдетъ къ ней навстрѣчу; на это онъ твердо рѣшился.

Еще въ это самое утро Біана устроила ему одну изъ тѣхъ сценъ, которыя для него больнѣе побоевъ. Завтракали, и онъ осмѣлился вторично спросить похлебки.

— Ну, ну,—сказала она ему,—у васъ болѣзнь лисицы, которой хочется съѣсть курицу. По вашей работѣ и одной чашки предовольно!

Хлѣбъ, который ему даютъ, сталъ слишкомъ горькимъ и не идетъ ему въ горло. Какъ хорошо будетъ на кладбищѣ, гдѣ нѣтъ ни криковъ, ни попрековъ; какъ тамъ покойно! Но онъ

не хочет умереть безъ отомщенія, и одна мысль вернуть своей невѣсткѣ тѣ печали, которыми она его изводила, заставляетъ его позабывать о нихъ и вызываетъ блѣдную улыбку на его губы.

Онъ угадалъ, чего она хочетъ. Онъ слушалъ все, что говорили другіе, когда, сидя вечеромъ у огня съ маленькимъ Жакомъ-Мари между колѣнъ, онъ казался вполне поглощеннымъ бесѣдою съ нимъ. Онъ замѣтилъ всѣ старанія Біаны для привлеченія къ себѣ отца. Старый хозяинъ Мюзелевки считалъ себя неразрывно связаннымъ съ домомъ своихъ предковъ, но она дѣйствовала такъ ловко, что теперь—Бородачъ увѣренъ,—онъ колеблется, не покинуть-ли ему свое жилище.

На Мюзелевку наслана порча. Она воспользовалась этимъ такъ искусно, что убѣдила старика, будто его домъ проклятъ и долженъ ему опостылѣть.

Никто не видѣлъ домового, который заплелъ гриву у кобылы; но никто не рѣшался утверждать, что его не существуетъ. Терметта и Франсуаза не смѣютъ ходить ночью ни въ ригу, ни на погребъ, боясь его встрѣтить, а оба Мюзеля и сами не далеки отъ того-же суевѣрнаго страха. Духъ старины возродился въ Каландрѣ; за исключеніемъ Марка и Метраля, всѣ вернулись къ стариннымъ предвзвѣдкамъ. И кто же могъ оспаривать ихъ правоту?

Прежде всего, молоко стало киснуть черезъ нѣсколько минутъ послѣ доенія, такъ что не стало ни масла, ни сливокъ. Но это касалось, главнымъ образомъ, женщинъ и было оставлено безъ вниманія старикомъ Мюзелемъ.

Затѣмъ коровы совсѣмъ перестали давать молоко, и Мюзели начали тревожиться. Потомъ овцы начали вертѣться, а одинъ изъ быковъ пересталъ ѣсть и сталъ худѣть. Теперь хвораетъ и кобыла: уже нѣсколько дней, какъ она хвораетъ,—на ногѣ у нея глубокая рана. Точно зараза какая у нихъ на скотномъ дворѣ: весь скотъ хвораетъ по очереди. Нѣсколько овецъ подохло, быкъ тоже околѣваетъ, а кобыла неизвѣстно еще поправится-ли.

Старикъ хорошенько встряхнулъ Тиолону, обвиняя его въ причиненіи порчи; но горный отшельникъ рассыпался въ увѣреніяхъ своей невинности, утверждая, что враги ославили его колдуномъ, а онъ только ищетъ лѣкарствъ, вмѣсто того, чтобы причинять болѣзни. Старикъ имѣлъ также очень бурное объясненіе съ Балтазарихой, о которой пошли слухи, будто она заплатила Тиолону за это. Она была очень возмущена подобными подозрѣніями: она всѣмъ сердцемъ желаетъ женитьбы своего парня на Терметтѣ, но неужели ее считаютъ способной на такія штуки, которыя приводятъ прямо въ адъ? Она слишкомъ хорошая христіанка и слишкомъ дорожитъ своимъ спасеніемъ.

Между тѣмъ, на Мюзелевѣ была порча, и Мюзель былъ убѣжденъ, что эта старуха знаетъ больше, чѣмъ высказываетъ; что Терметта является главной причиной всего происходящаго, и что дѣла пойдутъ еще хуже, пока она не согласится выйти за Балтазара.

Упорство молодой дѣвушки стало, наконецъ, представляться ему чудовищной безнравственностью.

— Какъ?—говорилъ онъ ей.—Околѣло четыре барана, пропалъ быкъ, кобыла тоже, а дальше пойдетъ еще хуже, наступитъ раззореніе, бѣда, которую накликала ты, и тебѣ стоитъ сказать слово, чтобы этого не было, а ты его не говоришь! Ты упираешься ради своего дурака! Ты даешь гибнуть нашему добру, не удостоиваешь шевельнуть пальцемъ и считаешь себя честною дѣвушкой, негодяйка! Думаешь насъ разжалобить своими жалкими рожами! Да, я тебя пожалѣю, еще бы! Развѣ тѣ, кого сажаютъ въ тюрьмы, надѣлали больше зла, чѣмъ ты? Ну, отвѣчай-же, что ты поклялась раззорить насъ! Будь откровенна, признавайся!

— Я не могу выйти замужъ по вашему желанію, дѣдушка, никакъ не могу...

— Такъ я потащу тебя въ церковь за волосы, если понадобится!—кричалъ онъ съ пѣною у рта.—Не скажутъ, что кто нибудь меня переупрамиръ. Буду гнать тебя палкой, какъ воловъ, потому что иначе тебя ничѣмъ не одолѣешь. Не хочешь по волѣ, исправишься поневолѣ. Убью тебя до смерти, или заставлю слушаться.

Бѣдная дѣвушка! Какъ переносила она подобную жизнь? Чтобы сломить ея сопротивленіе, Мюзель вдругъ придумалъ приступить къ заключенію брака. Мѣстный нотаріусъ долженъ былъ проѣзжать мимо Каландра; онъ послалъ просить его заѣхать къ Балтазарамъ для обсужденія контракта. Разъ контрактъ будетъ готовъ, онъ посмотритъ, какъ осмѣлится Терметта оскорбить его окончательнымъ отказомъ. Но коварство Беззаботнаго, подученнаго Франсуазой, разрушило этотъ планъ, который, по мнѣнію старика, не могъ окончиться неудачей. Хромой, котораго призывали, чтобы побрить старика, возился съ бритьемъ столько времени, что Мюзель пропустилъ назначенный часъ. Когда онъ явился, то нотаріусъ уже уѣхалъ, а Балтазары были очень разсержены. Онъ объяснилъ имъ, что противъ него былъ заговоръ, заставившій его опоздать, и для ихъ успокоенія далъ имъ торжественное обѣщаніе, что Терметта выйдетъ замужъ или за ихъ сына, или совсѣмъ ни за кого. Когда онъ пришелъ къ Гурро ѣсть вечернюю похлебку, то Біана, зная обо всемъ, что происходило въ Мюзелевѣ, сказала ему своимъ вкрадчивымъ голосомъ:

— Люди не знаютъ, какъ вы добры, батюшка. Никто не

повѣрить, что вы такъ беспокоитесь о тѣхъ, кто не чувствуетъ къ вамъ никакой благодарности. Вѣдь они совсѣмъ не благодарны вамъ, а даже напротивъ. Неужели вы этого заслуживаете подѣ старость, столько поработавши для своихъ дѣтей? Если вы хотите спасти ихъ добро отъ раззоренія, такъ вѣдь не для себя—съ собою въ могилу не возьмете, не такъ-ли?—а для нихъ же. Если имъ непремѣнно хочется остаться нищими, отчего вамъ не бросить ихъ на произволъ судьбы? Если-бъ вы захотѣли переселиться къ намъ, они бы поняли, какъ слѣдовало васъ цѣнить. Любопытно бы узнать, какъ бы они стали справляться.

Эта мысль—поставить сына въ затрудненіе своимъ уходомъ—чрезвычайно поразила Мюзеля.

— И правда, мнѣ забавно бы посмотрѣть, что станетъ дѣлать этотъ олухъ Антонъ, когда меня не будетъ, чтобы всѣмъ распоряжаться.

Біана поняла, что напала на вѣскій доводъ. Она стала настаивать. Мюзель мало-по малу пришелъ къ намѣренію погостить нѣкоторое время у Гурро.

Уже нѣсколько дней, какъ Бородачъ замѣчалъ, что его сноха необыкновенно весела. Такъ какъ онъ тщательно слѣдилъ за ея подходами, то и приписалъ это ея увѣренности въ успѣхѣ. У него не осталось никакихъ сомнѣній, когда она ему объявила, что онъ долженъ покинуть свою комнату и спать подѣ крышей на чердакѣ. Очевидно, она собиралась поселить тамъ отца. Это была хозяйская комната у Гурро; старикъ спалъ въ ней съ тѣхъ поръ, какъ женился, и до сихъ поръ его не посмѣли оттуда выгнать. Эта новая обида заставила его принять рѣшеніе, къ которому онъ уже давно былъ близокъ.

— Если-бъ вы умерли, то никого бы не стѣсняли,—слащавымъ тономъ сказала ему Біана.—А пока, для васъ и чердакъ хорошъ...

Итакъ, Бородачъ думалъ, сидя на скамьѣ, во дворѣ. Онъ думалъ обо всемъ этомъ и говорилъ себѣ:

— Я умру; да, умру; но стѣснять тебя не перестану. Ты меня ограбила и извела на медленномъ огнѣ. Теперь очередь за другимъ. Ты хочешь его ограбить и уморить, какъ меня. Но два раза это тебѣ не удастся: я помѣшаю тебѣ, змѣя! Увидишь: тебѣ еще придется ругать стараго Бородача.

Вѣтеръ покачивалъ вѣтви вишни въ цвѣту. Бѣлые лепестки летали и падали, точно бабочки. Они бѣлѣли между стебельками молодой травы, а нѣкоторые долетѣли до колѣнъ старика. Тотъ страхнулъ ихъ съ печальной улыбкой и, прервавъ свои думы, пробормоталъ, какъ будто обращаясь къ веснѣ:

— Для меня кончено. Я уже не увижу, какъ покраснѣютъ вишни.

XX.

— Эй, сосѣды!—крикнулъ Беззаботный, — зайдите-ка выпить со мною стаканчикъ. Теперь свѣжее вино ухъ какъ вкусно!

— Иду!—отвѣтилъ Бородачъ. — Я и самъ хотѣлъ потолковать съ вами.

Беззаботный жилъ въ лачугѣ, состоявшей изъ одной комнаты. Самыми замѣтными предметами мебелировки были три бочки, стоявшія въ рядъ на двухъ дубовыхъ доскахъ; ихъ полированные округлости показывали, что по нимъ не рѣдко проводили рукою. Затѣмъ шла деревянная кровать съ соломеннымъ матрацомъ, на которомъ хромой съ сыномъ спали, не раздѣваясь. Беззаботный увѣрялъ, что эта система — самая удобная: утромъ стоило перевернуть сѣнникъ, и постель оказывалась убранной. Въ одномъ углу стояло два мѣшка съ рожью, а въ другомъ—старый, очень низкій сундукъ, служившій гардеробомъ. Стульевъ было два; одинъ былъ трехногій, а другой почти совсѣмъ продавленъ. Беззаботный, умѣвшій, между прочимъ, заплетать стулья, увѣрялъ, что держитъ его въ такомъ видѣ для доказательства вѣрности пословицы, гласящей, что сапожникъ ходить всегда безъ сапогъ. Нѣсколько инструментовъ, негодная къ употребленію сковорода и котелокъ, въ которомъ производилась вся страпня, дополняли обстановку, которую самъ хозяинъ находилъ недостаточною, потому что, вѣроятно, для заполнения ея изъяновъ, онъ присоединилъ къ ней вещи, скорѣе умѣстныя въ ригѣ, какъ хворостъ, обрубки дерева и охапки соломы.

Хромой дѣлилъ это жилище съ полудюжиною кроликовъ, нѣсколькими курами (у которыхъ любовь къ обществу ихъ хозяина доходила до того, что онѣ не желали жить въ деревянномъ курятникѣ, воздвигнутомъ для нихъ его трудами передъ лачугою, и неслись въ старую шляпу за мѣшками ржи), уткою, у которой домашніе инстинкты были развиты не менѣе, и худою кошкою, которая не подпускала къ себѣ ближе, чѣмъ на три шага. За исключеніемъ кроликовъ, для которыхъ Жанъ рвалъ траву по возвращеніи изъ школы, всѣ эти звѣри кормились, чѣмъ могли; въ этомъ отношеніи Беззаботный предоставлялъ имъ полную свободу и не считалъ нужнымъ нарушать ее своимъ вмѣшательствомъ.

— Здѣсь не очень-то роскошно,—сказалъ онъ, улыбаясь, Бородачу.—Вы видите, есть стулья, но не приглашаю васъ на нихъ садиться. Садитесь на сундукъ: онъ хоть не развалится.

Старикъ прошелъ мимо бочекъ и ударилъ согнутымъ ука-

зательнымъ пальцемъ въ одну изъ нихъ; послышался звукъ пустоты.

— Пуста,—меланхолически замѣтилъ Беззаботный.

Вторая бочка издала такой же звукъ.

— Тоже пуста,—сказалъ Беззаботный еще грустнѣе.

Третья оказалась менѣе звонкой.

— Тутъ есть еще половина, — сказалъ онъ. — Ахъ, какъ онъ скоро приходятъ къ концу! Худо то, что какъ разъ, когда наступаютъ жары и хорошо бы выпить, уже не оказывается вина.

Барадачъ укоризненно потрясъ головой.

— Вотъ и вы состарились, мой бѣдный другъ!

— Каждый годъ прибавляется по двѣнадцати мѣсяцевъ, правда. Но когда надо чокнуться, я еще постою за себя.

— А не пора-ли остепениться, начать поберегать?

— Зачѣмъ, сосѣдъ? У меня ничего не было, когда я родился, съ тѣмъ же и помру, имѣя хоть право сказать, что прожилъ безъ заботы. Кто разворился, тотъ и этого не скажетъ.

— Нѣтъ. Но проѣдать свое добро, покуда оно есть...

— Вотъ и невѣрно сказали, сосѣдъ! Я не все проѣдаю, а не мало и пропиваю.

— Проѣсть-ли, пропить-ли, все равно. Лѣто еще только начинается, а у васъ уже ничего не осталось. Развѣ это разумно?

— Что дѣлать, кумъ! Я предпочитаю разъ выпить хорошенько, чѣмъ нѣсколько разъ по глоточкамъ, а то совсѣмъ и не учуешь вина. Мнѣ всегда говорили, что я пошелъ не по своей дорогѣ. Мнѣ бы надо пить и ничего недѣлать. Самое подходящее!

— Можете захворать, слечъ отъ паралича... О, Бижуа. Еслибъ вы знали, каковъ ѣсть чужой хлѣбъ на старости лѣтъ!

— Оставьте! я прочнѣе моего сундука. Вино даетъ крѣпость: на свѣтѣ больше старыхъ пьяницъ, чѣмъ старыхъ лѣкарей. Пока не провалились больницы, мнѣ всегда обезпечена квартира.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ повсюду искалъ чего-то и не находилъ. Онъ поднималъ связки соломы, раскапывалъ хворостъ, заглядывалъ за бочки, распугивалъ кроликовъ, которые разбѣгались, прижавъ уши къ спинѣ, — но все было напрасно.

— Куда къ чорту онъ его сунулъ?—говорилъ онъ.—Мой Жанъ вполне способенъ его спрятать. Привстаньте-ка, сосѣдъ, я посмотрю въ сундукъ.

— Что вы такое потеряли?

— Стаканъ. У насъ только одинъ, и здѣсь такой безпо-

рядокъ, что я не знаю, гдѣ онъ. Каково? Сундукъ нашъ запертъ, и ключа нѣтъ. Это штуки моего парнишки! Ахъ, мошенникъ! Посмотрите! Чашки, стаканы, все заперъ въ сундукъ, чтобъ я не могъ пить. Не хитрецъ-ли, а? Онъ выйдетъ лучше меня. Не знаю, съ кого онъ беретъ примѣръ, только у него въ двѣнадцать лѣтъ больше ума въ головѣ, чѣмъ у меня въ пятьдесятъ. Онъ старается меня исправить. Это очень хорошо, конечно, только скучно.—Онъ со смущеніемъ чесалъ затылокъ.

— Ну, такъ и не станемъ пить,—сказалъ Бородачъ. — Вамъ на завтра больше останется.

— Совсѣмъ нѣтъ!—воскликнулъ Беззаботный, точно озаренный внезапной мыслью.—Пусть не скажутъ, что я отпустилъ васъ безъ угощенія. Мы всетаки выпьемъ, увидите!—Онъ сходилъ за конопляной соломой, за тѣми полыми стеблями, которые остаются отъ конопли послѣ трепки, выбралъ двѣ очень длинныя дудки, вынулъ втулку изъ бочки и, погрузивъ въ нее однимъ концомъ соломину, а другой конецъ взявши въ ротъ, принялся тануть вино.

— Очень хорошо идетъ, я славно выпилъ!—вскричалъ онъ въ восторгѣ отъ своего изобрѣтенія.—Ну, старина, какъ вы ни стары, а такъ еще не угощались съ пріятелемъ! Досадно только, что нельзя чокаться. Что дѣлать? Ну теперь ваша очередь!

Старика это позабавило. Онъ съ грустной улыбкой взялъ свою трубочку, и оба выпили нѣсколько глотковъ.

— Нѣтъ, всетаки не такъ вкусно!—сказалъ Беззаботный,—не видно, что пьешь. Въ стаканѣ пріятно посмотреть на красное вино: еще не пивши, кажется, что выпилъ, и оно потомъ вкуснѣе.

Онъ влѣзъ на бочку для удобства, а старикъ прислонился къ ней, усѣвшись на одну изъ досокъ.

— Да, тяните-же, сосѣдъ! Вино пріятеля лучше, чѣмъ вода измѣнника. Пейте или я обижусь.

— Душа не принимаетъ,—отвѣтилъ Бородачъ.—Я не за тѣмъ пришелъ. Бизуа, я пришелъ попросить васъ объ услугѣ. Запомните то, что я вамъ скажу; я еще никому не говорилъ. Вы ходите туда и сюда, сворачиваете направо и налево, заходите повсюду и васъ вездѣ хорошо принимаютъ. Значить, вы скорѣе, чѣмъ кто нибудь, сможете повторить это, когда и кому понадобится.

— Да что такое?—спросилъ заинтересованный хромой.

Тогда старикъ разсказалъ ему о своей жизни за послѣдніе годы въ домѣ сына, о злости Гурродихи, о слабости Гурро, о ежедневныхъ, ежеминутныхъ оскорбленіяхъ, которыми его грубо толкаютъ къ могилѣ.

— Можеть-ли это быть!—вскричалъ добродушный Беззаботный, забывая о своемъ винѣ. — Неужели есть на свѣтѣ такіе злые люди? Выпейте-же, бѣдный Бородачъ, выпейте, мой бѣдный другъ!

— Теперь я знаю, чего хочетъ злодѣйка. Она хочетъ перетащить къ себѣ отца. Не изъ любви!.. Знаете, есть старыя ивы, которыя держатся только корою, а сердцевины у нихъ нѣтъ. Такъ и у нея нѣтъ сердца... А все только изъ жадности! Мюзель не таковъ, какъ я. Онъ не отдалъ всего, что имѣлъ, а оставилъ себѣ третью часть. Вотъ изъ-за этой-то части она и улепцаетъ его. Но я не хочу, чтобы она захватила еще другого, кромѣ меня: довольно и одного несчастнаго. Вы поклянетесь мнѣ вашей долею райскаго блаженства, что сдѣлаете, о чемъ я васъ попрошу.

— Я вѣрю вамъ, сосѣдъ, но сначала хотѣлъ бы знать, о чемъ.

— Если я плохо кончу... Слышите, если я плохо кончу, общайтесь мнѣ, какъ только узнаете о моей смерти, пойти къ Мюзелю и передать все, что я рассказалъ вамъ. Я хочу, чтобы онъ зналъ, что это она меня уморила. Это заставить его раздумать. А, негодяйка! Объ одномъ жалѣю, что не увижу, какъ она будетъ злиться, какъ позеленѣетъ! Общайтесь мнѣ это,—продолжалъ Бородачъ со слезами на глазахъ.—Я уже давно никуда не годенъ, не имѣю друзей и только къ вамъ могу обратиться за этой услугою, не откажите мнѣ:—это принесло-бы вамъ несчастіе.

— О чемъ вы думаете, Бородачъ, что вы говорите такъ? У васъ плохое въ головѣ, другъ мой! Мужайтесь! Я, еслибы былъ лягушкой въ болотѣ, такъ и то радовался бы, что живу. Пока будетъ свѣтить солнце, станетъ зрѣть и виноградъ. Зачѣмъ отчаяваться?

— Мнѣ уже и хлѣбъ не идетъ въ горло, пріятель.

Освѣщенная весеннимъ селнцемъ бѣлокурая головка показалась въ дверяхъ. Это былъ Жанъ-Мари, который только тамъ бывалъ счастливъ, гдѣ находилъ своего дѣда.

— Входи, малышъ! — крикнулъ ему съ бочки Беззаботный.—Здравствуй, дружокъ! Пойди скажи дѣдушкѣ, чтобы онъ не отчаявался.

Старикъ съ нѣжной лаской провелъ рукою по кудрямъ внука.

— Гурро былъ точно такимъ, когда былъ малъ,—сказалъ онъ хрому,—и этотъ, пожалуй, станетъ такимъ же, какъ Гурро. Все ненадежно. Мнѣ ужъ поздно надѣяться. Вы общаете, не правда-ли?

— Общайтесь мнѣ, въ свою очередь, что вы не сдѣлаете ничего непозволительнаго.

— Не заботьтесь обо мнѣ. Однимъ словомъ, хотите вы,

или нѣтъ, оказать бѣдному старику послѣднюю услугу, о которой онъ просить? Если нѣтъ, скажите прямо, и я уйду.

— Клянусь моимъ мѣстомъ въ царствѣ небесномъ, — сказалъ съ убѣжденіемъ хромой, — я сдѣлаю то, о чемъ вы просите.

— Сдержите-же слово, — прибавилъ Бородачъ, который былъ суевѣренъ, — или — такъ же вѣрно, какъ то, что я — христіанинъ, — я послѣ смерти буду являться мучить васъ.

Ни тотъ, ни другой не подумали, что, разрушая планъ Біаны, они способствуютъ продолженію мученій неповинной дѣвушки. Беззаботный былъ мужикъ: разъ дѣло шло объ имуществѣ Мюзеля, то оно, безъ сомнѣнія, должно было остаться въ Мюзелевкѣ, и этого соображенія не могли перевѣсить никакія другія. Что же касается Бородача, то онъ былъ весь поглощенъ своею мстью.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, Беззаботный увидѣлъ, что Бодиль Кенсонъ и еще одинъ мужикъ несутъ вдоль деревенской улицы носилки, на которыхъ что-то болтается, и не могъ отгадать, что именно. Нѣсколько ребятъ съ испуганными лицами шли слѣдомъ.

— Что это вы несете? — спросилъ онъ.

— Старый Бородачъ пересталъ страдать, — отвѣтили мужикъ, помогавшій Кенсону. — Мы пошли въ лѣсъ за хвостомъ и нашли его въ Кротельской водомоинѣ. Не знаю, зачѣмъ онъ могъ туда зайти, только, должно быть, поскользнулся, и ему не повезло: утонуть на глубинѣ меньше двухъ футовъ. Онъ былъ еще теплый, но мы никакъ не могли привести его въ чувство.

Беззаботный приподнял куртку, которою прикрито было лицо покойника, и былъ пораженъ видомъ этого перекошеннаго лица, съ котораго еще плохо смыта была грязь.

— Бѣдный старикъ, бѣдный старикъ! Еще сегодня утромъ мы жили вмѣстѣ!

При видѣ трупa, обѣщаніе, имъ данное, показалось хромому особенно торжественнымъ. Онъ рѣшилъ тотчасъ-же его исполнить и съ волненіемъ направился къ Мюзелевкѣ.

По дорогѣ онъ встрѣтилъ стараго Мюзеля.

— Я шелъ именно къ вамъ, — сказалъ онъ.

— Теперь, когда захочешь ко мнѣ придти, надо будетъ идти уже не въ Мюзелевку.

— А куда же?

— Я переселяюсь. Будетъ съ меня ихняго упрямства. Перехожу на житье къ Гурро.

— Старый Бородачъ хорошо выбралъ минуту! — воскликнулъ Беззаботный, пораженный совпаденіемъ. — Сударь, не ходите туда: вы тамъ застанете покойника!

— Покойника?—повторилъ Мюзель и сразу остановился.— Кто умеръ? Вчера вечеромъ тамъ не было больныхъ.

— Бородачъ утонулъ.

— Да гдѣ? По близости нѣтъ воды, гдѣ бы могъ утонуть человекъ.

— Когда захочешь, такъ найдешь. Онъ пошелъ за нею въ гору.

— Такъ онъ утопился?

Беззаботный повторилъ Мюзелю рассказы самоубійцы и такъ завладѣлъ его вниманіемъ, что тотъ и не подумалъ остановиться, проходя мимо дома Гурро, во дворѣ котораго собралось нѣсколько сосѣдей, узнавшихъ о происшествіи. Нѣкоторые подробности онъ велѣлъ повторить себѣ по нѣскольку разъ.

— И онъ вамъ приказалъ предупредить меня?

— Онъ только за этимъ и говорилъ со мной. Онъ заставилъ меня поклясться моимъ вѣчнымъ спасеніемъ, что я не забуду предостеречь васъ, какъ только узнаю о его смерти.

Старый Мюзель долго думалъ. Этотъ загробный голосъ, предупреждавшій его не ходить къ Гурро, произвелъ на него слишкомъ сильное впечатлѣніе, чтобъ онъ могъ оставить его безъ вниманія. Но онъ мучился тѣмъ, что безразсудно поспѣшилъ объявить Беззаботному о своемъ планѣ покинуть Мюзелевку. Гордость не позволяла ему сознаться въ такой скорой переимѣнѣ намѣреній. Онъ имѣлъ претензію ни передъ чѣмъ не отступать.

— Неужели вы повѣрили, что я вамъ сейчасъ сказалъ: будто перехожу къ Гурро?—спросилъ онъ, глядя искоса и раздувая ноздри.

— Вы такъ сказали. Почему жѣ бы и не повѣрить?

— Тебѣ это казалось вѣроятнымъ?

— По правдѣ сказать, нѣтъ. Въ ваши лѣта не такъ легко мѣняють мѣсто.

— Дѣло въ томъ, что я пошутилъ,—сказалъ старикъ, выпрямляясь съ поразительнымъ нахальствомъ.—Только если хочешь быть мнѣ другомъ, помолчи объ этомъ; нечего пересказывать другимъ.

Онъ зашелъ къ Гурро взглянуть на покойника, который, какъ и онъ самъ, считался однимъ изъ самыхъ старыхъ на селѣ. Когда принесли мертвое тѣло, Біана не сразу позволила положить его на кровать, боясь испортить свои простыни. Но бравый Кенсонъ, нарушивъ свою обычную молчаливость, произнесъ такое энергичное восклицаніе, что она тотчасъ сознала свою ошибку и перестала возражать.

Мюзель молча и сосредоточенно смотрѣлъ на стараго товарища. Біана, которая передъ катастрофой все приготовила

къ его приему, напрасно пыталась прочесть въ его глазахъ, замѣнило-ли случившееся несчастье его намѣреніе. Онъ ушелъ, не сказавъ объ этомъ ни слова. Она проводила его до порога и произнесла самымъ нѣжнымъ голосомъ:

— Теперь у насъ станетъ такъ пусто! Теперь мы особенно будемъ рады вамъ!

— Спасибо,—отвѣтилъ онъ грубо,—я не хочу спать на постели Бородача!

Ударъ былъ ужасенъ для маленькой женщины. Она опять свергалась съ высоты своихъ надеждъ какъ разъ въ ту минуту, когда считала ихъ осуществленными, и чувствовала, что ея дѣло проиграно навсегда. Она вернулась въ домъ, какъ фурія, съ потребностью излить свое бѣшенство, чтобъ не задохнуться. Она подбѣжала къ мертвецу и съ угрозой поднесла къ его лицу кулакъ.

— Старый злодѣй!—крикнула она.—Ты сдѣлалъ это нарочно. Ты всю жизнь только и умѣлъ дѣлать, что гадости. Если ты теперь не въ аду, то у Бога нѣтъ справедливости.

Старый Бородачъ теперь могъ слушать, что угодно. Его сердце уже не билось. Онъ нашелъ успокоеніе, и его безчувственный трупъ былъ равнодушенъ къ людскому гнѣву; только если душа его витала еще въ томъ мѣстѣ, гдѣ столько выстрадала, то должна была признать себя отомщенной.

Діозонъ смотрѣлъ на эту сцену расширенными отъ ужаса глазами. Жанъ-Мари прятался за него и, рыдая, потихоньку звалъ дѣдушку. Гурро, смертельно блѣдный и съ блуждающимъ взоромъ, ежился на стулѣ, у ногъ кровати, около которой Додона Лапеналь уже поставила святую воду и вѣтку букса. Въ его притупленной совѣсти смутно шевелились угрызения, пробужденныя мыслью, что онъ, можетъ быть, способствовалъ этой ужасной смерти. Услышавъ, что жена его ругаетъ покойника, онъ въ первый разъ въ жизни сдѣлалъ ей замѣчаніе:

— Молчи, Біана, не богохульствуй! Это можетъ намъ принести несчастье!

XXI.

Возвращаясь домой, старикъ волновался не меньше Гурродихи. Онъ чуть было не сдѣлалъ глупость, и для него была невыносима мысль, что Беззаботный видѣлъ это. Но онъ досадовалъ не на него, а на Антона и, главнымъ образомъ, на Терметту: это они довели его до такого состоянія, что онъ чуть не попалъ въ ловушку. Теперь они поплатятся за всѣ его непріятности.

— Они меня съ ума свели,—думалъ онъ. — Пятьдесятъ лѣтъ я былъ господиномъ въ своемъ домѣ, неужели же я оставлю его изъ-за того, что какая то дѣвчонка не слушается меня? Что со мной? Я не узнаю себя. Опомнись, Мювель, вѣдь ты хозяинъ! Если понадобится, сломай все, все должно покориться тебѣ.

Терметта и Франсуаза побѣждали къ Гурродамъ, узнавъ, что туда принесли тѣло Бородача. Біана приняла ихъ очень неласково и отказалась отъ ихъ помощи. Онѣ возвратились домой и стали помогать Антону запрягать быковъ: до ночи нужно было вспахать полосу подъ кукурузу.

Всѣ трое остановились, увидавъ подходившаго Мювеля; шапка у него съехала на сторону, глаза сверкали, лицо сурово нахмурилось, весь онъ былъ переполненъ сдержаннымъ гнѣвомъ.

— Смерть Бородача мнѣ послана, какъ предостереженіе,—сказалъ онъ въ отвѣтъ на вопросительные взгляды.—Если бы моя внучка была не барышня, воспитанная по городскому, а простая хорошая работница, любящая землю и свою семью, я бы ни о чемъ не тужилъ. Но у меня также есть голова на плечахъ, не хуже, чѣмъ у другихъ, и я еще успѣю до смерти устроить все, какъ захочу.

Онъ говорилъ насмѣшливымъ тономъ, въ которомъ чувствовалась какая-то грозная и непреклонная рѣшимость.

Антонъ растерялся и выпустилъ одного изъ быковъ, который выскользнулъ изъ ярма.

Мювель поймалъ его, схватилъ за рога и, надѣлая его пянками въ бокъ, привелъ на мѣсто.

— Я общалъ обращаться съ тобой, какъ съ этими волами, если не удастся укротить тебя. Смотри же, какъ съ ними обращаются,—сказалъ онъ дѣвушкѣ съ звѣрской улыбкой.—Отойди отсюда,—прибавилъ онъ, обращаясь къ сыну.

Онъ запретъ воловъ и хотѣлъ погнать ихъ. Чтобы идти въ ногу, оба вола должны одновременно сойти съ мѣста. Мювель кольнулъ стрекаломъ лѣваго вола; тотъ двинулся въ то время, какъ правый оставался на мѣстѣ, и вся упряжь съехала на сторону. Тогда-то гнѣвъ его нашелъ себѣ исходъ.

Онъ тотчасъ началъ орать:

— Бушаръ, впередъ! Двигайся же, Бушаръ!

Раненый стрекаломъ и перепуганный дикими криками, Бушаръ сдѣлалъ прыжокъ, но, задержанный ярмомъ, остановился впереди своего товарища.

— Впередъ, Бренъе! Впередъ! Вотъ погоди, я возьму ручку стрекала, я те покажу!

При этомъ онъ ударилъ второго быка такъ, будто хотѣлъ пронзить его копьемъ. Сбитыя съ толку такими приемами, жи-

вотныя теряли голову и, вмѣсто того, чтобы двигаться впередъ, бросались другъ на друга.

Мюзель уже не владѣлъ собою; онъ походилъ на съумасшедшаго въ припадкѣ буйнаго помѣшательства, на бѣшеннаго звѣря, сорвавшагося съ цѣпи. Схвативъ кизиловое стрекало за остріе, онъ началъ колотить изъ всей силы животныхъ: удары по ребрамъ раздавались, какъ удары цѣпа, съ такою силою, что крѣпкое дерево, наконецъ, разлетѣлось въ дребезги, какъ стекло.

— А поганья шкуры, и вы тоже дѣлаете по своему! Пождите же, клячи, я научу васъ слушаться. Пойдите, погодите!—кричалъ Мюзель съ звѣрскимъ хохотомъ.

Схвативъ кизиловую палку отъ плуга, толщиною въ руку, гибкую и тонкую, какъ сталь, онъ снова началъ бить этимъ страшнымъ орудіемъ ревущихъ животныхъ.

Быки, обезумѣвъ отъ страха, понеслись галопомъ, таща за собою опрокинутый плугъ; старикъ бѣжалъ за ними, а собака, заключивъ изъ криковъ своего хозяина, что происходитъ нѣчто необыкновенное и что ея содѣйствіе необходимо, бросилась вслѣдъ за ними, лая изъ всѣхъ силъ. Началась бѣшеная скачка: быки, охваченные паническимъ страхомъ, неслись безъ всякой цѣли; плугъ, немилосердно встрахиваемый, подскакивалъ на всѣхъ препятствіяхъ; а ужасный старикъ то висѣлъ на одномъ рогѣ, то бѣжалъ съ невѣроятнымъ проворствомъ, колотя безъ передышки, ругаясь и богохульствуя съ ужасающей энергіей.

Антонъ, Терметта и Франсуаза, безмолвные, оцѣпенѣвшіе отъ ужаса, слѣдили за нимъ глазами. Воны ударились о сухую изгородь сада, которая вся сразу легла на землю, пронеслись черезъ цвѣтущій фруктовый садъ и, снова изломавъ изгородь, вылетѣли вонъ. Быки, хозяинъ, собака не остановились, не замедлили бѣга, а миновали садъ, какъ порывъ вѣтра, оставляя груды обломковъ. И за садомъ бѣшеная скачка не прекратилась: палка все также подымалась и опускалась, удары сыпались непрерывно, какъ удары цѣпа по снопамъ, старикъ неистовствовалъ, быки глухо ревѣли, а Москва заливалась, какъ на охотѣ.

Они вылетѣли въ поле. Дорогой имъ попались виноградныя лозы; какъ вихрь, съ ревомъ понеслись они на нихъ, ивовыя прутья и колья затрепали, какъ гнилое дерево, и разлетѣлись осколками въ разныя стороны. Лозы хлестали землю, какъ тонкіе ремни, а вихрь несся дальше... Еще виноградная изгородь и еще, а вихрь все несется, бурный и непреодолимый, продѣлывая въ изгородяхъ отверстія такъ же правильно, какъ пушечное ядро. Воны неслись во весь опоръ, а старикъ, подобно демону, прыгалъ вокругъ нихъ.

Инстинктъ привелъ воловъ обратно во дворъ. Плутъ, рукоятка котораго разлетѣлась въ дребезги, нигдѣ не зацѣпился. Волы возвратились, какъ и отправились галопомъ, испуская глухое мычаніе. Они думали, вѣроятно, найти убѣжище въ своей конюшнѣ и бросились къ отворенной двери. Широкое ярмо помѣшало имъ войти: они застряли въ дверяхъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, съ кровавой слюной у рта, тупо ожидая смерти подъ градомъ продолжавшихся ударовъ. Страшно было смотрѣть на истязаніе этихъ животныхъ!

— Отецъ, — пробормоталъ Антонъ, — позвольте вамъ сказать, вы ихъ убьете.

Старикъ обернулся съ видомъ высокомернаго презрѣнія, какъ бы желая сказать, что онъ можетъ и убить, если захочетъ. Пѣна выступила въ углахъ его тонкихъ губъ. Его глаза, обыкновенно спрятанные подъ густыми бровями, казалось, хотѣли выскочить. Его ноздри раздувались. Его лицо было красно и искажено нервной судорогой. Крупныя капли пота катились по лицу. Казалось, силы его истощены, но ярость все та же. При видѣ этой дикой воли, гальванизирующей старое, усталое тѣло, оставалось или покориться ей, или бѣжать отъ нея.

Старикъ оставилъ воловъ и подошелъ къ Терметтѣ, продолжая размахивая палкой. Приблизя искаженное бѣшенствомъ лицо къ поблѣднѣвшему личику дѣвушки, онъ устремилъ на нее взглядъ, отъ котораго та похолодѣла до мозга костей, и, какъ будто вся предыдущая сцена именно для этого была разыграна, крикнулъ ей во все горло:

— Теперь знаешь, кто я! Вотъ какъ я укрошаю воловъ. То же будетъ и съ тобою, если не покорисься. Ты должна повиноваться, или...

Не переставая махать палкой надъ ней, онъ схватилъ ее лѣвой рукой за волосы съ такою силою, что прическа распутилась, и ея чудные каштановые волосы рассыпались по плечамъ. Старикъ больно захватилъ ихъ въ кулакъ. Бѣдная Терметта, считая себя погибшей, вскрикнула:

— Отецъ, помоги мнѣ!..

Антонъ, глубоко взволнованный, бросился съ угрожающими жестами къ отцу. Франсуаза послѣдовала за нимъ, сердито ворча. Старикъ остановилъ ихъ повелительнымъ жестомъ палки и, встряхнувъ дѣвушку со всею силою, на какую онъ былъ способенъ, сказалъ:

— Обѣдай выйти за Балтазара. Я поговорю съ нимъ завтра.

Но Терметта ничего не отвѣтила. Онъ еще сильнѣе тряхнулъ ее, махая палкой, но не рѣшился ударить: онъ сознавалъ, не смотря на возбужденіе, что ударить сильнѣе,

чѣмъ хотеть. Онъ только встряхивалъ ее, но такъ сильно, что все ея хрупкое тѣло ныло отъ боли.

Оставленная отцомъ, Терметта чувствовала себя безпомощной подъ этой тяжелой рукой и полумертвая, почти безсознательно простионала:

— Дѣлайте, что хотите!

XXII.

На другой день Терметта попробовала встать, но, почти потерявъ сознание, упала на кровать: она чувствовала общую разбитость и боль во всемъ тѣлѣ.

Не слыша шума въ ея комнатѣ, Франсуаза поднялась по-смотреть, что съ нею, и снова уложила ее въ постель. Терметту трясла лихорадка. Сосѣдки, узнавъ, что она больна, пришли навѣстить ее; болѣзнь ея всѣмъ показалась опасной. Позвали костоправку, но та, покачавъ головой, заявила, что въ подобныхъ болѣзняхъ ничего не смыслить.

Послали за докторомъ. Онъ пріѣхалъ на своей желтой кобылѣ, хорошо знакомой крестьянамъ. Она двигалась такъ медленно и была такъ смирна, что, какъ говорили кумушки, на ней хорошо возить яйца. Докторъ нашелъ у больной тифъ. Услышавъ это, Антонъ чуть не сошелъ съума; упреки, которые онъ самъ себя дѣлалъ, не давали ему покоя.

— Будь я мужчиной, этого не случилось бы, — говорилъ онъ себѣ.

Онъ приходилъ въ комнату больной немного сконфуженный, боясь встрѣтить ея взглядъ, садился у изголовья, бралъ ея руку, нѣжно сжималъ въ своей и не зналъ, что сказать.

— Терметточка, моя Терметточка, я тебя очень люблю!

— Очень ей ваша любовь нужна, когда вы даете убивать ее. Вы такой же утѣшитель, какъ Такюнеть, — воскликнула однажды Франсуаза.

Но такъ какъ Антонъ не отвѣчалъ, она продолжала:

— Такюнеть говорилъ своей дочери, которая боялась смерти: «не отчаивайся, я заставлю во время твоихъ похоронъ трезвонить цѣлыхъ два часа». Прекрасное утѣшеніе! Вы такъ любите Терметту! да что изъ этого? Не давайте ее убивать, вотъ это будетъ лучше!

— Она права, — думалъ Антонъ, — сто тысячъ разъ права. Если бы я былъ мужчиной...

И онъ попробовалъ быть мужчиной. Однажды утромъ, оканпывая виноградникъ, старикъ Мюзель увидѣлъ Антона, который какъ-то странно вертѣлся около него: то онъ ударялъ мотыкой, то останавливался, то подвигивалъ лопу, которая вовсе

въ этомъ не нуждалась, и украдкой посматривалъ на старика, какъ бы изучая выраженіе его лица.

— Ты мнѣ мѣшаешь, не вертись передъ носомъ, — сказалъ ему отецъ. — Стань спереди или сзади, но подальше.

Антонъ сдѣлалъ громадное усиліе, чтобы извлечь слова изъ своей глотки.

— Съ вашего позволенія... если позволите...

— Что? Что ты тамъ бормочешь?

— Отецъ, я о дочери...

Старикъ оглядѣлъ его съ улыбкой состраданія; такъ смотреть на дѣтей, которыя пытаются сдѣлать что-нибудь свыше своихъ силъ.

— Ну-съ, не сильна твоя барышня, я всегда тебѣ это говорилъ; теперь вотъ больна.

— Да, съ вашего позволенія, больна; но почему... почему?..

— Ладно, ступай; копай!

Антонъ вертѣлъ въ рукахъ палочку тростника, но не принимался за работу.

— Копай, копай! — сказалъ старикъ съ презрѣніемъ, ясно показывающимъ, что мнѣніе сына для него ровно ничего не значило.

Бѣдный Антонъ не могъ произнести ни слова болѣе; онъ принялся копать, проклиная самого себя. Его слабость была ему противна, а невозможность преодолѣть ее жестоко мучила его. Въ сердцахъ онъ страшно ударялъ лопатой; сталь орудія звенѣла о камни, попадавшіеся въ землѣ.

Впрочемъ, старикъ не возобновлялъ разговора, пока дѣвушка была въ опасности; уважая горе сына, онъ хранилъ угрюмое молчаніе.

Въ день смерти Бородача Антонъ спряталъ подъ навѣсомъ, за домомъ, оставшіеся отъ виноградника колья, прислонивъ ихъ къ стѣнѣ.

По обыкновенію, вечеромъ пришелъ Маркъ повидаться съ своей подругой и увидать опрокинутую въ двухъ мѣстахъ изгородь и окно Терметты, заставленное кольями. Не случилось ли чего? Онъ ушелъ встревоженный.

На слѣдующій день онъ одновременно узналъ и о болѣзни дѣвушки, и о ея согласіи на бракъ съ Балтазаромъ. Тогда Маркъ подумалъ, что колья поставлены у окна не случайно, а съ намѣреніемъ. Вѣроятно, соображалъ онъ, Терметта рассказала объ ихъ свиданіяхъ и, чтобы помѣшать имъ, окно заставили кольями.

Самоувѣренность совершенно отсутствовала у Марка. Онъ легко повѣрилъ, что Терметта разлюбила его. Какъ могла Тер-

метта такъ измѣниться въ одинъ день? Еще вчера она увѣряла его въ своей любви,—неужели она лгала? По поводу этой неожиданной измѣны онъ невольно вспоминалъ ту холодность, которую постоянно выказывала ему Франселина. Неужели она такъ мало дорожила имъ! Неужели въ немъ было что-то, мѣшавшее любить его? «Можетъ быть я черезъ-чуръ добрый малый, говорилъ онъ себѣ; можетъ быть, женщины не любятъ такихъ простодушныхъ; въ такомъ случаѣ я всегда буду несчастливъ, измѣниться я не могу». И въ эту минуту онъ, дѣйствительно, былъ несчастнѣйшимъ изъ людей.

Не рѣшаясь пойти въ домъ Мюзелей, онъ подстергъ Франсуазу, которая рассказала ему о припадкѣ и ярости Мюзеля.

— Если бы вы его видѣли, — сказала служанка, — право, страшенъ чорта; къ нему нельзя подступиться, даже я не посмѣла ничего сказать; всѣхъ перепугалъ, а ее, бѣдняжку, больше другихъ. Онъ трясъ ее за волосы, какъ пучекъ конопли, когда его вырываютъ изъ земли. Она согласилась на всѣ требованія, только бы живой остаться.

Это объясненіе немного утѣшило бѣднаго влюбленного.

— Всѣ вы порядочные трусы въ этомъ домѣ, начиная съ отца и кончая вами; не сумѣли зацѣпить ее! — сказалъ онъ. — Жемчужинка моя! въ какія руки попала она. Неужели этотъ старый скотъ не въ состояніи понять, какое сокровище у него въ домѣ? У него дѣйствительно каменное сердце, булыжникъ. Однѣхъ ямочекъ на ея щекахъ достаточно, чтобы растрогать медвѣдя, а онъ ее истязаетъ. Франсуаза, пусть лучше онъ не доводитъ меня до бѣшенства! Со мною этого еще не случалось, но если я примусь, косточки цѣлой не оставлю!

— Пятисотъ тысячъ холеры! Что и говорить: вы извѣстный силачъ. А, какъ говорилъ каменщикъ Кинкинъ, что за штука разбить твердый орѣхъ, когда есть молотъ.

— Она не выйдетъ за Балтазара; неправда ли? Это штука.

— Она? Плохо же вы ее знаете, если сомнѣваетесь. Отчего она больна? Отъ горя, которое ей причинили изъ-за васъ. Повѣрьте, она умретъ прежде, чѣмъ рѣшится на этотъ бракъ.

Не смотря на увѣренія Франсуазы, Маркъ не могъ вернуть себѣ прежняго спокойствія. Общаніе, вырванное у Терметты, все-таки тревожило его. Ему казалось, что, если бы она дѣйствительно его любила, у нея не вырвали бы никогда согласія, она терпѣла бы до конца.

Дѣвушка тоже не была спокойна. Она ждала Марка каждый вечеръ, но онъ не приходилъ на свиданіе; она вообра-

жала, что онъ считаетъ ее невѣрной; безъ сомнѣнія, онъ узналъ объ ея трусости и не любитъ ея больше. Франсуаза старалась успокоить ее, передавъ ей свой разговоръ съ Маркомъ, но она не вполне удовлетворилась и послала къ нему преданную маленькую Баску, приходившую ухаживать за нею. Чувствуя, что дѣло идетъ о здоровьи, а можетъ быть о жизни его подруги, Маркъ поручилъ Фанни передать Терметтъ, что любовь его такъ же горяча, какъ и раньше. Бѣдная больная была счастлива, когда молодая женщина увѣрила ее, что сердце Марка осталось прежнимъ.

Но почему онъ не приходилъ къ окну ночью? Не смотря на лихорадку, она бы съ радостью встала съ постели, она собрала бы послѣднія силы, чтобъ отворить ему, если бы услышала условный сигналъ. Но онъ не приходилъ, она не могла объяснить себѣ почему, и эта неизвѣстность снова повергала ее въ отчаянье. Оставаясь наединѣ съ Фанни, она бросалась ей на шею вся въ слезахъ и говорила:

— Не правда-ли, я умру? Скажи, что я умру. Вѣдь это лучшее, что можетъ со мною случиться. Если онъ разлюбилъ меня, смерть будетъ моимъ спасеніемъ.

Гурродиха тоже приходила ухаживать за больной. Терметта съ трудомъ выносила ея присутствіе, но та съ своей обычной слащавой навязчивостью стояла на своемъ. Воображеніе «добрейшей тетюшки», всегда направленное на одинъ предметъ, со времени болѣзни племянницы лелѣяло новыя мечты. Объ этомъ она говорила и съ Гурро.

— А что, если Терметта умретъ, а?

— Она очень молода,—отвѣчалъ тотъ.

— Если Богъ захочетъ, такъ и приберетъ ее, и въ ея годы люди умираютъ. Если она умретъ, кому достанется домъ отца? Намъ. А земли, что вокругъ? Намъ. А участокъ отца? Намъ. Мы были бы единственными наследниками. Все было бы наше. Все, все!

— Это было бы ужъ слишкомъ хорошо,—отвѣчалъ пораженный Гурро.

— Почему слишкомъ? Будь Господь справедливъ, Онъ далъ бы намъ это удовлетвореніе. Какое богатство сразу! Я готова плакать отъ радости. Я такъ чувствительна, что, право, расплакалась бы отъ счастья. У нея плохое здоровье, она слаба, она городская барышня; она умретъ—это вѣрно. И такъ мой миленькій Гурро, кому достанется все, что накопилъ Антонъ на нашемъ-же добрѣ за эти 15 лѣтъ! Намъ, Гурро! Какъ не сказать, что есть Провидѣніе на небѣ!

Нѣсколько дней спустя, розыскивая гвозди на полкѣ стѣннаго шкафа, Гурро нашелъ случайно пакетъ, котораго онъ не видалъ раньше, и который, повидимому, былъ только

что туда положенъ. Внутри оказался бѣлый порошокъ, возбуждавшій его любопытство.

— Что это такое?—спросилъ онъ, дѣлая видъ, что кладетъ щепотку въ ротъ.

— Плюнь скорѣй, не глотай, несчастный!—крикнула испуганная Біана.

— Что же это такое?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

Она казалась смущенной. Мутные глаза Гурро зажглись внезапнымъ блескомъ. Мрачное подозрѣніе мелькнуло въ его умѣ; видъ жены подтвердилъ его. Онъ такъ не привыкъ поступать самостоятельно, что нѣкоторое время оставался въ нерѣшительности съ пакетомъ въ рукѣ. Къ его обыкновенной тупости прибавился страхъ, искажавшій его лицо.

— Только не это, Біана, нѣтъ, не это,—сказалъ онъ, наконецъ.—Ты толкаешь насъ въ петлю.

Онъ бросилъ пакетъ въ помойную яму. Біана пожала плечами съ видомъ снисхожденія.

— Вотъ трусь!—сказала она съ отвратительной улыбкой, — не можетъ видѣть въ домѣ даже мышиной отравы. Мыши могутъ сожрать насъ, если имъ заблагоразсудится.

Гурро охватилъ ужасъ. Онъ смотрѣлъ на жену, будто вдругъ она показалась ему чудовищемъ.

— Со мною... со мной...—бормоталъ онъ,— что сдѣлала бы ты со мной, если бы захотѣла?

Она пожала плечами, какъ минуту передъ тѣмъ, и улыбнулась той же улыбкой:

— Мы какъ два пальца на рукѣ. Я все дѣлаю для насъ обоихъ.

XXIII.

Провидѣніе желало, повидимому, чтобы добрая тетюшка Біана усомнилась въ его существованіи. Тифъ шелъ своимъ чередомъ, но молодость Терметты побѣдила болѣзнь. Дѣвушка мало-по-малу поправлялась. Она очень похудѣла. Загаръ сошелъ, она опять стала бѣленькой, но уже не той бѣлизной, которая только еще больше отгѣняетъ здоровый румянецъ, а прозрачной блѣдностью, которую оставляетъ страданіе на людяхъ, близко видѣвшихъ смерть. Ея глаза казались больше на этомъ усталомъ личикѣ. Она невольно возбуждала состраданіе; хрупкая, ослабѣвшая, она какъ будто не могла рѣшить: стоитъ-ли возвращаться къ жизни.

Біана, и на этотъ разъ обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, все же не оставляла прежнихъ намѣреній. Зависть, упорство крестьянки придавали ей непобѣдимую настойчивость, и неудачи только укрѣпляли ее.

— Старикъ не хочетъ оставить свой домъ,—думала она:—тѣмъ хуже для него.

Она опять пошла къ Тіолону. Больной волъ околѣлъ. Кобыла тоже была плоха. Падежъ овецъ усилился.

Какъ только она узнала, что племянница встала, она пошла къ ней, чтобы возобновить утихшія было ссоры въ домѣ старика. Она любезно осведомилась о здоровьѣ Терметты. Изъ-за маленькаго недоразумѣнія она, конечно, не забыла своихъ обязанностей тетки и даже матери—вѣдь у Терметты нѣтъ родной матери.

Терметта отвѣчала, что чувствуетъ себя все лучше и лучше.

— Ну и слава Богу,—сказала Біана,—это очень хорошо, такъ какъ у тебя еще должно хватить силы, чтобы утѣшиться.

— Въ чемъ же?

— Ты сама знаешь. Всегда бываетъ грустно терять поклонника. О, я прекрасно знаю, что это меня не касается, но ты вѣдь навѣрно слышала, что Маркъ возвратился къ Риболье.

Ревность сжала сердце Терметты. Ея Маркъ, ея милый у Риболье! Она холодно посмотрѣла на тетку и, не желая доставить ей удовольствіе выраженіемъ своего горя, промолчала.

Но, когда она осталась одна, глубокое отчаяніе овладѣло ею. Что дѣлать? Гдѣ разузнать? У Фошюреровъ она не рѣшалась. Совсѣмъ еще больная, она побѣжала къ Риболье.

Она застала у володца Франселину, перебивавшую овощи въ каменной чашкѣ.

Молодые дѣвушки никогда раньше не сталкивались. Тѣмъ не менѣе онѣ прекрасно знали другъ друга. Терметта инстинктивно чувствовала, что Франселина не очень-то ее долюбиваетъ. При другихъ обстоятельствахъ ей было бы тяжело говорить съ ней о своихъ сердечныхъ дѣлахъ. Но любовь и отчаяніе взяли верхъ, и она пошла прямо къ той, которую считала своей соперницей и которая когда-то дѣйствительно была ею.

Онѣ окинули другъ друга быстрымъ взглядомъ.

Франселина очень удивилась, потому что, какъ она послѣ рассказывала, жалко было смотрѣть на дочь Мюзеля, такая она была блѣдная, слабая, съ блуждавшимъ и лихорадочно блестящимъ взоромъ. Терметта съ горечью любовалась цвѣтущимъ здоровьемъ, роскошнымъ станомъ, могучимъ ростомъ прекрасной дочери Рибольеровъ; она угадывала въ ней настоящую крестьянку, которая любила деревню такой, какъ она есть. Ей-то вѣрно любовь никогда не причиняла страданій. Какое преимущество надъ Терметтой!

— Франселина,—сказала она безъ дальнѣйшихъ приготовленій,—правда ли, что Маркъ снова за вами ухаживаетъ?

— А, такъ это, значить, вы довольствуетесь моими объѣдами?—надменно спросила гордая дѣвушка.

— Отвѣчайте мнѣ, вамъ это ничего не стоитъ.

— А теперь вы бѣгаете за нимъ? Это лучшее средство заставить его убѣжать еще скорѣе. Я гордо обращаюсь съ моими поклонниками, а между тѣмъ ихъ у меня не мало; у меня ихъ столько, что не оберешься. А вы, какъ я вижу, не слишкомъ самолюбивы.

— Нѣтъ, я не самолюбива. Я такъ несчастна,—сказала Терметта, и слезы показались у нея на глазахъ.—Вы видите: я только что оправилась отъ болѣзни, я слаба, меня можно пожалѣть. Но если Маркъ разлюбитъ меня, самая жизнь станетъ мнѣ въ тягость. Я не могу жить безъ любви. Онъ одинъ любилъ меня, и если онъ не любитъ меня больше, я прокляну смерть, не взявшую меня во время горячки. Не будьте жестоки ко мнѣ, вамъ нечего жаловаться на судьбу, это видно по вашему лицу; если вы не хотите навлечь на себя несчастье, будьте снисходительны къ другимъ, и пусть Богъ сохранитъ васъ отъ такихъ страданій, какъ мои.

Эти слова тронули красавицу.

— Я давно уже не видала Марка,—сказала она,—и онъ бы понапрасну терялъ время, еслибы вернулся ко мнѣ. Я не люблю такихъ умниковъ: слишкомъ трудно управлять ими. Если это можетъ васъ успокоить, я, пожалуй, скажу вамъ, что у меня уже есть женихъ. И этотъ несчастный—Балтазаръ.

— Балтазаръ?

— Да, это моя фантазія. Онъ очень хорошъ, когда молчать и мысли не слишкомъ беспокоить его. Терпѣть не могу умниковъ—всегда-то они правы. Такъ какъ я буду его женой, онъ меня будетъ считать лучшей женщиной въ мірѣ; я берусь, впрочемъ, доказать это ему безъ помощи ариметики. Онъ мнѣ очень нравится. Самый глупый, какого я только могла найти.

— А Маркъ не возвращался къ вамъ болѣе, вы правду говорите?

— Ноги его тутъ не было съ начала года. Если онъ и ходитъ къ Метралю въ его школу, то къ намъ уже больше не заходить.

Природа сильно измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ Терметта слегла: деревья уже зеленѣли, смятые листочки, казалось, хранили слѣдъ броженія соковъ, заставившаго ихъ выйти изъ почекъ. Все вокругъ сверкало подъ горячими лучами солнца; оно, казалось, лило золото на землю.

Было бы благоразумнѣе сейчасъ же возвратиться домой, но Терметта не могла заставить себя войти въ душныя комнаты. Радость жизни охватила ее. Она тихонько шла вдоль дороги, и сердце ея было переполнено какимъ-то смутнымъ, но радостнымъ волненіемъ. Она готова была расплакаться

изъ-за пустяка. Она долго простояла передъ группой ивъ, любуясь переливами тѣней на листьяхъ.

Вдругъ она услышала хорошо знакомый голосъ, напѣвавшій какую-то пѣсенку.

— Какъ можетъ онъ пѣть, когда я такъ больна, такъ страдаю?—подумала она.—И что ему тутъ нужно?

Опять сомнѣнія закрались ей въ душу. Она спряталась за изгородь, чтобы слѣдить за Маркомъ. Ей показалось, что онъ направлялся къ дому Рибольеровъ.

— Измѣнникъ!—сказала она себѣ.—Онъ меня больше не любить.

Она тотчасъ же подумала о смерти. Но прежде чѣмъ умереть, она отомститъ, и ужасныя картины мести пронеслись въ ея воображеніи.

Но Маркъ даже не смотрѣлъ въ сторону дома Риболье. Онъ пошелъ по дорогѣ вдоль изгороди, за которой она спряталась. Тогда она рѣшилась окликнуть его. Они вѣдь такъ давно не видались. Какъ онъ обрадуется! Все кругомъ было пустынно и тихо. Порывъ счастья, молодости охватилъ ее. Волна горячей крови хлынула ей въ голову, и румянецъ покрылъ блѣдныя щеки.

Она позвала его. Маркъ быстро обернулся. Она подбѣжала къ нему и обвила его шею руками.

— О, мой Маркъ, какъ я счастлива, что вижу тебя. Какъ хорошо, что я пришла сюда. Я все прощаю судьбѣ за то, что она устроила нашу встрѣчу... О! мнѣ кажется, что я вѣкъ тебя не видала. Ты меня все еще любишь?

— Вы ли это? ты ли это?—говорилъ взволнованный Маркъ, растроганный происшедшей въ ней перемѣной.

— Ты меня все еще любишь?

— Честное слово, до сумасшествія, — отвѣтилъ онъ радостно.

— Ты меня любишь, какъ прежде?

— Гораздо сильнѣе. Никогда время не тянулось для меня такъ долго, какъ во время твоей болѣзни. Я думалъ, что ему конца не будетъ.

— Ахъ, еслибы ты зналъ, сколько я натерпѣлась!

Потрясенная слишкомъ сильнымъ волненіемъ, Терметта не выдержала и, вспомнивъ о своихъ страданіяхъ, разрыдалась, прижавшись къ груди своего друга. А онъ, поднимая ее съ земли, тихонько укачивалъ ее, какъ ребенка. Она была такая хрупкая, такая легкая, что Маркъ былъ тронутъ до слезъ.

— Ты, значить, и вправду много страдала?

— Ахъ! если ты меня любишь только въ половину, какъ я, я и то буду рада. Но ты никогда не полюбишь меня, какъ я тебя люблю. Ты не сѣмѣешь. Еслибы меня не стало, ты бы утѣшился. Но если ты бросишь меня, я умру—слышишь?

Въ одномъ тебѣ вся моя жизнь. Если мнѣ суждено еще нѣсколько счастливыхъ дней въ жизни—ты одинъ можешь дать ихъ мнѣ. На тебя вся моя надежда. Всѣ другіе оскорбляютъ меня, ты одинъ умѣешь меня любить. Скажи мнѣ, что ты меня любишь, скажи, что я могу тебѣ довѣриться. Подѣлуй меня, чтобы я тебѣ повѣрила.

Они крѣпко поцѣловались. Маркъ, болѣе благоразумный, посмотрѣлъ, нѣтъ-ли кого нибудь по близости.

Хотя онъ не увидѣлъ и не услышалъ никого, но изъ осторожности онъ повелъ ее туда, гдѣ начинался маленькій кустарникъ, покрывавшій склонъ пригорка, на вершинѣ котораго росли большія деревья. Онъ зналъ тамъ уголокъ, гдѣ они могли спрятаться отъ нескромныхъ взоровъ. Они усѣлись на травѣ, подъ залитой солнцемъ листвою. Лѣто было въ разгарѣ, все жило вокругъ. Насѣкомыя жужжали; казалось, слышно было, какъ переливались соки въ травѣ. Верхушки деревьевъ, колеблемыя вѣтромъ, шептались о чемъ-то. Инстинктивно, боясь нарушить гармонию природы, они начали говорить тихо.

Маркъ объяснилъ, почему онъ не являлся на свиданія, а Терметта рассказала свои невзгоды; онъ по временамъ сжималъ кулаки, слушая о жестокостяхъ Мюзеля, и шепталъ:

— А, негодай! Ахъ, онъ старый арабъ!

Время отъ времени они слышали стукъ деревянныхъ башмаковъ о булыжникъ дороги. Тогда они задерживали дыханіе и изъ-за густой листвы разглядывали прохожаго. Они сильно испугались, когда узнали въ одномъ изъ прохожихъ, невольно нарушившихъ ихъ уединеніе, стараго Мюзеля. Да, онъ самый, съ шапкой на бекрень, держа серпъ подъ мышкой, спускался съ горы, съ независимымъ видомъ крестьянина, чувствующаго себя хозяиномъ своего дома. Терметта дрожала. Маркъ шепнулъ ей, что листья и ползучія растенія такъ густо покрываютъ изгородь, что съ дороги ихъ невозможно замѣтить. У него мелькнула мысль хоть немного отомстить старику. Онъ привлекъ къ себѣ молодую дѣвушку и въ то время, какъ старикъ, такъ сильно старавшійся разлучить ихъ, поровнялся съ ними, онъ еще разъ поцѣловалъ ее долгимъ поцѣлуемъ, съ такимъ лукавствомъ посматривая то на дорогу, то въ глаза своей милой, что они оба громко разсмѣялись, лишь только старикъ отошелъ подальше.

— Старый арабъ,—сказалъ Маркъ,—у него вѣрно въ ушахъ зазвенѣло. При всей своей хитрости онъ не помѣшалъ и не помѣшаетъ намъ любить другъ друга. Еслибы у него когда нибудь была такая-же хорошенькая подруга, какъ у меня, онъ, быть можетъ, не былъ бы такъ жестокъ. Но его время прошло, его сердце пусто и не зацвѣтетъ вновь. Теперь нашъ

чередь. Мы молоды и за нами послѣднее слово. Да здравствуетъ жизнь! Не будемъ отчаиваться.

— Но сколько времени мы будемъ опять разлучены,—вздыхнула Терметта.—Я такъ несчастна дома.

— Что дѣлать! Какъ я ни силенъ, а не могу защитить тебя!

— Его приводятъ въ бѣшенство несчастія въ нашемъ хлѣву. Весь нашъ скотъ боленъ, и онъ говоритъ, что я виной всему. Я боюсь его. Ахъ, если бы ты видѣлъ его тогда: какъ онъ кричалъ и колотилъ быковъ! Настоящій чортъ,—какъ онъ страшенъ!

— Я положительно не понимаю, что у васъ тамъ творится. Пока Балтазаръ былъ твоимъ женихомъ, я подозрѣвалъ, что это ихъ шутики. Но теперь, когда онъ рѣшительно женится на Франселинѣ, я вижу, что ошибался. Но кто же въ самомъ дѣлѣ отравляетъ вашъ скотъ? Я просто не придумаю. Зачѣмъ? Съ какой цѣлью? Вы по утрамъ, что-ли, замѣчаете, что случилось несчастье?

— Конечно. Развѣ ты не знаешь, что домовые работаютъ ночью.

— Домовые? Чортъ побери! Развѣ ты имъ вѣришь?

— Какъ же не вѣрить? Ты видишь, что у насъ дѣлается.

— Это все старыя бредни. Домовой! Хотѣлъ бы я его встрѣтить съ хорошими вилами въ рукахъ. Я поговорю объ этомъ съ твоимъ отцомъ.

Странный шумъ послышался въ лѣсу надъ ними. Булыжникъ скатился въ траву и кустарникъ задвигался подъ чьими то невидимыми руками. Они быстро подняли головы и съ невыразимымъ смущеніемъ увидѣли, что кто-то на нихъ смотритъ.

Но они сейчасъ же узнали Беззаботнаго. Хромой самъ былъ немного смущенъ тѣмъ, что потревожилъ ихъ. Всегда веселый, онъ заткнулъ вѣтку цвѣтущаго ракитника за ленту своей шляпы. Съ ласковой улыбкой, съ длинной сѣдой бородой, въ лохмотьяхъ, окруженный зеленью, онъ былъ похожъ на стараго лѣсного бога, одежда котораго не возобновлялась съ тѣхъ поръ, какъ боги покинули землю.

Бродяга опирался на заступъ, которымъ онъ копалъ трофеи подъ дубами. Остановившись между двумя кустами, онъ не зналъ, уходить ли ему или подойти ближе, и все улыбался добродушной и ласковой улыбкой, которая, казалось, говорила:

— Какъ хороша молодость!

Наконецъ, онъ рѣшился и, сдѣлавъ правой рукой жестъ, ясно выразившій: «на здоровье! будьте счастливы!»—скрылся въ лѣсу.

Влюбленные снова разсмѣялись. Маркъ Фошюреръ, про-

сбившись съ дѣвушкой, бросился по слѣдамъ Беззаботнаго и догналъ его въ лѣсу. Онъ схватилъ его поперекъ тѣла и, весело, подбрасывая своими сильными руками, повторялъ:

— Хромой, хромой! тотъ, кто отниметь у меня Терметту, не будетъ мнѣ другомъ. Плохо ему придется, а?

— Ладно! Ладно! Вы мнѣ сломаете что нибудь,—жалобно сказалъ добрякъ.—Поставьте-ка вы меня осторожно на землю.

XXIV.

Антонъ поилъ быковъ въ ручьѣ и ободрялъ ихъ посвященіемъ. Животныя, ступивъ передними ногами въ ручей, пили медленными глотками. Шей ихъ расширялись, и они должны были поднимать кверху головы, чтобы вода могла пройти въ желудокъ; тонкія струйки текли изъ ихъ открытыхъ ртовъ и образовали вокругъ губъ серебряную бахромъ. Наступала ночь, дневной шумъ стихалъ. Въ воздухѣ, необыкновенно прозрачномъ, неслись отовсюду неясные, неопредѣленные звуки. Быки, возвращаясь въ свои стойла, мычали и имъ откликались ихъ деревенскіе товарищи. Маркъ зналъ, что въ это время онъ найдетъ Антона неподалеку отъ дома. Онъ пришелъ пожелать ему добраго вечера, и, пока Франсуаза загоняла быковъ въ стойла, они сѣли побесѣдовать.

— Я видѣлся съ Терметтой,—откровенно сказалъ молодой человѣкъ,—мы по прежнему любимъ другъ друга и, какъ я ни на комъ, кромѣ нея, не женюсь, такъ и она не выйдетъ ни за кого другого замужъ. Мы рѣшили ждать. Дѣдъ можетъ передумать и согласиться на нашъ бракъ, наконецъ; хотя не хорошо основывать свои надежды на смерти ближняго, но всетаки можно думать, что онъ не проживетъ слишкомъ долго: онъ такъ старъ, а Терметта еще очень молода. Что же касается меня, то мой братъ женатъ, у насъ въ домѣ есть хозяйка и никому нѣтъ дѣла, когда я женюсь. Я подожду нѣсколько лѣтъ, меня это не пугаетъ. Одобряете ли вы наше рѣшеніе?

Антонъ покачалъ головой и отвѣтилъ:

— Если Терметта такъ хочетъ, то и я ничего другого не желаю. Богъ свидѣтель, что я хочу только ея счастья. У меня не хватаетъ воли, чтобы защитить Терметту отъ отца, неужели я найду въ себѣ силы приневоливать ее. По моему все, что она дѣлаетъ, хорошо. О, еслибъ я зналъ раньше, какъ плохо не имѣть никакой власти у себя дома! Но теперь этого не исправишь—слишкомъ поздно.

— Я былъ увѣренъ въ вашемъ согласіи, Антонъ, вы добрый человѣкъ. Смотрите на меня, какъ на сына. У васъ есть враги, которые вредятъ вамъ; скажите мнѣ, кого вы подозреваете?

— Насъ околдовали, мой бѣдный другъ, это очевидно.

— Нѣтъ, Антонъ, колдовства не существуетъ,—это предразсудокъ стараго времени. Если бы всѣ думали, какъ я, то какойнибудь дуракъ, вроде Тиолона, не представлялся бы колдуномъ и не пугалъ деревенскій народъ. Если вашъ скотъ болѣетъ, значитъ, ктонибудь его отравляетъ, можете быть увѣрены. Ручаюсь головой, что ктонибудь забирается въ вашу ригу ночью, когда вы всѣ спите.

— Каждую ночь, когда чтонибудь случится, собака неистово лаетъ. Говорятъ, что собаки лаютъ такъ, когда приходитъ привидѣнiе. Мы это замѣтили.

— Навѣрно у привидѣнiя, на которое лаютъ собаки, такія же кости и кожа, какъ у меня, я это докажу. Если спрятаться ночью въ ригу, я увѣренъ, что можно подстеречь это привидѣнiе. Я хотѣлъ предложить вамъ это, Антонъ.

Крестьянинъ колебался. Онъ и вѣрилъ, и не вѣрилъ въ нечистую силу, и такая неувѣренность была для него хуже, чѣмъ какой бы то ни было опредѣленный взглядъ. Онъ не зналъ, чѣмъ онъ рискуетъ, и ему становилось еще страшнѣе. Но желанiе сохранить свое добро взяло верхъ. Они условились никому не говорить о своемъ намѣренiи, главнымъ образомъ потому, что дѣдъ не потерпѣлъ бы присутствiя Марка въ своихъ владѣнiяхъ; кромѣ того, такъ какъ домовымъ былъ, вѣроятно, одинъ изъ жителей деревни, то не къ чему было предупреждать его.

Нѣсколько ночей сряду они провели на соломѣ, не смыкая глазъ, Маркъ въ конюшнѣ, которую считалъ болѣе опаснымъ мѣстомъ, а Антонъ—въ ригѣ. Тотъ и другой были вооружены острыми вилами.

— Вотъ видите, что это привидѣнiе, — говорилъ упавшій духомъ Антонъ. — Оно прекрасно знаетъ, что мы сторожимъ здѣсь, потому и не появляется болѣе.

— Дѣйствительно, что-то не появляется, — отвѣчалъ Маркъ.—Но—терпѣнiе! Когда мы будемъ менѣе всего о немъ думать, тогда оно и появится.

Однажды ночью разразилась страшная гроза. Громъ оглушительно грохоталъ подъ сводами неба, вѣтеръ завывалъ въ вершинахъ деревьевъ. Шелъ сильный дождь; скопаясь въ углубленiяхъ крыши, онъ шумными потоками срывался на землю.

Стропила подъ напоромъ бури по временамъ издавали жалобный скрипъ, нарушавшiй глубокую тишину внутри конюшни, тишину, составлявшую рѣзкiй контрастъ съ шумомъ бури, неистовствовавшей снаружи. Животныя лежа пережевывали жвачку. По временамъ, встревоженные шумомъ бури, они поворачивали головы въ сторону Марка, прилеглаго въ углу

на соломы, и большіе глаза ихъ свѣтились въ ночномъ мракѣ. Маркъ, который вообще ничего не боялся, клонило ко сну. Чтобы разсѣять сонъ и убить время, онъ разсчитывалъ, что стоятъ конюшни Мюзеля: три оставшіеся вола стоятъ сто семьдесятъ эку. Хотя одинъ изъ нихъ не парный, Маркъ все-таки далъ бы за нихъ сто семьдесятъ эку. Что же касается коровъ, то Бреннѣтта, на примѣръ, стоитъ тридцать эку. А стоятъ-ли она, въ самомъ дѣлѣ, тридцать эку? Онъ открываетъ глаза, чтобы взглянуть на нее въ темнотѣ, съ которой уже освоился.

Что за странность! Бреннѣтта превратилась въ козу. Какъ могла она стать козой, когда онъ прекрасно знаетъ, что она корова? Онъ закрылъ глаза, чтобы собраться съ мыслями, но никакъ не могъ понять, въ чемъ тутъ дѣло. Должно быть, онъ спитъ. Просто на просто, онъ видитъ все это во снѣ. Теперь онъ не увѣренъ даже, была ли Бреннѣтта когда нибудь коровой. Въ настоящую минуту она коза, что тутъ говорить, когда она стоитъ передъ нимъ. Онъ вглядѣлся внимательно. Бреннѣтта стояла на заднихъ ногахъ и, повидимому, чувствовала себя прекрасно въ этомъ положеніи. Коза, ходящая на заднихъ ногахъ, показалась ему очень забавной, и онъ разсмѣялся.

Нѣтъ, онъ положительно все перепуталъ. Вѣдь козы же всегда ходятъ на заднихъ ногахъ? Чему тутъ удивляться? Очевидно, онъ опять заснулъ. Но разъ онъ понимаетъ, что засыпаетъ, значитъ, онъ не спитъ. «Во снѣ я не могъ бы замѣтить, что засыпаю», рѣшилъ онъ.

Бреннѣтта свободно расхаживала на заднихъ ногахъ, какъ будто она во всю жизнь ничего другого и не дѣлала. Она поворачивалась во всѣ стороны. «Что же это? она, должно быть, не привязана? подумалъ Маркъ. Окончательно я не сплю; вотъ вѣдь я прекрасно знаю, что козъ въ конюшнѣ привязываютъ. Надо полагать, что на нее забыли накинуть веревку вчера, вечеромъ».

Бреннѣтта приблизилась къ его углу, и это почему, то привело его въ ужасъ.

«Какъ я глупъ! — подумалъ онъ, — это домовый, ей-Богу, это домовый, Бреннѣтта и есть домовый, — теперь все ясно». Хотя все и было ясно, но Бреннѣтта стояла передъ нимъ, какъ кошмаръ, отъ котораго невозможно отдѣлаться. Онъ уже не отдавалъ себѣ больше отчета, зачѣмъ онъ ждалъ домового, но мысль, что этотъ домовый приближается къ нему, наполняла его ужасомъ. Домовой подходилъ все ближе и ближе, вотъ онъ наступилъ на ногу спящаго.

— Боже мой, — вскричалъ Маркъ, вскочивъ на ноги съ вилами въ рукахъ, — вѣдь я заснулъ.

Животное, которое онъ принималъ сначала за Бреннъетту, а потомъ за домового, сильно испугалось неожиданнаго появленія Марка и бѣгомъ пустилось къ ригѣ. Сознаніе дѣйствительности сейчасъ же вернулось къ Марку.

— Антонъ, Антонъ! — кричалъ онъ, — вотъ онъ! онъ бѣжитъ къ вамъ въ ригу! Держите его! ахъ разбойникъ! не дайте ему ускользнуть!

Онъ также кинулся въ погоню за этимъ фантастическимъ существомъ, которое какъ будто вынырнуло изъ его сновидѣнія.

Пока онъ добѣжалъ отъ конюшни до дверей риги, въ ригѣ разыгрывалась драма; онъ ее не видѣлъ, но слышалъ слѣдующія слова:

— Кто бы ты ни былъ, я не пущу тебя, — кричалъ Антонъ, вѣроятно схватившій домового.

— Пусти, или я тебя убью, — повелительно сказалъ голосъ, показавшійся Марку знакомымъ.

— Какъ, это вы, Тіолонъ? — сказалъ Антонъ, также узнавшій этотъ голосъ.

Въ ригѣ раздался выстрѣлъ, за которымъ послѣдовало паденіе тѣла, страшный крикъ и насмѣшливое восклицаніе Тіолона:

— Тѣмъ хуже для васъ! по крайней мѣрѣ вы не повторите никому моего имени.

Маркъ прибѣжалъ какъ разъ въ то время, когда за заборомъ, выходящимъ на дорогу, исчезъ мнимый колдунъ, завернутый въ козью шкуру.

— Маркъ, — сказалъ Антонъ, лежавшій безъ движенія, — мнѣ очень плохо, другъ мой.

— Онъ васъ ранилъ?

— Негодяй! онъ убилъ меня!

Маркъ отворилъ настежь ворота риги. Гроза стихала, занималась заря и слабый свѣтъ проникъ въ ригу. Антонъ, распростертый на землѣ, тяжело дышалъ. Маркъ подложилъ ему подъ голову охапку соломы и побѣжалъ въ домъ, стуча изо всѣхъ силъ и призывая на помощь. Собака, хорошо помнившая полученные отъ него пинки, забила за дверь и жалобно выла.

Дождь съ тоскливымъ однообразіемъ стучалъ по листьямъ. На пасмурномъ, облачномъ небѣ слабо загоралась заря. Мюзель, Франсуаза и Терметта, разбуженные такъ внезапно, поспѣшно одѣвались, съ болью въ сердцѣ предчувствуя несчастье.

Маркъ, попросивъ зажечь фонари, вернулся съ ними въ ригу.

Антонъ старался окровавленными руками зажать свою рану. Его подняли, кровь оказалась и подъ нимъ. Пуля прошла на вылетъ. Онъ умоляюще взглянулъ на отца, какъ бы желая сказать, что онъ не виноватъ.

— Простите, — пробормоталъ Антонъ, — все кончено со мною.

Старикъ, пораженный горемъ и неожиданностью, опустился на колѣни, чтобы лучше осмотрѣть рану, и все повторялъ:

— Сынъ мой! сынъ мой!

— Отецъ, я умираю! — печально отозвался Антонъ.

Его перенесли на кровать. Женщины попытались забинтовать рану, досадуя на свою неловкость въ такомъ непривычномъ дѣлѣ.

Мюзель приказалъ немедленно привести доктора.

— О! — произнесъ Антонъ, — вы можете избавить себя отъ этой напрасной траты.

Но старикъ повторилъ свое приказаніе и, одинъ изъ Кенсоновъ поспѣшилъ за докторомъ.

XXV.

Старый Мюзель не могъ сообразить, какимъ образомъ его сынъ очутился въ три часа ночи въ ригѣ, какъ онъ былъ раненъ и почему именно Маркъ первый сообщилъ о случившемся несчастіи. Онъ заставилъ подробно рассказать себѣ всѣ событія ночи. А въ это время наверху Антонъ, распростертый на постели, тоскливо ожидалъ окончанія своихъ страданій, покоряясь смерти, какъ до сихъ поръ покорялся всему въ жизни. Онъ кусалъ себѣ губы, чтобы заглушить стоны, боясь больше всего огорчить окружающихъ. Никого не стѣсняя при жизни, онъ, въ силу привычки, никого не хотѣлъ стѣснять и умирая.

Онъ ждалъ. Дождь стучалъ въ окно. Ему казалось, что это смерть бьется крыломъ о стекло, требуя, чтобы ее впустили.

— Она сейчасъ придетъ, — сказалъ онъ такъ просто, какъ будто дѣло шло о самой обыкновенной вещи.

Уже дневной свѣтъ пересилилъ свѣтъ ночника, когда онъ увидѣлъ, что Терметта, склонясь къ его изголовью, тихо плачетъ. Вдругъ онъ ясно созналъ, въ какомъ безпомощномъ положеніи онъ оставляетъ дочь, безъ поддержки противъ деспотической власти дѣда.

Онъ понялъ, что плакать надо не о немъ, а о ней, и эта мысль вызвала въ немъ угрызенія совѣсти.

Онъ прошепталъ:

— Бѣдняжка, ты останешься совсѣмъ одна.

Молодая дѣвушка нѣжно поцѣловала его руку, бѣдную загорѣлую руку, жесткую и скрюченную отъ непрерывной работы.

— Не тревожься за меня, отецъ, — сказала Терметта, стараясь его успокоить.

— Я не хочу, чтобы ты думала, что я не понималъ всего происходившаго, — возразилъ онъ, говоря о себѣ въ прошедшемъ, какъ будто онъ принадлежалъ уже къ другому міру. — Я не былъ для тебя тѣмъ, чѣмъ я долженъ былъ быть, но ты знаешь, каково было мое положеніе, и ты простишь меня. Впрочемъ, ты не будешь несчастнѣе безъ меня. Позови дѣда, я хочу съ нимъ поговорить.

— Не тревожьтесь, умоляю васъ!

— Позови его и оставь насъ вдвоемъ. Не теряй времени, я такъ слабъ, что каждую минуту могу умереть.

Старикъ, съ желѣзной волей, съ каменнымъ сердцемъ, упрямый и гордый, терялъ голову, не зная, что предпринять. Онъ сѣлся у камина, но тотчасъ же вставалъ и начиналъ ходить по комнатѣ, ноги не держали его. Это ужасное несчастіе поразило его въ единственную слабое мѣсто: хотя онъ всегда грубо обращался съ Антономъ, но это былъ Мюзель, его сынъ, его единственный наслѣдникъ. Какъ спасти его? на что рѣшиться?.. Они съ Франсуазой придумали одно: подогрѣть вина, чтобы поддержать больного, въ ожиданіи доктора. Старикъ поднялся къ сыну. Хотя мысль, что скоро онъ навсегда уйдетъ изъ подъ власти отца, должна была придать смѣлости Антону, но онъ все-таки не рѣшался взглянуть ему прямо въ лицо.

— Отецъ, — проговорилъ онъ съ трудомъ, — я не могу умереть спокойно.

— Что ты говоришь о смерти, — вскричалъ старикъ, — все будетъ хорошо, мой мальчикъ! Докторъ скоро пріѣдетъ.

— Съ вашего позволенія, мнѣ нуженъ не докторъ, а священникъ. Я не могу умереть спокойно.

— Почему же? что можетъ успокоить тебя?

— Отецъ, я вамъ скажу сейчасъ... я беспокоюсь о дочери.

— А! — сказалъ старикъ, лицо котораго снова приняло суровое выраженіе. Морщины его зашевелились, а глаза за- сверкали подъ нависшими бровями. Онъ молчалъ.

Совершенно разсвѣло. День насталъ тусклый и дождливый. Отецъ и сынъ смотрѣли другъ на друга, не говоря ни слова. Антонъ не могъ вздохнуть безъ стона, и старику казалось, что съ каждымъ вздохомъ жизнь сына уходитъ.

— Отецъ, — сказалъ онъ съ выраженіемъ безграничнаго страданія, — я не могу умереть спокойно.

— Ты знаешь, я поклялся, что этого брака не будетъ никогда, пока я живъ. Разъ я поклялся, я не отступлю отъ своего слова, — сказалъ старый крестьянинъ тономъ, въ которомъ слышался скорѣе упрекъ, чѣмъ гнѣвъ.

Опять наступило продолжительное молчаніе.

Время уходило, а съ нимъ послѣднія силы Антона.

Опять у него вырвалось какъ стонъ:

— Отецъ, я не могу умереть спокойно!

Его голосъ, измѣненный страданіями и тревогой, голосъ умирающаго, выражавшаго послѣднюю волю, перевернулъ душу старика. Онъ былъ глубоко потрясенъ, старый Мюзель. Недавно онъ похоронилъ внука, а теперь приходилось хоронить сына.

Старый стволъ терялъ всѣ свои вѣтви, и грубая кора трещала подъ непрерывными ударами судьбы.

Мюзель ослабшій, сгорбленный, съ подбородкомъ трясущимся отъ непобѣдимаго волненія, чувствовалъ, что онъ уже не тотъ, что онъ только тѣнь прежняго. Его непреклонная гордость пыталась еще поставить на своемъ, но какъ устоять противъ этого душу раздирающаго голоса, въ которомъ ему слышался странный упрекъ.

— Отецъ, отецъ, не дайте мнѣ умереть съ тяжелымъ сердцемъ.

— Я сдѣлаю все, что ты хочешь,—сказалъ старикъ тихо, какъ бы стыдясь своей слабости.—Будь спокоенъ.

— Вы позволите имъ жениться? Правда-ли, это?

— Я общаю тебѣ.

— Простите, но я хотѣлъ бы, чтобы вы сказали это при нихъ.

— Я все сдѣлаю. Не утомляйся, не говори такъ много.

Сходили за Маркомъ, котораго старикъ самъ привелъ въ комнату раненаго, куда возвратилась и Терметта.

Антонъ слабѣлъ все болѣе и болѣе.

Взглядъ его тускнѣлъ.

— Я не хотѣлъ умереть, не устроивъ вашу судьбу,—сказалъ Антонъ,—отецъ согласенъ на вашъ бракъ. Онъ мнѣ позволилъ вамъ это сказать. Неправда-ли, отецъ, вы мнѣ это общали?

— Клянусь спасеніемъ своей души,—торжественно произнесъ старикъ.

— Признаться, отецъ, я думаю, что вы хорошо дѣлаете: нашъ домъ ничего не потеряетъ отъ этого. Если бы мы не вѣрили въ колдуновъ, я остался бы живъ. Маркъ правъ. Простите, но я всегда такъ думалъ.

Мюзель, человекъ стараго закала, сдѣлалъ видъ, что не слышитъ словъ сына.

Горькая улыбка промелькнула на губахъ умирающаго, и онъ прибавилъ, обращаясь къ молодымъ людямъ:

— Умирая, я вамъ сдѣлалъ больше добра, чѣмъ при жизни. Потеря не будетъ велика.

Остальную часть утра вся семья находилась въ ужасномъ положеніи людей, видящихъ, какъ умираетъ близкій человекъ, и не имѣющихъ возможности помочь ему.

Въ эти минуты всѣ сердца, нѣжныя и заглублены одинаково чувствуютъ человеческое ничтожество. Говорили мало, старались заглушить шумъ шаговъ надъ комнатою больного.

Старикъ обращался съ Терметтой безъ обычной суровости.

При первомъ извѣстїи о преступленїи сбѣжались сосѣди, сильно взволнованные рядомъ несчастій, обрушившихся на домъ Мюзеля. Біана была встревожена,—она боялась, что Тіолонъ ее выдастъ. Она страшно поблѣднѣла. Франсуаза, которая ее ненавидѣла, была увѣрена, что въ глубинѣ души она чувствуетъ радость, но, право, люди чересчуръ торопились подозрѣвать во всемъ дурномъ добрейшую тетюшку: она и не подумала о тѣхъ выгодахъ, какія сулила ей смерть брата; ее слишкомъ заботила мысль, что ее могутъ счесть участницей преступленія. У нея на это былъ готовый отвѣтъ: никогда она не просила Тіолона убивать кого-либо. Она — такая кроткая, такая добрая — участница преступленія! Этому никто не повѣритъ, думала она, но ей никакъ не удавалось успокоить себя. Старая служанка не позволила ей подняться къ раненому, говоря, что ему нуженъ покой.

Біана присоединилась къ кумушкамъ, шептавшимся у камина. Она услышала, какъ Франсуаза отвѣтила на вопросъ, смертельна ли рана:

— Вотъ уже нѣсколько ночей сряду я слышу, какъ сова ухааетъ около нашего дома. Это къ смерти. Нѣтъ надежды спасти его, это вѣрно.

Послали за священникомъ.

Молодой Бижуа, которому это было поручено, сказалъ, вернувшись, что ручей Ивинеттъ такъ разлился, что невозможно перейти черезъ него.

Вдругъ раздался громкій крикъ Терметты. Женщины прекрестились... Антонъ умеръ.

— Прїими, Господи, его душу, — сказала одна изъ нихъ и стала читать молитву.

Онѣ разошлись, и тѣ изъ нихъ, которыя встрѣтили доктора, сообщили ему, что раненый умеръ.

XXVI.

Потрясенный ужаснымъ несчастіемъ, старый Мюзель долго сидѣлъ надъ тѣломъ сына, молчаливый и мрачный. Потомъ онъ схватилъ топоръ и обошелъ всю деревню, стуча въ каждую дверь и восклицая.

— Что жъ, неужели мы такъ и оставимъ этого разбойника въ его берлогѣ? Неужели мы дадимъ ему убивать нашихъ дѣтей?

Франсуаза, испуганная выраженіемъ мрачной рѣшимости на лицѣ своего хозяина, заходила слѣдомъ за нимъ къ сосѣдямъ, говоря:

— Ради Бога, удержите его, онъ сдѣластъ что нибудь ужасное.

Но каландры не меньше его были раздражены противъ мнимаго колдуна. Они негодовали на него за то, что онъ столько лѣтъ держалъ ихъ въ непрерывномъ страхѣ. Они припоминали другія семьи, въ которыхъ происходило то же, что у Мюзелей: очевидно, онъ и туда пробирался, какъ и къ нимъ, подъ покровомъ ночи, ранилъ и отравлялъ скотъ, портилъ хлѣбъ. Они понимали теперь, какого рода порчу онъ насылалъ на нихъ; тѣ, кому пришлось пострадать отъ нея, чувствовали, что злоба и сожалѣніе о потерянномъ имуществѣ просыпается въ нихъ съ новою силою; они возбуждали остальныхъ.

— Разбойникъ! негодяй! — кричали повсюду, — вотъ погодите, мы ему покажемъ себя!

Нестройная толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей, вооруженная чѣмъ попало: бичами, топорами, ножами, вилами и просто палками, направилась по тропинкѣ въ гору; старикъ шелъ впереди всѣхъ молчаливый и ужасный, съ топоромъ на плечѣ; остальные шли за нимъ, возбуждая другъ друга, разжигая злобу разказами о преступленіяхъ Тіолона; теперь, когда преступленіе обнаружило его продѣлки, они возмущались противъ прежняго суевѣрія; жажда мести еще усиливалась въ нихъ отъ сознанія, что столько времени они были жертвами грубаго обмана.

Они торопливо пробирались черезъ заросли букса, мокраго отъ непрерывнаго дождя. Сѣроватая облака ползали по горѣ, то подымаясь, подобно занавѣсу, и открывая склонъ, прорѣзанный пѣнящимися потоками, то опускаясь и окутывая всю ее тяжелою мглой. Иногда, достигнувъ вершины, облака оставляли за собой клочья тумана; подгоняемые вѣтромъ, они неслись, задѣвая за деревья, догоняя опредившія ихъ тучи, какъ всадники, отставшіе отъ своего отряда, и эта безмолвная игра облаковъ подъ сѣрымъ небомъ, проливавшимъ потоки дождя на землю, — имѣла въ себѣ что-то мрачное и величественное.

Не обращая ни малѣйшаго вниманія на непогоду, толпа пересѣкла вздувшіеся потоки, пересѣкла полосы тумана, вошла, наконецъ, въ узкій проходъ, осыненный въ это время года густою тѣнью сплетшихся вѣтвей, и остановилась передъ полянкой, посрединѣ которой возвышалось строеніе, называвшееся берлогой колдуна.

Странный жалобный стонъ, непохожій ни на какой знако-

мый звукъ, едва слышный изъ-за шума водъ, стремившихся со всѣхъ сторонъ бурными потоками, привлекъ общее вниманіе къ дубу, стоявшему на краю поляны. На одной изъ его толстыхъ вѣтвей качалось тѣло, а собака, сидя передъ нимъ, выла хриплымъ голосомъ. Она была такъ погружена въ созерцаніе, что даже не шевельнулась при приближеніи такого множества незнакомыхъ людей; казалось, она просто не замѣтила ихъ и осталась въ томъ же положеніи, съ поднятымъ кверху носомъ и глазами, устремленными на своего хозяина; она какъ будто старалась понять, почему тотъ упрямо сохраняетъ такую странную позу.

Убѣдившись, что его открыли, и перебравъ въ умѣ все, что ему могутъ поставить на счетъ, въ особенности же послѣднее убійство,—Тіолонъ быстро сообразилъ, что положеніе его безвыходно. Онъ былъ смѣлъ, пока глубочайшая тайна охраняла его. Теперь онъ не чувствовалъ въ себѣ рѣшимости снова показаться на глаза жителямъ Каландра; вернувшись съ своей роковой ночной экспедиціи, онъ повѣсилъ. Тѣло его совершенно похолодѣло, а промокшая одежда прилипла къ кожѣ.

— Онъ предупредилъ насъ,—сказалъ Беззаботный,—онъ самъ съ собой расправился.

— А, негодяй!—закричалъ старый Мюзель, обращаясь къ трупу, и такъ сильно ударилъ его топоромъ по головѣ, что веревка, на которой онъ висѣлъ, лопнула,—хорошо ты сдѣлалъ, что покончилъ съ собой, а то бы ужъ я раздѣлался съ тобой по своему!

Собака все продолжала выть; наконецъ, ея вой надоелъ Пей сенату, и онъ прикончилъ ее ударомъ палки. Крестьяне бросились на ригу и, за отсутствіемъ хозяина, излили на нее свою злобу. Они разорили ее всю. Козы были убиты, какъ и собака, сова улетѣла, раскрывъ свои кошачьи глаза, и исчезла въ лѣсу. Шкура козла, головы разныхъ животныхъ, странные предметы, собранные Тіолономъ, тщательно создававшимъ обстановку, необходимую для роли колдуна, были изорваны и растоптаны. Увѣренность въ полной безнаказанности еще увеличивала общую ярость. Крышу растащили въ одну минуту и нѣсколько разъ пытались разрушить стѣны. Хотѣли даже поджечь все, не поддававшееся разрушенію, чтобы истребить самое воспоминаніе о колдунѣ, но огонь не разгорался.

Когда толпа спускалась съ горы, наводившее ужасъ жилище Тіолона представляло собой груду развалинъ. Трупъ собаки былъ брошенъ на трупъ хозяина со словами:

— Они другъ друга стоятъ, пусть себѣ гниютъ вмѣстѣ!

Никогда еще въ Каландрѣ не было такихъ торжественныхъ похоронъ, какъ похороны Антона. Обыкновенно за громомъ

шло по одному человѣку отъ каждаго семейства; но теперь вся деревня, потрясенная трагическими обстоятельствами, сопровождавшими его смерть, пришла проводить его. Впрочемъ, послѣдніе дни выпало столько дождя, что землю совершенно размыло и работать, все равно, было невозможно.

Ручей Ивенеттъ сильно разлился, и священникъ прислалъ сказать, что онъ не можетъ придти въ Каландръ, а будетъ ждать тѣло у входа въ городъ. Маркъ, оба Кенсона и племянникъ Габилонъ взяли гробъ, и процессія пустилась въ путь. Мужчины надѣли воскресныя платья, а женщины постарались одѣться въ темные цвѣта. Немногія изъ нихъ умѣли читать, но каждая, сложивъ благоговѣнно руки, несла молитвенникъ.

Дорогой завязывались тихіе разговоры. Разсуждали о томъ, какъ отзовутся на посѣвахъ дожди послѣднихъ дней. Тѣ, у кого поля лежали по склонамъ горы, не жаловались,—они находили погоду недурной,—но владѣльцы низменныхъ участковъ начинали беспокоиться: если не настанутъ ясные дни, годъ снова будетъ потерянъ.

Но больше всего занимались Мюзелями. Оставилъ-ли Антонъ, кромѣ земли, которая была у всѣхъ на виду, сколько нибудь денегъ? Чтобы рѣшить это, прикинули, какіе сборы могли ежегодно дѣлать Мюзели. Понятно, Антонъ не могъ всего прожить и, по мнѣнію большинства, онъ долженъ былъ накопить порядочно денегъ. Для доказательства перебрали всѣ выдающіеся случаи изъ жизни Антона, съ самой его женитьбы, съ точностью людей, въ памяти которыхъ хранится немного фактовъ, и факты эти часто припоминаются. Онъ торговалъ у Пепьека землю въ Пейсенъерахъ, а между тѣмъ онъ не имѣлъ обыкновенія покупать въ долгъ, да и старикъ, какъ огня боявшійся долговъ, никогда не позволилъ бы ему этого. Продажа не состоялась, и деньги, значить, остались дома. Какъ ни считай, это, во всякомъ случаѣ, первый домъ въ Каландрѣ. Приданое жены Антона съ избыткомъ возмѣстило часть, выдѣленную Гурродихъ при ея замужествѣ, а если еще старый Мюзель оставить имъ же свою треть, то Терметта, единственная наслѣдница всего имущества, будетъ лучшей партией во всей округѣ.

Не меньше, конечно, говорили о смерти Антона. Сосѣдки были такъ напуганы ею, что до сихъ поръ не могли придти въ себя; идя за гробомъ, онѣ все еще обмѣнивались восклицаніями по этому поводу.

— Вѣдь вотъ правду говорить,—замѣчала Додониха,—что на здоровье нельзя полагаться: кто здоровъ, того то смерть и сторожить.

Крестьяне, выведенные этимъ трагическимъ случаемъ изъ обычнаго круга мыслей, занялись безсознательною провѣркою

своихъ вѣковыхъ убѣжденій. Очевидность открыла имъ глаза. Сознаніе ихъ мирно покоилось до сихъ поръ на предразсудкахъ стараго времени; теперь разоблаченіе шарлатанства, эксплуатировавшаго въ свою пользу нѣкоторые изъ этихъ предразсудковъ, нанесло чувствительный ударъ всѣмъ ихъ вѣрованьямъ. Сомнѣніе незамѣтно подкралось къ нимъ. Смутное предчувствіе наступающей новой эпохи въ ихъ маленькомъ мірѣ, крупныхъ перемѣнъ въ привычныхъ условіяхъ жизни, заставляло стариковъ недовѣрчиво покачивать головами, а юношей предаваться смѣлымъ мечтамъ. Они все болѣе убѣждались, что Маркъ не такой ужъ сумасбродъ. Онъ никогда не измѣнялъ своего мнѣнія о Тіолонѣ, и вотъ ужасный случай доказалъ, что онъ не ошибался. Можетъ быть, также правильны и остальные идеи, вывезенныя имъ изъ путешествія и такъ пугавшія вначалѣ своею новизною; эти идеи могли быть, пожалуй, плодомъ болѣе зрѣлой мудрости, чѣмъ та, до которой додумались они сами. Они не забыли, какими аргументами доказывалъ молодой человѣкъ необходимость проведенія дорогъ, и, безпристрастно перебирая его доводы, они не могли отказать имъ въ убѣдительности. Они должны были также признать, что его попытки улучшить культуру и увеличить доходность земли всегда болѣе или менѣе удавались. Съ другой стороны, нельзя было не согласиться, что, не разоряя своего имѣнья, онъ жилъ лучше всѣхъ въ Каландрѣ. Все это происходило на глазахъ у всѣхъ, разсуждалъ Метраль въ одной группѣ, такъ что и спорить-то трудно.

Обратная волна вдругъ вернула всѣ симпатіи и все довѣріе Марку Фошюреру. Онъ шелъ во главѣ процессіи, какъ всегда, осторожный и внимательный ко всѣмъ, сгибая свою широкую спину подъ тяжелымъ гробомъ, чтобы не слишкомъ давить на остальныхъ, и всѣмъ невольно думалось, что этотъ мягкосердечный человѣкъ, сильный и неутомимый работникъ, не можетъ оказывать дурного вліянія на свою деревню.

Когда процессія дошла до ручья, она принуждена была остановиться. Это уже не былъ маленькій ручеекъ, сквозь прозрачныя воды котораго, освѣенныя свѣжею тѣнью олепника, видѣлись мелкія рыбы. Трехдневные дожди такъ переполнили русло, что онъ вышелъ изъ береговъ, и камни, по которымъ обыкновенно переправлялись черезъ ручей, были сплошь залиты водою.

Бодиль Кенсонъ вошелъ, чтобы поискать брода; вода pokrыла ему икры, и онъ съ трудомъ держался на ногахъ.

— Еслибы вашъ мостъ былъ готовъ,—замѣтилъ Метраль—было бы, пожалуй, удобнѣе.

Четыре человѣка, державшіе гробъ, не могли переправляться вмѣстѣ, не подвергая гробъ опасности. Стоило одному

споткнуться на камень или оступиться въ яму, и трупъ несомѣнно полетитъ въ воду. Маркъ завернулъ панталоны, снялъ сапоги и, взявъ гробъ на свои могучія плечи, понесъ его на другой берегъ. Всѣ видѣли, какъ во время этого перехода краска сбѣжала у него съ лица; позднѣе онъ рассказывалъ, что слышалъ, какъ голова несчастнаго Антона билась о доски гроба. Никогда никакой стукъ не вызывалъ въ немъ такого тяжелаго чувства.

Провожавшіе не рѣшались слѣдовать за нимъ. Онъ предложилъ перенести тѣхъ, кого смущала сила потока. Часть крестьянъ, и почти всѣ женщины рѣшили, что приличія позволяютъ имъ не провожать далѣе; они извинились и вернулись назадъ въ Каландръ. Другіе, по примѣру Кенсона и Марка, разулись, подобрались и перешли ручей; боясь упасть, они громко вскрикивали по временамъ. Беззаботный, отказавшись отъ помощи подъ тѣмъ предлогомъ, что его деревяшкѣ очень полезна ванна, былъ опрокинутъ потокомъ и хлебнулъ порядочный глотокъ воды, раньше чѣмъ Маркъ вытащилъ его за куртку на берегъ. При другихъ обстоятельствахъ это приключеніе вызвало бы много остротъ, но хромой, отряхиваясь, предупредилъ насмѣшниковъ, заявивъ:

— Много лѣтъ ужъ не пробовалъ воды,—она не стала лучше.

Этотъ случай побудилъ стараго Мюзеля также обратиться къ помощи Марка, хотя гордость его была сильно оскорблена этимъ. Добродушный великанъ взялъ его на руки и посредникъ ручья, когда никто другой не могъ его слышать, сказалъ ему тономъ упрёка:

— Вѣдь вотъ каковы ваши дороги, кумъ. Нельзя даже какъ слѣдуетъ хоронить нашихъ покойниковъ.

Старикъ взглянулъ на него съ неудовольствіемъ; онъ принималъ за личное оскорбленіе, если кто нибудь оказывался правымъ передъ нимъ. Но онъ былъ слишкомъ разстроенъ, чтобы вступать въ споръ.

Когда на той сторонѣ никого болѣе не осталось, всѣ спустили панталоны, по большей части всетаки мокрыя, надѣли сапоги, и процессія снова выстроилась. Этотъ переходъ черезъ ручей, нарушивъ сосредоточенное настроеніе, которымъ воздають дань уваженія покойнику, всѣхъ раздосадовалъ. Остальной путь былъ не болѣе удобенъ, и похороны чрезвычайно утомили всѣхъ. Между холмомъ, на которомъ былъ расположенъ городъ, и берегомъ ручья—мѣстность представляла собой низкую котловину, гдѣ вода скоплялась особенно быстро. Дождь переполнилъ всѣ колеи, трава хлюпала подъ подошвами, какъ мокрая губка. Желтоватая лужи чередовались съ ямами, наполненными густою грязью, которая такъ и втяги-

вала въ себя ногу. Пройдя немного, Маркъ и его помощники заявили, что нести гробъ вчетверомъ невозможно, такъ какъ необходимость идти въ ногу другъ съ другомъ мѣшаетъ имъ выбирать болѣе удобныя мѣста. Маркъ взялъ одну изъ толстыхъ жердей, на которыхъ былъ укрѣплень гробъ, крѣпко подвизалъ гробъ къ жерди и понесъ его вдвоемъ съ Бодилемъ на вѣсу.

Между изгородами, которымъ миллионы капель, отражавшія лучи внезапно блеснувшего солнца, придавали на мгновеніе волшебную прелесть, по полямъ, напоеннымъ дождемъ и курившимся отъ наступившей жары, крестьяне, обходя лужи и перескакивая съ камня на камень, шли одинъ за другимъ по дорогѣ стараго времени.

XXVII.

Хлѣбъ поспѣлъ. Миновалъ августъ, настало время уборки винограда. Балтазаръ и Франселина повѣнчались, и свадьба ихъ, какъ будто на зло Марку Фошюреру и Мюзелямъ, была одна изъ самыхъ пышныхъ. Потомъ вернулась зима, покрыла все безмолвнымъ снѣжнымъ ковромъ, набросила на деревья кружевной уборъ изъ инея и украсила соломенные крыши бахромою сосулекъ.

Устройство дороги между Каландромъ и городомъ пришло къ концу, и всѣ охотно работали на ней. Потомъ и зима прошла, вишня, посаженная старымъ, всѣми позабытымъ Бородачемъ, зацвѣла вновь, расцвѣли и другія деревья въ садахъ.

Когда трауръ Терметты кончился, Маркъ сказалъ старому Мюзелю:

— Ну, кумъ, теперь вѣдь вы согласны. Рѣшайте же когда мы сыграемъ свадьбу.

— Когда хочешь; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Полно, кумъ, не сердитесь, я вѣдь теперь буду вашимъ внукомъ: станемъ лучше друзьями.

— Что сказано, то сказано—женитесь себѣ! Я не мѣшаю, но друзьями мы никогда не будемъ.

— Истинно желѣзная у васъ голова!—воскликнулъ Маркъ.

— Иди себѣ съ Богомъ,—отвѣтилъ старикъ.

Маркъ долженъ былъ взять на себя всѣ хлопоты по заключенію контракта. Когда пришло время, Мюзель изложилъ нотаріусу свои намѣренія.

— Терметта получить въ приданое все, что я не могу отнять у нея: состояніе матери и состояніе своего отца. А отъ меня ни гроша. Такъ и запишите.

— Ну что вы, кумъ Мюзель, — замѣтилъ нотаріусъ, въ конторѣ котораго совершались всегда всѣ дѣла ихъ семьи, — вы вѣдь выдаете замужъ дочку Мюзелей, неужели вы такъ-таки ничего не дадите ей?

— Ей отойдетъ усадьба, чего же больше? О, еслибъ я только могъ отнять у нея усадьбу! Ни минуты бы я не задумался.

— Ни гроша отъ васъ! да это немыслимо, никогда я не повѣрю.

— Клянусь Богомъ!

— Вы этого не сдѣлаете!

— Увидимъ!

Онъ сильно сторбился послѣ смерти сына. Куда дѣвался его гордый, надменный видъ. Онъ уже не ворчалъ теперь, даже не свисталъ, какъ дѣлалъ бывало прежде, когда ему не было охоты отвѣчать на какойнибудь вопросъ. Онъ казался сосредоточеннымъ, равнодушнымъ, мрачнымъ. Ничто не привязывало его къ жизни. Наслѣдники его умерли, и онъ не располагалъ даже своимъ состоянiемъ. Тѣмъ не менѣе, любъ его по прежнему казался каменнымъ, и при случаѣ онъ проявлялъ такое же непобѣдимое упрямство, какъ и раньше. Онъ самъ чувствовалъ, что ничто не въ состоянiи сломить его волю, и это доставляло ему наивное удовольствiе. Онъ любовался собой; можетъ быть въ этомъ была, его послѣдняя радость.

— Доброе дерево, — посмѣивался онъ, — сломиться еще, пожалуй, можетъ, но ужъ погнуть его, никто не погнетъ.

Онъ намѣренно устранялся отъ свадебныхъ приготовленiй, и молодые люди устраивали все по своему вкусу. Они думали-было, по случаю недавняго траура, сыграть самую скромную свадьбу, но въ Каландрѣ считалось, что люди какъ будто и не повѣнчались, какъ слѣдуетъ, если свадьба не соответствовала состоянiю жениха и невесты. Съ другой стороны, всякій, водившій знакомство съ ихъ семьями, считалъ бы себя обиженнымъ, еслибы не попалъ въ число приглашенныхъ. Пересчитавъ всѣхъ родныхъ и друзей, которыхъ невозможно было обойти, они увидѣли, что, даже ограничивъ насколько возможно кругъ приглашенныхъ, они должны разсчитывать на сто двадцать четыре человѣка.

Наканунѣ торжества изъ Сейзерье отъ Пейсенатовъ пришелъ цѣлый караванъ. Ихъ было человѣкъ десять, и среди нихъ молодой чиновникъ путей сообщенiя, прiѣхавшій полтора года тому назадъ вмѣстѣ съ инженеромъ. Онъ рѣшилъ, что свадьба въ Каландрѣ навѣрно позабавитъ его, это, должно быть, такъ „погѣшно“. Обратились къ сосѣдямъ, Лошаньямъ, Бенсонамъ, чтобы размѣстить всѣхъ этихъ прiѣзжихъ.

Біана не могла помѣстить ни одного; о, конечно, не по нежеланію, она ничего такъ не хотѣла, какъ доставить удовольствіе плямнницѣ, Богъ свидѣтель! Но, какъ нарочно, она именно теперь передѣлывала матрацъ своей единственной свободной постели. Фошюеры также не могли придти на помощь Мюзелямъ, такъ какъ и къ нимъ наѣхали родственники изъ Ширена и изъ Бранга.

Маркъ выписалъ изъ города золотую цѣпочку, которую мужъ обязанъ подарить женѣ, фату и шелковое платье, передѣлать которое взялась деревенская портниха. Нѣкоторые пріатели Марка нашли, что шелковое платье, пожалуй, даже излишняя роскошь.

На другой день Терметта встала рано. Ясное свѣжее утро показалось ей прелестнымъ.

Какъ давно ждала она этого дня; ей не вѣрилось даже что онъ, наконецъ, наступилъ. Она боялась, что это все волшебный сонъ, и, проснувшись, она увидитъ себя попрежнему окруженной тѣми ужасами, при одномъ воспоминаніи о которыхъ сна невольно содрогалась. Она была въ какомъ-то полусознательномъ состояніи, все казалось ей не такимъ, какъ всегда, и сама она была не такая: всю ее переполняла радость, надежда и тотъ смутный страхъ—недовѣріе къ судьбѣ, которое всегда сохраняють люди, много страдавшіе,—все это вмѣстѣ придавало необычное направленіе ея мыслямъ.

Маленькая Баска—все такая же живая и подвижная, хотя уже мать семейства,—и портниха, сильно озабоченная такой важной свадьбой, пришли одѣвать ее. Итакъ, это правда, сейчасъ она отдастъ свою судьбу въ руки любимаго челоѣка. Охваченная радостью, она просила у Бога прощенія за то, что такъ часто поддавалась отчаянью. Всѣ ея прошедшія огорченія ступевывались при мысли о томъ, къ чему они привели въ концѣ концовъ!

Отъ времени до времени она выглядывала на дворъ, наполнявшійся шумомъ, восклицаніями, веселымъ смѣхомъ, яркими костюмами. Женщины достали изъ шкафовъ свои лучшія платья и надѣли золотыя украшенія. Двѣ барышни изъ Сейзерье были въ свѣтлыхъ платьяхъ и шляпахъ съ цвѣтами, что произвело необычайный эффектъ. Наряды, неизвѣстные до сихъ поръ въ Каландрѣ, укзывали на проникшее туда вмѣстѣ съ желѣзной дорогой вліяніе города. Обычай добраго стараго времени, слѣдуя которымъ каландрцы выбирали прочныя матеріи и немаркіе цвѣта, могущіе служить цѣлую жизнь, были грубо нарушены этими легкими туалетами, въ которыхъ замѣчалось стремленіе слѣдовать хотя издали за капризными требованьями моды. Солидные обитатели Каландра посмѣивались надъ этими барышнями изъ Сейзерье, но молодые люди

были ослѣплены ихъ костюмами, а дѣвушки, и прежде всѣхъ Терметта, ощутили въ сердцѣ что-то вродѣ зависти.

Старый Мюзель не переодѣвался. На немъ была все та же сѣрая шапка, рабочая блуза, и небритая цѣлую недѣлю борода покрывала грязной щетиной его морщинистыя щеки. Онъ ходилъ взадъ и впередъ, немного смущенный, среди разряженныхъ гостей, наполнявшихъ дворъ. Большая часть приглашенныхъ приносили молодымъ подарки. Каждый выбралъ для этого, что у него было лучшаго: одинъ двѣ бутылки старой водки, другой знаменитаго Шармонтскаго вина, третій корзину прекрасно сохранившихся яблокъ; Додониha, славившаяся своимъ искусствомъ выводить индѣекъ—принесла самую жирную во всей деревнѣ индюшку. Когда старика спрашивали, куда класть свертки и корзинки, онъ отвѣчалъ съ такимъ равнодушнымъ видомъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ былъ чужимъ въ этомъ домѣ:

— Куда хотите, я здѣсь не хозяинъ.

Терметта съ безпокойствомъ наблюдала за его поведеніемъ. Наконецъ, она крикнула ему изъ окошка:

— Что же, дѣдушка, развѣ вы не будете одѣваться?

— О, для того, что я хочу сдѣлать, времени хватить.

Наконецъ, явился Маркъ въ сопровожденіи своего семейства и своихъ пріятелей. Терметта, предупрежденная Франсуазой, вся вспыхнувъ, подбѣжала къ окошку. Лицо Марка, озаренное счастьемъ, сіяло; широкія поля его черной шляпы весело развѣвались; въ петличку своей новой куртки онъ воткнулъ цвѣты и ленту; онъ шелъ сильный и кроткій, какъ всегда выдѣляясь среди всѣхъ своимъ могучимъ ростомъ, высоко поднимая голову,—какъ смѣлый и счастливый человѣкъ. Увидѣвъ издали молодую дѣвушку, онъ весело махнулъ ей рукой. Она покраснѣла еще сильнѣе и, поклонившись ему, быстро соскочила съ окна, чтобы скрыть свое счастье отъ любопытныхъ взоровъ.

Замѣтивъ стараго Мюзеля въ будничномъ платьѣ, Маркъ полу-шутя, полу-сердито спросилъ его:

— Что это? Развѣ вы не участвуете въ свадебной церемоніи?

— Именно!—отвѣтилъ тотъ съ иронической улыбкой.

— Что вы говорите? — воскликнулъ Маркъ, предчувствуя какую нибудь новую выходку старика.

Гости, наполнявшіе дворъ, слыша этотъ разговоръ, подходили къ нимъ. Терметта, въ подвѣнчномъ платьѣ, сіяя молодостью и свѣжестью, вышла на порогъ дома, встрѣтить жениха. Бѣлое платье и фата еще болѣе оттѣняли ея розовыя щеки, черты лица приняли прежнюю округлость, улыбка, открывавшая ямочки въ углахъ губъ, не имѣла въ себѣ ничего печальнаго.

Старикъ окинулъ ее мрачнымъ взглядомъ и, казалось, остался доволенъ ею. Всѣ слушали. Онъ взобрался на камень, чтобы слова его были лучше слышны, и среди глубочайшей тишины началъ слѣдующую рѣчь, очевидно заранѣе притотвленную:

— Когда я женилъ бѣднаго Антона, я передалъ ему усадьбу Мюзелей, чтобы отцовскій домъ всегда оставался у старшаго сына нашей семьи. Антонъ умеръ! Сынъ его умеръ! Послѣ него наслѣдуетъ Терметта. Тутъ ничего не подѣлаешь. Усадьба Мюзелей переходитъ къ ней, а здѣсь больше не хозяйинъ...

— Простите, — живо прервалъ его Маркъ, я никогда не позволю сказать это.

— Молчи ты! — грубо сказалъ старикъ, — это еще не твой домъ пока; дай мнѣ досказать. Я здѣсь не у себя дома, это такъ. Мой Антонъ былъ хорошій парень, только голова у него была не совсѣмъ въ порядкѣ: дочка его околдовала. Передъ смертью онъ заставилъ меня поклясться, что я не помѣшаю ей выйти за кого ей вздумается. Чего хочетъ умирающій, то свято. Я пообѣщалъ ему, чтобы не тревожить его, а что сказано, то сказано: Терметта выйдетъ за Фошюрера. Но, хоть я и разрѣшаю эту свадьбу, а все таки не одобряю ее и никогда не одобрю. Они хотятъ пожениться. Дай Богъ, чтобы это принесло имъ счастье. Здѣсь есть старики, знавшіе еще моего отца; они могли бы поразсказать, какъ мы устраивали нашъ домъ. Мы умѣли работать, въ наше время, могу похвастать. Люди богатѣютъ не оттого, что смотрятъ, какъ хлѣбъ растеть, и не оттого, что продаютъ все свое добро. Нынче наши щеголи кушаютъ бѣлый хлѣбъ, носятъ тонкое бѣлье, а въ кабакъ надѣваютъ воскресное платье, или думаютъ, что, кто работаетъ хорошо, тотъ и ѣсть долженъ сладко, и кто имѣетъ доходъ, не долженъ жить, какъ будто у него ничего нѣтъ. Посмотримъ, надолго-ли такъ хватить. Это ихъ дѣло! Но я не могу позволить, чтобы состояніе Мюзелей пошло на кутежи. Вы хотите пожениться — ну и женитесь. Но помни, Терметта, если когда нибудь у тебя не будетъ хлѣба, не проси у меня. Я отказываюсь отъ тебя. Я уйду. Въ этомъ домѣ вы меня больше не увидите.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ среди смущенныхъ гостей, какъ будто дѣйствительно собираясь уйти. Маркъ догналъ его и схватилъ за руки.

— Вѣдь это шутка, не правда-ли? Вы хорошо знаете, что Терметта и я, мы люди не злые... до самой смерти вы будете здѣсь полнымъ хозяиномъ.

— Я и не спору, — ты добрый малый, только ты все пропустишь сквозь пальцы. Пусти-ка меня.

— Я васъ пушу, если вы общаете переодѣться и участвовать на свадьбѣ.

— О, сказала старый Мюзель съ злобной ироніей, хотъ ты и очень силенъ, но не будешь же ты носить меня все время на рукахъ.

Маркъ понялъ, что нечего было ожидать отъ непреклоннаго упорства старика. Онъ выпустилъ его. Мюзель снялъ шапку и поклонился гостямъ.

— Веселитесь хорошенько,—сказалъ онъ,—народу и безъ меня много.

Онъ ушелъ, спокойный и равнодушный съ виду, внутренне радуясь, что ему удалось оскорбить молодыхъ,—стараясь всѣми силами не уронить свое достоинство, гордо поднимая голову подъ устремленными на него взглядами. Онъ вышелъ изъ воротъ, завернулъ за уголъ и исчезъ, ни разу не оглянувшись.

Гости, чрезвычайно удивленные, перешептывались между собой. На лицахъ ихъ можно было прочесть смущеніе и сочувствіе, съ едва уловимымъ оттѣнкомъ насмѣшки, который придаетъ сдерживаемое желаніе расхохотаться. Въ порывѣ досады и отчаянія, Терметта сорвала свой вѣнокъ изъ флеръ-д'оранжей и съ силой бросила его въ уголъ.

— Чѣмъ я прогнѣвила Бога, — воскликнула она, — вѣрно мнѣ никогда не быть счастливой!

Она прислонилась къ косяку и, закрывъ лицо руками, разрыдалась. Окружающіе принялись утѣшать ее. Всѣ единогласно осуждали старика: такая выходка совершенно неприлична; онъ, должно быть, окончательно выжилъ изъ ума; нѣкоторые обвиняли Біану въ томъ, что она его подговорила, такъ какъ никто не сомнѣвался, что онъ отправился къ Гурро.

— Вотъ такъ потѣшная свадьба,—говорилъ молодой Пейсенатъ изъ Сейзерье своимъ сосѣдямъ.

Маркъ Фошюреръ отстранилъ пріятелей, взялъ за руки свою будущую жену и дрожащимъ отъ волненія голосомъ сказалъ съ глубокимъ чувствомъ:

— Родные всегда тебя мучили и мучаютъ, всѣ, кромѣ твоего покойнаго отца. Но теперь я тебѣ замѣню всѣхъ, и, клянусь тебѣ, ты почувствуешь, что значить быть любимой.

Молодая дѣвушка, сильно тронутая, начала понемногу успокаиваться. Старый Лашеналь совсѣмъ отвлекъ ее отъ грустныхъ мыслей.

— Дѣдъ твой не хочетъ вести тебя въ церковь, но въ провожатыхъ у тебя недостатка не будетъ. Я самъ поведу тебя. Я вашъ ближайшій сосѣдъ, эта честь принадлежитъ мнѣ, и я не уступлю ее. Право, мнѣ доставить большое удовольствіе вести подъ руку такую хорошенькую дѣвушку.

Ласковыя слова старика вызвали улыбку на лицо Терметты. Фанія помогла ей привести въ порядокъ свой подвѣ-

нечный уборъ, и она подала руку Лашеналю, который, идя съ ней, былъ, казалось, переполненъ гордостью.

— Эй, вы! — крикнулъ онъ молодымъ людямъ, — ну-ка скажите, чья дама лучше! Старики-то васъ за поясъ заткнули.

И онъ повелъ Терметту, покачиваясь, какъ будто собирался танцевать, что окончательно развеселило всѣхъ.

XXVIII.

Если старый Мюзель разсчитывалъ въ конецъ испортить праздникъ, то онъ очень ошибся. Какъ только взглянулось первое впечатлѣніе, его отсутствіе перестали замѣчать. Свадьба въ деревнѣ это такое событіе, воспоминаніе о которомъ сохраняется до самой смерти; она составляетъ эпоху въ однообразной жизни деревенскихъ жителей. Всѣ интересные случаи, происшедшіе во время свадьбы, запоминаются, и потомъ въ длинные зимніе вечера переходятъ изъ устъ въ уста цѣлые разсказы о ней. Никто не можетъ сдержать этого взрывъ веселья, продолжающійся иногда четыре, пять дней, если не больше. Гости Фожуреровъ и Мюзелей твердо рѣшили повеселиться на славу.

Метраль, ради этого исключительнаго случая, согласился снова взяться за скрипку. Онъ вышелъ впередъ и ударилъ смычкомъ. Лашеналь подалъ руку Терметтѣ, Маркъ пригласилъ свою пріятельницу маленькую Баску, иначе говоря — госпожу Метраль. Гости стали попарно за ними, старики, вспоминая молодость, предлагали руку своимъ сверстницамъ, молодые люди выбирали тѣхъ дѣвушекъ, съ которыми ихъ связывала тайная симпатія, и процессія безконечной лентой потянулась по новой дорогѣ.

Школьный учитель заигралъ обычный свадебный мотивъ, нѣкоторые подѣвляли слова. Это извѣстная народная пѣсенка, разсчитанная на нѣсколько инструментовъ. Она немного грубовата и написана въ шутовскомъ тонѣ, такъ какъ французскіе крестьяне неизмѣнно остаются французами: они гордятся тѣмъ, что всегда управляютъ своими чувствами, они предпочитаютъ смѣяться надъ ними, чѣмъ отдаваться имъ всей душой.

Волянка обращается къ новобрачной:

Иди, сюда голубка,
Иди сюда, бѣдняжка!
Ты видѣла и радость,
Ты видѣла и горе,
А лучше ужъ не будетъ.
Иди сюда, голубка,
Иди сюда, бѣдняжка!

Флейта говорить новобрачному:

Ты веда, молодой, потихоньку
Молодую свою полегоньку,
Чтобы щечки у ней не горѣли,
Чтобы ножки у ней не болѣли,
Потихонечку,
Полегонечку!

Затѣмъ кларнетъ разсказываетъ гостямъ про невинность молодой. Барабанъ произноситъ: «Я сомнѣваюсь», а скрипки фальшивыми голосами гнусають:

Намъ очень многое извѣстно,
Но мы не станемъ говорить.

Метраль заигралъ эту пѣсню, потому что на свадьбахъ всегда поютъ ее, и никто не придаетъ ей дурного смысла. Марку и Терметтъ не было никакого дѣла, что говорить всѣ инструменты міра. Они вполне вѣрили другъ другу и были твердо убѣждены, что ихъ ждетъ счастье.

Священникъ сказалъ проповѣдь, полную намековъ на страсть Марка къ нововведеніямъ. Онъ совѣтовалъ супругамъ не до- вѣрять искусителю, внушающему людямъ гордиться своею мудростью. Испещряя рѣчь книжными выраженіями и латинскими цитатами, онъ говорилъ совершенно никому непонятнымъ языкомъ. Свадьба была торжественная, и ораторъ былъ особенно многорѣчивъ, крестьяне терпѣливо выносили его краснорѣчіе, какъ необходимую часть церемоніи. Длина проповѣди даже понравилась нѣкоторымъ.

— И видно, что для богатыхъ,—сказалъ Беззаботный,—чертовски долго говорить.

Въ разницѣ всѣхъ насмѣшилъ случай, который долго послѣ того служилъ темою разговоровъ. Старый Лашеналь долженъ былъ расписаться въ качествѣ свидѣтеля; онъ взялъ перо и принялся разсматривать его, какъ никогда невиданный инструментъ. Долго припоминалъ онъ, какимъ образомъ съ нимъ обращаются, но ничего не могъ придумать. Обмакнувъ его въ чернильницу, онъ поднесъ его къ бумагѣ, ожидая, не начнетъ ли оно само писать; но перо оставалось неподвижнымъ въ его пальцахъ. Тогда онъ съ рѣшительнымъ видомъ опустил его на бумагу, и всѣ наклонились надъ нимъ, чтобы удобнѣе слѣдить за этой любопытной операціей, но онъ никакими силами не могъ вывести ни одной буквы.

— Я право не знаю, что тутъ дѣлать, господинъ кюре,—сказалъ онъ, наконецъ,—только я никакъ не могу.

Онъ ограничился тѣмъ, что поставилъ крестъ. На обратномъ пути Маркъ подалъ руку своей женѣ. Они представляли собой прекрасную пару — онъ высокій, плотный, съ увѣрен-

ными движеніями, она сдержанная, робкая, все еще очень тоненькая, хотя деревенская жизнь въ общемъ укрѣпила ее. Ее, конечно, нельзя было назвать сильной работницей, но зато она была настоящая дама. Они замѣчательно гармонировали другъ съ другомъ. Метраль съ увлеченіемъ игралъ впереди ихъ.

— Мнѣ кажется, что жизнь моя начинается сызнова, — сказала Терметта мужу, взглядывая на него съ неизъяснимымъ выраженіемъ счастья и нѣжности.

— И это будетъ поистинѣ новое время, — радостно отвѣчалъ Маркъ.

— Ну, старина, — говорилъ философъ-Беззаботный Лашеналю, — вотъ и кончено, теперь ужъ они не могутъ развиваться.

Время было жаркое, и обѣдъ приготовили на дворѣ. Съ помощью длинныхъ досокъ, положенныхъ на боченки около забора, устроили громадный столъ. Кенсоны, Беззаботный и Маркъ придѣлали надъ нимъ навѣсъ изъ зелени. Нарѣзая для этого вѣтви, они случайно нашли гнѣздышко, въ глубинѣ котораго на пуху лежало пять крошечныхъ пестрыхъ яичекъ. Хромой принесъ его, не отрывая отъ вѣтки, и прикрѣпилъ, какъ эмблему плодородія, надъ мѣстомъ молодыхъ.

Въ восторгѣ отъ своей выдумки, отъ хотѣлъ, чтобы всѣ подивились ей; cadaго изъ гостей онъ подводилъ къ гнѣзду и, выслушавъ восклицанія удивленія, усмѣхался въ бороду.

Въ ясный весенній день, подъ тѣнью зеленыхъ вѣтвей начался одинъ изъ тѣхъ колоссальныхъ деревенскихъ обѣдовъ, которые оставляютъ далеко за собой всѣ самыя смѣлыя представленія о вмѣстимости человѣческаго желудка. Бочка вина, прикрытая зеленью отъ солнца, возвышалась у верхняго конца стола.

— Какъ это удобно, — замѣтилъ Беззаботный, — и въ погребъ ходить не надо.

— Только къ свадьбѣ почата, — объявилъ Маркъ. — Сорокъ ведеръ. Мы не встанемъ изъ-за стола, пока не покончимъ ее.

— Не бойтесь, — сказалъ Беззаботный съ убѣжденіемъ, — если только у всѣхъ такая же жажда, какъ у меня — лишняго не окажется.

Франсуаза, Фанія Метраль, Додониха и еще нѣсколько сосѣдокъ прислуживали за столомъ. Наканунѣ печка топилась съ ранняго утра до поздняго вечера — сперва пекли хлѣбы, потомъ пироги, потомъ жарили мясо. Утромъ, въ день свадьбы жарили еще то, что надо было подавать горячимъ. За говядиной ходили въ городъ, кромѣ того зарѣзали теленка, двухъ барановъ, не считая обитателей птичьяго двора, среди которыхъ было произведено страшное опустошеніе. Сожгли цѣлый

возъ дровъ. Послѣ всего въ печь поставили самый громадный, какой только можно было найти, котелъ съ сырнымъ супомъ. Франсуаза всѣ свои надежды возложила именно на это купанье. Она семь часовъ варила на легкомъ огнѣ хлѣбъ съ сыромъ, подливая чрезъ каждые полчаса бульонъ изъ дичи. Когда его внесли, сильный и вкусный запахъ пронесся въ воздухъ. Хлѣбъ растаялъ, и казалось, что густыя сливки, слегка золотившіяся на поверхности, наполняли весь громадный котелъ. Франсуаза, сіяя радостью при видѣ вполнѣ удавшася супа, исчезала въ клубахъ ароматнаго пара, подымавшася всякій разъ, когда она опускала деревянную ложку въ котелъ. Радость такъ переполняла ее, что она ощутила потребность рассердиться на кого нибудь.

— Вотъ и все мое искусство, — кричала она сердитымъ голосомъ, — если кто не доволенъ, я отказываюсь.

— Да это просто великолепно, — отвѣчали Пейссенаты изъ Сейзерье, которымъ подали прежде всѣхъ.

Чиновникъ путей сообщенія заявилъ даже, что это «просто совушка», но никто не понялъ, что онъ хотѣлъ сказать этимъ.

Ложки съ ожесточеніемъ стучали по тарелкамъ, лакомки обжигали себѣ ротъ и громко отпыхивались. Въ разныхъ концахъ стола слышалось аппетитное причмокиваніе. А въ это время старый Мюзель, сидя у Гурро, тоже не явившихся на свадьбу, думалъ съ наивнымъ самоувѣреніемъ: «Скучненько имъ, должно быть, безъ меня». На самомъ дѣлѣ о немъ думали не больше, чѣмъ о прошлогоднемъ снѣгѣ. Погода была прекрасная, свадьба въ разгарѣ, сырный супъ удался на славу, всѣ обѣдавшіе испытывали полнѣйшее наслажденіе.

— Такъ само въ ротъ и идетъ! — воскликнулъ Лашеналь. — Нельзя ли еще тарелочку?

— Мы бы также повторили, — закричало сразу двадцать голосовъ.

— Тутъ еще супу по котѣно, — отвѣтила Франсуаза, которая загребала своимъ черпакомъ, какъ весломъ, въ необъятномъ котлѣ.

— А! да здравствуетъ супъ! — воскликнулъ Бодиль Кенсонъ, протягивая свою тарелку и жмуря отъ наслажденія свои маленькіе глазки.

— Налейте-ка мнѣ гущицы, — просилъ Беззаботный, — свиней водой не откармливаютъ.

Терметта, болѣе нѣжная и деликатная, не могла принимать участія въ этомъ грубомъ весельи. Маркъ вопросительно посмотрѣлъ на нее.

— Бѣдный мой отецъ, — сказала она, — его нѣтъ съ нами.

— Гдѣ бы онъ ни былъ, — отвѣчалъ счастливый Маркъ, —

онъ долженъ быть доволенъ этимъ днемъ. Ему было бы не-пріятно, если бы мы въ такой день горевали.

Это многочисленное шумное сборище, эта грубоватая веселость, эти ужасающіе аппетиты, это обиліе всякихъ яствъ—все нравилось ему, все его радовало. Его широкое лицо расплывалось отъ удовольствія, сіяло счастіемъ и здоровьемъ. Широкія поля его шляпы, сдвинутой на затылокъ, развѣвались, какъ будто она собиралась улетѣть. Его мускулистыя руки съ такой силой и рѣшительностью разнимали на куски мясо, которое ему передавали, какъ будто его нужно было, во что бы то ни стало уничтожить. Онъ былъ первымъ въ ѣдѣ и питьѣ, за столомъ онъ оставался такимъ же хорошимъ работникомъ, какъ въ полѣ; въ минуты отдыха онъ окидывалъ довольнымъ взглядомъ весь столъ, всѣхъ этихъ сто двадцать пять гостей, съ такимъ увлеченіемъ отдававшихся свадебному пиру.

По дорогѣ случайно прошелъ Риболье. Маркъ приглашалъ его, его жену, своего стараго друга Балтазара и Франселину, но Франселина не могла простить Марку, что онъ пересталъ за ней ухаживать, не дождавшись, чтобы она сама отказала ему; втайнѣ она была сильно оскорблена этимъ. Она отвѣтила, что ея семья была-бы очень рада присутствовать на свадьбѣ, но, къ сожалѣнію, они должны отправиться дня на два въ Брангъ убрать свой дугъ и ѣдутъ какъ разъ въ день свадьбы; откладывать положительно невозможно и волей-неволей имъ приходится извиниться. Дѣйствительно, утромъ Франселина съ мужемъ и матерью уѣхали, а Риболье остался одинъ присматривать за домомъ и скотиной.

Маркъ, замѣтивъ его черезъ заборъ, окликнулъ:

— Сосѣдъ, вы куда?

— Да я такъ, мимо шелъ.

— Закусите съ нами, разъ ужъ вы подошли.

— Благодарю васъ, я обѣдалъ.

Новобрачный перескочилъ черезъ заборъ и, пользуясь по-обыкновенію своей силой, остановилъ его.

— Говорю вамъ, вы зайдете къ намъ. Случилось не такъ, какъ мы съ вами думали; но не ссориться же намъ изъ-за этого.

— Риболье! Риболье!—кричали Лашеналь и Беззаботный. За ними подхватили и всѣ остальные:

— Риболье! Риболье!

— Видите, сосѣдъ, сегодня всѣ веселятся. Ну, идите.

— Что съ вами подѣлаешь, вѣдь вы извѣстный силачъ, отъ васъ не уйдешь,—отвѣтилъ Риболье, котораго въ сущности сильно манилъ внушительный видъ стола. Каждый уступалъ ему мѣсто, каждый звалъ поближе къ себѣ.

— О, сказалъ Риболье, подчиняясь сейчасъ же общему

тону, — сажайте меня, куда хотите, только не передъ пустой тарелкой.

Всѣ каландры, проходившіе по дорогѣ, становились та кимъ образомъ гостями Фошурера, — онъ съ радостью собралъ бы сюда жителей всего земнаго шара. Онъ прибавилъ еще досокъ къ столу, чтобы никому не отказывать. Вновь прибывшіе, опьяненные запахомъ кушаній и заразной веселостью прежнихъ гостей, быстро подчинялись потоку общаго веселья. Нѣкоторые проходили, дѣйствительно, случайно: Маркъ не имѣлъ никакого основанія специально приглашать ихъ, но онъ не хотѣлъ допустить, чтобы они прошли мимо, не выпивъ стаканчика за здоровье молодыхъ. Кто желалъ, могъ выпивать эти стаканчики хоть до конца праздника; столъ былъ открытъ для всѣхъ. Другіе бродили вокругъ нарочно, въ надеждѣ урвать кусочекъ. Такъ, напримѣръ, трудно сказать съ увѣренностью, что у почтальона было дѣйствительно въ этотъ день дѣло по сосѣдству. Еще менѣе вѣроятно, что сторожу было необходимо именно сегодня поговорить съ Маркомъ о какомъ-то мало-важномъ дѣлѣ. Воротъ ни передъ кѣмъ не запирали, всѣ желающіе приняли участіе въ торжествѣ.

Даже Діозонъ показался невладекѣ, и Маркъ силой усадилъ его рядомъ съ собой. Біана послала его разузнать, что тамъ дѣлается. Старый Мюзель былъ убѣжденъ, что безъ него свадьба должна походить на похороны. Біана, чтобы польстить ему, хотѣла подтвердить это предположеніе.

Несчастный Діозонъ, послѣ щедраго угощенія новаго родственника, вернулся, еле держась на ногахъ. Старикъ, съ нетерпѣніемъ поджидавшій его уже цѣлый часъ, обернулся къ нему съ живѣйшимъ любопытствомъ.

— Ахъ, мама, — сказалъ юный развѣдчикъ, — что за свадьба, что за свадьба!

— Жалкая свадьба, не правда ли? — спросила Біана, увѣренная въ справедливости своихъ предположеній.

— Какъ жалкая? Да такъ въ Каландрѣ никогда еще не веселились и не будутъ веселиться!

Старикъ поморщился и, насвистывая, отвернулся въ другую сторону.

— Боже милосердный! — вскричала разъяренная Гурродиха, давая подзатыльникъ своему любимцу, — этотъ мальчишка болтаетъ, самъ не знаетъ, что. Онъ становится такимъ же болваномъ, какъ его братъ.

Діозонъ, всхлиывая, ушелъ спать въ уголокъ, не понимая, за что его прибили.

А между тѣмъ, во дворѣ Мюзелей красное вино, какъ ключъ веселья, безостановочно лилось изъ бочки въ кувшины а изъ кувшиновъ въ стаканы. Беззаботный, глазами влажными

отъ умиленія, наблюдалъ, что сила струи все не уменьшалась, — доказательство, что вина оставалось еще достаточно. Корзины съ хлѣбомъ передавались изъ рукъ въ руки, но отъ хлѣба многіе отказывались, находя, что сегодня не до него. Куски мяса, части свинины, телятина, обжаренная на вертелѣ, красиво убранные цыплята, стада утокъ, въ послѣдній разъ плававшихъ въ брюквенномъ соусѣ, индюшки, украшенныя перьями изъ своего хвоста, баранъ, обжаренный цѣликомъ и поданный, за неимѣніемъ достаточно большого блюда, на доскѣ, горы мяса разныхъ сортовъ появлялись на громадномъ столѣ и быстро исчезали.

Челюсти работали безостановочно, не мѣшая перекрестнымъ разговорамъ, а надъ всѣмъ стоялъ смѣшанный, веселый гулъ. Говорили о состояніи молодыхъ, другіе, впрочемъ, находили, что о нихъ не стоитъ заботиться, имъ и такъ хорошо; перебирали одну за другой ихъ земли и оцѣнивали ихъ. Старики рассказывали, какъ они женились. Вспоминали смѣшныя случаи на свадьбахъ.

Молодые люди подвигались ближе къ своимъ сосѣдкамъ и по-деревенски, грубовато ухаживали за ними, соперничая другъ съ другомъ въ островахъ. Всѣмъ хотѣлось шутить и смѣяться, не забывая, конечно, объ ѣдѣ и выпивкѣ.

Иногда громогласное восклицаніе, покрывавшее собой весь остальной шумъ, доказывало, что аппетитъ гостей не убываетъ.

— Фанія, кусочекъ да пожирнѣй! Вѣдь стѣны грызть, такъ зубы поломаешь.

— Тысяча чертей! За столомъ-то ловчѣе сидѣть, чѣмъ на лошади.

— Ну, братцы, кажется, больше-то и нѣтъ.

— Пошевеливайтесь, Франсуаза. Что вы мнѣ даете? тутъ и укусить нечего.

— Будетъ съ меня телятины, Додониха, давайте-ка мнѣ курицу. Какъ другое начнешь ѣсть, такъ опять и голодь откуда возьмется.

Молодой Пейссенатъ изъ Сейзерье пытался принять участіе въ этихъ тяжеловатыхъ островахъ. То онъ восклицалъ: «Лопни мои глаза», то предлагалъ «свернуть голову утиной лапкѣ». Никто, кромѣ его же компаніи, не смѣялся, а каландры съ любопытствомъ посматривали на него, какъ на невиданнаго звѣря.

Беззаботный чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ, общая веселость вдохновляла его. Онъ былъ неистощимъ.

— Бодиль, — кричалъ онъ Кенсону, — не открывайте ротъ такъ широко, когда глотаете.

— Отчего? — наивно спрашивалъ тотъ.

— Вы себѣ кончикъ уха откусите, пріятель.

Замѣтивъ, что одна изъ прѣзжихъ барышень подливала себѣ воды въ вино, онъ восклицалъ:

— Барышня, грѣхъ такую хорошую вещь портить.

И при этомъ онъ постоянно увѣрялъ, что умираетъ отъ жажды.

— Должно быть, нынче неурожай, что-то вина не видно.

Или:

— И отчего это мой стаканъ всегда пустъ? у меня скоро все внутри высохнетъ. Правду говорятъ: не пить до дна, не видать добра.

А когда ему наливали стаканъ до краевъ, онъ говорилъ наливавшему:

— Будетъ, будетъ, больше не лейте. Я вѣдь, пожалуй, все выпью.

Франсуаза, старая служанка Мюзелей, была единственной представительницей семьи Терметты. Конечно, она не хлопотала бы усердѣе, еслибъ выдавала замужъ собственную дочь. Она завѣдывала порядкомъ празднества. Ея желтая веснучатая кожа блестѣла, какъ вычищенный тазъ, а крючковатый носъ и подбородокъ дѣлали ее похожей на добрую старую волшебницу. Она была въ одно и то же время всюду, кричала, ссорилась, что у нея всегда служило выраженіемъ прекраснаго настроенія. И среди всѣхъ этихъ хлопотъ она находила еще время вставлять свои вѣчныя исторіи. Онѣ лились непрерывнымъ потокомъ, смѣшиваясь съ возрастающимъ гуломъ голо-совъ. Во всю жизнь она не рассказывала столько, а Богъ свидѣтель, что она таки поразказала не мало исторій.

Печье просилъ у нея хлѣба.

— Большой кусокъ? съ краюшку савояра?

— А это что за краюшка савояра?

— Вы не знаете? На постоянныхъ дворахъ всегда даютъ краюшку, чтобъ закусить водку. Однажды къ мировому судѣ въ Кордонѣ пришли три савояра съ Наной, содержательницей постоялаго двора у моста. Савояры говорятъ: господинъ, мы зашли къ этой женщинѣ—выпить рюмочку и спросили ее, идетъ ли въ тотъ же счетъ краюшка. Она сказала намъ: да. А теперь она требуетъ за краюшку отдѣльной платы. — Да еще бы, господинъ судья, возразила Нана, они небось не говорятъ вамъ, что подъ видомъ краюшки они съѣли у меня хлѣбъ въ 20 фунтовъ.

— Ну, вѣтъ, коли такъ, тогда давайте обыкновенную краюшку.

Въ другой разъ Маркоянъ отказывался отъ какого-то кушанья, и Франсуаза говорила ему:

— Берите, я отъ чистаго сердца предлагаю, какъ Зона священнику въ Машаразѣ.

— Что еще за Зона?

— У Піалы было столько сливъ, что даже скотинѣ онѣ надоѣли. Она и послала свою Зону отнести корзинку священнику. Священникъ изъ вѣжливости отказывался. Тогда дѣвочка и говорить ему: Берите, господинъ кюре, наши свиньи ужъ больше не ѣдятъ.

— Коли такъ, и я не хочу вашего кушанья.

— Если вы не возьмете, я разсержусь. Я съ вами больше не говорю.

— Ну, чтобы съ вами не ссориться, я готовъ хоть еще столько же съѣсть.

XXIX.

Послѣ трехъ часовъ непрерывной работы челюстями, энергія пировавшихъ стала нѣсколько ослабѣвать; почувствовавъ это, Беззаботный вскричалъ:

— Вино требуетъ пѣсенъ, кто скажетъ свою сначала?

Всѣ единодушно объявили, что начать долженъ виновникъ торжества. Маркъ, какъ всѣ знали, пѣлъ хорошо и зналъ много пѣсенъ. Онъ не заставилъ просить себя, всталъ и выпрямился во весь свой могучій ростъ, чтобы расправить хорошенько грудь.

— Какую же спѣть?—спросилъ онъ. Терметта привлекла его къ себѣ и тихонько попросила спѣть «Соловья въ лѣсу».

Онъ сейчасъ же началъ своимъ звучнымъ голосомъ, которымъ владѣлъ безъ искусства, но съ природнымъ вкусомъ:

Соловей ты мой въ лѣсу,
Я поклонъ тебѣ несу.
Я пришелъ тебя просить,
Чтобъ ты сталъ меня учить;
Научилъ бы распѣвать,
Чтобъ зазною забавлять,
Научилъ бы говорить
Такъ, чтобъ милой угодить...

Мотивъ этой пѣсенки, одной изъ лучшихъ народныхъ пѣсенъ, по своей безыскусственности, напоминаетъ дѣйствительно пѣніе соловья. Просто и вѣрно выражаетъ онъ нѣжную любовь. Кто когда нибудь любилъ, не можетъ слушать ее безъ волненія.

Сколько воспоминаній пробуждала эта пѣсня въ сердцѣ Терметты! Она переносила ее къ той ужасной ночи, когда она, робкая, непривыкшая къ деревнѣ, была такъ страшно напу-

гана Тиолономъ; эта пѣсня, прорывая окружавшій ее мракъ, принесла ей надежду на спасенье... Бѣдное, пораженное ужасомъ сердце! Какой-то внутренній голосъ говорилъ ей: люби его, и всѣ твои страданья кончатся.

И слезы, сладкія слезы счастья, набѣгали ей на глаза.

Соловей отвѣчаетъ:

Надо милую любить,
Надо милой вѣрнымъ быть.
Пѣсни пѣть ей ввечеру,
Поздней ночью, поутру;
Говорить ей: жизнь моя,
Проживемъ мы, вѣкъ любя.

Терметтѣ казалось, что пѣсня эта сложена именно про нихъ. Она напоминала ей ихъ свиданья по вечерамъ у окна, свиданья, служившія ей единственнымъ утѣшеніемъ въ тяжелые дни. Мужъ ея давно уже пересталъ пѣть, а она все еще сидѣла, погруженная въ задумчивость.

Слѣдуя примѣру Марка, никто не отказывался «сказать свою пѣсню», по выраженію Беззаботнаго. Оказалось, что лучшія пѣсни любви знали старики, и дрожащія, потухшіе голоса передавали наиболѣе простые, искреннія чувства.

У одного изъ нихъ форма головы невольнo возбуждала мысль, что, создавая ее, творецъ думалъ о геометрической фигурѣ, называемой ромбомъ. Ротъ пересекалъ ее по діагонали, такъ что, когда онъ открывался, казалось, что раздвигаются два равнобедренныхъ треугольника. Можно было подумать, что изъ такого отверстія раздастся громадный внушительный голосъ, но, оказалось, что у него сохранилось лишь слабое подобіе голоса; только ближайшіе сосѣди, наклонившись къ нему, могли слышать:

Въ церковь идетъ молодая,
Въ землю глаза опустивши;
Скрипачъ ей на скрипкѣ играетъ:
Цвѣтикъ нашъ ясный, прости!

Другой пропѣлъ пѣсню о томъ, какъ влюбленный отвѣчаетъ на упреки своей возлюбленной:

Когда не станетъ рыбъ въ моряхъ,
Когда весной цвѣтовъ не будетъ,
И хлѣбъ не вырастетъ въ поляхъ,
Тогда твой другъ тебя забудетъ.

Лашеналь издавна славился своимъ пѣніемъ. Рассказывали даже, что онъ самъ сочинилъ нѣкоторые пѣсни на мѣстныхъ событія, и пѣсни эти пользовались большимъ успѣхомъ въ Каландрѣ и окрестныхъ деревняхъ. Нельзя было не удивляться, съ какимъ чувствомъ умѣлъ онъ передавать меланхолическій характеръ деревенской элегіи, начинавшейся такъ:

Тамъ высоко на горѣ
 Чей-то голосъ слышу я.
 Это плачетъ моя радость,
 Сердце къ ней влечетъ меня.
 Отчего ты вся въ слезахъ?
 Въ чемъ, скажи, печаль твоя?
 Ахъ, вѣдь это слезы счастья,
 Льется въ нихъ любовь моя.

Трудно было повѣрить, что эти люди, съ заглубленными отъ непрерывной работы руками, съ загорѣлыми лицами, люди, у которыхъ Терметта не замѣчала ничего, кромѣ суровости и грубости, которые постоянно оскорбляли ея деликатность, создали эту мечтательную и грустную мелодію, такую простую и такую нѣжную. А между тѣмъ, она несомнѣнно вышла изъ ихъ среды, они понимали ее; слушая ее, они снова молодѣли. Эти грубые, жесткіе люди знали, что такое любовь, отрывающаяся на время отъ унижительнаго эгоизма мелочныхъ заботъ. Даже въ эту минуту они всѣ были растроганы. Этотъ искренній тонъ, этотъ всѣмъ понятный языкъ страсти проникалъ ихъ до глубины души, заставлялъ трепетать тамъ отъѣтныя струны.

Молодые люди изъ Сейзерье, отказавшіеся отъ деревни и не догнавшіе еще, не смотря на все старанье, городъ, не сохранили въ своей душѣ деревенской нетронутой свѣжести; ихъ удивляло, какъ, послѣ шумнаго и веселаго пира, гости могли до слезъ увлекаться наивными старинными пѣснями: положимъ, выпитое вино нѣсколько способствовало этому увлеченью, но всетаки было очевидно, что все существо крестьянина откликалось на эти простые звуки.

Пейссенать заявилъ, что, по его мнѣнію, «очень потѣшно забавляться такими игрушками», пріатели его сочувственно смѣялись.

Старики не знали никакихъ другихъ пѣсень, кромѣ этихъ отзвуковъ старины, перешедшихъ къ нимъ еще отъ ихъ отцовъ; только ихъ они понимали и любили. Беззаботный, Маркъ и еще нѣсколько человѣкъ познакомились во время своихъ странствій съ патріотическими пѣснями Дебро и Беранже. «Старый сержантъ» довелъ до слезъ мэра, стараго Наполеоновскаго капитана; онъ схватилъ себя обѣими руками за голову, какъ будто она сейчасъ грозила лопнуть. Нѣсколько разъ онъ самъ себя прерывалъ, чтобы увѣрить слушателей, что все въ этой пѣснѣ истинная правда.

Босые, нищіе, не внемля жалкимъ страхамъ,
 Всѣ къ славѣ шли они побѣдною стопой!

— Да, да, именно такъ и было. Босикомъ, голодные, а всетаки впередъ, все впередъ. Вотъ такъ!

И онъ дѣлалъ рукой жестъ, какъ будто онъ размахивалъ саблей во главѣ отряда. Потомъ онъ доставалъ платокъ, сморкался и вытиралъ глаза.

Терметта также выучилась въ Лионѣ пѣть нѣсколько романсовъ и часто напѣвала ихъ въ мастерской у тетки. Голосъ у нея былъ слабый, и при такомъ многолюдномъ обществѣ она едва рѣшилась открыть ротъ. Но Маркъ поддерживалъ ее и съ своимъ обычнымъ добродушіемъ первый далъ сигналъ къ шумнымъ одобреніямъ, когда она пропѣла пѣсенку, повторившуюся тогда по всей Франціи:

Въ глаза мои влюбленные
Вглядиcь, моя краса!
Ты вся въ нихъ: очи синія
И черная коса.

Каландры, какъ ни были они разгорячены виномъ и увлечены весельемъ, замѣчали то презрительное удивленіе, съ какимъ слушали все это молодые люди изъ Сейзьеръ. Ихъ начали въ свою очередь уговаривать спѣть что нибудь. Они съ общаго согласія выбрали Пейссената представителемъ ихъ искусства. Онъ-то ужъ зналъ пѣсни, да еще какія! Они улыбались, говоря это, предчувствуя заранѣе успѣхъ своего товарища.

Молодой чиновникъ всталъ съ самоувѣреннымъ видомъ человѣка, привыкшаго, чтобы его слушали.

— Что нибудь позабористѣе! Мы имъ покажемъ, — сказалъ онъ вполголоса своимъ сосѣдямъ.

— *Баллошаръ*, — объявилъ онъ и началъ пѣть:

Y'en a qui lich'nt à s'faire crever l'ballon...

Онъ старался подражать тѣмъ третьестепеннымъ пѣвцамъ, которыхъ онъ слышалъ въ кафе-шантанахъ самаго послѣдняго сорта, гдѣ шутство, разлагающее всякое истинное чувство, свило себѣ прочное гнѣздо. Въ этихъ темныхъ закоулкахъ старой цивилизаціи, гдѣ жизнь уже заглохла, парить этотъ идиотскій смѣхъ, беззубое осмѣиванье всѣхъ чувствъ, освѣщающихъ жизнь, скверная пародія, питающаяся на счетъ остатковъ поэзіи и искренности въ душѣ народа. Оно опустошило душу Пейссената, какъ червякъ опустошаетъ орѣхъ; оно создало изъ него человѣка безличнаго, бесполезнаго, мертваго, какъ гнилая вѣтвь, не дающая даже огня. А онъ, гордясь своимъ несчастьемъ, какъ отличіемъ, которое ставило его выше остальныхъ людей, старался какъ можно больше выказывать его: онъ пытался, какъ будто въ этомъ именно и заключалось его завидное искусство, точно воспроизводить плоскія выраженія, пошлыя словечки, дребезжащій звукъ голоса, выходящаго изъ пропитанной алкоголемъ груди, двусмысленные жесты, весь цинизмъ отребьевъ человѣческаго рода, служа-

щих живымъ отрицаніемъ всѣхъ возвышенныхъ сторонъ души человѣка.

И дѣйствительно, его друзья изъ Сейзерье завидовали ему. Зараза тронула уже и ихъ; многія стороны души, здоровыя и жизненныя у жителей Каландра, начали понемногу засыхать въ нихъ. Они подчеркивали своимъ смѣхомъ пошлости, произносимыя ихъ признаннымъ вожакомъ и съ одушевленіемъ повторяли хоромъ пригѣвъ:

Французъ, трубадуръ и карманникъ,
Вотъ вамъ господинъ Балошаръ!

Крестьяне рассматривали этихъ обитателей Сейзерье съ такимъ выраженіемъ, съ какимъ, вѣроятно, жители Танти смотрѣли, какъ на ихъ островъ высаживались первые европейскіе матросы. Они были поражены.

— Я ужъ и не знаю, что теперь за молодежь пошла, не пойму я ихъ,—сказалъ Лашеналь, выражая общее впечатлѣніе.

— Вотъ-то дубины!—шепнулъ Пейссенатъ своимъ товарищамъ.—Ну, попробуемъ еще: *Путешествіе Тетара на пароходѣ*, комическая сцена, рассказанная г. Левассоромъ въ театрѣ Пале-Рояль, препотѣшная штучка!—объявилъ онъ громко.

И, обращаясь къ своимъ друзьямъ, прибавилъ тише: «Если и это ихъ не пройметъ, я отъ нихъ отказываюсь».

Тетара постигла та-же участь, какъ и Балошара. Если подѣ словомъ «пройметъ» онъ подразумѣвалъ, что она ихъ ошелоमितъ, то онъ не ошибся, но если онъ рассчитывалъ ихъ плѣнить, то потерпѣлъ полнѣйшее разочарованіе. Они все суровѣе и суровѣе поглядывали на гѣвца, такъ какъ начали подозрѣвать, что онъ смѣется надъ ними. А какъ только въ нихъ пробуждалось недовѣріе, они немедленно уходили въ свою скорлупу. Несчастный Тетаръ, онъ былъ, право, не такъ ужъ глупъ! Онъ четыре раза подѣ рядъ повторяетъ, чтобы всѣ хорошенько разслышали, этотъ чудный пригѣвъ:

Чѣмъ можно болѣе прельститься,
На пароходѣ прокатиться!..

Съ какой развязностью описываетъ онъ встрѣчныхъ, какія изысканныя выраженія, какой образный языкъ, какія благородныя чувства! Но каландрцы, казалось, обросли буйволовыми шкурами: всѣ эти милыя шутки, отъ которыхъ съ ума сходили ихъ гости, скользили по нимъ, не задѣвая.

Пейссенатъ разсердился. Друзья его, на которыхъ подѣствовала общая холодность, слабо поддерживали его.

— Ну, здѣсь, кажется, пороку не выдумаютъ, — сказалъ онъ своимъ сосѣдямъ.—Должно быть, они всѣ здѣсь кретины? Такъ-таки ничего и не понимаютъ! Чего имъ нужно? — Онъ

сдѣлать послѣднюю попытку—спѣлъ еще *Тити на жемъзной доротъ*. Возбужденный негодованіемъ на глупость слушателей, онъ пѣлъ съ увлеченіемъ:

Ну, карета, вотъ умора!
Кочегаръ за кондуктора,
Бдетъ, пышетъ, да свистить,
Впереди труба торчить,
Что тамъ лошади? Забава.
Пахнетъ тутъ не лошадыми:
Клапанъ слѣва, клапанъ справа!
Вотъ такъ штука! Чортъ возьми!
На кастрюлѣ прокатиться,
Въ печьѣ ѣхать не свариться,
Что за роскошь,—чортъ возьми!

Жаль, что стараго Мюзеля не было на свадьбѣ. Онъ былъ бы отомщенъ. Два поколѣнія, вскормленные одной землей, говорили на разныхъ языкахъ; между ними всталъ городъ, этотъ ненавистный ему городъ, и они перестали понимать другъ друга. Каландрскіе старики не понимали шутокъ своихъ гостей, молодые люди изъ Сейзерье, сблизившіеся съ другой средой вслѣдствіе ежедневныхъ сношеній съ городомъ, пропитанные его духомъ, который заносили къ нимъ пришлые рабочіе, не понимали болѣе простодушія каландрскихъ стариковъ, смѣялись надъ ними. Эти дѣти деревни, воспитанные въ духѣ новаго времени, казались чужими среди настоящихъ крестьянъ. Желѣзная дорога обогатила ихъ, но за это богатство они заплатили цѣной своей души. «Увяль лучшій цвѣтъ ихъ души», сказали бы объ нихъ въ пѣснѣ.

Маркъ былъ пораженъ этимъ контрастомъ. «Неужели, добившись съ такимъ трудомъ нѣкоторыхъ перемѣнъ въ Каландрѣ, мы увидимъ въ своей деревнѣ подобныя каррикатуры?» подумалъ онъ. Но эта мысль только мелькнула у него въ головѣ; остановиться на ней онъ не могъ, слишкомъ очевидной ему казалась выгода для Каландра отъ его нововведеній; впрочемъ, начавшаяся ссора сейчасъ же отвлекла его отъ этихъ размышленій.

— Знаете,—сказалъ Лашеналь, насмѣшливымъ тономъ, когда Пейссенатъ окончилъ среди воцарившагося неловкаго молчанія,—бѣгаете вы вѣрно потише лошади, ну, а поете-то не лучше ея.

Многіе захохотали. Молодой чиновникъ окончательно разсердился. Они уже злобно мѣряли другъ друга глазами, но тутъ кстати выѣхался Маркъ.

Метраль, заигравъ на скрипкѣ на другомъ берегу ручья, пришелъ ему на помощь. Всѣ повскакали съ мѣстъ. Дѣвушки,

давно сторавшія желаніемъ танцовать, увлекли своихъ кавалеровъ на лужайку.

Учитель пустилъ въ ходъ все свое искусство. Онъ самъ дирижировалъ кадрилию. Впередъ! Скачите выше! Онъ пристукивалъ ногами, подпѣвалъ и въ то же время игралъ на скрипкѣ. Ти, тара, ра, ра, ра, тара, ра, ра! Ну, живѣй, не ударьте въ грязь лицомъ! Тара, тира, тира, ра, ра, ра, ра! Grand rond! По мѣстамъ! Тара, ра, ра, ра, ра. Цѣлуйте вашихъ дамъ! И пока они исполняли все это, онъ выводилъ такой дикій звукъ на скрипкѣ, что всѣ со смѣхомъ набрасывались на него.

Онъ снова начиналъ, и подбитые гвоздями сапоги безостановочно стучали по лужайкѣ; смѣшно было смотрѣть, какъ быстро исчезала трава подъ ногами.

— Нынче косить не надо будетъ,—замѣтилъ кто-то.

— Посѣять бы теперь,—прибавилъ другой,—они славно вспахнутъ.—Когда стемнѣло, попробовали танцовать съ фонарями. Но попытка оказалась неудачной, и всѣ снова усѣлись за столы. Кромѣ многочисленныхъ остатковъ отъ обѣда, нашелся еще цѣлый баранъ, нарочно припрятанный Франсуазой къ ужину; но бочка была пуста; прислонившись къ ней, сидѣлъ Беззаботный, кажется, окончательно лишившійся дара слова, и, съ гордостью поглядывая на всѣхъ, стучалъ по ней пальцемъ, чтобы показать, что она совершенно опустошена. Маркъ велѣлъ принести изъ погреба еще боченокъ вина, выдержаннаго тамъ пять лѣтъ.

— Пять лѣтъ!—вскричалъ Беззаботный, приобрѣтая немедленно способность рѣчи. — Ну, когда такъ, и во мнѣ найдется для него пустое мѣстечко!

Всѣ съ новой энергіей принялись ѣсть, пить и пѣть. Молодые незамѣтно удалились. Около полуночи тѣ изъ гостей, которые держались еще на ногахъ, пошли разыскивать ихъ, чтобы поднести имъ, по обычаю, теплаго вина съ поджаренными сухарями. Съ этой минуты исторія свадебнаго пиршества такъ же темна, какъ ночь, подъ покровомъ которой оно заканчивалось. Нѣкоторые изъ гостей смутно припоминали, что въ какомъ-то домѣ, хозяева котораго, должно быть, встали съ лѣвой ноги, ихъ встрѣтили половыми щетками, но гдѣ это было—никто не могъ сказать съ увѣренностью; въ какомъ-то другомъ домѣ, перепуганные шумомъ дѣти подняли плачъ и, чтобы успокоить ихъ, имъ совали въ ротъ хлѣбъ, размоченный въ винѣ; они ѣли, и ихъ слезы падали въ ведро съ виномъ; потомъ заходили еще въ какіе-то дома, и тамъ также происходили разныя недоразумѣнія; были и жестокія ссоры, кто-то клялся кому-то въ вѣчной ненависти, но черезъ полчаса все это было забыто.

Какимъ то образомъ, въ концѣ-концовъ Провидѣніе привело ихъ снова на дворъ Мюзелей. Они опять принялись за ѣду. Вдругъ Беззаботный разразился громкими рыданіями, за нимъ принялись рыдать и остальные. Кто-то спросилъ, что его такъ огорчило.

— Никогда наши дѣти не будутъ пить такого вина,—отвѣтилъ онъ сквозь слезы.

Тогда было рѣшено, что онъ боленъ, и его уложили въ большой сундукъ Мюзелей. Позднѣе никто не могъ припомнить, почему было выбрано такое странное ложе. Несомнѣнно только, что оно внушило зависть молодому Пейссенату: онъ вернулся крадучись, вытащилъ оттуда хромого, затолкалъ его за сундукъ, а самъ улегся на его мѣсто. Всего удивительнѣе то, что на другой день, когда ихъ разбудили, въ сундукѣ снова лежалъ Беззаботный, а Пейссенатъ былъ за сундукомъ. Какъ произошло это послѣднее перемѣщеніе?... Это происшествіе, какъ и многія другія, осталось навсегда неразъясненнымъ.

XXX.

Гурродиха узнала, наконецъ, всю сладость осуществившейся мечты: она воспользуется-таки всѣмъ состояніемъ, накопленнымъ старымъ Мюзелемъ; ни о чемъ болѣе не просила она Бога; она была счастлива и старалась, насколько хватало силъ, устроить своему отцу пріятную жизнь.

Но ей не хватало того, чего часто недостаетъ самымъ ловкимъ дипломатамъ—естественности. Въ ея предупредительности сказывалась искусственность, которую старикъ отлично замѣчалъ; сначала это даже нравилось ему, какъ выраженіе лестной для его самолюбія угодливости, но мало-по-малу это начало стѣснять и утомлять его. Дѣлая ему что нибудь, она не упускала случая дать понять, что это исключительно для него. Когда она въ воскресенье рѣзала курицу, она пользовалась случаемъ замѣтить:

— Ахъ, батюшка, какъ мы стали сладко ѣсть при васъ, раньше мы не такъ ѣли. Ну, да ужъ вы, можно сказать, заслужили, чтобы за вами поухаживали!

Раздраженный старикъ ворчалъ:

— Не люблю я, чтобъ о своемъ брюхѣ такъ заботились. Кажется, и ты тянешь за другими. Такъ-то много не накопишь.

Онъ измѣнилъ своимъ старымъ привычкамъ, и ему было очень трудно примѣняться къ чужимъ. Онъ теперь почти не работалъ, а Біана только и дѣлала, что подхваливала его.

— Вы то ужъ по всей справедливости заработали себѣ право отдохнуть,—говорила она, видя, что онъ ничего не дѣлаетъ.

А когда онъ брался за работу, она восклицала:

— Какой вы молодецъ, вы насъ всѣхъ за поясъ заткнете: цѣлые дни работаете, точно молодой.

Очень скоро онъ сталъ скучать. Окружающее не могло развлечь его. Маленькій Жанъ-Мари боялся подходить къ дѣду съ тѣхъ поръ, какъ разъ попросилъ его рассказать сказочку, а мать схватила его и прибила, говоря, что она никогда не видала такихъ глухихъ дѣтей. Діовона старикъ сталъ меньше любить въ послѣднее время: отъ него ожидали, какъ онъ замѣчалъ, что онъ сдѣлаетъ внука своимъ наслѣдникомъ, и эти надежды раздражали его. Онъ чувствовалъ себя одинокимъ и цѣлые дни не произносилъ ни слова!

Гурродиха была убѣждена, что отецъ, какъ говорится, туго набилъ свою мошну. Она горѣла желаніемъ узнать это повѣрнѣе. Ей хотѣлось знать, перенесъ-ли онъ ее изъ своего прежняго дома и куда припряталъ. Старикъ съ тѣмъ тонкимъ чутьемъ, какое всегда является у крестьянина, разъ дѣло касается его имущества, замѣчалъ, что она постоянно, всякими окольными путями, возвращается къ этому вопросу.

Тогда ему въ первый разъ пришла въ голову мысль, что привязанности, идущія отъ сердца, умираютъ лишь вмѣстѣ съ сердцемъ, а отношенія, вызванныя расчетомъ, порываются, если расчетъ не оправдается. Съ этого дня его часто посѣщалъ духъ стараго Бородача,—онъ жилъ въ комнатѣ самоубійцы. Первый разъ со времени переселенія къ дочери онъ подумалъ о томъ, что онъ не дома, что здѣсь онъ не хозяинъ. Если Біана разсердится въ конецъ, потерпѣвъ неудачу въ своихъ подходахъ къ его сундуку, ему, со всей его гордостью и надменностью, придется выносить ея гнѣвъ.

Наконецъ, была еще глубокая и тайная причина его страданій: уйдя изъ дому, онъ измѣнилъ тому, что составляетъ весь смыслъ жизни крестьянина, тому, что можно назвать властью земли. Въ своемъ домѣ онъ продолжалъ работу своихъ отцовъ и дѣдовъ, онъ трудился для своей земли. Теперь онъ потерялъ почву подъ ногами, онъ походилъ на растеніе, вырванное съ корнемъ. Невыразимая грусть наполняла его сердце при мысли, что онъ умретъ не тамъ, гдѣ до сихъ поръ умирали всѣ Мюзели, и эта грусть подтачивала его волю, которую до тѣхъ поръ ничто не могло сломить. Онъ изумлялся, какъ въ его лѣта, съ его характеромъ могъ онъ совершить подобное безуміе. Всѣ причины, побудившія его къ тому, — оскорбленная гордость, досада—казались ему все болѣе и болѣе ничтожными.

Безъ опредѣленной цѣли, повинаясь могущественному инстинкту, онъ бродилъ вокругъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ протекла вся его жизнь и откуда онъ самъ себя изгналъ. Онъ любилъ теперь свою усадьбу съ оттѣнкомъ тревожной грусти, какую испытываемъ мы, когда близкій намъ человѣкъ лежитъ больной на чужихъ рукахъ. Онъ обходилъ со всѣхъ сторонъ свои владѣнья, онъ, какъ прежде, окидывалъ ихъ хозяйскимъ глазомъ. Если въ виноградникѣ былъ сломанъ колъ, онъ со всякими предосторожностями тихонько вбивалъ новый. Если онъ находилъ дыру въ заборѣ, то, убѣдившись, что его никто не видитъ, онъ торопился починить ее. Всегда на сторожѣ, чтобы кто-нибудь не замѣтилъ его, онъ прохаживался взадъ и впередъ, тамъ вырывая сорную траву, тутъ привязывая отвязавшуюся лозу, съ ревнивой заботливостью земледѣльца, ухаживающаго за своей землей, какъ за любимой женщиной.

Если кто-нибудь проходилъ мимо во время этихъ тайныхъ посѣщеній, онъ тотчасъ же принималъ равнодушный видъ человѣка, случайно попавшаго сюда, и, посвистывая, уходилъ куда-нибудь въ сторону.

Старый Мюзель, съ сердцемъ, окаменѣвшимъ отъ гордости, загрубѣвшимъ отъ привычки повелѣвать, мало по малу оттаивалъ и превращался въ другого Мюзеля съ такимъ же чувствительнымъ сердцемъ, какъ и у другихъ людей.

Но никто не подовѣривалъ этой перемѣнѣ, такъ какъ онъ готовъ былъ умереть скорѣе, чѣмъ дать кому-нибудь замѣтить, что онъ раскаивается въ своемъ поступкѣ. Старый Мюзель никогда не измѣняетъ своихъ рѣшеній, — таково было его всегдашнее правило. Даже Біана, при всей своей проникающей, вѣрила его напускному спокойствію.

Въ двѣ зимы дорога была проведена, и всѣ были въ восторгѣ, не исключая и прежнихъ противниковъ ея. Преимущества хорошей дороги до такой степени били въ глаза, что не было никакой возможности отрицать ихъ. Одинъ старый Мюзель стоялъ на своемъ; иногда сосѣди говорили ему съ лукавымъ видомъ:

— Что, кумъ, дорогу-то вѣдь все-таки провели.

— Ахъ, — отвѣчалъ онъ пренебрежительнымъ тономъ, — дѣлайте, что хотите, меня это не касается. Мое время прошло, да и самъ я скоро уйду отсюда.

И дѣйствительно, внутреннее горе, которое онъ тщательно старался подавить, быстро старило его. Казалось, что морщины у него на лицѣ двоились, такъ быстро увеличивалось ихъ число. Волосъ у него почти не осталось, такъ что голова его представляла собой голый черепъ, обтянутый кожей. Въ нѣсколько мѣсяцевъ силы совершенно оставили его. Онъ не

могъ работать больше двухъ, трехъ часовъ въ день. Куда дѣвалась его горделивая осанка; и безъ того невысокій ростомъ, онъ съ каждымъ днемъ все больше и больше горбился.

— Гнется старый Мюэль,—говорили сосѣди,—въ землю смотреть, вѣрно скоро ужъ уйдетъ въ нее.

Маркъ, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, всегда кланялся ему почтительно, какъ отцу, и спрашивалъ, какъ его здоровье. «Здравствуй, здравствуй»,—отрывисто говорилъ старикъ, сворачивая въ сторону. Терметтъ онъ и совсѣмъ не отвѣчалъ: онъ проходилъ мимо, не замѣчая ея, и жилъ, какъ будто ея не существовало на свѣтѣ.

Но когда онъ встрѣчалъ гдѣ нибудь Франсуазу, онъ вступалъ съ ней въ таинственные переговоры. Старая служанка обожала своего хозяина, который, какъ бы то ни было, всегда оставался ея настоящимъ хозяиномъ. Въ глубинѣ души она жалѣла о немъ, такъ какъ ей теперь не съ кѣмъ было браниться: Маркъ всегда добродушный, всегда веселый, слишкомъ рѣдко доставлялъ ей случай раскричаться.

Она сообщала старику все, что происходило дома. Черезъ нее онъ раньше всѣхъ узналъ о беременности Терметты. Съ этой минуты онъ сталъ интересоваться своей внучкой больше, чѣмъ за всю ея жизнь.

Разъ вечеромъ Франсуаза сообщила ему, что ночью, вѣроятно, настанутъ роды.

На зарѣ, когда она шла задать корму скотинѣ, она увидѣла Мюэля, притаившагося за заборомъ; онъ ждалъ ее.

— Кончилось!—крикнула она.

— Дѣвочка или мальчикъ?

— Мальчикъ! мальчишка и кричитъ такъ, что взрослому впору. Здоровый голосъ! Бабка говоритъ, что на васъ похожъ.

— Неправда, не можетъ быть!

— Тысяча холеръ! вы мнѣ никогда не вѣрите. Подите, когда такъ, посмотрите сами.

Старикъ ушелъ, нѣсколько смущенный, покачивая головой и повторяя про себя:

— Мальчикъ! опять у насъ мальчикъ въ домѣ.

Со времени этого достопамятнаго событія онъ устраивалъ такъ, чтобы нѣсколько разъ на дню видѣться съ Франсуазой. Онъ засыпалъ ее вопросами о малюткѣ, котораго, въ честь покойнаго отца, назвали Антономъ. Хорошо-ли онъ спалъ? Открывалъ-ли уже глаза? Не щурилъ-ли ихъ? Хорошо-ли няньчилась съ нимъ мать? Хватало-ли у нея молока? Хорошо-ли его кормятъ-то? Не рѣжутся-ли у него зубки? Похожъ-ли онъ по прежнему на него?

Пользуясь своей властью надъ нимъ, Франсуаза хорохо-

рилась и бросала ему въ отвѣтъ слова, какъ проклятыя. Она уже не тосковала болѣе, жизнь ея снова наполнилась. Только ея хозяинъ сильно измѣнился на ея взглядъ: онъ рѣдко схватывался съ ней зубъ за зубъ, какъ прежде.

— Что мнѣ вамъ говорить,—кричала она; вы мнѣ предлагаете такіе вопросы, какими поставили нѣкогда въ тупикъ Трирскихъ мудрецовъ.

— А чѣмъ же это поставили въ тупикъ Трирскихъ мудрецовъ?—добродушно спрашивалъ онъ.

— Ихъ спросили, что началъ Іисусъ Христосъ дѣлать, какъ только ему исполнилось тридцать лѣтъ. Они рылись въ своихъ книгахъ, но ничего не могли найти. Тогда одинъ крестьянинъ и говоритъ имъ: «А я знаю что: когда Іисусу Христу исполнилось тридцать лѣтъ, онъ началъ свой тридцатъ первый годъ жизни». Ваши вопросы не хитрѣе этого.

— Развѣ вамъ трудно, Франсуаза, отвѣтить мнѣ. Вѣдь молодецъ онъ, правда? И хорошенькій? Только здоровъ-ли онъ? Правда-ли, что онъ похожъ на меня?

— Пришли бы сами посмотрѣть на него, небось не съѣлъ бы васъ, тогда и спрашивать нечего было бы. Ну, конечно, онъ просто прелесть, и молодецъ, — вѣсить цѣлыхъ восемнадцать фунтовъ! А на васъ похожъ-ли? Ну, нѣтъ, покорно благодарю, лучше васъ будетъ.

Когда ребенку исполнилось семь мѣсяцевъ и старикъ услышалъ, какъ онъ всѣхъ узнаетъ, какъ онъ хохочетъ, когда ему щекочутъ подъ подбородкомъ, какая у него плутовская рожица, когда онъ сосетъ свой большой палецъ, какъ онъ спокойно лежитъ въ люлькѣ, какъ онъ не по днямъ, а по часамъ умнѣетъ, онъ не могъ больше вытерпѣть. Однажды, когда Маркъ ушелъ на виноградникъ въ Шарманъ, а Терметта, чтобы пройтисѣ немножко, понесла ему обѣдъ, оставивъ мальчика на попеченіе служанки, старикъ пробрался въ свой старый домъ.

Видъ двора поразилъ его. Онъ не узнавалъ ничего: дворъ былъ весь вычищенъ, кучи мусора, между которыми росла крапива, исчезли, бревна, гнившія подъ дождемъ, были убраны подъ навѣсъ, устроенный Маркомъ; въ саду не было сорной травы, глушившей его раньше. Избавившись отъ своихъ *былыхъ* язвъ, домъ выглядѣлъ такимъ же молодымъ и веселымъ, какъ его обитатели. Старикъ внутренне сравнилъ настоящее съ прошлымъ и вынужденъ былъ признаться, что настоящее, пожалуй, не уступить.

Не разъ въ тайникахъ души дѣлалъ онъ себѣ подобныя признанія, видя, какъ благодаря разумнымъ заботамъ Марка, хлѣбъ родится лучше и сборъ винограда больше. Онъ начиналъ сомнѣваться въ себѣ самомъ и соглашаться, что молодой человѣкъ не такой ужъ сумасбродъ, какъ онъ воображалъ.

Старина подавалась даже въ лицѣ самого вѣрнаго своего защитника.

Внутренній видъ дома поразилъ его еще больше, онъ совершенно измѣнился. Терметта осуществила свою мечту: порядокъ, неизвѣстный до тѣхъ поръ въ Каландрѣ, царствовалъ повсюду. По просьбѣ жены, Маркъ употребилъ на поправку дома часть денегъ, прикопленныхъ до свадьбы. Окна были увеличены, и стекольщикъ, наконецъ, получилъ разрѣшеніе вставить новыя стекла; свѣтъ, смягчаемый занавѣсками, широкимъ потокомъ врывался въ первую комнату. Занавѣски! старый Мюзель долженъ былъ собственноручно пощупать ихъ, чтобы убѣдиться, что это дѣйствительно ситецъ. Потрескавшіеся и обнаженные карнизы были обшиты тесомъ, окрашеннымъ въ красный цвѣтъ, и очевидно недавно вымыты. Стѣны были выбѣлены и около нихъ не валялись уже кучами различные инструменты, разбросанные кое-какъ и напоминавшіе кочевье дикарей.

Невольно старикъ вернулся къ порогу, чтобы отряхнуть землю, приставшую къ его ногамъ.

— Тутъ хоть бы принцамъ жить,—сказалъ онъ съ смущенной улыбкой человѣка, смѣющагося надъ своими прежними убѣждениями.

Онъ взялъ на руки своего правнука и съ жаднымъ любопытствомъ осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ. Въ эту минуту старый Мюзель, суровый и грубый крестьянинъ, почувствовалъ, какъ невольно радуется его мысль, возникшая подъ вліяніемъ всего видѣннаго имъ сейчасъ, мысль, что жизнь этого ребенка, едва начинающаго жить, будетъ несравненно легче, чѣмъ его собственная. «Если можно жить спокойнѣе, не пуская по вѣтру свое состояніе, то лучше и не надо», сказалъ онъ самъ себѣ, чтобы оправдать въ собственныхъ глазахъ такую измѣну своимъ убѣждениямъ.

Онъ нашелъ, что по рассказамъ Франсуазы нельзя было составить ни малѣйшаго представленія о всѣхъ достоинствахъ маленькаго Антона. Радуюсь, что, наконецъ, держать его на своихъ рукахъ, онъ выдумывалъ такія удивительныя штуки, чтобъ позабавить ребенка, что Франсуаза подумала, ужъ не сходить-ли онъ съ ума.

— Ну, сказала она,—вы ничего подобнаго не придумывали для своихъ дѣтей!

Съ тѣхъ поръ онъ приходилъ туда тайкомъ всякій разъ, когда представлялась возможность. Франсуаза нарочно выводила его изъ себя, заявляя каждый разъ, что не будетъ больше пускать его, такъ какъ боится, что хозяева разберутъ ее. Старикъ сердился. Франсуаза, въ восхищеніи отъ своей

выдумки, кричала громче его. Кровь ея обращалась быстрѣе, и легкія получали полезное упражненіе.

XXXI.

— Хозяинъ, — сказала разъ утромъ Франсуаза Марку, отправлявшемуся на работу, — когда вы дойдете до виноградника и хозяйка догонитъ васъ, вернитесь на минутку домой.

— Зачѣмъ?

— Вы найдете у себя что-то очень удивительное.

— Что-же такое?

— Это вамъ будетъ пріятно.

— Да что-же наконецъ?

— Тысяча холеръ! Вернитесь, сами увидите!

— Что за секреты?

— Тысяча чертей! Можете же вы вернуться, разъ я васъ прошу.

Заинтересованный Маркъ вернулся. Франсуаза, ожидавшая его, посоветовала ему подойти тихонько къ окошку и посмотреть, что дѣлается въ домѣ.

Дѣйствительно, то, что онъ увидѣлъ, очень удивило его, такъ удивило, что онъ нѣсколько разъ протиралъ себѣ глаза, чтобы убѣдиться, не ошибся ли онъ. Нѣтъ, онъ не ошибался: старый Мюзель сидѣлъ у него въ домѣ и держалъ на рукахъ маленькаго Антона. Съ радостнымъ лицомъ онъ забавлялъ ребенка, и самъ, повидимому, забавлялся не меньше его.

— Ну, здравствуй, дружище! Здравствуй, мошенникъ! Здравствуй, наслѣдникъ! Узнаешь меня? Узнаешь этого старика? Кто же такой этотъ старикъ? Твой дѣдъ, правда? Ну, скажи же, правда?

Онъ держалъ головку ребенка на одномъ уровнѣ съ своей; эта маленькая, нѣжная, розовая головка, напоминавшая пушистую кожуцу спѣлаго персика, казалась еще нѣжнѣе рядомъ съ жесткимъ, какъ камень, лбомъ, подъ кожей котораго кровь, казалось, перестала обращаться. Ребенокъ, глядя на него, улыбался.

— Смѣешься, мошенникъ! Значить, узнаешь меня.

Мысль, что ребенокъ узнаетъ его, доставляла старику величайшее удовольствіе. Онъ нѣсколько разъ подбрасывалъ его кверху, какъ будто намѣревался вскинуть на потолокъ. «Хопъ-ля! Хопъ-ля!» И каждый разъ взрывъ звонкаго смѣха вырывался изъ розовыхъ губокъ ребенка. Онъ также протягивалъ ручки, какъ будто хотѣлъ схватиться за балку. Хопъ! Хопъ-ля!

Потомъ старикъ сталъ напѣвать тѣ же самые «хопъ-ля», и продолжалъ распѣвать всевозможные слогі, приходившіе ему

въ голову, заставляя ребенка прыгать у себя на колыняхъ. Хопъ-ля! Хопъ-ля! ля! Тилиля! Тро, тро, тро! Таталя! таталя! Литатали! Трантанмили! Пуфъ! Пуфъ! Транапа!

— Транапа! На этомъ пѣсня кончилась. Постой-ка я тебя стукну. Транапа! И дѣдъ дѣлалъ видъ, что хочетъ стукнуть его лбомъ по головѣ. Это такъ заняло ребенка, что онъ началъ также бормотать: Тру, тру,—махая рученками, какъ птенчикъ, первый разъ расправляющій крылья.

— А, ты говоришь: Тру! Ну, пусть будетъ: Тру! Будемъ пѣть Тру! Тру! Тру! Что за молодецъ этотъ мальчишка! Настоящій мужчина! Ахъ, мошенникъ, какъ онъ поетъ: Тру! Тру! Тру! Право настоящій мужчина; маленький, маленький мужчина! Тру! Тру! Ахъ, ты, разбойникъ! Ну, поцѣлуй меня теперь! Хочешь поцѣловать меня, плутишка? Хочешь поцѣловать своего дѣдушку?

И онъ приближалъ свое темное, морщинистое лицо къ розовому личику ребенка, уговаривая его всячески поцѣловать его.

— Ну, поцѣлуй же меня, крошка! Поцѣлуй своего дѣда, дружище! Ну, будь умникомъ, поцѣлуй дѣда!

Широко открытые, удивленные глазки ребенка, смотрѣли, не видя, точно окна дома, хозяинъ котораго еще не проснулся. Онъ, казалось, съ глубокимъ вниманіемъ разсматривалъ лицо старика. Наконецъ, невозможный цвѣтъ носа поразилъ его и онъ потянулся къ нему, открывая ротъ.

— Ахъ, разбойникъ, да вѣдъ ты укусилъ меня!—вскрикнулъ старикъ такъ неожиданно громко и радостно, что испугалъ ребенка; его нѣжное личико тотчасъ затуманилось.

— Ну, не плачь же, дружокъ. Чтожъ ты за мужчина? Не плачь, я вѣдъ не хотѣлъ тебя испугать, внучекъ. Ты все-таки плачешь? Сейчасъ мы тебя поносимъ. Ну, мать утѣшь его, онъ испугался, твой сыночекъ. Онъ очень испугался, мать! (Старикъ обращался вмѣсто матери къ часамъ). Онъ положилъ ребенка себѣ на руки и ходилъ съ нимъ по комнатамъ, укачивая его и напѣвая старую колыбельную пѣсню:

У моей кумы было три эю,
Ти-ре-лян-леръ!..

У моей кумы было три эю,
И два су на придачу.

Ребенокъ, успокоившись, закрылъ глаза.

— Ты спать хочешь, крошка? Этотъ малютка хочетъ спать. Мать, надо его уложить (Мюзель продолжалъ обращаться къ часамъ, какъ будто это и въ самомъ дѣлѣ была мать). Ну, посмотрите же, онъ совсѣмъ спитъ.

Смотрите, смотрите,—никто не ходите!

Смотрите, смотрите,—никто не шумите!

Вотъ пѣтушокъ
Улетѣлъ на лужокъ,
А къ намъ сонъ все не слетаетъ,
У насъ дитя не засыпаетъ.
Смотрите, смотрите,—никто не ходите!
Смотрите, смотрите,—никто не шумите!

«Неужели это дѣйствительно самъ старый Мюзель?—спрашивалъ себя Маркъ.—Его должно быть подмѣнили, это просто невѣроятно. Кто могъ научить этого стараго волка такимъ штукамъ? Кто вложилъ въ это каменное сердце такую материнскую нѣжность? Но нѣтъ, это онъ, это несомнѣнно старый Мюзель, только все его существо перевернулось: маленькій розовый пальчикъ ребенка открылъ дорогу къ его сердцу, и тамъ, въ этомъ каменномъ сердцѣ нашелся уголокъ, гдѣ таилась глубокая нѣжность, о существованіи которой онъ и самъ не подозревалъ».

Но ребенокъ не заснулъ, онъ снова сталъ улыбаться, слушая пѣсни дѣда.

— О! теперь ты смѣешься, мошенники! Ты смѣешься! Ты вѣдь мой внучекъ, мой маленькій внучекъ! Да, да, сударь, это дѣдушкинъ внучекъ! (На этотъ разъ Мюзель обращался къ печкѣ). Гдѣ тутъ дѣдушкинъ внукъ? Вотъ онъ! Неправда ли, что за мальчикъ, сударь, чудо! Поговори-ка съ дѣдомъ, мальчуганъ! Поговори съ нимъ, я тебѣ что-то дамъ.

Ребенокъ случайно пробормоталъ: Ня! Ня!

— Ня! Ня! Что же это такое—ня, ня? Молодецъ мальчикъ, онъ говоритъ дѣду: ня, ня! Когда мама вернется, она дастъ ему кусочекъ сахару. Мама (Мюзель снова обращался къ часамъ), вы вѣдь дадите сахару своему мальчику.

И старикъ опять напѣвалъ, подбрасывая къверху ребенка. Потомъ онъ посадилъ его къ себѣ на колѣно. Хопъ, хопъ! Ёдемъ на лошадекъ, мальчуганъ. То прятаясь за его спиной, то вдругъ выглядывая оттуда, онъ кричалъ ему: Куку, куку! Вотъ и я! Развеселившійся ребенокъ звонко хохоталъ, а за нимъ смѣялся и старикъ.

Вдругъ онъ остановился на полусловѣ: въ окнѣ онъ неожиданно встрѣтилъ взглядъ Марка. Онъ прекратилъ игру и замолчалъ, сильно смущенный.

Маркъ, не менѣе смущенный, вошелъ, улыбаясь, въ домъ. Старикъ отвѣтилъ на его улыбку съ видомъ школьника, пойманнаго на шалости. Ноздри его раздувались, можно было догадаться, что гордость въ послѣдній разъ заявляетъ въ немъ свои права. Тѣмъ не менѣе оба они одновременно почувствовали, что въ нихъ не осталось ни тѣни злобы, и они снова могли полюбить другъ друга. Не сговариваясь, они одновременно поставили крестъ на прошломъ.

— Правда, вѣдь онъ у насъ молодець, здоровый, сильный? — сказалъ просто Маркъ, показывая на мальчика.

— Другого такого не найдешь, ужъ это вѣрно, — отвѣтилъ старикъ.

— Что вы не заходите почаще посмотрѣть на него? Вѣдь вы здѣсь дома, помните. Ваше мѣсто за столомъ ждетъ васъ, и комната ваша всегда готова. Никто въ ней ничего не трогалъ. Вы все найдете на старомъ мѣстѣ, когда захотите.

— Что и говорить, ты-то славный малый, — сказалъ старикъ тономъ, въ которомъ, кромѣ одобренія молодому человеку, слышался упрекъ нѣкоторымъ *другимъ*.

Мюзель, продолжая чувствовать сильное смущенье, поигралъ еще нѣсколько минутъ съ ребенкомъ и ушелъ.

— До свиданья! — сказалъ ему Маркъ съ добродушной улыбкой.

— До свиданья! — отвѣтилъ старикъ, отворачиваясь, чтобы скрыть свое смущенье.

Нѣсколько дней спустя онъ сказалъ Марку:

— Приготовь-ка и вправду мою комнату, я перейду въ нее.

Годы и испытанія такъ надломили этого челоуѣка съ желѣзной волей, страшнаго укротителя воловъ, что онъ не рѣшился самъ объявить Гурродихъ о своемъ переселеніи, опасаясь тяжелой сцены. Это взяла на себя Франсуаза, отправившаяся туда за его пожитками.

Вѣрная и преданная Франсуаза, полагаясь во всѣхъ трудныхъ случаяхъ на свой языкъ, не боялась рѣшительно ничего, не считая, конечно, привидѣній. Біана никакъ не ожидала такого поступка со стороны старика. Оскорбленная, обманутая въ своихъ ожиданіяхъ, видя, какъ въ одну минуту рушится все, что она съ такимъ усердіемъ воздвигала въ теченіе многихъ лѣтъ, она мужественно встрѣтила ударъ. Она вся пожелѣла, такъ какъ управлять своимъ лицомъ очень трудно; но словами управлять можно, и она такимъ же сладкимъ голосомъ, какъ обыкновенно, отвѣтила Франсуазѣ:

— Мы держали его только потому, что онъ мой отецъ; но это такая обуза, что избавиться отъ него, признаться, большое счастье.

Терметта сидѣла съ ребенкомъ у окна, когда старикъ окончательно вернулся въ свой старый домъ. Она уже не походила теперь на хрупкую былинку. Счастье округлило ея черты, но ямочки на щекахъ сохранили въ себѣ, какъ воспоминаніе о прошломъ, неуловимый оттѣнокъ грусти. Изъ этого окна она смотрѣла на безграничную ширь полей. Если бы она вспомнила теперь, какой ужасъ навели на нее однажды ночью эти дикія мѣста, она могла бы съ полнымъ правомъ сказать, что не она одна измѣнилась съ тѣхъ поръ:

по примѣру Марка, крестьяне начали вырубать деревья и кусты, придававшіе Каландру видъ глухого лѣса и отнимавшіе у земли соки и лучи солнца. Убѣдившись въ пользѣ хорошихъ дорогъ, крестьяне проложили повсюду новыя; проводя дорогу въ Шамбъ, они прорыли нѣсколько канавъ и осушили такимъ образомъ болото, превратившееся послѣ этого въ прекрасный лугъ. Теперь стало возможно воздѣлывать и низкія земли. Самая обработка также значительно улучшилась. Деревня преобразалась подъ руками человѣка. Терметта принесла въ деревню привычки, незнакомыя тамъ раньше, и побѣда осталась за ними; теперь она могла устраивать свою жизнь по своему вкусу. Она была счастлива.

Возвращаясь тайкомъ въ тотъ домъ, гдѣ онъ пятьдесятъ лѣтъ былъ полновластнымъ хозяиномъ, и увидѣвъ у окна Терметту, сіяющую молодостью, гордую своимъ материнствомъ, старикъ почувствовалъ, что она одержала побѣду въ неравной борьбѣ, завязавшейся между ними. Молодая женщина, неспособная къ ненависти, поняла съ своей стороны, какое послѣднее, жестокое униженіе долженъ былъ испытывать старикъ, возвращаясь въ свой домъ и признавая такимъ образомъ свое пораженіе.

Ей пришла въ голову счастливая мысль. Взявъ ручку ребенка, она махнула ею, сказавъ:

— Поздоровайся съ дѣдушкой, сыночекъ!

Ребенокъ улыбнулся.

— Здравствуй, здравствуй! — отвѣтилъ старикъ прерывающимъ голосомъ.

Мюзель прожилъ еще нѣсколько лѣтъ. Но это была скорѣе тѣнь прежняго Мюзеля. Когда воля его была сломлена, старость быстро подкралась къ нему. Онъ уже не могъ работать и цѣлые дни сидѣлъ передъ печкой, мѣшая уголья и посвистывая. Москва, также сильно постарѣвшая, лежала у его ногъ и не ворчала больше; годы измѣнили ее также, какъ и хозяина; когда ее гладили, она лежала неподвижно и равнодушно, точно мертвая. Почувствовавъ приближеніе смерти, старикъ легъ лицомъ къ стѣнѣ, не отвѣчая ни слова на вопросы, не замѣчая, повидимому, заботъ, которыми его окружали. Франсуаза, ухаживавшая за нимъ, увидѣла, что онъ умеръ, только когда члены его начали холодѣть.

Теперь старымъ временамъ уже пришелъ конецъ. Домъ Мюзелей, перестроенный Маркомъ и Терметтой, послужилъ образцомъ для другихъ. О черномъ хлѣбѣ вспоминали только, когда хотѣли посмѣяться надъ грубыми вкусами стариковъ. На мѣстѣ кладовой Рибольеровъ выросло самое красивое зданіе Каландра—школа, а сынъ Беззаботнаго смѣнилъ въ ней Метраля. Вино стало въ восемь разъ дороже прежняго. Стар-

шій сынъ Марка—докторъ, поселился въ сосѣднемъ городѣ. Крестьяне разбогатѣли и живутъ несравненно лучше. Но уже немногія старушки умѣютъ пѣть:

Соловей ты мой въ лѣсу,
Я поклонъ тебѣ несу.

Профессіональная гігіена на шестомъ сѣздѣ русскихъ врачей въ Кіевѣ.

Профессіональная гігіена на нашихъ глазахъ, въ теченіе лишь послѣдняго десятилѣтія, достигла на западѣ значительныхъ успѣховъ въ теоріи и на практикѣ, получивъ полныя права гражданства среди другихъ отраслей соціально-медицинскихъ знаній. Помимо отдѣльныхъ монографій и статей въ общихъ, медицинскихъ и техническихъ журналахъ, всесторонней разработкѣ различныхъ профессионально-гигіеническихъ вопросовъ (по изслѣдованію санитарнаго вліянія профессиональнаго труда, по предупрежденію несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ, заводахъ и разнаго рода промыслахъ, по страхованію рабочихъ отъ увѣчья, болѣзни, старости и т. д.) посвящено нѣсколько специальныхъ періодическихъ изданій. Таковы, напримѣръ, «Zeitschrift f. Gewerbe-Hygiene, Unfall-Verhütung und Arbeiter-Wohlfahrts-Einrichtungen» (третій годъ изданія), «Archiv f. Gewerbe-Hygiene und Unfall-Heilkunde» и мн. др.

На медицинскихъ конгрессахъ, международныхъ, общихъ и мѣстныхъ, профессиональная гігіена обычно составляетъ особую секцію, изобилующія весьма интересными сообщеніями. Въ Вѣнѣ, въ Парижѣ и въ другихъ городахъ устраиваются музеи профессиональной гігіены и прикладной техники, постоянныя и передвижныя выставки, публичныя лекціи, бесѣды съ рабочими и т. д. Результаты теоретическихъ изысканій, практическихъ наблюденій и экспериментальныхъ изслѣдованій быстро получаютъ широкое примѣненіе въ жизни. Такое воздѣйствіе науки на жизнь совершилось и совершается на западѣ отчасти при посредствѣ общихъ законодательныхъ актовъ и мѣстныхъ обязательныхъ постановленій по охранѣ жизни, здоровья и нравственности рабочихъ, главнымъ же образомъ, путемъ все большаго и большаго расширенія, въ количественномъ и въ качественномъ отношеніяхъ, полномочій специально подготовленнаго института фабричной инспекціи.

Соотвѣтственно спросу возрастаетъ и предложеніе, такъ что нынѣ профессиональная гігіена и фабричное законодательство создали особую, широко развившуюся и ежедневно пополняемую отрасль прикладной или фабрично-санитарной техники. Изобрѣте-

ниями последней, къ счастью, не лишены возможности пользоваться, въ случай желанія или добровольнаго рвенія, и нѣкоторые фабриканты въ Россіи. Весь этотъ прогрессъ началъ развиваться въ Германіи приблизительно съ 1876 года, считая со времени пятого нюрнбергскаго сѣзда германскаго союза общественной гигіены. Двадцать лѣтъ тому назадъ, санитарныя условія германской промышленности были столь же неудовлетворительны, какъ и у насъ теперь въ Россіи. Исторія фабричной культуры въ указанномъ направленіи представляетъ громаднѣйшій интересъ, именно при сравненіи результатовъ разработки очередныхъ вопросовъ профессиональной гигіены, напримѣръ, въ Германіи (1876 годъ) и въ Россіи (1882 годъ). Разница по годамъ ничтожная, но картина получается діаметрально противоположная.

У насъ въ Россіи ученныя изысканія о профессиональныхъ условіяхъ труда въ періодъ 1880—95 гг. достигли полноты данныхъ, безупречности и обстоятельности разработки, въ академическомъ смыслѣ *). Практическіе же результаты ихъ теперь равны или нулю, или же весьма и весьма скромны. По справедливому отзыву такого свѣдущаго спеціалиста, какъ бывшій фабричный инспекторъ московскаго округа проф. И. И. Янжулъ (см. сборникъ его статей «Часы досуга», Москва 1896 г.), охрана жизни и здоровья рабочихъ въ Россіи обнаруживаетъ въ послѣднее время рѣзкіе признаки регресса. Вполнѣ присоединяясь къ такому заключенію, можно добавить, что даже теоретическая разработка нерѣшенныхъ еще для Россіи вопросовъ фабричной санитаріи, являющейся лишь частнымъ отдѣломъ общей профессиональной гигіены, переживаетъ въ настоящее время серьезныя опасенія грядущаго кризиса. Кризисъ этотъ можетъ обнаружиться именно въ томъ случаѣ, если оправдаются слухи о предстоящемъ ограниченіи общественнаго почина по фабрично-санитарному надзору. Не меньшія опасенія должна возбуждать и передача всѣхъ относящихся сюда дѣлъ и разслѣдованій въ мѣстныя фабричныя присутствія, состоящіе почти исключительно изъ крупныхъ предпринимателей, съ сосредоточеніемъ дальнѣйшаго рѣшенія въ особомъ центральномъ органѣ, безъ участія спеціалистовъ по техникѣ и профессиональной гигіенѣ. Въ силу указанныхъ обстоятельствъ, значенія которыхъ намъ придется вполнѣ подробно коснуться, не малый интересъ возбудило извѣстіе, что на шестомъ сѣздѣ русскихъ врачей въ Кіевѣ, 21—28 апрѣля 1896 года, впервые для Россіи организуется самостоятельная секція профессиональной гигіены, хотя и подъ скромнымъ наименова-

*) Здѣсь слѣдовало бы перечислить множество интересныхъ монографическихкихъ изслѣдованій, какъ напр., диссертация д-ра Шмидта объ условіяхъ рыбнаго промысла на Волгѣ, сообщенія фабричныхъ врачей и т. д. Достаточно сказать, что русскія работы по профессиональной гигіенѣ занимаютъ видное мѣсто на международномъ литературно-научномъ рынкѣ. Къ сожалѣнію, у насъ въ Россіи нѣтъ ни малѣйшаго спроса на нихъ.

ніемъ «вопросовъ фабричной медицины», на ряду съ обсуждавшимися уже раньше на прежнихъ пироговскихъ сѣздахъ вопросами врачебнаго быта, военной, морской медицины и пр. Къ сожалѣнію, на обсужденіе текущихъ нуждъ «фабричной медицины» организаторы кievскаго сѣзда удѣлили *только одинъ часъ* въ одномъ засѣданіи. Между тѣмъ, вновь образованная секція привлекла, вопреки ожиданіямъ, значительное число отдѣльныхъ сообщений по важнѣйшимъ вопросамъ, съ практической и съ академической точки зрѣнія безусловно неотложнымъ. Не смотря на ограниченность времени занятій и неблагоприятныя внѣшнія условія (утомленіе членовъ сѣзда наканунѣ закрытія, послѣ 9-дневныхъ напряженныхъ работъ, необходимость обсуждать лишь основныя положенія докладовъ, предварительно не напечатанныхъ, безъ знакомства съ фактической мотивировкой тѣхъ или иныхъ вопросовъ), кievскій сѣздъ врачей блистательно выполнилъ, казалось бы, неразрѣшимую задачу. Конечно, онъ не имѣлъ возможности обсудить всѣ вопросы, стоявшіе въ предварительно составленной и лишь незадолго до открытія сѣзда опубликованной программѣ, но все же онъ успѣлъ придти къ опредѣленнымъ выводамъ и заключеніямъ. Выясненіе послѣднихъ и дальнѣйшее проведеніе въ практику жизни должны составить ближайшую задачу будущихъ врачебныхъ, техническихъ и торгово-промышленныхъ сѣздовъ, при непосредственномъ содѣйствіи со стороны ученыхъ обществъ по соотвѣтственнымъ специальностямъ.

Свѣдѣнія о работахъ кievскаго сѣзда врачей и о возбужденныхъ имъ ходатайствахъ вкратцѣ указаны были почти во всѣхъ ежедневныхъ періодическихъ изданіяхъ общей прессы и нѣсколько подробнѣе въ медицинскихъ журналахъ. Само собой разумѣется, немислимо ожидать появленія обширныхъ обзоровъ итоговъ дѣятельности даже нѣкоторыхъ секцій врачебнаго сѣзда, хотя бы они и представляли несомнѣнное общественное и общегосударственное значеніе. Для профессиональной же гигиены вообще и, въ особенности, для фабричной санитаріи, въ виду предстоящихъ торгово-промышленнаго и техническаго сѣздовъ во время всероссійской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ въ текущемъ году, слѣдуетъ сдѣлать исключеніе, такъ какъ и на нихъ предполагается, судя по программѣ, утвержденной министромъ финансовъ, подвергнуть обсужденію отчасти тѣ же самыя вопросы, которые уже разсматривались на кievскомъ сѣздѣ русскихъ врачей. Специально интересующіеся этимъ дѣломъ могли бы, конечно, познакомиться съ медико-санитарной стороной его изъ объемистаго тома (115 печатныхъ листовъ in quarto) «Дневника шестаго сѣзда общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова». Отважиться на это едва ли кто рѣшится, и такимъ образомъ даже для специалистовъ по фабрично-санитарнымъ вопросамъ масса фактическихъ указаній останется неизвѣстною. На торгово-промышленныхъ же сѣздахъ снова, быть

можетъ, стануть проскальзывать мнѣнія, что такое-то и такое-то заключеніе является преждевременнымъ, въ виду мнимаго отсутствія данныхъ относительно условій нашей «самобитной» русской промышленности, что выводы западно-европейской практики непримѣнимы къ русскимъ фабрикамъ и заводамъ и т. д.

Единственное засѣданіе по фабричной медицинѣ, 26 апрѣля 1896 г., было, главнымъ образомъ, посвящено обсужденію вопроса о *водоемахъ и сточныхъ заводскихъ водахъ*, преимущественно въ юго-западномъ краѣ, изобилующемъ свеклосахарными и паточно-винокурными заводами. Изъ интереснаго сообщенія В. И. Юркевича видно, что мѣстные заводы всё свои сточныя воды громадными массами спускаютъ прямо въ рѣки и пруды. Нѣкоторыя изъ статей дѣйствующихъ узаконеній, вовсе не соответствующихъ потребностямъ жизни и практическимъ указаніямъ гигиены, не достигаютъ цѣли и, за недостаткомъ санитарнаго надзора, имѣютъ «чисто теоретическое значеніе, ибо никогда и нигдѣ не соблюдались и не соблюдаются». За исполненіемъ санитарныхъ правилъ призваны слѣдить лишь чины полиціи, не компетентные въ вопросахъ санитарныхъ и по горло заваленные своей спеціальной работой, да уѣздный врачъ, физически не имѣющій возможности слѣдить за санитарнымъ состояніемъ уѣзда.

«Такимъ образомъ—замѣтилъ докладчикъ—весь санитарный надзоръ въ уѣздахъ сводится къ одной лишь формальной перепискѣ. Заводы же и фабрики безпрепятственно загрязняютъ воздухъ и воду. Только какое нибудь крупное, изъ ряда вонъ выходящее нарушеніе санитарныхъ правилъ, когда приѣтомъ еще случайно задѣваются интересы какого нибудь вліятельнаго лица, вызываетъ къ жизни санитарный уѣздный надзоръ съ цѣлою массою протоколовъ, слѣдствій и судебныхъ разбирательствъ». Какъ извѣстно, то же самое наблюдается не только въ юго-западныхъ губерніяхъ, но повсемѣстно во всей Россіи, не исключая даже и московской губерніи, хотя въ послѣдней и достигнуты уже значительные результаты въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ. Далѣе, докладчикъ отмѣтилъ активное и пассивное сопротивленіе фабрикантовъ и заводчиковъ, не только тормозящихъ заботы государства о санитарныхъ нуждахъ населенія, но доказывающихъ даже въ своихъ петиціяхъ, какъ, напримѣръ, въ официальномъ представленіи харьковскому губернатору, что «сточныя воды, вливаясь въ рѣки, полезны, въ виду того, что органическія вещества, въ нихъ заключенныя, служатъ пищею для рыбъ». Въ дѣйствительности же, какъ показали многочисленные официальные изслѣдованія въ періодъ 1878—1895 г., пруды и рѣки не очищаются, а загниваютъ, рыба въ нихъдохнетъ, и населеніе сильно страдаетъ, благодаря беззаботности предпринимателей и отсутствію спеціального фабрично-санитарнаго надзора. Послѣ краткой характеристики трехъ главныхъ категорій заводскихъ сточныхъ водъ, достигающихъ на среднемъ заводѣ, пере-

рабатывающемъ 1½ тысячи берковцевъ свеклы въ сутки, около 370 тысячъ ведеръ ежедневно, авторъ сообщенія перешелъ къ сравнительной оцѣнкѣ существующихъ способовъ обезвреживанія или очистки сточныхъ водъ (химическіе, механическіе и ирригація, или орошеніе полей). Опытъ доказалъ, что одна лишь ирригація достигаетъ цѣли, ибо всѣ другіе способы, дѣлая воду прозрачною по наружному виду, не очищаютъ ее отъ находящихся въ ней органическихъ и неорганическихъ примѣсей. Впрочемъ, въ виду разнообразныхъ условій, въ которыхъ находятся заводы, трудно установить шаблонный способъ очистки водъ. Безъ соответствующаго надзора самыя идеальныя постановленія, какъ лишній разъ подтверждаетъ приведенный въ докладѣ частный примѣръ, остаются мертвою буквою и не исполняются.

Тотъ же самый вопросъ въ общей формѣ былъ рассмотрѣнъ съ технической стороны въ докладѣ проф. А. А. Фадѣева, который предложилъ на обсужденіе шестого съѣзда врачей слѣдующіе выводы изъ своей обширной практики: 1) жидкіе фабричныя отбросы, содержащіе въ растворѣ органическія вещества, обезвреживаются наиболѣе совершенно при фильтраціи черезъ почву; 2) поля орошенія не только обезвреживаютъ растворенныя органическія, но и взмученныя органическія примѣси, которыя, смѣшиваясь съ землею, подвергаются отчасти полному окисленію, отчасти гумификаціи; 3) поля орошенія должны быть правильно устроены и эксплуатироваться; большинство же такъ называемыхъ полей и луговъ орошенія, существующихъ при сахарныхъ заводахъ, далеко не удовлетворительно; 4) съ точки зрѣнія санитарно-административной, только поля орошенія представляютъ, при существующихъ условіяхъ, полную гарантію въ томъ, что обезвреживаніе производится постоянно; 5) для громаднаго большинства русскихъ фабрикъ и заводовъ поля орошенія представляютъ не только единственный, на практикѣ выполнимый способъ обезвреживанія отбросовъ, но въ то же время устройство весьма дешевое и очень часто даже прибыльное.

Изъ интересныхъ въ спеціальному смыслѣ преній выяснилось, между прочимъ, что по отношенію къ заводскимъ спускнымъ водамъ фабричная инспекція иногда является тормазомъ. Этотъ фактъ, указанный въ докладѣ проф. Фадѣева, былъ подтвержденъ также заявленіемъ губернскаго врачебнаго инспектора д-ра П. К. Сулимы, что «дѣйствительно, администрація въ Подольской губерніи встрѣтила въ фабричной инспекціи препятствіе къ осуществленію принятыхъ на себя сахарозаводчиками обязательствъ по очисткѣ сточныхъ водъ». Секція фабричной медицины, выразивъ благодарность проф. Фадѣеву за интересный докладъ и за участіе въ засѣданіи и въ преніяхъ, приняла слѣдующія положенія доклада В. И. Юркевича: 1) санитарное состояніе селъ, деревень и мѣстечекъ юго-западнаго края, благодаря загрязненіямъ воды и воздуха, производимымъ отчасти мѣстными жителями, но, главнымъ образомъ,

сахарными и винокуренными заводами, весьма неудовлетворительно; 2) въ виду устарѣлости нашихъ санитарныхъ узаконеній, необходима выработка новыхъ законоположеній, въ которыхъ, между прочимъ, по образцу англійскаго законодательства, ясно и категорически опредѣлялся бы процентный составъ жидкостей, могущихъ быть выпускаемыми въ общественные водоемы; 3) никакія законоположенія не удовлетворяютъ санитарныхъ нуждъ безъ бдительнаго и просвѣщеннаго надзора, который долженъ быть созданъ образованіемъ санитарныхъ совѣтовъ и уѣздныхъ санитарныхъ врачей. По мнѣнію докладчика, государство должно обязать сахарные и винокуренные заводы не загрязнять общественныхъ водоемовъ, съ обязательствомъ устраивать для стока отбросовъ поглощающіе колодцы (?) или поля орошенія, или выпаривать ихъ до получения сухого остатка. Секція, не согласившись съ этимъ послѣднимъ положеніемъ, ограничилась болѣе важнымъ и общимъ постановленіемъ, а именно: просить правленіе общества русскихъ врачей, въ память Н. И. Пирогова, возбудить ходатайство *объ установленіи законодательнымъ порядкомъ нормъ для очистки сточныхъ водъ*. Къ разрѣшенію этого вопроса необходимо привлечь гигиеническія лабораторіи и техническія общества, которыя могли бы сообщить правленію соотвѣтственныя указанія въ санитарномъ и техническомъ отношеніи.

Не менѣе важные вопросы, касающіеся настоятельныхъ нуждъ фабричной санитаріи, безъ отношенія къ какой либо отдѣльной отрасли промышленности, были выдвинуты на очередь въ четырехъ докладахъ московскихъ санитарныхъ врачей В. Г. Богословскаго и А. В. Погожева: 1) по вопросу относительно необходимости ходатайства о пересмотрѣ закона 24 августа 1865 г. по обезпеченію медицинской помощи рабочимъ на фабрикахъ и заводахъ, а равно закона 3 іюня 1886 г., касающагося увольненія заболѣвшихъ заразительною болѣзнію рабочихъ съ фабрикъ и заводовъ; 2) о порядкѣ выдачи разрѣшеній на открытіе промышленныхъ заведеній въ Россіи; 3) о предполагаемыхъ измѣненіяхъ дѣйствующаго порядка изданія обязательныхъ постановленій для фабрикъ, заводовъ и пр.; 4) о мѣрахъ для развитія фабрично-санитарной техники въ Россіи. По тремъ послѣднимъ докладамъ, представляющимъ лишь болѣе подробное развитіе основныхъ положеній перваго изъ перечисленныхъ сообщеній, составленнаго особой комиссіей по порученію пятаго съѣзда русскихъ врачей, происходившаго въ Петербургѣ въ 1892 году, секція постановила ходатайствовать предъ правительствомъ въ смыслѣ выраженныхъ въ докладахъ положеній. Эти положенія имѣютъ въ виду выработанный въ настоящее время Высочайше утвержденной въ 1895 году комиссіей при министерствѣ финансовъ проектъ измѣненій дѣйствующихъ нынѣ фабрично-санитарныхъ узаконеній, — и въ главныхъ чертахъ составляютъ также сущность доклада д-ра В. Г. Богословскаго, на моти-

вахъ котораго и слѣдуетъ остановиться съ особеннымъ вниманіемъ.

Какъ извѣстно, изслѣдованія московскаго губернскаго земства выяснили чрезвычайно печальное положеніе фабричной медицины въ губерніи въ періодъ 1880—1885 гг. Въ послѣдующее, однако, десятилѣтіе (1885—1894 гг.) состояніе медицинскаго дѣла на фабрикахъ и заводахъ со 100 и большимъ числомъ рабочихъ въ московской губерніи поразительно улучшилось. По сообщенію доктора А. И. Скибневскаго на XIII губернскомъ сѣздѣ врачей московскаго земства въ сентябрѣ 1895 г.,—это улучшение выразилось фактически слѣдующимъ образомъ: 1) значительное повышеніе по губерніи врачебной помощи рабочимъ, при соотвѣстномъ ограниченіи самостоятельно дѣйствовавшаго фельдшеризма; 2) увеличеніе числа фабричныхъ врачей, живущихъ при фабрикахъ (съ 16 на 45) и акушеровъ (съ 8 на 34); 3) увеличеніе числа фабричныхъ больницъ (съ 64 до 72), родовспомогательныхъ пріютовъ (съ 9 на 34) и отдѣленій для заразныхъ больныхъ (съ пяти на тридцать четыре); 4) улучшеніе больничныхъ помѣщеній и всей больничной обстановки; 5) введеніе однообразной карточной регистраціи больныхъ въ большей части самостоятельныхъ фабрично-врачебныхъ пунктовъ и болѣе правильной медицинской отчетности; 6) болѣе широкій доступъ фабричныхъ больницъ и амбулаторій не только для фабричныхъ рабочихъ и ихъ семей, но и для окрестнаго населенія; 7) организація сельскихъ медицинскихъ участковъ при нѣкоторыхъ (восемь) фабрично-врачебныхъ пунктахъ; 8) дѣятельное участіе большей части фабричныхъ врачей въ земскихъ санитарныхъ совѣтахъ; 9) болѣе широкое распространеніе соглашенія фабрикъ и заводовъ съ земствомъ по обезпеченію рабочихъ медицинскою помощью.

Указанный прогрессъ фабричной медицины въ теченіе 10 лѣтъ обусловливался, главнымъ образомъ, четырьмя моментами: 1) изданіемъ земскихъ обязательныхъ постановленій по организаціи фабричной медицины (въ общей формѣ по губерніи въ 1886 г. и въ болѣе частной—по Богородскому уѣзду въ 1890 г.); 2) введеніемъ систематическаго надзора за исполненіемъ постановленій чрезъ земскихъ санитарныхъ врачей, безъ чего постановленія могли бы остаться мертвой буквой, какъ это и было раньше съ положеніемъ 26 августа 1866 г.; 3) учрежденіемъ земскихъ санитарныхъ совѣтовъ, объединявшихъ и направлявшихъ общественную санитарно-врачебную дѣятельность въ губерніи; 4) постоянною поддержкою предложеній земства по упорядоченію фабричной медицины со стороны губернской администраціи.

Въ докладѣ д-ра В. Г. Богословскаго проводится мысль объ отсутствіи необходимости въ измѣненіи закона 1866 г., который, возлагая обязанность по устройству медицинской помощи рабочимъ на владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ, своей общей формулировкой

даетъ лишь необходимый просторъ къ развитію его частныхъ примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, столь различнымъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Едва ли можно, однако, вполне согласиться съ мнѣніемъ докладчика, будто бы, «если обязательныя постановленія отдѣльныхъ мѣстностей будутъ разниться между собою въ частностяхъ, то въ основѣ они не могутъ быть различны по закону». Практика указываетъ, что такія частности слишкомъ рѣзко расходятся иногда между собою въ требованіяхъ отдѣльныхъ инстанцій вслѣдствіе неточной редакціи общаго закона, недостаточности или же чаще полного отсутствія фабрично-санитарной подготовки чиновъ фабричной инспекціи.

Полной аналогіи между ходомъ развитія земской медицины и фабричной санитаріи не существуетъ, вопреки основной мысли доклада. Не приходится, впрочемъ, сомнѣваться, что, дѣйствительно, устройство и развитіе фабричной медицины достигнеть такихъ же и даже болѣе видныхъ результатовъ, подъ вліяніемъ мѣстной самостоятельности по изданію мѣстныхъ обязательныхъ постановленій, опирающихся на общій законъ. Не сообщая дальнѣйшихъ подробностей доклада, укажемъ лишь заключительныя положенія его, единогласно принятыя секціей фабричной медицины и переданныя въ распорядительное собраніе шестого сѣзда врачей для возбужденія соответственныхъ ходатайствъ. Право на изданіе обязательныхъ постановленій по охраненію жизни и здоровья рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, а также въ отношеніи врачебной помощи этимъ рабочимъ, предоставляется нынѣ только присутствіямъ по фабричнымъ дѣламъ, въ то время, какъ правомъ составленія санитарныхъ обязательныхъ постановленій для фабрикъ и заводовъ пользуются общественныя, земско-думскія учрежденія (уст. о промышл. ст. 52, п. 1 и полож. о зем. учрежд. 1890 г., ст. 108, п. 6). Такимъ образомъ, устанавливается совершенно искусственное раздѣленіе правъ въ одной и той же нераздѣльной по существу области фабрично-заводскаго быта рабочихъ между двумя различными, обособленными учрежденіями. Съ другой стороны, создается то ненормальное положеніе, при которомъ обязательныя постановленія по устройству врачебной помощи рабочимъ на фабрикахъ и заводахъ издаются учрежденіемъ, въ своемъ составѣ не имѣющимъ лицъ, по научному цензу компетентныхъ въ вопросахъ здоровья (уст. пром. ст. 49). Земско-думскія же учрежденія, заведующія общественными лѣчебными заведеніями, обязанныя принимать участіе въ мѣропріятіяхъ по охраненію народнаго здоровья, заботиться о развитіи средствъ врачебной помощи населенію, изыскивать способы по обезпеченію мѣстности въ санитарномъ отношеніи (полож. о зем. учр. и город. полож. ст. 2), также уполномочены издавать обязательныя постановленія: строительныя, санитарныя, ветеринарныя и пр.

Составъ присутствій по фабричнымъ дѣламъ, призванныхъ имѣть мѣстный надзоръ за фабриками и заводами, вѣдать всѣ вопросы

фабрично-заводского быта, въ частности по охраненію жизни и здоровья рабочихъ, давно уже признанъ недостаточнымъ *). Въ немъ отсутствуютъ лица съ специальнымъ медицинскимъ образованіемъ, единственно компетентныя въ вопросахъ жизни и здоровья, а также представители земско-думскихъ учреждений, призванныхъ имѣть попеченіе о народномъ здравіи мѣстнаго населенія. Въ силу приведенныхъ мотивовъ, секція вполне присоединилась къ предложенію докладчика относительно необходимости возбудить ходатайство: 1) объ измѣненіи, или, по крайней мѣрѣ, о дополненіи ст. 2 уст. о промышленности. въ томъ смыслѣ, что право составленія обязательныхъ постановленій по охраненію жизни и здоровья рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, а также въ отношеніи врачебной помощи рабочимъ принадлежитъ также и общественнымъ, земскимъ и думскимъ учреждениямъ, по соглашенію съ присутствіями по фабричнымъ дѣламъ, на основаніи пунктовъ 12 и 13 ст. 108 полож. о зем. учрежденіяхъ; 2) о пополненіи состава присутствій по фабричнымъ дѣламъ представителями общественныхъ, земскихъ и думскихъ учреждений и врачебно-санитарныхъ организацій ихъ.

Остальные доклады, касаясь фабрично-санитарныхъ нуждъ отдельныхъ отраслей промышленности, въ то же время захватывали цѣлый рядъ общихъ вопросовъ, на которыхъ, къ сожалѣнію, секція фабричной медицины не имѣла возможности остановиться съ должнымъ, въ виду ихъ чрезвычайной важности, вниманіемъ, по недостатку времени какъ для чтенія, такъ и для обсужденія. При всемъ томъ, въ результатъ оживленныхъ преній, возбужденныхъ докладами, было признано безусловно необходимымъ ходатайствовать объ установленіи восьмичасового дня какъ на сахарныхъ, такъ и во всѣхъ наиболѣе вредныхъ и опасныхъ производствахъ, при желательности, съ санитарной и технической точки зрѣнія, общей нормировки рабочаго дня вообще на русскихъ фабрикахъ и заводахъ. Далѣе секція постановила возбудить ходатайство о возобновленіи печатанія отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ, дѣятельность которыхъ, какъ выяснилось изъ докладовъ, представляется въ настоящее время очень слабой и неудовлетворительной въ санитарномъ отношеніи. Вообще же для улучшенія фабрикъ желательно и необходимо увеличеніе числа врачей среди фабричнаго инспектората. Далѣе, секція поручила правленію Пироговскаго общества возбудить на предстоящемъ международномъ съѣздѣ врачей въ Москвѣ вопросъ о необходимости международного соглашенія по охранѣ жизни, здоровья и нравственности рабочихъ.

Одинъ изъ докладовъ (д-ра Н. И. Долгополова) заключалъ по-

*) На этотъ же недостатокъ въ русскомъ фабричномъ законодательствѣ, между прочимъ, указывается въ брошюрѣ Siegfr. Türkell «Die Arbeitsstatistik mit besonderer Berücksichtigung des österreichischen Gesetzentwurfes und der Reformanträge. Wien. 1895.

дробную характеристику условий труда и заболеваний рабочих песочно-рафинадных заводов. На основании личных четырехлетних наблюдений, в качестве фабричного врача на Дружковском заводе г. Борисовского, а также по результатам осмотра 18 других заводов, автор докладом познакомил членов съезда с современными профессионально-гигиеническими условиями песочно-рафинадного производства, с демонстрацией нескольких фотографий с натуры, образцов и пр. Другой доклад фабричного инспектора Н. Т. Рутковского (о состоянии свекло-сахарных заводов в пяти уездах Подольской губернии в отчетном 1894—95 году) вызвал весьма много возражений со стороны врачей, близко знакомых с существующими санитарными условиями заводов в Подольской губернии (местный врачебный инспектор д-р Сулима, составивший несколько обстоятельных монографий по свекло-сахарному производству, д-р Татаров и др.). Наконец, последний доклад д-ра Шперлинга (Бердичев) не был заслушан, хотя и напечатан в «Дневник» шестого киевского съезда. Материалом для этого доклада («Некоторые отступления от санитарных требований на заводах, фабриках и других промышленных заведениях и желательные мероприятия к возможному их устранению») послужили данные по г. Бердичеву, где имеется более 50 заведений, с общим числом рабочих до 3 тыс. человек. В сообщении приводятся краткие указания, заключающие в себе мало нового относительно технико-санитарных и других условий труда и заболеваемости на кожевенных заводах, на фабриках свинцовых бблиль, табачных, в лито-типографиях и др.

Возвращаясь к названному выше, обстоятельно разработанному сообщению д-ра Н. И. Долгополова, нельзя не присоединиться к основному выводу его, что необходимо серьезное изучение и выяснение условий современного сахарного производства и вредных влияний его на здоровье рабочих, в виду того, что, по числу рабочих (до 100 тыс. душ обоего пола), оно занимает в ряду других производств в России четвертое место. Притом работы на этих заводах должны быть отнесены к числу изнурительных и вредно действующих на здоровье рабочих. Множество вредных условий (непомёрно высокая температура почти во всех отделениях рафинадных и в некоторых отделениях песочных заводов, двенадцатичасовая работа в этой температурѣ, без одежды, быстрое разогревание организма рабочих вследствие чрезмерного напряжения во время работы и быстрое охлаждение во время перерыва работы на заводе, загрязнение тела и пр.) вызывает почти поголовное заболевание рабочих в период производства. Наблюдаются заболевания не только общия, но и чисто профессиональные (утолщение ключицы, уплотнения кожи, разные кожные болезни и пр.). В виду этого, желательно и необходимо ослабить вредное влияние сахарного производства на здоровье ра-

бочихъ, что должно составлять главную задачу фабричной инспекціи и фабричныхъ врачей. Это требованіе на практикѣ не всегда, однако, выполняется вслѣдствіе малочисленности чиновъ фабричной инспекціи и почти полной зависимости фабричныхъ врачей отъ заводоуправляющихъ сахарнаго производства. Такимъ образомъ, необходимо отъ имени съѣзда возбудить предъ правительствомъ, взявшимъ на себя нормировку выработки продуктовъ сахарнаго производства, ходатайство объ изданіи однородныхъ для всѣхъ сахаробаренныхъ заводовъ обязательныхъ фабрично-санитарныхъ постановленій.

Фабричная медицина и фабричная санитарія составляютъ лишь наиболѣе законный и законодательнымъ путемъ обоснованный отдѣлъ профессиональной гигиены, имѣющей вообще цѣлью изслѣдованіе вредныхъ или неблагоприятныхъ условій и обстановки той или другой работы (физической или умственной) при различныхъ категоріяхъ профессиональнаго труда. Ближайшее изученіе этихъ условій (*профессионально-гигиеническая патологія и физиологія*) ведетъ къ выясненію общихъ и частныхъ предупредительныхъ мѣръ, устраняющихъ или ослабляющихъ вредное вліяніе профессиональныхъ факторовъ (общая и частная *профессионально-гигиеническая профилактика*). При такомъ опредѣленіи, къ области профессиональной гигиены должны быть отнесены нѣсколько докладовъ также и по другимъ секціямъ шестого съѣзда русскихъ врачей въ Кіевѣ. Въ интересахъ болѣе обстоятельной разработки вопросовъ и цѣльности методовъ изслѣдованія и наблюденій, было бы крайне желательно имѣть на будущихъ съѣздахъ особую секцію профессиональной гигиены, съ подраздѣленіемъ ея на желѣзнодорожную, сельско-хозяйственную, военную, морскую и т. д.

Помимо школьной гигиены, которая, въ сущности, также имѣетъ въ виду профессиональное вліяніе умственного труда юныхъ поколѣній (сообщеніе д-ра В. П. Ассѣва — о санитарномъ надзорѣ за начальными городскими училищами со стороны общества врачей), особеннаго вниманія заслуживаютъ: три доклада въ секціи общественной медицины (объ огражденіи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ отъ поврежденія сельскими орудіями, о вліяніи отхожихъ промысловъ на санитарное положеніе Россіи, объ организаціи лѣчебно-продовольственныхъ пунктовъ для отхожихъ рабочихъ); 2) два сообщенія въ секціи вопросовъ врачебнаго быта (о взаимномъ страхованіи жизни и здоровья врачей и т. д.); 3) три доклада по военной медицинѣ (о сбереженіи силъ, здоровья и жизни людей въ походное военное время и др.); 4) два доклада по желѣзно-дорожной медицинѣ (о врачебной и санитарной дѣятельности участковыхъ желѣзно-дорожныхъ врачей). Само собой разумѣется, не приходится въ данномъ случаѣ вдаваться въ подробности, интересныя лишь для специалистовъ. Необходимо лишь имѣть въ виду, что для систематическаго развитія профессионально-гигиеническихъ зна-

ній крайне важно установить общіе методы собиранія и разработки статистическихъ данныхъ по однороднымъ программамъ. Не меньшія услуги могла бы оказать также и сравнительная оцѣнка общихъ профилактическихъ мѣръ, въ примѣненіи ихъ къ различнымъ категориямъ профессиональнаго труда.

Секція общественной медицины всецѣло присоединилась къ предложеніямъ доклада д-ра Н. И. Тезякова, исходя изъ той подробно мотивированной точки зрѣнія, что повсемѣстное и самое всестороннее *изслѣдованіе отхожихъ промысловъ* должно составлять постоянную заботу правительственныхъ и общественныхъ учреждений и медицинскихъ обществъ. Съ этой цѣлью секція постановила довести до свѣдѣнія работающихъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ комиссій по вопросамъ объ упорядоченіи движенія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и общественномъ призрѣніи—относительно безусловной необходимости, въ санитарномъ отношеніи, повсемѣстной организаціи лѣчебно-продовольственныхъ пунктовъ во всѣхъ мѣстахъ значительнаго сбора рабочихъ для найма. Даже рѣшено было возбудить ходатайство предъ правительствомъ объ улучшеніи способа перевозки рабочихъ по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ, въ смыслѣ устраненія ихъ скученности въ вагонахъ и на пароходахъ при условіи снабженія ихъ въ пути доброкачественною водою. Выяснилась также необходимость крупныя частно-владѣльческія хозяйства, какъ носящія характеръ промышленныхъ заведеній, подчинить законодательнымъ порядкомъ врачебно-санитарному надзору, подобно тому, какъ это начинается проявляться по отношенію къ фабричнымъ и промышленнымъ заведеніямъ.

По другому сообщенію того же докладчика было постановлено выработать удобную форму для регистраціи поврежденій, причиняемыхъ сельско-хозяйственными орудіями и машинами, для распространенія правилъ такой регистраціи, при содѣйствіи правленія пироговскаго общества, врачей и лицъ, специально знакомыхъ съ условіями сельско-хозяйственной промышленности. Приняты были и остальные положенія доклада, а именно: 1) ходатайствовать предъ правительствомъ о дополненіи «Положенія о наймѣ на сельскія работы» статьями, обуславливающими примѣненіе въ сельскомъ хозяйствѣ машинъ и орудій съ необходимыми приспособленіями для защиты рабочихъ отъ поврежденій; 2) рабочіе, получившіе увѣчья отъ поврежденій сельско-хозяйственными орудіями и машинами, должны имѣть право на свое обезпеченіе, причемъ вопросъ о страхованіи сельскихъ рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія и разработки со стороны правительственныхъ и общественныхъ органовъ и прессы; 3) необходимо признать неотложнымъ изданіе земствами обязательныхъ постановленій въ цѣляхъ защиты сельскихъ рабочихъ отъ разрушительнаго дѣйствія машинъ.

Въ своемъ обзорѣ мы не могли исчерпать и доли тѣхъ вопро-

совъ профессиональной гигиены, которые въ первый разъ были поставлены на очередь на послѣднемъ всероссійскомъ сѣздѣ врачей и которые предполагается подвергнуть обсужденію на предстоящихъ техническомъ и торгово-промышленномъ сѣздахъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Эти вопросы возникли далеко не случайно, не на основаніи однихъ лишь врачебно-санитарныхъ соображеній, но большую часть ихъ выдвинулъ весь ходъ промышленной жизни Россіи. Аналогичныя ходатайства, какъ извѣстно, еще раньше кіевскаго врачебнаго сѣзда были возбуждены, напримѣръ, лодзинскимъ отдѣленіемъ общества содѣйствія торговли и промышленности, московскимъ обществомъ для содѣйствія и развитія мануфактурной промышленности, профессионально-техническими сѣздами въ Россіи и т. д. Мотивы для скорѣйшаго удовлетворенія указанныхъ выше ходатайствъ заключаются не въ однихъ лишь фабрично-санитарныхъ изслѣдованіяхъ и монографіяхъ, но они доставлены еще въ большемъ количествѣ самими фабрикантами, техниками и экономистами.

По нормировкѣ рабочаго дня собранъ московскимъ мануфактурнымъ обществомъ во всѣхъ отношеніяхъ цѣнный фактическій матеріалъ, главнымъ образомъ, по прядильно-ткацкой промышленности, причѣмъ имѣется въ виду издать его отдѣльно. Спеціальная коммисія, образованная при названномъ обществѣ въ ноябрѣ 1894 г., закончила уже свои занятія и выработала проектъ ходатайства по этому предмету. Не станемъ въ данномъ случаѣ касаться сущности самаго проекта, представляющаго довольно скромныя требованія (сокращеніе рабочаго дня въ 11—12 часовъ, воспрещеніе ночныхъ работъ въ періодъ между 10 час. вечера и 4 час. утра, согласно ст. 123 уст. о промышленности, и т. д.) и вообще сходнаго съ извѣстнымъ лодзинскимъ проектомъ. Наибольшее значеніе представляетъ тотъ фактъ, что общество для содѣйствія улучшенію и развитію мануфактурной промышленности, обсудивъ вопросъ о нормировкѣ рабочаго времени, еще раньше возбужденія упомянутаго выше ходатайства на шестомъ пироговскомъ сѣздѣ русскихъ врачей въ Кіевѣ, пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ, которые мы и приводимъ дословно: 1) установившаяся на большинствѣ нашихъ фабрикъ *продолжительность рабочаго дня должна быть признана слишкомъ высокою*; поэтому, въ интересахъ предпринимателей и рабочихъ, т. е. *въ интересахъ самой промышленности*, слѣдуетъ желать, чтобы былъ изданъ законъ, нормирующій рабочее время не только женщинъ и дѣтей, но также и взрослыхъ мужчинъ; 2) въ тѣхъ производствахъ или отрасляхъ таковыхъ, гдѣ работа отличается особою интенсивностью, или гдѣ рабочіе неизбежно, вслѣдствіе свойствъ самаго производства, поставлены въ особо вредныя для здоровья условія, продолжительность рабочаго дня должна быть *понижена* (до 11 часовъ въ сутки).

Далѣе, на устраиваемомъ по Высочайшему повелѣнію во время выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ всероссійскомъ торгово-промыш-

ленномъ сѣздѣ, согласно утвержденной 8 февраля 1896 года министромъ финансовъ программѣ, имѣется въ виду «практическое выясненіе нуждъ русской промышленности» по шести отдѣламъ. Изъ общаго числа 29 вопросовъ, намѣченныхъ для обсужденія на сѣздѣ, съ точки зрѣнія профессиональной гигиены вообще и фабричной санитаріи въ частности, особеннаго вниманія заслуживаютъ шесть отдѣльныхъ пунктовъ по первому и шестому отдѣлу (по промышленности фабрично-заводской и ремесленной, а равно по техническому образованію). По этимъ пунктамъ представили уже свои заключенія первый и второй профессионально-техническіе сѣзды (въ Петербургѣ и въ Москвѣ), постановивъ возбудить цѣлый рядъ специальныхъ ходатайствъ. То же самое, какъ мы уже видѣли, сдѣлано и на шестомъ всероссійскомъ сѣздѣ врачей въ Кіевѣ. Такимъ образомъ, всѣ эти вопросы въ теоретическомъ отношеніи достаточно выяснены съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, и дѣятелямъ торгово-промышленной практики остается лишь подкрѣпить и дополнить возбужденныя уже раньше ходатайства.

Первый пунктъ официальной программы нижегородскаго сѣзда, устраиваемаго департаментомъ торговли и мануфактуръ, подъ предсѣдательствомъ члена совѣта министра финансовъ, тайнаго совѣтника Д. О. Кобеко, касается необходимыхъ измѣненій и дополненій въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ о промышленности фабрично-заводской и ремесленной. Шестой кіевскій сѣздъ врачей, какъ было уже указано выше, категорически высказался по этому предмету, подобно второму профессионально-техническому сѣзду въ Москвѣ. Московское гигиеническое общество поручило также своему совѣту внести на обсужденіе нижегородскаго сѣзда слѣдующія положенія: 1) при установленіи государственнаго надзора за фабриками и заводами желательно назначеніе лицъ съ надлежащей фабрично-санитарной подготовкой, по особому конкурсу, какъ это, напримѣръ, установлено для чиновъ фабричной инспекціи во Франціи; 2) желательно дополненіе ст. 52 уст. промышл. примѣчаніемъ, что право на составленіе обязательныхъ постановленій по охраненію жизни и здоровья рабочихъ, а равно по организаціи медицинской помощи принадлежить также и земско-думскимъ учрежденіямъ по соглашенію съ губернскими и столичными фабричными присутствіями; 3) безусловно необходимо включеніе въ составъ фабричныхъ присутствій представителей города и земства, а равно мѣстной земско-думской санитарной организаціи, съ измѣненіемъ редакціи ст. 49 и 50 уст. промышл. Остальныя пожеланія московскаго гигиеническаго общества намѣчаютъ другія очередныя нужды русской промышленности: по изданію закона объ ответственности за увѣчья и профессиональныя болѣзни, по усиленію дѣйствія ст. 220 и др. уст. пром., о порядкѣ собранія свѣдѣній по фабрично-санитарной части, по соглашенію съ гигиеническими обществами, съ установленіемъ однородныхъ программъ, о воскресномъ и праздничномъ

отдыхъ фабричныхъ рабочихъ (пунктъ девятый программы нижегородскаго сѣзда).

Пунктъ десятый программы обнимаетъ собою мѣры къ улучшенію быта рабочихъ, по предупрежденію несчастныхъ случаевъ, по обезпеченію рабочихъ и ихъ семействъ на случай старости и неспособности къ труду. Изъ такихъ мѣръ въ программѣ указываются: 1) кассы сберегательныя (Государственнаго Банка), пенсионныя, вспомогательныя, врачебной помощи и т. д.; 2) образованіе частныхъ союзовъ владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій для предупрежденія несчастныхъ случаевъ съ рабочими и профессиональных болѣзней; 3) распространеніе потребительныхъ товариществъ; 4) учрежденія для возвышенія уровня умственнаго и нравственнаго развитія рабочихъ; 5) жилия помѣщенія; 6) страхование рабочихъ.

Все это вопросы, которые давно уже рѣшены въ западно-европейской практикѣ, какъ можно убѣдиться изъ ежегодныхъ отчетовъ германскихъ и др. фабричныхъ инспекторовъ, изъ періодическихъ изданій по фабричной гигиенѣ и вспомогательнымъ учрежденіямъ для рабочихъ (Wohlfahrtseinrichtungen). Кроме того, уже въ 1890 году появилась интересная монографія Post'a и Albrecht'a (Musterstätten persönlicher Fürsorge von Arbeitgebern für ihre Geschäftsangehörigen) въ двухъ томахъ, съ массою рисунковъ и чертежей образцовыхъ учреждений для рабочихъ. Въ Россіи современные успѣхи профессиональной гигиены и прикладной техники даже въ теоріи очень мало извѣстны, не смотря на давнее существованіе ст. 221 и др. уст. промышл., содержащей прямыя указанія предпринимателямъ по улучшенію фабричнаго быта. Нижегородскій всероссійскій торгово-промышленный сѣздъ, несомнѣнно, будетъ способствовать большому распространенію у насъ въ Россіи свѣдѣній по фабричной филантропіи и западно-европейскому рабочему законодательству.

Программа этого сѣзда вновь выдвигаетъ тѣ же самые вопросы, которые лишь недавно обсуждались на профессионально-техническомъ сѣздѣ въ Москвѣ, въ Русскомъ Обществѣ охраненія народнаго здоровья (по порученію московскаго мануфактурнаго общества) и пр. Работы спеціальной комиссіи были напечатаны въ журналѣ Рус. Общ. охран. народ. здоровья (1895 г. іюль), состоящаго подъ почетнымъ предѣдательствомъ великаго князя Павла Александровича, и представляютъ рядъ подробно мотивированныхъ докладовъ по отдѣльнымъ вопросамъ. Таковы сообщенія Е. И. Дементьева—о нормировкѣ рабочаго дня на фабрикахъ; П. Г. Четруева—о вліяніи сокращенія рабочаго дня на производительность труда; А. С. Виреніуса—время, необходимое для умственной жизни рабочаго, и о вредѣ ночной работы; А. И. Эккертъ—о фабричной дѣятельности женщинъ всѣхъ возрастовъ и т. д.

Въ настоящее время членамъ предстоящаго въ Нижнемъ-Новгородѣ торговопромышленнаго сѣзда посланы уже печатные доклады

по намѣченнымъ въ программѣ вопросамъ. По ихъ содержанію, можно надѣяться, что, съ профессионально-гигіенической точки зрѣнія, работы нижегородскаго сѣзда могутъ быть весьма продуктивны. Мы вполне присоединяемся къ общепринятому мнѣнію, что всероссійская выставка показала исполнискій ростъ русской промышленности, но въ насъ должны возбуждать исключительный интересъ культурные ея итоги, обзору которыхъ мы имѣемъ въ виду посвятить нѣсколько отдѣльныхъ очерковъ. Въ настоящее же время перечислимъ лишь заглавія напечатанныхъ уже докладовъ нижегородскому сѣзду по общимъ вопросамъ, раньше уже затронутымъ сѣздами и учеными обществами по всѣмъ специальностямъ. Къ этой категоріи относятся подробныя сообщенія, изобилующія цифрами и фактическими указаніями: 1) инж.-технол. А. Быкова (фабричнаго инспектора въ Смоленской губ.)—«Какъ обезпечить воскресный отдыхъ фабричнымъ рабочимъ?» 2) инж.-технол. А. Голгофскаго—«Современный фабрично-рабочій въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи; причины, поддерживающія невысокій уровень его развитія, и мѣры къ подъему его благосостоянія»; 3) инж.-техн. В. Рюмина—«О воскресномъ и праздничномъ отдыхѣ фабричныхъ рабочихъ»; 4) инж.-технол. М. Ковальскаго—на ту же тему и другое сообщеніе того же докладчика «Мѣры для возвышенія нравственнаго и умственнаго развитія рабочихъ»; 5) инж.-техн. А. Стульчинскаго—«О восьми-и десяти-часовомъ рабочемъ днѣ и воскресномъ отдыхѣ рабочихъ на писчебумажныхъ фабрикахъ»; 6) Л. Ворокова—«Обезпеченіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ»; 7) инж.-мех. А. Микулина—«Несчастные случаи съ рабочими на фабрикахъ и заводахъ Владимірской губерніи»; 8) Сообщеніе того же автора—«О страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ и заводахъ Одесскаго градоначальства» (въ 1894—95 гг.); 9) инж.-технол. К. Краузе—«О воскресномъ и праздничномъ отдыхѣ фабричныхъ рабочихъ»; 10) технолога Н. Барышникова—«О вліяніи грамотности рабочихъ на улучшеніе фабричной промышленности» (въ Олонецкой губерніи); 11) М. Коммиссарова—«Чтенія для рабочихъ»; 12) М. Осмала—«Необходимость улучшенія питанія рабочаго обезпеченіемъ ему возможности пользоваться горячею пищею»; 13) присяж. повѣреннаго П. Соколова—«О страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ»; 14) А. П. Никольскаго—«О фабрично-заводскихъ сберегательныхъ кассахъ» и т. д. Изъ этого перечисленія можно непосредственно убѣдиться, что русская промышленность, повидимому, дѣлаетъ успѣхи не только въ количественномъ отношеніи, но и въ качественномъ, въ смыслѣ интереса специалистовъ торгово-промышленной практики къ профессионально-гигіеническимъ вопросамъ. Нельзя также не отмѣтить единодушія и связи между различными отраслями специальныхъ знаній на медицинскихъ, профессионально-техническихъ и др. сѣздахъ. Это само по себѣ является

надежной гарантіей, что намѣченные самою жизнью очередныя реформы по обезпеченію жизни, здоровья и нравственности рабочихъ въ Россіи получать надлежащее развитіе, въ особенности въ виду извѣстнаго «наказа» министра финансовъ чинамъ реформированной въ 1894 году фабричной инспекціи, именно, «что отъ качества труда рабочихъ и постановки его *въ наиболее благоприятныя условія* зависитъ процвѣтаніе нашей юной, но прочно-созидающейся фабрично-заводской промышленности».

А. В. Погожевъ.

Наше предварительное слѣдствіе.

I.

Судъ и судебное дѣло занимаютъ, въ ряду другихъ общественныхъ организацій, совершенно особое мѣсто и кореннымъ образомъ отличаются отъ всѣхъ остальныхъ видовъ общественной дѣятельности, какъ по свойству своей функціи въ обществѣ, такъ и по своему отношенію къ жизненнымъ явленіямъ, людямъ и закону. Имѣя дѣло съ фактами уже совершившимися и прилагая къ нимъ опредѣленія закона, судъ не вторгается въ дѣйствительную жизнь путемъ непосредственнаго вѣншательства, а вліяетъ на нее косвенно. Жизнь, дѣятельность государственныхъ и общественныхъ органовъ и организацій, борьба за существованіе въ частной сферѣ, погоня за успѣхомъ и счастьемъ—идутъ своимъ чередомъ, мимо суда и его органовъ, не привлекая ихъ вниманія, до тѣхъ поръ, пока въ разногласіи гамъ житейской сутолоки не послышатся такіа ноты, которыя укажутъ на нарушеніе участниками движенія нормъ и положеній; регулирующихъ движеніе и опредѣляющихъ для него извѣстныя границы и формы. Только въ моменты такихъ нарушенийъ судъ выходитъ изъ своего пассивнаго состоянія и проявляетъ свою дѣятельность тѣмъ, что устанавливаетъ вѣншія, фактическія формы нарушенія и даетъ имъ правовую квалификацію. Закончивъ съ однимъ случаемъ, онъ возвращается опять къ своему наблюдательному посту до слѣдующаго нарушенія, и т. д.

Однако, цѣна и значеніе этой дѣятельности не исчерпываются непосредственной функціей суда — возстановленіемъ нарушеннаго права и закона. Вліяніе суда идетъ гораздо дальше и глубже. Являясь единственнымъ общественнымъ органомъ, который не участвуетъ, какъ таковой, въ настроеніяхъ минуты, который, стоя въ сторонѣ отъ движенія, руководствуется въ

своей дѣятельности исключительно опредѣленіями права и закона, судъ издавна создалъ для себя спеціальную роль главнаго проводника въ жизнь того уваженія къ закону и правдѣ, которое составляет самое характерное отличіе цивилизованнаго общества отъ первобытной толпы. Въ залѣ суда человѣкъ чувствуетъ себя на почвѣ нейтральной, внѣ вліянія обыкновенныхъ человѣческихъ страстей и интересовъ. Здѣсь, въ судебныхъ рѣшеніяхъ и приговорахъ, въ предшествующихъ имъ судебныхъ преніяхъ, какъ и во всемъ характерѣ судебного дѣла, онъ черпаетъ опредѣленія праваго и не праваго, законнаго и не законнаго. Полученные здѣсь уроки онъ, иногда безъ яснаго сознанія, прилагаетъ къ дѣлу, проводитъ въ жизнь, пропагандируетъ въ своей обычной житейской сферѣ. И такимъ способомъ начала законности и правды медленно, но постоянно распространяются въ толпѣ, для правового развитія которой почти не существуетъ иныхъ путей. Эта вторая роль суда, какъ разсадника закономѣрныхъ понятій въ обществѣ, ничуть не меньше, а можетъ быть, и важнѣе его непосредственныхъ функцій. Правильно организованный судъ, въ особенности судъ гласный, для всѣхъ открытый, безъ преувеличенія можетъ быть названъ бесплатнымъ, всѣмъ доступнымъ народнымъ университетомъ, изъ котораго люди всѣхъ состояній и положеній выносятъ основныя начала гражданскихъ правъ и обязанностей. Понятно, что значеніе суда, положительный или отрицательный результатъ его дѣятельности, находятся въ зависимости отъ его организаціи, отъ тѣхъ условій, въ которыя онъ поставленъ. Поскольку вліяніе его можетъ быть благотворно при правильномъ устройствѣ, настолько же серьезенъ вредъ, который онъ можетъ принести, если дѣятельность его обставлена неудовлетворительно и неразумно. Чтобы понять это, достаточно вспомнить послѣднія десятилѣтія дѣйствія печальной памяти дореформеннаго суда.

Соображенія эти о значеніи суда, какъ серьезной общественной силы, не представляютъ, конечно, ничего новаго, и повтореніе ихъ въ другое время было бы совершенно излишне и даже не очень удобно. Но мы живемъ, кажется, въ такой историческій періодъ, когда не только позволительно выдвигать такіе тризмы, но и необходимо по возможности чаще обращать на нихъ вниманіе общества.

Въ настоящихъ замѣткахъ мы имѣемъ въ виду коснуться только одного момента въ судебномъ процессѣ, но момента весьма существеннаго — именно порядковъ предварительнаго слѣдствія по уголовнымъ дѣламъ.

Въ послѣднее время отмѣчено было не мало фактовъ, указывающихъ на недостатки нашей слѣдственной процедуры. Очень интересно выяснитъ, въ чемъ же именно лежатъ источники этихъ недостатковъ.

Слѣдственные порядки не были неизмѣнными со времени из-

данія судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. Послѣдующая практика и дополнительныя, частныя узаконенія измѣнили и прибавили очень многое къ тому, что было дано уставомъ уголовного судопроизводства. Поэтому мы прежде всего рассмотримъ постановленія судебныхъ уставовъ, касающіяся предварительнаго слѣдствія въ ихъ *первоначальномъ* видѣ. Затѣмъ мы коснемся позднѣйшихъ наслоеній въ слѣдственныхъ порядкахъ. Тогда намъ легче будетъ ориентироваться въ вопросѣ: гдѣ слѣдуетъ искать причины ненормальныхъ явленій, такъ часто обнаруживавшихся за послѣдніе годы въ нашемъ слѣдственномъ производствѣ—въ первоначальныхъ ли предначертаніяхъ законодательства, какъ они выразились въ судебныхъ уставахъ 20 ноября, или же въ томъ направленіи, которое придано было дѣятельности образованныхъ на основаніи судебныхъ уставовъ установленій, вѣдающихъ дѣло предварительнаго слѣдствія.

II.

Задача уголовного суда вообще и предварительнаго слѣдствія въ частности сводится къ тому, чтобы обнаружить и подвергнуть наказанію нарушителя закона. Но законодательство о предварительномъ слѣдствіи не можетъ ограничиваться только указаніями, касающимися одной этой непосредственной задачи слѣдственныхъ дѣйствій: какъ ни вредны для общества нарушенія закона преступниками, но иныя мѣры, принимаемыя для обнаруженія ихъ, могутъ быть еще вреднѣе, и при отсутствіи извѣстныхъ гарантій, дѣятельность представителей общественной власти, вѣдающихъ это дѣло, можетъ быть крайне неудобною и даже опасною. Поэтому съ первыхъ же шаговъ уголовного процесса къ основной цѣли его—обнаруженію виновнаго—привзошла другая цѣль: обставить возможными гарантіями самого виновнаго и общество отъ произвола и насилія слѣдственныхъ и судебныхъ органовъ. Значеніе этихъ гарантій замѣчается весьма явственно при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ исторіей. Періоды энергическаго прогрессивнаго движенія сказываются всегда усиленіемъ, дальнѣйшей разработкой старыхъ судебныхъ гарантій, созданіемъ новыхъ и ревнивымъ охраненіемъ ихъ въ примѣненіи къ текущей дѣятельности. Въ моменты паденія общественнаго настроенія, напротивъ, существующія гарантіи отминаятся, насколько возможно безъ серьезнаго риска, и главенствующее положеніе получаетъ цѣль обнаруженія преступника, съ каковымъ бы ущербомъ для общества это ни достигалось; обезпеченность личности и увѣренность въ завтрашнемъ днѣ теряется, создается атмосфера какой то неустойчивости и растерянности.

Положенія устава уголовного судопроизводства относительно предварительнаго слѣдствія распадаются, соответственно двумъ указаннымъ цѣлямъ, на двѣ весьма не равныя части. Меньшая часть трактуетъ о правахъ и обязанностяхъ судебного слѣ-

дователя по принятію мѣръ для обнаруженія виновнаго. По смыслу этой части устава, слѣдователь предпринимаетъ собственною властью всѣ мѣры, необходимыя для производства слѣдствія, за исключеніемъ тѣхъ, въ коихъ власть его положительно ограничена закономъ; онъ долженъ принимать мѣры для собранія доказательствъ и сохраненія слѣдовъ преступленія, такъ же какъ и для обезпеченія могущаго возникнуть гражданскаго взысканія; можетъ провѣрять, дополнять и отмѣнять дѣйствія полиціи по дознанію, а также давать ей порученія; въ случаѣ сопротивленія, имѣетъ право требовать содѣйствія гражданскаго и военнаго начальства, а также и околныхъ людей; можетъ производить осмотры и освидѣтельствованія, обыски и выемки; призывать повѣсткою обвиняемаго или подвергать его приводу; принимать по отношенію къ обвиняемому мѣры для воспрепятствованія ему уклоненія отъ слѣдствія; допрашивать свидѣтелей и производить дознаніе чрезъ околныхъ людей.

Перечисленныя законоположенія, опредѣляющія дѣйствія слѣдователя въ интересахъ обнаруженія преступника, не заключаютъ въ себѣ никакихъ особенностей, присущихъ исключительно Уставу. Давнымъ давно предварительное слѣдствіе пользовалось всѣми перечисленными способами для разясненія обстоятельствъ уголовнаго дѣла. Съ того времени, какъ судебныя испытанія огнемъ и водой, судъ божій отошли въ область преданій, коренныхъ измѣненій въ этой сферѣ почти не произошло. И въ старомъ сводѣ, которымъ руководствовался дореформенный судъ, тѣ же правила перечислены почти въ томъ же видѣ и даже приблизительно въ томъ же порядкѣ. Движеніе законодательства почти не затронуло этой части правилъ и цѣликомъ выразилось въ коренномъ измѣненіи законоположеній, составляющихъ гарантію для обвиняемаго и обывателя противъ произвола и тенденціозности производящаго слѣдствіе. Уже самая многочисленность и детальная разработка законоположеній этого втораго рода въ уставѣ доказываютъ, что законодатель придавалъ имъ громадное, исключительное значеніе. Оно и понятно. Перечисленныя правила, опредѣляющія права слѣдователя, формулированы въ такомъ общемъ, неопредѣленномъ видѣ, что, не будъ рядомъ цѣлой системы ограниченій, власть и произволъ его не знали бы предѣловъ, и онъ, вмѣсто безпристрастнаго собирателя, матеріала по уголовному дѣлу, явился бы неограниченнымъ хозяиномъ всего и всѣхъ, имѣющихъ какое либо отношеніе къ слѣдствію. Для характеристики положенія общества при недостаточности гарантій отъ слѣдовательскаго произвола, достаточно вспомнить многочисленные казусы дореформеннаго прошлаго, описанные въ воспоминаніяхъ и воспроизведенные художниками слова и кисти. На каждомъ шагѣ встрѣчались дутыя слѣдствія, искусственно созданныя единственно затѣмъ, чтобы запутать такого-то и вымучить изъ него известный кушъ; привлеченія къ слѣдствію такихъ лицъ, которыя

не имѣють ровно никакого къ нему отношенія, съ цѣлями, не имѣющими ничего общаго съ правосудіемъ. Бывало даже, что такое невинное дѣло, какъ вызовъ и допросъ свидѣтелей, служило источникомъ солидныхъ доходовъ для слѣдователей и тяжелыхъ страданій для обывателя.

Такимъ образомъ, вся суть реформы 1864 г., по отношенію къ предварительному слѣдствію, заключается въ установленіи подробной и сложной системы правилъ относительно правъ лицъ, приходящихъ въ соприкосновеніе съ слѣдствіемъ, и возможности отстоять эти права на законной почвѣ. Къ изложенію этихъ правилъ мы и приступимъ теперь.

Первое по мѣсту, занимаемому въ уставѣ, и весьма важное по своему значенію, правило опредѣляетъ точно и неизменно порядокъ подсудности уголовныхъ дѣлъ и мѣсто производства слѣдствія. Всякое преступное дѣяніе изслѣдуется въ той мѣстности, гдѣ оно учинено, и судится въ томъ судѣ, коему мѣстность сія подвѣдомственна. Исключеній изъ этого общаго правила законъ допускаетъ весьма немногo, и притомъ исключенія эти зависятъ не отъ усмотрѣнія того или другого лица или учрежденія, а отъ наличности такихъ обстоятельствъ, которыя дѣлають примѣненіе основнаго правила или невозможнымъ, или крайне неудобнымъ. Серьезное значеніе твердаго правила въ этомъ отношеніи понятно само собою. При отсутствіи такого правила, разрѣшайся этотъ вопросъ какимъ либо учрежденіемъ или должностнымъ лицомъ, получила бы возможность, для дѣлъ сенсаціонныхъ, затрогивающихъ интересы сильныхъ и вліятельныхъ лицъ, устранить отъ производства слѣдствія лицо нежелательное и добиться передачи дѣла человѣку оговорчивому. О безпристрастіи въ слѣдствіи при такихъ условіяхъ трудно было бы говорить.

Другою существенною чертою установленныхъ уставомъ уголовного судопроизводства порядковъ является точное опредѣленіе границъ для дѣятельности полиціи, какъ до передачи дознанія слѣдователю, такъ и во время слѣдствія. Довольно долго и послѣ введенія реформы полиція стремилась сохранить за собою прежнее положеніе въ уголовныхъ дѣлахъ, и первымъ дѣятелямъ новаго суда, пришлось не мало поработать, чтобы заставить полицейскія власти держаться на строгой законной почвѣ и не вторгаться въ такія сферы, которыя составляютъ дѣло исключительно судебное. Не легка была эта борьба—и побѣда могла быть одержана, только благодаря недопускающей сомнѣній, опредѣлительности закона и неослабной энергіи перваго поколѣнія дѣятелей суда, недопускавшихъ никакихъ компромиссовъ.

Немногочисленныя статьи устава, относящіяся къ дѣятельности полиціи по уголовнымъ дѣламъ, указываютъ роль ея съ такою опредѣленностію, какая только возможна въ данномъ случаѣ. О всякомъ происшествіи, заключающемъ въ себѣ признаки преступленія,

полиція немедленно, и никакъ не позже *сумокъ*, сообщаетъ слѣдователю и прокурорскому надзору; если ни того, ни другого нѣтъ на мѣстѣ, она приступаетъ къ дознанію; если признаки преступленія сомнительны, или свѣдѣнія, полученныя ею, не вполне достовѣрны, она должна удостовѣриться въ наличности преступленія; свѣдѣнія при производствѣ дознанія она получаетъ посредствомъ розысковъ, словесныхъ разспросовъ и негласныхъ наблюдений, не производя ни обысковъ, ни вымоковъ въ домахъ; только въ извѣстныхъ случаяхъ, за отсутствіемъ судебного слѣдователя, можно производить осмотры, освидѣтельствованія, обыски и даже формальные допросы, но съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, установленныхъ для предварительнаго слѣдствія; для пресѣченія подозрѣваемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія, полиція можетъ принимать установленныя мѣры только въ опредѣленныхъ, указанныхъ въ законѣ случаяхъ; произведенное дознаніе она передаетъ слѣдователю; а если послѣдній прибудетъ на мѣсто до окончанія дознанія, она прекращаетъ свои дѣйствія до полученія особыхъ порученій.

Обращаясь затѣмъ къ организаціи самаго слѣдствія, необходимо остановиться на первомъ и основномъ положеніи закона, который устраняетъ всякую возможность произвольнаго возбужденія слѣдствія. «Предварительное слѣдствіе, — говоритъ законъ, — не можетъ быть начато судебнымъ слѣдователемъ безъ законнаго къ тому повода и достаточнаго основанія». Въ мотивахъ къ этому закону, составители поясняютъ: «существовавшее до сего времени неограниченное право установленныхъ властей начинать слѣдствія по своему усмотрѣнію или произволу и продолжать оныя до тѣхъ поръ, пока самъ слѣдователь не признаетъ ихъ оконченными, принадлежать къ главнѣйшимъ чертамъ чисто слѣдственаго или инквизиторіальнаго судопроизводства. Въ семъ отношеніи наши законы полагали нѣкоторое ограниченіе, постановляя, что по извѣщеніямъ и доносамъ неосновательнымъ, а равно и по слухамъ безъ достаточныхъ уликъ, не должно начинать слѣдствія. Но сіе ограниченіе совершенно уничтожилось другимъ правиломъ, на основаніи коего полиція и слѣдователи должны были приступать къ слѣдствію по всякому свѣдѣнію, дошедшему къ нимъ какъ о явномъ преступленіи, такъ и о такихъ происшествіяхъ, о которыхъ безъ предварительнаго слѣдствія нельзя заключить, случайно ли они учинились или по какому либо умыслу. Сіе послѣднее правило, которое, впрочемъ, въ самъ общемъ и неопредѣленномъ видѣ появилось въ первый разъ лишь въ сводѣ законовъ, давало сначала полиціи, а потомъ и слѣдователямъ неограниченное право приступать къ слѣдствію по каждому, хотя бы самому неосновательному свѣдѣнію, и даже безъ всякаго свѣдѣнія. Должно полагать, что настоящею цѣлію сего постановленія было: вмѣнить полиціи въ обязанность, не оставлять безъ вниманія доходящихъ до нея свѣдѣній и стараться узнать о нихъ положительнѣе; но выраженіе *приступаетъ къ слѣд-*

ствію давало сему правилу совершенно иное значеніе. Уполномоченная къ упоминаемому въ сей статьѣ *предварительному слѣдствію*, полиція считала и могла себя считать въ правѣ принимать всѣ тѣ мѣры, которыя указаны въ раздѣлѣ о предварительномъ слѣдствіи: входить въ домъ частнаго лица, производить осмотры, обыски, приводить его къ допросу и даже брать подъ стражу. Все это дѣлалось на основаніи вышеозначеннаго постановленія закона, которое такимъ образомъ нерѣдко бывало предлогомъ къ злоупотребленіямъ. Сія неопредѣленность закона имѣла съ тѣмъ вмѣстѣ и другія, противныя вышеозначеннымъ послѣдствія, именно, что и при самыхъ основательныхъ поводахъ къ началію уголовного судопроизводства, къ оному или вовсе не приступали, или же и приступивъ, самовольно прекращали его».

Къ словамъ этимъ прибавить нечего; они съ достаточной яркостью рисуютъ, какую благодарную почву для произвола и злоупотребленія представлялъ дореформенный порядокъ, и какое коренное измѣненіе въ судьбѣ и направленіи слѣдствія произвело одно только требованіе необходимости извѣстныхъ условій для начала предварительнаго слѣдствія. Немного нужно воображенія, чтобы представить себѣ,—во что обходилось для обывателя такое дискреціонное право полицейскаго чина возбуждать слѣдствіе по слухамъ, безыменнымъ доносамъ и т. п., въ особенности въ виду обширныхъ полномочій, которыми законъ облакалъ его.

По мысли закона, выраженной въ 262 ст., слѣдствіе можетъ быть начато только при наличности двухъ условій: достаточнаго основанія и законнаго повода. Основаніемъ для производства слѣдствія, первымъ, кореннымъ для этого условіемъ должно служить, конечно, присутствіе въ фактахъ, дошедшихъ до свѣдѣнія слѣдователя, состава преступленія, т. е. такихъ событій, которыя запрещены закономъ подъ страхомъ наказанія. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ приступить къ слѣдствію, слѣдователь обязанъ разрѣшить вопросъ, надъ которымъ въ старину задумываться не было надобности,—вопросъ о томъ, заключаются ли въ сообщенномъ ему матеріалѣ такія событія, которыя должны быть признаны преступленіемъ—и какимъ именно. Разрѣшеніе этого вопроса иногда не такъ легко и просто, какъ кажется съ перваго взгляда. Существуетъ множество преступленій, которыя довольно трудно распознать въ своеобразныхъ иногда комбинаціяхъ жизни. А для опредѣленія подсудности дѣла требуется иногда опредѣлить не только родъ преступленія, но и разновидность, т. е. мелкія индивидуальныя его свойства. Особую трудность для распознаванія представляютъ преступленія, стоящія на границѣ уголовно-наказуемыхъ дѣйствій и гражданскихъ правонарушеній, какъ самоуправство, присвоенія, нѣкоторые виды подлоговъ, мошенничествъ и т. п. Точно также не легко бываетъ иногда отличить, напр., кражу отъ грабежа, съ одной стороны, и самоуправство отъ присвоенія—съ другой. Этой трудностью и объяс-

яются такія не особенно рѣдкія явленія, что уголовное дѣло проходитъ чрезъ всѣ судебныя инстанціи, вызываетъ массу труда со стороны судебныхъ дѣателей и причиняетъ не мало хлопотъ и неприятностей заинтересованнымъ лицамъ, а въ концѣ концовъ сенатъ уничтожаетъ все производство и признаетъ, что въ фактахъ дѣла не заключается признаковъ какого бы то ни было преступленія. Такой исходъ далеко не всегда указываетъ на злоупотребленіе или неряшливое отношеніе къ дѣлу; чаще онъ является результатомъ указанной трудности распознаванія нѣкоторыхъ видовъ преступленій.

Но, такъ или иначе, слѣдователь опредѣлилъ, что въ полученныхъ имъ свѣдѣніяхъ есть признаки преступленія, подсуднаго окружному суду. Для того, чтобы приступить къ слѣдствію, ему необходимъ еще, такъ называемый, *законный поводъ*, т. е. нужно, чтобы свѣдѣніе о преступленіи дошло до него извѣстными, установленными закономъ путями или способами. Такихъ путей пять: объявленія и жалобы частныхъ лицъ, сообщенія полиціи, присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, явка съ повинною, возбужденіе дѣла прокуроромъ и возбужденіе дѣла по непосредственному усмотрѣнію слѣдователя. Свѣдѣніе о преступленіи, дошедшее до слѣдователя внѣ этихъ путей, не можетъ служить законнымъ поводомъ для начала слѣдствія. Такимъ правиломъ настойчиво и опредѣлительно устраняются изъ сферы слѣдствія и суда слухи, сплетни, анонимы, игравшіе несомнѣнно громадную роль въ до-реформенное время и причинявшіе обществу не мало хлопотъ и бѣдъ.

По отношенію къ дѣятельности слѣдователя по производству самаго слѣдствія, мы находимъ во главѣ соотвѣтственной части устава коренное требованіе, которое всегда должно присутствовать въ умѣ слѣдователя при всякомъ шагѣ его по слѣдствію и которое придаетъ его дѣятельности вполне опредѣленный судейскій характеръ; это—требованіе ст. 265, по которой «слѣдователь обязанъ, при производствѣ слѣдствія, съ полнымъ безпристрастіемъ приводить въ извѣстность какъ обстоятельства, уличающія обвиняемаго, такъ и обстоятельства, его оправдывающія». Вмѣстѣ съ тѣмъ законъ обставляетъ отдѣльныя слѣдственные дѣйствія такими формальностями, которыя должны способствовать наибольшему ихъ безпристрастію. Такъ, всѣ осмотры и освидѣтельствованія, производятся-ли они слѣдователемъ непосредственно, или чрезъ свѣдущихъ людей, дѣлаются не иначе, какъ въ присутствіи понятыхъ, т. е. постороннихъ, не причастныхъ къ дѣлу лицъ; причѣмъ дѣйствія эти производятся, кромѣ экстренныхъ случаевъ, днемъ, и при нихъ могутъ присутствовать всѣ участвующія въ дѣлѣ лица. О томъ, что оказалось по осмотру, составляется на мѣстѣ протоколъ, который прочитывается присутствующимъ и ими подписывается.

Рядъ специальныхъ указаній опредѣляетъ особый порядокъ

освидѣтельствования лицъ женскаго пола, гарантирующій отъ оскорбленія естественной женской стыдливости.

При слѣдствіи часто представляется надобность произвести обыскъ въ тѣхъ или другихъ помѣщеніяхъ для обнаруженія необходимыхъ или интересныхъ для дѣла предметовъ. Надобность эта подлежитъ, конечно, удовлетворенію; но при всемъ томъ она составляетъ одну изъ самыхъ тяжелыхъ функцій какъ для слѣдователя, такъ въ особенности для обывателя. Обыскъ является рѣзкимъ, грубымъ вторженіемъ въ интимную жизнь частнаго лица, и злоупотребленіе этимъ слѣдственнымъ орудіемъ можетъ надѣлать не мало бѣдъ. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что въ обыденной жизни одинъ голый фактъ обыска, безъ всякаго отношенія къ его результатамъ, считается уже позоромъ, пятномъ, которое смывается и забывается съ большимъ трудомъ. Поэтому всѣ законодательства стремятся настойчиво обставить эту тяжелую мѣру всеми возможными гарантіями. Указанія въ такомъ направленіи находятся и въ нашемъ уставѣ. Обыски должны производиться лишь въ случаѣ основательнаго подозрѣнія, что въ данномъ мѣстѣ скрыты—обвиняемый или предметъ преступленія, или вещественныя доказательства, необходимыя для объясненія дѣла; производятся они при понятыхъ и при хозяинѣ дома или при комъ либо изъ старшихъ домашнихъ; присутствовать могутъ всѣ участвующія въ дѣлѣ лица; но посторонніе люди ни въ чье жилище, безъ согласія хозяина, не допускаются; обыски производятся днемъ, а если дѣлаются ночью, то въ протоколѣ должна быть объяснена причина этого; понятымъ и хозяину объявляется при этомъ, по какому дѣлу предпринимается обыскъ и съ какою именно цѣлью; рекомендуется избѣгать, при обыскѣ въ запертыхъ помѣщеніяхъ, напраснаго ихъ поврежденія; обыскъ въ бумагахъ подозрѣваемаго лица долженъ быть производимъ съ крайнею осторожностію, безъ оглашенія обстоятельствъ, не относящихся къ слѣдствію, а отбирать и прилагать къ дѣлу слѣдуетъ только бумаги необходимыя, которыя и предъявляются понятымъ и другимъ присутствующимъ при обыскѣ лицамъ.

Порядокъ *вызова* обвиняемаго къ слѣдствію или привода его въ случаѣ неавки обставленъ цѣлымъ рядомъ извѣстныхъ формальностей, устраняющихъ, съ одной стороны, произволъ исполнителей, а съ другой—гарантирующихъ возможную мягкость пріемовъ по отношенію къ обвиняемому. Формы вызова при этомъ не измѣняются, какихъ бы званій, чиновъ и личныхъ преимуществъ ни были обвиняемые. Въ случаѣ болѣзни обвиняемаго, допросъ его долженъ быть произведенъ въ его жительство. Точно также законъ опредѣляетъ подробно и порядокъ первоначальнаго допроса обвиняемаго. Прежде всего слѣдователь обязанъ допросить обвиняемаго немедленно и никакъ не позже сутокъ послѣ явки или привода его. Если допросъ не снятъ въ теченіе первыхъ двѣнадцати часовъ послѣ явки или привода, то о причинахъ этого долженъ быть со-

ставленъ протоколъ, копія котораго выдается обвиняемому по его требованію. Если слѣдователь не прибудетъ въ теченіе сутокъ для допроса обвиняемаго, то полиція составляетъ объ этомъ протоколъ, и обвиняемый вправе дать полиціи свои объясненія, которыя и заносятся въ протоколъ, а если изъ объясненій этого окажется, что обвиняемый задержанъ по ошибкѣ или недоразумѣнію, то полиція обязана его освободить. Слѣдователь не долженъ помогать сознанію обвиняемаго ни обѣщаніями, ни ухищреніями, ни угрозами или тому подобными мѣрами вымогательства. Если обвиняемый откажется отвѣчать на вопросы, то слѣдователь, отмѣтивъ о томъ въ протоколѣ, изыскиваетъ другія законныя средства къ открытію истины.

По отношенію къ каждому обвиняемому должна быть принята при слѣдствіи какая либо мѣра для воспрепятствованія уклоненію отъ слѣдствія. Такихъ мѣръ установлено шесть: отобраніе вида на жительство или обязаніе подпискою о неотлучкѣ съ мѣста жительства, отдача подъ особый надзоръ полиціи, отдача на поруки, взятіе залога, домашній арестъ и взятіе подъ стражу. Законъ подробно регламентируетъ, — въ какихъ случаяхъ и при какихъ обвиненіяхъ можетъ быть принята та или другая мѣра, и при этомъ обязываетъ слѣдователя, при избраніи мѣры пресѣченія, принимать въ соображеніе не только строгость наказанія, но также силу представляющихся противъ обвиняемаго уликъ, возможность скрыть слѣды преступленія, состояніе здоровья, полъ, возрастъ и положеніе обвиняемаго въ обществѣ. При заключеніи обвиняемаго подъ стражу, слѣдователемъ составляется особое постановленіе, которое предъявляется обвиняемому въ теченіе сутокъ со времени задержанія и въ копіи доставляется въ мѣсто заключенія.

О всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ слѣдователь составляетъ протоколы, которые подписываются всѣми присутствующими при тѣхъ дѣйствіяхъ лицами. Стороны имѣютъ право требовать выдачи копій протоколовъ. Когда слѣдствіе окончено, слѣдователь предъявляетъ обвиняемому производство и затѣмъ объявляетъ о дальнѣйшемъ направленіи дѣла. Но если при этомъ обвиняемый укажетъ новыя обстоятельства, имѣющія значеніе для предмета дѣла, слѣдователь обязанъ провѣрить ихъ.

Одно изъ самыхъ существенныхъ средствъ для борьбы противъ произвола и насилія какъ въ сферѣ предварительнаго слѣдствія, такъ и въ другихъ областяхъ, составляетъ установленная закономъ система обжалованія дѣйствій должностнаго лица или учрежденія и порядокъ разрѣшенія такихъ жалобъ. Уставъ въ этомъ отношеніи даетъ самыя широкія права всѣмъ, чьи интересы могутъ быть нарушены. Общее положеніе, выраженное въ ст. 491, не оставляетъ желать ничего большаго. «Участвующія въ дѣлѣ лица, говорить этотъ законъ, могутъ приносить жалобы на всякое слѣдственное дѣйствіе, нарушающее или стѣсняющее ихъ права». Рядъ дальнѣй-

ших постановленій устанавливають подробности порядка обжалованія.

Намъ остается коснуться еще одного вопроса высокой важности, именно вопроса о положеніи слѣдователя — на почвѣ закона, конечно—по отношенію къ разнымъ органамъ власти, съ которыми ему приходится имѣть дѣло при производствѣ слѣдствія. Отношенія его къ суду опредѣляются весьма точно и выражаются въ контролѣ суда при разсмотрѣніи всякаго рода жалобъ на его дѣйствія. Власть суда, какъ непосредственнаго его начальника, выражается въ отмѣнѣ принятыхъ имъ по слѣдствію мѣръ и, въ крайнихъ случаяхъ, даже передачѣ слѣдствія другому слѣдователю. По поводу дѣйствій слѣдователя судомъ можетъ быть возбуждено дисциплинарное или даже уголовное противъ него преслѣдованіе. Но все это возможно только тогда, когда вопросъ о дѣйствіяхъ его возбужденъ или жалобой, или предложеніемъ прокурорскаго надзора. Непосредственно вторгаться въ слѣдствіе, вѣвъ этихъ путей, судъ права не имѣетъ, да не имѣетъ и возможности. Стало быть, и посягновеній съ этой стороны на самостоятельность слѣдователя быть не можетъ.

Администрація вообще и полиція въ особенности поставлены закономъ по отношенію къ слѣдователю въ такое положеніе, что вліяніе ихъ на направленіе слѣдствія можетъ имѣть мѣсто только въ исключительныхъ случаяхъ, въ силу личныхъ свойствъ слѣдователя. Законной почвы для такого вліянія уставъ не даетъ. Администрація обязана исполнять законныя требованія слѣдователя, а полиція производить дознанія, передаетъ ихъ слѣдователю и затѣмъ исполняетъ его порученія по собиранію свидѣній и розыску. Другого участія въ слѣдствіи и она не имѣетъ и имѣть не можетъ.

Посмотримъ, наконецъ, каково по закону положеніе слѣдователя относительно единственной власти, принимающей непосредственное участіе въ слѣдствіи,—прокурорскаго надзора. По отношенію къ первому и самому важному акту слѣдствія, возбужденію и началу его, роль прокуратуры, какъ мы видѣли, довольно скромная: предложеніе прокурора является однимъ изъ пяти законныхъ поводовъ для начатія слѣдствія. И при этомъ поводъ этотъ не имѣетъ никакого преимущества передъ остальными четырьмя такими же законными поводами. Какъ тамъ, такъ и при прокурорскомъ предложеніи, слѣдователь не только не обязанъ, но и не имѣетъ права приступить къ слѣдствію, если въ фактахъ, изложенныхъ въ предложеніи, не заключается основанія для слѣдствія, т. е. состава какого либо преступленія. Причемъ вершителемъ вопроса—существуютъ ли въ фактахъ предложенія признаки какого либо преступленія—можетъ быть только слѣдователь, мнѣніе и распоряженіе котораго въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ слѣдствія, можетъ быть отмѣнено единственно судомъ вслѣдствіе жалобы. При производствѣ уже возникшаго слѣдствія, взаимныя отношенія прокуратуры и слѣдователя рисуются въ такомъ видѣ. Прокуроры имѣютъ

право присутствовать при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ и разсматривать на мѣстѣ подлинное производство, не останавливая, однако, хода слѣдствія. По всѣмъ предметамъ, относящимся къ изслѣдованію преступленія и къ собранію доказательствъ, слѣдователь исполняетъ законныя требованія прокурора; а при невозможности исполнить ихъ увѣдомляетъ его объ этомъ. При арестованіи обвиняемаго, слѣдователь объ основаніяхъ такого распоряженія увѣдомляетъ ближайшее лицо прокурорскаго надзора, которое можетъ требовать принятія менѣе строгой мѣры; также увѣдомляетъ и о причинахъ, по которымъ не взять или освободить изъ подъ стражи обвиняемый въ извѣстнаго рода серьезномъ преступленіи. Но хотя прокуроръ и имѣетъ право предложить о задержаніи обвиняемаго, оставленнаго на свободѣ или освобожденнаго изъ подъ стражи, однако если слѣдователь не согласенъ съ такимъ распоряженіемъ, то, не исполняя его, представляетъ о томъ суду. Прокуроръ можетъ требовать дополненія слѣдствія по сдѣланнымъ имъ указаніямъ, хотя бы слѣдователь и призналъ слѣдствіе конченнымъ.

Изъ этого перечня правъ прокуратуры въ періодъ производства слѣдствія представляется очевиднымъ, что законъ, опредѣляя съ точностью эти права, совсѣмъ не имѣлъ въ виду дать ей особое доминирующее положеніе и въ особенности предоставить право и возможность производить на слѣдователя давленіе и давать направленіе слѣдствію по существу. Роль ея исчерпывается ея положеніемъ стороны плюсъ право ея, какъ представительницы интереса государственнаго.

Таковы въ общихъ чертахъ тѣ условія, которыя созданы уставомъ для предварительнаго слѣдствія. Подробный ихъ анализъ не можетъ не привести къ заключенію, что права обвиняемаго и общества въ достаточной степени гарантированы закономъ, и что рѣзкія нарушенія этихъ правъ почти невозможны, если всѣ органы власти, имѣющія отношеніе къ слѣдствію, исполняютъ вполнѣ правильно свои обязанности. Прежде всего, большая часть слѣдственныхъ дѣйствій, разрѣшенныхъ слѣдователю, совершается на глазахъ постороннихъ лицъ, при полномъ свѣтѣ дня. Общество, въ лицѣ понятыхъ, свѣдущихъ людей, принимаетъ дѣятельное участіе въ слѣдствіи и облечено правомъ выразить въ нѣкоторыхъ случаяхъ свое мнѣніе. Давая свою подпись подъ протоколомъ осмотра или обыска, обыватель подтверждаетъ содержаніе его и, если пожелаетъ, имѣетъ право оговорить свое несогласіе съ изложенными въ немъ обстоятельствами или выводами. На случай притѣсненія или произвола, оно вооружено правомъ жалобы на дѣйствія слѣдователя. Все слѣдствіе, отъ начала до конца, производится въ присутствіи обвиняемаго. Положеніе — никакихъ тайнъ отъ обвиняемаго, все на его глазахъ — должно быть, по мысли закона, положено въ основаніе слѣдствія. И это требованіе красной нитью проходитъ чрезъ всю часть устава, трактующую о слѣдствіи.

Слѣдователь, широко понимающій свои обязанности, разумющій не только смысл отдѣльных статей, но и общія, принципиальныя требованія закона, долженъ руководствоваться этимъ положеніемъ при всякомъ шагѣ слѣдствія. Ибо наилучшей гарантіей правильности дѣйствій, безпристрастнаго отношенія къ дѣлу необходимо считать присутствіе при всѣхъ дѣйствіяхъ такого лица, которое непосредственно и глубоко заинтересовано результатомъ дѣйствій и исходомъ дѣла. Человѣку свойственно стремленіе разъяснить дѣло во что бы ни стало, склонность строить выводы на недостаточныхъ данныхъ, создавать на почвѣ возможностей картины, системы, увлекаться такими картинами и системами и тенденціозно, доктринерски, хотя и вполне добросовѣстно, гнуть слѣдствіе въ извѣстномъ направленіи. При этомъ самые факты, освѣщенные въ умѣ слѣдователя предвзятой системой, могутъ быть представлены въ слѣдствіи совсѣмъ не въ томъ видѣ, какой имѣютъ въ дѣйствительности. Лучшимъ средствомъ для предотвращенія такой опасности служить присутствіе обвиняемаго. Онъ слишкомъ заинтересованъ въ результатахъ слѣдствія, чтобы не указать на увлеченіе, на тенденцію и не сыграть такимъ образомъ роль корректора, возвращающаго слѣдователя изъ области фантазіи, системы, на почву дѣйствительности. Да и кромѣ того, характеръ тайны при слѣдствіи совсѣмъ не вяжется съ общими началами свѣта и гласности, положенными въ основу всей судебной реформы. Эти начала важны не только тѣмъ, что составляютъ лучшую гарантію правильности суда, но также и тѣмъ, или, можетъ быть, еще болѣе тѣмъ, что создаютъ для него въ глазахъ общества то довѣріе и симпатію, какими не пользовался у насъ дореформенный судъ. Кому дорого это довѣріе общества, это уваженіе и чуть не благоговѣніе къ суду правому и нелицепріятному, тотъ не позволитъ себѣ сохранять тайну даже тамъ, гдѣ это разрѣшено самимъ закономъ. Уже если надо допустить увлеченіе, то допуская его въ направленіи свѣта, а не тайны. Присутствуя при слѣдствіи, обвиняемый имѣетъ возможность слѣдить за всѣми его перипетіями и въ каждомъ положеніи заявлять свои требованія, удовлетвореніе которыхъ обязательно для слѣдователя, если эти требованія имѣютъ отношеніе къ дѣлу и не имѣютъ характера праздныхъ фантазій. Нерѣдко бываетъ, что слѣдователю приходится производить тѣ или другія слѣдственные дѣйствія далеко отъ обычнаго мѣста производства слѣдствія, и тогда по необходимости приходится дѣйствовать въ отсутствіи обвиняемаго, такъ какъ вызывать послѣдняго, а въ особенности пересылать его, если онъ содержится подъ арестомъ, сопряжено иногда съ непреодолимыми затрудненіями. Это особенно нужно сказать о тѣхъ случаяхъ, когда приходится обращаться къ содѣйствію другого слѣдователя для допроса свидѣтелей или иныхъ дѣйствій въ другой губерніи, иногда за много сотенъ верстъ отъ мѣста производства слѣдствія. Для такихъ случаевъ законъ и устанавливаетъ требованіе, чтобы пока-

занія свидѣтелей, допрошенныхъ въ отсутствіи обвиняемаго, а также и протоколы всякихъ другихъ слѣдственныхъ дѣйствій предъявлялись ему, и такимъ образомъ предоставлялась возможность дать свои объясненія и предъявить требованіе о собраніи новыхъ свидѣній, имѣющихъ отношеніе къ собраннымъ даннымъ. Далѣе, при заключеніи слѣдствія, обвиняемому предъявляется все производство цѣликомъ; если онъ грамотный, всѣ документы дѣла могутъ быть имъ прочитаны и взвѣшены; а если не грамотный, все производство прочитывается слѣдователемъ, который несомнѣнно обязанъ и разъяснить ему значеніе и важность выясненныхъ слѣдствіемъ обстоятельствъ. Серьезный смыслъ этого послѣдняго слѣдственного акта понятенъ самъ собою. Для человѣка, незнакомаго съ слѣдствіемъ, а въ особенности попавшаго въ положеніе обвиняемаго въ первый разъ, недостаточно даже присутствовать при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, чтобы получить ясное представленіе о степени опасности для него собранныхъ слѣдствіемъ уликъ. Дѣйствія происходятъ разрозненно, съ промежутками; привести ихъ въ систему не легко и человѣку бывалому; а у неопытнаго обвиняемаго останутся въ памяти отдѣльные отрывки, связать которые онъ не въ силахъ; да и многое изъ нихъ просто забудется. При такихъ условіяхъ весьма возможно, что многія обстоятельства получатъ значеніе уликъ только потому, что обвиняемый не далъ своевременно соответствующихъ объясненій и не указалъ фактовъ, которыми улики тѣ уничтожаются. Для устраненія такой опасности, для того, чтобы обвиняемый имѣлъ возможность охватить добытый слѣдственный матеріалъ, во всей его совокупности, законъ, во-1-хъ, требуетъ, чтобы въ концѣ слѣдствія все производство предъявлялось обвиняемому, а во-2-хъ, предоставляетъ послѣднему право требовать во всякомъ положеніи дѣла выдачи копій со всѣхъ протоколовъ слѣдствія.

Если прибавить къ этому полную самостоятельность слѣдователя по отношенію къ администраціи, весьма слабую зависимость его отъ суда и вполне обеспеченную свободу дѣйствій его относительно прокуратуры, то высказанное выше замѣчаніе, что законъ почти все сдѣлалъ для интересовъ обвиняемаго и общества, не встрѣтитъ, полагаемъ, серьезныхъ возраженій.

Но если отъ указаній закона мы обратимся къ фактамъ дѣйствительности, къ даннымъ слѣдственной практики послѣднихъ годовъ — предъ нами предстанетъ совсѣмъ иная картина.

III.

Какія же причины создали такое положеніе, что предварительное слѣдствіе, при несомнѣнно разумной его организаціи по уставу, оказалось мало успѣшнымъ въ смыслъ обнаруженія преступниковъ и въ то же время весьма нерѣдко нарушало законные интересы

какъ обвиняемыхъ, такъ и общества? Помимо второстепенныхъ,— основныхъ причинъ этого печальнаго явленія было двѣ.

Успѣхъ слѣдствія, т. е. возможность обнаруженія виновника преступленія зависитъ главнымъ образомъ отъ размѣра и свойства тѣхъ средствъ, которыми слѣдователь можетъ располагать при производствѣ слѣдствія. А средства эти, какъ явствуетъ изъ предшествовавшаго изложенія, сводятся, во 1-хъ, къ личнымъ дѣйствіямъ слѣдователя, и во 2-хъ, къ дѣйствіямъ общей полиціи по его порученіямъ и указаніямъ. Но при этомъ у него нѣтъ свободы выбора; нѣкоторые дѣйствія онъ не имѣетъ права совершать самъ, а непременно долженъ поручить полиціи. Таковы всѣ дѣйствія по розыску, по гласному собиранію свѣдѣній и т. п. Слѣдователь имѣетъ право допрашивать, напримѣръ, свидѣтелей; но долженъ допрашивать каждого порознь, записывать показаніе каждого въ протоколъ, въ присутствіи обвиняемаго и съ соблюденіемъ предписанныхъ закономъ формальностей, безусловно для него обязательныхъ и столь же безусловно необходимыхъ въ смыслѣ законной гарантіи. Онъ не можетъ опросить массу свидѣтелей и записать показанія только тѣхъ, которые даютъ свѣдѣнія, полезныя для дѣла, а остальныхъ оставить не записанными. Онъ не можетъ произвести осмотра иначе, какъ съ извѣстной обстановкой, съ составленіемъ протокола, въ присутствіи понятыхъ и проч. Очевидно, тамъ, гдѣ приходится искать матеріала путемъ опроса очень многихъ людей, посредствомъ осмотровъ, производимыхъ ощупью, на большомъ пространствѣ и въ разныхъ мѣстахъ,—однимъ словомъ, гдѣ необходимъ розыскъ, мѣры, построенныя на авось, выслѣживание извѣстныхъ лицъ и т. д., дѣятельность слѣдователя прекращается, и начинается работа полиціи, дѣйствія которой проводятся слѣдствіемъ. Такимъ образомъ, значительная доля слѣдственнаго дѣла—и притомъ самая необходимая въ интересахъ обнаруженія преступника—лежитъ не на слѣдователѣ, а на полиціи. Она первая приступаетъ къ собиранію свѣдѣній о преступленіи непосредственно послѣ совершенія его, значить, въ такой моментъ, когда обнаружить или, по крайней мѣрѣ, намѣтить преступника всего легче и удобнѣе. Она же, по порученію слѣдователя, производитъ розыски, путемъ которыхъ главнымъ образомъ и могутъ быть разъяснены обстоятельства преступленія. Отсюда слѣдуетъ, что успѣхъ слѣдствія, въ наибольшей своей части, зависитъ отъ дѣйствій полиціи и ея организаціи.

Положеніе полиціи у насъ достаточно извѣстно, чтобъ нужно было останавливаться на немъ съ особенной подробностью. Набираемый въ большинствѣ изъ военной среды, контингентъ ея мало соответствуетъ тѣмъ задачамъ, которыя на нее возлагаются. Воспитанные на культѣ вѣшняго порядка, не привыкшіе проникать въ глубь явленій, члены ея вносятъ въ свою дѣятельность свойства, которыя совершенно непригодны для многообразнаго дѣла, за-

трогивающаго нерѣдко самыя интимныя стороны общественныхъ отношеній. Но, не говоря о личномъ составѣ, общая полиція до такой степени обременена массой и разнообразіемъ лежащихъ на ней обязанностей, иногда требующихъ даже специальной подготовки, что отнестись вполне внимательно къ судебнo-уголовному дѣлу и посвятить ему достаточно силъ и энергіи она рѣшительно не имѣетъ возможности. Это хорошо извѣстно слѣдственной власти, которая поэтому и обращается къ содѣйствію полиціи только въ крайнихъ случаяхъ и не ставитъ ей особенно большихъ требованій. Когда на какихъ бы то ни было дѣателяхъ возлагается слишкомъ много обязанностей, то всегда и вездѣ получается одинъ и тотъ же результатъ: ни одна изъ обязанностей не выполняется какъ слѣдуетъ, и временемъ вырабатывается особенное умѣнье, ничего не дѣлая, имѣть видъ заваленнаго работой человека, формируется способность на мѣсто дѣла ставить канцелярскую отписку и такимъ способомъ соблюдать не реальныя интересы дѣла, а наружныя интересы внѣшняго благообразія. Въ этомъ направленіи люди могутъ доходить до виртуозности, примѣры которой даются нерѣдко и литературой, и жизнью.

Такое положеніе полиціи и затруднительность пользованія ея услугами при слѣдствіи, помимо вліянія на успѣшность предварительныхъ слѣдствій, привели еще и къ слѣдующему результату. Слѣдователи, по необходимости, остановились передъ такой дилеммой. Основная цѣль слѣдствія — обнаружить преступника, т. е. собрать такіе факты, которые способны убѣдить судъ въ его виновности. Для достиженія этой цѣли обращаться къ содѣйствію полиціи, по указаннымъ уже причинамъ, затруднительно; значитъ, надо взять на себя тѣ функціи, которыя возложены на полицію, хотя это и не согласуется съ ролью слѣдователя по закону. Но въ виду начала — побѣдителей не судятъ, успѣхъ покрываетъ собою тѣ пути, которыми онъ достигнутъ — большинство слѣдователей и стало на эту почву побѣды и успѣха. Въ особенности такое отношеніе къ дѣлу получило въ слѣдственной практикѣ право гражданства съ тѣхъ поръ, какъ мѣсто слѣдователей самостоятельныхъ, несмѣняемыхъ, заняли исправляющіе должность слѣдователя, чиновники, командированные министерствомъ и поставленные въ полную зависимость и отъ него, и отъ прокуратуры. Дѣло слѣдователя на почвѣ устава темно, кропотливо и не дѣлаетъ шуму; на немъ построить ничего нельзя. Тогда какъ погоня за успѣхомъ всякими способами даетъ сенсационный процессъ, *cause célèbre*, на которомъ слѣдователь можетъ создать для себя быструю служебную карьеру. Было время, — и оно въ извѣстной степени продолжается и теперь, — когда слѣдователь и спалъ, и видѣлъ блестящее слѣдствіе и готовъ былъ рискнуть многимъ, чтобы хоть искусственно подогрѣть и создать его. Интересы общества и закона отодвигались на задній планъ, когда наворачивалась возможность создать себѣ служебную репутацію и

движеніе. Невольно вспоминается возникновеніе одного изъ громкихъ банковскихъ процессовъ въ 70-хъ годахъ. Слѣдователь приступилъ къ слѣдствію на основаніи голаго предложенія прокурора палаты, безъ всякихъ указаній на факты, а въ виду простыхъ слуховъ. Имѣя такую шаткую почву, слѣдователь опечаталъ кассы, отобралъ книги и остановилъ дѣятельность огромнаго, многомилліоннаго кредитнаго учрежденія. Какъ разъ въ день полученія предложенія и наканунѣ приступа къ слѣдствію, намъ пришлось присутствовать при бесѣдѣ съ этимъ слѣдователемъ. Ему указано было на недостаточность такого предложенія и на тотъ рискъ чисто практическаго свойства, на который онъ шелъ; говорилось и о возможности неправильныхъ слуховъ. «А ну, какъ тамъ все въ порядкѣ; чѣмъ вы заплатите за остановку дѣйствій, подрывъ кредита и репутаціи, за тотъ позоръ, который внесете въ учрежденіе, ни въ чемъ неповинное?» Отвѣтъ былъ характерный: «Все это можетъ быть; но не сидѣть же у моря и ждать погоды; и такъ долго просидишь слѣдователемъ». Это—тотъ мутный источникъ, откуда вышли и размножились наши російскіе Лекоки съ подслушиваньями, переодѣваньями и другими кунштюками сыщика и ищейки. Они внесли радикальную перемѣну въ роль слѣдователя и создали дѣятелей, которые были всѣмъ, чѣмъ угодно, только не слѣдователями по мысли уставовъ.

По мысли закона, слѣдователь есть безпристрастный собиратель свѣдѣній по данному преступленію, свѣдѣній, какъ имѣющихъ значеніе уликъ противъ обвиняемаго, такъ и говорящихъ въ его пользу. Обстоятельства обѣихъ категорій, за и противъ обвиняемаго, должны быть собираемы имъ съ одинаковою энергіею и добросовѣстностію. Роль слѣдователя при производствѣ слѣдствія чисто судейская. Даже можно сказать, что слѣдователь—судья попреимуществу. Если необходимы судейскія свойства при обсужденіи слѣдственнаго матеріала и постановленія приговора, то при собираніи матеріала необходимость ихъ еще больше, такъ какъ слѣдователю нужно обладать большимъ безпристрастіемъ, большимъ самообладаніемъ, чтобъ остаться на почвѣ закона и не внести въ слѣдствіе своей системы, своихъ личныхъ мнѣній и вкусовъ. А мыслимо ли сохранить такое отношеніе къ дѣлу, если слѣдователь приметъ на себя роль сыщика, станеть совершать такіа дѣйствія, которыя не свойственны его судейскому положенію и по необходимости увлекутъ его по покатоности въ такую область, гдѣ о достовѣрности добытаго матеріала уже и рѣчи быть не можетъ.

Въ томъ-же направленіи дѣйствовало и другое еще болѣе важное обстоятельство, лишившее судебного слѣдователя твердой судейской почвы и придавшее его дѣятельности болѣе административный характеръ. Дѣло, въ томъ, что та часть устава уголовн. судопр., которая регулируетъ предварительное слѣдствіе; почти не примѣнялась на практикѣ въ томъ первоначальномъ видѣ, какъ она

изложена выше, такъ что опыта примѣненія ея, можно сказать и не было. Почти непосредственно послѣ введенія первыхъ судовъ новаго типа, подверглось довольно серьезному измѣненію основное начало, которымъ опредѣлялось, что слѣдствіе производится тѣмъ слѣдователемъ, въ участіи котораго преступленіе совершено. Создана была особая должность слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ и предоставлено было окружнымъ судамъ, по соглашенію съ прокурорами, передавать дѣла изъ участковъ для производства слѣдствія кандидатамъ на судебныя должности. И та, и другая мѣры вводили начало произвола въ такую область, гдѣ этому элементу не должно бы быть мѣста. Особенно рѣзкимъ диссонансомъ звучала первая мѣра. Передача дѣлъ слѣдователю по важнѣйшимъ дѣламъ предоставлена была исключительно прокурору, который являлся такимъ образомъ безконтрольнымъ распорядителемъ въ этомъ вопросѣ. Ему присвоена была дискреціонная власть: каждое уголовное дѣло изымать изъ участковъ и, признавъ его важнымъ, передавать для производства слѣдствія вновь созданному должностному лицу. Устойчивость правилъ о подсудности нарушалась кореннымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что изъ участковъ изымались дѣла, конечно, не заурядныя, которыми прокуратура никогда не интересовалась, а наиболѣе серьезныя и въ особенности наиболѣе сенсаціонныя, т. е. именно такія, гдѣ всякаго рода давленія всего болѣе возможны и гдѣ, слѣдовательно, особенно необходима самостоятельность слѣдователя. Положеніе и самаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ съ первыхъ же шаговъ оказалось далеко не изъ легкихъ. Съ одной стороны, онъ былъ слѣдователь, со всѣми правами и обязанностями, присвоенными этой должности; а съ другой—онъ состоялъ какъ бы при прокурорѣ, который имѣлъ полную возможность давить на него довольно чувствительнымъ образомъ, хоть бы, напримѣръ, путемъ передачи ему массы дѣлъ. Въ концѣ концовъ, слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ, въ большинствѣ случаевъ, сталъ исполнителемъ велѣній прокурора, чуть не слѣпымъ орудіемъ въ его рукахъ. А гдѣ онъ держался, не смотря ни на что, самостоятельно, тамъ отношенія его съ прокуратурой представляли рядъ конфликтовъ, изъ которыхъ въ результатѣ выходилъ помятый, конечно, слѣдователь. Учрежденіе этой новой должности не могло бы имѣть особенно серьезнаго и рѣшающаго значенія, если бы, рядомъ съ этимъ, не возникла при назначеніи слѣдователей новая практика, упразднившая самое цѣнное, самое коренное положеніе уставовъ, право несмѣняемости. Непосредственно послѣ введенія новыхъ судовъ установился новый порядокъ назначенія судебныхъ слѣдователей: слѣдователей судей, пользующихся правомъ несмѣняемости и вполнѣ самостоятельныхъ, замѣнили чиновники, причисленные къ министерству съ титуломъ исправляющихъ должность слѣдователей. Никакими судейскими правами въ отношеніи служебнаго положенія они не пользовались и однимъ почеркомъ пера могли быть стерты съ лица

земли во всякое время. Служебное положеніе этихъ замѣстителей слѣдователя и отношенія ихъ къ властямъ, съ которыми они соприкасались, были по истинѣ трагическія. Судъ отодвигался отъ нихъ, не считалъ ихъ своими сотоварищами, такъ какъ въ ихъ служебномъ положеніи не было ничего судейскаго, они были чиновниками министерства. Прокуратура, съ своей стороны, также не очень была расположена къ нимъ, потому что, хотъ они и были чиновниками министерства, но по своей главенствующей роли въ слѣдствіи могли пользоваться значительной отъ прокуратуры самостоятельностью и имѣли полную возможность, стоя на почвѣ закона, причинить ей не мало хлопотъ. Но трагизмъ положенія заключался въ томъ главнымъ образомъ, что, при опѣнкахъ дѣйствій этихъ слѣдователей новой формациі, судъ и общество требовали отъ нихъ тѣхъ свойствъ, которыя предполагаетъ въ нихъ законъ, и карали за недостатокъ этихъ свойствъ, за податливость въ сторону прокуратуры и обвиненія; а прокурорскій надзоръ и за нимъ министерство кооились, а иногда и прямо ставили крестъ, за недостатокъ этой же податливости и поклоненія буквѣ закона. Стало быть, куда ни кинь, вездѣ клинъ. Получилось невозможное положеніе человѣка, поставленнаго въ необходимость нерѣдко ставить на карту свое служебное положеніе, если онъ жаждетъ выплывать свое дѣло по совѣсти. Такое ненормальное и тяжелое положеніе сказывается, конечно, въ высокой степени неудовлетворительно какъ вообще на нравственномъ уровнѣ слѣдователей, такъ и на отношеніи ихъ къ своему дѣлу: они теряютъ нравственную связь съ своимъ дѣломъ, перестаютъ дорожить имъ и стремятся перейти, во что бы то ни стало, въ положеніе болѣе опредѣленное и, слѣдовательно, болѣе устойчивое.

Если сравнить, на почвѣ закона, положеніе, напримѣръ, товарища-прокурора, судьба котораго почти вся цѣликомъ въ рукахъ начальства, съ полнымъ самостоятельности и достоинства положеніемъ слѣдователя, то трудно допустить, чтобы у послѣдняго могла найтись охота помѣняться съ первымъ должностями. А между тѣмъ переходъ въ товарищи прокурора составляетъ весьма живое вожделѣніе чуть не для каждаго слѣдователя. И переходъ этотъ даже считается повышеніемъ въ служебномъ смыслѣ. При такомъ взглядѣ на свое дѣло, считая свое положеніе только первою ступенью для дальнѣйшаго движенія, слѣдователь не можетъ, очевидно, дорожить ни своими правами по слѣдствію, ни своимъ служебнымъ достоинствомъ. Слѣдствіе получаетъ для него интересъ только какъ возможность выказать свое усердіе и попасть въ тонъ тѣмъ, отъ кого онъ можетъ ждать великія и богатая милости. Трудъ слѣдователя, живое его дѣло, постоянное общеніе съ жизнью и живыми людьми, — свойства, составляющія высокую прелесть и интересъ этого дѣла, — онъ съ безгладкимъ чувствомъ начинаетъ считать трудомъ нечистоплотнымъ, чернорабочимъ и вздыхать о чистомъ,

канцелярскомъ трудѣ чиновника. Однимъ словомъ, чиновникъ и узкій карьеристъ замѣняетъ дѣятеля и судью. Того духа служенія дѣлу и ближнему, который отличалъ когда-то почти всякаго судебного дѣятеля, нечего, конечно, искать въ этомъ чистенькомъ, мелко-официстичномъ чиновникѣ...

Дурно при этомъ было еще одно обстоятельство, которое прибавило къ положенію современнаго слѣдователя, и безъ того достаточно тяжелому, еще новую черту, усугубляющую эту тяжесть. Какъ мы видѣли выше, роль прокурорскаго надзора при слѣдствіи не отличается особою широтою; обязательность предложеній его, въ которомъ выражается его активное участіе въ слѣдствіи, обуславливается ихъ законностью; разрѣшеніе вопроса о томъ, законно-ли данное предложеніе или нѣтъ, принадлежитъ, конечно, слѣдователю. Поэтому выступать въ дѣлѣ съ официальными предложеніями, заключающими въ себѣ вторженіе въ сферу правъ слѣдователя, представляло для прокуроровъ значительное неудобство и не малый рискъ. Предложенія оставались въ производствѣ, которое разсматривалось и оцѣнивалось во всѣхъ инстанціяхъ и могло дойти до сената. Для избѣжанія такого риска, былъ найденъ выходъ очень остроумный и совершенно безопасный. Вмѣсто неудобнаго и оставляющаго слѣдъ официального предложенія, прибѣгли къ способу, совершенно незамѣтному для непосвященныхъ и создающему положеніе для прокуратуры вполне неуязвимое. Пользуясь неустойчивостью положенія слѣдователя и своимъ правомъ сношеній съ высшими властями, а стало быть, и возможностью повредить и быть полезнымъ, прокуратура стала вдохновлять слѣдствіе путемъ личнаго вліянія и давленія. Слѣдователь является ответственнымъ лицомъ за все, что предпринимается имъ по слѣдствію, предъ окружнымъ судомъ—въ порядкѣ обжалованія его дѣйствій, предъ министерствомъ, какъ вполне зависящій отъ него чиновникъ, и предъ обществомъ, которое клеймитъ его, какъ судебного дѣятеля, своимъ иногда весьма жестокимъ приговоромъ. Изъ этого разнокалибернаго начальства, окружный судъ, стоя на почвѣ прямого требованія закона, не можетъ принимать во вниманіе разныхъ подпольныхъ вліяній; министерство любитъ успѣхъ и требуетъ его, во чтобы то ни стало, при успѣхѣ прощается все или почти все; но разъ получилась неудача, она неизбѣжно отражается на слѣдователѣ, выказавшемъ слишкомъ большое усердіе, не увѣнчавшееся успѣхомъ, а печать и общество вполне искренно будутъ негодовать на духъ произвола, вселившійся въ слѣдователя, и едва-ли догадаются, что вина слѣдователя тутъ значительно меньше, чѣмъ это кажется на первый взглядъ, и что истинный-то виновникъ инцидента совсѣмъ не слѣдователь, а тотъ магъ и волшебникъ, который за спиной слѣдователя распоряжается слѣдствіемъ и при этомъ безъ всякаго для себя риска. Съ другой стороны, удалась затѣя рискованная, произвольная мѣра дала въ результатѣ успѣхъ, кто пожинаетъ плоды, получаетъ всякія служеб-

ныя благостыни? Опять все тотъ же волшебникъ. Натурально, и слѣдователю перепадаетъ тутъ кое-что; но перепадаетъ въ размѣрахъ сравнительно очень скромныхъ. Обыкновенно успѣхъ въ этомъ случаѣ сказывается на слѣдователѣ тѣмъ, что онъ получаетъ возможность перейти въ прокуратуру.

Таково фактическое положеніе одного изъ самыхъ симпатичныхъ и въ высокой степени важныхъ институтовъ уголовного процесса. Важность этого института для уголовной юстиціи такова, что неблагоприятное положеніе его отражается на каждомъ дѣлѣ. Составъ суда, вооруженный и несмѣняемостью, и прочими судебными прерогативами, никоимъ образомъ не можетъ восполнить пробѣловъ и недочетовъ предварительнаго слѣдствія, произведеннаго зависимымъ и неустойчиво поставленнымъ слѣдователемъ, не можетъ уже потому, что событіе преступленія становится предметомъ разсмотрѣнія суда по истеченіи значительнаго времени послѣ совершенія, когда почти всѣ слѣды его сгладились, и возстановить истину уже невозможно. Въ лучшемъ случаѣ судъ можетъ только обнаружить недостатки слѣдствія,—и то только при неумѣнн слѣдователя хоронить концы; но восполнить ихъ онъ въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ никакой возможности. Уголовное дѣло въ сущности создается слѣдователемъ; вся дальнѣйшая перипетія является только логическимъ выводомъ изъ тѣхъ посылокъ, которыя даются слѣдствіемъ. Очевидно, каковъ долженъ быть этотъ выводъ при недоброкачественности посылокъ.

Такія условія производства предварительнаго слѣдствія, при которыхъ вдохновителемъ всѣхъ мѣръ является представитель прокуратуры, участіе котораго ни въ чемъ не выражается вонѣ и отвѣтственность сводится къ нулю, порождаютъ массу явленій, въ высокой степени прискорбныхъ, подрывающихъ авторитетъ судебной организаціи и довѣріе къ ней. Въ результатъ ихъ всегда бывають двѣ жертвы: обыватель, какъ жертва произвола слѣдователя, и слѣдователь, какъ жертва негласнаго давленія прокуратуры. Моменты, когда давленіе это обнаруживается съ наибольшей силою, совпадаютъ обыкновенно съ самыми серьезными и отвѣтственными актами слѣдствія, которые законъ обставляетъ особыми гарантіями и относительно которыхъ рекомендуетъ слѣдователю особую осторожность. Начало, возбужденіе слѣдствія принадлежитъ именно къ такимъ моментамъ. Нерѣдко гражданская сдѣлка, совершившаяся при особыхъ, можетъ быть и темныхъ условіяхъ, обращаетъ на себя вниманіе извѣстнаго кружка, становится предметомъ тенденціознаго обсужденія, обставляется при этомъ произвольными подробностями и доходить въ такомъ видѣ до прокуратуры; та возбуждаетъ слѣдствіе, настаиваетъ на привлеченіи героев ея обвиняемыми, сажаетъ подъ арестъ и заставляетъ ихъ пройти всю судебную процедуру. А между тѣмъ оказывается на повѣрку, что факты дѣла, установленные слѣдствіемъ и судомъ, составляютъ простую гражданскую

сдѣлку, не заключающую въ себѣ никакого уголовно-наказуемаго преступленія. Разносятся досужими кумушками по городу слухи о преступленіи; слухи эти слегка провѣряются дознаніемъ; возбуждается слѣдствіе, производится усердно и долго, вызывается куча свидѣтелей, на многихъ набрасывается тѣнь—и дѣло прекращается за отсутствіемъ въ обнаруженныхъ фактахъ состава какого либо преступленія. Совершается дѣйствительное преступленіе; виновника не видно; прокуратура и слѣдователь чувствуютъ себя очень дурно. Если преступленіе громкое, производитъ шумъ и сенсацию—своиствомъ-ли самаго преступленія, положеніемъ-ли лицъ потерпѣвшихъ, или размѣромъ причиненнаго вреда, случай попадаетъ въ газеты,—и прокуратурою получается сверху запросъ о положеніи дѣла и успѣхъ слѣдствія. Тутъ прокуроръ, отвѣчающій только за успѣхъ предъ своимъ начальствомъ и ни мало не отвѣтственный за нарушение закона при слѣдствіи, принимается за слѣдствіе вплотную и заставляетъ его метаться изъ стороны въ сторону въ поискахъ за виновникомъ. Привлекаются и арестовываются люди на основаніи шаткихъ предположеній, простыхъ намековъ; подтасовываются кое-какія улики, производится безъ достаточныхъ основаній обыски, выемки, вторгаются безъ надобности въ частную, интимную жизнь обывателей, не имѣющихъ иногда никакого отношенія къ предмету слѣдствія,—и въ результатъ получается нерѣдко прекращеніе дѣла или оправданіе, если всякими правдами и неправдами дѣло доводится до суда. Въ послѣднемъ случаѣ оправдательный приговоръ становится въ рукахъ извѣстныхъ органовъ печати основаніемъ для инсинуаций всякаго рода по адресу суда присяжныхъ. Изъ тысячи такого рода раздутыхъ и извращенныхъ дѣлъ не болѣе одного получаетъ огласку и ведетъ за собою нѣкоторые послѣдствія для нарушителей закона. Остальные 999 не оставляютъ видимаго слѣда и забываются. Обыватель, котораго безданнымъ-безбопшинно продержали подъ арестомъ, у котораго, Богъ знаетъ почему, произвели обыскъ, который безъ всякой надобности вызывался къ допросу свидѣтелемъ, радъ-радехонекъ, если его, наконецъ, оставятъ въ покоѣ. Поди тамъ жалуйся, начнутъ опять таскать, пожалуй, попадешь въ такую исторію, что еще тошнѣе будетъ. Наученный горькимъ опытомъ стараго дореформеннаго суда и неувѣренный въ серьезности тѣхъ правъ своихъ, которыя хотъ и прописаны въ законѣ, но мало уважаются на практикѣ, онъ готовъ многое вынести, перетерпѣть, только бы не входить въ сношеніе съ начальствомъ. Сколько времени, силъ и пр. теряется при этомъ! Сколько горечи накапливается въ душѣ обывателя!

Описанными условіями объясняются вполнѣ тѣ многочисленные и печальные случаи (въ родѣ, напримѣръ, Мултанскаго дѣла), которые оглашены въ печати, и тѣ еще болѣе, конечно, многочисленные, которые ею не оглашены.

IV.

Изложеніе организаціи предварительнаго слѣдствія по уставу уже показало намъ, что при правильномъ функционированіи всѣхъ органовъ, причастныхъ къ слѣдствію, результатъ долженъ получиться вполне удовлетворительный и съ точки зрѣнія успѣшности слѣдствія, и со стороны обезпеченности интересовъ обвиняемаго и общества. Отсюда неизбежно заключеніе, что всякое преобразование этой части законодательства должно строиться на почвѣ положеній уставовъ, которые, какъ мы видѣли, до сихъ поръ еще не получили полного и послѣдовательнаго примѣненія и, стало быть, не могли дать и того, что именуется указаніями опыта. Тридцатилѣтнее примѣненіе ихъ въ измѣненномъ видѣ доказало только одно, что известный институтъ не можетъ дѣйствовать правильно и давать благіе результаты, если отнята будетъ сущность, душа его. А съ институтомъ судебныхъ слѣдователей, почти непосредственно послѣ введенія реформы, совершена была именно такая ампутація замѣною прочнаго судейскаго положенія неустойчивымъ чиновничьимъ. Дѣло слѣдователя, какъ и функція судьи, требуетъ значительнаго простора. Законъ не можетъ предусмотрѣть всего разнообразія жизненныхъ явленій и, стало быть, не можетъ дать слѣдователю и судѣ опредѣлительныхъ указаній на всякій данный случай. Слѣдователь принимаетъ такія мѣры къ разъясненію обстоятельствъ преступленія, какія указываются данной обстановкой; какъ и судья, составляетъ свое окончательное судейское мнѣніе по дѣлу на основаніи условій и фактовъ даннаго дѣла. И тотъ, и другой въ этой сферѣ должны быть полными хозяевами; вторгаться въ нее законъ не имѣетъ разумнаго основанія, да не имѣетъ и возможности. Единственными коррективами въ этомъ случаѣ могутъ быть только—умственный и нравственный уровень судебного дѣятеля и такое положеніе его, при которомъ онъ, безъ риска, можетъ слѣдовать предписаніямъ своего ума и совѣсти и не имѣетъ при этомъ надобности, для сохраненія своего положенія или движенія впередъ, принимать во вниманіе чьи либо мнѣнія и вкусы. При наличности этихъ условій, и только при ихъ наличности, дѣятельность судьи, какъ и слѣдователя, будетъ течъ по нормальному руслу, не будетъ представлять опасностей уклоненія и произвола. По мысли творцовъ уставовъ, это неопѣненное, завидное свойство судебной дѣятельности должно было съ лихвой вознаградить за отсутствіе чиновъ, наградъ, власти, внѣшняго блеска и другихъ выгодъ, которыя даются иными сферами дѣятельности. «Самостоятельность судей,—говорится въ мотивахъ къ основнымъ положеніямъ уставовъ,—избранныхъ съ осмотрительностью, есть, безъ всякаго сомнѣнія, одно изъ надежныхъ ручательствъ въ правильномъ отправленіи правосудія, и потому одно изъ главныхъ условій хорошаго судопроизводства. Дѣла судебного вѣдомства ка-

самыхъ важнѣйшихъ интересовъ частныхъ лицъ: ихъ гражданской жизни, чести и достоянія. Въ дѣлахъ этого рода могутъ быть нерѣдко заинтересованы, или непосредственно, или въ качествѣ покровителей подсудимыхъ и тяжущихся, начальствующія надъ судьями или вообще лица, сильныя по своему положенію въ обществѣ. Такія лица имѣютъ множество средствъ, не роняя внѣшняго своего достоинства, дать судѣ почувствовать ихъ вліяніе. Конечно, судья, проникнутый чувствомъ своего долга, не станетъ торговаться съ совѣстью для угожденія кому бы то ни было. Но учрежденія, имѣя дѣло съ дѣйствительнымъ, а не идеальнымъ порядкомъ вещей, не могутъ не принимать въ расчетъ людскихъ страстей и слабостей. По существующему въ нашихъ основныхъ законахъ праву, законы должны быть исполняемы безпристрастно, не смотря на лица и не вникая ничѣмъ требованіямъ и предложеніямъ. Правилу это должно имѣть самое строгое приложеніе въ судебныхъ дѣлахъ, гдѣ всякое отъ него отступленіе представляется вопіющею несправедливостью. Но законодательство, установивъ такое правило, должно вмѣстѣ съ тѣмъ и обезпечить его исполненіе, должно поставить судей въ такое положеніе, чтобы они могли исполнять свои обязанности безъ особыхъ съ ихъ стороны подвиговъ самоотверженія. Эти же свойства судейскаго положенія, въ связи съ общимъ подъемомъ, сразу, безъ всякихъ подготовительныхъ мѣръ, вызвали къ жизни и дѣятельности черезъ поколѣніе судей, отдававшихъ своему дѣлу всего себя почти единственно за право жить въ мирѣ съ своими нравственными общественными требованіями и запросами. Даже больше, люди сомнительныхъ свойствъ, поставленные въ новыя условія и на новую почву, приобрѣли быстро, благодаря господствовавшему въ этой сферѣ необыкновенному духовному подъему, всѣ тѣ качества, которые требовались новымъ дѣломъ, и съ честью держали судебное знамя.

Такое положеніе, безусловно необходимое для всего состава суда, еще необходимѣе для института слѣдователей. Къ тѣмъ соображеніямъ, которые уже изложены выше, можно по этому поводу добавить еще слѣдующее. Роль слѣдователя въ слѣдствіи и значеніе слѣдствія въ общемъ движеніи уголовного дѣла таковы, что испорченное и тенденціозно направленное слѣдствіе, при дальнѣйшихъ перипетіяхъ, уже не можетъ быть исправлено и поведетъ за собою неизбежно неправильное направленіе и приговоръ. Стало быть, если по дѣлу существуетъ почва для давленія, т. е. если дѣло сенсационное, если замѣшаны въ немъ извѣстныя лица или серьезные интересы, то самымъ лучшимъ моментомъ для давленія является именно предварительное слѣдствіе. Оно является тою Ахиллесовою пятою уголовного процесса, тѣмъ наименѣе укрѣпленнымъ мѣстомъ «фортеціи правды», на которое съ наибольшими шансами на успѣхъ производится обыкновенно нападенія всѣми, кому важно спрятать концы и ввести правосудіе въ заблужденіе. Всѣ остальные судеб-

ныя инстанціи устроены коллегіально; имѣть съ ними дѣло и труднѣе, и рискованнѣе. Въ средѣ коллегіи всегда можетъ найтись человекъ несговорчивый, который не пойдетъ на сдѣлку. Слѣдствіе производится однимъ лицомъ, которое, въ своихъ отношеніяхъ и по дѣлу, и въ жизни, не стѣснено никакими формальностями. Сношенія съ нимъ, даже въ случаѣ неудачи, могутъ не оставить никакого слѣда и не повліять на направленіе дѣла. По этимъ, да и по многимъ другимъ основаніямъ, слѣдствіе составляетъ такую стадію уголовного процесса, когда всякаго рода давленія могутъ примѣняться и примѣняются въ дѣйствительности наиболѣе часто. Казалось бы, что поэтому и организація его должна быть всего совершеннѣе и возможность бороться съ давленіями всего больше.

Каждое дѣло, и дѣло судьи по преимуществу, требуетъ особыхъ свойствъ, при отсутствіи которыхъ правильная дѣятельность безусловно невозможна. Эти свойства воспитываются извѣстнымъ режимомъ, который долженъ быть такого рода, чтобы поощрять желательныя свойства и подавлять свойства противоположнаго характера. Должность слѣдователя, по общему возрѣнію, есть первая ступень судебной карьеры; въ эту должность попадаютъ обыкновенно люди молодые и остаются въ ней въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, весьма дорогихъ и важныхъ лѣтъ въ томъ смыслѣ, что именно въ этомъ возрастѣ и въ этомъ періодѣ развитія складываются у человека—и характеръ, и система возрѣній, и форма отношеній какъ къ дѣлу, такъ и къ ближнему. Условія, которыми окруженъ человекъ въ это время, оставляютъ на немъ неизгладимые слѣды, съ которыми ему придется считаться во всю остальную жизнь, налагаютъ положительный или отрицательный отпечатокъ на его нравственную физіономію. Спрашивается теперь,—тѣ условія, въ которыхъ дѣйствуетъ слѣдователь при настоящей организаціи слѣдствія, представляютъ-ли такіе элементы, на которыхъ могутъ воспитаться безусловно необходимыя для судьи свойства: добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, уваженіе къ праву и интересу ближняго, самостоятельность сужденія, независимость, уваженіе къ своему судейскому мнѣнію и пр.?

Хотѣлось бы ошибиться; но едва ли возможны два отвѣта на такой вопросъ. Фальшивое положеніе слѣдователя, обязывающее его съ одной стороны—къ самостоятельности и независимости, требуемыми закономъ, а съ другой—къ податливости и склонности принимать на себя всякія роли въ интересахъ служебнаго движенія, можетъ создать только безпринципность, эквилибристическіе таланты и стремленіе измѣрять все и вся личнымъ непосредственнымъ интересомъ.

Такимъ образомъ, возстановленіе для судебныхъ слѣдователей начала несмѣняемости составляетъ первое и основное требованіе для всякаго серьезнаго преобразованія въ этой области. Частичныя измѣненія, въ какомъ бы направленіи они ни производились, не

[illegible][illegible]

Если сравнивать дело следователя с ответственностью и трудом, например, члена окружного суда, то необходимо признать,

что трудности, съ которыми приходится считаться послѣднему, значительно меньше, чѣмъ у перваго. Это совсѣмъ не значитъ, чтобы для члена суда путь былъ совершенно гладокъ и не представлялъ затрудненій; или чтобы дѣло его могло быть исполнено вполне удовлетворительно первымъ встрѣчнымъ. Совсѣмъ нѣтъ. Обязанности и члена суда чрезвычайно важны, и добросовѣстное выполнение ихъ требуетъ и извѣстныхъ специальныхъ свойствъ, и не мало труда. Но, прежде всего, положеніе въ коллегіи облегчаетъ дѣло его въ двухъ направленіяхъ: во-1-хъ, уменьшаетъ его личную отвѣтственность какъ по служебному положенію, такъ и передъ самимъ собою, и во-2-хъ, при меньшей снѣжности въ теченіи дѣла, онъ имѣетъ достаточно времени и возможности проштудировать предлагающій вопросъ съ желательною полнотою; да, кромѣ того, въ случаяхъ сомнѣній и колебаній, можетъ воспользоваться мнѣніями и опытомъ сосоварищей по должности. Затѣмъ, движеніе дѣла въ стадіи суда твердо и опредѣлительно установлено самимъ закономъ; сюрпризамъ и неожиданностямъ тутъ нѣтъ мѣста; элементовъ инициативы и усмотрѣнія почти нѣтъ у суда и совсѣмъ нѣтъ у отдѣльнаго его члена. Наконецъ, по существу дѣла, ориентироваться въ собранномъ матеріалѣ, произвести расцѣнку его съ нужныхъ точекъ зрѣнія не очень легко, правда, но значительно легче, чѣмъ собирать его на мѣстѣ, выбирать нужное и полезное изъ массы свѣдѣній безразличныхъ и бесполезныхъ, предпринимать по собственной инициативѣ тѣ или другія мѣры по слѣдствію и т. д. А самое главное, въ роли члена суда возможность давленій и, стало быть, необходимость въ твердости характера и убѣжденій во много разъ меньше, чѣмъ въ положеніи слѣдователя.

Сопоставляя трудности дѣятельности въ этихъ роляхъ, нельзя, думается, не придти къ заключенію, что если одна изъ нихъ должна предшествовать другой и служить подготовкою, то первую ступенью должно быть во всякомъ случаѣ дѣло члена суда, а положеніе слѣдователя, какъ болѣе отвѣтственное и сложное, второю. Эта мысль была и у составителей уставовъ; но оставлена была, думать надо, просто потому, что во всѣхъ прошлыхъ судебныхъ нашихъ организаціяхъ, производившія слѣдствія лица всегда были чернорабочими и занимали сравнительно низшее служебное положеніе. Эта вѣковая традиція заслонила собою значеніе самаго дѣла и помѣшала правильной его постановкѣ.

Ненормальность служебнаго положенія слѣдователя вредно сказывается на успѣхѣ слѣдствія, между прочимъ, и вотъ въ какомъ отношеніи. Успѣшность дѣйствій слѣдователя въ смыслѣ обнаруженія виновниковъ преступленій зависитъ въ значительной степени отъ знакомства его съ мѣстными условіями. Слѣдователь, близко знающій занятія, характеръ и положеніе населенія своего участка, потребности его, взаимныя отношенія и обычаи, обладаетъ значительно большими средствами къ обнаруженію истины, чѣмъ чело-

вѣкъ новый, не имѣющій представленія обо всемъ этомъ. Последнему приходится идти ощупью тамъ, гдѣ у перваго могутъ уже быть опредѣленные точки опоры для изслѣдованія. Часто въ первоначальныхъ свѣдѣнiяхъ о преступленiи и въ обстановкѣ, при которой оно совершено, человѣкъ, знакомый съ мѣстностью и людьми, можетъ указать характеръ преступленiя, ту группу населенiя, гдѣ нужно искать виновнаго, а въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, даже сможетъ почти безошибочно указать и личность преступника. Такъ что, при всѣхъ другихъ равныхъ условiяхъ, успѣшность слѣдствiй можно признать прямо пропорціональною знакомству слѣдователя съ мѣстностью, а слѣдовательно, и съ продолжительностью пребыванiя его въ извѣстномъ участкѣ. Это положенiе будетъ еще очевиднѣе, если принять во вниманiе, что благоприятный исходъ слѣдствiя въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ того довѣрiя, которымъ пользуется слѣдователь среди населенiя своего участка. А довѣрiе населенiя, въ особенности населенiя деревни, зарабатывается временемъ и упорнымъ, систематическимъ образомъ дѣйствiй.

А между тѣмъ, при настоящихъ условiяхъ, положенiе слѣдователя таково, что не только завзятый карьеристъ, но и человѣкъ, серьезно относящiйся къ дѣлу, торопится, насколько это возможно, перешагнуть поскорѣе черезъ эту неприглядную стадiю служебнаго движенiя. Людямъ со связями, кому бабушка ворожить, удается даже совсѣмъ обойти это черное дѣло, связанное съ повѣздками по деревнямъ, ночевками въ крестьянскихъ избахъ и частымъ общенiемъ съ грубымъ и не всегда чистоплотнымъ землякомъ. Они прямо попадаютъ въ товарищи прокурора, т. е. даже не понюхавъ настоящей, реальной жизни, не получивъ ни малѣйшаго представленiя о характерѣ и потребностяхъ деревни, въ которой живетъ и умираетъ девять десятыхъ населенiя, прямо садятся за дѣло чисто кабинетное, почти канцелярское. Затѣмъ, подвигаясь по iерархической лѣстницѣ, становятся сановниками, даютъ тонъ и направленiе въ широкихъ государственныхъ и общественныхъ областяхъ.

Оставляя въ сторонѣ этихъ, такъ называемыхъ дѣтелей, завывающихъ себѣ глаза, отправляясь въ многотрудный и отвѣтственный путь,—дурно, что и люди совсѣмъ другого закала поставлены въ необходимость бѣжать съ должности слѣдователя, какъ она поставлена въ настоящее время. Два-три года службы въ ней—явленiе наиболѣе обыкновенное. Что человѣкъ въ такой короткiй промежутокъ времени можетъ сдѣлать, съ чѣмъ познакомится въ своемъ участкѣ, какъ приобрѣтетъ довѣрiе и содѣйствiе населенiя? И при этомъ еще, сидя съ отвращенiемъ и по необходимости въ своемъ участкѣ, желѣя постоянно мечту уйти изъ него, какой ему резонъ серьезно относиться къ ознакомленiю съ мѣстомъ и даже къ своему прямому дѣлу?

Выводы очевидны. Помимо предоставленiя слѣдователю права

несмѣняемости, необходимо дать ему сравнительно высокое служебное положеніе и соответствующее матеріальное обезпеченіе. За тѣ уменьшенныя средства, которыя онъ получить отъ общества и государства, онъ съ лихвою заплатитъ своею дѣятельностью, серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу и гуманнымъ, вдумчивымъ отношеніемъ къ ближнему. А чтобы ему не было основанія торопиться уйти изъ этой должности, чтобы онъ имѣлъ возможность оставаться на ней возможно дольше, необходимо періодически, чрезъ извѣстные промежутки времени, увеличивать его содержаніе, какъ потому, что такое увеличеніе можетъ потребоваться въ силу измѣненія его семейнаго положенія, такъ и потому, что съ теченіемъ времени жизнь становится дороже и дороже.

Одна изъ причинъ, вызвавшихъ нежелательное измѣненіе въ характеръ дѣятельности слѣдователя, заключалась, какъ мы видѣли, въ томъ, что общая полиція, на которую возложено исполненіе требованій слѣдователя по производству розысковъ и дознаній, не можетъ, по разнымъ причинамъ, исполнить удовлетворительно своего дѣла. Въ устраненіе этого и въ интересахъ успѣшности слѣдствій, необходимо создать особую должность для исполненія указанныхъ порученій слѣдователя. Будетъ-ли установлена такая должность для каждаго участка отдѣльно, или одна для нѣсколькихъ участковъ,—это будетъ зависѣть отъ мѣстныхъ условій; важно, что, при существованіи такого должностнаго лица, для слѣдователя не будетъ надобности брать на себя такія роли, которыя совсѣмъ не соответствуютъ его положенію судьи и вносятъ въ его дѣятельность пріемы и привычки, прямо несогласныя съ требованіями закона.

Въ судебномъ дѣлѣ, наконецъ, имѣющемъ такое серьезное значеніе для общества, самую важную гарантію правды и законности составляетъ несомнѣнно свѣтъ, гласность. Это—такая истина, противъ которой не спорятъ, кажется, даже теперь. Всякое ограниченіе этого необходимаго элемента, если оно допускается закономъ, должно вызываться и можетъ оправдываться только причинами весьма вѣскими. И во всякомъ случаѣ, при такихъ ограниченіяхъ, презумпція остается всегда въ пользу гласности, т. е. должно быть доказано не то, что гласность полезна и при данной обстановкѣ, а то, что при данныхъ условіяхъ гласность приноситъ вредъ, не тотъ невѣдомый и весьма сомнительный вредъ, въ силу котораго допущено ограниченіе гласности по дѣламъ о преступленіяхъ должностныхъ лицъ, оскорбленіяхъ ихъ и проч., а вредъ дѣйствительный, констатированный путемъ опыта и наблюденія. При такомъ значеніи гласности въ дѣлѣ суда, странно встрѣтить въ уставѣ уголов. судопр. недостатокъ закона, допускающаго присутствіе, напримѣръ, при слѣдствіи защитника обвиняемаго, участіе котораго внесло бы именно элементъ гласности въ келейную и затхлую иногда атмосферу слѣдствія. Какъ радикальное средство противъ проявленія произвола и халатности, присутствіе защитника, ни въ чемъ

не мешая успѣху слѣдствія, внесло бы въ движеніе дѣла свѣжую и полезную струю. Предвидѣть вредъ отъ такого нововведенія нѣтъ никакого основанія. По свойствамъ тѣхъ дѣйствій, которыя могутъ быть совершаемы слѣдователями, они въ значительной части и безъ того публичны. Обыски, осмотры, освидѣтельствованія производятся обыкновенно на людяхъ и въ присутствіи постороннихъ лицъ, которыя нарочито приглашаются для этого по требованію самого закона. Присутствіе же при допросахъ свидѣтелей защитника-юриста и участіе его въ такомъ допросѣ можетъ только помочь дѣлу; освѣщеніемъ обстоятельствъ его съ точки зрѣнія интересовъ обвиняемаго и устраненіемъ такимъ образомъ того односторонняго обвинительнаго направленія, которымъ такъ часто страдаютъ слѣдствія.

Устраненіе защиты при слѣдствіи, допущенное составителями уставовъ, составляетъ не единственную непоследовательность ихъ и несогласіе съ тѣми началами, которыя ими же были положены въ основаніе реформы. Непоследовательность эта легко объясняется тяжѣлымъ положеніемъ составителей подъ давленіемъ агитаціи многочисленныхъ противниковъ реформы, которые каждую мѣру, направленную къ оздоровленію и освѣщенію темныхъ угловъ стараго режима, старались выставить, какъ посягательство на верховныя права и какъ актъ чуть не анархистской пропаганды.

При слѣдствіи обвинительная власть, какъ мы видѣли, имѣетъ спеціальнаго представителя въ лицѣ прокурора, облеченнаго при этомъ особыми правами, въ виду его роли агента государственной власти. Потерпѣвшее отъ преступленія лицо также имѣетъ право по закону присутствовать при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ и защищать свои гражданскія требованія чрезъ повѣреннаго юриста. Стало быть, одна изъ двухъ борющихся при слѣдствіи сторонъ вооружена всѣми способами для защиты своихъ интересовъ. Казалось бы, что, въ видахъ равновѣсія сторонъ, такія же права должны быть предоставлены и обвиняемому. Лично для обвиняемаго оно такъ и есть: онъ имѣетъ право присутствовать при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, предъявлять въ интересахъ своей защиты всякаго рода требованія, давать объясненія, подавать жалобы и проч., и проч. Но дѣлать все это онъ можетъ только самъ, лично; обратиться за совѣтомъ къ специалисту, предоставить ему замѣнить себя или помогать при слѣдствіи онъ не имѣетъ права. Такое ограниченіе нерѣдко, — и именно въ самыхъ тяжелыхъ положеніяхъ, при обвиненіи серьезно, — ведетъ къ тому, что всѣ права обвиняемаго при слѣдствіи сводятся къ нулю, получаютъ совершенно платоническій характеръ. Еще если обвиняемый находится на свободѣ, онъ можетъ обратиться за совѣтомъ къ опытному юристу, который составитъ для него и заявленіе, и жалобу, надумать его взять копіи съ протоколовъ слѣдствія и, слѣдовательно, дать возможность ознакомиться съ положеніемъ дѣла. Но разъ обвиняемый со-

держится подъ стражей, онъ отрѣзанъ отъ всего вѣшняго міра, и тогда права его по слѣдствію оказываются мертвой буквой, не имѣющей для него никакого практическаго значенія. Если онъ не юристъ, а человѣкъ темный, неразвитой, — а такихъ подавляющее большинство, — онъ не въ состояніи извлечь никакой пользы ни отъ присутствованія при слѣдствіи, ни отъ представленія производства, ни отъ своихъ правъ по обжалованію дѣйствій слѣдователя. Чтобы воспользоваться всѣмъ этимъ, надо уметь группировать данныя слѣдствія, оцѣнить отношеніе ихъ къ его интересамъ, намѣтить тѣ пункты слѣдственнаго матеріала, которые требуютъ разъясненія или опроверженія; однимъ словомъ, требуется такая широта взгляда и привычка къ систематизаціи, какой нельзя предположить у огромнаго большинства обвиняемыхъ. Нарушеніе своихъ интересовъ онъ замѣтитъ только тогда, когда это нарушение слишкомъ очевидно и грубо. Люди, знакомые съ условіями производства слѣдствія, хорошо знаютъ, что въ большинствѣ случаевъ возраженія такихъ обвиняемыхъ противъ данныхъ слѣдствія и требованія ихъ относятся обыкновенно не къ серьезнымъ и главнымъ уликамъ противъ нихъ, а къ мелочамъ, къ такимъ подробностямъ, которыя или имѣютъ ничтожное значеніе, или даже не представляютъ никакой цѣны. Не привыкшій къ обобщенію умъ простаго человѣка останавливается на одномъ мелкомъ обстоятельствѣ, которое поразило его, и упускаетъ изъ вниманія и вида все остальное. Отношеніе этого замѣченнаго обстоятельства къ общей картинѣ теряется и человѣкъ начинаетъ видѣть въ мелкомъ фактѣ тотъ пунктъ, на который должны быть направлены всѣ его усилія. Ясно, что такой обвиняемый совершенно беззащитенъ при слѣдствіи при всѣхъ предоставленныхъ ему закономъ правахъ. Допущеніе къ нему защитника было бы, очевидно, не новымъ правомъ, а только возможностью пользоваться правами уже существующими.

Обыкновенно противъ допущенія защиты при слѣдствіи говорятъ, что защитникъ, человѣкъ опытный, юристъ, можетъ злоупотреблять своимъ положеніемъ въ ущербъ истинѣ и успѣху слѣдствія. Говорятъ, что, ознакомившись съ фактами дѣла, онъ имѣетъ возможность искусственно, недобросовѣстно создавать цѣлыя событія въ интересахъ своего кліента, прибѣгать къ подкупу свидѣтелей, устранять съ пути слѣдствія всѣ улики противъ обвиняемаго и т. п. Но лишать человѣка серьезной гарантіи и оставлять его въ положеніи полной безпомощности только потому, что при допущеніи этой гарантіи возможны злоупотребленія, значить ставить вопросъ на ложную почву. Если гарантія нужна по положенію дѣла, ее необходимо дать. Вѣдь обвинительная власть и гражданскій истецъ имѣютъ при слѣдствіи своихъ представителей-юристовъ; и эти представители могутъ злоупотреблять своимъ положеніемъ въ пользу обвиненія и во вредъ обвиняемому. Такіе случаи и бывали. И, однако, ни при составленіи уставовъ, ни теперь никому не приходится въ голову устра-

нить отъ слѣдствія прокурора и повѣреннаго гражданскаго истца. Развѣ правильность слѣдствія въ отношеніи къ интересамъ обвиняемаго имѣетъ меньше значенія, чѣмъ интересы обвинителя и гражданскаго истца? Есть полное основаніе надѣяться, что профессиональной отвѣтственности, а въ крайнихъ случаяхъ и уголовной, совершенно достаточно, чтобы удержать повѣреннаго и здѣсь, какъ и при другихъ условіяхъ, въ надлежащихъ границахъ. Тѣмъ болѣе, что въ лицѣ слѣдователя и представителей обвиненія и гражданскаго истца защитникъ будетъ имѣть такихъ наблюдателей и цензоровъ, отъ которыхъ едва-ли укроются недоброкачественныя его дѣйствія.

Причина опасеній и нерасположенія къ допущенію защиты при слѣдствіи сводится, кажется, къ двумъ обстоятельствамъ. Во-первыхъ, и составители уставовъ, да и мы не отрѣшились еще до сихъ поръ отъ началъ стараго инквизиціоннаго процесса, требовавшаго глубокой тайны, неожиданныхъ сюрпризовъ и крайне недовѣрчиво относившагося къ обвиняемому и ко всему, что говоритъ въ пользу обвиняемаго. Пережитое не исчезаетъ безслѣдно и иногда, наперекоръ разуму и логикѣ, оставляетъ глубокій слѣдъ, если не въ формѣ опредѣленной мысли, то подъ видомъ неопредѣленнаго чувства, опасенія и нерасположенія. Многовѣковая практика полного безправія обвиняемаго и ошибочная мысль, будто преступникъ непремѣнно лишенъ всякихъ человѣческихъ свойствъ и способенъ только на дурное, создали такое отношеніе къ обвиняемому, при которомъ самая мысль о какихъ то будто бы правахъ его представляется чуть не пособничествомъ въ преступленіи. Отъ этой мысли многіе изъ насъ уже отказались подъ вліяніемъ общаго развитія и ежедневныхъ наблюденій; но неопредѣленное чувство недовѣрія къ обвиняемому, какъ отлѣпокъ стараго, осталось еще у весьма многихъ. Продолжительное господство тайнаго инквизиціоннаго слѣдствія, вся цѣль котораго сводилась къ вымучиванію сознанія обвиняемаго всякими путями и способами, а главнымъ средствомъ служило отдѣленіе его отъ всего остальнаго міра и предоставленіе въ полное и безконтрольное распоряженіе слѣдователя,—должно было отразиться такъ или иначе даже тогда, когда теоретическія основы его оказались отвергнутыми и само оно отошло въ область преданій.

Второе обстоятельство, о которомъ упоминалось, это—недовѣріе къ адвокату. И здѣсь также приходится считаться съ давленіемъ прошлаго. Типъ дореформеннаго адвоката,—крючка, стряпцаго,—достаточно извѣстенъ. Недовѣріе къ такому адвокату, какъ при слѣдствіи, такъ и въ другихъ сферахъ, вполне понятно и законно. Новой адвокатурѣ выпала на долю тяжелая задача не только создать почетную себѣ репутацію, но прежде всего реабилитировать самое званіе адвоката, захватанное грязными руками стараго подъячаго. Но тридцатилѣтній періодъ дѣятельности, хотъ и при неблагоприятной обстановкѣ, отразился на адвокатурѣ весьма замѣтнымъ

образомъ и выразился въ стремленіи установить дѣйствительную корпоративную связь между членами, вмѣсто прежней разрозненности, и создать, отчасти путемъ судебной дѣятельности совѣтовъ, кодексъ положеній и требованій, выполнение котораго обязательно для членовъ корпораціи. При настоящемъ положеніи патентованной адвокатуры, нѣтъ, полагаемъ, никакого основанія опасаться злоупотребленій при допущеніи ея къ участию въ предварительномъ слѣдствіи въ качествѣ защитниковъ обвиняемыхъ.

V.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ вопросѣ, касающемся организаціи предварительнаго слѣдствія, именно объ отношеніи слѣдовательскихъ обязанностей къ обязанностямъ мѣстнаго судьи. Какъ извѣстно, въ последнее время выдвинуто впередъ предположеніе о соединеніи обѣихъ этихъ обязанностей въ лицѣ единаго мѣстнаго судьи-слѣдователя. Въ новѣйшихъ узаконеніяхъ, касающихся суда на окраинахъ, это предположеніе нашло уже и осуществленіе; такимъ образомъ, въ недалекомъ относительно времени, мы будемъ имѣть уже указанія опыта по настоящему предмету. Но, какъ намъ кажется, и теперь, на основаніи соображеній такъ сказать апріорныхъ, можно предугадать съ большою вѣроятностію результаты этого опыта.

Конечно, между задачами судьи и слѣдователя нѣтъ той пропасти, которая раздѣляетъ судью и администратора; но всетаки эти задачи въ значительной степени разнятся между собою, и смѣшеніе ихъ въ одномъ лицѣ можетъ повести къ результатамъ весьма неудовлетворительнымъ. Не говоря уже о чисто внѣшнемъ неудобствѣ совмѣщенія (судья долженъ сидѣть на мѣстѣ, а слѣдователь—отличаться подвижностью и часто быть въ разъѣздахъ; судья назначилъ на извѣстный срокъ разборъ дѣлъ, вызвалъ народъ, а въ это время совершается преступленіе—и онъ долженъ скакать туда), роль слѣдователя хотя и однородна съ дѣломъ судьи, но далеко не тождественна. Главное отличіе заключается въ томъ, что слѣдователь долженъ, при производствѣ слѣдствія, проявлять въ значительной степени собственную инициативу, тогда какъ право инициативы судьи весьма ограничено. Во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ безъ исключенія и въ огромномъ большинствѣ уголовныхъ (дѣла частнаго обвиненія, полицейскія, по которымъ не угрожаетъ тюрьма) инициативы судьи не видать совсѣмъ. Составительный характеръ процесса, впервые съ достаточной послѣдовательностью введенный уставами, исключаетъ участіе судьи въ собираніи доказательствъ и направленіи дѣла. Такъ или иначе, но совмѣщеніе въ одномъ лицѣ функцій слѣдователя и судьи должно сказаться главенствомъ той или другой функціи: или судья приобрѣтетъ несвойственные ему инициативу и другія качества слѣдователя, или слѣдователь усвоитъ не-

подвижность и некоторую инертность судьи. А при настоящем зависимомъ положеніи слѣдователя подѣ ферулою прокурорскаго надзора, предоставленіе ему и судебной власти поставило бы судебное дѣло въ положеніе въ высокой степени нежелательное и тяжелое. Кромѣ того, неудобство такого совмѣщенія явствуетъ и изъ слѣдующаго. Тамъ, гдѣ слѣдователь изображаетъ собою и мѣстнаго судью, онъ подчиненъ окружному суду въ обоихъ своихъ видахъ. Вотъ съ этимъ положеніемъ и нельзя согласиться. Второй инстанціей для мѣстныхъ судовъ не можетъ служить, безъ серьезнаго ущерба для дѣла, окружный судъ или вообще органъ судовъ общихъ. Дѣло въ томъ, что общія судебныя учрежденія назначены для дѣлъ крупныхъ, въ которыхъ предметомъ спора являются интересы серьезные. А при такомъ свойствѣ дѣлъ и при томъ еще условіи, что здѣсь въ большинствѣ выступаютъ не сами стороны, а повѣренныя съ специально юридическимъ образованіемъ, споры тяжущихся обыкновенно ставятся на широкую юридическую почву, допускающую теоретическую разработку вопросовъ права и не имѣющую тѣсной связи съ мѣстными условіями и жизнью. Кромѣ того, юридическія отношенія, затрагивающія серьезные интересы, обставляются обыкновенно, при возникновеніи своемъ, всѣми формальностями, которыя упрочиваютъ и обезпечиваютъ права и обязанности обѣихъ сторонъ: сдѣлкамъ придается письменная форма, прибѣгается къ засвидѣтельствуваніямъ въ установленномъ порядкѣ и т. п. Такъ что, при разрѣшеніи дѣлъ такого рода, судъ имѣетъ возможность не спускаться съ теоретическихъ высотъ права и руководствоваться тѣми формальными данными, которыя представлены сторонами. Достигаемая, такимъ образомъ, формальная правда и будетъ конечною цѣлью дѣятельности суда. Совпадаетъ-ли съ нею правда реальная, этотъ вопросъ судомъ не ставится, да и не можетъ ставиться по условіямъ его дѣятельности. Очевидно, при такой постановкѣ дѣла, тамъ не можетъ не выработаться временемъ совершенно особаго отношенія къ дѣлу, которое можно назвать формальнымъ и теоретичнымъ. За документомъ и доказательствомъ судъ отвыкаетъ видѣть живыхъ людей и реальныя отношенія. Такой судъ, вполне достигающій цѣли въ дѣлахъ извѣстнаго рода, будетъ совсѣмъ не на мѣстѣ, если ему предоставить разрѣшеніе мелкихъ, ежедневныхъ столкновеній, гдѣ о соблюденіи формальностей и рѣчи не можетъ быть, и гдѣ добратся до истины можно только при одномъ условіи,—при полномъ знакомствѣ съ тою жизненною обстановкой, которая породила столкновеніе. А если это такъ, то и предположеніе создать для мѣстнаго судьи вторую повѣрочную инстанцію въ лицѣ окружного суда въ высшей степени не желательно. Мѣстный судья, коротко знакомый не только съ мѣстными условіями, но нерѣдко и съ лицами, широко пользуется своимъ правомъ разрѣшать дѣло по совѣсти, свободно оцѣнивать представленные доказательства, и стремится въ каждомъ случаѣ обнаружить не формальную, а

реальную правду. Правильно-ли, логично-ли подчинить его рѣшенія второй инстанціи, привыкшей къ формальному отношенію къ сторонамъ и ихъ требованіямъ и мало знакомой съ міромъ тѣхъ маленькихъ интересовъ, которые ей придется разсматривать и разрѣшать? Какъ крестьянскій судъ, дѣйствующій на почвѣ обычая и мѣстныхъ условій, нельзя подчинить, безъ логическаго противорѣчія и практическаго вреда, такому суду, который обязанъ руководствоваться только писаннымъ закономъ; такъ и на томъ же основаніи мѣстный не крестьянскій судья долженъ имѣть вторую инстанцію, составленную изъ такихъ же мѣстныхъ судей. Только коллегія такихъ судей, знакомыхъ также съ мѣстнымъ житейскимъ обиходомъ, имѣетъ возможность оцѣнить, какъ слѣдуетъ, рѣшеніе и понять соображенія, по которымъ извѣстные доказательства отвергнуты, а другія положены въ основаніе рѣшенія.

Ф. Соллогубъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Полезная бібліотека. Т. Стивенсъ. Вокругъ свѣта на велосипедѣ. Двѣ части. Переводъ съ англійскаго. СПб. 1896.

Недавно газеты сообщали о какомъ-то французѣ Мило, который, на пари, совершилъ путешествіе изъ Антверпена въ Брюссель *затылкомъ впередъ*, т. е. всю дорогу пятясь назадъ. Теперь этотъ Мило предпринимаетъ кругосвѣтное путешествіе тѣмъ же ракоподобнымъ образомъ, и если это замѣчательное предпріятіе удастся, то, конечно, въ лучахъ славы предпримчиваго француза поблѣднѣетъ и исчезнетъ слава нашихъ Берновыхъ, Пѣшковыхъ и т. п. Подвигъ Мило забудется не ранѣе, прежде чѣмъ явится другой герой, который проползетъ вокругъ свѣта на четверенькахъ или проскачетъ на одной ногѣ. Насладиться такимъ зрѣлищемъ суждено, конечно, ужъ не нашему, а двадцатому вѣку.

Американецъ Стивенсъ принадлежитъ какъ разъ къ этому разряду спортсменовъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ (1884—1886) онъ проѣхалъ на велосипедѣ черезъ Америку, отъ С. Франциска до Нью-Йорка, переправился въ Англію, проѣхавши которую перебрался во Францію, изъ которой черезъ Германію, Австрію, Сербію, Болгарію, Турцію попалъ въ Малую Азію, объѣздивъ ее, заѣхалъ въ Арменію и черезъ Курдистанъ добрался до Персіи. Изъ Персіи моремъ переѣхалъ въ Индію, исколесивши которую, перебрался черезъ Китай въ Япо-

нію, оттуда черезъ океанъ переправился домой. Ну и чтожь? Да совсѣмъ ничего: въ результатѣ курьезнаго путешествія—довольно тощая книга, въ которой сообщаются о проѣханныхъ странахъ свѣдѣнія, давно вошедшія въ элементарные учебники географіи. Даже издатель или переводчикъ книги Стивенса признаетъ въ „предисловіи“, что „замѣтки Стивенса не блещутъ ни глубокою мыслью, ни серьезностью содержанія, но за то даютъ массу интереснаго матеріала для легкаго чтенія“. Но строго говоря, даже этого нельзя сказать. Такъ какъ мысли Стивенса во время пути сосредоточивались главнымъ образомъ на велосипедѣ, на его сохранности и исправности, да еще на заботахъ объ обѣдѣ и о ночлегѣ, то значительная часть книги довольно утомительна по своему однообразію. Насъ заинтересовала другая, болѣе общая, такъ сказать, идейная сторона дѣла. Рассказывая о жителяхъ Востока и упомянувъ объ ихъ привычкѣ „почесываться“, Стивенсъ замѣчаетъ: „Одинъ извѣстный экономистъ сожалѣлъ о непризводительно затрачиваемой энергіи собакъ для вилянія хвостомъ; какъ же бы горько оплакивалъ онъ упомянутое только что занятіе, повсюду распространенное въ Азіи и на которое тратится не мало силъ“. Надо думать, что „извѣстный экономистъ“ еще болѣе горько оплакивалъ бы подвиги героевъ велосипеднаго спорта. Производительно-ли затрачивалъ свою энергію Стивенсъ? А энергія эта въ самомъ дѣлѣ изумительна. Стивенсу приходилось въ дорогѣ встрѣчаться и сражаться съ хищными звѣрями, а однажды даже съ гремучей змѣей; приходилось голодать и холодать, переправляться съ опасностью для жизни черезъ невѣдомые потоки и т. д. и т. д. Всѣ эти свои приключенія Стивенсъ рассказываетъ очень просто, безъ всякой рисовки, въ нѣкоторыхъ, особенно трагическихъ случаяхъ онъ даже скрываетъ развязку, ставя многозначительное многоточіе. Такъ, рассказавъ объ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ столкновеній съ китайцами, онъ заключаетъ слѣдующимъ образомъ: „Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ я въ Китаѣ, мнѣ пришлось прибѣгнуть къ помощи револьвера, который сослужилъ мнѣ отличную службу.....“ Что скрывается подъ этимъ многоточіемъ? Несомнѣнно, убійство одного, а быть можетъ, и нѣсколькихъ человѣкъ. Простыя остротки револьверомъ Стивенсъ описываетъ безъ всякихъ стѣсненій и не называетъ ихъ *отличной службой*. Итакъ, многократный рискъ собственной жизнью и отнятіе чужой—ради чего? Ужь, конечно, лучше бы Стивенсу сидѣть дома и тратить свою энергію хотя на „безпрестанное почесываніе“, нежели на такіе подвиги.

Басни и были. Н. В. Масловича. СПб. 1896.

Одну изъ своихъ басенъ г. Масловичъ заключаетъ такимъ замѣчаніемъ *pro domo*:

Чтожъ, можетъ быть стихи мои не безъ грѣховъ:
Написъ читатели и для моихъ стиховъ.

Еще бы не найтись! Дѣло въ томъ, что г. Масловичъ—дѣятель той „малой прессы“, число читателей которой увеличивается съ каждымъ новоиспеченнымъ грамотѣемъ. Достаточно обладать простой грамотностью, чтобы вступить на равныхъ правахъ въ собесѣдованіе съ г. Масловичемъ и оцѣнить всѣ красоты его творчества. Какой Петрушка затруднится оцѣнить всю соль хотя бы такой басни:

На вишняхъ гаюкъ попь пугай,
Увидѣль въ кѣткѣхъ попугай.....
Вдругъ, слышитъ, молвить попугай:
„Пожалуй, гаюкъ попь пугай,
Но все же гаюкъ, попь пугая,
Покой не нарушай напрасно попугай“!

Ловко! Вотъ это такъ ловко! Можно чести приписать!

Изъ сочинителей рѣдко который можетъ такъ складно придумать: „попь пугай, попугай“. И это только одна басня, а въ книжкѣ ихъ больше сотни—то-то счастье!

Нужды. Сборникъ стихотвореній. Москва. 1896—97 г.

Прежде всего, разумѣется, мы были заинтересованы заглавіемъ сборника: какія „нужды“, чьи нужды? Еще болѣе удивились мы, когда увидѣли дальше, что сборникъ—плодъ совмѣстныхъ трудовъ *тридцати восьми* авторовъ, между которыми мы не нашли ни одного знакомаго имени! Варлыгинъ, Козыревъ, Коноплясовъ, Разореновъ, Чемисовъ, Шкулевъ и т. д. — слышали-ли вы о такихъ поэтахъ? Дѣло начало для насъ нѣсколько разъясняться, когда мы увидѣли посвященіе, которое гласитъ такъ: „Доброй памяти своего собрата Ивана Дмитриевича Родіонова посвящаетъ кружокъ самоучекъ—писателей“. Издателемъ сборника является тотъ же „кружокъ самоучекъ—писателей“. Итакъ, передъ нами рядъ дебютантовъ и при томъ „самоучекъ“, какъ они настойчиво сами себя рекомендуютъ. А „нужды“ при чемъ тутъ? А всѣ они, эти „писатели—самоучки“, опять-таки по ихъ собственному заявленію, претерпѣваютъ или претерпѣвали многоразличныя „нужды“, о чемъ и спѣшатъ довести до свѣдѣнія читателя. Очевидно, сборникъ было бы правильнѣе озаглавить „Отъ нужды“, или „По нуждѣ“, или какъ нибудь эдакъ, чтобы сразу вести читателя въ курсъ дѣла, не возбуждая недоумѣній.

Нашъ рецензентскій опытъ обширенъ, но должно сознаться, никогда мы не чувствовали себя въ болѣе странномъ и неловкомъ положеніи, нежели въ эту минуту: передъ нами тридцать восемь молодыхъ поэтовъ, и всѣ они ничему не учились и всѣ они, сверхъ того, терпятъ лишенія, „нужды“. Что сказать имъ? Осмѣять ихъ было бы легко, но было бы безчеловѣчно, да и не цѣлесообразно, потому что насмѣшка—превосходное оружіе противъ вредныхъ писателей, но неумѣстна противъ писателей, начинающихъ прямо съ заявленія о своей духовной и матеріальной безпомощности. Однако, съ другой стороны, вѣдь литература и не страннопріимный домъ, и мы обязаны, какъ бы это ни было лично для насъ тяжело, *обязаны* спросить нашихъ дебютантовъ: съ чѣмъ вы идете въ литературу? Что имѣете вы сказать намъ? Почему вы считаете себя пригодными къ столь трудному дѣлу, какъ поэтическое творчество? Выслушайте, читатель, отвѣтъ: „роль писателя слишкомъ увлекательная роль. Кто изъ насъ въ отрочествѣ, а затѣмъ въ юношествѣ (т. е. въ юности—э-эхъ!) не мечталъ сдѣлаться писателемъ? Только тотъ пойметъ всю силу восторженнаго состоянія, кто испыталъ это состояніе. Человѣкъ, непричастный къ литературѣ, не можетъ понять и оцѣнить всю силу восторга и радостей дебютанта—литератора“ (Предисловіе). Въ разсказахъ покойнаго Горбунова одинъ купецъ на вопросъ: зачѣмъ вы пьянствуете? отвѣчаетъ: „для восторга—съ!“ Отвѣтъ купца смѣшенъ, но вѣдь это—тотъ самый отвѣтъ, который даютъ намъ и наши дебютанты. Существенная разница заключается въ томъ, что купецъ говоритъ о дѣлѣ личномъ и ничтожномъ, тогда какъ наши поэты говорятъ о дѣлѣ общественномъ и серьезномъ, отчего и отвѣтъ ихъ перестаетъ быть только комичнымъ и становится—не прогнѣвайтесь, господа—просто-таки неприличнымъ. Наши дебютанты, повидимому, сами сообразили это и поспѣшили выдвинуть другой аргументъ, слѣдующій: „Прослѣдите работы поэтовъ—самоучекъ, а чаще всего простыхъ стихотворцевъ, вникните въ смыслъ написаннаго какъ можно поглубже, и вы не можете не замѣтить, какъ мѣстами блестятъ искорки таланта, правда, искорки маленькія, слабенькія, чуть примѣтныя, но всетаки искорки того Божьяго дара, который дается далеко не каждому и который составляетъ удѣлъ избранныхъ. Но какъ же требовать проявленія большихъ и болѣе или менѣе смѣлыхъ взмаховъ отъ того, чья ладья *обуреваемая бурей* (э-эхъ!) житейскаго моря и безъ того едва держится на поверхности воды“ (Предисловіе). Это значить, что наши дебютанты пишутъ не для собственнаго „восторга“ только, но и для восторга читателя. Тутъ кроется нѣкоторое недоразумѣніе, которое надо разъяснить. Совершенно справедливо говорятъ

господа дебютанты, что они не поэты, а „чаще всего простые стихотворцы“. Такъ неужели же они серьезно думаютъ, что умѣнье писать стихи есть „Божій даръ, который составляетъ удѣлъ избранныхъ“? Къ числу *такихъ* избранныхъ смѣло могутъ быть причислены очень многіе клубные швейцары и трактирные половые, которые поздравляютъ своихъ „господъ“ съ новымъ годомъ и съ широкой масляницей иногда въ очень даже гладкихъ стихахъ собственнаго издѣлія. На самомъ дѣлѣ претензіи нашихъ дебютантовъ идутъ гораздо дальше. Скромно называя себя въ предисловіи „стихотворцами—самоучками“, въ своихъ стихахъ они выражаютъ точно такія же надежды, какія въ свое время выражалъ самъ Пушкинъ: „слушъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой“ и т. д. Да, смиренное указаніе на „маленькія, слабенькія, чуть примѣтныя искорки таланта“ выросло у нашихъ дебютантовъ въ слѣдующую самооцѣнку:

Нашѣвы грустные, родные,
Какъ много сердцу вы сказали,
Оцѣнять васъ сердца простыя
И будутъ пѣть васъ въ часъ печали.
Пѣвцы, сыны семьи народной,
Въ васъ видны смѣлыя усилія
Расправить мысли благородной,
Нуждой придавленные крылья.
Затѣмъ—то стихъ вашъ полонъ чувства,
И говорить душѣ такъ много....
Впередъ же, братья, въ міръ искусства,
Хоть и трудна туда дорога.
Дружнѣй, пѣвцы! Заря науки
Надъ Русью милой разгорится,
И ваша пѣснь тяжелой муки
Народомъ русскимъ повторится!

Кстати, это стихотвореніе можетъ служить типическимъ образчикомъ стихотворнаго искусства г. г. дебютантовъ: какъ видите, могло бы и даже должно бы быть лучше, но недурно всетаки, сносно, въ особенности для людей, жизненная ладья которыхъ обуреваются бурей и еле держится на поверхности. Но не въ томъ дѣло. Какъ вамъ нравится такая самооцѣнка? Смѣлыя усилія благородной мысли, стихъ полонъ чувства и много говоритъ сердцу, русскій народъ будетъ повторять ихъ, пѣсни,—да вѣдь ни Кольцовъ, ни Некрасовъ никогда не говорили и не рѣшились бы сказать о своей поэзіи ничего подобнаго! Но негодовать тутъ не на кого и не на что: наивное самомнѣніе нашихъ дебютантовъ происходитъ отъ незнанія, въ которомъ они не виноваты. Они живѣйшимъ образомъ напомнили намъ того поэта Глѣба Успенскаго изъ разсказа „Голодная смерть“, который, указывая въ своихъ стихахъ на нищету и несчастіе, *тоже* думалъ, что открылъ своего рода

Америку, и что всё „испугаются, когда онъ расскажетъ и закричитъ на всѣ бѣлый свѣтъ:—что вы, ребята? Развѣ такъ возможно? Это, братцы, не модель! Что вы, полоумные, очумѣли, что ли?“. Нашлась добрая душа, объяснившая бѣдному поэту—самоучкѣ его основную ошибку. „Онъ напряженно—внимательно вслушивался въ ея рѣчи—вѣдь, ничего онъ этого не зналъ. Не зналъ онъ, что и до него писалось—и Боже мой сколько!—стиховъ на тѣ же темы, что и до него были люди, знавшіе бѣду и желавшіе помочь этому горю.... Ничего онъ этого не зналъ и только ужасался, слушая эти рассказы“. Намъ хотѣлось бы по отношенію къ нашимъ поэтамъ—самоучкамъ сыграть эту же роль доброй души. Увѣряемъ васъ, господа, что Америка давно открыта. Не въ томъ бѣда, что вы *сами учитесь*, а въ томъ, что вы, очевидно, мало учились. Въ противномъ случаѣ, вы не придавали бы своей дѣятельности несоотвѣтствующаго значенія, не смотрѣли бы на стихослагательство, какъ на серьезное занятіе, и нашли бы для себя дѣло менѣе видное и шумное, но болѣе плодотворное, нежели сочиненіе пѣсенъ. Тогда, повѣрьте, и *нужда* отъ васъ отвязалась бы.

В. П. Соколовъ. Новая мама. Повѣсть. Москва 1896.

Умныя и глупыя книги пріятно и нетрудно рецензировать: о первыхъ всегда есть что сказать, есть надъ чѣмъ поразсудить, во вторыхъ всегда найдется что нибудь, надъ чѣмъ можно посмѣяться и пошутить. Но истиннымъ божескимъ наказаніемъ являются для рецензента книги, о которыхъ даже того нельзя сказать, что ихъ не надобно читать. Почему же не надобно? То есть нѣтъ положительной надобности, но и нѣтъ положительной ненадобности, нѣтъ пользы, но нѣтъ и вреда никакого, а вѣдь все жъ таки это книга, а не карты, чтеніе, а не винтъ. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, если авторы такихъ книгъ далеко не принадлежатъ къ разряду большихъ умовъ и талантовъ, то вѣдь позволительно предположить, что далеко и не всѣ писатели обрѣтаются на самомъ высшемъ уровнѣ умственного развитія. А стало быть, какъ ручаться, что та или другая, по вашему и по нашему мнѣнію, безцвѣтная книга не найдетъ себѣ такихъ читателей, которые найдутъ въ ней и кое что новое и кое что поучительное для себя? Если книга *вообще* безвредна—это значитъ, что она *можетъ быть* полезна.

Повѣсть г. Соколова безцвѣтна и безвредна, какъ ключевая вода. Сказавши это, мы свою рецензентскую обязанность исполнили, а теперь ужъ вы сами рѣшайте: пить вамъ или не пить, читать или не читать. Желудка вы себѣ не

испортите, за это вамъ ручаемся, а ужъ тамъ ваше дѣло. Во всякомъ случаѣ мы теперь же можемъ указать на довольно обширный кругъ читателей, которымъ повѣсть г. Соколова можетъ принести положительную и чисто-практическую пользу: это — всѣ наши гимназисты и кадеты старшихъ классовъ. Вотъ, господа, сказали бы мы этимъ молодымъ людямъ, вотъ вамъ образецъ, какъ нужно писать „сочиненія“ по русскому языку, если желаете получить очень хорошій баллъ. Если вы будете внимательны и прилежны, этотъ образецъ отнюдь не приведетъ васъ въ отчаяніе своею недостижимостью — за это мы тоже можемъ поручиться.

Н. А. Лейкинъ. Хлѣбный вопросъ. Юмористическіе рассказы СПб. 1896.

Какъ хорошо быть самимъ собой! — воскликнули мы, просмотрѣвъ книжку г. Лейкина. Еще недавно мы указывали на несообразность сатирическихъ претензій автора, котораго судьба создала просто безобиднымъ юмористомъ, и теперь мы радуемся за него: книжка г. Лейкина преисполнена неподдѣльной веселости, которая доставитъ читателю нѣсколько пріятныхъ минутъ. Для книги, конечно, это немного, но чтожъ вы хотите? Г. Лейкинъ чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

Жоржъ Пелисье. Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Переводъ Ю. В. Доппельмайеръ. Изданіе Б. Т. Солдатенкова. Москва. 1895.

Книга Пелисье — настоящая исторія литературы въ ограниченномъ и наиболѣе точномъ смыслѣ слова; съ одной стороны, — это не исторія идей и не исторія культуры; съ другой — это также не вереница біографій знаменитыхъ писателей, уснащенная эстетическими характеристиками ихъ выдающихся произведеній. Пелисье интересуется только исторіей формы; движеніе идей занимаетъ его лишь постольку, поскольку выясняетъ переходы формъ, поскольку находится во взаимодействіи съ процессомъ творческаго созданія новыхъ орудій выраженія, мысли. Форма какъ способъ эстетическаго воздѣйствія, бездѣльнаго и безслѣднаго, какъ мистическій носитель неопредѣленной красоты, не существуетъ для него; но форма, какъ оттѣнокъ содержанія, какъ отраженіе идейнаго движенія, какъ категория, доступная безграничному совершенствованію, выражаетъ для него весь смыслъ литературной жизни. Возьмемъ первый попавшійся примѣръ. Картезіанскій раціонализмъ оказалъ, несомнѣнно, самое широкое вліяніе на литературу XVII вѣка; историкъ идей найдетъ яркіе слѣды этого вліянія на много-

образныхъ воззрѣніяхъ, нашедшихъ выраженіе въ литературной формѣ. Но историкъ литературы обходитъ эти воззрѣнія и воздѣйствіе теоріи „чистаго разума“ на литературу находитъ въ ея формахъ: въ методично-правильномъ стилѣ, въ логической послѣдовательности, въ исключеніи изъ области поэзіи свободы вдохновенія и въ подчиненіи ея строгому литературному канону; реализмъ индивидуальныхъ подробностей скрывается за абстракціями раціоналистическихъ обобщеній, а критика сводится на механическое сопоставленіе художественнаго произведенія съ непогрѣшимымъ кодексомъ „искусства поэзіи“. Въ области литературы, какъ и въ мірѣ религіи, философіи, политики, все кажется въ эту эпоху ясно и твердо определеннымъ и вотъ—, одѣ предписана та мнимая свобода стиха, что требуетъ искусной и тщательной выработки; эпопея неразрывно связана съ сказочнымъ элементомъ, а трагедія, во всѣ времена, должна выводить на сцену идеальныхъ героевъ, декламирующихъ александрійскими строфами свои гармоническія, высокопарныя тирады“.

Такова исходная точка, съ которой Пелисье излагаетъ исторію французской литературы XIX вѣка; его книга не пестритъ именами писателей и названіями книгъ; въ ней нѣтъ ни библиографическихъ указаній, ни біографическихъ анекдотовъ. Но значительныя фазы литературнаго движенія находятъ здѣсь мѣткую и широкую характеристику такъ же, какъ личности и дарованія самыхъ типичныхъ представителей этихъ поворотовъ въ общественномъ сознаніи, отраженныхъ на жизни литературы. Классицизмъ, смѣняется „провозвѣстниками XIX вѣка“—Руссо, Бернардень-де-Сенъ-Пьеромъ, Дидро, Мерсье и Шенье. Новая литература открывается лишь съ виду противоположными основателями романтизма—м-те де-Сталь и Шатобріаномъ; классицизмъ, клонящійся къ упадку, не можетъ—не смотря на усилія своихъ послѣднихъ представителей, Дюссоа и Делила—утоять предъ напоромъ свѣжихъ силъ; романтизмъ устраняетъ холодную разсудочность псевдо-классиковъ и отвергаетъ условный кодексъ законовъ „изящнаго вкуса“. Литературный языкъ обновляется или, вѣрнѣе, возвращается къ своему источнику—живой народной рѣчи. Всѣ области литературнаго творчества захвачены этимъ мощнымъ потокомъ. Беранже, Ламартинъ, Мюссе и Барбье въ лирикѣ, Дюма и де-Виньи въ драмѣ, Готье въ романѣ, и Викторъ Гюго во всѣхъ родахъ поэзіи—таковы борцы за новое направленіе въ искусствѣ. Не менѣе глубоко переверотъ, произведенный романтизмомъ въ исторіи,—достаточно назвать Тьери, Гизо, Минье, Тьера и Мишле,—и въ художественной критикѣ, гдѣ, за слабыми попытками новаторства Вильмена и Низара, расцвѣтаетъ дарованіе „луч-

щаго критика нашего вѣка“ Сентъ-Бева. Исканіе правды приводитъ романтическое движеніе къ преобладанію въ изящной литературѣ любимаго дѣтища новѣйшей поэзіи—романа; лирическая манера *Сенъ-Прэ* Руссо, *Коринны* г-жи Сталь и *Рене* Шатобріана переходитъ въ объективированіе неприкрашенной дѣйствительности въ богатомъ литературномъ наслѣдіи Жоржъ Зандъ, Стендаля и Бальзака. Это уже не чистый романтизмъ, блестящее полувѣковое господство котораго уступаетъ въ силу естественной реакціи новому литературному направленію. *Реализмъ*, какъ это ни кажется съ перваго взгляда неожиданнымъ, отражается прежде всего на лирикѣ—въ послѣднихъ сборникахъ Гюго, у Леконтъ-де-Лилля, Сюлли Прюдома, Коппе и Бодлера; въ критикѣ онъ находитъ выраженіе въ трудахъ Тэна, въ исторіи—у Ренана. Романъ, окончательно замѣнившій безплотныя вымыслы конкретной правдой, носитъ еще нѣкоторые слѣды безпочвенности романтиковъ-идеалистовъ въ тенденціозномъ морализованіи Октава Фейлье, но затѣмъ сразу становится на непоколебимую почву истинно реального творчества въ оригинальномъ творчествѣ Флобера. Отъ него и Гонкуровъ ведетъ свое происхожденіе новѣйшій „натурализмъ“, приобрѣвшій себѣ „абсолютнаго законодателя“ въ Зола и блестящаго представителя въ Додэ. Наконецъ, драма совершаетъ знаменательный переходъ отъ *Эрнани*, экзальтированнаго продукта ирреальной декламации романтизма, къ *Дамъ съ камнями*, въ которой реализованы уже всѣ основныя черты теоріи сценической правды. Характеристикой наиболѣе сильнаго изъ эпигоновъ Дюма-Эмиля Ожье—заканчивается книга Пелисье. Въ будущемъ онъ не видитъ плодотворныхъ отступленій отъ пути, намѣченнаго создателями реального искусства. „Новая красота“ декаданса и нео-мистицизма производитъ на него впечатлѣніе настоящаго вырожденія, гдѣ чувствуется какое-то искусственное, наркотическое возбужденіе утраченной способности вѣрить, гдѣ утонченнымъ дандизмомъ прикрывается полное творческое безсиліе. Эволюція литературы не внесетъ сплошнаго отрицанія ея теперешней стадіи; реализмъ очистится лишь отъ всякой наносной грязи и сохранитъ свою суть—искреннее стремленіе извлечь наибольшую нравственную пользу изъ жизненной правды. Въ этомъ видѣ онъ не подходитъ уже для противоположенія якобы враждебнаго ему „идеализма“: въ немъ необходимо будетъ признать „имъ же созданный и осуществляемый идеалъ благотворнаго искусства“.

Книга Пелисье весьма содержательна; бѣдная конкретными фактами, она не даетъ основательныхъ познаній. Но тотъ, кто ихъ уже имѣетъ, найдетъ въ этой книгѣ рядъ цѣн-

ныхъ обобщеній, которыя приведутъ въ новую систему его готовыхъ знаній и тѣмъ удесятерять ихъ цѣнность.

Гиббинсъ. Англійскіе реформаторы. Переводъ А. А. Соинна. Москва. 1896.

Англійскому экономисту-историку, Гиббинсу, пришла въ голову счастливая мысль познакомить читающую публику съ жизнью нѣкоторыхъ выдающихся своихъ соотечественниковъ, которые словомъ или дѣломъ содѣйствовали осуществленію началъ правды и справедливости, отзывались на нужды нисшихъ классовъ, на страданія несчастныхъ и обездоленныхъ. Гиббинсъ выбираетъ нѣсколько выдающихся моментовъ исторіи Англіи, когда ходъ развитія этой страны, вообще спокойный и ровный, становится болѣе бурнымъ, получаетъ нѣкоторый драматическій характеръ. Въ такія переходныя эпохи, когда въ странѣ совершается крутой переворотъ во всѣхъ общественныхъ и политическихъ условіяхъ, рѣзче, чѣмъ когда-либо, выдѣляются отдѣльныя личности, стоящія по уму, талантамъ, смѣлости и энергіи выше общей массы, формулирующія ясно и опредѣленно то, что другими только смутно сознается, увлекающія за собою толпу, практически осуществляющія давно назрѣвшія, но скрытыя еще насущныя потребности. Гиббинсъ останавливается преимущественно на трехъ памятныхъ моментахъ англійской исторіи. Сюда относится, во первыхъ, эпоха крестьянскаго возстанія, происшедшаго въ концѣ 14-го вѣка, вслѣдствіе желанія лордовъ снова вернуться къ крѣпостному праву, которое доживало уже тогда свои послѣдніе дни, вслѣдствіе попытки лордовъ возстановить прежнія натуральныя повинности крестьянъ, барщину и пр., замѣненные ужъ тогда денежными повинностями. Въ эту эпоху особенно выдѣляются „нищій-поэтъ“—Уильямъ Лэнглендъ, авторъ знаменитаго „Петра Пахаря“, явившагося выраженіемъ тогдашнихъ чувствъ и настроенія народа, и „безумный попъ“ Джонъ Болль. Послѣдній принадлежалъ къ числу тѣхъ „нищихъ поповъ“, послѣдователей Винклера, которые странствовали изъ деревни въ деревню, выражая сочувствіе страждущимъ и угнетеннымъ и разъясняя бѣднымъ ихъ положеніе...

Другой моментъ англійской исторіи, на которомъ останавливается Гиббинсъ, есть эпоха XVI столѣтія, когда во всѣхъ сторонахъ англійской общественной жизни происходитъ сильный переворотъ. Уже начиная съ XIV вѣка хозяйство Англіи переживаетъ крупныя измѣненія. Постоянный ростъ англійскихъ суконныхъ мануфактуръ содѣйствуетъ все боль-

шему и большому расширенію овцеводства. Безпрерывное превращеніе пахотныхъ земель въ луга и пастбища, изгнаніе несчастныхъ крестьянъ изъ деревень, постепенное огораживаніе общинныхъ земель—таковы характерныя особенности тогдашняго англійскаго хозяйства, обращающія на себя вниманіе наблюдателя. Но не только эти хозяйственныя условія, носящія мѣстный характеръ, внесли переворотъ въ общественную жизнь Англіи XVI-го ст. Сюда присоединились и причины болѣе общаго характера: крупныя географическія открытія, перевернувшія вверхъ дномъ условія тогдашняго обмѣна и торговли, и возрожденіе наукъ и искусствъ, возбудившее въ умахъ современниковъ столько свѣтлыхъ надеждъ, столько энтузіазма и вѣры во все возвышенное и благородное. Въ эту великую эпоху Англія произвела на свѣтъ Томаса Мора, явившагося выразителемъ чувствъ и чаяній, благородныхъ порывовъ и высокихъ стремленій, которыми были воодушевлены лучшіе люди тогдашняго времени. Гиббинсъ знакомить насъ съ знаменитой „Утопіею“ Мора, съ благородной жизнью и героической кончиною ея автора. Хотя „Утопія“, какъ показываетъ само названіе, переноситъ насъ въ несуществующую страну и несуществующія условія, тѣмъ не менѣе въ ней, какъ и во всѣхъ вообще утопическихъ романахъ, отражается дѣйствительность, на ней лежитъ печать историческаго періода. Это сочиненіе бросаетъ яркій свѣтъ на религіозную нетерпимость, на политическій гнетъ, на социальную несправедливость, характеризующія тогдашній періодъ англійской исторіи.

Гиббинсъ даетъ намъ, далѣе, характеристику жизни и дѣятельности Джона Уэсли, основателя методизма, и Вильберфорса, одного изъ выдающихся борцовъ за уничтоженіе американскаго невольничества. Онъ останавливается затѣмъ на промышленной революціи, вызванной блестящими техническими изобрѣтеніями конца прошлаго столѣтія, которыми Англія воспользовалась раньше другихъ странъ свѣта. Этотъ крупный экономическій переворотъ, содѣйствовавшій быстрому росту богатства, сопровождался для трудящейся массы такими ужасными бѣдствіями, что породилъ страшное „бѣлое невольничество“, предъ которымъ меркнуть ужасы рабства. Въ эту эпоху Англія выдвигаетъ рядъ личностей, посвятившихъ всю свою жизнь на борьбу съ этими общественными несправедливостями. На первомъ планѣ стоитъ Робертъ Оуэнъ, знаменитый директоръ ньюланаркской фабрики, пріобрѣтшей за короткое время такую славу, что государственные люди и коронованныя особы, напр. Николай I, пріѣзжали сюда смотрѣть небывалые порядки, введенные выдающимся филантропомъ. Оуэнъ впервые осуществилъ на практикѣ зна-

чительное сокращеніе рабочаго дня, онъ на дѣлѣ доказаль пользу потребительныхъ товариществъ, онъ явился однимъ изъ первыхъ основателей дѣтскихъ школъ при фабрикахъ, придерживаясь того мнѣнія, что образованіе рабочихъ, а въ особенности малолѣтнихъ—лучшее средство для улучшенія соціального строя. Въ этотъ-же періодъ англійской исторіи выдѣляются такіе люди, какъ Остлеръ и лордъ Эшли, — первые борцы за англійское рабочее законодательство, призванное хоть отчасти смягчить вредныя послѣдствія тяжелаго фабричнаго труда. Люди эти съ неутримою энергіею боролись за это скромное, но хорошее дѣло, и не смотря на противодействіе не только со стороны фабрикантовъ, но и со стороны такихъ экономистовъ, какъ Кобденъ и Брайтъ, ихъ задача въ концѣ концовъ всетаки была осуществлена: англійское рабочее законодательство дало толчекъ къ такимъ-же мѣропріятіямъ на континентѣ и до извѣстной степени служить образцомъ для европейскихъ странъ.

Послѣднія главы книги Гиббинса посвящены Карлейлю и Рэскину. Не смотря на крайнюю односторонность воззрѣній Карлейля, на парадоксы и преувеличенія, которыми богаты его сочиненія, не смотря на то, что онъ не указываетъ почти никакихъ практическихъ средствъ для исцѣленія тѣхъ недуговъ современнаго общества, которыми онъ нарисовалъ столь мастерской рукой, онъ оказалъ на англійское общество весьма сильное и благотворное вліяніе, призывая людей на работу въ пользу страждущихъ и обездоленныхъ, будя мысли и возбуждая добрыя чувства своихъ соотечественниковъ. Рэскинъ, являющійся прежде всего художественнымъ критикомъ, оцѣниваетъ и современныя соціальныя неурядицы съ точки зрѣнія художника. При современныхъ соціальныхъ условіяхъ, восклицаетъ онъ, когда „проклятіе тьмы“ тяготитъ надъ всей нашей жизнью, нечего пытаться создавать истинно художественныя произведенія, „ибо стараться внести красоту въ тѣнь, когда всѣ реальныя вещи, бросающія эти тѣни, остаются безобразными и жалкими,—дѣло самое бесплодное, какое только можно себѣ представить“. По своимъ практическимъ предложеніямъ Рэскинъ приближается къ нѣмецкимъ катедеръ-соціалистамъ.

Книга Гиббинса не лишена нѣкоторыхъ недостатковъ. Его характеристики, въ особенности характеристики Оуэна, Кингсли и нѣкоторыхъ другихъ, часто поверхностны и блѣдны. Выборъ „соціальныхъ реформаторовъ“ сдѣланъ довольно произвольно; неизвѣстно, какими соображеніями руководствовался авторъ, выбирая однихъ и умалчивая о другихъ. Почему, напр., въ ряду выдающихся англичанъ не поставлены Годвинъ, John Cartwright, Gobbet, W. Thom-

рзон, наконецъ, столь омпатичный и благородный дѣятель, какъ рано умершій Арнольдъ Тойнби? Но при всѣхъ этихъ недостаткахъ книга Гиббинса всякимъ прочтется съ большимъ интересомъ. Всякому полезно и пріятно провести, говоря словами Карлейля, хоть короткое время въ обществѣ выдающихся людей. Какого-бы кто мнѣнія ни держался на роль личности въ исторіи, нельзя востати отрицать того, что великіе люди, опережающіе свой вѣкъ или просто ярко формулирующіе тѣ идеи, которыя уже носятъ въ воздухѣ, въ значительной степени содѣйствуютъ болѣе быстрому проведенію въ жизнь тѣхъ великихъ социальныхъ реформъ, которыя безъ ихъ содѣйствія осуществились-бы гораздо позже.

Александръ Миклашевскій. Рабочій вопросъ и социальное законодательство въ Германіи. Спб. 1896.

„Обрисовать въ сжатой формѣ, но достаточно вразумительно и ясно, положеніе рабочаго населенія, характеръ общественныхъ движеній и социального законодательства не такъ легко, какъ это представляется по первому впечатлѣнію. Только непосредственное знакомство съ предметомъ, личныя наблюденія и, наконецъ, наличность оффиціального отчета по тому же предмету даютъ намъ смѣлость въ небольшомъ масштабѣ обозрѣть то, что могло-бы служить предметомъ для безконечнаго ряда монографій“. Этими словами г. А. Миклашевскій характеризуетъ задачу, которую онъ поставилъ себѣ въ изданной недавно маленькой книжкѣ „Рабочій вопросъ“, напечатанной уже раньше въ видѣ статьи въ Сборникѣ Правовѣдѣнія (т. III).

Можетъ-ли попытка г. Миклашевскаго быть названа успѣшной? Въ его книжкѣ читатель найдетъ массу цифръ относительно количества промышленныхъ и земледѣльческихъ работъ, распредѣленія ихъ по различнымъ предпріятіямъ, ихъ положенія и пр., множество фактовъ, касающихся рабочихъ союзовъ, стачекъ, производительныхъ и потребительныхъ товариществъ, участія рабочихъ въ прибыли предпріятія, разнообразныя свѣдѣнія о фабричномъ законодательствѣ въ Германіи, о страхованіи рабочихъ, призрѣніи бѣдныхъ и еще многое другое. Но много-ли пользы извлечетъ читатель изъ этого обильнаго матеріала? Дѣйствительно-ли удалось г. Миклашевскому обрисовать положеніе рабочаго населенія „вразумительно и ясно“, въ этомъ мы позволимъ себѣ усомниться. Весь этотъ богатый матеріалъ расположенъ безъ всякаго плана и порядка; почти каждая страничка испещрена цифрами и таблицами, часто совершенно лишними; факты сообщаются въ какой-то отрывочной формѣ; за авторомъ почти нѣтъ

возможности слѣдить, такъ какъ онъ, не заканчивая одного вопроса, уже перескакиваетъ къ другому. Поэтому, не смотря на обиліе матеріала, читатель часто остается въ недоумѣніи относительно самыхъ существенныхъ фактовъ, которыхъ касается книжка г. Миклашевскаго. Возьмемъ для примѣра фабричное законодательство въ Германіи. Читатель не найдетъ въ разбираемой книжкѣ яснаго отвѣта даже на такіе элементарные вопросы, какъ вопросъ о томъ, воспрещается-ли воскресный трудъ для фабричныхъ рабочихъ вообще и для женщинъ и дѣтей въ частности, допускается-ли ночная работа дѣтей и подростковъ и т. п. Г. Миклашевскій вертится все вокругъ да около этихъ вопросовъ, но яснаго отвѣта не даетъ. „Рабочіе, которые вслѣдствіе условій производства принуждены работать по воскресеньямъ, говорить г. Миклашевскій, имѣютъ право на дневный отдыхъ въ другой день недѣли. Воскресный трудъ не можетъ продолжаться болѣе 8 часовъ. Законъ 1892 года воспрещаетъ воскресный трудъ для значительнаго числа торговыхъ заведеній“ (стр. 30—31). Относительно-же воскреснаго труда женщинъ нѣтъ ни слова; мы находимъ только слѣдующую фразу: „предъ праздниками онѣ заканчиваютъ работу не позже 5 1/2 часовъ вечера“. Едва-ли можно на основаніи этихъ неопредѣленныхъ фразъ составить себѣ ясное мнѣніе насчетъ того, воспрещенъ-ли воскресный трудъ для *фабричныхъ рабочихъ* и въ частности для женщинъ и дѣтей, или нѣтъ. Столь-же не разрѣшеннымъ остается для читателя вопросъ о ночной работѣ дѣтей и подростковъ. „Работа дѣтей до 14 л. возраста можетъ длиться только шесть часовъ съ отдыхомъ по срединѣ труда въ полчаса, подростки отъ 14 до 16 могутъ работать 10 часовъ съ часовымъ отдыхомъ въ обѣденное время и получасовымъ утромъ и вечеромъ“. Но въ продолженіе какого времени можетъ совершаться эта работа? Г. Миклашевскій забылъ прибавить, что работа эта можетъ начинаться не ранѣе 5 1/2 ч. утра и кончатся не позже 8 1/2 ч. вечера. Изложеніе автора довольно небрежно. Въ книжкѣ встрѣчаются, напр., „рабочій предметъ“ вмѣсто „рабочій вопросъ“, „заработная плата капитала и труда“ и т. п. Вообще вся книга г. А. Миклашевскаго, и по внѣшности, и по содержанію, производитъ впечатлѣніе поспѣшно и небрежно составленнаго конспекта, въ которомъ, въ лучшемъ случаѣ, разберется развѣ только самъ авторъ.

Николай Гротъ. Основанія экспериментальной психологіи. М. 1896.

„Задачей нашего очерка, говоритъ авторъ (стр. 55), было

показать, что наэрѣло время для признанія и разработки совершенно самостоятельной науки—*экспериментальной психологiи*, а къ какому факультету будетъ причислена каяедра этой науки и необходимая для нея лабораторія—не все-ли равно?!“ „Будетъ грустно и стыдно, если русскіе университеты откажутся отъ учрежденія кабинетовъ экспериментальной психологiи только потому, что нельзя будетъ достигнуть соглашенія по вопросу о томъ, при какомъ факультетѣ должна состоять эта полезная и необходимая наука“ (стр. 55). До сихъ поръ мы почти совершенно согласны съ авторомъ, согласны съ нимъ также и тогда, когда онъ говоритъ: „Всякое дѣло требуетъ спеціалиста, и психологъ долженъ быть прежде всего *психологомъ*“ (стр. 53). Однако, мы не можемъ не замѣтить, что авторъ не особенно твердъ въ своей безпристрастной позиціи; дѣйствительная его симпатія обнаруживается уже однимъ слѣдующимъ, болѣе чѣмъ рискованнымъ, утвержденіемъ: по его мнѣнію, для психолога-экспериментатора быть „*филологомъ и историкомъ*—по образованію и мышленію, пожалуй, болѣе необходимо, чѣмъ быть физикомъ и физиологомъ“ (стр. 53). Какимъ образомъ изученіе фантастическихъ „Метаморфозъ“ можетъ оказаться для психолога-экспериментатора болѣе важнымъ, чѣмъ изученіе физиологическихъ метаморфозъ, совершающихся въ мозгу и нервахъ,—на это, конечно, можетъ дать отвѣтъ только „филологъ по образованію и мышленію“. Конечно, „психологъ долженъ быть прежде всего *психологомъ*“, и, поэтому, пока каяедра психологiи остается у насъ насильственно втиснутою въ среду филологическихъ наукъ, до тѣхъ поръ и кабинетъ экспериментальной психологiи долженъ раздѣлить ту-же участь; но настоящее мѣсто психологической каяедры и психологическаго кабинета ясно указывается тѣмъ обстоятельствомъ, что экспериментальная психологiя создана и почти монополизирована естествоиспытателями.

Читатель, вѣроятно, замѣтилъ въ первомъ цитированномъ нами отрывкѣ фразу автора, что настало время для „разработки совершенно *самостоятельной науки*—экспериментальной психологiи“. Эта фраза не есть результатъ описки автора, хотѣвшаго сказать: настало время разрабатывать психологiю при помощи экспериментальнаго метода, нѣтъ, г. Гротъ вполне сознательно говоритъ объ экспериментальной психологiи, какъ самостоятельной наукѣ, которую онъ противопоставляетъ психологiи и психофизиологiи. По этому поводу нашъ авторъ посвящаетъ нѣсколько страницъ (стр. 30—36) полемикѣ съ Вундтомъ, полемикѣ, о которой мы здѣсь, къ сожалѣнію, не можемъ говорить, ибо попытка отдѣлать истину отъ заблужденія въ полемикѣ г. Грота ~~заставила-бы~~ насъ перейти далеко за

предѣлы рецензіи. Замѣтимъ только, что, если г. Гротъ и правъ, протестуя противъ чрезмѣрнаго расширенія термина „психофизика“, то его собственный терминъ „экспериментальная психологія“ еще болѣе неудаченъ. Совершенно вѣрно, что „психофизикой“ неудобно называть тѣ отдѣлы науки, въ которыхъ изслѣдуются чисто-психическія явленія внѣ ихъ связи съ физическими процессами, какъ, напримѣръ, теченіе представленій; но это всетаки не даетъ права настолько суживать понятіе экспериментальной психологіи, что большинство экспериментовъ въ области психологіи очутятся внѣ области экспериментальной психологіи. Для обозначенія этихъ отдѣловъ существуютъ другіе, болѣе удачные термины, напр., психометрія, и если-бы этихъ терминовъ оказалось недостаточно, то слѣдовало-бы изобрѣсти новые.

Теперь два слова о методахъ. Г. Гротъ не предлагаетъ никакихъ новыхъ методовъ и вообще не вноситъ въ этотъ вопросъ ничего новаго. Но всетаки мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ по этому вопросу въ виду того, что, по нашему мнѣнію, авторъ неправильно оцѣниваетъ сравнительное достоинство различныхъ методовъ. „Общій нашъ выводъ, говоритъ онъ на стр. 41, тотъ, что чисто-психологическіе эксперименты надъ собою, хотя они не только возможны, но могутъ имѣть существенную теоретическую цѣну, въ смыслѣ пособій при постановкѣ научно-психологическихъ проблемъ, не имѣютъ, однако, рѣшающаго значенія для науки психологіи—безъ экспериментальной провѣрки выводовъ посредствомъ *коллективнаго опыта*. Несомнѣнно, говоритъ онъ нѣсколько ниже (стр. 42), что если возможна научная чисто-психологическая экспериментация, то только на почвѣ *коллективнаго самонаблюдения*“. Не смотря на неточность выраженій автора (такъ утвержденіе, что „чисто-психологическіе эксперименты надъ собою“ „не имѣютъ *рѣшающаго* знанія“ не можетъ претендовать на научную точность и опредѣленность), всетаки очевидно, что онъ придаетъ слишкомъ малое значеніе „личному самонаблюденію“ и слишкомъ большое значеніе „коллективному опыту“. Какъ одного случая химическаго соединенія двухъ тѣлъ или одного наблюденія мѣстонахожденія выхода какого нибудь нерва вполне достаточно для открытія въ химіи или въ анатоміи, причемъ дѣло дальнѣйшихъ изслѣдователей сводится только къ *протѣркѣ* опыта или наблюденія перваго изслѣдователя; такъ и одного психологическаго опыта достаточно для открытія извѣстнаго психологическаго явленія, и если это наблюденіе сдѣлано правильно, то „коллективный опытъ“ будетъ имѣть только чисто-статистическое значеніе: онъ опредѣлитъ объемъ, но не содержаніе понятія. Конечно, „*рѣшающаго*“ значенія единичный опытъ не имѣетъ, но не слѣ-

дуетъ, пользуясь неточностью подобнаго выраженія, умалять значеніе личнаго самонаблюденія, *которое всегда остается основнымъ психологическимъ методомъ*, тѣмъ центромъ, вокругъ котораго координируются всѣ остальные методы, задача которыхъ сводится къ провѣркѣ, выясненію и дополненію данныхъ, добытыхъ самонаблюденіемъ.

Душевные движенія. Психо-физиологическій этюдъ д-ра Г. (?) Ланге, профессора копенгагенскаго университета, переводъ М. Н. Спб. 1896.

Эта небольшая книжка уже имѣетъ громкое имя въ ученомъ мірѣ. Со времени ея появленія (первоначально на датскомъ языкѣ въ 1885 году; нѣмецкій переводъ 1887 г., французскій 1894) защищаемая ею новая теорія эмоцій успѣла уже породить пѣлую литературу. Нужно замѣтить, что почти одновременно съ Ланге извѣстный американскій психологъ В. Джемсъ предложилъ свою теорію эмоцій, которая до такой степени согласуется съ теоріею Ланге, что въ большинствѣ статей, посвященныхъ ей, она называется теоріа Ланге-Джемса.

Новая теорія эмоцій совершенно измѣняетъ общепринятый взглядъ на отношеніе эмоціи къ тѣлеснымъ отправленіямъ. „Общераспространенное мнѣніе... состоитъ въ томъ, что всякое событіе, за которымъ слѣдуетъ эмоція, вызываетъ сначала непосредственнымъ образомъ чисто-психическое дѣйствіе — будетъ-ли то возникновеніе новой дѣятельности въ душѣ или водоизмѣненіе уже существовавшаго душевнаго состоянія; затѣмъ, что этотъ совершающійся въ душѣ процессъ именно и есть настоящая эмоція, истинная радость, истинная печаль и т. д., тѣлесныя же проявленія эмоціи составляютъ только побочныя явленія, хотя постоянно препятствующія, но сами по себѣ совершенно не существенны“ (стр. 55—6). Новая-же теорія говоритъ: „вазомоторной (сосудо-двигательной) системѣ мы обязаны всей эмоціональной частью нашей психической жизни, нашими радостями и печалями, нашими счастливыми и несчастными днями. Если бы впечатлѣнія, воспринимаемыя нашими внѣшними органами чувствъ, не обладали способностью возбуждать ея дѣятельность, то мы проводили бы нашу жизнь какъ безучастные и безстрастные зрители; воѣ впечатлѣнія отъ внѣшняго міра обогащали-бы только нашъ опытъ, увеличивали-бы сумму нашихъ знаній, не возбуждая въ насъ ни радости, ни гнѣва, не причиняя намъ ни горя, ни страха“ (стр. 77).

Это различіе между старою и новою теоріями эмоціи хорошо иллюстрируется слѣдующимъ примѣромъ автора: „Если я начинаю дрожать, когда мнѣ угрожаютъ заряженнымъ пистолетомъ, то возникаетъ-ли во мнѣ сначала чисто психиче-

скій процессъ, возникнетъ-ли „страхъ“, который и есть то, что вызываетъ мою дрожь, мое сердцебиеніе, путаницу въ моихъ мысляхъ; или эти тѣлесныя явленія непосредственно вызываются ужасающею причиною, такъ что эмоціи исключительно происходятъ вслѣдствіе функциональнаго расстрой-ства моего тѣла?“ (стр. 55). Какъ читатель, конечно, до-гадывается, первое предположеніе защищается старою теоріею эмоцій, а теорія Ланге защищаетъ второе предположеніе.

Итакъ, возникновеніе разнообразныхъ эмоцій обуслови-вается различными измѣненіями сосудодвигательной системы (и связаннымъ съ этимъ—измѣненіемъ иннервации мускульной системы). Авторъ описываетъ и анализируетъ нѣкоторыя глав-нѣйшія эмоціи, въ результатѣ чего получается слѣдующая схема (стр. 47):

Уменьшеніе произ-					
вольной иннервации				разочарованіе.	
тоже	+	сжатіе сосудовъ печаль.			
тоже	+	тоже	+	спазмы органиче-	
				скихъ мускуловъ . страхъ	
тоже	+	расстройство координацій смущеніе.			
Увеличеніе произвольной иннервации	}		+	спазмы органическихъ мускуловъ нетерпѣніе.	
			+	расширеніе сосудовъ радость.	
		+	тоже	+	расстройство координацій гнѣвъ.

Теорія Ланге представляетъ собою скорѣе общій очеркъ, эскизъ, чѣмъ вполне разработанную теорію. Поэтому при сужденіи о ней нужно различать двѣ вещи: основную идею и разработку этой идеи. Что касается перваго вопроса, т. е., основной идеи, то плодотворность и вѣрность ея, какъ намъ кажется, должна быть признана всѣми непредубѣжденными читателями. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ эмоціи имѣли чисто психическое происхожденіе, тогда часто было-бы совершенно непонятно, зачѣмъ и почему существуютъ физическія прояв-ленія этихъ эмоцій. Такъ напримѣръ, если-бы страхъ имѣлъ чисто психическое происхожденіе, если-бы животное уже подъ вліяніемъ однихъ чисто психическихъ факторовъ чувствовало желаніе уйти, убѣжать отъ страшнаго врага, тогда существо-ваніе тѣхъ физическихъ явленій, которыя возникаютъ при страхѣ и которыя уменьшаютъ его способность къ сопротив-ленію, было бы необъяснимою загадкою, ибо естественный отборъ долженъ былъ-бы стремиться уничтожить эти физи-ческія „проявленія“ страха. Совершенно иначе обстоитъ дѣло, если признать теорію Ланге. Тогда окажется, что самый страхъ, самое желаніе бѣжать отъ врага является слѣдствіемъ физио-

логических процессов, и что поэтому, хотя эти физиологические процессы (состоящие, как мы видели, между прочим, в *уменьшении* произвольной иннервации) и уменьшают способность животного к сопротивлению (как путем борьбы, так и путем бѣгства), однако самое существование их необходимо, ибо безъ нихъ животное не имѣло-бы потребности сопротивляться, т.-е., напр., бѣжать. Слѣдовательно, согласно этой теоріи, естественный отборъ долженъ устранять только тѣ крайніе случаи страха, когда физиологические процессы достигаютъ такой интенсивности, что испуганное животное совершенно лишается способности къ какому-бы то ни было сопротивленію.

Какъ читатель видитъ, мы считаемъ основную идею Ланге совершенно вѣрною и плодотворною. Что же касается вопроса о разработкѣ этой идеи, то нельзя не замѣтить, что въ этомъ отношеніи остается еще сдѣлать очень и очень много. Мы говоримъ здѣсь не о разработкѣ подробностей, не о необходимости указать физиологические процессы, обуславливающие возникновеніе всѣхъ разнообразныхъ эмоцій. Эти подробности, конечно, очень важны, но онѣ важны главнымъ образомъ въ виду практическихъ цѣлей, и, конечно, не отъ нихъ зависитъ самая судьба теоріи. Нѣтъ, мы говоримъ о болѣе общихъ принципиальныхъ вопросахъ. Самое опредѣленіе понятія „эмоція“ страдаетъ у Ланге неясностью. Такъ, онъ отличаетъ „эмоціи“ отъ „страстей“, но устанавливаетъ это различіе такъ несовершенно, что нельзя не согласиться съ Селли, когда тотъ говоритъ (Human Mind, Vol. II, p. 56): „Это различіе кажется мнѣ не вполне яснымъ“. Это различіе устанавливается Ланге слѣдующимъ образомъ:

„Несомнѣнно (говоритъ онъ на стр. 16—17), что, съ одной стороны, печаль, радость, страхъ, гнѣвъ и аналогичныя имъ понятія, а съ другой—любовь, ненависть, презрѣніе, удивленіе и т. п. составляютъ двѣ группы явленій, которыя въ психологическомъ отношеніи должны быть различаемы. Только для первой группы я удержу терминъ „эмоціи“, или душевныя движенія; „другія же останутся страстями, чувствами или пусть ихъ называютъ, какъ угодно“.

„Но граница между этими двумя понятіями никогда не была проведена хотя трудно объяснить, почему по крайней мѣрѣ научная психологія не чувствовала потребности въ болѣе точномъ ихъ разграниченіи“.

„Безусловно необходимо,—по крайней мѣрѣ для всякаго, кто занимается физиологіею этихъ явленій,—различить ихъ другъ отъ друга насколько возможно яснѣе. Такія явленія, какъ страхъ, ярость, радость, мы не должны смѣшивать съ завистью, любовью, страстью къ свободѣ и т. п. Различіе между этими двумя группами заключается не только въ болѣе сложности послѣднихъ аффектовъ, составленныхъ изъ столь разнообразныхъ душевныхъ элементовъ, что въ ихъ образованіи играютъ роль даже умственные процессы, рефлексія, но въ сложности и разнообразіи условій самаго ихъ возникновенія. Такія аффективныя состоянія, какъ любовь, ненависть, удивленіе, образуются изъ сложной системы психическихъ явленій,

въ которую отдѣльныя эмоціи, какъ радость, гнѣвъ, страхъ и т. п., могутъ входить въ видѣ отдѣльныхъ элементовъ, будутъ сами отдѣльными, простыми явленіями“.

Сказаннаго, конечно, исполнѣ достаточно для установленія двухъ группъ, пока въ составъ этихъ группъ входятъ только крайніе ихъ представители, напр., гнѣвъ—съ одной стороны и страсть къ свободѣ—съ другой; но когда мы перейдемъ къ болѣе умѣреннымъ представителямъ группъ, то вышеприведенная характеристика ихъ окажется недостаточной. Авторъ, напримѣръ, характеризуетъ „равочарованіе“, какъ эмоцію, которая только отсутствіемъ „судорожнаго сокращенія сосудовъ“ отличается отъ печали (стр. 45, а также см. вышеприведенную таблицу). Но развѣ „рефлексія“ не играетъ роли при равочарованіи?

Другимъ болѣе важнымъ недостаткомъ ученія Ланге мы считаемъ взглядъ его на отношеніе эмоцій къ чувствованіямъ. Когда авторъ говоритъ, что безъ возбужденія вазомоторной системы мы были-бы „безучастными“ зрителями; когда онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 80) говоритъ о возможности появленія „чисто разсудочнаго“ человѣка, для котораго радость и горе сдѣлаются „только болѣзнями“, „одинаково неприличными для него“,—то онъ, по нашему мнѣнію, глубоко заблуждается на счетъ отношенія между познавательными и эмоціональными элементами нашего духа. Не говоря уже о другихъ соображеніяхъ, касаться которыхъ здѣсь не мѣсто, достаточно замѣтить, что, если значительныя измѣненія отправленія вазомоторовъ обусловливаютъ взрывъ страстей, то и нормальное напряженіе сосудовъ и мускуловъ, необходимое для продолженія жизни, сопровождается значительными чувствованіями. И то же самое ускоренное кровообращеніе въ мозгу, которое усиливаетъ общее радостное настроеніе, увеличиваетъ также и нашу способность „думать“, дѣлаетъ теченіе мыслей болѣе свободнымъ и легкимъ. Ланге глубоко ошибается, когда принимаетъ неустойчивость дикаря за признакъ существованія у него болѣе могучихъ чувствованій; но такъ какъ въ данномъ случаѣ нашъ авторъ только раздѣляетъ довольно распространенный предразсудокъ, то мы и не будемъ связывать опроверженія этого предразсудка съ обсужденіемъ его оригинальной теоріи. Русскій переводъ (который сдѣланъ, очевидно, по французскому и нѣмецкому переводамъ) читается легко. Сдѣлаемъ только одно замѣчаніе: автора зовутъ не Г. Ланге, а К. Ланге, это важно, ибо въ философской литературѣ есть нѣсколько Ланге.

Интеллектуальныя функціи головного мозга. Пр.-доц. В. А. Муратова. Казань. 1896.

Самъ авторъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ содержание своей брошюры (стр. 13):

„1) Можно считать безусловно доказаннымъ, что въ человѣческомъ мозгу существуютъ отдѣльные аппараты, заставляющіе опредѣленными нервными отправленіями. Элементарныя психическія способности (память тѣхъ или другихъ спеціальныхъ представленій) приурочены къ опредѣленнымъ отдѣламъ мозга, локализованы“.

„2) Наравнѣ съ такою чисто-мозговою дѣятельностью, существуетъ обще-мозговая или *интермальная* функція мозга; анатомо-фізіологическая ея основа выражается сочетательнымъ механизмомъ мозга; функціональное условіе—совмѣстное возбужденіе многихъ нервныхъ центровъ и ихъ соединительныхъ путей“.

Брошюра въ общемъ представляетъ интересъ для публики, но, къ сожалѣнію, ея достоинство значительно уменьшается весьма недостаточною обосновкою взгляда автора по самому важному изъ вопросовъ психологіи,—по вопросу о сознаніи.

„Сознаніе, читаемъ мы на стр. 9, развивается изъ способности человѣка противопоставлять себя внѣшнему міру: *прежде всего, следовательно, образуется сознаніе своей личности*“ (Курсивъ нашъ). Такимъ образомъ, по мнѣнію автора, самосознаніе есть явленіе первичное, а сознаніе—явленіе вторичное—развивается изъ самосознанія. Это взглядъ, для выясненія (не говоря уже „для обоснованія“) котораго слѣдовало бы сдѣлать гораздо больше, чѣмъ сдѣлалъ авторъ. Соглашаясь (въ примѣчаніи № 17) съ тѣмъ, что имъ не затронута „философская сторона вопроса“ и заявляя, что „на болѣе полный анализъ психологическихъ процессовъ по существу онъ не претендуетъ“,—авторъ ограничивается простою ссылкой на работу Экснэра, работу, прибавимъ отъ себя, русской публикѣ совершенно неизвѣстную и недоступную.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Кн. А. Кропоткинъ. Стихотворенія. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.

Поль Вуржэ. Трагическая идиллія. Романъ. I и II т. Одесса, 1896 г. Ц. 60 к.

М. Базилевскій. *Соломонъ Бенъ Исаакъ-Раши.* Изд. Я. Шермана. Одесса, 1896 г. Ц. 15 к.

С. Пэнъ. Моисей Маймонидъ. Изд. Я. Шермана. Одесса, 1896 г. Ц. 15 к.

Средне-Азиатскій Вѣстникъ. Научно-литературный журналъ. Июнь 1896 г. Ташкентъ. Ц. 70 к.

Н. А. Крюковъ. Приамурскій край на Всероссийской выставкѣ въ Н.-Новгородѣ. 1896 г.

Наши азиатскіе сосѣди-китайцы. Изд. «Народной Библиотеки» В. Н. Маракуева. Одесса, 1896 г. Ц. 25 к.

Сочиненія Н. А. Добролюбова. Т. IV. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1896 г. Ц. за четыре тома 7 р.

Н. А. Рубакинъ. Рассказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы. Изд. 3-е О. Н. Поповой. Спб., 1896 г. Ц. 18 к.

Чарльзъ Дарвинъ. Путешествіе на кораблѣ «Бигль». Вып. II, изд. М. М. Филиппова. Спб. 1896 г.

А. Ѳ. Кони. За послѣдніе годы. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

В. Г. Щегловъ. Государственный Совѣтъ въ царствованіе императора Александра I. Ярославль. 1895 г. Ц. 3 р.

Его-же. Рѣчь передъ докторскимъ диспутомъ. Ярославль. 1896 г. Ц. 20 к.

А. Образцовъ. Просвѣтительные завѣты Я. А. Коменскаго. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Ф. Ольденбургъ. Народныя школы Европейской Россіи въ 1892—93 году. Спб. 1896. Ц. 50 к.

В. П. Вахтеровъ. Сельскія воскресныя школы. Изд. К. Д. Алчевской. Москва, 1896 г.

В. Раевскій. Изъ жизни народныхъ училищъ. Н.-Новгородъ, 1896 г.

О. О. Сонгинъ. Значеніе высшаго техническаго образованія для русской промышленности. Н.-Новгородъ, 1896 г.

Н. Барышниковъ. О вліяніи грамотности рабочихъ на улучшеніе фабричной промышленности. Н.-Новгородъ, 1896 г.

С. Сперанскій. Рабочіе дома въ Россіи и за границею. Спб. 1896 г.

Кн. Н. Шаховской. Сельско-хозяйственные отхожіе промыслы. Москва. 1896 г. Ц. 1 р.

М. С. Уваровъ. О вліяніи отхожаго промысла на санитарное положеніе Россіи. Спб., 1896 г.

Густавъ Шенбергъ. Положеніе труда въ промышленности. Библиотека для самообразованія. Москва, 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.

Краткій обзоръ дѣятельности М-ва Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. Спб. 1896 г.

Землевѣдѣніе. Подъ ред. Д. Н. Анучина. Кн. I и II. Москва, 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.

Блекловъ. Карточная система въ земской текущей статистикѣ. Саратовъ, 1896 г.

Сельско-хозяйственный обзоръ Самарской губерніи за 1895—96 г. Самара, 1896 г.

Виды на урожай въ Полтавской губ. въ 1896 г. Полтава, 1896 г.

Урожай 1895 г. въ Костромской губ. Кострома, 1896 г.

Д-ръ П. Н. Прохоровъ. Біологическія основы медицины. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Д-ръ Кюнертъ. Гигіена любви. Одесса, 1896 г. Ц. 50 к.

В. Дмитріевъ. Сравненіе двухъ зимъ въ Ялтѣ. Ялта, 1896 г.

Реформа денежнаго обращенія въ Россіи. Доклады и пренія въ Вольно-Эконом. Общ. Стенографическій отчетъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ рынкахъ Россіи за 1890—95 г. Изд. М-ва Финансовъ Спб., 1896 г.

А. И. Поперековъ. Какъ играть на фортепіано, не зная нотъ. Спб., 1896 г. Ц. 20 к.

Историческій очеркъ дѣятельности російской общ. Краснаго Креста. Спб., 1896 г.

Изъ Германіи.

Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ я въ нѣсколькихъ словахъ отмѣтилъ тѣ общія условія нѣмецкой жизни, на почвѣ которыхъ возникаютъ различныя теченія общественной мысли съ характернымъ отпечаткомъ апостольства и пророчества. Они являются на поверхности каждый разъ, когда общественныя противорѣчія до-развились до такихъ размѣровъ, при которыхъ стороны не только не способны жить въ мирѣ другъ съ другомъ, но и чуть ли не перестали другъ друга понимать. Между такими борющимися крайними группами имѣется обыкновенно еще нейтральный слой, стиснутый враждующими сторонами, и къ нему то главнымъ образомъ обращается взоръ «пророка». Идеализмъ послѣдняго болѣе въ виду борьбы классовъ, сословій, исповѣданій, расъ... не находя для себя возможнымъ примкнуть къ той или иной партіи, пророкъ обращается къ нейтральнымъ слоямъ, возбуждаетъ ихъ своей проповѣдью, стараясь создать изъ нихъ примирительное звено для крайнихъ полюсовъ общества.

Изъ интересующихъ насъ проявленій умственнаго движенія современной Германіи ни въ одномъ такъ рѣзко не проявляется характеръ апостольскаго и пророческаго проповѣдничества, какъ въ «Союзѣ для распространенія Эгидіевскихъ мыслей»... Читатель съ недоумѣніемъ спроситъ: это еще что за мысли?! Поспѣшу отвѣтить: это мысли отставнаго полковника Морица фонъ-Эгиди, одной изъ самыхъ любопытныхъ фигуръ на пестромъ фонѣ реформаторскихъ стремленій современной Германіи.

Лѣтъ 5—6 тому назадъ въ печати и обществѣ обратилъ на себя вниманіе фактъ появленія маленькой, всего страницъ въ 50 брошюры подъ заглавіемъ «Ernstes Gedanken» (Серьезныя мысли). Интересъ къ брошюрѣ усилился еще болѣе отъ распространившагося извѣстія, что ея авторъ, до тѣхъ поръ полковникъ саксонской арміи

фонъ-Эгиди, оставилъ службу и рѣшилъ посвятить себя всецѣло новому роду дѣятельности. Блестящій офицеръ, отпрыскъ одной изъ выдающихся аристократическихъ нѣмецкихъ фамилій, человекъ, которому улыбалась превосходная военная карьера, бросаетъ армію и сочиняетъ «серьезныя мысли»!.. Фактъ несомнѣнно пикантный, заставившій многихъ предположить, что Эгидіевскія мысли, очевидно, не совсѣмъ согласовались съ духомъ военной дисциплины и съ задачами военной службы. Но каждый, прочитавшій «Ernstes Gedanken» фонъ-Эгиди, могъ убѣдиться, что имѣетъ дѣло съ однимъ изъ дисциплинированнѣйшихъ и религіознѣйшихъ людей. Его особенность заключалась лишь въ томъ, что свою религіозность онъ не находилъ возможнымъ примирить съ догмами и формулами официальной ортодоксіи. Да и это, пожалуй, не есть особенность одного Эгиди, а цѣлой массы его современниковъ. Но если масса легко раздѣлывается съ этими противорѣчіями и черезъ такіе затрудненія такъ сказать, спокойно переходитъ къ очереди дня, то Эгиди, напротивъ, съ рѣшительностью останавливается на этомъ пунктѣ.

Я упомянулъ выше объ эгидіевскомъ союзѣ, составившемъ нѣчто въ родѣ общины его приверженцевъ... Впрочемъ, говоря такимъ образомъ, я грѣшу противъ основныхъ убѣжденій Эгиди. «Приверженцы» — понятіе, совершенно противное всему складу его воззрѣній: у Эгиди нѣтъ приверженцевъ, это все друзья его стремленій. Соотвѣтственно съ этимъ Эгиди не знаетъ и «противниковъ»; для него существуютъ въ этомъ отношеніи лишь *иначе мыслящіе*... Но Эгиди такая открытая, такая искренняя натура, что вообще пользуется привилегіей не имѣть противниковъ въ враждебномъ смыслѣ этого слова: имѣются только, дѣйствительно, иначе думающіе. Интересно, однако, спросить себя: что доставило ему «друзей его стремленій»?

Давидъ Фридрихъ Штраусъ спрашивалъ: христіане-ли мы еще? Эгиди же ставитъ вопросъ: христіане-ли мы уже? Оба они даютъ отрицательный отвѣтъ. Но если для Штрауса христіанство было ученіемъ, исповѣданіемъ, — то для Эгиди оно есть желаніе, дѣяніе. Не отрицая, что стремленія христіанства направлены къ преобразованію индивидуума, Эгиди все же считаетъ выполненіе христіанскихъ требованій возможнымъ лишь путемъ совокупной работы. Богѣ совершенныя условія необходимы для усовершенствованія личности; на ихъ созданіе должна быть направлена общая воля, и личность получить достаточно простора и свѣта для своего проявленія. Съ теоретической точки зрѣнія, такого рода построеніе мыслей представляется *circulus vitiosus*, такъ какъ общность идеальныхъ желаній предполагаетъ и совершенныхъ индивидуумовъ. Но Эгиди усматриваетъ въ культурномъ развитіи человѣчества средство дѣйствительнаго выхода изъ указаннаго круга.

Когда появились «Серьезныя мысли» Эгиди, то ученые теологи не могли удержаться отъ улыбки, въ виду этой удивительной по-

пытки отставнаго война офицерской саблей разрубить гордиевъ узелъ вѣковой проблемы. На 50 тощихъ страницахъ брошюры разрѣшить вопросы, которыхъ не разрѣшили тысячи томовъ ученыхъ изслѣдованій первоисточниковъ!.. Но дѣло было не въ брошюрѣ, — и ея успѣхъ былъ обусловленъ главнымъ образомъ тѣмъ, что, рядомъ съ ея появленіемъ, появилась на общественной аренѣ и сама личность ея автора. Эгиди самъ ринулся въ водоворотъ жизни, чтобы отстоять правоту своихъ мыслей, и каждому внимательному наблюдателю было ясно, что эта сильная личность отвергла традиціи не на основаніи изслѣдованія первоисточниковъ, а въ виду противорѣчія ихъ съ живыми ощущеніями живаго религіознаго чувства... На себѣ и въ себѣ самой эта личность какъ бы пережила тѣ догматическія препятствія, которыя стоятъ на пути осуществленія христіанскихъ требованій. Дѣяніе для Эгиди именно по-стольку дорого, поскольку оно совершается съ вѣрой. Его вѣра есть увѣренность въ грядущемъ, въ его осуществленіи... «Сила вѣры,—говоритъ Эгиди,—измѣряется тѣмъ, на сколько она вселяетъ въ насъ убѣжденіе въ осуществленіе того возможнаго, что коренится въ вѣчномъ законѣ. Высокая отрада вѣры не въ томъ, что она ведетъ насъ отъ дѣйствительности въ сферу представленій; эта отрада сказывается въ побужденіи, направляющемъ насъ къ добру. Если я молю: Господь, укрѣпи во мнѣ вѣру,—то этимъ я хочу добиться внутренней ясности относительно богоугодныхъ условій жизни; я борюсь изъ за увѣренности, что такія условія осуществляются...»

Исходя изъ этихъ положеній, Эгиди свою вѣру сводитъ къ вѣрѣ въ человѣчество. Онъ со всей силой своей души вѣритъ и ждетъ свѣтлаго будущаго; онъ вѣритъ, что уже въ земного человѣка заложены божественныя начала, заложена способность не только уваженія къ этимъ началамъ, но ихъ оплодотворенія... «Мы должны создать условія,—мечтаетъ онъ съ присущей ему страстностью,—при которыхъ не мыслимы никакіе противобожественныя поступки, условія, исключаяющія всякое побужденіе, всякое подстрекательство къ несправедливому дѣянію. Создадимъ рай, тогда и люди будутъ въ немъ жить въ полной безгрѣшности...»

Надъ этимъ оптимизмомъ и непобѣдимой вѣрой бывшаго полковника не мало слышалось шутокъ. Но все значеніе Эгиди именно въ его оптимизмѣ; онъ самъ своей личностью служить доказательствомъ той рѣдкой энергіи, на какую способенъ оптимизмъ... Эгиди не считаетъ себя человѣкомъ пера, но трудно представить себѣ болѣе плодовитаго писателя, чѣмъ онъ, вообще-то говоря лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ и въ очень зрѣломъ возрастѣ (подъ 50 лѣтъ) взявшійся за перо. Но каждая написанная имъ строка дышетъ рѣдкой силой воли, готовой тотчасъ обратиться въ дѣло. Эгиди считаетъ себя человѣкомъ по преимуществу живаго слова и, какъ ораторъ, онъ, дѣйствительно, оригиналенъ. Его рѣчь обличаетъ въ немъ отчасти бывшаго полковаго командира: громкая до того, что

слышна въ самыхъ отдаленныхъ углахъ самой большой берлинской залы, она внятна, необыкновенно энергична и проникнута духомъ безпрекословной авторитетности. Въ каждомъ словѣ оратора звучитъ жажда дѣла, жгучая воля.

Эгиди началъ свою работу съ того, что сталъ будить въ людяхъ христіанско-религіозное сознаніе. Но онъ не остановился на этомъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ «*Ernste Gedanken*» появилась болѣе объемистая его книжка: «*Weiteres und Ausbau der Ernsten Gedanken*» (Дальнѣйшее обоснованіе серьезныхъ мыслей). Книжка читалась съ удвоеннымъ интересомъ, потому что къ тому времени ея авторъ успѣлъ уже стяжать себѣ извѣстную популярностъ и собрать около себя значительную общину «друзей своихъ стремленій». Его основной кличъ: *Religion nicht mehr neben unserem Leben — unser Lebensbot Religion!* *)—остается и впослѣдствіи главнымъ лозунгомъ его стремленій. Но самый характеръ его дѣятельности постепенно охватываетъ все болѣйшій кругъ конкретныхъ жизненныхъ явленій; къ апостольству «единого христіанства», къ религіозно-этическому проповѣдству прибавляются черты социально-этической проповѣди. Послѣдовательно появляются его литературныя публикаціи: отчетъ о созванномъ имъ въ дни Троицы 1891 года собраніи (*Bericht ueber die Pfingstversammlung*), далѣе—книжка «*Ernstes Wollen*» (Искреннее желаніе), «*Leitworte*» (Руководящія мысли) и друг.

Его требованія постепенно выходятъ за тѣсныя предѣлы догматическихъ реформъ, охватываютъ сферу христіанской морали и распространяются на улучшеніе социальныхъ и политическихъ условий народной жизни. При этомъ постепенно обнаруживалась та прямо поразительная сила и выдержка характера, та рѣдкая трудовая энергія, какія отдать на службу своимъ убѣжденіямъ этотъ необыкновенный человекъ. Каждую субботу собираетъ онъ своихъ друзей въ помѣщеніе «Союза для распространенія эгидіевскихъ мыслей»; сверхъ того онъ созываетъ болѣе обширныя публичныя собранія; обязательно появляется на всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся собраніяхъ различныхъ партій, чтобы оріентироваться относительно злобъ времени и дня; онъ съ готовностью принимаетъ всѣхъ и каждого, кто желаетъ говорить съ нимъ о разныхъ «проклятыхъ вопросахъ»; вступаетъ въ письменныя и устныя сношенія; онъ основалъ свою собственную недѣльную газету «*Versöhnung*» — (Примиреніе) — «дополнительный органъ къ ежедневнымъ газетамъ всѣхъ партій» и въ немъ откликается на всѣ волнующіе современностъ вопросы... Эгиди сдѣлался въ общественной жизни специально Берлина человекомъ, ссыла на мнѣніе котораго рѣшаетъ часто интересующій вопросъ въ ту или иную сторону. Можно назвать цѣлый рядъ громкихъ берлинскихъ процессовъ послѣдняго времени—литературныхъ, политическихъ,—гдѣ Эгиди игралъ рѣшаю-

*) Религія не рядомъ съ жизнью; наша жизнь—сама религія.

щую роль добросовѣстнаго свидѣтеля. Да онъ и въ самомъ дѣлѣ живой свидѣтель всего совершающагося: онъ на собраніяхъ безработныхъ, социалистовъ, анархистовъ,—онъ среди протестующихъ противъ реакціоннаго гражданскаго кодекса женщинъ, среди христіански-соціальныхъ пасторовъ,—онъ, словомъ, всюду ориентуется, ищетъ подкрѣпленія своимъ стремленіямъ, своей правдѣ «единаго христіанства». Но нигдѣ Эгиди не выступаетъ изъ роли пророка, крѣпкаго въ своей вѣрѣ, готоваго всѣхъ поучать.

Роль пророка не была оставлена и тогда, когда къ аккорду религіозныхъ и соціально-этическихъ мыслей Эгиди присоединилось и нѣсколько нотъ соціально-политическаго характера. Когда, по случаю распушенія рейхстага въ 1893 г., были назначены новые выборы и каждый претендентъ ринулся на пропаганду своей партіи, то въ странѣ разнеслась вдругъ вѣсть, что Эгиди добивается мѣста въ парламентъ собственными силами и безъ всякой поддержки какой либо партіи.

Извѣстно, что поводомъ къ распушенію рейхстага въ 1893 г. служилъ военный законопроектъ. Въ этомъ пунктѣ Эгиди не связывалъ себя передъ избирателями никакими обязательствами. «Каждый, помогающійся избранію,—говорилъ онъ,—долженъ серьезно и безостановочно думать надъ этимъ вопросомъ, какъ и надъ всякимъ другимъ. Мои размышленія таковы: требуется ли увеличеніе военной силы? По моему убѣжденію, мы не только не стоимъ теперь передъ войной, но на будущее время война вообще немислимое явленіе. Мы стоимъ передъ миромъ. Войны суть явленія, отвергнутыя культурнымъ сознаніемъ. Миръ не значитъ: нѣтъ болѣе борьбы; миръ значитъ: нѣтъ болѣе войны. Мы то и дѣло при каждомъ случаѣ завѣряемъ, что не желаемъ войны. То же дѣлаютъ и наши сосѣди... Но ничего еще не сдѣлано, чтобы дѣломъ убѣдить нашихъ сосѣдей въ нашемъ миролюбіи. Лишь когда такого рода опыты обнаружатъ несоотвѣтственные результаты,—лишь тогда мы можемъ сказать: сосѣди желаютъ войны... Въ виду этого я, прежде всего, потребую отъ сторонниковъ законопроекта основанія ихъ опасеній и затѣмъ предложу имъ рядъ мѣръ, которыя способны будутъ доказать нашимъ сосѣдямъ наше безусловное миролюбіе. Si vis pacem para pacem *). Кто нибудь долженъ начать, и тотъ долженъ начать, кто всѣхъ больше сознаетъ свою силу. Начать долженъ тотъ, кто съ чистой совѣстью можетъ сказать: не изъ страха передъ войной кладу я оружіе, но изъ любви къ миру. Конечно, мужество націи не должно идти прахомъ, но для его поддержанія и развитія въ будущемъ не нужны ни пушки, ни поля сраженій»...

Таково мнѣніе объ усиленіи милитаризма и о войнѣ бывшаго полковника германской арміи. Слѣдуетъ ли говорить, что его избиратель-

*) Кто хочетъ мира.—готовься къ миру.

ная прокламация была въ своемъ родѣ единственная среди разгара выборной агитации. Нужно было видѣть неутомимость и искренній жаръ, съ которымъ этотъ человѣкъ по нѣскольку разъ въ день выступалъ на народныхъ собраніяхъ; ту непреклонность, съ какою онъ возвѣщалъ свое «новое слово» рядомъ съ другими апостолами другихъ новыхъ словъ! Кто пережилъ избирательную кампанію, тотъ знаетъ сцены «словеснаго истощенія» ораторовъ, часто падающихъ въ обморокъ отъ изнеможенія, выносимыхъ на рукахъ изъ залы собранія и послѣ небольшой передышки снова идущихъ на трибуну. И Эгиди, еще новичекъ въ политической агитации, не отставалъ отъ другихъ. Но онъ былъ новичекъ и, хотя собралъ довольно значительное число голосовъ, но все же въ этотъ разъ не добился мѣста въ рейхстагѣ. Нѣтъ однако сомнѣнія, что при новыхъ выборахъ, — въ крайнемъ случаѣ въ 1898 году, — Эгиди выступить снова со своей кандидатурой и, если въ этомъ случаѣ ему болѣе посчастливится, то рейхстагъ обогатится однимъ очень оригинальнымъ членомъ и ораторомъ.

Не добившись мѣста на парламентской трибунѣ, Эгиди поспѣшилъ основать свою собственную литературную трибуну, упомянутую выше «Versöhnung», съ которой онъ высказывается относительно всѣхъ волнующихъ страну вопросовъ. Идетъ ли рѣчь о торговыхъ договорахъ съ Россіей, о репрессивныхъ законахъ противъ анархистовъ и т. п. — Эгиди всегда тутъ со своей непоколебимой точкой зрѣнія «единого христіанства».

Мысли Эгиди относительно цѣлесообразныхъ формъ общественной и государственной жизни во многомъ совпадаютъ съ требованіями передовыхъ представителей современнаго движенія. Но если послѣднее добивается измѣненія матеріальныхъ условій человѣческихъ отношеній, то Эгиди строить свой земной рай на идеальномъ видоизмѣненіи отдѣльной личности, которое уже само по себѣ приведетъ къ справедливому строю общества: религія должна идти не рядомъ съ нашей жизнью — наша жизнь сама религія... Въ произведеніяхъ и рѣчахъ Эгиди встрѣчаются самыя радикальныя требованія.

Всѣ эти требованія, конечно, мало систематизированы и набросаны со свойственной всѣмъ пророкамъ категоричностію. Поэтому не всегда ясно, какъ разсчитываетъ Эгиди провести ихъ въ жизнь. Нельзя же считать практической программой изреченіе оракула въ родѣ слѣдующихъ: «Самые достойные, одаренные благородными стремленіями и зрѣлыми убѣжденіями мужи составляютъ народное представительство. Народъ посылаетъ своихъ представителей при посредствѣ свободныхъ, ограниченныхъ лишь возрастомъ выборовъ»...

Вообще говоря, кто вздумаетъ останавливаться на частностяхъ въ дѣятельности Эгиди, тотъ встрѣтитъ много непонятнаго. Эгиди нужно брать всего цѣликомъ, тогда непостижимыя частности ступаютъ, и вы видите передъ собою то, что нѣмцы да и самъ Эгиди называютъ: eine Persönlichkeit. Его значеніе не въ тѣхъ или иныхъ

представленійхъ будущаго, но въ непреклонномъ, жгучемъ и непре-
станномъ желаніи этого будущаго и указаніи на него. Онъ самъ какъ
то выразился: «Какое значеніе могли бы имѣть для римлянъ всѣ рѣчи
Катона безъ его *seterum senseo*; какая польза для насъ отъ всѣхъ
мудрыхъ умствованій и разсужденій безъ постоянно повторяемаго
непоколебимаго заключенія: и такъ теперь должно нѣчто совершиться—
jetzt also muss etwas werden!...» Въ этомъ *muss* заключена вся
электрическая сила эгидіевской агитаціи.

Кто хоть разъ близко сталкивался съ Эгиди, тотъ вынесъ о немъ
самое симпатичное впечатлѣніе: солдатъ по виду, джентльменъ въ
обращеніи, онъ своеобразно краснорѣчивъ, деликатенъ и мягокъ въ
личныхъ отношеніяхъ...

Но перепетіи жизни въ современной Германіи такъ неумолимо
жестоки, — и трудно сказать, чѣмъ еще станетъ Эгиди для своихъ
соотечественниковъ...

Мнѣ пришлось бы въ значительной степени повторять уже ска-
занное объ Эгиди, если бы я вздумалъ здѣсь подробно характери-
зовать другую любопытную фигуру изъ среды религіозно-этическихъ
реформаторовъ Германіи. Я разумѣю Гюго фонъ-Гижицкаго, также
бывшаго полковника и двоюроднаго брата извѣстнаго моралиста,
покойнаго профессора этики и философіи при берлинскомъ универ-
ситетѣ Георга Гижицкаго.

Личность отставнаго полковника Гижицкаго не пользуется такой
широкой популярностью, какъ имя Эгиди, потому что избранный
имъ послѣ отставки родъ дѣятельности и официальное положеніе
попечителя училищъ не оставляютъ ему много времени для пуб-
личной дѣятельности. Но въ болѣе тѣсныхъ кругахъ интеллигент-
наго общества всякому хорошо знакома импозантная фигура и
мощная рѣчь фанатическаго противника всяческой нетерпимости...
«Hier stehe ich! Ich Kann nicht anders Gott helfe mir! Amen!» *)...
Съ книжкой подъ этимъ своеобразнымъ заглавіемъ Гижицкій вы-
ступилъ года 2—3 тому назадъ, изложивъ въ ней свои мысли
относительно радикальной реформы религіозно-этическаго воспитанія
юношества. Дальнѣйшимъ обоснованіемъ его взглядовъ яв-
ляются его другія произведенія, и между ними самое послѣднее
подъ названіемъ «*Vom Baume der Erkenntniss*» — любопытный и
поучительный компендіумъ морали и психологіи, извлеченный изъ
сокровищницы всемірной литературы... Но, какъ сказано, я не
хочу повторяться и потому покончивъ съ господами полковниками,
позволю себѣ обратить вниманіе читателя на человѣка чиномъ по-
выше — на генерала! Читатель, вѣроятно, догадывается, что я говорю
о «генералѣ арміи спасенія», о славномъ генералѣ Бусѣ (Booth).

Года три назадъ я сподобился въ первый разъ увидать гене-

*) Я здѣсь стою и не могу иначе. Богъ мнѣ поможетъ, аминь! — слова
Лютера.

рала Буса въ Швейцаріи, гдѣ, какъ извѣстно, армія спасенія имѣетъ громадное число приверженцевъ и гдѣ пріѣздъ генерала представляется событіе чрезвычайной важности. Но и въ Германіи часто наталкиваешься на рядовыхъ и офицеровъ арміи спасенія обоаго пола. Вообще, нѣтъ никакого сомнѣнія, что изъ существующихъ въ настоящее время обществъ и организацій, задавшихся цѣлью непосредственной борьбы съ человѣческимъ убожествомъ духовнымъ и матеріальнымъ, ни одно не можетъ сравняться съ арміей спасенія какъ по размѣрамъ самого поля дѣятельности, такъ и по силѣ нервнаго напряженія и фанатизма, которыми эта дѣятельность проникнута и сопровождается. Въ возбужденіи этого фанатизма заключается, очевидно, тактическая тайна арміи спасенія и ея громадныхъ успѣховъ; въ этой тайнѣ несомнѣнно вся ея жизненная сила, главное условіе ея существованія вообще. Но спрашивается, въ чемъ же заключается эта тайна? Гдѣ источникъ этой эпидеміи альтруистической истеріи, которою одержима армія спасенія, на $\frac{9}{10}$ состоящая изъ самыхъ неразвитыхъ и необразованныхъ элементовъ населенія? Кто пускаетъ въ ходъ эту сложную машину и поддерживаетъ ея безостановочную работу? На эти вопросы, можетъ быть, могутъ дать отвѣты нервная патологія и врачи по душевнымъ болѣзнямъ. Для неспеціалиста же, для простаго наблюдателя можетъ быть лишь одинъ отвѣтъ: поразительные успѣхи арміи спасенія обязаны личности ея основателя, ея генерала Вильяма Буса.

Чтобы получить представленіе о характерѣ этого удивительнаго чловѣка, намъ всего лучше отправиться въ собраніе его арміи. Я имѣю при этомъ главнымъ образомъ въ виду рядъ многолюдныхъ и торжественныхъ собраній въ Цюрихѣ, совпадавшихъ съ празднованіемъ 30-лѣтія существованія арміи спасенія, и гдѣ ея генералъ и авторъ знаменитой книги «Въ трущобахъ Лондона» проявилъ себя во всемъ блескѣ своихъ многоразличныхъ дарованій...

Веселая, чуть не залихватская музыка встрѣчаетъ насъ въ помѣщеніи собранія. Музыкальная капелла арміи играетъ марши, побѣдныя пѣсни и хоралы, ничего общаго не имѣющіе съ меланхолическимъ характеромъ церковной музыки и пѣнія... Всѣ радуются и аплодируютъ, какъ только музыка сыграла какой нибудь номеръ; во всемъ помѣщеніи стоитъ невообразимый шумъ, потому что салютисты въ своей компаніи самые развеселые ребята. Никакихъ признаковъ напускной набожности или лицемерія не замѣтитъ на первый взглядъ посторонній наблюдатель. Все имѣетъ видъ какого-то увеселительнаго предпріятія, каковое впечатлѣніе усиливается еще множествомъ, подчасъ далеко не дурныхъ молодыхъ особъ, одѣтыхъ съ образцовою опрятностію и нѣсколько кокетничающихъ красными повязками на платьѣ и шляпкахъ... Между тѣмъ залъ наполнился съ излишкомъ, въ собраніи слышится: генералъ! Непридуманное оживленіе смѣняется мертвой тишиной. Онъ всходитъ на трибуну, гдѣ для него и для его четырехъ высшихъ офицеровъ

приготовлены краснымъ сукномъ убранные стулья. Надъ верхней частью трибуны красуются слова: «Jesus erlöst die Sünder!» *). Непродолжительная тишина смѣняется снова бурнымъ ликованіемъ при появленіи генерала; онъ на ходу прикладываетъ два пальца къ околышку своей фуражки, тихо кланяется и въ то же время бросаетъ испытующій взоръ на все собраніе. Все собраніе опускается на колѣни, одинъ изъ «коммиссіонеровъ» арміи прочитываетъ короткую молитву, и генералъ приступаетъ къ обѣщанному реферату.

За 32 года существованія арміи спасенія она успѣла охватить около полусотни различныхъ странъ, создала около 4.000 корпусовъ съ 40.000 офицеровъ, которые душой и тѣломъ отдались осуществленію плана своего генерала, изложеннаго имъ въ его книгѣ «Darkest London», извѣстной и русскимъ читателямъ въ переводѣ. 63 отряда арміи въ одномъ Лондонѣ заняты исключительно работой въ ужаснѣйшихъ трущобахъ города и каждый годъ посѣщаютъ 60.000 безпомощныхъ семей. 51 «учрежденіе св. Магдалины» даютъ пріютъ ежегодно 3.000 падшихъ дѣвушекъ, изъ которыхъ $\frac{1}{4}$ совершенно отказываются отъ прежней безпутной жизни. Въ 42 лондонскихъ столовыхъ обѣдаетъ ежедневно 40.000 бѣдняковъ; въ 26 пріютахъ собирается каждую ночь свыше 10.000 ночлежниковъ. 27.000 человекъ работаетъ въ мастерскихъ арміи; она имѣетъ свою фабрику и ферму, обошедшіяся въ миллионъ рублей. 12 другихъ пріютовъ даютъ убѣжище только что освобожденнымъ изъ тюрьмы преступникамъ.

Если принять въ расчетъ, что изъ 7.300.000 рублей, которые армія въ прошломъ году израсходовала,—цѣлыхъ 7 миллионъ рублей заработаны трудомъ тѣхъ самыхъ людей, на пользу которыхъ идетъ вся затрата, то можно получить представленіе о размѣрахъ благотворительныхъ предпріятій, придуманныхъ генераломъ и осуществляемыхъ десятками тысячъ преданныхъ ему офицеровъ... Въ настоящее время генералъ занятъ учрежденіемъ за океаномъ колоній, въ которыхъ всѣ неудачники нашли бы себѣ работу и довольство... И снова является вопросъ: кто даетъ жизнь этому колоссальному организму, кто поддерживаетъ порядокъ въ этой обширной системѣ управленія, кто царитъ надъ всеми этими массами рабочихъ и чиновниковъ, внушаетъ имъ охоту къ труду и сознание обязанностей? И опять слѣдуетъ тотъ же отвѣтъ: генералъ Вусъ... Присмотримся поближе къ его фигурѣ... Его красивая голова украшена серебристыми, на бокъ причесанными волосами; выразительный профиль, глубоко проникающіе глаза, длинная сѣдая борода, стройная фигура, не смотря на 68-лѣтній возрастъ не потерявшая большой гибкости, — всѣ эти черты придаютъ несомнѣнный интересъ личности генерала. Онъ не блестящій ора-

*) Иисусъ спасаетъ грѣшниковъ.

Ж. В. Орданъ П.

торъ, старающійся электризовать своихъ слушателей патетическими приёмами рѣчи. Передъ публикой, не говорящей по англійски, онъ всетаки говорить по англійски, но короткими, законченными періодами, которые тотчасъ же переводятся на нѣмецкій языкъ. Этотъ приёмъ кладетъ особый отпечатокъ на ходъ рѣчи и, какъ мнѣ кажется, еще усиливаетъ ея вліяніе. Слушая Буса, замѣчаешь какъ бы весь процессъ его мысли; видишь, какъ онъ старается облечь свои мысли въ самыя простыя и понятныя формы,—и этой утомительной работой онъ достигаетъ того, что дѣйствуетъ на слушателей съ громадной силой убѣдительности. Онъ говоритъ какъ съ товарищами, безъ тона назиданія, самоувѣренности или фарисейства. Когда же въ безыскусственной формѣ онъ консиетъ своихъ наблюдений, сдѣланныхъ во время путешествій по Америкѣ, Африкѣ или Австраліи, то его рѣчь проникается изящнымъ юморомъ. Такъ постепенно растетъ та невидимая нить, которая отъ оратора перекидывается на собраніе и связываетъ обѣ стороны какимъ-то духовнымъ единствомъ.

Въ теченіи реферата мы видимъ социальнаго реформатора, набросавшаго подробный планъ борьбы съ бѣдностью; мы видимъ генерала, командующаго громадной арміей и поддерживающаго въ ней строгую дисциплину; дагѣ—администратора грандіозной организаціи. Любопытно остановиться нѣсколько подробнѣе на его значеніи въ качествѣ народнаго теолога и проповѣдника. Снова слышатся пѣсни и молитвы, послѣ которыхъ Бусъ начинаетъ свою проповѣдь на какойнибудь простой библейскій текстъ,—на тему объ Іисусѣ Христѣ, исцѣляющемъ слѣпыхъ, слабыхъ и прокаженныхъ... «Представьте себѣ только,—говоритъ Бусъ,—что Онъ является теперь въ какойнибудь большой городъ. Думаете ли вы, что самой обширной залы хватитъ для всѣхъ, желающихъ лишь взглянуть на Него?.. Къ Нему приносили всѣхъ больныхъ, слѣпыхъ, прокаженныхъ и умирающихъ; они прикасались къ Нему, Онъ касался до нихъ рукой, и они исцѣлялись... Въ Лондонѣ умираетъ ежедневно 300 человѣкъ. Представьте себѣ: 300 человѣкъ погибаетъ на одномъ какомънибудь мѣстѣ, вслѣдствіе несчастнаго случая или динамитнаго взрыва,—какое чрезвычайное впечатлѣніе произведетъ такой фактъ во всемъ городѣ и даже во всемъ мірѣ! О тѣхъ же 300 человѣкъ, которые разсыянно умираютъ въ Лондонѣ каждый день, никто и не вспомнить. Вообразите себѣ: ихъ всѣхъ везутъ къ обители Іисуса Христа, Онъ прикасается къ нимъ и исцѣляетъ ихъ. Не будетъ ли впечатлѣніе этого факта еще грандіознѣе! Кто могъ бы послѣ этого еще сомнѣваться или медлить посвятить всю свою жизнь Іисусу, который болѣе всего любилъ страждущихъ! Вѣдь если религія хороша и для богатыхъ, которые въ благолѣпныхъ храмахъ чтутъ своего Бога, то религія, любовь къ Христу и любовь къ ближнему—не существуютъ ли онѣ прежде всего для бѣдныхъ и угнетенныхъ, которые вообще-то ничего другого не имѣютъ въ жизни?..»

Я привелъ начало проповѣди Вуса, чтобы показать, на какомъ простомъ и ясномъ языкѣ старается говорить генераль съ своей арміей, которая, какъ я уже упоминалъ, на $\frac{1}{10}$ состоитъ изъ самаго неразвитаго люда. Въ такомъ тонѣ идетъ и дальнѣйшая проповѣдь, безъ догматическихъ и теологическихъ ухищреній, безъ философскихъ разглагольствованій. Изъ всего христіанскаго ученія генераль извлекаетъ лишь основное зерно: любовь къ ближнему,—и эту любовь олицетворилъ въ лицѣ Христа съ его любовью къ обездоленнымъ. Христосъ любитъ грѣшниковъ, мы любимъ Христа, ergo: мы любимъ грѣшниковъ!.. Это въ двухъ словахъ все ученіе арміи спасенія... Это—возвращеніе къ первобытному христіанству и евангелическому ученію о практической любви къ ближнему, долженствующей покорить міръ.

Въ теченіи большей половины проповѣди все шло какъ слѣдуетъ. Но подъ конецъ началось что-то неладное; началось то повшенное нервное напряженіе, которое кончается обращеніями и превращеніями. Съ однимъ изъ толпы начинаютъ такіа судороги, что его необходимо вынести изъ собранія, другіе впадаютъ въ страшныя конвульсіи, одинъ изъ офицеровъ начинаетъ прыгать по трибунѣ и кричать такъ громко, что генераль призываетъ его къ порядку... Во всѣхъ этихъ случаяхъ сказывается необыкновенная мощь генерала, способнаго на этотъ массовой гипнозъ... Передъ лицомъ всего собранія нѣсколько вновь обращенныхъ появляются на трибунѣ, въ страшномъ напряженіи признаются въ своихъ грѣхахъ и клянутся отдать себя всецѣло дѣлу любви къ ближнему...

«Теперь я счастливъ!»—взываетъ генераль съ трибуны. Раздается громкое аллилуйа, всѣ другъ другу радостно смотрятъ въ глаза, жмутъ другъ другу руки и повторяютъ слова генерала: «Теперь я счастливъ, теперь я счастлива!..»

Какая-то смѣсь таинственной правды съ ложью лицемѣрія и шутовства остается, какъ осадокъ, отъ впечатлѣнія всего видѣннаго и слышаннаго. Но рядомъ съ этимъ долгое время не можешь стряхнуть съ себя непостижимый образъ непостижимаго чудесника-генерала...

«An alle Hungernden und Frierenden und Arbeitslosen...», т. е. ко всѣмъ голодающимъ, мерзнующимъ и лишеннымъ работы были обращены расклеенныя по городу афиши, въ которыхъ кандидатъ теологій Теодоръ фонъ-Вехтеръ приглашалъ къ себѣ на собраніе. Читатель, можетъ быть, въ претензіи на меня, что я его то и дѣло вожу по собраніямъ. Но могу его увѣрить: «жизнь собраній», или—какъ это называется по-нѣмецки—Versammlungswesen,—самая любопытная сторона въ жизни такого города, какъ Берлинъ. Къ тому же я вожу читателя по собраніямъ самыхъ уважаемыхъ и популяр-

нѣйшихъ лицъ. Это все «фонны», люди знатныхъ родовъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, черезъ «милліоны терзаній» снизошедшіе до самыхъ низовъ общества: до голодныхъ, холодныхъ и до самыхъ бѣднѣйшихъ бѣдняковъ—до безработныхъ.

Теодоръ фонъ-Вехтеръ еще сравнительно молодой человекъ, лѣтъ 30—32, но уже не новичекъ на аренѣ общественной жизни. До 1893 года онъ занималъ мѣсто духовнаго проповѣдника при одной изъ вюртембергскихъ церквей и пользовался репутацией искренняго и гуманнаго священника. Но въ этомъ году онъ во время выборовъ въ рейхстагъ выставилъ и свою кандидатуру, заявивши себя солидарнымъ съ программами другихъ передовыхъ кандидатовъ. Для болѣе тѣсныхъ круговъ общества такой шагъ со стороны теолога Вехтера не былъ неожиданностью, но на большую публику онъ не могъ не произвести впечатлѣнія сюрприза. О Вехтерѣ заговорили въ печати и обществѣ, а когда стало извѣстно, что консисторія предложила ему оставить мѣсто проповѣдника, то о Вехтерѣ заговорили съ удвоеннымъ интересомъ.

Вехтеръ былъ глубоко убѣжденъ, что консисторія причинила ему несправедливость. Онъ не переставалъ себя чувствовать истиннымъ и глубоко-религиознымъ христианиномъ, онъ не переставалъ горячо вѣрить въ Бога и не могъ понять, какъ могла высшая духовная власть отнять у него право служенія Богу только потому, что онъ воспринялъ извѣстное политическое мировоззрѣніе. Чувство обиды отъ причиненной ему несправедливости жгло его и безъ того надорванную грудь, онъ пошелъ бродить по городамъ и весямъ, повсюду то устнымъ, то письменнымъ словомъ взывая къ общественной совѣсти о признаніи своей правоты и неправоты своихъ противниковъ. Въ интересахъ болѣе систематическаго развитія своихъ мыслей и ихъ пропаганды Вехтеръ основалъ собственный «воскресный листокъ для свободнаго обмѣна мыслей» (Sonntagsblatt für freien Geistesaustausch). Отъ времени до времени онъ появлялся и въ Берлинѣ, гдѣ люди самыхъ различныхъ направленій приглашали его въ свою среду и просили его читать рефераты. Мы слышали его, такимъ образомъ, въ «Обществѣ этической культуры», на собраніяхъ «Общества Эгиди», такъ называемыхъ Boden-Besitz Reformer'овъ, т. е. земельныхъ реформаторовъ въ духѣ Генри Джорджа и т. п. Всего же чаще можно было его встрѣчать на собраніяхъ разныхъ рабочихъ союзовъ, гдѣ онъ говорилъ на всевозможныя социально-политическія темы.

Такъ прошло долгое время. Вехтеръ то чаще, то рѣже выступалъ въ публичныхъ и народныхъ собраніяхъ; онъ то подолгу оставался въ Берлинѣ, то исчезалъ куда нибудь, чтобы отдохнуть и возстановить свои надломленные силы. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что крайне напряженный процессъ мысли не прекращался, и упомянутое мною выше собраніе застаетъ его въ не совсемъ обыкновенномъ душевномъ настроеніи. Это было во многихъ

отношеніяхъ любопытное собраніе. Уже изъ расклеенныхъ афишъ видно было, что каждый приглашенный «голодный» будетъ имѣть возможность утолить свой голодъ даровымъ кускомъ хлѣба и чашкой кофе. Въ Берлинѣ имѣется церковь, практикующая раздачу бѣднымъ посѣтителемъ бесплатныхъ хлѣбцевъ, Schrippen, — отсюда самая церковь называется «Schrippenkirche». Очевидно, и Вехтеръ заимствовалъ обычай этой церкви для своего собранія... На собраніе явились, однако, не только «голодные и холодные», но и всякій народъ, потому что Вехтеръ слыветъ за очень интереснаго оратора. Всего же больше набралось въ громадную залу организованныхъ рабочихъ, безъ которыхъ, вообще говоря, немыслимо ни одно многочисленное собраніе въ Берлинѣ.

Я не рѣдко останавливаюсь съ завистью передъ удивительной умственной энергіей и необыкновенной нервной выносливостью большинства нѣмецкихъ общественныхъ дѣятелей. Идешь ли въ парламенты, на собранія, присутствуешь ли при выборной агитаціи и т. п., во всѣхъ этихъ случаяхъ не можешь не подивиться крѣпости нервовъ, выдающейся производительности, — тому, что нѣмцы определяютъ словомъ: Leistungsfähigkeit. Всѣ говорятъ о «нервномъ вѣкѣ», о поголовной невравственности! Да ничего подобнаго и въ голову не приходитъ при видѣ той массы мозговой работы, на какую способенъ нѣмецкій интеллигентъ: онъ говоритъ часы подъ-рядъ, говоритъ дни подъ-рядъ при условіяхъ, при которыхъ у русскаго слушателя начинается черезъ 2—3 часа жестоко трещать голова. И при всемъ этомъ у большинства красныя щеки и завидное округленіе формъ.

Все это, однако, не относится къ нашему бѣдному Вехтеру. Здѣсь я, напротивъ, не могъ не проникнуться благоговѣйнымъ изумленіемъ къ человѣку, у котораго, что называется, еле душа держится, и который всетаки оказывается въ силахъ дѣлать громадную массу работы.

Тощій, съ впалой грудью, съ большими выпуклыми глазами; костлявая фигура рельефно вырисовывается изъ-подъ платья; аскетическій видъ съ преобладаніемъ нервовъ надъ мускулами, души надъ тѣломъ, — такъ и кажется, что вотъ распадется это хрупкое созданіе. А между тѣмъ съ тонкихъ воспаленныхъ устъ слышится быстрая, черезъ силу громкая, вдохновенная рѣчь, окровавленную, какъ бы искривленную слезами мучительныхъ думъ и наболѣвшаго сердца, когда онъ взываетъ: христіане всѣхъ исповѣданій — соединяйтесь! Christen aller Bekenntnisse, vereinigt euch!..

Вотъ нѣсколько мыслей изъ пропаганды Вехтера за послѣдній фазисъ его дѣятельности.

Современный христіанскій міръ разорванъ на цѣлую массу исповѣданій и сектъ. Въ этомъ многообразіи Вехтеръ видитъ прекрасное доказательство духовной мощи и богатства христіанства. Обычная точка зрѣнія въ виду множества различныхъ религіозно-этическихъ направленій ^{оставляетъ} терпимость одного направленія

относительно другого: всякій пусть ищетъ блаженства на свой собственный манеръ. Такого рода терпимости Вехтеръ не признаетъ: кто убѣжденъ, что владѣть истиной, тотъ долженъ обнаружить соотвѣтственное усердіе въ пользу своей истины, — *Wahrheitseifer*, какъ выражается Вехтеръ.

Поэтому сторонники различныхъ направленій «должны въ свободной взаимной борьбѣ и обмѣнѣ мыслей и въ общей соперничающей работѣ испробовать всѣ сильныя и слабыя стороны различныхъ формъ общенія». Но такъ какъ такая духовная борьба и обмѣнъ мыслей съ иначе-мыслящими въ предѣлахъ отдѣльныхъ вѣроисповѣдныхъ церквей невозможны, то необходимо основать «великій общій христіанскій союзъ, въ которомъ христіане соединились бы на основаніяхъ для всѣхъ ихъ общихъ и въ интересахъ духовной борьбы на почвѣ свободного слова противъ представителей всякаго нехристіанскаго міросозерцанія»...

А. Ковровъ.

Изъ Австріи.

Австрія, по всей вѣроятности, въ ближайшее уже время обогатится еще однимъ университетомъ и то въ провинціи, которая *de jure* еще не вполне принадлежитъ Австріи. Новый университетъ предполагается учредить въ Сараевѣ, столицѣ оккупированныхъ Австріей турецкихъ провинцій Боснія и Герцеговины. Сначала будетъ основанъ только медицинскій факультетъ, затѣмъ къ нему мало по малу будутъ присоединяться и другіе. Преподавательнымъ языкомъ новаго университета будетъ сербо-хорватскій, а такъ какъ въ загребскомъ (хорватскомъ) университетѣ нѣтъ до сихъ поръ медицинскаго факультета, то въ Сараевѣ нахлынетъ молодежь со всѣхъ юго-славянскихъ провинцій Австро-Венгрии: изъ Хорватіи, Далмаціи, Славоніи и Воеводины.

Задумавъ одарить босняковъ и герцеговинцевъ университетомъ, австрійское правительство желаетъ содѣйствовать этимъ окончательному сліянію оккупированныхъ областей съ остальными имперскими провинціями. Австріи нужно представить общественному мнѣнію Европы доказательства того, что она дѣйствительно затрачиваетъ большія суммы на поднятіе культурнаго уровня отня-

тыхъ у Турціи провинцій. Этимъ она какъ будто закрѣпляетъ за собою право на постоянное обладаніе Босніей и Герцеговиной. Въ дѣйствительности Боснія и Герцеговина занимаютъ довольно своеобразное положеніе среди остальныхъ австрійскихъ провинцій. По берлинскому трактату 1878 г. Австро-Венгрія обязалась, съ согласія Россіи и другихъ европейскихъ державъ, умиротворить этотъ, принадлежавшій раньше Турціи край. Съ этой цѣлью австрійское правительство согласилось его временно оккупировать и принять въ управленіе. Однако, такъ какъ берлинскій трактатъ ни единымъ словомъ не обмолвился о срокѣ этой «временной» оккупации, то Австрія de facto стала полной хозяйкой въ оккупированныхъ провинціяхъ на вѣчныя времена. Теперь никому и въ голову не приходитъ мысль о возвращеніи Босніи и Герцеговины Турціи. И австрійское правительство, затрачивающее на благоустройство этихъ провинцій значительныя суммы ежегодно, и мѣстное населеніе—привыкли считать Боснію и Герцеговину простой провинціей монархіи Габсбурговъ. Въ настоящее время, когда гораздо вѣроятнѣе отторженіе все новыхъ и новыхъ провинцій отъ еде дышащаго государства Османовъ, не можетъ быть и рѣчи о возвращеніи оккупированныхъ провинцій тому правительству, которое не имѣетъ силъ управиться ни съ армянами, ни съ македонцами, ни съ критянами, ни съ друзьями, ни съ арабами.

Тѣмъ не менѣе Боснія и Герцеговина не слились органически ни съ австрійской, ни съ венгерской половиной монархіи Габсбурговъ. По этнографическому составу своего населенія и по географическому положенію, Боснія и Герцеговина гораздо ближе къ Венгрии, чѣмъ къ Австріи, и венгерцы исполнѣ убѣждены, что эти двѣ провинціи перейдутъ именно къ нимъ. Однако, австрійцы объ этомъ и слышать не желаютъ. Они даже предпочитаютъ теперешній status quo подобному присоединенію, которое бы несомнѣнно повлекло за собой усиленіе транслейтанской половины имперіи, въ ущербъ Цислейтаніи.

Кромѣ австрійковъ и венгровъ, на отнятыя у Турціи провинціи жаднымъ окомъ взираютъ двѣ народности, постоянно враждующіе между собой: хорваты и сербы. Ссылаясь на то, что населеніе Босніи и Герцеговины говоритъ на томъ же языкѣ, который употребляется и хорватами, и сербами, политики обѣихъ этихъ народностей включаютъ оккупированныя провинціи въ будущую «великую Хорватію» и «великую Сербію». Съ обѣихъ сторонъ уже теперь ведется энергическая пропаганда въ этихъ двухъ направленіяхъ. Хорваты вліяютъ на босняковъ—католиковъ, сербы на босняковъ—православныхъ. Босняки католики охотно называютъ себя хорватами, босняки православные—сербами, и въ этомъ случаѣ національный вопросъ разрѣшается еще довольно удачно. Но дѣло въ томъ, что въ Босніи и Герцеговинѣ, кромѣ католическаго и православнаго населенія, существуетъ еще и магометанское, соста-

вляющее большинство. Босняцкіе магометане называютъ себя «турками», но въ дѣйствительности они ничѣмъ не отличаются отъ своихъ земляковъ-католиковъ и православныхъ и говорятъ на томъ же сербско-хорватскомъ языкѣ, который употребляется населеніемъ Славоніи, Воеводины, Сербіи, Черногоріи и Хорватіи.

Босняцкіе магометане играютъ въ краѣ очень вліятельную роль не только по своей многочисленности, но и въ силу своей зажиточности. Между прочимъ, всѣ босняцкіе и герцеговинскіе помѣщики «аги и беги»—магометане. Вотъ на этихъ то магометанъ и направлено, главнымъ образомъ, воздѣйствіе политическихъ агитаторовъ и съ хорватской, и съ сербской стороны. Приверженцы великохорватской и великосербской идеи отыскиваютъ между ними сторонниковъ, причемъ усердіе и однихъ, и другихъ достигаетъ большой силы. Эта пропаганда ведется, разумѣется, подъ сурдинку, такъ какъ австрійское правительство нисколько не желаетъ поощрять честолюбивые замыслы хорватскихъ или сербскихъ патріотовъ. Не поддерживая ни тѣхъ, ни другихъ, австрійское правительство прибѣгло къ слѣдующей уловкѣ. Оно считаетъ населеніе Босніи и Герцеговины особымъ босняцкимъ народомъ, причемъ во всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ языкъ, который употребляется населеніе, называется или босняцкимъ, или попросту «земальскимъ», т. е. мѣстнымъ. Такимъ образомъ, австрійское правительство избѣжало тѣхъ пререканій, которыя поднимались бы всякій разъ, когда бы босняки были названы сербами—со стороны хорватовъ, и наоборотъ. Впрочемъ, кромѣ соображеній чисто технического свойства, австрійскимъ правительствомъ руководила прямая тенденція обособить босняковъ въ отдѣльную народность. Однако, создать новую народность по политическимъ соображеніямъ не такъ то легко, и австрійское правительство, видя, что это не удается, стало слегка поощрять хорватовъ, какъ зло меньшее, нежели сербы. Хорватская латиница стала правописаніемъ всѣхъ официальныхъ документовъ въ краѣ. Латиницей же печатаются три мѣстныхъ официальныхъ органа: «Бошнякъ» (для магометанъ) «Напредакъ» (для православныхъ) и «Гласъ ерцеговца» (для католиковъ). Хорватскія періодическія изданія идутъ невозбранно въ Боснію и Герцеговину, между тѣмъ какъ сербскія газеты тамъ безусловно запрещены. Запрещеніе распространяется не только на изданіе, выходящее въ сербскомъ королевствѣ, но и на газеты австровенгерскихъ сербовъ: новосадскія и загребскую.

Для Австріи хорваты гораздо меньше опасны, чѣмъ сербы. Легкая хорватскими патріотами мечта о великой Хорватіи, Богъ знаетъ, когда еще осуществится, между тѣмъ какъ Сербія уже въ настоящее время состоитъ независимымъ государствомъ, которое, въ случаѣ какихъ нибудь замѣшательствъ на Балканскомъ полуостровѣ, можетъ выслать въ оккупированныя провинціи нѣсколько десятковъ тысячъ войска, котораго у хорватовъ всетаки

нѣтъ. Бромѣ того, сербы, въ качествѣ православныхъ, скорѣе могутъ разсчитывать на поддержку Россіи, нежели католики хорваты.

Впрочемъ, несомнѣнно, что и безъ всякой поддержки австрійскаго правительства хорваты съумѣютъ привлечь на свою сторону большинство магометанскаго населенія Босніи и Герцеговины. Хорваты культурнѣе сербовъ, хорватская литература и наука богаче сербской, и босняцкая молодежь, учащаяся въ загребскомъ и вѣнскомъ университетахъ, вполне сознательно считаетъ себя хорватской. Въ прошлогодней антивенгерской демонстраціи въ Загребѣ принимали участіе и студенты изъ босняцкихъ магометанъ. Всякій молодой боснякъ-магометанинъ, подписывающій стихи или статьи, отсылаетъ ихъ непременно въ хорватскій, а не въ сербскій журналъ.

Смотря сквозь пальцы на великохорватскую агитацію, австрійское правительство тщательно искореняетъ всякія проявленія симпатій къ Сербіи, что ему и удается, такъ какъ босняcko-герцеговинское населеніе почти до самаго послѣдняго времени представляло изъ себя лишь этнографическій матеріалъ безъ всякаго національнаго сознанія. Теперь только даже интеллигентный боснякъ въ состояніи опредѣлить, какой онъ національности. Босняцкій-же крестьянинъ знаетъ лишь свое вѣроисповѣданіе и религію отождествляетъ съ національностью.

Стремясь къ полному сліянію оккупированныхъ провинцій съ остальнымъ государственнымъ организмомъ, австрійское правительство старается, съ одной стороны, отграничить населеніе Босніи и Герцеговины отъ родственныхъ ему государствъ Сербіи и Черногоріи, предохранить это населеніе отъ всякаго заграничнаго вліянія, съ другой же—пріобрѣсти расположеніе самаго вліятельнаго класса босняковъ и герцеговинцевъ-помѣщиковъ. Австрія окружила оккупированныя провинціи тѣснымъ кольцомъ фортовъ и укрѣпленій, на постройку которыхъ издержано уже около ста милліоновъ гульденовъ. Эти укрѣпленія расположены, главнымъ образомъ, вдоль черногорской границы, такъ что, въ случаѣ какаго нибудь волненія въ оккупированныхъ провинціяхъ, ни одинъ черногорскій отрядъ не будетъ въ состояніи соединиться съ герцеговинскими повстанцами. Пограничные пункты, какъ Мостаръ, Требинья, Бигачъ, укрѣплены очень сильно. Особенное вниманіе обращено на Требинью, расположенную всего въ 3¼, часахъ ходьбы отъ черногорской границы. Въ Мостарѣ постоянно сосредоточены довольно значительныя боевыя силы, а форты и круглыя, оставшіяся еще со времени владычества турокъ, башни могутъ помѣстить до 10 батальоновъ войска.

Со стороны Сербіи границы оккупированныхъ провинцій охраняются не такъ бдительно. Австрійское правительство гораздо болѣе не довѣряетъ маленькой, воинственной Черногоріи, нежели

находящейся подъ австрійскимъ же вліаніемъ слабой Сербіи. Однако и на босняцко-сербской границѣ довольно много блокгаузовъ, казармъ и т. д.

Опасаясь пропаганды иностранныхъ агитаторовъ, австрійское управленіе края старается не допускать вообще никого изъ чужеземцевъ въ оккупированныя провинціи. Чтобы попасть туда, нужно запастись специальнымъ паспортомъ, получить который не совсѣмъ легко. Мало того: когда вы уже раздобыли позволеніе на выѣздъ въ Боснію и Герцеговину, вамъ даютъ охранителя жандарма, который не отступаетъ отъ васъ ни на шагъ и котораго вы должны содержать на свой счетъ. Управленіе края, снабжающее васъ такой охраной, говоритъ, что оно дѣлаетъ это единственно для вашей пользы, такъ какъ въ этихъ полуварварскихъ провинціяхъ опасно путешествовать одному. Это до нѣкоторой степени правда, и вы предохранены такимъ образомъ отъ разныхъ непріятныхъ случайностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ вы лишены возможности поговорить съ представителями мѣстнаго населенія, которое не станетъ откровенничать въ присутствіи австрійскаго жандарма.

Не особенно церемонясь съ мѣстнымъ крестьянскимъ населеніемъ, австрійское правительство сильно ухаживаетъ за магометанской аристократіей, разными агами и бегами, лѣстя ихъ самолюбію всякими отличья, орденами и медалями, возводитъ самыхъ вліятельныхъ изъ нихъ въ графское достоинство и т. д. Кромѣ этого, австрійское правительство не уничтожило «третинъ», которую крестьяне уплачивали землевладѣльцамъ при турецкомъ владычествѣ. Разница только въ томъ, что теперь «третина» переведена на деньги, тогда какъ прежде крестьяне вносили ее натурой.

Путемъ такой тактики Австрія достигла того, что магометане-землевладѣльцы, т. е. самая вліятельная часть мѣстнаго населенія, совершенно перешла на сторону правительства и совершенно довольна своей участью.

Что бы ни говорилось о роли Австріи въ оккупированныхъ провинціяхъ, однако, вслѣдствіе, даже самый предубѣжденный наблюдатель, долженъ признать, что австрійское правительство сдѣлало очень много для поднятія культурнаго уровня занятаго имъ края.

Австрія провела черезъ Боснію и Герцеговину желѣзныя и шоссейныя дороги, основала банки, торговые агентства, фабрики, заводы и, наконецъ, образцовыя школы. Австрійское правительство прилагаетъ много усилій къ тому, чтобы содѣйствовать экономическому развитію Босніи и Герцеговины путемъ насажденія тамъ крупной промышленности. Босняцко-герцеговинской павильонъ на будапештской выставкѣ блестящимъ образомъ иллюстрируетъ культурные успѣхи, которыхъ достигли оккупированныя провинціи за 18 лѣтъ, истекшихъ со времени присоединенія ихъ къ Австріи.

Австрійское управленіе края содѣйствуетъ даже развитію мѣстной литературы и науки. Въ Сараевѣ основанъ прекрасно разви-

вающійся музей, наполненный коллекціями предметовъ, относящихся къ исторіи, археологіи и этнографіи края. Въ органѣ этого музея «Viestnik zemaljskog musea» помѣщаются дѣльныя статьи по археологіи и этнографіи обѣихъ оккупированныхъ провинцій. Правительство ассигнуетъ суммы, необходимыя для изданія памятниковъ народнаго творчества босняцкаго населенія: пѣсенъ, пословицъ и т. д. Мало того, австрійское правительство основало прекрасный иллюстрированный литературно-беллетристическій журналъ «Нада», который появляется въ двухъ изданіяхъ: латиницей и гражданкой. Интересно, что въ этомъ журналѣ вовсе не проводятся какія бы то ни было австрійско-правительственныя тенденціи, чего опасалась было босняцкая интеллигенція. «Нада» является въ настоящее время самымъ лучшимъ юго-славянскимъ иллюстрированнымъ органомъ, и въ немъ мало по малу начинаютъ принимать участіе почти всѣ выдающіеся писатели хорватской и даже сербской литературы. По иллюстраціямъ этотъ органъ можетъ стать рядомъ съ лучшими иностранными изданіями подобного рода. «Нада» знакомитъ своихъ читателей съ европейскими и славянскими литературами. Русской литературѣ удѣляется сравнительно очень много мѣста. Въ послѣднихъ номерахъ «Нада» помѣщенъ пространный и хорошо написанный этюдъ о Львѣ Толстомъ.

Понятно, что австрійское правительство дѣлаетъ все это на мѣстныхъ-же податныхъ деньги, но если мы вспомнимъ политику Австріи въ Чехіи или Галиціи въ то время, когда эти области находились въ положеніи теперешнихъ оккупированныхъ провинцій, то мы должны будемъ признать, что Австрія въ Босніи и Герцеговинѣ является проводникомъ культуры, тогда какъ въ Чехіи и Галиціи она была только орудіемъ безпощадной германизации. Анти-австрійскія, особенно сербскія газеты, а съ ихъ голоса и многія русскія обвиняютъ австрійское правительство въ желаніи германизировать Боснію и Герцеговину. Справедливость, однако, заставляетъ сказать, что въ дѣйствительности подобныхъ тенденцій не замѣтно. Во всѣхъ мѣстныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, въ администраціи, судопроизводствѣ и въ школахъ господствуетъ мѣстный языкъ, а посты всѣхъ босняцко-герцеговинскихъ должностныхъ лицъ заняты или хорватами, или же представителями другихъ славянскихъ народностей: чехами, поляками и русинами, которымъ легко выучиться мѣстному языку. Обыкновенно на всякія должности въ оккупированныхъ провинціяхъ приглашаются исключительно лица, знающія одинъ изъ славянскихъ языковъ.

Германизаторскую тенденцію усматриваютъ еще въ томъ, что Австрія поощряетъ иммиграцію въ Боснію нѣмецкихъ колонистовъ. Между тѣмъ, эта иммиграція въ настоящее время почти совершенно прекратилась, и въ Босніи оказывается около 20.000 нѣмецкихъ колонистовъ, разбросанныхъ среди 12 миллионнаго туземнаго на-

ихъ кандидатовъ въ пяти избирательныхъ округахъ: въ Краковѣ, Львовѣ, Станиславовѣ, Перемишлѣ и Коломыѣ, однако они могутъ разсчитывать на побѣду едва двухъ—въ краковскомъ и львовскомъ—да и то при очень усиленной агитаціи.

Совершенно ничего не слышно о подготовленіяхъ къ выборамъ самой молодой изъ галицкихъ партій, такъ наз. сіонистской, т. е. національно-еврейской. Въ прошломъ году, во время выборовъ въ сеймъ они готовились вступить въ избирательную борьбу, но затѣмъ отложили это до болѣе благоприятной минуты. Теперь какъ разъ наступаетъ такое мгновенье, когда къ избирательнымъ урнамъ пятой куріи призываются еврейскія массы, но сіонисты, по-видимому, потеряли всякую надежду на какой-нибудь успѣхъ. Имъ даже пришлось закрыть органъ, предназначавшійся для еврейскихъ массъ и издававшійся на жаргонѣ. Ихъ многочисленныя провинціальныя общества еле дышатъ, а ихъ собранія систематически разбиваются организованными еврейскими же рабочими. Всѣ надежды на успѣхъ среди массъ у сіонистовъ мало по малу исчезаютъ, и ихъ главный штабъ, состоящій изъ идеологовъ-студентовъ и гимназистовъ, принужденъ услаждаться всякими несбыточными фантазіями, предлагаемыми имъ различными утопистами въ родѣ Герцля.

Такъ, недавно появилась маленькая брошюрка Герцля, которая вызвала очень пространную полемику не только въ австрійскихъ, но и въ германскихъ и даже англійскихъ газетахъ. Реклама, которая была пущена въ ходъ задолго до появленія этой брошюрки, сдѣлала свое дѣло. О книжечкѣ, написанной довольно безтолково, безъ знанія дѣла, печатались громадныя статьи, полныя восторженныхъ комплиментовъ по адресу ея автора и т. д. Такой шумъ объясняется тѣмъ, что авторъ брошюры — извѣстный фельетонистъ «Neue freie Presse».

Его брошюра шумно озаглавлена «Еврейское государство. Опытъ разрѣшенія еврейскаго вопроса». Герцль, въ качествѣ новообращеннаго сіониста, восторженный поборникъ еврейской національной идеи. Распространившись въ первой половинѣ книжки о всѣхъ, до сихъ поръ предлагавшихся способахъ рѣшенія этого сложнаго и крайне запутаннаго вопроса, Герцль переходитъ къ изложенію собственнаго плана. По его мнѣнію, еврейскій вопросъ будетъ разрѣшенъ только тогда, когда евреи очутятся въ своемъ собственномъ независимомъ государствѣ. Пока они разсѣяны среди иноплеменниковъ, они всегдѣ будутъ играть роль угнетаемыхъ и гонимыхъ; но разъ евреи получаютъ возможность сами вершить свою судьбу и устраниваться согласно съ духомъ своей вѣковой культуры, они возродятся, и съ ними всѣ чужеземцы станутъ считаться, какъ съ равными. Все дѣло въ томъ, чтобы добиться основанія собственнаго государства.

По мнѣнію Герцля, еврейское государство вовсе не такая уто-

пія, какъ кажется съ перваго взгляда. Въ наше время, въ сущности, нѣтъ уже ничего невозможнаго. Мы видимъ, какъ то, что еще 20—30 лѣтъ тому назадъ казалось совершенно несбыточнымъ, теперь никого уже и не удивляетъ. Достаточно указать на колоссальный прогрессъ въ области техническихъ знаній.

Герцль почему-то считаетъ Англію самой подходящей страной для первыхъ шаговъ по пути къ осуществленію его плана. Слѣдуетъ прежде всего основать два общества: «Еврейскую компанію» (Jewish Company) и «Общество Евреевъ» (Society of Jews). Задача «Еврейской компаніи» состоитъ въ томъ, чтобы ликвидировать какъ можно скорѣе во всѣхъ странахъ міра тѣ дѣла и предпріятія, въ которыхъ принимаютъ участіе евреи. Параллельно съ этимъ «Еврейская компанія» начинаетъ массами переселять евреевъ на ту территорію, гдѣ современемъ появится независимое еврейское государство. «Еврейской компаніи» стануть помогать всѣ существующія въ Европѣ сіонистскія общества. Первые переселенцы будутъ набираться изъ самыхъ бѣдныхъ (преимущественно русскихъ и галиційскихъ) евреевъ, которые примутся за подготовительную черную работу. Приѣхавъ въ новый край, эти пролетаріи начнутъ очищать землю отъ лѣсовъ, осушать болота, прокладывать дороги, строить мосты и жилища. Только тогда, когда все это будетъ окончено, появится буржуазія и вообще богатый классъ евреевъ. Все это появится не какъ *deus ex machina*, а въ силу экономическихъ законовъ. Для того, чтобы удовлетворять элементарныя потребности первыхъ переселенцевъ-рабочихъ, въ новый край нахлынутъ мелкіе торговцы и ремесленники. Затѣмъ въ край начнутъ стѣзжаться адвокаты, нотаріусы, лѣкаря, учителя и т. д., потому что все развивающаяся жизнь рабочей колоніи потребуеть массу интеллигентныхъ силъ. Интеллигенція со своими потребностями въ комфортѣ будетъ способствовать возникновенію большихъ магазиновъ, фабрикъ, заводовъ и т. д. Въ концѣ концовъ, тамъ, гдѣ вначалѣ было только нѣсколько сотенъ рабочаго населенія, появляется настоящее, современное массовое государство съ аристократіей, буржуазіей, крестьянствомъ, рабочими, бюрократіей, жандармеріей, войскомъ и т. д.

Между тѣмъ другое общество *Society of Jews* пропагандируетъ идею еврейскаго государства всѣми доступными для него способами. Оно издастъ спеціальныя органы, брошюры, книги, развѣшиваетъ и расклеиваетъ повсюду соотвѣтствующія объявленія, устраиваетъ митинги и конференціи и, разумѣется, добивается своего. Герцль разсчитываетъ на поддержку не только со стороны самихъ евреевъ, но и со стороны... антисемитовъ, которые, желая, во что бы то ни стало, избавиться отъ евреевъ, должны содѣйствовать обимъ еврейскимъ обществамъ.

Неизвѣстно только, гдѣ будетъ находиться это будущее еврейское государство. Герцль полагаетъ, что за нѣсколько милліоновъ

ихъ кандидатовъ въ пяти избирательныхъ округахъ: въ Краковѣ, Львовѣ, Станиславовѣ, Перемышлѣ и Коломыѣ, однако они могутъ рассчитывать на побѣду едва двухъ—въ краковскомъ и львовскомъ—да и то при очень усиленной агитаціи.

Совершенно ничего не слышно о подготовленіяхъ къ выборамъ самой молодой изъ галицкихъ партій, такъ наз. сіонистской, т. е. національно-еврейской. Въ прошломъ году, во время выборовъ въ сеймъ они готовились вступить въ избирательную борьбу, но затѣмъ отложили это до болѣе благоприятной минуты. Теперь какъ разъ наступаетъ такое мгновенье, когда къ избирательнымъ урнамъ пятой куріи призываются еврейскія массы, но сіонисты, по-видимому, потеряли всякую надежду на какой-нибудь успѣхъ. Имъ даже пришлось закрыть органъ, предназначавшійся для еврейскихъ массъ и издававшійся на жаргонѣ. Ихъ многочисленнымъ провинціальнымъ обществамъ еле дышать, а ихъ собранія систематически разбиваются организованными еврейскими же рабочими. Всѣ надежды на успѣхъ среди массъ у сіонистовъ мало по малу исчезаютъ, и ихъ главный штабъ, состоящій изъ идеологовъ-студентовъ и гимназистовъ, принужденъ усаживаться всякими несбыточными фантазіями, предлагаемыми имъ различными утопистами въ родѣ Герцля.

Такъ, недавно появилась маленькая брошюрка Герцля, которая вызвала очень пространную полемику не только въ австрійскихъ, но и въ германскихъ и даже англійскихъ газетахъ. Реклама, которая была пущена въ ходъ задолго до появленія этой брошюрки, сдѣлала свое дѣло. О книжечкѣ, написанной довольно бестолково, безъ знанія дѣла, печатались громадныя статьи, полныя восторженныхъ комплиментовъ по адресу ея автора и т. д. Такой шумъ объясняется тѣмъ, что авторъ брошюры — извѣстный фельетонистъ «Neue freie Presse».

Его брошюра шумно озаглавлена «Еврейское государство. Опытъ разрѣшенія еврейскаго вопроса». Герцль, въ качествѣ новообращеннаго сіониста, восторженный поборникъ еврейской національной идеи. Распространившись въ первой половинѣ книжки о всѣхъ, до сихъ поръ предлагавшихся способахъ рѣшенія этого сложнаго и крайне запутаннаго вопроса, Герцль переходитъ къ изложенію собственнаго плана. По его мнѣнію, еврейскій вопросъ будетъ разрѣшенъ только тогда, когда евреи очутятся въ своемъ собственномъ независимомъ государствѣ. Пока они разсѣяны среди иноплеменниковъ, они всегда будутъ играть роль угнетаемыхъ и гонимыхъ; но разъ евреи получатъ возможность сами вершить свою судьбу и устраниваться согласно съ духомъ своей вѣковой культуры, они возродятся, и съ ними всѣ чужеземцы станутъ считаться, какъ съ равными. Все дѣло въ томъ, чтобы добиться основанія собственнаго государства.

По мнѣнію Герцля, еврейское государство вовсе не такая уто-

пія, какъ кажется съ перваго взгляда. Въ наше время, въ сущности, нѣтъ уже ничего невозможнаго. Мы видимъ, какъ то, что еще 20—30 лѣтъ тому назадъ казалось совершенно несбыточнымъ, теперь никого уже и не удивляетъ. Достаточно указать на колоссальный прогрессъ въ области техническихъ знаній.

Герцль почему-то считаетъ Англію самой подходящей страной для первыхъ шаговъ по пути къ осуществленію его плана. Слѣдуетъ прежде всего основать два общества: «Еврейскую компанію» (Jewish Company) и «Общество Евреевъ» (Society of Jews). Задача «Еврейской компаніи» состоитъ въ томъ, чтобы ликвидировать какъ можно скорѣе во всѣхъ странахъ міра тѣ дѣла и предприятия, въ которыхъ принимаютъ участіе евреи. Параллельно съ этимъ «Еврейская компанія» начинаетъ массами переселять евреевъ на ту территорію, гдѣ современемъ появится независимое еврейское государство. «Еврейской компаніи» стануть помогать всѣ существующія въ Европѣ сіонистскія общества. Первые переселенцы будутъ набираться изъ самыхъ бѣдныхъ (преимущественно русскихъ и галиційскихъ) евреевъ, которые примутся за подготовительную черную работу. Приѣхавъ въ новый край, эти пролетаріи начнутъ очищать землю отъ лѣсовъ, осушать болота, прокладывать дороги, строить мосты и жилища. Только тогда, когда все это будетъ окончено, появится буржуазія и вообще богатый классъ евреевъ. Все это появится не какъ *deus ex machina*, а въ силу экономическихъ законовъ. Для того, чтобы удовлетворять элементарныя потребности первыхъ переселенцевъ-рабочихъ, въ новый край нахлынутъ мелкіе торговцы и ремесленники. Затѣмъ въ край начнутъ съѣзжаться адвокаты, нотариусы, лѣкаря, учителя и т. д., потому что все развивающаяся жизнь рабочей колоніи потребуетъ массу интеллигентныхъ силъ. Интеллигенція со своими потребностями въ комфортѣ будетъ способствовать возникновенію большихъ магазиновъ, фабрикъ, заводовъ и т. д. Въ концѣ концовъ, тамъ, гдѣ вначалѣ было только нѣсколько сотенъ рабочаго населенія, появляется настоящее, современное массовое государство съ аристократіей, буржуазіей, крестьянствомъ, рабочими, бюрократіей, жандармеріей, войскомъ и т. д.

Между тѣмъ другое общество *Society of Jews* пропагандируетъ идею еврейскаго государства всѣми доступными для него способами. Оно издаетъ спеціальныя органы, брошюры, книги, развѣшиваетъ и расклеиваетъ повсюду соотвѣтствующія объявленія, устраиваетъ митинги и конференціи и, разумѣется, добивается своего. Герцль рассчитываетъ на поддержку не только со стороны самихъ евреевъ, но и со стороны... антисемитовъ, которые, желая, во что бы то ни стало, избавиться отъ евреевъ, должны содѣйствовать обоимъ еврейскимъ обществамъ.

Неизвѣстно только, гдѣ будетъ находиться это будущее еврейское государство. Герцль полагаетъ, что за нѣсколько миллионѣвъ

ихъ кандидатовъ въ пяти избирательныхъ округахъ: въ Краковѣ, Львовѣ, Станиславовѣ, Перемишлѣ и Коломнѣ, однако они могутъ рассчитывать на побѣду едва двухъ—въ краковскомъ и львовскомъ—да и то при очень усиленной агитаціи.

Совершенно ничего не слышно о подготовленіяхъ къ выборамъ самой молодой изъ галицкихъ партій, такъ наз. сіонистской, т. е. національно-еврейской. Въ прошломъ году, во время выборовъ въ сеймъ они готовились вступить въ избирательную борьбу, но затѣмъ отложили это до болѣе благоприятной минуты. Теперь какъ разъ наступаетъ такое мгновеніе, когда къ избирательнымъ урнамъ пятой куріи призываются еврейскія массы, но сіонисты, по-видимому, потеряли всякую надежду на какой-нибудь успѣхъ. Имъ даже пришлось закрыть органъ, предназначавшійся для еврейскихъ массъ и издававшійся на жаргонѣ. Ихъ многочисленныя провинціальныя общества еле дышатъ, а ихъ собранія систематически разбиваются организованными еврейскими же рабочими. Всѣ надежды на успѣхъ среди массъ у сіонистовъ мало по малу исчезаютъ, и ихъ главный штабъ, состоящій изъ идеологовъ-студентовъ и гимназистовъ, принужденъ усаживаться всякими несбыточными фантазіями, предлагаемыми имъ различными утопистами въ родѣ Герцля.

Такъ, недавно появилась маленькая брошюрка Герцля, которая вызвала очень пространную полемику не только въ австрійскихъ, но и въ германскихъ и даже англійскихъ газетахъ. Реклама, которая была пущена въ ходъ задолго до появленія этой брошюры, сдѣлала свое дѣло. О книжечкѣ, написанной довольно безтолково, безъ знанія дѣла, печатались громадныя статьи, полныя восторженныхъ комплиментовъ по адресу ея автора и т. д. Такой шумъ объясняется тѣмъ, что авторъ брошюры — извѣстный фельетонистъ «Neue freie Presse».

Его брошюра шумно озаглавлена «Еврейское государство. Опытъ разрѣшенія еврейскаго вопроса». Герцль, въ качествѣ новообращеннаго сіониста, восторженный поборникъ еврейской національной идеи. Распространившись въ первой половинѣ книжки о всѣхъ, до сихъ поръ предлагавшихся способахъ рѣшенія этого сложнаго и крайне запутаннаго вопроса, Герцль переходитъ къ изложенію собственнаго плана. По его мнѣнію, еврейскій вопросъ будетъ разрѣшенъ только тогда, когда евреи очутятся въ своемъ собственномъ независимомъ государствѣ. Пока они разсѣяны среди иноплеменниковъ, они всегда будутъ играть роль угнетаемыхъ и гонимыхъ; но разъ евреи получаютъ возможность сами вершить свою судьбу и устраиваться согласно съ духомъ своей вѣковой культуры, они возродятся, и съ ними всѣ чужеземцы станутъ считаться, какъ съ равными. Все дѣло въ томъ, чтобы добиться основанія собственнаго государства.

По мнѣнію Герцля, еврейское государство вовсе не такая уто-

пія, какъ кажется съ перваго взгляда. Въ наше время, въ сущности, нѣтъ уже ничего невозможнаго. Мы видимъ, какъ то, что еще 20—30 лѣтъ тому назадъ казалось совершенно несбыточнымъ, теперь никого уже и не удивляетъ. Достаточно указать на колоссальный прогрессъ въ области техническихъ знаній.

Герцль почему-то считаетъ Англію самой подходящей страной для первыхъ шаговъ по пути къ осуществленію его плана. Слѣдуетъ прежде всего основать два общества: «Еврейскую компанію» (Jewish Company) и «Общество Евреевъ» (Society of Jews). Задача «Еврейской компаніи» состоитъ въ томъ, чтобы ликвидировать какъ можно скорѣе во всѣхъ странахъ міра тѣ дѣла и предпріятія, въ которыхъ принимаютъ участіе евреи. Параллельно съ этимъ «Еврейская компанія» начинаетъ массами переселять евреевъ на ту территорію, гдѣ современно появится независимое еврейское государство. «Еврейской компаніи» станутъ помогать всѣ существующія въ Европѣ сіонистскія общества. Первые переселенцы будутъ набираться изъ самыхъ бѣдныхъ (преимущественно русскихъ и галиційскихъ) евреевъ, которые примутся за подготовительную черную работу. Приѣхавъ въ новый край, эти пролетаріи начнутъ очищать землю отъ лѣсовъ, осушать болота, прокладывать дороги, строить мосты и жилища. Только тогда, когда все это будетъ окончено, появится буржуазія и вообще богатый классъ евреевъ. Все это появится не какъ *deus ex machina*, а въ силу экономическихъ законовъ. Для того, чтобы удовлетворять элементарныя потребности первыхъ переселенцевъ-рабочихъ, въ новый край нахлынутъ мелкіе торговцы и ремесленники. Затѣмъ въ край начнутъ стѣзжаться адвокаты, нотаріусы, лѣкаря, учителя и т. д., потому что все развивающаяся жизнь рабочей колоніи потребуетъ массу интеллигентныхъ силъ. Интеллигенція со своими потребностями въ комфортѣ будетъ способствовать возникновенію большихъ магазиновъ, фабрикъ, заводовъ и т. д. Въ концѣ концовъ, тамъ, гдѣ вначалѣ было только нѣсколько сотенъ рабочаго населенія, появится настоящее, современное массовое государство съ аристократіей, буржуазіей, крестьянствомъ, рабочими, бюрократіей, жандармеріей, войскомъ и т. д.

Между тѣмъ другое общество *Society of Jews* пропагандируетъ идею еврейскаго государства всѣми доступными для него способами. Оно издастъ спеціальныя органы, брошюры, книги, развѣшиваетъ и расклеиваетъ повсюду соотвѣтствующія объявленія, устраиваетъ митинги и конференціи и, разумѣется, добивается своего. Герцль рассчитываетъ на поддержку не только со стороны самихъ евреевъ, но и со стороны... антисемитовъ, которые, желая, во что бы то ни стало, избавиться отъ евреевъ, должны содѣйствовать обоимъ еврейскимъ обществамъ.

Неизвѣстно только, гдѣ будетъ находиться это будущее еврейское государство. Герцль полагаетъ, что за нѣсколько миллионъ

ихъ кандидатовъ въ пяти избирательныхъ округахъ: въ Краковѣ, Львовѣ, Станиславовѣ, Перемишлѣ и Коломыѣ, однако они могутъ разсчитывать на побѣду едва двухъ—въ краковскомъ и львовскомъ—да и то при очень усиленной агитаціи.

Совершенно ничего не слышно о подготовленіяхъ къ выборамъ самой молодой изъ галицкихъ партій, такъ наз. сіонистской, т. е. національно-еврейской. Въ прошломъ году, во время выборовъ въ сеймъ они готовились вступить въ избирательную борьбу, но затѣмъ отложили это до болѣе благоприятной минуты. Теперь какъ разъ наступаетъ такое мгновеніе, когда въ избирательныхъ урнамъ пятой куріи призываются еврейскія массы, но сіонисты, по-видимому, потеряли всякую надежду на какой-нибудь успѣхъ. Имъ даже пришлось закрыть органъ, предназначавшійся для еврейскихъ массъ и издававшійся на жаргонѣ. Ихъ многочисленныя провинціальныя общества еле дышатъ, а ихъ собранія систематически разбиваются организованными еврейскими же рабочими. Всѣ надежды на успѣхъ среди массъ у сіонистовъ мало по малу исчезаютъ, и ихъ главный штабъ, состоящій изъ идеологовъ-студентовъ и гимназистовъ, принужденъ улаживаться всякими несбыточными фантазіями, предлагаемыми имъ различными утопистами въ родѣ Герцля.

Такъ, недавно появилась маленькая брошюрка Герцля, которая вызвала очень пространную полемику не только въ австрійскихъ, но и въ германскихъ и даже англійскихъ газетахъ. Реклама, которая была пущена въ ходъ задолго до появленія этой брошюрки, сдѣлала свое дѣло. О книжечкѣ, написанной довольно безтолково, безъ знанія дѣла, печатались громадныя статьи, полныя восторженныхъ комплиментовъ по адресу ея автора и т. д. Такой шумъ объясняется тѣмъ, что авторъ брошюры — извѣстный фельетонистъ «Neue freie Presse».

Его брошюра шумно озаглавлена «Еврейское государство. Опытъ разрѣшенія еврейскаго вопроса». Герцль, въ качествѣ новообращеннаго сіониста, восторженный поборникъ еврейской національной идеи. Распространившись въ первой половинѣ книжки о всѣхъ, до сихъ поръ предлагавшихся способахъ рѣшенія этого сложнаго и крайне запутаннаго вопроса, Герцль переходитъ къ изложенію собственнаго плана. По его мнѣнію, еврейскій вопросъ будетъ разрѣшенъ только тогда, когда евреи очутятся въ своемъ собственномъ независимомъ государствѣ. Пока они разсѣяны среди иноплеменниковъ, они всегда будутъ играть роль угнетаемыхъ и гонимыхъ; но разъ евреи получаютъ возможность сами вершить свою судьбу и устраиваться согласно съ духомъ своей вѣковой культуры, они возродятся, и съ ними всѣ чужеземцы станутъ считаться, какъ съ равными. Все дѣло въ томъ, чтобы добиться основанія собственнаго государства.

По мнѣнію Герцля, еврейское государство вовсе не такая уто-

пія, какъ кажется съ перваго взгляда. Въ наше время, въ сущности, нѣтъ уже ничего невозможнаго. Мы видимъ, какъ то, что еще 20—30 лѣтъ тому назадъ казалось совершенно несбыточнымъ, теперь никого уже и не удивляетъ. Достаточно указать на колоссальный прогрессъ въ области техническихъ знаній.

Герцль почему-то считаетъ Англію самой подходящей страной для первыхъ шаговъ по пути къ осуществленію его плана. Слѣдуетъ прежде всего основать два общества: «Еврейскую компанію» (Jewish Company) и «Общество Евреевъ» (Society of Jews). Задача «Еврейской компаніи» состоитъ въ томъ, чтобы ликвидировать какъ можно скорѣе во всѣхъ странахъ міра тѣ дѣла и предпріятія, въ которыхъ принимаютъ участіе евреи. Параллельно съ этимъ «Еврейская компанія» начинаетъ массами переселять евреевъ на ту территорію, гдѣ современемъ появится независимое еврейское государство. «Еврейской компаніи» стануть помогать всѣ существующія въ Европѣ сіонистскія общества. Первые переселенцы будутъ набираться изъ самыхъ бѣдныхъ (преимущественно русскихъ и галиційскихъ) евреевъ, которые примутся за подготовительную черную работу. Приѣхавъ въ новый край, эти пролетаріи начнутъ очищать землю отъ лѣсовъ, осушать болота, прокладывать дороги, строить мосты и жилища. Только тогда, когда все это будетъ окончено, появится буржуазія и вообще богатый классъ евреевъ. Все это появится не какъ *deus ex machina*, а въ силу экономическихъ законовъ. Для того, чтобы удовлетворять элементарныя потребности первыхъ переселенцевъ-рабочихъ, въ новый край нахлынутъ мелкіе торговцы и ремесленники. Затѣмъ въ край начнутъ съѣзжаться адвокаты, нотариусы, лѣкаря, учителя и т. д., потому что все развивающаяся жизнь рабочей колоніи потребуетъ массу интеллигентныхъ силъ. Интеллигенція со своими потребностями въ комфортахъ будетъ способствовать возникновенію большихъ магазиновъ, фабрикъ, заводовъ и т. д. Въ концѣ концовъ, тамъ, гдѣ вначалѣ было только нѣсколько сотенъ рабочаго населенія, появится настоящее, современное массовое государство съ аристократіей, буржуазіей, крестьянствомъ, рабочими, бюрократіей, жандармеріей, войскомъ и т. д.

Между тѣмъ другое общество *Society of Jews* пропагандируетъ идею еврейскаго государства всѣми доступными для него способами. Оно издаетъ спеціальныя органы, брошюры, книги, развѣшиваетъ и расклеиваетъ повсюду соответствующія объявленія, устраиваетъ митинги и конференціи и, разумѣется, добивается своего. Герцль рассчитываетъ на поддержку не только со стороны самихъ евреевъ, но и со стороны... антисемитовъ, которые, желая, во что бы то ни стало, избавиться отъ евреевъ, должны содѣйствовать обонимъ еврейскимъ обществамъ.

Неизвѣстно только, гдѣ будетъ находиться это будущее еврейское государство. Герцль полагаетъ, что за нѣсколько миллионѣвъ

не трудно откупить какойнибудь штатъ у Аргентинской республики, если не удастся получить для этой цѣли части Палестины. Впрочемъ, для Герцля вопросъ о мѣстѣ, куда переселить евреевъ, сущій пустякъ. Мѣсто должно найтись не здѣсь, такъ тамъ.

Напыщенная, полная риторическихъ фразъ и ни на чемъ не основанныхъ восторговъ, брошюра Герцля была, однако, принята съ энтузіазмомъ австрійскими сіонистами, а Герцль сразу сталъ въ ихъ глазахъ какимъ-то пророкомъ, разрѣшителемъ вѣкового вопроса.

Время объявленія новыхъ парламентскихъ выборовъ обуславливается до нѣкоторой степени исходомъ переговоровъ, которые ведутъ Бадени съ Банифи. Если переговоры увѣнчаются полнымъ успѣхомъ и оба министра-президента будутъ увѣрены, что парламенты обѣихъ половинъ имперіи утвердятъ «экономическое соглашеніе», то ни графу Бадени, ни барону Банифи не выгодно распускать парламентъ. Если же соглашеніе встрѣтитъ оппозицію въ парламентахъ, то они тотчасъ же будутъ распушены.

Экономическое соглашеніе между Австріей и Венгріей было заключено въ 1867 г. на тридцать лѣтъ, такъ что въ будущемъ году истекаетъ его срокъ. Съ 1867 г. обѣ половины имперіи Габсбурговъ имѣютъ общіи таможи, общій государственный банкъ и известную долю общаго бюджета двухъ министерствъ, военного и иностранныхъ дѣлъ.

По соглашенію 1867 г., Австрія уплачивала 68,6% расхода, а Венгрія только 31,4%. Однако, съ тѣхъ поръ транслейтанская половина имперіи достигла такихъ экономическихъ успѣховъ, что подобное процентное распредѣленіе расходовъ въ настоящее время стало бы очень похожимъ на эксплуатацію Австріи Венгріей. Поэтому-то австрійское населеніе и правительство требуютъ значительнаго увеличенія доли Венгрии при покрытіи общихъ расходовъ. Австрія домогается, чтобы Венгрія платила впредь не 31,4%, а 42%. Венгрии приходится увеличивать свою долю на 10.000.000 гульд., что венгерцамъ очень не нравится. Они согласны дать 5—6 милліоновъ, но 10 никакъ не желаютъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ скоромъ времени долженъ последовать указъ императора, предписывающій венграмъ принять предлагаемыя условія, однако, какъ кажется, дѣло до этого не дойдетъ, и венгерскому министру удастся приобрести большинство будапештскаго парламента для правительственнаго проекта. Что же касается до вѣнскаго парламента, то гр. Бадени почти не сомнѣвается въ его согласіи.

Вообще, нужно сказать, что графу Бадени повезло. Всѣ тѣ вопросы, которые были камнемъ преткновенія для предыдущихъ министерствъ, разрѣшаются имъ вполне успѣшно, и въ настоящее время онъ почти не имѣетъ оппозиціи въ вѣнскомъ парламентѣ. Самые ярые оппозиціонисты, каковыми были при прежнихъ министерствахъ младочехи, стали очень угодливыми сторонниками гр.

Бадени. Крикливые антисемиты значительно понизили свой воинственный тонъ. Даже социаль-демократы не такъ враждебно настроены по отношенію къ гр. Бадени, какъ къ его предшественникамъ. Что же касается законопроектовъ гр. Бадени, то всѣ они проходятъ замѣчательно легко. Достаточно указать на судьбу избирательной реформы. Поэтому можно предполагать, что и австро-венгерское соглашеніе будетъ имъ заключено съ такимъ же успѣхомъ.

Успѣхъ будапештской выставки все растетъ, а количество ея посѣтителей постоянно увеличивается. Протесты мадьярскихъ народностей Венгріи, очевидно, нисколько не повліяли на общественное мнѣніе Австріи, такъ какъ со всѣхъ ея концовъ наплываютъ въ Буда-Пештъ желающіе полюбоваться на венгерскую выставку. Протесты со стороны не венгерскихъ народностей, впрочемъ, не прекращаются. Они даже перенесены за предѣлы Венгріи. Такъ, чешская, румынская и сербская колоніи въ Парижѣ устроили торжественное собраніе, на которомъ присутствовала масса французскихъ журналистовъ. Въ собраніи предсѣдательствовалъ бывший министръ Флурансъ. Собравшіеся единогласно вѣтировали резолюцію, порицающую отношеніе венгровъ къ мадьярскимъ народностямъ ихъ отечества.

Другой протестъ появился въ Галиціи. Онъ вышелъ изъ русинскаго лагеря и подписанъ виднѣйшими представителями радикальной и народовой партіи. Галиційскіе русины протестуютъ какъ бы отъ имени всѣмъ замоленувшихъ своихъ закарпатскихъ земляковъ. Протестъ перечисляетъ всѣ тѣ денационализационные эксперименты, которые практиковались и практикуются мадьярами въ венгерской Руси, пользуясь тѣмъ, что венгро-русинская интеллигенція или мадьяризовалась, или предается глупѣйшимъ панславистскимъ мечтаніямъ.

Русинскій протестъ былъ перепечатанъ всѣми галиційскими газетами. Онъ появится также въ венгерскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ переводахъ, хотя, разумѣется, ни къ какимъ положительнымъ результатамъ не приведетъ.

Въ Галиціи праздновался недавно тридцатилѣтній юбилей литературной дѣятельности самаго замѣчательнаго изъ современныхъ польскихъ поэтовъ и, вмѣстѣ съ этимъ, одного изъ виднѣйшихъ представителей галиційской прогрессивной партіи Адама Асныка, произведенія котораго частію переведены также и на русскій языкъ. Асныкъ получилъ, между прочимъ, и поздравленіе изъ Москвы.

Литературная дѣятельность Асныка представляетъ одно изъ самыхъ крупныхъ явленій современной польской поэзіи. Асныкъ живетъ постоянно въ Галиціи, въ Краковѣ, но онъ по своему

происхожденію не галичанинъ. Онъ родился въ Царствѣ Польскомъ, тамъ окончилъ гимназію и поступилъ въ варшавскую медико-хирургическую академію. Покинувъ родину въ началѣ шестидесятихъ годовъ, онъ уѣхалъ въ Бреславль, гдѣ поступилъ на медицинскій факультетъ мѣстнаго университета. Затѣмъ онъ проѣхалъ черезъ Германію и Швейцарію и поселился на довольно продолжительное время въ Южной Италіи. Здѣсь написаны имъ первыя стихотворенія, которыя появились, немного спустя, въ одномъ изъ львовскихъ органовъ печати. Уже эти первые его стихотворенія показываютъ, что мы имѣемъ дѣло не съ шаблоннымъ виршеплетомъ, какихъ тогда десятками можно было считать въ польской литературѣ, а съ поэтомъ, серьезно относящимся къ своему призванію, высказывающимъ глубокія мысли въ тщательно отдѣланной формѣ. Хотя Аснѣкъ писалъ немного, но нѣкоторыя изъ его стихотвореній, какъ напр. «Аскетъ», «Юліанъ Отступникъ» обратили на себя всеобщее вниманіе. Подъ вліяніемъ «Божественной Комедіи» Данте, которую Аснѣкъ изучалъ во время своего пребыванія въ Италіи, имъ написана поэма «Сонъ могилъ».

Изъ Италіи Аснѣкъ возвратился въ Германію, но уже къ медицинѣ не вернулся. Онъ сталъ изучать въ гейдельбергскомъ университетѣ исторію и политическую экономію. Получивъ степень доктора философіи, Аснѣкъ поѣхалъ въ Галицію, которая незадолго передъ тѣмъ вступила на путь нормальнаго развитія, получивъ автономію.

Поселившись въ Галицію, Аснѣкъ принялъ самое дѣятельное участіе въ журналистикѣ, но не оставлялъ и поэзіи. Онъ написалъ массу лирическихъ стихотвореній, которыя стали вскорѣ очень популярными. До 1870 г. Аснѣкъ жилъ во Львовѣ, въ этомъ же году переѣхалъ въ Краковъ. Въ Краковѣ литературная дѣятельность Аснѣка усиливается и пріобрѣтаетъ разнообразный характеръ. Онъ пишетъ оперы, поэмы, драмы, комедіи и эскизы повѣстей, а вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ участіе въ редактированіи главнаго ежедневнаго органа польскаго демократическаго лагера, «Nowa Reforma».

Аснѣкъ, по характеру своего таланта, лирикъ, причемъ въ его стихотвореніяхъ отражаются самыя разнообразныя и столь противоположныя душевныя настроенія, что, читая его произведенія подъ-рядъ, вы едва можете повѣрить, что ихъ писалъ одинъ и тотъ же человѣкъ. Всѣ стихотворенія Аснѣка пронизаны глубокими философскими мыслями, большая часть изъ нихъ, кромѣ чисто эготическихъ, затрагиваетъ самыя животрепещущіе вопросы соціальной жизни. Аснѣкъ глубоко чувствуетъ природу и мастерски передаетъ навѣянные ею настроенія. Съ формальной стороны произведенія Аснѣка настоящіе брилліанты польской поэзіи. По совершенству формы они могутъ стоять рядомъ съ са-

ными лучшими стихотворениями Словацкаго. Всѣ свои стихотворныя произведенія Асныкъ издаетъ подъ псевдонимомъ Ел—у.

Изъ его драматическихъ произведений особеннымъ успѣхомъ пользуется пьеса «Братья Лерхе».

Л. Василевскій.

На зарѣ русской поэзии.

Русская поэзія. — Собраніе русскихъ поэтовъ. — Издается подъ редакціею С. А. Венгерова. Выпуски I—V. Спб. 1893—1895 гг.

VI.

Опять воспользуемся «Дневникомъ» Никитенки, который рассказываетъ слѣдующій анекдотъ: «Нѣкто Ваксель, членъ межевого департамента въ Москвѣ, былъ до того извѣстенъ своимъ грабительствомъ, что императрица Екатерина II называла его Вольтеромъ, ибо Вольтеръ значить по французски *vol terre* — *похищающій отъ земли*. На сего Вакселя сочинили въ Москвѣ сатиру, въ которой нещадно обругали его, укоряя въ лихоимствѣ. Обиженный пожаловался графу Алексѣю Орлову. — Я не могу оказать вамъ никакой помощи, отвѣчалъ ему тотъ, но, если хотите, дамъ вамъ добрый совѣтъ, польза котораго дознана силою на собственномъ опытѣ. Когда я былъ съ флотомъ въ Моревъ, то во всѣхъ европейскихъ газетахъ обо мнѣ писали, что я ничего не дѣлаю, какъ только приказываю грекамъ дѣлать мои бюсты и собираю антики. На что же я рѣшился? Пересталъ дѣлать то, въ чемъ меня упрекали, и газеты замолчали».

Никитенко рассказываетъ это не какъ анекдотъ, а какъ истинное происшествіе, и мы не думаемъ его оспаривать. Очень возможно, что графъ Орловъ далъ такой совѣтъ взяточнику, достойный истинно государственнаго человѣка, хотя, сколько извѣстно, чesменскій герой отличался больше храбростію и удаліемъ, нежели настоящимъ государственнымъ умомъ. Но ужъ такое время было. Въ незначительномъ фактѣ (мы принимаемъ его за дѣйствительный фактъ), рассказанномъ у Никитенки, «какъ солнце въ малой каллѣ воды» отражается веселый, острословный, безпутный, блестяще-даровитый, легкомысленный и безсознательно-жестокій XVIII вѣкъ. Разсмотримъ рассказанный фактъ поближе. Воруетъ крупный взяточникъ и такъ воруетъ, что даже Москву, тогдашнюю Москву удивляетъ. Императрица извѣстно очень хорошо объ его грабительскихъ подвигахъ — и что же? Въ результатъ только остроумный каламбуръ, который, конечно, съ восхищеніемъ повторялся въ близкихъ ко двору

сферахъ. Въ дѣло вступается «общественное мнѣнiе»: появляется и ходитъ по рукамъ рукописная сатира на взяточника—и опять что же? Взятчикъ, какъ оскорбленная невинность 'какая-нибудь, ѣдетъ къ могущественному вельможѣ *жаловаться* на свою обиду. • Что дальше? Властный вельможа, которому, какъ это очевидно изъ разсказа, было совершенно извѣстно о грабительствѣ челобичика, даетъ ему остроумно - колкій отвѣтъ, чѣмъ все и кончается. Ваксель вернулся, конечно, въ свой департаментъ и принялся *вольтерствовать* пуще прежняго, поощряя своимъ примѣромъ и своею безнаказанностью всѣхъ другихъ безчисленныхъ Вакселей того времени.

Маленькій эпизодъ, разсказанный у Никитенки, нужно отнести къ концу восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтiя. За двадцать слишкомъ лѣтъ передъ этимъ, въ манифестѣ «о лихоимствѣ», появившемся всего черезъ три недѣли послѣ вступленiя на престолъ Екатерины, выражено было такое торжественное обѣщанiе: «никто обвиненный въ лихоимствѣ (ежели только жалоба дойдетъ до насъ праведная) яко прогнѣвающiй Бога, не избѣжитъ и нашего гнѣва, такъ какъ мы милость и судъ въ пути непорочномъ царствованiя нашего Богу и народу обѣщали». Однако, всевозможные Ваксели, крупныя и мелкiя, чувствовали себя очень привольно во все время царствованiя Екатерины, не смотря ни на какiя «праведныя жалобы». Противорѣчiе между словомъ и дѣломъ очевидно, и такихъ или даже еще болѣе рѣзкихъ и серьезныхъ противорѣчiй можно указать въ царствованiе Екатерины нѣсколько. Вотъ либеральнѣйшiй «наказъ», неисполненный гуманно-философскаго духа, а вотъ раздача широкою рукою казенныхъ крестьянъ въ частное крѣпостное владѣнiе, вотъ закрѣпленiе свободныхъ малороссiйскихъ крестьянъ. Уничтожена страшная тайная канцелярiя, запрещено и предаю забвенiю ненавистное «слово и дѣло», но чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого происходитъ такой веселый діалогъ: «Ну, каково кнутобойничаешь?»—«По маленьку, Ваша Свѣтлость, по маленьку!» Это разговариваютъ Потемкинъ съ Шешковскимъ, начальникомъ тайной экспедицiи. Вмѣсто *канцелярiи* явилась *экспедицiя*, но кнутобойничество осталось прежнее. Является дозволенiе на устройство вольныхъ типографiй, безъ всякихъ почти ограниченiй, но вотъ, чрезъ какой-нибудь десятокъ съ небольшимъ лѣтъ, указъ «объ ограниченiи свободы книгопечатанiя и ввоза иностранныхъ книгъ, объ учрежденiи на сей конецъ цензуры и объ упраздненiи частныхъ типографiй». Вотъ указъ объ открытiи народныхъ училищъ во всѣхъ городахъ имперiи, объ учрежденiи гимназiй и объ основанiи четырехъ новыхъ университетовъ, а въ результатъ ни училищъ, ни гимназiй, ни новыхъ университетовъ. Все это, однако, частности, хотя и крупныя, важныя, но вотъ общее положенiе государственныхъ дѣлъ въ этомъ періодѣ: рядъ блестящихъ военныхъ и дипломатическихъ побѣдъ, увеличенiе государственной территорiи на сотни

тысячъ квадратныхъ верстѣ, увеличеніе народонаселенія болѣе чѣмъ на десять милліоновъ новыхъ подданныхъ, а съ другой стороны—почти совершенное истощеніе государственной казны, хроническіе дефициты, въ результатѣ которыхъ возрастаніе вѣнскихъ и внутреннихъ долговъ, увеличеніе налоговъ и глухое, но глубокое недовольство народа, о которомъ тѣмъ не менѣе Екатерина писала, опровергая какое то французское сочиненіе о Россіи: «то не подлежитъ сомнѣнію, что нѣтъ на свѣтѣ доли лучше доли русскаго крестьянина». Что сказалъ бы Петръ, созерцая эту картину? Онъ, вѣроятно, сказалъ бы: «всеу законы писать, ежели ихъ не исполнять».

И всетаки Екатерина была первымъ вѣнценоснымъ послѣдователемъ Петра, вполне искреннимъ и сознательнымъ, и ея титулъ «Великой» вполне заслуженъ ею. Но и величіе имѣетъ свои степени. Если Петръ былъ крутымъ реформаторомъ—радикаломъ, то Екатерину мы назовемъ оппортунисткой, необыкновенно умной, широко просвѣщенной, искренно либеральной, но нисколько не расположенной и не способной прать противу рожна. Петръ приспособлялъ Россію къ себѣ, Екатерина сама приспособлялась къ Россіи. Петръ дѣйствовалъ подъ эгидой непререкаемой легитимности, тогда какъ положеніе Екатерины было совершенно иное, какъ вслѣдствіе ея нѣмецкаго происхожденія, такъ, въ особенности, и въ силу тѣхъ путей, которыми она достигла престола. Въ этихъ отношеніяхъ ея положеніе было гораздо труднѣе положенія Петра, и нельзя не видѣть доказательства ея огромнаго и находчиваго ума прежде всего въ томъ, что она вполне поняла это положеніе и овладѣла имъ. Посмотрите на нее, на ея нравственный обликъ: вѣдь эта чистокровная нѣмка—чистѣйшая русская женщина изъ крупнѣйшаго калibra, это какая-то Марѳа Посадница на престолѣ, честолюбивая, властолюбивая, даже часто по женски тщеславная, но искренно и глубоко преданная своему отечеству. Какому отечеству? Не англійско-персбскому фатерланду, конечно, а той странѣ, религію которой она приняла и языкъ которой усвоила такъ, какъ немногіе изъ коренныхъ русскихъ людей. У ней не было ни такихъ силъ, ни такого авторитета, какіе необходимы для того, чтобы тащить на своемъ буксирѣ такую тяжеловѣсную машину, какъ Россія, подобно тому, какъ это всю свою жизнь дѣлалъ Петръ, но лодыжникомъ она была превосходнымъ и по возможности держалась петровскаго курса.

«Живи самъ и другимъ жить давай»—этотъ афоризмъ былъ очень любимъ Екатериной, часто повторялся ею и не напрасно: въ этомъ афоризмѣ заключались и ея житейскія правила, и ея политическая программа. Конечно, это принципъ чистѣйшаго оппортунизма. *Давай жить другимъ*—но если эти другіе не даютъ жить третьимъ и четвертымъ? Ну, уладятся какъ нибудь, и во всякомъ случаѣ худой миръ лучше доброй ссоры и лучше не влетаться въ споры, по крайней мѣрѣ въ такіе, которые неизвѣстно еще чѣмъ могутъ кон-

чится. Екатерина, напр., лично не любила роскоши, ея вкусы были очень просты, потребности умеренны, но она не ограничивала безумную расточительность Потемкина, Везбородко, Зубова и других. Для такого ограничѣнія потребовались бы рѣшительныя, петровскія мѣропріятія, а это уже была бы крайность, которой Екатерина всегда старалась избѣжать. Эта уклончивость происходила не отъ шаткости мнѣній и не отъ желанія невозмутимаго ничѣмъ покоя, а отъ полноты убѣжденія, что всѣ мы люди, всѣ чловѣки и одинъ Богъ безъ грѣха. «Живи самъ и другимъ жить давай». Приведемъ еще одинъ, маленькій, но выразительный, да кстати же и литературный примѣръ, какъ разъ поджодащій къ нашей темѣ. Капризный Сумароковъ разсорился изъ-за чего-то съ содержателемъ московскаго театра, нѣкимъ Бальмонти, и запретилъ ему ставить на сценѣ свои трагедіи. Запрещеніе это было отмѣнено московскимъ главнокомандующимъ графомъ Салтыковымъ, и Сумароковъ обратился съ жалобою къ императрицѣ. Вся правда и все право, конечно, были на сторонѣ Сумарокова, но какъ же обидѣть старика-фельдмаршала? Надо устроить такъ, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы, и въ отвѣтъ на свою жалобу Сумароковъ получилъ письмо отъ императрицы, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «Я думаю, что вы лучше всѣхъ знаете, какого уваженія достойны люди, служившіе со славою и убѣжденные сѣдинами. Вотъ почему совѣтую вамъ избѣгать впредь подобныхъ преній. Такимъ образомъ вы сохраните спокойствіе души, необходимсе для произведеній вашего пера; а мнѣ всегда пріятнѣе будетъ видѣть представленіе страстей въ вашихъ драмахъ, нежели въ вашихъ письмахъ». Для того, чтобы умѣть такъ поворотить пилюлю, нуженъ не простой свѣтскій тактъ, а умъ и тонкое знаніе людей. Правда, Сумароковъ запылъ съ горя, получивъ это письмо, но это горе было отъ нелѣпаго самолюбія «россійскаго Волтера», котораго не могли удовлетворить никакіе комплименты.

Скажемъ еще разъ: насколько Петръ былъ великъ и могучъ въ дѣлѣ приспособленія жизни и людей къ своимъ идеямъ и цѣлямъ, настолько же неподражаема была Екатерина въ искусствѣ приспособлять свои идеи къ людямъ и къ обстоятельствамъ. Съ отвлеченно-нравственной точки зрѣнія эти свойства, конечно, не равноцѣнны, но съ утилитарно-практической стороны объ этомъ можетъ быть большой разговоръ. Россія, только что выдержавшей жестокую ломку Петра, необходима была передышка, необходимо было время, чтобы какъ-нибудь справиться съ наплывомъ новыхъ понятій, новыхъ обычаевъ, новыхъ учреждений. Надо было приглядѣться, попривыкнуть къ нимъ, прежде чѣмъ усвоить себѣ ихъ духъ — и на это были затрачены около четырехъ десятковъ лѣтъ, слѣдовавшихъ за смертью Петра. Сорокъ лѣтъ! Это было многогнѣе даже для русской медлительности, *передышка* грозила перейти въ допетровский застой, и вотъ какъ разъ въ это время добрый геній

Россіи посылаетъ ей чужестранку, для которой петровскія просвѣдительныя идеи были не таинственнымъ и страшнымъ жупеломъ, а привычною духовною стихіей. Это было какъ нельзя болѣе кстати, и личность Екатерины совершенно подходила къ поставленной исторіей задачѣ. Задача эта была все та же, петровская, но въ другой обстановкѣ, въ другомъ эволюціонномъ фазисѣ. Россіи было нужно умственное и нравственное просвѣщеніе, а для этого было нужно, чтобы во главѣ власти стоялъ русскій передовой человѣкъ эпохи, и этому условію въ равной мѣрѣ удовлетворяли и Петръ, и Екатерина. Великій и Великая личнымъ трудомъ и личной энергіей добыли то, чего имъ не доставало, чтобы вполне отвѣчать основному условію исторической задачи. Кровный русскій человѣкъ и неограниченный властитель по божественному праву, Петръ собственными усиліями сталъ на высоту европейскаго просвѣщенія. Широко образованная нѣмецкая принцесса, съ малыхъ лѣтъ дышавшая воздухомъ европейской цивилизаціи, явившись въ Россію, точно также собственными усиліями достигла необходимаго авторитета, для чего она прежде всего русифицировала себя, но съ такою искренностію и полнотою, что великороссійское прозваніе «матушки» точно нарочно было для нея придумано. Никакого нѣмецкаго хвоста, никакихъ Бироновъ она съ собою не привезла, а окружила себя чистокровными русскими людьми и сумѣла возбудить въ нихъ фанатическую къ себѣ преданность. Называя въ своихъ указахъ и манифестахъ Россію своимъ «дорогимъ отечествомъ», Екатерина не лицемерила и, закрѣпощая свободныхъ русскихъ людей, нисколько себѣ не противорѣчила. Если ужъ такой патріотъ и демократъ, какъ Ломоносовъ, оперившись и выйдя въ чины, обзавелся крѣпостными крестьянами, то это значить, что не въ личностяхъ, а въ духѣ самого вѣка заключались тенденціи этого рода.

Россія едва еще вступала въ семью просвѣщенныхъ народовъ, а что дѣлалось въ этой «семьѣ»? Тамъ говорили: *après nous le déluge*, тамъ каламбурили и остряли въ виду явленій даже гораздо болѣе серьезныхъ, нежели дѣянія какого-нибудь взяточника. «Я на ихъ мѣстѣ непременно бы взбунтовался», преостроумно и пренаходчиво отвѣтилъ, напр., Людовикъ XV, когда ему показали суррогаты хлѣба, которыми питались его подданные въ провинціяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ. Если въ просвѣщенной Франціи XVIII вѣка *третье* сословіе только еще собиралось предъявить свои права, то въ полуварварской Россіи судьбы *четвертаго* сословія по исторической логикѣ не могли быть иными, чѣмъ какими они на самомъ дѣлѣ были. Приказаніе Екатерины, чтобы на прошеніяхъ, подаваемыхъ на ея имя, просители подписывались не «рабами», а «вѣрноподданными» возбудило въ тогдашней литературѣ неподдѣльный восторгъ—и это обстоятельство даетъ точную мѣрку желаній и стремленій общества того времени. Такимъ желаніямъ Екатерина не только удовлетворяла, но и шла впереди ихъ, вызывала ихъ, и съ этой точки зрѣ-

нія всѣ противорѣчія въ ея дѣятельности теряютъ свой острый, укоризненный смыслъ. Четыре новыхъ университета! Самый отчаянный фанатикъ просвѣщенія не могъ бы пожелать въ то время большаго, но университетовъ не открылось ни одного, и Екатерина-ли вина въ этомъ? Университеты предполагалось открыть въ Пензѣ, Черниговѣ, Псковѣ, Екатеринославѣ, а тамъ въ это время Митрофанъ Простаковъ гоняли голубей и кричали: не хотимъ учиться, хотимъ жениться! Попробуйте привлечь ихъ въ университетъ, наwerbуйте изъ нихъ студентовъ! Въмѣсто тайной канцеляріи, явилась тайная экспедиція... Да, это очень жалко и какъ будто непослѣдовательно, но опять-таки причеиъ тутъ собственно Екатерина и ея настоящіе идеалы? Въ то время въ каждой крѣпостной деревнѣкъ была своего рода маленькая «тайная экспедиція», и каждый помѣщикъ въ лицѣ своего управляющаго или старосты имѣлъ своего маленькаго Шешковского. «Кнутабойничество» было въ нравахъ общества и въ нравахъ народа, и бороться съ ними можно было личнымъ авторитетнымъ примѣромъ, какъ боролся Петръ, и какъ не могла бороться Екатерина. Гуманный «Наказъ» остался гласомъ въ пустынѣ вопиющимъ—правда. Однако, чья вина тутъ—этого гласа или этой пустыни? «Наказъ», какъ извѣстно, былъ данъ въ руководство депутатамъ, избраннымъ отъ всѣхъ сословій для составленія новаго уложенія. Изъ шестисотъ слишкомъ этихъ народныхъ представителей многіе-ли оказались на высотѣ поставленной передъ ними задачи? Идеи «Наказа» привели въ восхищеніе Вольтера, восторженно настроили лучшую часть нашей тогдашней литературы, но депутатамъ оказались совсѣмъ не по плечу. Петра это обстоятельство не остановило-бы, и онъ заставилъ бы депутатовъ работать въ указанномъ имъ направленіи, но Екатерина умыла руки, и «Наказъ» ея остался только литературнымъ документомъ. Уничтожены вольныя типографіи, вызванные къ жизни самою Екатериною—это не самое важное, но самое наглядное изъ противорѣчій Екатерины. Однако, и оно имѣетъ свое объясненіе и даже свое оправданіе. При всей своей просвѣщенности и будучи сама писательницей, Екатерина, какъ и всѣ безъ исключенія люди того времени, не имѣла отчетливаго сознанія о силѣ и значеніи мысли. Дѣйствительною силою считалась только сила матеріальная. Фридрихъ Великій (если не ошибаюсь) когда-ему указывали на какого-нибудь вольнодумнаго и оппозиціоннаго писателя, спрашивалъ съ презрительной насмѣшкой: «а сколько у него войска?» Войска у писателя, конечно, не оказывалось, и значить на него можно было не обращать вниманія. Какое ужъ это оружіе — гусиное перо! Черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ взглядъ измѣнился и перешелъ въ противоположную крайность до того, что всѣ политическія непріятности объяснялись пагубными ученіями Вольтера, Руссо и «безбожника Дидерота» съ братіей. Точно также видоизмѣнился и взглядъ Екатерины на книжное дѣло и на печать: въ 83 годъ дозволены вольныя типографіи, указомъ 96 года онѣ упразднены,

учреждена цензура. Въ *девяносто шестомъ* году—обратите вниманіе на эту дату—«Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» Радищева уже успѣло произвести переполохъ въ правящихъ сферахъ, великая французская революція уже давно давила кошмаромъ Европу. Только подъ этими впечатлѣніями и уже въ послѣдніе дни своей жизни Екатерина рѣшилась принять ограничительныя мѣры противъ *книги*, до тѣхъ поръ всячески ею покровительствуемой. Вспомнимъ, что происходило у насъ съ печатью спустя слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, во времена «бутурлинскаго комитета», по поводамъ гораздо менѣе важнымъ, вспомнимъ и подивимся не *непоследовательности* Екатерины, а наоборотъ, ея стойкости въ дѣлѣ защиты просвѣщенія.

Такъ что же?—спросить насъ читатель. Вамъ-то какое до всего до этого дѣло, т. е. при чемъ тутъ «заря русской поэзіи», подлежащая нашему обсужденію? Но мнѣ кажется, совершенно ясно *при чемъ*. Петръ былъ духовнымъ отцомъ нашей литературы, а Екатерина была ея пѣстушкой, мамкой, кормилицей. На глазахъ Екатерины, подъ ея защитой и съ ея помощью, росло и крѣпло не по днямъ, а по часамъ, многообещающее дитя, блестящая будущность котораго теперь уже не подлежитъ сомнѣнію. При чемъ Екатерина? Но вся литература восемнадцатаго вѣка была вдохновляема идеями Екатерины, около ея имени вращалась вся поэзія того времени. При чемъ Екатерина! Но если уже въ александровскія или николаевскія времена представители общества и officialной власти восклицали: «я бы всѣхъ этихъ бумагомаракъ! У, шелкоперы, либералы проклятые, чортово сѣмя! Узломъ бы васъ всѣхъ завязалъ, въ муку бы стеръ васъ всѣхъ, да чорту въ подкладку!»; если почти такія же рѣчи слышимъ мы иногда даже теперь, ровно черезъ сто лѣтъ послѣ смерти Великой, то что стало бы съ «бумагомараками» въ то время, безъ могучей поддержки Екатерины, собственнымъ примѣромъ освятившей и возвысившей «бумагомараніе»? Попали бы чорту въ подкладку» и Державинъ, и Фонъ-Визинъ, и Новиковъ, и вся русская литература. Подъ цитомъ Екатерины русская литература настолько окрѣпла и возмужала, что ее не могли уже ослабить послѣдующія невзгоды. Чтобы говорить только о поэзіи, назовемъ три имени: Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ. Ужъ, кажется, обстоятельства не благоприятствовали ихъ дѣятельности, и, однако, ихъ поэзія до сихъ поръ сіяетъ яркимъ свѣтомъ, и Великая Екатерина тутъ даже очень *при чемъ*.

VII.

«Я очень люблю и уважаю г. Державина», иронически говорилъ Писаревъ въ статьѣ «Цвѣты невиннаго юмора» слишкомъ тридцать лѣтъ назадъ. «Развѣ Державинъ могъ бы писать, если бы отъ писателя всегда требовался *смыслъ?*», говорилъ онъ же и тамъ же,

на этотъ разъ уже безъ ироніи, а съ самымъ откровеннымъ презрѣніемъ. Зачѣмъ понадобился Писареву этотъ полемическій выстрѣлъ? Стоитъ-ли, хотя бы только мимоходомъ, осмѣивать писателя, уже полвѣка покоящагося въ землѣ, отрывки изъ произведеній котораго можно встрѣтить только въ христоматіяхъ? Писаревъ нашелъ, что стоитъ, и это былъ лучший комплиментъ Державину. Немного писателей, имена которыхъ доходятъ до внуковъ и правнуковъ; еще меньше такихъ, противъ авторитета которыхъ потомству нужно бываетъ бороться. Когда мы обсуждаемъ дѣятельность какого-нибудь государственнаго, или общественнаго, или литературнаго дѣятеля прошедшей эпохи, намъ полезно мысленно перенестись въ условія этой эпохи и спросить себя: какъ поступали бы мы на мѣстѣ этого дѣятеля? Если бы писатель Писаревъ, съ тѣмъ же литературнымъ талантомъ, съ тѣми же умственными и нравственными своими свойствами, писалъ въ шестидесятыхъ годахъ не девятнадцатаго, а восемнадцатаго столѣтія — проповѣдывалъ-ли бы онъ реализмъ, всеспасающую силу естествознанія и т. д.? Если бы поэтъ Державинъ писалъ не въ екатерининское, а въ наше время, страшная сила его лирическаго дарованія, его возвышенный пафосъ, его увлекающая страстность — неужели все это потратилось бы на воспрѣваніе разныхъ милостивцевъ да на варьированіе той, весьма безплодной, мысли, что «жизнь есть небесъ мгновенный даръ» и «глотаешь царства алчна Смерть»? Неловко даже ставить такіе вопросы, потому что слишкомъ ужъ элементарны соображенія, вполнѣ эти вопросы разрѣшающія. Въ минуту раздраженія, раздосадованный требованіями писать оды въ родѣ *Фелицы*, Державинъ облегчилъ себя такимъ четверостишіемъ:

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой.
Пищитъ бѣдняжка вмѣсто свисту,
А ей твердятъ: пой, птичка, пой.

Это значитъ, что таланту Державина было тѣсно въ тѣхъ границахъ нравственной свободы, которыя опредѣлены были не чьей-нибудь личной волей, а духомъ времени, общимъ уровнемъ нравовъ, а это въ свою очередь значитъ, конечно, что Державинъ, какъ писатель, былъ выше своей эпохи. *Какъ писатель*—эту оговорку необходимо подчеркнуть. Какъ человекъ, Державинъ «межъ дѣтей ничтожныхъ міра» былъ хотя не «всѣхъ ничтожѣй», но и не выше другихъ. Можно сказать, что онъ всю жизнь боролся съ своимъ собственнымъ талантомъ. Литература наша была еще такъ молода, значеніе печатнаго слова и, въ особенности, поэзіи было для всѣхъ еще такъ неясно, что Державину трудно было уважать въ себѣ поэта, только поэта.

Поэзія тебѣ любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Такъ говорилъ Державинъ Фелицъ, т. е. Екатеринъ, въ большую похвалу ей, и такъ несомнѣнно онъ и самъ смотрѣлъ на поэзію. Ну, что-жъ такое лимонадъ и что такое люди, занимающіеся приготовленіемъ этого напитка? Губернаторствовать, сенаторствовать, служить — это настоящее дѣло, а стихи... стихи важны лишь постольку, поскольку они обращаютъ милостивое вниманіе властныхъ людей на ихъ автора, т. е. постольку они способствуютъ его служебнымъ успѣхамъ. Такъ думалъ Державинъ-чиновникъ, противъ чего постоянно и рѣшительно возставалъ Державинъ-поэтъ. Эта двойственность Державина, этотъ его хроническій внутренній разладъ съ самимъ собою, былъ вѣрно указанъ еще Бѣлинскимъ, но недостаточно оцѣненъ критикомъ. Дѣло въ томъ, что этотъ разладъ былъ однимъ изъ характернѣйшихъ признаковъ эпохи, а не личнымъ недостаткомъ Державина. Россія только еще начинала мыслить самостоятельно, не по шаблонамъ и не по традиціямъ, и не знала еще драгоцѣннѣйшаго (а съ другой точки зрѣнія — опаснѣйшаго) свойства всякой свободной и искренней мысли — идти непременно до логическаго конца, приведетъ-ли этотъ путь къ истинѣ или къ абсурду. Ничего оппортунистскаго въ такой мысли нѣтъ и на практикѣ это порождаетъ безчисленныя недоразумѣнія и безпокойства. Всякая практика есть результатъ взаимодействія самыхъ разнообразныхъ, борющихся между собою силъ, т. е. въ послѣднемъ результатъ является нѣкоторымъ общимъ компромиссомъ между ними, а мысль съ компромиссомъ плохо уживаются. Вотъ Екатерина, одинъ изъ умнѣйшихъ людей своего времени. Она всячески поощряетъ и защищаетъ литературу, но она въ то же время не любитъ «свободозычія». Литература — хотя бы въ лицѣ Державина — пользуется этими поощреніями въ видѣ табакерокъ, червонцевъ, чиновъ и милостивыхъ улыбокъ, всей душой рада бы угождать, т. е. до конца выдержать роль «вкуснаго лимонада, и... безпрестанно попадаетъ въ просакъ. Талантъ то и дѣло осиливаетъ чиновника, «свободозычіе» прорывается произвольно, неудержимо, потому что безъ свободы языка нѣтъ и таланта, нѣтъ литературы. А какъ только чиновникъ беретъ въ Державинъ верхъ надъ поэтомъ, какъ только талантъ обращается въ прислужника, тотчасъ же получаютъ печальные результаты «пищать бѣдняжка вмѣсто свисту», т. е. получаютъ напряженные, искусственные, дѣланые стихи безъ одушевленія, безъ искры поэзіи. Что хотите, такова природа вещей! Нѣтъ тепловатаго огня, а есть огонь, который не только грѣетъ, но и сожигаетъ. А талантъ Державина былъ въ полномъ смыслѣ пламенный талантъ.

Екатерина, по свидѣтельству біографовъ Державина, уважала поэта, но не любила его за его *строптивость*, т. е. за такое свойство, которое очень сродни *свободозычію*. Отдадимъ справедливость Екатеринѣ: ея просвѣщенная терпимость выразилась по отношенію къ Державину въ довольно широкихъ формахъ. Извѣстное стихо-

творение Державина «Властителямъ и судиямъ» навлекло на автора неудовольствие Екатерины, но неудовольствие это прошло безслѣдно, а между тѣмъ стихотворение, къ тому же превосходно написанное, было для того времени очень сильно. Въ виду его общеизвѣстности, мы его приводить здѣсь не будемъ. Но вотъ стихотворение «Фелица», которое сама Екатерина назвала «пучкомъ хитросплетенной похвалы» себѣ и которое положило начало, литературной, извѣстности Державина. Вчитываясь въ это стихотворение, нельзя не согласиться, что «пучъ похвалы» былъ сплетенъ дѣйствительно хитро и именно съ помощью самой очевидной и ѣдкой сатиры. Екатерина была слишкомъ умна, чтобы не замѣтить сатиры, но оказалась достаточно терпимой, чтобы закрыть на нее глаза. Похвалы Державина были построены такъ, что каждая изъ нихъ являлась ядовитымъ обличеніемъ лицъ, окружавшихъ Екатерину, а за ними и всего привилегированнаго общества.

Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ,
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра.

Лично Екатеринѣ, конечно, было очень лестно услышать, что она «блаженство смертнымъ проливаетъ», но «мурзамъ» эта строфа особливо удовольствія принести, конечно, не могла. Обратите вниманіе на двѣ послѣднія строчки строфы: въ этой безобидной формѣ самообвиненія Державинъ преподноситъ «мурзамъ» очень горькія сатирическія пилюли. Ничего, говоритъ Державинъ, путнаго я не дѣлаю:

Я, проспавши до полудня,
Курю табакъ и кофе пью;
Преображая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою:
То плѣнъ отъ Персовъ похищаю,
То стрѣлы къ Туркамъ обращаю,
То возмечтавъ, что я султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;
То вдругъ, прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ.

Потемкинъ, вѣроятно, досадливо погрызъ свои ногти, когда прочиталъ эту строфу. А вотъ эта строфа, надо думать, очень мало понравилась Орловымъ:

Я подъ качелями гуляю,
Въ шинки пить меду заѣзжаю;
Или, какъ то насучить мнѣ,
По склонности моей къ прегнѣ,
Имѣя шапку на бекренѣ,

Лечу на рывомъ бѣгунѣ.
Или музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волинкой вдругъ,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой духъ;
Или о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту
И забавляюсь лаемъ псовъ.

Всей же вообще тогдашней интеллигенціи, группировавшейся главнымъ образомъ около двора, Державинъ дѣлаетъ такой общій комплиментъ—все въ той же взоповской формѣ самообвиненія:

То въ книгахъ рыться я люблю,
Мой умъ и сердце просвѣщаю:
Полкана и Бову читаю,
За Библией, зѣвая, сплю.

Таковъ, Фелица, я развратенъ, продолжаетъ Державинъ, но — раскрываетъ онъ свои карты — но на меня все сътъ можожъ. Далѣе слѣдуетъ характеристика «всего свѣта», причемъ лукавая пропія («издѣвка» по собственному выраженію Державина) предъидущихъ стиховъ уступаетъ мѣсто уже ничѣмъ не замаскированному негодованію. Просимъ нашего читателя отнюдь не пропускать, а непременно прочесть вотъ эти стихи *придворнаго поэта-лысца*, какимъ очень многіе представляютъ себя Державина.

Вездѣ соблазнъ и лѣсть живетъ,
Нашей всѣхъ роскошь угнетаетъ.
Гдѣ-жъ добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ?
Вѣдай, премудрая Фелица:
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ?
Заслуга хлѣбъ себя находитъ?
Гдѣ месть не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаетъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ?

Разумѣется, Державинъ спохватывается и слѣпнуть къ стиху: «гдѣ месть не гонитъ никого» написать въ риму: «У трона развѣ твоего!», но впечатлѣніе уже произведено, да и умышленная нелогичность поэта слишкомъ очевидна: у трона Фелицы стоятъ какъ разъ тѣ «мурзы» и «паши», которымъ только что такъ жестоко попало отъ оригинальнаго *лысца*. Екатерина, повторяю, не могла не понимать этого, и ея гуманной и просвѣщенной терпимости дѣлаетъ величайшую честь то обстоятельство, что стихотвореніе Державина было принято ею какъ, «пукъ похвалы».

Призванный судьбою говорить, какъ «власть имѣющій», могучую власть первокласснаго таланта, Державинъ зачастую измѣнялъ этой высокой миссіи нравственнаго учительства для составленія какихъ-то *риемованныхъ* реляцій по поводу разныхъ, очень въ царствованіе Екатерины многочисленныхъ, покореній, одолжній,

взятій и т. п. *Эту* поэзію Державина мы оставимъ въ сторонѣ, хотя она количественно очень значительна. Интересъ ея чисто отрицательный: на примѣрѣ Державина мы видимъ воочию, что безъ искренности не можетъ быть правды, а безъ правды нѣтъ и красоты: реляція-оды Державина ниже всякой критики даже въ чисто-эстетическомъ отношеніи. Это именно не радостный свистъ вольной птицы, а раздражающій пискъ плѣннаго заморыша, говоря собственной метафорой Державина. Только для полноты нашего обзора приведемъ первую строфу изъ оды «На взятіе Измаила», не худшей и не лучшей въ ряду другихъ державинскихъ одъ той же категоріи:

Везувій пламя изрыгаетъ;
Столпъ огненный во тмѣ стоитъ;
Багрово зарево зияетъ;
Дымъ черный клубомъ вверхъ летитъ;
Краснѣетъ понтъ, реветъ громъ ярый,
Ударамъ вслѣдъ звучать удары;
Дрожитъ земля, дождь искръ течетъ;
Клокочутъ рѣки рдной лавы:
О россы! таковъ твой образъ славы,
Что зрѣлъ подъ Измаиломъ свѣтъ!

Какъ видите, «образъ славы» росса—преуродливый и пренѣтлѣный образъ, такъ что, пожалуй, и славы не обрадуешься.

И это «сочинялъ» тотъ самый человѣкъ, тотъ самый поэтъ, который, съ силою паеоса древнихъ пророковъ, восклицалъ:

Не внемлютъ!—видать и не знаютъ!
Покрыты мздою очеса,
Злодѣйства землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса!

Этимъ образчикомъ «невѣрныхъ звуковъ» Державина мы и ограничимся. Но мы далеко не кончили о вѣрныхъ звукахъ его поэзіи, въ числѣ которыхъ воспѣваніе Фелицы-Екатерины было главнымъ, но не исключительнымъ. Державинъ воспѣвалъ Екатерину, не какъ великолѣпную «сѣверную Семирамиду», а какъ живое прогрессивное начало той эпохи. «Ты ни мало не горда», «тебѣ всегда возможно правду говорить», «ты знать и мыслить позволяешь» и т. д.—такія похвалы не лесть, не сервилизмъ, а выраженіе искренней гражданской радости, а также и косвенный урокъ тѣмъ, которые «важны въ сорокъ пудъ и тупеемъ не кивнуть». Въ противорѣчій съ этимъ стоять, конечно, риторическія гиперболы, переполняющія другія оды Державина, но точно такое же сочетаніе «невѣрныхъ звуковъ» съ вѣрными мы видимъ у Державина и тогда, когда его поэзія обращалась къ другимъ основнымъ мотивамъ. И объясненіе то же: вѣрные звуки были естественнымъ произведеніемъ его гениальнаго таланта, невѣрные — были результатомъ вліяній самой эпохи и самого общества...

Жизнь есть небесъ мгновенный даръ,
Устрой ее себѣ къ покою
И съ чистоту твоей душою
Благословляй судьбъ ударъ.

Устрой жизнь себя къ покою—это былъ кличъ вѣка, видоизмѣненіе веселой (а въ сущности отчаянной) формулы: *après nous le déluge*, — послѣ насъ хоть трава не рости? Въ этомъ именно и состояла *безсознательная жестокость* вѣка, отсюда же и его пристрастіе къ авантюрамъ, какъ и къ вѣшнему блеску. Очень нужно заботиться объ общемъ благѣ, когда «жизнь есть мгновенный даръ», и не все ли равно добро и зло, когда и то, и другое одинаково безслѣдно «вѣчности жерломъ пожрется?» Одно только благоразумно: надо прожить свою жизнь какъ можно повеселѣе и попышнѣе. Такова была—у насъ въ особенности — основная тенденція вѣка, и нужно удивляться, глядя на Екатерину и екатерининцевъ въ ихъ кипучей дѣятельности на пользу общую, на Державина въ особенности. Рекомендуя «устроить жизнь себя къ покою», онъ всю жизнь не зналъ именно покоя, волновался, обличалъ, вообще «блаженству общему радѣя, уроки для владыкъ гремѣлъ»—говоря его собственнымъ выраженіемъ. Не могъ онъ быть индифферентистомъ по самой натурѣ своей. Сознанія идеала у него не было, но его никогда не оставляло предчувствіе идеала. «*Не дорожа твоимъ покоемъ, читаешь, пишешь предъ налоємъ*»—вотъ какъ восхвалялъ Екатерину Державинъ, въ другія минуты восхвалявшій именно этотъ драгоценный *покой*. Это было противорѣчіе, но противорѣчіе времени, а не лица. По логикѣ ума, по логикѣ господствовавшей философіи, комфортабельный покой былъ единственнымъ разрѣшеніемъ проблемы жизни.

По логикѣ здраваго нравственнаго чувства, «святое безпокойство» (выраженіе Некрасова) о благѣ всѣхъ было долгомъ всѣхъ и въ особенности «властителей». На дѣлѣ, къ счастью, такъ и было: «екатерининскіе орлы» были превосходные работники, а стоявшая во главѣ ихъ гениальная женщина умѣла ладить и съ такимъ идеалистомъ, какъ Потемкинъ, и съ такимъ реалистомъ, какъ Безбородко, и съ чудачествомъ Суворова, и съ молодечествомъ Алексѣя Орлова, и съ строптивостью Державина, и съ свободозынчіемъ фонъ-Визина, и съ капризнымъ самолюбіемъ Дашковой. Удивительная женщина! Намъ, русскимъ, легче понять Петра съ его непреклонной прямолинейностью, вспомоществуемой «дубинкой», нежели этотъ оппортунизмъ въ бархатной перчаткѣ, эту способность приспособлять, прииспобляясь. «Дорогой мой сарафанъ, вездѣ ты пригожаешься, а не надо—и подъ лавкой лежишь», иронически сказалъ опальный Библиковъ, когда Екатерина посылала его противъ Пугачева. «Ну, да, разумеется. А ты какъ полагалъ?»—вѣроятно, съ лукавой усмѣшкой подумала про себя Екатерина. Высокоталантливой, ей не было причинъ опасаться талантовъ, и она выдвигала ихъ и въ арміи, и въ администраціи, и во флотѣ, и въ церкви, и въ наукѣ, и въ литературѣ. Державинъ — одинъ изъ ея питомцевъ. «Не будь Екатерины; говорить Бѣлинскій, не было бы и Державина: цвѣты его поэзіи распустились отъ луча ея просвѣщеннаго

вниманія. Этому вниманію онъ былъ обязанъ и своею славой: общество не нуждалось въ стихахъ Державина и не понимало ихъ, а имя его знало, дивясь, что за стихи даютъ и золотыя табакерки, и чины, и мѣста, дѣлаютъ вельможемъ бѣднаго и незнатнаго дворянина. Но таковъ ходъ идеи: она идетъ къ своей цѣли даже и такими путями, которые, казалось бы, скорѣе отвели ее отъ цѣли, чѣмъ привели къ ней». Вотъ именно: таковъ ходъ идеи,—зигзагами, а не по прямой линіи. Число и величина этихъ зигзаговъ могутъ быть уменьшены цѣлесообразною дѣятельностью общества, но для этого необходима такая высота самосознанія, какой нельзя ожидать на зарѣ общественности.

VIII.

Не выходя изъ предѣловъ нашей темы, мы могли говорить и говорили только о нашей поэзіи, которая составляетъ только часть литературы. Читатель видѣлъ, однако, что мы тѣмъ не менѣе имѣли возможность говорить о характерѣ и духѣ цѣлой эпохи. Это значитъ, что содержаніе нашей поэзіи было въ общественномъ смыслѣ достаточно широко. Второстепенныя и третъестепенныя дарованія варьировали мотивы первостепенныхъ талантовъ, но пѣли они всѣ въ одномъ тонѣ, а этотъ тонъ былъ заданъ самою жизнью. Чуткость нашей поэзіи этого періода очень въ этомъ отношеніи замѣчательна. На первомъ планѣ стояла, между прочимъ, идея достоинства нравственной личности человѣка, та идея, которая побудила Екатерину уничтожить хоть *название* «раба» и внушала Державину самыя вдохновенныя его строфы. Неглубоко проникала эта идея—очень еще далеко было до 19 февраля 1861 года—но насколько она была жизненна, объ этомъ даетъ понятіе поэзія того времени. Вотъ «Посланіе къ слову *такъ*» княгини Дашковой. Безъ сомнѣнія, Дашкова была однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, она была президентомъ Академіи, редакторомъ журнала («Собесѣдникъ любителей русскаго слова»), въ которомъ сотрудничали Екатерина, Державинъ, Фонъ-Визинъ, Княжнинъ, Херасковъ, Капнинъ и пр. Но поэтессою Дашкова совсѣмъ не была, хотя и писала какіе-то стишки на рускомъ и на французскомъ языкахъ, оставшіеся не напечатанными. *Единственнымъ* сколько нибудь значительнымъ ея произведеніемъ является упомянутое выше «Посланіе», и въ чемъ же состоитъ содержаніе этого посланія? У кого что болитъ, тотъ о томъ и говорить, а у поэтовъ—борцовъ того времени—сердце болѣло ненавистью къ двумъ врагамъ: всеобщему невѣжеству и всеобщему сервилизму. Объ этомъ именно говорить и Дашкова и какъ говорить!

Лишь скажетъ кто изъ баръ: ученіе есть вредно,
Невѣжество одно полезно и безбѣдно;
Тутъ всѣ поклонятся и умный, и дуракъ,

И скажут не стыдась: *конечно, сударь, такъ.*
 А если молвить онъ, что глупъ и Ломоносовъ,
 Хоть славный онъ пить и честь, и слава россовъ;
 Тутъ улыбнется всякъ
 И повторить предъ нимъ: *конечно, сударь, такъ.*

Придворная дама и чистокровная аристократка, какъ видите, начинается прямо съ нападенія на «баръ», *хулящихъ учение* (вспомните Кантемира!). А дальше борьба противъ *таканья* ведется уже съ чисто женскою запальчивостью, которая была бы неприятна, если бы не свидѣтельствовала о силѣ благороднаго убѣжденія. Всякій знаетъ, говорить Дашкова, что Маркъ Аврелій «былъ примѣръ земныхъ царей»,

Но если и его кто вздумаетъ ругать,
 Найдутся подлецы и стануть потавать.
Клиръ скажетъ, напримѣръ, что глупо Маркъ считалъ,
 Когда сокровища свои онъ продавалъ,
 Когда онъ все дарилъ солдатамъ изъ чертоговъ,
 Хоть тѣмъ спасалъ народъ отъ тягостныхъ налоговъ.
Клиръ пустошь говорить, но тутъ, почтенья въ знакъ,
 Подлецъ ему кричитъ: *конечно, сударь, такъ.*

Подлецы, подлець.... Сильно выражалась сѣятельная дама! Происходило это, конечно, не отъ непривычки къ стихотворному языку (замѣнить, напр., «подлеца» хоть бы «глупцомъ» было ужъ очень нехитро), а именно отъ желанія выразиться повнергичнѣе, заклеить врага посильнѣе. Помимо прочаго, это значило, что, со времени Кантемира, и хулители ученья, и такальщики-льстецы были сильно побиты съ своихъ вѣковыхъ позицій, а это уже знаменовало собою серьезный общественный успѣхъ. Возьмемъ другого писателя, писателя знаменитаго, но въ такой же степени не поэта, какъ и княгиня Дашкова,—Фонъ-Визина. Не объ авторѣ «Недоросля» и «Бригадира» мы хотимъ говорить: до него намъ здѣсь дѣла нѣтъ. Мы говоримъ о маленькомъ, слабенькомъ поэтѣ Фонъ-Визинѣ, не имѣвшемъ собственной поэтической индивидуальности. Это поэтъ-хористъ, а не поэтъ-солистъ, и вотъ что онъ намъ *поетъ*:

Весь свѣтъ, мнѣ кажется, ребяческа игрушка,
 Лишь только надобно подтверже то узнать,
 Какъ лучше, живучи, игрушкой той играть.
 Что нужды, хоть потомъ и возмуть душу черти,
 Лишь только бъ удалось получше жить до смерти!
 На что молиться намъ, чтобъ далъ Богъ видѣть рай?
 Жить весело и здѣсь, лишь ближними играй.
 Играй, хоть отъ игры и плакать ближній будетъ;
 Щечи его казну—твоя казна прибудеть.
 А чтобъ пріятнѣе еще казался свѣтъ,
 Бери, лови, хватай все, что ни попадетъ.

Разумѣется, это другой мотивъ, нежели у Дашковой, но мотивъ изъ той же самой оперы, той оперы, композиторомъ которой былъ Петръ, капельмейстеромъ Екатерина, и которая называлась «Обнов-

леніе». И такова была *на зарь* своего существованія вся наша поэзія въ лицѣ своихъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей. Это была поэзія не созерцательная, а боевая, и этотъ характеръ свой она сохранила отъ Кантемира до Некрасова. Правда, на-ряду съ ней возникла, развивалась и развивается другого рода поэзія, та самая, которую Ломоносовъ окрестилъ именемъ «бѣднаго приемчества», но ужъ не мы, а пусть кто-нибудь другой прослѣдитъ ея развитіе отъ Тредьяковскаго и Сумарокова черезъ Хераскова, Богдановича, Петрова, черезъ Жуковскаго, Батюшкова и Козлова, черезъ Мей, Алексѣя Толстого и Фета вплоть до Апухтина и до новѣйшихъ символистовъ и декадентовъ нашихъ.

Кончая свою статью, я хотѣлъ было заключить ее новой небольшой бесѣдой съ тѣмъ своимъ предполагаемымъ читателемъ, разговоромъ съ которымъ я началъ статью. Но я ограничусь только вопросомъ. Что-же, утверждаете-ли вы, читатель, по прежнему, что говорить о нашихъ старыхъ поэтахъ значитъ мертвыхъ съ погоста носить? Кантемиръ, Ломоносовъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ, мертвецы-ли? И живые-ли люди вотъ эти поэты, изъ которыхъ одинъ съ напускной угрюмостью говорить: «я ближнихъ не люблю, какъ самого себя», другой щебечетъ: «звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя», а третій.... третій лучше всѣхъ, онъ авторъ вотъ этого дивнаго въ своей неслышанной лаконичности *стихотворенія*:

О, закрой свои блѣдныя ноги.

Только. Все стихотвореніе тутъ цѣликомъ. Ни мысль, ни выраженіе самоновѣйшаго поэта нашего дальше не пошли. И вы хотѣли бы, чтобы мы серьезно говорили объ этихъ продуктахъ собачьей старости? Мы не закрываемъ глазъ на недостатки нашихъ литературныхъ стариковъ, но мы вотъ чего не забываемъ:

Орламъ случается и ниже куръ спускаться,
Но курамъ никогда до облакъ не подняться.

М. Протопоповъ.

Хроника внутренней жизни.

Современная самозванщина.

II.

Самозванцы гражданского вѣдомства.

— Знаешь-ли ты, матушка, кому ты подаешь напитокъ?—спросилъ Пугачевъ.—Я императоръ Петъ Ѳеодоровичъ.

— Какъ, и ты тоже! — отвѣтила крестьянка.—Нонѣ ужъ трое были, все-то Петры Ѳеодорычи... Испей, батюшка, испей себѣ на здоровье. (*Изъ эпизода изъ времени пугачевщины.*)

Въ майской книжкѣ «Русскаго Богатства» я пытался провести передъ читателемъ рядъ «самозванцевъ духовнаго прозванія», своеобразныхъ фигуръ въ подрясникахъ и мурмолахъ, съ веригами, съ ключами и шелепугами, — съ даромъ пророчествъ и исцѣленій (но всего чаще съ подложными сборными книжками), — которые, точно стая темной саранчи, налетаютъ на Русь и изъ Персіи, и изъ Палестины, и изъ Турціи, поднимаются, наконецъ, изъ собственныхъ нѣдръ нашей жизни, устремляясь на эксплуатацію легковѣрія и искренняго, но непросвѣщеннаго религіознаго чувства нашего простодушнаго и темнаго народа. Съ тѣхъ поръ прошло два мѣсяца, и мы могли-бы значительно пополнить эту характеристическую галлерею. Вотъ опять, сообщаютъ газеты, — по волеяющему уѣзду бродитъ ободранный «проповѣдникъ Максимъ», бывшій полковой дьячокъ, прогнанный изъ поля за пьянство, — и разноситъ мрачныя пророчества, вознаграждая себя за полезную дѣятельность беззащитными кутежами въ кабакахъ и трактирахъ. «Се азъ глаголю вамъ о семъ человекѣ, — злобно кидаетъ онъ толпѣ, завидѣвъ среди слушателей интеллигентную фигуру, — яко сей человекъ есть самолюбецъ и горделивецъ». *) Вотъ петербургскаго червоннаго вала московская полиція арестуетъ въ благочестивомъ замоскворѣцкомъ домѣ, въ то самое время, когда, облачившись въ епитрахиль, червонный валецъ совершаетъ кощунственную требу **). Вотъ опять вѣсти изъ Тобольской губерніи о знаменитомъ странникѣ Антоніѣ, нынѣ устроителѣ храмовъ... ***)

*) «Кіевское слово», Нижегород. Лист. № 188.

**) Нижегород. Лист., № 171.

***) Спб. Вѣд., № 196.

Вотъ, наконецъ, газеты вспоминаютъ характерный эпизодъ изъ прошлаго, когда сами аеонскіе келліоты сдѣлались жертвой самозванства: «въ іюлѣ 1890 года нѣкое лицо, выдававшее себя за князя Гедройца, посѣтило Аеонскую гору, гдѣ всюду показывалось въ камергерскомъ мундирѣ, съ многочисленными орденами (больше иностранными); князя сопровождалъ, въ качествѣ личнаго секретаря, нынѣ весьма извѣстный (подлогомъ «тибетскаго евангелія»), выдававшій своего патрона за лицо, командированное изъ С.-Петербурга оберъ-прокуроромъ св. синода. При этомъ секретарь его сіятельства выманивалъ деньги у многихъ келліотовъ, якобы за хлопоты по дѣламъ ихъ кинувій передъ власть имущими въ Россіи» *).

Какъ видите, мы никогда не кончили-бы, если-бы задались цѣлью исчерпать это явленіе, хотя бы въ той слабой степени, въ какой эти самоявиныя фигуры мелькаютъ на поверхности огромнаго «зеркала жизни», именуемаго прессой. Но мы оставимъ теперь всѣхъ этихъ «батьшекъ» и странниковъ для галлерей новыхъ, хотя впрочемъ, родственныхъ имъ типовъ. Намъ ждетъ толпа людей другого вѣдомства, такой-же многочисленной, хотя гораздо болѣе пестрой стаей налетающая на эксплуатацію другого «суевѣрія» русскаго человѣка,—суевѣрія гражданскаго и, если хотите,—политическаго, его пристрастія къ титулу и внѣшнему отличію, его трепета передъ всѣмъ, что изображаетъ изъ себя подобіе «сильной власти».

Въ настоящее время почти всѣ газеты печатаютъ отчеты о дѣлѣ самозваннаго врача — Карпухина Покровскаго, обратившаго на себя вниманіе ловкостію, а также нѣкоторымъ романтическимъ оттѣнкомъ своихъ походовъ. Нужно сказать, что дѣла этого рода, окрашенные иногда менѣе, а иногда и болѣе ярко, — возникаютъ у насъ то и дѣло, и я не стану останавливаться на всѣхъ подробностяхъ процесса, достаточно извѣстнаго уже и по газетамъ. Возьму лишь нѣкоторыя, наиболѣе, по моему, существенныя черты этого послѣдняго эпизода изъ области повседнежнаго мелкаго самозванства.

Начать съ того, что «личность» Покровскаго Карпухина окружена съ самаго начала нѣкоторымъ туманомъ, и мы можемъ лишь отиѣтитъ, что мальчикъ груднымъ младенцемъ отданъ былъ изъ воспитательнаго дома псаломщику, 12 лѣтъ опять взятъ отъ псаломщика и помѣщенъ въ типографію Клейна въ Москвѣ. Впрочемъ, самъ Карпухинъ отрицаетъ и эти неясныя черты своего происхожденія, ссылаясь (кажется, довольно убѣдительно) на несовпаденіе сроковъ этой біографіи съ своимъ возрастомъ. Однимъ словомъ, передъ нами человѣкъ, не имѣющій возможности установить точно «происхожденіе своей личности», что,

*) Объ этомъ въ свое время сообщалось въ «Гражданинѣ» (1893 г., № 9).

какъ извѣстно изъ многихъ примѣровъ, равносильно порой полному «неимѣнію личности»... Для поправленія коренныхъ недочетовъ по этой части, Карпухинъ долженъ былъ прибѣгнуть къ содѣйствію общества села Бужарова, съ которымъ, повидимому, у него нѣтъ никакихъ иныхъ связей. Можетъ быть, всѣ эти обстоятельства разъясняютъ до извѣстной степени развившуюся впоследствии въ Карпухинѣ склонность къ присвоенію «личностей», ему не принадлежащихъ. Какъ бы то ни было, первоначальное отсутствіе всякой фамиліи и опредѣленнаго званія онъ постарался вознаградить даже съ избыткомъ: въ теченіе своей 33 лѣтней жизни онъ именовался Голубевымъ, Водановымъ, Вадицкимъ, Карпухинымъ, Орловымъ и Смирновымъ, снабдивъ себя, въ соотвѣтствующемъ изобиліи, также и недостававшими ему самому вполне опредѣленными «видами» и документами.

Дальнѣйшія подробности такъ печально начавшейся жизни — имѣютъ характеръ возмутительный и мало располагающій къ снисхожденію. Изъ дѣла видно, что 3 ноября 1894 года въ Одессу прибылъ субъектъ, назвавшійся военнымъ врачомъ шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка, Влад. Александровичемъ Покровскимъ. Это былъ человѣкъ молодой (32 л.), повидимому красивый, располагающій и даже обаятельный. Вскорѣ онъ завязалъ знакомство съ дѣвицей Александрой Андреевной Тренцовой, жившей съ матерью въ собственномъ домѣ по Институтской улицѣ. Уже 6 ноября онъ ей сдѣлалъ предложеніе, которое было благосклонно принято и самой Тренцовой, и ея семьей, а 13 ноября было совершено бракосочетаніе, причемъ Покровскій уѣзжалъ на недѣлю и привезъ всѣ нужные документы.

Повидимому, молодая женщина была счастлива. Мужъ былъ любезенъ, отличался релігіозностію, «высказывалъ свои взгляды на нравственность и честность», не вѣстѣ съ тѣмъ проявлялъ нѣкоторую недовѣрчивость къ окружающимъ, крайнюю нервность и... часто плакалъ.

Покровскій говорилъ на судѣ, что на Тренцовой онъ женился «по любви», хотѣлъ исправиться и вести честный образъ жизни. Человѣческая природа сложна — и кто знаетъ, можетъ быть, это правда... можетъ быть, этотъ уже затравленный жизнію, часто плакавшій человѣкъ дѣйствительно любилъ, дѣйствительно желалъ остановить свои скитанія на той «личности», въ оболочкѣ которой оказался въ данное время... Но имѣть нѣсколько «личностей» — это положеніе такого рода, которое не даетъ человѣку отдыха. И Покровскій начинаетъ вдругъ безпокойно и безпричинно метаться: придумываетъ фантастическое наслѣдство, уѣзжаетъ, пріѣзжаетъ вновь, опять ѣдетъ, захвативъ съ собою жену... *)

*) Интересная черточка: въ этотъ періодъ своей жизни, Покровскій узналъ, что жена изъ дворянъ не законная жена, а лишь сожительница.

Повидимому, ему дѣйствительно не такъ легко разстаться съ той полосой жизни, которая выпала на долю врача Покровскаго. И молодая женщина, ничего не подозрѣвая, безпечно ѣдетъ за «наслѣдствомъ». Они останавливаются въ Воронежѣ, для поклоненія мощамъ св. Митрофанія, — «на что Покровская выразила свое согласіе, зная религіозные взгляды своего мужа». Покровскій покупаетъ образковъ и крестиковъ, вечеромъ они осматриваютъ городъ, а на утро мужъ будитъ жену и зоветъ ее къ ранней обѣднѣ. Жена не можетъ угоняться за нимъ въ религіозномъ усердіи и потому остается въ номерѣ. Черезъ 2 часа она замѣчаетъ жандарма, о чемъ-то разспрашивающаго у швейцара, глядя въ ихъ окна... Около 8 часовъ супругъ возвращается въ номеръ, чтобы принести женѣ просфору отъ ранней обѣдни, а въ 9 опять уходитъ куда-то и исчезаетъ совсѣмъ. Подозрѣнія, справки — и передъ бѣдной Тренцовой раскрывается печальная истина. А въ сентябрѣ полиція задерживаетъ въ Славянскѣ военнаго врача Анатолія Смирнова, который пытался выманить 200 рублей у нѣкоего Киселева, подъ предлогомъ сватовства къ его дочери. Это уже «новая личность» все того-же Карпукшина, начинающаго «новую жизнь»... За нимъ уже нѣсколько «личностей» и нѣсколько жизней, воспитательный домъ, воспитаніе у псаломщика, типографія, фельдшерство, тюрьма, быть можетъ, любовь и тоска невольнаго побѣга отъ этой любви, отъ возможнаго довольства. Передъ нимъ — скамья подсудимыхъ и нѣсколько процессовъ...

Не знаю, что скажутъ дальнѣйшіе процессы этого «безличнаго» несчастливца, носящагося по свѣту въ своеобразныхъ поискахъ чужихъ личностей и попыткахъ многообразнаго воплощенія, — но то, что мы узнали до сихъ поръ, рисуетъ очень ясными чертами фигуру, совмѣщающую въ себѣ типическія черты цѣлаго вида самозваныхъ несчастливцевъ, которыхъ, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ фантастическихъ условій нашей дѣйствительности, судьба лишила «собственной личности», какъ извѣстный герой Андерсеновской сказки былъ лишенъ собственной тѣни. «Лишенные правъ состоянія», обездоленные, имѣющие основаніе скрывать свое происхожденіе, — носятъ они по житейскому морю, жадно высматривая первую возможность воплощенія въ томъ или другомъ видѣ. И, разумѣется, воѣ эти посягательства на «непринадлежащее званіе» направляются кверху, къ такому вышнему званію, которое уже само по себѣ даетъ личности силу, значеніе и... возможность нѣкоторой жизни...

Замѣчательно, съ какою чуткостію вся эта мелкая стая скромныхъ самозванцевъ кидается на всякое сколько нибудь замѣтное имя, летитъ на всякое выдающееся общественное движеніе и событіе.

Немедленно же онъ послалъ въ полицію доносъ, въ которомъ съ изумительной точностію воспроизвелъ всѣ черты собственного самозванства, вплоть до подложнаго наслѣдства. По провѣркѣ все оказалось выдумкой.

Во время голода въ Нижнемъ производятся общественныя работы,—и вотъ по нимъ уже важно расхаживаетъ мѣщанинъ Хинелевъ. На этотъ случай онъ совелкъ съ себя свою мѣщанскую личность и именуется дворяниномъ Корольковымъ. «Для большей авторитетности своего самозванства, какъ было сказано въ «Волгарѣ» (1893, № 288), — онъ носитъ фуражку министерства народнаго просвѣщенія, съ кокардой, хотя самъ не можетъ грамотно написать адресъ». Интересно, что когда околоточный Прохоровъ, по возникшимъ сомнѣніямъ въ личности, пригласилъ дворянина Королькова въ участокъ, то послѣдній очень гордо выложилъ, вмѣсто паспорта, цѣлую массу «записокъ отъ княгинь, князей, инженеровъ и присяжныхъ повѣренныхъ». «Личность» околоточнаго Прохорова почувствовала себя подавленной одними титулами этихъ высокыхъ персонъ, и онъ уже готовъ былъ смиренно извиниться, — но въ это время изъ за спины дворянина Королькова неожиданно выглянула собственная мѣщанская личность обрадованнаго Хинелева, который смиренно поклонился и сказалъ подобо-бострастно:

— Покорно благодарю, ваше высокоблагородіе.

Тогда личность околоточнаго вновь почувствовала свою законную силу, и г. Корольковъ былъ препровожденъ въ кутузку вмѣстѣ съ записками.

«Современный кризисъ сельскаго хозяйства», злоба дня послѣднихъ годовъ—заставилъ ходить по Казани почтеннаго, но разорившагося князя, въ которомъ мы узнаемъ опять того же мѣщанина Хинелева *). Какой-то князь Чичинадзе—мельнулъ и исчезъ изъ Ярославля, оставивъ послѣ себя рядъ туманныхъ загадокъ на долю ярославской полиціи. Мы помнимъ самозваннаго Надсона, — какого-то блѣднаго молодого человѣка, въ подрясникѣ (!), съ длинными волосами, появлявшагося въ окрестностяхъ Кіева, въ то время, когда читающая Россія съ участіемъ слѣдила за трагедіей этой угасающей жизни. Въ нынѣшнемъ году, въ «районѣ Пречистенской части гор. Москвы задержанъ высланный изъ Москвы крестьянинъ Степанъ Алексѣевъ, выдававшій себя среди народа за извѣстнаго адвоката Плевако. Онъ увѣрялъ всѣхъ, что онъ есть настоящій Плевако, но нарочно переодѣвается въ простое платье, чтобы народъ его не чуждался и чтобы простые люди могли извлечь пользу изъ его юридическихъ познаній» **). Изобрѣтеніе прививки бѣшенства и сибирской язвы—отразилось въ нашемъ Владикавказѣ появленіемъ какого-то ловкаго субъекта, именовавшаго себя «ассистентомъ знаменитаго Пастера». Онъ ѣздитъ по селеніямъ и станицамъ Терской области, появляясь даже въ городахъ — и дѣлаетъ «прививки по способу Пастера» отъ всякихъ болѣзней.

*) «Волжскій Вѣстникъ», 1895 г., № 60.

**) «Ниж. Листокъ», 1896 г., № 66.

Во Владикавказѣ этому самозванцу «пригрозилъ» полиціей и тюрьмой, и онъ, какъ сообщаетъ корреспондентъ газеты «Каспій», — направился въ Ставропольскую губернію и Кубанскую область*). Въ послѣднее время нѣкоторую популярность въ провинціи приобрѣли командируемые отъ времени до времени летучіе окулистическіе отряды. И вотъ, въ Кобеляцкомъ уѣздѣ Киевской губерніи уже орудуетъ какой-то самозванецъ въ «своеобразномъ мундирѣ съ желтыми нашивками на воротникѣ и такой же ленточкой черезъ плечо». Онъ привлекаетъ сразу много чающихъ исцѣленія, чѣмъ-то мажетъ глаза, что-то вприскиваетъ, даже рѣшетъ вѣки и черезъ нѣсколько дней скрывается, причемъ «личность его остается невыясненной. Говорятъ, — прибавляетъ корреспондентъ, что этотъ Хлестаковъ—изъ персидскихъ подданныхъ»**).

Не успѣли широко распространиться извѣстія о предстоящей переписи, какъ уже «Томскій Листокъ» сообщаетъ о появленіи какого-то субъекта, который ходитъ по домамъ съ тетрадкой и переписывается, «по особому порученію»; въ виду будущей общей переписи—говѣвшихъ и неговѣвшихъ. Съ послѣднихъ, разумѣется, онъ взимаетъ отъ 10—20 копѣекъ, каждый разъ заноса это акуратнѣйшимъ образомъ въ тетрадку. «Самозваннаго статистика, — прибавляетъ корреспондентъ, — полиція взяла подъ свое попеченіе» ***).

Одно время много говорили у насъ объ экспедиціяхъ Пржевальскаго и его преемниковъ. Въ одной изъ этихъ экспедицій участвовалъ молодой ученый, г-нъ Богдановичъ. И вотъ, въ Бѣлостокѣ, Гродненской губерніи устраивается 25 августа 1893 г. литературный вечеръ, на которомъ «членъ географическаго общества Г. Н. Богдановичъ» знакомитъ публику съ результатами своихъ путешествій по Россіи и, главнымъ образомъ, по Сибири. «Изъ словъ лектора видно, — почтительно сообщаетъ корреспондентъ «Виленьскаго Вѣстника», — что онъ началъ свое путешествіе съ губерній Екатеринославской, Херсонской и Курской (?). Далѣе сообщается, что «губерніи эти произвели на молодого ученаго не особенно пріятное впечатлѣніе: земли въ нихъ мало, а народу много». Справедливо усматривая въ этомъ одну изъ причинъ переселеній, — молодой ученый сообщилъ затѣмъ о самихъ переселенцахъ свѣдѣнія, извѣстныя каждому, кто читаетъ газеты, — и, наконецъ, «разсказалъ нѣсколько сценъ изъ народнаго и малороссійскаго быта (?), подмѣченныхъ имъ во время путешествія. Разсказы были выполнены артистически». Корреспондентъ не можетъ не выразить глубокой благодарности г. полиціймейстеру, «который принялъ въ устройствѣ вечера живое участіе, поручивъ полиціи

*) Цит. изъ «Нов. Вр.», 1893 г., № 6056.

**) «Волжскій Вѣстн.», 30 мая, 1896.

***) «Томскій Листокъ», «Нижег. Листокъ», № 196.

продажу билетов», между тѣмъ, какъ бѣлостокская «интеллигенція» отнеслась къ молодому ученому совершенно равнодушно.

Черезъ нѣкоторое время такія же извѣстія появились изъ другихъ городовъ, а затѣмъ послѣдовало и разоблаченіе: г. Богдановичъ оказался просто какимъ-то невѣжественнымъ самозванцемъ, воспользовавшимся извѣстностью своего однофамильца и легковѣріемъ гг. полиціймейстеровъ и публики *).

Имѣеть своихъ самозванцевъ и пресловутое обрусѣніе окраинъ. Въ 1894 году судился въ Вильнѣ старшій дѣлопроизводитель канцеляріи генералъ-губернатора, статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Самойло, по обвиненію въ подложномъ присвоеніи званій и орденовъ. Въ 1885 году поступилъ на службу, «по вѣскимъ дамскимъ рекомендаціямъ», блестящій молодой человѣкъ, кандидатъ двухъ факультетовъ, кавалеръ русскихъ и иностранныхъ орденовъ. Черезъ короткое время блестящій молодой человѣкъ оперился настолько, что предъявилъ къ казнѣ требованіе о возмѣщеніи передержанныхъ якобы имъ десятковъ тысячъ рублей при сооруженіи какого-то храма и сталъ искать судебнымъ порядкомъ съ г. Берга, надателя «Русск. Вѣстника», 30 тысячъ «комиссій» за содѣйствіе при покупкѣ послѣднимъ имѣнія «Звѣринецъ» княгини Гогенлоэ. Вскорѣ, однако, стали ходить о немъ сенсационные слухи—и, въ концѣ концовъ, ловкій дѣлецъ оказался самозванцемъ: и два факультета, и ордена оказались фантастическимъ подлогомъ, а дѣйствительность доставила лишь справку о судимости за мошенничество, по которому, впрочемъ, онъ былъ оправданъ. Виленскій судъ приговорилъ его къ лишенію особыхъ правъ и ссылке въ Архангельскую губ. на 2 года **).

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, какъ и въ другихъ, мы имѣемъ дѣло съ корыстнымъ обманомъ довольно грубого свойства; несомнѣнно, однако, что объясненіе всѣхъ приведенныхъ фактовъ одной лишь корыстію, — далеко не исчерпываетъ самого явленія. Оно имѣетъ свою, болѣе сложную и притомъ двустороннюю психологію, очень характерную именно для нашей русской жизни.

Всякій разъ когда я думаю о побужденіяхъ этой злополучной и вредной самозванной мелкоты, окрашивающейся сообразно съ обстоятельствами, часто какъ-бы вслѣдствіе невольнаго внушенія среды и событій, когда я стараюсь представить себѣ мотивы «присвоенія чужой личности» — мнѣ приходитъ на память одно, довольно близкое личное знакомство въ этой области.

Въ 1893 году въ Нижнемъ Новгородѣ въ мою комнату тихо вошелъ человѣкъ высокаго роста, худой и блѣдный, съ робко

*) Недавно газеты сообщили еще о такомъ же ученомъ путешественникѣ г. Розовѣ, сообщавшемъ на публичныхъ лекціяхъ самыя поразительныя свѣдѣнія о видѣнныхъ имъ странахъ. И опять полиція любезно развозила и разсылала билеты.

**) «Р. Ж.», 1894, № 111.

страдающимъ выраженіемъ сѣрыхъ глазъ. Онъ былъ одѣтъ бѣдно, но съ видимымъ стараніемъ сохранить нѣкоторое приличіе, и, войдя, заговорилъ такъ тихо и застѣнчиво, что начала его рѣчи я не разслышалъ совершенно...

— Безъ мѣста 6 мѣсяцевъ... семейство... средствъ никакихъ-съ, все изъ сундука, да изъ сундука-съ... теперь ужъ и въ сундукѣ ничего-съ. Вопли, знаете-ли, невинныхъ младенцевъ положительно надрываютъ душу...

Это упоминаніе о невинныхъ младенцахъ, хотя и сдѣланное въ столь витіеватой формѣ,—отзывалось такой глубокой тоской, звучащей и въ голосъ, глядѣвшей и изъ тусклыхъ, затуманенныхъ глазъ незнакомца,—что я съ невольнымъ участіемъ посмотрѣлъ на него, отрываясь отъ работы, которою былъ занятъ въ это время. Лицо просителя было довольно пріятно, хотя носило видимые слѣды какихъ-то не вполне обыкновенныхъ житейскихъ невзгодъ, а на лбу, надъ глазомъ обращала вниманіе глубокая впадина, рождавшая невольную идею объ ударѣ тупымъ орудіемъ или о неудачномъ покушеніи на самоубійство посредствомъ выстрѣла въ упоръ. Онъ гдѣ-то служилъ въ казенномъ учрежденіи, потомъ въ частномъ, пострадалъ «вслѣдствіе человѣческой злобы и собственно за правду»,—теперь бѣдствуетъ нестерпимо и не можетъ уже болѣе выносить воплей своего невиннаго семейства.

Я далъ ему кое какую работу у себя на дому. Являлся онъ аккуратно, непремѣнно съ задняго хода, не позволяя себѣ прибѣгать къ звонку, робко и застѣнчиво раздѣвался въ кухнѣ, прекрадывался затѣмъ въ отведенную для работы комнату какъ-то на ципочкахъ, стараясь, чтобы его никто не замѣтилъ. Во всѣхъ его манерахъ сквозило желаніе—стусеваться, исчезнуть гдѣ-нибудь въ уголкѣ; всѣ его приемы были проникнуты чѣмъ-то, что я не могу назвать иначе, какъ «стыдомъ собственного существованія». Это совершенно особенное ощущеніе, которое, кажется, чаще всего наблюдается у насъ, русскихъ. Последняя степень смиренія, если хотите, полное уничтоженіе собственной личности. За то,—попробуйте припомнить въ другихъ мѣстахъ столь же яркіе примѣры самозванства,—т. е. присвоенія чужой личности и чужого званія,—и вы увидите, что изъ всѣхъ европейскихъ народностей,—это специфическая наша черта. Всякій разъ, когда я думаю о несчастномъ человѣкѣ, дерзновенно принявшемъ на себя званіе царя Петра Федоровича и потряшемъ Россію смятеніемъ и ужасомъ,—я невольно вспоминаю о томъ, какъ тщательно этотъ человѣкъ, державшій въ своей рукѣ грома и смерть—долженъ былъ скрывать отъ приближенныхъ свою несчастную спину, навсегда исполосованную кровавыми рубцами плетей во время прусскаго похода...

Однако, возвращаюсь къ моему новому знакомому.

Выдающейся чертой его, которую я долженъ здѣсь особенно

подчеркнуть, являлась чрезвычайная щепетильность и совѣстливость. Онъ просилъ у меня только работы, избѣгалъ просить денегъ, старался, даже когда я предлагалъ ему самъ, брать какъ можно меньше подѣ будущую работу, и лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ рѣшался, послѣ мучительныхъ колебаній — сказать о томъ, что младенцы сидятъ опять въ нетопленной квартирѣ. Вообще, корыстные черты, повидимому, совершенно отсутствовали въ его характерѣ.

Работалъ онъ усидчиво и чрезвычайно добросовѣстно, но съ весьма незначительнымъ успѣхомъ. Проходя по корридору, я видѣлъ порой въ стеклянную дверь его длинную и тощую фигуру съ головой изогнутой на лѣвое плечо, пока рука выводила красивыя строки. Такъ, должно быть, писалъ гоголевскій Акакій Акакіевичъ. Въ сожалѣнію, однако, всякое несовсѣмъ разборчивое слово моей рукописи принимало подѣ его перомъ какія-то необыкновенныя, совершенно фантастическія окончанія, лишавшія самое слово всякаго смысла. Въ такихъ случаяхъ, онъ конфузился, извинялся и страдалъ безконечно, не смотря на то, что я безъ церемоніи зачеркивалъ ошибку и писалъ вверху нужное окончаніе, успокаивая его писарскую щепетильность.

Наконецъ, мнѣ удалось устроить его на постоянную работу на заводѣ, которымъ управлялъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ. Мой знакомый былъ имъ доволенъ, сослуживцы тоже. Онъ былъ аккуратенъ, исполнительнъ, и только въ отношеніяхъ къ рабочимъ проявлялъ нѣкоторую излишнюю строгость и, пожалуй, держалъ себя слишкомъ высокомерно. При встрѣчахъ онъ увѣрялъ, что совершенно доволенъ. «И младенцы, знаете-ли, отдохнули-съ!» Приходилось вѣрить на слово, и я былъ радъ видѣть довольнаго человека, — вѣдь это большая рѣдкость.

Въ 1894 году на одной изъ нижегородскихъ улицъ появилась вывѣска «N-ское сыское отдѣленіе», и мѣстная газета стала сообщать о разныхъ, болѣе или менѣе ловкихъ открытіяхъ и подвигахъ мѣстныхъ Лекоковъ. Вслѣдствіе этого, а также и другихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ столь явное выступленіе новаго полицейскаго учрежденія по образцу столицъ, въ городѣ стали говорить о немъ, оно стало до извѣстной степени «злобою дня». И вотъ, въ одинъ прекрасный день я прочиталъ въ мѣстной газетѣ о томъ, что въ одной изъ гостинницъ арестованъ полиціей господинъ, присвоившій себѣ званіе «тайнаго агента». Потомственный дворянинъ И—овъ, — писали въ газетѣ, — подойдя къ столу, за которымъ сидѣли въ трактирѣ гг. А., Б. и В., безъ всякой церемоніи налилъ себѣ изъ ихъ графина рюмку водки и выпилъ ее. Когда же удивленные собесѣдники спросили у него объ основаніяхъ столь смѣлаго посягательства, то онъ сталъ имъ грозить, называя себя агентомъ тайной полиціи. Незвѣстно, чѣмъ-бы кончилась эта сцена, и очень можетъ быть, что компанія признала-бы

себя удовлетворенной объясненіемъ, если-бы, случайно, тутъ-же не присутствовалъ настоящій агентъ, который арестовалъ самозванца. Послѣ этого, «потомственный дворянинъ» фигурировалъ у мирового судьи, за «присвоеніе непринадлежащаго ему званія», а затѣмъ его имя опять всплыло въ хроникѣ: оказалось, что онъ разъѣзжаетъ на дикачахъ, причемъ ведетъ себя очень высоко-мѣрно и за проѣздъ не платитъ, опять-таки, ссылаясь на свои яко-бы «тайныя порученія». Одно изъ такихъ приключеній кончилось очень шумно на улицѣ, причемъ даже городской «колебался въ своихъ поступкахъ», но опять-таки, въ концѣ концовъ, дѣло заключилось протоколомъ и явкой у мирового, — «за присвоеніе непринадлежащаго званія».

Тогда меня интересовало уже описываемое явленіе, и я отиѣтилъ для себя это извѣстіе, не выдѣляя его, впрочемъ, изъ другихъ. Инициалы, обозначенные въ газетѣ, ничего не говорили моей памяти. Но вотъ, на рождествѣ ко мнѣ явился опять мой скромный писецъ. Я подумалъ, что продолжительное «довольство» вернуло ему самоуваженіе и что онъ явился ко мнѣ въ качествѣ праздничнаго гостя. Но уже со второго взгляда я убѣдился, что надъ нимъ что-то страслось: углы губъ опять горько опустились книзу, глаза робко бѣгали или сосредоточенно уставлялись въ пространство; вообще все въ немъ явило человѣка, вновь вступившаго на тропу бѣдствій и житейскихъ невзгодъ. Отозвавъ меня въ кабинетъ и тамъ упорно отказавшись принять предложенный ему стулъ, путаясь и сбиваясь, онъ сообщилъ мнѣ, что опять бѣдствуетъ безъ мѣста, опять «несправедливо утѣсняемъ» злыми людьми, — и опять не въ силахъ вынести воплей невинныхъ младенцевъ. Тутъ я какъ-то мгновенно вспомнилъ его фамилію, и меня внезапно и очень горестно осянула догадка:

— Это вы судились у мирового за самозванство?

— Я-съ,—потупился онъ,—и краска залила его лицо, а впядина на лбу стала совсѣмъ багровой. —Только это совершенная, можно сказать, неправда. Дѣло было совсѣмъ иначе.

Отъ моего знакомаго, которому онъ былъ рекомендованъ, я узналъ, что съ нѣкоторыхъ поръ И—овъ сталъ выпивать, держалъ себя очень назойливо и высоко-мѣрно, пьяный не только не скрывался, но лѣзъ на глаза заводскому начальству и заводилъ горделивые разговоры, такъ что, наконецъ, однажды его силой удалили изъ помѣщенія. Новое поступленіе на службу оказалось послѣ этого невозможнымъ. Однако И—овъ не желалъ признать этой печальной истины, приходилъ въ контору, упирался, чуть не цѣлая руки, потомъ подавалъ жалобу за оскорбленіе его дворянской чести, потомъ опять приходилъ извиняться и во всѣхъ этихъ фазисахъ своего отчаяннаго настроенія угнеталъ меня непрестанными посѣщеніями и просьбами о заступничествѣ (денегъ опять самъ не попросилъ ни разу). При этомъ порой въ его взглядѣ

мерцали опять то стыдъ собственного существованія, то какое-то озлобленное и настойчивое высокомеріе. И опять «вопли неповинныхъ младенцевъ» видимо смертельной тоской угнетали его истоптанную и измотавшуюся душу... Потомъ я узналъ, что это уже не первый случай съ И—вымъ, что его жизнь въ Нижнемъ есть непрерывная цѣпь бѣдствій, составленная изъ этихъ противоположныхъ звеньевъ: то полное уничтоженіе и стыдъ собственного существованія, то внезапные подъемы, состоящіе изъ опьяненія спиртными напитками и еще болѣе—самозванственными фантазіями разныхъ видовъ и формъ.

Я не знаю, что теперь съ этимъ злополучнымъ и столь скромнымъ самозванцемъ,—во всякомъ случаѣ я былъ благодаренъ случаю, столкнувшему меня съ нимъ, такъ какъ мнѣ кажется, что онъ объясняетъ до известной степени психологію русскаго самозванства, по крайней мѣрѣ очень значительной его части. Нужно очень жгуче, до ненависти стыдиться собственной безсильной личности и собственного «низкаго званія», чтобы посягнуть на присвоеніе личности и званія чужаго. И не даромъ почти во всѣхъ случаяхъ выдающагося самозванства, отмѣченнаго нашей исторіей и нашей литературой, мы видимъ, въ качествѣ первой стадіи, этотъ моментъ стыда или смиреннаго уничтоженія. Теперь, послѣ знакомства съ И—вымъ, для меня получаетъ особенное значеніе и тотъ «стыдъ собственного существованія», который я наблюдалъ въ немъ въ «нормальные» періоды его горькой жизни, и высокомерное отношеніе его къ рабочимъ, и многое, многое другое. Я невольно вспоминаю нервность и слезы злополучнаго Покровскаго-Карпухина, и то, что онъ вышелъ изъ воспитательнаго дома, «безъ всякаго происхожденія», безъ всякихъ «правъ состоянія»; вспоминается мнѣ и униженіе Ивана Александровича Хлестакова передъ Осипомъ и передъ слугой въ гостиницѣ, и поротая спина Емельки, и то, что онъ бѣгалъ на Вѣтку, чтобы приобрѣсти себѣ «право приписки», передъ тѣмъ, какъ заявить права на руссійское царство, и скромное званіе темнаго послушника, даже разстрига, которое Гришка Отрепьевъ мѣняетъ на престолъ Годунова. Страшная горечь, жгучая боль попорченной личности приводитъ и несчастнаго Поприщина къ убѣжденію, что онъ никто иной, какъ искомый наслѣдникъ испанскаго престола. Такую же жгучую «боль личности», затоптанной, униженной и оскорбленной, видимъ мы въ рассказѣ Достоевскаго «Двойникъ»,—гдѣ эта личность, наконецъ, съ отчаянія, отъ нестерпимаго сознанія своей ничтожности, раздвигается, какъ бы распадается на двѣ половины: утѣснителя и гонителя съ одной стороны,—утѣсняемаго и гонимаго—съ другой... Нѣтъ, одними корыстными мотивами заурядныхъ мошенниковъ не исчерпывается явленіе, которое я пытаюсь здѣсь анализировать; и въ примѣрахъ, занесенныхъ въ газетную лѣтопись или на

захъ, данныхъ намъ художниками, — проявляется одна и та-же болѣзнь, глубокая и распространенная, — тяжкая болѣзнь «русской личности», ищущей внѣшней опоры, легко отъ себя отрѣшающейся и такъ жадно стремящейся къ чужимъ сильнымъ личностямъ и положеніямъ. Доведенная до послѣдней степени униженія, извѣдавшая всю жгучую горечь «стыда собственнаго существованія», припертая къ стѣнѣ самаго уже послѣдняго отчаянія, — тутъ-то именно душа русскаго Поприщина внезапно отрѣшается отъ себя, выскакиваетъ, какъ затравленная лисица въ сказкѣ, изъ собственной шкуры. Еще недавно извивавшійся въ пыли, въ глубокомъ сознании собственнаго безсилія, — онъ вдругъ съ нѣкоторымъ даже удивленіемъ поднимаетъ голову, сдвигаетъ брови и, гордо озирая окружающихъ, спрашиваетъ:

— Кто я по здѣшнему мѣсту! Вѣдомо-ли вамъ, несчастнымъ, обреченнымъ на трепеть, что я тотъ самый, передъ кѣмъ именно вы и повинны трепету!..

И послѣ этого судьба такого русскаго человѣка складывается уже въ зависимости отъ случайностей и внѣшнихъ обстоятельствъ. Бѣдняга Поприщинъ, какъ и герой Достоевскаго, попадаетъ въ сумасшедшую палату, разстрига Отрепьевъ дѣлаетъ карьеру, въ дѣйствительность которой, повидимому, могъ бы повѣрить только сумасшедшій, а затѣмъ падаетъ съ этой высоты на копья стрѣльцовъ. Емельянъ Пугачевъ скромно пробирается лѣсами съ польской Вѣтки на Волгу, гдѣ ему разрѣшили приписаться къ дворцовой волости и приобрести такимъ образомъ «права крестьянскаго состоянія». Но его какой-то рокъ сводитъ съ янцми раскольниками на Иргизѣ. Между тѣмъ, на Яикѣ незадолго до этого вольные казаки всѣмъ кругомъ валились въ грязь передъ генераломъ Череповымъ, который, въ опьяненіи своей минутной ревизорской власти, приказалъ стрѣлять въ лежавшую толпу *). Казаки поднялись и сказали: «кто мы! Вольные казаки! Мы изъ грязи сдѣлаемъ князя» **). И, доставъ для Емельки штаны и рубаху, — посадили на коня, — и создалась мрачная Пугачевская самозванщина... Емелька, тщательно скрывая поротую спину, грозой пронесся по Яику, по уральскимъ предгорьямъ, разорилъ Казань, перекинулся пожаромъ черезъ Волгу... И всюду на его пути въ крѣпостной безличной средѣ — его самозванная личность вставала въ тысячахъ отраженій изъ крѣпостного праха, пока этотъ ураганъ не замеръ въ безлюдн низовыхъ степей. Емелька, вмѣсто Москвы, попадаетъ въ клѣтку, гдѣ его дразнятъ офицеры и сержанты съ привязанными косами, и

*) Дубровинъ. «Все войско пало на землю, но Череповъ не отмѣнилъ приказаніе стрѣлять... Когда драгуны выстрѣлили вверхъ, то Череповъ велѣлъ повторить захъ, причемъ трое убито, а шестеро ранены»... (Пугачевъ и его сообщники, т. I стр. 19).

**) Ib., стр. 220. Слова Мясникова Зарубину.

гдѣ онъ, бѣдный Поприщинъ, такъ малодушно плачетъ и такъ глупо надѣется на пощаду...

Разумѣется, теперь самозванство измѣлчало, и, конечно, это есть результатъ не паденія, а наоборотъ—подъема русской личности. Пугачовыхъ и Лжедмитріевъ дѣлала среда, а среда теперь, конечно, другая. Паденіе крѣпостного права, потомъ земство, школа, газета и книга, наконецъ, хотѣлось бы думать, — подъемъ смиренной русской души, какъ результатъ новѣйшей, въ періодъ реформъ, русской исторіи, — все это уже препятствуетъ грандіозно-дикому размаху, находившему просторъ въ безмолвной пустынѣ дореформенной Россіи. Теперь російскому самозванцу уже не потрясти всего государственнаго организма, его мечты размѣнялись, пошли враздробь. Но все-же болѣзнь еще проявляется, — и мелкіе черви самозванства точатъ еще нашу жизнь по всей поверхности, то и дѣло привлекая вниманіе и заставляя глубоко задуматься о причинахъ устойчивости этой чисто-русской болѣзни и о ея далеко еще не малыхъ размѣрахъ. Въ глубинѣ дальнихъ уѣздовъ, въ лѣсныхъ деревняхъ, въ курныхъ избахъ земледѣльческой полосы, не знающей отхожихъ промысловъ и потому болѣе отсталой, въ населеніи, гдѣ мало школъ, вдали отъ проѣзжихъ бойкихъ трактовъ, — а сколько еще такихъ мѣстъ на поверхности нашего обширнаго отечества, — живутъ и нынѣ самыя фантастическія представленія о нашемъ государственномъ строѣ, не уступающія по своей нелѣпости дикимъ измышленіямъ извѣстнаго уже читателямъ деревенскаго мудреца Пети *) о знаменіяхъ антихриста. Пета—даже въ самоварѣ усматриваетъ явные признаки «антихристовъ пришествія», — а простодушная деревня въ любой форменной фуражкѣ или желтой пуговицѣ любого проходимца—готова усмотрѣть примѣты странствующаго некогнито сказочнаго князя. Въ началѣ 70-хъ годовъ газеты приводили свѣдѣнія о похищеніяхъ какого-то отставнаго солдата, — показывавшаго кресты на груди, какъ «царскіе знаки»... Полиціи стоило не мало труда изловить этого самозванца, и извѣстія этого рода повторялись еще нѣсколько разъ; но потомъ они стихли. Однако, это не значитъ, что соответствующее настроеніе исчезло совсѣмъ. Стоило появиться холерѣ—и среди взволнованнаго народа, даже на бойкой Волгѣ, — тучами подымались самыя фантастическія слухи и легенды—опять все о тѣхъ-же странствующихъ фигурахъ, съ которыми связывались самыя опасныя и тревожныя ожиданія.

Наибольшій просторъ, разумѣется, даютъ этому явленію описанныя выше свойства нашей деревни. Въ одномъ изъ глухихъ

*) См. Русск. Богатство, кн. V.

уѣздовъ Вятской губерніи я встрѣчалъ человѣка, ссыльнаго изъ дворянъ, который, получивъ однажды вызовъ въ судъ и повѣстку для проѣзда на обывательскихъ—въ теченіе нѣсколькихъ недѣль послѣ этого разѣзжалъ по этому билету въ предѣлахъ водости. Наконецъ, несчастные вотяки упростили станowego отнять бумагу. Но черезъ нѣкоторое время у ссыльнаго оказалась другая бумага, еще страшнѣе, съ огромными буквами и орлами. Когда, по усиленнымъ просьбамъ ямщиковъ, эту бумагу отняли, то обнаружилось, что это была чайная обертка К. и С. Поповыхъ.

Совершенно понятно, что на этой почвѣ кшатъ случаи мелкаго самозванства, которое нѣтъ никакой возможности ни уловить, ни перечислить. Вотъ, напримѣръ, въ село Селищи, Княгининскаго уѣзда, внезапно является неизвѣстный человѣкъ и выдаетъ себя за фельдшера. Онъ требуетъ въ себѣ для лѣченія всѣхъ больныхъ, находящихся въ селеніи, но, пока они собираются, ѣдетъ на обывательскихъ лошадяхъ дальше. То-же онъ продѣлываетъ въ селахъ Поляны, Мармыжи и Заключной. Когда, наконецъ, его задерживаетъ полиція, то оказывается, что онъ вовсе не фельдшеръ, а назвался такъ «для куражу», такъ какъ захотѣлъ проѣхать даромъ на крестьянскихъ лошадяхъ *).

На почвѣ юридическаго суевѣрія деревни орудуютъ самозванные землемѣры и адвокаты. Кто имѣлъ случай наблюдать это явленіе, тотъ знаетъ, что адвокатъ въ глазахъ крестьянина представляется чѣмъ-то въ родѣ колдуна, который долженъ знать какія-то магическія «слова» и обладать тѣми или другими талисманами. Поэтому самозванные адвокаты не довольствуются обычными средствами заурядныхъ ходатаевъ и запасаются «средствами» особой силы. По словамъ «Енисейскаго Листка», напримѣръ, ссыльный Колумбѣйко распустилъ слухъ, что онъ братъ сенатора и потому исключативаетъ мужикамъ полное сложеніе податей. Въ виду этого на сходѣ въ Усть-Кеми рѣшено собрать Колумбѣйкѣ по 80 коп. съ души **). «Въ Сорокскомъ уѣздѣ,—писали «Одесскому Листку» (1894 октябрь),—нѣкій З—ій, воспользовавшись замѣшательствомъ въ земельныхъ отношеніяхъ крестьянъ къ монастырю, отсовѣтовалъ крестьянамъ вступать въ какую-бы то ни было сдѣлку и общалъ выхлопотать обществу монастырскую землю совсѣмъ,—что ему легко, благодаря тайнственнымъ связямъ. Простодушная деревня повѣрила въ силу этого своего заступника, послѣ чего З—скій перебралъ у мужиковъ свыше 2000 рублей, которые, если вѣрить газетѣ, беззаботно прокучивалъ въ Петербургѣ. Наконецъ, его изъ Петербурга выслали, но это, конечно, не помогло: З—скій продолжалъ морочить мужиковъ, и они вѣрили ему такъ сильно, что при арестованіи его оказали сопротивленіе, причѣмъ потребовалась

*) Волгарь, № 204.

**) «Сам. Газета», 1895, № 165.

помощь войска... Вмѣстѣ съ нимъ арестовано около 20 поселянъ, которые и заключены въ Сорокскую тюрьму» *).

Въ 1895 году въ селѣ Перекопномъ, Самарск. губ., Николаевского уѣзда, появился субъектъ, именовавшійся «адвокатомъ отъ Краснаго креста» и увѣрявшій крестьянъ, что онъ посланъ Краснымъ крестомъ, чтобы защищать всѣхъ обижаемыхъ и оскорбляемыхъ. Оказалось по справкамъ, что это просто на просто мѣщанинъ города Николаевска, по фамиліи Андреевъ. Онъ обращался однажды за пособіемъ въ Общество Краснаго креста и получилъ отказъ. Извѣщеніе объ отказѣ прислано на бланкѣ со штемпелемъ Краснаго креста, — и вотъ, пишетъ корреспондентъ «Самарскаго Вѣстника», «Андреевъ блюдетъ этотъ бланкъ, какъ зеницу ока, показывая его тѣмъ неграмотнымъ мужикамъ, которые дерзаютъ сомнѣваться, что онъ дѣйствительно посланъ отъ Краснаго креста. Разумѣется, при видѣ эффектнаго бланка, скептицизмъ исчезаетъ—и вотъ у воротъ Андреева стоитъ иной разъ больше мужицкихъ подводъ, чѣмъ въ базарный день у больницы». О дѣйствительныхъ познаніяхъ этого защитника угнетенныхъ можно судить потѣму, что жалобу, напр., на неправильную сдачу въ солдаты онъ настроилъ въ святѣйшій Синодъ **).

Въ 1893 г. въ селѣ Фузовѣ (Самарской губ.) былъ созданъ сходъ какимъ-то Щербинскимъ, который за 400 рублей взялся устроить крестьянамъ какой-то «фондъ» въ крестьянскомъ банкѣ для покупки земли. Получивъ 400 рублей, онъ уѣхалъ, — а впоследствии оказалось, что это былъ просто сельскій писарь, устроившій эту шутку такъ сказать «мимоходомъ» ***).

Вообще деревня, при всякомъ колокольчикѣ, при видѣ всякой фуражки съ околышемъ уже или трепещетъ передъ болѣе или менѣе фантастической грозой, или надѣется на фантастическую милость. Въ маѣ 1891 года въ «Екатеринб. Недѣлкѣ» было очень ярко описано волненіе обитателей села Багарякъ, въ которомъ остановился на ночлегъ прикащикъ одного екатеринбургскаго купца. Надо думать, что въ наружности или обращеніи проѣзжаго было что нибудь обращающее вниманіе. Когда-же онъ, вдобавокъ, надѣлилъ довольно щедро пришедшихъ за милостыней старушекъ, то по селу пошелъ говоръ и «превратные толки» самаго фантастическаго содержанія. По мнѣнію однихъ—село Багарякъ посѣтилъ наслѣдникъ какого-то «Золотого Дѣда»; другіе считали его «тайнымъ левизоромъ», который только не объявляетъ себя до времени; отставной солдатъ, человѣкъ бывалый, наименовалъ проѣзжаго Паскевичемъ Эриванскимъ, а среди мѣстной «интеллигенціи» онъ былъ окрещенъ Кутайсовымъ. Село было очень разоча-

*) «Од. Листокъ», «Волгарь», 1894, окт.

**) «Сам. Вѣстникъ», 1895 № 271.

***) «Волгарь», 3 янв. 1893 г.

ровано, когда проѣзжій уѣхалъ, не проявивъ себя ничѣмъ экстраординарнымъ *).

«Въ селѣ Знаменкахъ (Семеновскаго у., Нижегородской губ.) случился пожаръ въ кабацѣ. Причиной пожара молва считала поджогъ, произведенный конкурентами кабатчика. И вотъ, въ село прибыла какая-то слѣдственная коммиссія, торжественно открывшая здѣсь не слѣдственное, а прямо судебное засѣданіе. Собрали народъ, виновный былъ допрошенъ, немедленно подвергнутъ предварительному аресту и осужденъ въ каторгу на 20 лѣтъ. Народъ слушалъ и удивлялся быстротѣ и строгости приговора. Когда-же судъ былъ конченъ, то судьи сняли съ себя фантастическіе доспѣхи — и все оказалось грубѣйшей шуткой. «Каково только было подсудимому,—спрашиваетъ корреспондентъ, и прибавляетъ: я представляю себѣ его положеніе, воображаю ту обстановку, тѣ условія, при которыхъ возможны подобные обманы, и мнѣ становится грустно» **).

Разумѣется, можно было впередъ предсказать, что реформа 12 іюля не можетъ остаться безъ соотвѣтствующаго отраженія въ области самозванства, и дѣйствительно передо мной нѣсколько примѣровъ этого рода. Въ 1894 году «Мелитополь и нѣкоторые его окрестности посѣтилъ, по словамъ «Новостей дня», нѣкій Хлестаковъ, заказавшій предварительно бланки земскаго начальника, съ которыми прежде всего отправился въ с. Оedorовку, гдѣ сдѣлалъ ревизію въ сельскомъ правленіи ***).

Въ томъ-же году въ Симбирскѣ господинъ въ красномъ околышѣ, именовавшій себя земскимъ начальникомъ Бабинцевымъ, заявилъ, что его обокрали на пароходѣ. «Разумѣется, для г. земскаго начальника, да еще въ такомъ положеніи, сдѣлано было все необходимое». Но впослѣдствіи оказалось, что неизвѣстный красный околышъ прикрываетъ забубенную головушку запаснаго поручика Карла-Георга-Теодора-Юлія фонъ-Терке, котораго, «для лучшаго удостовѣренія личности», отправили въ Самару по этапу ****).

Въ 1895 году въ Мценскомъ уѣздѣ мнимый земскій начальникъ проявился во время свадебнаго пиршества. Это былъ, повидимому, человѣкъ добродушный. Въ бѣломъ кителѣ и соломенной шляпѣ, въ сопровожденіи трехъ такихъ-же молодцовъ, онъ ходилъ по деревнѣ, что-то записывалъ въ книжку и всѣмъ мужикамъ обѣщалъ награды. «Самозванецъ не догадался, однако, высѣчь хоть одного мужика, и попался въ руки полиціи» — не безъ юмора прибавляетъ корреспондентъ *****).

Особенно значительный, однако, контингентъ самозванцевъ

*) «Казанскій Вѣстникъ», 1891, № 109.

**) «Волгарь», 1895, № 117.

***) Съ этимъ самозванцемъ мы еще встрѣтимся впослѣдствіи.

****) «Самарскій Вѣстникъ», № 180, 1894 г.

*****) «Орловскій Вѣстникъ», 1895. «Нижегор. Листъ», № 337.

доставляет профессія сыщиковъ и «тайныхъ агентовъ». Вообще, званіе «тайнаго агента», по своему существу столь скромное и мало почетное, способно, однако, вслѣдствіе именно нѣкоторой «тайности», его окружающей, а также вслѣдствіе неопредѣленности его обязанностей и правъ, внушать почти мистическій ужасъ русскому обывателю. На этой почвѣ порой мы видимъ случаи поразительно-смѣлой мистификаціи съ одной стороны и поразительнаго ослѣпленія, своего рода «куриной слѣпоты» — съ другой. Такъ, въ 1892 году «Самарская газета» рассказала о случаѣ появленія такихъ тайныхъ агентовъ на пароходѣ одной изъ «видныхъ» волжскихъ компаній. Пароходъ шелъ полнымъ ходомъ внизъ по теченію, какъ вдругъ раздалась команда капитана: «стой, машина». Пароходъ остановился, и въ темнотѣ пристала къ нему лодка съ тремя пассажирами. Это были: маячный сторожъ и два «тайные агента»; одинъ изъ послѣднихъ держалъ красный фонарь. Послѣ этого маячный сторожъ отчалилъ, пароходъ пошелъ далѣе, а «тайные агенты» вошли въ залъ 1-го класса, куда къ нимъ немедленно явился командиръ парохода, предложившій имъ закуску, чай и лучшую изъ каютъ 1-го класса. Оба имѣли очень непрезентабельный видъ, но это только еще болѣе утверждало въ мысли, что агенты — именно тайные, имѣющие основаніе скрывать свое настоящее положеніе. Предполагалось, что они имѣютъ порученіе, въ какихъ-то особо-важныхъ видахъ, секретно провѣрить коммунаціонные порядки на Волгѣ. Какъ бы то ни было, — за 150 верстъ отъ Саратова «агенты» сошли съ парохода и въ Саратовъ прибыли уже на казенномъ пароходѣ, вѣроятно (?) отданномъ въ ихъ распоряженіе. Обрившавъ мѣстнаго начальника, они уже намѣревались двинуться далѣе, но тутъ вышла маленькая случайность: они подрались между собою. Драка эта привлекла на казенный пароходъ пристава 2-й части города Саратова, который сразу (sic) опредѣлилъ, что эти оборванные драчуны — самозванцы. Когда онъ крикнулъ: «смирно», то старшій изъ агентовъ, отставной солдатъ, инстинктивно, по усвоенной привычкѣ, вытянулся во фронтъ (вспомните злополучнаго Хинелева-Королько). Оказалось, что этотъ «главный агентъ» — просто-на-просто бѣглый солдатъ Гурійскаго полка, а его помощникъ — какой-то забудыга мѣщанинъ. «Самарская Газета» добавляетъ, что уже послѣ ареста «всѣмъ стало ясно и по физіономіи «главнаго агента», и по его голымъ ногамъ, что онъ не могъ быть истиннымъ ревизоромъ...» *).

Уже въ прошломъ году, 17-го мая, передъ городскимъ судьей г. Самары предсталъ нѣкій отставной унтеръ-офицеръ Орловъ-Давыдовъ, сдѣлавшій изъ этого самозванства чуть-ли не дѣло

*) «Сам. Газета». Перепечатано въ «Новомъ Времени» 4-го ноября 1892 г., № 6014.

[illegible]

ширинъ, пришивъ къ своему пиджаку, самой обыкновенной формы, мѣдныхъ пуговицы отъ мундира ученика реального училища и запасшись нѣсколькими бланками окружнаго суда, гдѣ онъ прежде служилъ писцомъ, отправился, въ сопровожденіи самарскаго мѣщанина Василія Коновалова, на хуторъ крестьянина Бутырина объявлять послѣднему рѣшеніе самарскаго окружнаго суда по гражданскому иску къ нему нѣкоего Пудовкина. Каширинъ назвался членомъ суда Силецкимъ, Коноваловъ — его секретаремъ, причемъ они предъявили и соотвѣтствующіе документы. Бутыринъ, пригласивъ «членовъ» въ избу, предложилъ согрѣть самоварчикъ, но Силецкій потребовалъ «чего нибудь погорячѣе» и затѣмъ предложилъ Бутырину расписаться въ полученіи копій, а чиновникамъ поднести благодарность. Бутыринъ не хотѣлъ было подписываться, но чиновникъ затопалъ ногами, и онъ подписался; что-же касается благодарности, то злополучный Бутыринъ, какъ самъ говорилъ на судѣ, общалъ и вознамѣрился дать утромъ 50 рублей. Нѣкоторое сомнѣніе вызвала въ немъ небольшая величина печати на бумагѣ (бумага была припечатана двугривеннымъ), и онъ робко спросилъ: «что это, вашевысокопревосходительство, печать-то какая маленькая?». Членъ суда опять затопалъ ногами: «такая, говоритъ, выросла, молчать! Это судя по дѣлу: къ большому дѣлу — большая, а къ маленькому — малая печать». Тѣмъ не менѣе, Бутырина взяло сомнѣніе, которое на судѣ онъ формулировалъ слѣдующимъ простодушнымъ образомъ: «начало меня брать раздумье, — какъ-же такъ: членъ не важный, а требуетъ столько водки и денегъ... да и печать маленькая». Въ результатѣ этихъ размышленій Бутыринъ пошелъ посоветоваться съ урядникомъ, который и арестовалъ обоихъ чиновниковъ. Хотя Каширинъ и утверждалъ, что «сдѣлали они все это для шутки и ради большого гостепріимства со стороны Бутырина», но самарскій окружный судъ приговорилъ обоихъ къ 8 мѣсячному тюремному заключенію *).

Репортеръ «Самарской газеты» отмѣчаетъ, что въ томъ мѣстѣ показаній обманутаго Бутырина, которое касалось большой и маленькой печати, въ публикѣ и даже среди присяжныхъ раздался такой сильный смѣхъ, что предсѣдатель (вѣроятно, тоже съ трудомъ сохраняя серьезный видъ) прибѣгъ къ звонку и увѣщаніямъ. Однако, развѣ дѣло происходило не въ той самой Самарѣ, мимо которой такъ еще недавно плыли по своей «тайной ревизіи» два бѣглыхъ оборванца, въ лучшей каютѣ перваго класса и даже на казенномъ пароходѣ? Развѣ въ залѣ, на скамьяхъ присяжныхъ, даже за судейскимъ столомъ сидѣли не тѣ же русскіе люди, которые не сегодня, такъ завтра очутятся въ такомъ же положеніи? Вотъ уже въ самое послѣднее время, въ май настоящаго года губернский городъ Томскъ осчастливленъ посѣщеніемъ высо-

*) «Самарская газета», 1896, № 10.

своей жизни. Онъ развѣскалъ по разнымъ мѣстамъ, яко-бы снискывая тайнымъ образомъ важныя преступленія, и, поселяя въ обывателей тревогу таинственностію и неопредѣленностію своихъ полномочій, собиралъ, повидимому, дань натурой. Въ качествѣ снисканна онъ былъ уже въ Оренбургѣ, гдѣ успѣлъ ввести въ заблужденіе даже полицію. Съ полиціей самарской, вѣроятно, вначалѣ было то же самое: былъ, по крайней мѣрѣ, какой-то періодъ болѣе или менѣе сложныхъ и неопредѣленныхъ отношеній, которыми Орловъ Давыдовъ умѣло и извѣтельно пользовался на судѣ. «Много я имѣю противъ Юдина (арестовавшаго его полицейскаго),—восклицалъ онъ,—но обращаю лишь вниманіе на то, что сундукъ, представленный въ качествѣ вещественнаго доказательства, по акту отобранъ у меня съ 28 бутылками пива, меда и лимонада, а здѣсь онъ оказался пустымъ. Гдѣ же,—спрашиваю я,—пиво и прочее»... (судья приговорилъ его къ тюремному заключенію на 4 мѣсяца).

Въ мартѣ 1894 «Кіевлянинъ» сообщалъ о курьезныхъ подвигахъ нѣкоего крестьянина Б., который изготовилъ себѣ изъ дерева довольно внушительныхъ размѣровъ печать съ надписью «Тайный акцизный чиновникъ г. Сквыры». Эту печать онъ приложилъ къ виду о своей личности, причемъ имѣлъ-же самимъ была сфабрикована такая бумажонка: «Въ виду учрежденія тайныхъ акцизныхъ чиновниковъ съ цѣлью слѣдить за законною и правильною продажей питей и товаровъ въ лавкахъ, по надлежащимъ документамъ, выдано сіе NN, въ случаѣ нарушенія кѣмъ-либо изъ торговцевъ законныхъ требованій, для привлеченія ихъ къ отвѣтственности». Остальное, разумѣется, понятно. Скоро, однако, «тайная» дѣятельность этого «акцизнаго» стала явной, и онъ попалъ на скамью подсудимыхъ *).

Есть также самозванцы судебнаго вѣдомства, хотя такихъ сравнительно немного. Въ 1893 году сынъ отставнаго фельдфебеля Ка-

*) «Волжск. Вѣстникъ», 1894, 88. Въ тревожные 70-ые годы газеты отмѣчали появленіе цѣлыхъ самозванныхъ комиссій, явившихся съ формальными обысками и выемками, преимущественно въ богатые семьи, послѣ чего кочевали порой довольно крупныя суммы. Въ послѣдніе годы случаи этого рода стали рѣже, но все-же мой знакомый И—онъ является далеко не единственнымъ въ своемъ родѣ. Такъ, въ 1890 году даже въ первопрестольной Москвѣ дѣйствовалъ нѣкто Дынниковъ, подходившій къ постовымъ городовымъ и требовавшій ихъ содѣйствія для внезапной провѣрки паспортовъ въ томъ или другомъ домѣ. Въ августѣ его засталъ за этимъ занятіемъ окологородичный, случайно узнавшій въ этомъ «тайномъ агентѣ» своего бывшаго школьнаго товарища, уже развѣ судившагося за присвоеніе званія акцизнаго въ сумокомъ окружномъ судѣ («Русскія Вѣдомости», 1890, № 272). Въ 1889 году по Нижегородской губ. развѣскавали два самозванца, въ жандармской формѣ, подъ предлогомъ командировки по части «фальшивой монеты». Въ нѣкоторыхъ деревняхъ они пронавели обыски при понятыхъ и отобрали у богатыхъ мужиковъ всѣ наличныя кредитки, обѣщая вернуть ихъ послѣ провѣрки. Разумѣется, и деньги, и жандармы исчезли. И. т. д., и т. д.

ширинъ, пришивъ къ своему пиджаку, самой обыкновенной формы, мѣдныя пуговицы отъ мундира ученика реального училища и запасшисъ нѣсколькими бланками окружнаго суда, гдѣ онъ прежде служилъ писцомъ, отправился, въ сопровожденіи самарскаго мѣщанина Василя Коновалова, на хуторъ крестьянина Бутырина объявлять послѣднему рѣшеніе самарскаго окружнаго суда по гражданскому иску къ нему нѣкоего Пудовкина. Каширинъ назвался членомъ суда Силецкимъ, Коноваловъ — его секретаремъ, причѣмъ они предъявили и соотвѣтствующіе документы. Бутыринъ, пригласивъ «членовъ» въ избу, предложилъ согрѣть самоварчикъ, но Силецкій потребовалъ «чего нибудь погорячѣе» и затѣмъ предложилъ Бутырину расписаться въ полученіи копій, а чиновникамъ поднести благодарность. Бутыринъ не хотѣлъ было подписываться, но чиновникъ затопалъ ногами, и онъ подписался; что-же касается благодарности, то злополучный Бутыринъ, какъ самъ говорилъ на судѣ, обѣщалъ и вознамѣрился дать утромъ 50 рублей. Нѣкоторое сомнѣніе вызвала въ немъ небольшая величина печати на бумагѣ (бумага была припечатана двугривеннымъ), и онъ робко спросилъ: «что это, вашевысокопревосходительство, печать-то какая маленькая?». Членъ суда опять затопалъ ногами: «такая, говоритъ, выросла, молчать! Это судя по дѣлу: къ большому дѣлу—большая, а къ маленькому—малая печать». Тѣмъ не менѣе, Бутырина взяло сомнѣніе, которое на судѣ онъ сформулировалъ слѣдующимъ простодушнымъ образомъ: «начало меня брать раздумье, — какъ-же такъ: членъ не важный, а требуетъ столько водки и денегъ... да и печать маленькая». Въ результатѣ этихъ размышленій Бутыринъ пошелъ посоветоваться съ урядникомъ, который и арестовалъ обоихъ чиновниковъ. Хотя Каширинъ и утверждалъ, что «сдѣлали они все это для шутки и ради большаго гостепріимства со стороны Бутырина», но самарскій окружный судъ приговорилъ обоихъ къ 8 мѣсячному тюремному заключенію *).

Репортеръ «Самарской газеты» отмѣчаетъ, что въ томъ мѣстѣ показаній обманутаго Бутырина, которое касалось большой и маленькой печати, въ публикѣ и даже среди присяжныхъ раздался такой сильный смѣхъ, что предсѣдатель (вѣроятно, тоже съ трудомъ сохраняя серьезный видъ) прибѣгъ къ звонку и увѣщаніямъ. Однако, развѣ дѣло происходило не въ той самой Самарѣ, мимо которой такъ еще недавно плыли по своей «тайной ревиіи» два бѣглыхъ оборванца, въ лучшей каютѣ перваго класса и даже на казенномъ пароходѣ? Развѣ въ залѣ, на скамьяхъ присяжныхъ, даже за судейскимъ столомъ сидѣли не тѣ же русскіе люди, которые не сегодня, такъ завтра очутятся въ такомъ же положеніи? Вотъ уже въ самое послѣднее время, въ маѣ настоящаго года губернский городъ Томскъ ошастливленъ посѣщеніемъ высо-

*) «Самарская газета», 1896, № 10.

своей жизни. Онъ развѣзжалъ по разнымъ мѣстамъ, яко-бы скиывая тайнымъ образомъ важныя преступленія, и, поселяя въ обывателѣ тревогу таинственностію и неопредѣленностію своихъ полномочій, собиралъ, повидимому, дань натурой. Въ качествѣ сыщика онъ былъ уже въ Оренбургѣ, гдѣ успѣлъ ввести въ заблужденіе даже полицію. Съ полиціей самарской, вѣроятно, вначалѣ было то же самое: былъ, по крайней мѣрѣ, какой-то періодъ болѣе или менѣе сложныхъ и неопредѣленныхъ отношеній, которымъ Орловъ Давыдовъ умѣло и язвительно пользовался на судѣ... «Много я имѣю противъ Юдина (арестовавшаго его полицейскаго),—восклидалъ онъ,—но обращу лишь вниманіе на то, что сундукъ, представленный въ качествѣ вещественнаго доказательства, по акту отобранъ у меня съ 28 бутылками пива, меда и лимонада, а здѣсь онъ оказался пустымъ. Гдѣ же,—спрашиваю я,— пиво и прочее»... (судья приговорилъ его къ тюремному заключенію на 4 мѣсяца).

Въ мартѣ 1894 «Кіевлянинъ» сообщалъ о курьезныхъ подвигахъ нѣкоего крестьянина Б., который изготовилъ себѣ изъ дерева довольно внушительныхъ размѣровъ печать съ надписью «Тайный акцизный чиновникъ г. Скиры». Эту печать онъ приложилъ къ виду о своей личности, причемъ имѣлъ-же самимъ была сфабрикована такая бумажонка: «Въ виду учрежденія тайныхъ акцизныхъ чиновниковъ съ цѣлю слѣдить за законною и правильною продажей питей и товаровъ въ лавкахъ, по надеющимся документамъ, выдано сіе NN, въ случаѣ нарушенія кѣмъ-либо изъ торговцевъ законныхъ требованій, для привлеченія ихъ къ отвѣтственности». Остальное, разумѣется, понятно. Скоро, однако, «тайная» дѣятельность этого «акцизнаго» стала явной, и онъ попалъ на скамью подсудимыхъ *).

Есть также самозванцы судебнаго вѣдомства, хотя такихъ сравнительно немного. Въ 1893 году сынъ отставнаго фельдфебеля Ка-

*) «Волжск. Вѣстникъ», 1894, 88. Въ тревожные 70-ые годы газеты отмѣчали появленіе цѣлыхъ самозванныхъ комиссій, являвшихся съ формальными обысками и выемками, преимущественно въ богатые семьи, послѣ чего исчезали порой довольно крупныя суммы. Въ послѣдніе годы случаи этого рода стали рѣже, но все-же мой знакомый И—онъ является далеко не единственнымъ въ своемъ родѣ. Такъ, въ 1890 году даже въ первопрестольной Москвѣ дѣйствовалъ нѣкто Дынниковъ, подходившій къ постовымъ городовымъ и требовавшій ихъ содѣйствія для внезапной провѣрки паспортовъ въ томъ или другомъ домѣ. Въ августѣ его засталъ за этимъ занятіемъ окологородный, случайно узнавшій въ этомъ «тайномъ агентѣ» своего бывшаго школьнаго товарища, уже развѣ судившагося за присвоеніе званія акцизнаго въ сумскомъ окружномъ судѣ («Русскія Вѣдомости», 1890, № 272). Въ 1889 году по Нижегородской губ. развѣжали два самозванца, въ жандармской формѣ, подъ предлогомъ командировки по части «фальшивой монеты». Въ нѣсколькихъ деревняхъ они произвели обыски при понятыхъ и отобрали у богатыхъ мужиковъ всѣ наличныя кредитки, обѣщая вернуть ихъ послѣ провѣрки. Разумѣется, и деньги, и жандармы исчезли. И. т. д., и т. д.

пиринъ, пришивъ къ своему пиджаку, самой обыкновенной формы, мѣдныя пуговицы отъ мундира ученика реального училища и запасшись нѣсколькими бланками окружнаго суда, гдѣ онъ прежде служилъ писцомъ, отправился, въ сопровожденіи самарскаго мѣщанина Василя Коновалова, на хуторъ крестьянина Бутырина объявлять послѣднему рѣшеніе самарскаго окружнаго суда по гражданскому иску къ нему нѣкоего Пудовкина. Каширинъ назвался членомъ суда Силецкимъ, Коноваловъ — его секретаремъ, причемъ они предъявили и соотвѣтствующіе документы. Бутыринъ, пригласивъ «членовъ» въ избу, предложилъ согрѣть самоварчикъ, но Силецкій потребовалъ «чего нибудь погорячѣ» и затѣмъ предложилъ Бутырину расписаться въ полученіи копій, а чиновникамъ поднести благодарность. Бутыринъ не хотѣлъ было подписываться, но чиновникъ затопалъ ногами, и онъ подписался; что-же касается благодарности, то злополучный Бутыринъ, какъ самъ говорилъ на судѣ, обѣщалъ и вознамѣрился дать утромъ 50 рублей. Нѣкоторое сомнѣніе вызвала въ немъ небольшая величина печати на бумагѣ (бумага была припечатана двугривеннымъ), и онъ робко спросилъ: «что это, вашевысокопревосходительство, печать-то какая маленькая?». Членъ суда опять затопалъ ногами: «такая, говорить, выросла, молчать! Это судя по дѣлу: къ большому дѣлу—большая, а къ маленькому—малая печать». Тѣмъ не менѣе, Бутырина взяло сомнѣніе, которое на судѣ онъ сформулировалъ слѣдующимъ простодушнымъ образомъ: «начало меня брать раздумье, — какъ-же такъ: членъ не важный, а требуетъ столько водки и денегъ... да и печать маленькая». Въ результатѣ этихъ размышленій Бутыринъ пошелъ посоветоваться съ урядникомъ, который и арестовалъ обоихъ чиновниковъ. Хотя Каширинъ и утверждалъ, что «сдѣлали они все это для шутки и ради большаго гостепріимства со стороны Бутырина», но самарскій окружный судъ приговорилъ обоихъ къ 8 мѣсячному тюремному заключенію *).

Репортеръ «Самарской газеты» отмѣчаетъ, что въ томъ мѣстѣ показаній обманутаго Бутырина, которое касалось большой и маленькой печати, въ публикѣ и даже среди присяжныхъ раздался такой сильный смѣхъ, что предсѣдатель (вѣроятно, тоже съ трудомъ сохраняя серьезный видъ) прибѣгъ къ звонку и увѣщаніямъ. Однако, развѣ дѣло происходило не въ той самой Самарѣ, мимо которой такъ еще недавно плыли по своей «тайной ревиіи» два бѣглыхъ оборванца, въ лучшей каютѣ перваго класса и даже на казенномъ пароходѣ? Развѣ въ залѣ, на скамьяхъ присяжныхъ, даже за судейскимъ столомъ сидѣли не тѣ же русскіе люди, которые не сегодня, такъ завтра очутятся въ такомъ же положеніи? Вотъ уже въ самое послѣднее время, въ маѣ настоящаго года губернской городъ Томскъ ошастливленъ посѣщеніемъ высо-

*) «Самарская газета», 1896, № 10.

каго гостя, «прокурора петербургской судебной палаты, князя Ширинскаго-Шихматова. Его сиятельство изволилъ слѣдовать отъ той-же Самары, гдѣ такъ смѣялись надъ Бутыриннымъ, до Челябинска въ I классѣ, разумеется, бесплатно. Въ Челябинскѣ начальникъ движенія Зап.-Сиб.-ж. дороги, инженеръ Павловскій, опять выдалъ князю бесплатный билетъ на проѣздъ до Омска, откуда уже онъ ѣхалъ съ какимъ-то еще инженеромъ до Кривошекова въ отдѣльномъ купѣ. Въ Кривошековѣ князь жестоко распеку мѣстную полицію въ лицѣ земскаго засѣдателя, послѣ чего безъ труда попалъ на казенный пароходъ, на которомъ благополучно прибылъ въ городъ Томскъ. Здѣсь, остановившись въ Европейской гостинницѣ, онъ немедленно-же потребовалъ къ себѣ по телефону мѣстнаго полиціймейстера, собственно лишь затѣмъ, чтобы послѣдній не вздумалъ устраивать ему какія нибудь торжественныя встрѣчи и не докладывать объ его приѣздѣ губернатору.

Нельзя не пожалѣть о томъ, что мѣстныя газеты очень скупаются на большія подробности, которыя, безъ сомнѣнія, очень оживили-бы это краткое и сухое изложеніе томскаго эпизода. Теперь-же мы узнаемъ только, что князь посѣтилъ университетъ, подписался въ книгѣ почетныхъ посѣтителей и получилъ годовой отчетъ, послѣ чего изволилъ быть на пожарѣ за Истокомъ, гдѣ далъ 5 рублей на чай «молодцамъ пожарнымъ». Затѣмъ непосредственно слѣдуетъ извѣстіе, что князь закончилъ свое путешествіе никогниго — въ тюрьмѣ, такъ какъ «обнаружилось, что это лицо есть ярославскій мѣщанинъ Александръ Мауринъ, назвавшійся княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ по той причинѣ, что подъ своей собственной фамиліей не могъ прибыть въ гор. Томскъ: ему выдано проходное свидѣтельство изъ Владиміра только до Златоуста, куда онъ обязанъ былъ слѣдовать на жительство, послѣ отбытія заключенія въ арестантскихъ ротахъ *).

Читатель не встрѣчалъ пока въ этомъ перечнѣ ни одного женскаго имени. Это не значитъ, однако, что эти имена совершенно отсутствуютъ. «Русская доляшка, доляшка женская» не даетъ простора опьяняющимъ мечтамъ, заносящимъ такъ высоко всѣхъ этихъ «тайныхъ агентовъ», «тайныхъ ревизоровъ», «акцизныхъ», «земскихъ начальниковъ» и «прокуроровъ»... Женщинѣ приходится за то иной разъ мечтать о «присвоеніи непринадлежащаго пола», какъ объ особой привилегіи, — и газеты изрѣдка отмѣчаютъ появленіе «самозванныхъ мужчинъ». Вотъ послѣдній примѣръ этого рода, сообщенный «С.-Петербургскими Вѣдомостями» въ корреспонденціи изъ Тамбова. Въ мѣстномъ уѣздномъ сѣздѣ предстала передъ судомъ 22-хъ лѣтняя красивая женщина-крестьянка... Судьба ея — типичная судьба миллионъ: 18 лѣтъ она была выдана замужъ за богатаго крестьянина, ни физически,

*) «Сиб. Вѣстникъ», «Сибирскій Листокъ» № 46, «Русск. Вѣд.» № 171.

ни нравственно не годнаго къ супружеской жизни, и жила съ нимъ 4 года, перенося отъ него и его семьи всевозможныя издѣвательства и притѣсненія. Она много разъ просила дать ей отдѣльный паспортъ и, наконецъ, убѣждала, переодѣвшись въ мужское платье, чтобы обмануть розыски. Послѣ этого она занимается мужскими работами, ѣздитъ верхомъ, носить имя Максимки. Чтобы еще лучше разыграть свою роль, она затѣваетъ даже сватовство въ дер. Ольшанкѣ. Но боязнь быть узнавшею преслѣдуетъ ее неотступно. Тогда, узнавъ, что нѣкоторые уголовныя преступленія даютъ (только другой стороной) поводъ для расторженія брака, злополучная самозванка совершаетъ кражу, съ цѣлью попасть въ тюрьму. Для этого она угоняетъ изъ деревни Ольшанки лошадь и продаетъ ее на ближайшемъ базарѣ за демонстративно дешевую цѣну; при первыхъ же вопросахъ сознается въ кражѣ и проситъ отвести ее въ тюрьму. Съѣздъ призналъ ее, однако, по суду оправданной. Трудно сказать, въ какой мѣрѣ это улучшило положеніе своеобразной самозванки, посягавшей на два не принадлежащихъ ей званія: во 1-хъ, на званіе мужчины, и во 2-хъ—арестантки, чтобы только отрѣшиться отъ природныхъ «правъ женскаго состоянія», связанныхъ съ горькою долей женщины въ русской деревнѣ...

Такихъ случаевъ за послѣднія нѣсколько лѣтъ мелькнуло нѣсколько въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Справедливость заставляетъ, однако, отмѣтить и одинъ (единственный, кажется, за много лѣтъ) примѣръ обыкновеннаго самозванства ревизорскаго типа, совершеннаго женщиной. Случай этотъ имѣлъ мѣсто въ гор. Мензелинскѣ въ 1894 году.

«Хлестаковы бывали всякіе,—писалъ корреспондентъ «Волжскаго Вѣстника» (1894, № 325), но о Хлестаковыхъ въ юбкахъ, которые такъ успѣшно могли-бы всколыхнуть стоячее болото залулустной жизни, и до сихъ поръ еще не было слышно. Мензелинскъ чуть-ли не первый видѣлъ у себя подобный примѣръ. Лѣтомъ настоящаго года по Мензелинску пронесся шопотъ: на утро будетъ въ городѣ предсѣдательница многихъ благотворительныхъ (столичныхъ, разумѣется) комитетовъ, г-жа Дурново, пріѣхавшая для ревизіи монастырей и богоугодныхъ заведеній... Дѣйствительно, на утро пріѣхала почтенная дама, съ знаками отличія на груди, и съ достоинствомъ направилась прежде всего въ монастырь «по ревизіи». Затѣмъ дама осмотрѣла еще тюрьму, побывала на всевозможныхъ обѣдахъ, многимъ общала «похлопотать», нашла все въ болѣе или менѣе добромъ порядкѣ, за исключеніемъ, впрочемъ, одной какой-то богадѣльни, которая значитъ на бумагѣ и даже въ денежныхъ расходныхъ вѣдомостяхъ, по которой, по какой-то случайности, въ натурѣ не оказалось. Собрать обильную дань съ Мензелинска, ревизорша благополучно отбыла на Пьяноборскую пристань, и уже въ Казани, кажется, не въ долгомъ времени, была арестована, какъ самозванка и авантюристка...

Теперь еще одно послѣднее сказаніе о талантливѣйшемъ представителѣ этой россійской профессіи, обревизовавшемъ въ самое короткое время двѣ губерніи и безчисленное количество учреждений, и мы можемъ подвести итоги нашей разнообразной коллекціи.

Передъ нами—молодой человѣкъ лѣтъ 30, изящный, красивый, съ прекрасными манерами. По словамъ одного изъ корреспондентовъ *), онъ отлично говоритъ на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ и даже на нѣкоторыхъ азіатскихъ. Въ одномъ отчетѣ онъ называется студентомъ, но вообще первоначальная его біографія не выяснена, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ источникахъ, которыми я располагаю. Конецъ 1893 и начало 1894 года застаютъ этого изящнаго молодого человѣка въ самомъ бѣдственномъ положеніи на дорогѣ изъ Симферополя къ Мелитополю. Онъ бредетъ пѣшкомъ, увязая то въ грязи, то въ снѣгу. У него уже есть прошлое: судился въ Севастополѣ, подлежалъ суду въ Полтавѣ, извѣстенъ публикѣ, читающей газеты, тѣмъ, что произвелъ ревизію Лозово-Севастопольской, Екатерининской, Фастовской и Ростово-Владикавказской жел. дорогъ подъ именемъ товарища-директора медицинскаго департамента г. Шевича; затѣмъ ревизовалъ съ неменьшимъ успѣхомъ карантинъ Чернаго моря, затѣмъ тщательно осмотрѣлъ сахарные заводы чуть-ли не пяти губерній южнаго края, ревизовалъ монастыри Харьковской и Черниговской епархій подъ именемъ товарища-прокурора святѣйшаго синода, а также конные заводы Бессарабской губерніи, еще подъ чьимъ-то именемъ. Теперь, послѣ столь обширной и, какъ онъ утверждалъ впоследствии, даже не безполезной дѣятельности,—молодой человѣкъ готовится къ новымъ трудамъ.

Въ Мелитополѣ, безъ денегъ и знакомства, онъ прежде всего отправляется въ 2 типографіи, гдѣ, подъ предлогомъ будущаго заказа, получаетъ образцы бланковъ разныхъ учреждений, въ томъ числѣ даже общества взаимнаго кредита. Съ этими бланками онъ чувствуетъ себя уже совершенно вооруженнымъ, нанимаетъ лошадей и отправляется въ уѣздъ.

Пріѣхавъ въ село Шульговку, онъ выдаетъ извозчику, вмѣсто платы, талонъ на бланкѣ общества взаимнаго кредита. Вытребовавъ затѣмъ къ себѣ сельскія власти, онъ называетъ себя членомъ губернскаго правленія гр. Толстымъ; очень сердится, ревизуетъ книги, приказываетъ величать себя сіятельствомъ и требуетъ на завтра четверку лучшихъ лошадей. Ночь онъ провелъ у священника, очаровалъ его своей веселостью и любезнымъ обхожденіемъ, а на утро отправился въ с. Оедоровку, предварительно запасшись прекрасной шубой хозяина, такъ какъ было довольно холодно.

По дорогѣ онъ остановился на Ташенакскихъ хуторахъ, гдѣ открылъ свою главную квартиру и отсюда дѣлалъ весьма плодотвор-

*) «Вятскій Край», № 87, 1895.

ныя экскурсіи по окрестнымъ помѣщикамъ-нѣмцамъ. Онъ осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ и г. Шредера, и г. Фризена, и г. Реймера, и г. Мартинса. Здѣсь онъ—чиновникъ губернскаго правленія, развѣзжающій для сбора новаго «дополнительнаго сбора» за рабочихъ, установленнаго въ размѣрѣ 1 р. 80 к. съ человѣка, и, кромѣ того, обязанъ также собрать штрафныя деньги по 7 рублей, за отсутствіе у нанимателей «новыхъ договорныхъ листковъ». Общій результатъ объѣзда гг. землевладѣльцевъ нѣмецкаго происхожденія въ этой мѣстности достигъ цифры въ 310 рублей. Кромѣ того, въ экономіи г. Шредера онъ узналъ о существованіи учителя штундиста, котораго приказалъ «удалить въ 24 часа и предать въ руки жандармской власти». Только полное отсутствіе полицейскихъ заставило его отсрочить грозную мѣру впредь до присылки изъ города «особаго предписанія». За то поселянамъ-собственникамъ, какъ людямъ вполне благонамѣреннымъ, онъ счелъ возможнымъ выдать на бланкахъ городской управы «вѣчные паспорта», подписавъ ихъ: «за голову—графъ Толстой». Ямщикъ опять получилъ щедрую плату таконами — на бланкахъ взаимнаго кредита, послѣ чего, на четверкѣ съ колокольчикомъ, въ поповской теплой шубѣ, строгое не справедливое начальство прослѣдовало съ Ташенакскихъ хуторовъ въ с. Оедоровку. Здѣсь послѣдовала новая строжайшая ревизія, и староста попалъ подъ арестъ за разныя упущенія, въ томъ числѣ за держаніе у себя общественныхъ денегъ, свыше 200 руб. Поправляя этотъ безпорядокъ, графъ Толстой оставилъ въ волостномъ правленіи только 20 р., а остальные принялъ на храненіе самъ. Новый талонъ отъ общества взаимнаго кредита, новая четверка лошадей, и графъ направляется въ новую деревню, носящую многозначительное и заманчивое имя: слобода «Терпѣніе». Однако, по дорогѣ къ этому «Терпѣнію», въ припадкѣ благоразумія и довольный результатами первой ревизіи, графъ Толстой рѣшаетъ не искушать болѣе судьбу въ этихъ мѣстахъ и сворачиваетъ къ ближайшей станціи жел. дороги. Пассажирскаго поѣзда ждать долго, но это ничего. Здѣсь онъ уже врачъ, а врачамъ можно ѣздить и на товарныхъ. Молодой человѣкъ исчезаетъ съ ближайшимъ товарнымъ поѣздомъ. Когда же, долгое время спустя, къ станціи пріѣхали, по слѣдамъ графа-ревизора, полицейскія власти Мелитопольскаго уѣзда, то они нашли лишь, невдалекѣ отъ полотна жел. дороги, связку еще не использованныхъ бланковъ (не исключая и общества взаимнаго кредита), а также строгое предписаніе объ арестѣ ташенакскаго учителя, за подписью: «Чиновникъ губернскаго правленія графъ Толстой». Самъ же самозванецъ въ это время уже «перекинулся» въ Астраханскую губернію, гдѣ открылъ кампанію съ новыми окнами.

Въ предѣлахъ этой губерніи появляется нѣкто, именующій себя графомъ Гендриковымъ. Онъ выдаетъ себя то ревизоромъ, то «экстренно командированной высокой особой для закупки кир-

гизскихъ лошадей». Его престижъ поддерживается непрестанно на должной высотѣ, во 1-хъ, строгостью по отношенію къ мелкимъ «властямъ», во 2-хъ, приѣмомъ прошеній и резолюціями на нихъ, но еще болѣе великолѣпными барскими манерами. Было, между прочимъ, замѣчено, что проѣзжіи графъ въ дорогѣ умывается одеслономъ. Какому-то уряднику и даже становому графъ милостиво разрѣшалъ шестимѣсячный отпускъ, другого облакалъ и обѣщалъ повысить въ должности. Одинъ изъ случайныхъ спутниковъ самозванца былъ введенъ въ недоумѣніе столь широкими предѣлами власти. На это, однако, графъ таинственно замѣтилъ собесѣднику, что, въ сущности, онъ ѣдетъ управлять губерніей (такъ какъ настоящій губернаторъ уже не вернется), но пока считаетъ излишнимъ открываться, — чтобы такимъ образомъ лучше ознакомиться съ состояніемъ «вѣреннаго ему края». Спутникъ, какъ оказалось впоследствии, всетаки продолжалъ колебаться, — но тутъ ему пришлось встрѣтиться съ недоумѣніемъ уже съ другой стороны: передъ графомъ, дѣйствительно, все трепетало, графа, дѣйствительно, встрѣчали въ селахъ чуть не съ колокольнымъ звономъ. «Даже по пріѣздѣ въ города, мѣста, какъ можно было думать, лучше укрѣпленные противъ самозванца, — графъ на глазахъ у сомнѣвающагося — оставался окруженнымъ тѣмъ-же почетомъ» *).

16 марта самозванецъ появился въ Черномъ Яру. Въ его подорожной значилось, что онъ «гофмейстеръ двора Его Императорскаго Величества графъ Владиміръ Владиміровичъ Гендриковъ». Само собою разумѣется, — говоритъ корреспондентъ «Волжскаго Вѣстника», у котораго мы заимствуемъ нижеслѣдующій эпизодъ **), — что появленіе такой «особы» въ захолустьи Черномъ Ярѣ вызвало цѣлую сенсацию, и черномырскій исправникъ, по заведенному порядку, тотчасъ-же извѣстилъ о предстоящемъ проѣздѣ исправника еностаевского, который и приготовился къ подобающей встрѣчѣ. Графъ любезно принимаетъ приглашеніе ужинать въ домѣ исправника. За ужиномъ его сіятельство не удержался и сталъ нѣсколько заговариваться. И точь въ точь, какъ у Гоголя, — въ головѣ г. исправника страхъ борется съ сомнѣніемъ: если тутъ хоть половина правды, — и то Господи помилуй! Исправникъ рѣшается проводить графа Гендрикова до Астрахани, гдѣ очередь для мучительныхъ сомнѣній падаетъ на долю астраханскаго полиціймейстера. Наконецъ, въ Астрахани рѣшились спросить у графа видъ. Самозванецъ пытался сначала ограничиться подорожной на имя «гофмейстера двора Его Императорскаго Величества графа Гендрикова». Когда, однако, приставъ, по порученію полиціймейстера, рѣшился настойчиво потребовать самый паспортъ (представляю себя въ это время душевное настроеніе г-на пристава), — то паспортъ

*) «Волгарь», 3 Апр. 1894, № 76.

**) «Волжскій Вѣстникъ», 1894, № 85.

былъ предъявленъ. По странному недоразумѣнію, въ немъ графъ Гендриковъ именовался «отставнымъ штабъ-ротмистромъ графомъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ Толстымъ». Послѣ этого пошли запросы въ Симферополь и другія мѣста, а самозванецъ успѣлъ еще разъ скрыться *). Я очень хорошо помню глубокій интересъ, который онъ возбуждалъ въ это время въ поволжской прессѣ. Появится, обревизуетъ, уѣдетъ. Тогда власти спохватываются, а самозванецъ уже въ другомъ мѣстѣ, опять ревизуетъ, опять пушить и опять взымаетъ «въ установленномъ порядкѣ». Я помню, какъ, послѣ ревизіи въ какомъ-то небольшомъ городѣ, кажется, Черномъ Яру, — извѣстный въ Поволжьи фельетонистъ, г. Миролюбовъ, писалъ: «есть основаніе предполагать, что самозванецъ, преслѣдуемый по пятамъ, перебросился за Волгу и кинулся къ Узенимъ»... Пристава Книшпизъ и Кожеловскій нагнали его гдѣ-то въ уѣздѣ.

Судили самозванца въ Симферополѣ, вѣроятно, по мѣсту совершенія первыхъ подвиговъ, изъ которыхъ мы здѣсь не перечислили и половины. Онъ призналъ себя виновнымъ во всемъ, но, тѣмъ не менѣе, просилъ произвести судебное слѣдствіе, вѣроятно, въ интересахъ исторической точности. Передъ судомъ прошелъ цѣлый рядъ потерпѣвшихъ: «должностныя лица, деревенскіе грамотѣи, писаря, священники, типографы, нѣмцы-помѣщики. Всѣ они, — восклицаетъ корреспондентъ «Волгара», — дали себя одурачить молодому чело-вѣку, у котораго не оказалось даже вида на жительство».

Теперь они развернули передъ судомъ, изумляясь сами, обычную картину російскаго ослѣпленія передъ фантомомъ «сильной власти». Ташенакскій почто-содержатель показалъ, что, когда онъ потребовалъ прогонный листъ, то графъ обругалъ его (послѣ чего онъ, разумѣется, успокоился). Затѣмъ графъ смиловивился, «снисходя къ его бѣдственному положенію» и обѣщали тысячу рублей на обзаведеніе хорошими лошадьми.

— И далъ вамъ деньги? — спрашиваетъ товарищъ прокурора.

— Талонъ выдали на бланкѣ общества взаимнаго кредита и сказали: ѣзжай въ общественный банкъ, тамъ получишь деньги.

— Показывали вы этотъ талонъ въ банкѣ?

Свидѣтель (со вздохомъ): показывалъ.

— А говорилъ вамъ графъ: «Я Толстой, хоть и тонкій»?

— Говорили-съ, а я отвѣчаю: «ничего, ваше сіятельство, вы еще молоды, погода растолстѣе».

Изъ свидѣтелей землевладѣльцевъ одинъ только ничего не заплатилъ графу; послѣдній угрожалъ, называлъ себя даже вице-губернаторомъ, но герой устоялъ. Впрочемъ, онъ былъ нѣмецъ, и имя его Гомеръ.

Многіе предъявили выданные имъ графомъ болѣе или менѣе удобные и льготные документы, оригинальный текстъ которыхъ ранѣе

*) «Волгарь», 1894, № 76.

не обратить ничего вниманія. Вотъ одинъ изъ нихъ: «Дано сіе Василю Ивановичу Мартенсу отъ купеческой городской управы въ томъ, что ему, Мартенсу, изъ менонитовъ, разрѣшается проживать всюду, *идѣ евреямъ жить дозволено*. За голову—графъ Толстой».

Свое послѣднее слово къ присяжнымъ подсудимый, по словамъ отчетовъ, произнесъ тихо, кратко и плавно. Онъ говорилъ о томъ, что выстрадалъ въ одиночномъ заключеніи, какъ онъ пробирался пѣшкомъ изъ Симферополя, какъ при этомъ бѣдствовалъ... «Я продалъ кольцо—говорилъ онъ не безъ драматизма... Вы догадываетесь, что это кольцо было обручальное». «Одинокій, оторванный отъ близкихъ и родныхъ, безпомощный, усталый, тутъ-то я вспомнилъ, господа присяжные, о существованіи въ мелитопольскомъ уѣздѣ упомянутыхъ землевладѣльцевъ-нѣмцевъ... Что значить для нихъ эти нѣсколько рублей» *)...

Газеты очень сурово характеризовали злополучнаго ревизора. Его рѣчь на судѣ репортеры снабдили язвительными комментаріями, его душевныя свойства они рисуютъ самыми мрачными красками, каждую его неудачу въ трудной борьбѣ съ очнувшейся полиціей сопровождаютъ восклицаніями восторга. Гг. судебные репортеры вообще—народъ скептическій и строгій. «Разсказываютъ еще, — пишетъ одинъ изъ нихъ, — что «графъ» ссылается будто-бы на свою болѣзнь—манію величія, находящую на него отъ времени до времени. Болѣзнь-же, —иронически прибавляетъ репортеръ,—и есть причина всего настрапаннаго имъ. Такъ, во время посѣтившаго меня болѣзненнаго припадка, —говорилъ будто-бы «графъ», —я и обревизовалъ севастопольскую желѣзную дорогу. Хотя я и былъ накрытъ, но нѣтъ худа безъ добра: послѣ моей ревизіи назначили настоящую и открыли много злоупотребленій. Вотъ теперь моя болѣзнь прошла, и я уже не чувствую себя ни графомъ, ни гофмейстеромъ, ни ревизоромъ, а тѣмъ, что я есть». «Не мудрено почувствовать это, — язвительно комментируетъ авторъ (прекрасной, впрочемъ), корреспонденціи, —такъ какъ мнимый графъ переведенъ уже изъ камеры въ тюрьму. «Присяжные признали его виновнымъ; приговоромъ суда сынъ надворнаго совѣтника Владиміръ Владиміровичъ Раменскій лишенъ особыхъ правъ и сосланъ въ Пермскую губернію на 2 года.

Однако, если вы полагаете, что на этомъ карьера гениальнѣйшаго изъ ревизоровъ кончена, —то вы сильно ошибетесь. Повѣрить-ли читатель, что, уже съ мѣста ссылки, Раменскій обревизуетъ еще четыре уѣзда? А между тѣмъ это такъ!

«Графъ Толстой-Гендриковъ», —(пишутъ въ «Вятскомъ краѣ»), изъ Сарапульскаго уѣзда, близкаго къ Пермской губерніи), —осчастливилъ и нашъ уѣздъ своей ревизіей». Случилось это слѣдующимъ образомъ. Во 1-хъ, Раменскій двѣ недѣли пилъ безъ просыпу, послѣ чего съ нимъ случился припадокъ *mania-grandiosa* (на этотъ разъ уже болѣзнь не

*) «Волгарь», 1894, № 98.

отрицается). Въ такомъ настроеніи, среди бѣлаго дня онъ выѣхалъ изъ Кунгура (мѣста своей ссылки), «на глазахъ у всей почтенной кунгурской полиціи (?), на парѣ почтовыхъ лошадей и по очереди обревизовалъ, въ качествѣ инспектора какого-то фантастическаго вѣдомства, разные учрежденія, начиная съ волостныхъ правленій и кончая чуть-ли не рѣчной полиціей и лѣснымъ вѣдомствомъ. Обревизовавъ, такимъ образомъ, по очереди кунгурскій, осинскій и оханскій уѣзды, ревизоръ нашелъ, что дальнѣйшаго вниманія эта губернія не заслуживаетъ (очевидно, — саркастически прибавляетъ корреспондентъ, — что прекрасные пути сообщенія Пермской губерніи не подѣ силу даже такому рьяному ревизору, какъ г. Раменскій). И такъ, покончивъ съ Пермской губерніей, ревизоръ направился въ смежный сарапульскій уѣздъ. Проѣхавъ его почти насквозь и собравъ по дорогѣ съ селеній Осотово и Котово надлежащую дань, г. инспекторъ, по стеченію несчастныхъ для него обстоятельствъ, былъ задержанъ въ с. Колесниковѣ» *).

Передъ самымъ задержаніемъ, онъ принялъ значительную дозу морфія и кристаллизованной карболовой кислоты. Только благодаря энергическимъ усиліямъ караулинскаго земскаго врача, знаменитый ревизоръ возвращенъ къ жизни, но для насъ, всетаки, этотъ послѣдній эпизодъ освѣщаетъ ту глубину адской тоски, которая царила въ душѣ этого талантливаго героя, повидимому, столь веселой комедіи.

Теперь представьте только себѣ по возможности ясно эту бѣшеную скачку полусумасшедшаго маніака власти, представьте также эти безотвѣтные четыре уѣзда, лежащіе передъ нимъ въ беззащитной готовности принять его съ почею и данью, и вы, быть можетъ, согласитесь со мной, что это явленіе глубоко-знаменательное, дающее и помнитъ еще живой матеріалъ не для одной лишь комедіи, а и для мрачной трагедіи нашихъ нравовъ.

Теперь, читатель, подведемъ итоги.

Выше я пытался наметить основныя черты психологіи злополучнаго російскаго самозванца. Исторія намъ дала Гришку Отрепьева и Пугачева, а за ними, въ туманѣ прошлаго, въ пыли приказныхъ архивовъ, въ отрывкахъ поволжскихъ преданій теряются второ и третьестепенныя фигуры всѣхъ этихъ Богомолыхъ и Пугачевыхъ копій, которыя составляли предтечу или эпигоновъ крупнаго историческаго движенія. Современность же доставила намъ всю эту, какъ видите, неисчислимую стаю Хинелевыхъ, Покровскихъ, Раменскихъ и безчисленнаго количества имъ подобныхъ, ихъ-же имена ты Господи вѣси. «Сколько ихъ и что ихъ гонитъ» — невольно возникаетъ тревожный вопросъ, когда, ошеломленный, созерцаешь въ общемъ сборѣ эту почти невѣроятную коллекцію русскихъ оборотней, стремящихся содречь съ себя собственную личность,

* «Вятскій край», 28 сент. 1895 г., № 87.
№ 2. Октябрь II.

собственные «права состоянія» и облечься въ чужую личность, въ чужое имя и въ непринадлежащее званіе... Ближайшее знакомство съ нѣкоторыми изъ этихъ субъектовъ, а также художественные образы, данные литературой, позволяютъ отчасти отвѣтить на этотъ вопросъ.

«Ну, посмотри ты на себя, подумай только, что ты!—Вѣдь ты нуль, болѣе ничего!—говорить бѣдному Поприщину начальникъ отдѣленія... Взгляни хоть въ зеркало, на свое лицо»... И Поприщину навѣрное долго глядѣлъ въ зеркало, и много, много горькихъ мыслей, самыхъ уничижающихъ, проникнутыхъ горечью и стыдомъ собственного существованія, прошло въ головѣ бѣднаго титулярнаго совѣтника прежде, чѣмъ онъ, на удивленіе тому-же начальнику отдѣленія и всѣмъ остальнымъ титулярнымъ совѣтикамъ,—росчеркнулся на рапортѣ: Фердинандъ VIII!

Глядѣлся въ зеркало и Голядкинъ, Яковъ Петровичъ*), прежде чѣмъ сѣсть въ голубую карету и, съ ливрейнымъ лакеемъ на запяткахъ, отправиться съ визитами по статскимъ совѣтикамъ и генераламъ. А до этого сколько муки и жгучихъ сомнѣній, сколько стыда собственного существованія, сколько самоотрицанія! Вотъ встрѣча съ Андреемъ Филипповичемъ, который узнаетъ сидящаго въ голубой каретѣ титулярнаго совѣтника изъ собственной канцеляріи. «Господинъ Голядкинъ, вида, что Андрей Филипповичъ узналъ его совершенно, что глядитъ во всѣ глаза и что спрятаться невозможно,—покраснѣлъ до ушей. Поклониться или нѣтъ, отозваться или нѣтъ? Признаться или нѣтъ? думалъ въ невыносимой тоскѣ нашъ герой, или *прикинуться, что не я*, а что кто-то другой, разитель-но схожій со мною, и смотрѣть, какъ ни въ чемъ не бывало. *Именно не я,—не я да и только!*—говорилъ господинъ Голядкинъ, снимая въ то-же время шляпу передъ Андреемъ Филипповичемъ и не сводя съ него глазъ. «Я, я ничего,—шепталъ онъ черезъ силу,—я, я совсѣмъ ничего, это вовсе не я, Андрей Филипповичъ, не я да и только». И все это оттого, что въ званіи титулярнаго совѣтника Голядкина, который, какъ и Поприщину чувствуетъ себя «нулемъ и больше ничего»—сидятъ уже два человека. Одинъ, одержимый стыдомъ собственного существованія до предѣловъ самой жгучей тоски и отчаянія, напрасно мечтающій о томъ, что *и онъ, какъ есть*. что и въ немъ такая-же человѣческая личность, но въ сущности всегда готовый отказаться отъ нея, «не быть, провалиться сквозь землю»,—сблизить до невозможнаго кругъ своего бытія, и другой, уже зарождающійся въ этомъ ничтожествѣ, какъ прямая ему противоположность, имѣющій «странную претензію и неблагородное фантастическое желаніе, вытѣснять другихъ изъ предѣловъ, занимаемыхъ ими другими своимъ бытіемъ въ этомъ мірѣ».

*) «Двойникъ» Достоевскаго. Дальнѣйшія цитаты дѣлаю по второму изд. Стелловскаго.

Докторъ медицины и хирургіи Крестьянъ Ивановичъ Рутеншипицъ полагаетъ, что Якову Петровичу нужны только развлечения: «ну, тамъ, друзей и знакомыхъ посѣщать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бутылки врагомъ не бывать, равномерно держаться веселой компаніи», и тогда дѣло можно поправить. Но Яковъ Петровичъ съ глубокой тоской сознаетъ, что этотъ докторъ «глупъ, крайне глупъ, глупъ какъ бревно». Ибо ему, Якову Петровичу недостаетъ не бутылки, а собственной личности... Онъ утѣшаетъ себя, «что онъ, какъ и всѣ, что онъ у себя, что развлечения у него, какъ у всѣхъ... Что онъ, сколько ему кажется, не хуже другихъ, что онъ живетъ дома, у себя на квартирѣ и что, наконецъ, у него есть Петрушка».... «Я себя особо, и сколько мнѣ кажется, ни отъ кого не завишу... Я Крестьянъ Ивановичъ, тоже гулять выхожу».

Вы видите, съ какой страшной тоской мечется потерявшійся человѣкъ, чтобы розыскать признаки своей личности, съ обычными свойствами личностей, «какъ у всѣхъ». У него и квартира, и даже Петрушка, онъ можетъ ѣздить въ театръ, онъ пріѣхалъ сюда въ голубой каретѣ, онъ, онъ даже гулять ходитъ... И всетаки сознание, что онъ «не какъ воѣ», страшно угнетаетъ злополучнаго Поприщина-Голядкина «до послѣдней степени агоніи». Онъ даже къ доктору поднялся съ страшными колебаніями и сомнѣніями: имѣетъ ли онъ право беспокоить Крестьяна Ивановича своей ничтожной особой. «Такъ-ли, впрочемъ, будетъ все это? Прилично-ли будетъ? Кстатили будетъ? Впрочемъ, вѣдь что-же?—продолжаетъ онъ, переводя духъ и сдерживая біенія своего сердца, имѣвшаго у него привычку биться на всѣхъ чужихъ лѣстницахъ». И онъ желаетъ «убѣжать отъ себя, даже и совсѣмъ уничтожиться, не быть, въ прахъ обратиться»...

Эта страшная тоска, сопровождающая потерю личности,—гонитъ бѣднаго Голядкина и въ голубую карету, въ которой онъ старается, однако, сдѣлать видъ, что это не онъ, и къ доктору, который рекомендуетъ ему глупую бутылку, и на вечеръ къ статскому совѣтнику Олсуфію Ивановичу Берендѣеву, откуда его выводятъ съ такимъ уничтожающимъ позоромъ... Въ героѣ Достоевскаго мы имѣемъ замѣчательно полный образъ этой болѣзни личности, которую смѣло можно признать нашей національной болѣзнью. Волѣе благодушный юморъ Гоголя беретъ Поприщина въ періодѣ уже начинающагося великолѣпія. Нуль уже пересталъ быть нулемъ въ собственномъ мнѣніи, когда мы знакомимся съ Поприщинымъ. Онъ уже и французовъ собирается пересѣчь поголовно, и за генеральской дочкой довольно рѣшительно волочитъ. Онъ уже прошелъ тотъ періодъ глубокой тоски, когда еще не полученъ отвѣтъ на вопросъ: «отчего я только титулярный совѣтникъ, и съ какой стати я титулярный совѣтникъ». Онъ уже отвѣтилъ себѣ: «можетъ быть, я какойнибудь графъ или генералъ, а только кажусь себѣ титулярнымъ совѣтникомъ. Можетъ быть, я самъ не знаю, кто я таковъ. Вѣдь

сколько примѣровъ бывало по исторіи: какой нибудь простой, не то уже, чтобы дворянинъ, а просто какой нибудь мѣщанинъ или даже крестьянинъ — и вдругъ отерывается, что онъ какой нибудь вельможа или баронъ, или какъ его! Когда изъ мужика, да вдругъ выходить такое, — что же изъ дворянина можетъ выйти! Однимъ словомъ, — Поприщинъ слишкомъ уже сияетъ великолѣпнѣе, чтобы видѣть на немъ тотъ унижительный и разъдающій душевный процессъ, которымъ страдаетъ «человѣкъ-нуль». Онъ самозванецъ простѣйшаго типа, изъ нуля превращающійся въ Фердинанда VIII и объявляющій о томъ всенародно.

Герой Достоевскаго гораздо сложнѣе. Съ обычной своей безпощадностью суровый поэтъ «униженныхъ и оскорбленныхъ» заставляетъ насъ присутствовать при всѣхъ мучительнѣйшихъ стадіяхъ этого процесса, когда послѣдняя степень униженія, стыдъ собственного существованія разъдаетъ и поглощаетъ живого, чувствующаго, барахтающагося человѣка. Исторія усложняется еще совершенно исключительнымъ мотивомъ: какъ натура, лишенная всякой непосредственности, Голядкинъ и въ самозванствѣ не можетъ быть цѣльнымъ: изболѣвшая личность раскалывается на двѣ. Самозванцемъ является не весь Яковъ Петровичъ, а только его мечтающая и заносющаяся половина. Яковъ Петровичъ старшій, Яковъ Петровичъ добродѣтельный, весьма осуждаетъ самозванство Якова Петровича младшаго, безнравственнаго и неблагонамѣреннаго. «Самозванство, сударь вы мой, — говоритъ онъ своему двойнику, — самозванство и безстыдство не къ добру приводятъ, а до петли доводить. Гришка Отрепьевъ только одинъ, сударь вы мой, взялъ самозванствомъ, обманувъ слѣпой народъ, да и то не надолго»... «Самозванецъ, сударь вы мой, человѣкъ, того, бесполезный и пользы отечеству не приносящій». Но зловредная половина Якова Петровича, отколовшаяся отъ него самого, — не слушаетъ этихъ резонновъ, а за нерѣшительность и недѣятельность характера мститъ злополучному титулярному совѣтнику самымъ ужаснымъ образомъ. Самозванственный фантомъ, выросшій въ глубинѣ загнанной и затоптанной личности — прежде всего обрушивается на собственную душу злополучнаго человѣка. Присвоивъ себѣ всѣ черты, дающія силу и значеніе личности въ канцелярской средѣ, — «двойникъ» вытѣсняетъ самаго Якова Петровича съ его дороги «изъ круга его бытія», совершенно и безъ остатка поглощаетъ его личность. Среди этого кошмара, въ жгучемъ бреду безумныхъ ночей, наполненныхъ борьбою съ призракомъ, выросшимъ изъ самой глубины затоптанной личности, титулярный совѣтникъ переживаетъ тоску «послѣдней степени агоніи», въ которой истаетъ и умираетъ его сознаніе...

Съ внѣшней и, пожалуй, съ общественной стороны Хлестаковъ всего полнѣе воплощаетъ исторію нашихъ современныхъ самозванцевъ: пріѣхалъ, обревизовать, получилъ со всего одураченнаго города «дополнительные сборы», устроилъ апопексозъ російской ду-

рашливости, а самъ весело заливается на отличнѣйшей тройкѣ и сочиняетъ письма къ другу Трапичкину. Вотъ почему — во всѣхъ, приводившихся выше газетныхъ выдержкахъ, репортеры всего чаще упоминаютъ имя Хлестакова: «Новый Хлестаковъ», «Хлестаковъ въ юбкѣ», «Хлестаковъ на фастовской желѣзной дорогѣ», «Хлестаковъ въ Астрахани». По этой же причинѣ газетные репортеры такъ сурово, можно даже сказать — такъ страстно относятся къ «самозваннымъ ревизорамъ», преслѣдуя ихъ самыми язвительными оборотами своего стиля, не допуская даже и мысли о какомъ бы то ни было искреннемъ движеніи ихъ души, о какомъ бы то ни было ихъ собственномъ страданіи, о какой бы то ни было болѣзни, разстройствѣ, афектѣ. Какая, помилюте, болѣзнь у беззаботнаго Хлестакова, производящаго комедіи ревизорства по русскійскимъ градамъ и весямъ! Прибавьте затѣмъ, что всѣ эти Раменскіе, Покровскіе и Хинелевы всегда «въ дорогѣ случайно поиздержались» и взимаютъ «дополнительные сборы» — и образъ веселаго, безпечнаго и притомъ довольно хищнаго эксплуататора чужой глупости, — повидимому, готовъ воплотиться.

Мы видѣли, однако, что дѣйствительность значительно сложнее. Нервность, набожность и безпричинные слезы Карпухина-Покровскаго, самоубійство гениальнѣйшаго изъ ревизоровъ Раменскаго-Гендрикова - Толстаго, исполненная бѣдствій жизнь, проблематическое происхожденіе, болѣе чѣмъ вѣроятная «тоска, близкая къ агоніи» всѣхъ этихъ въ сущности весьма злополучныхъ субъектовъ, — заставляютъ насъ искать ихъ психологію гораздо ближе къ сложному душевному состоянію Голядкина, — чѣмъ къ простому настроенію веселаго и хищнаго Хлестакова.

Болѣзнь русской личности, ея слабость, неопредѣленность предѣловъ, «занимаемыхъ» — по выраженію Голядкина — ея бытіемъ, легкость, съ какой она и изъ этого круга вытѣсняется — вотъ, кажется, основная черта болѣзни самозванства въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее здѣсь рассматривали, исключивъ простѣйшіе случаи элементарнаго мошенничества. Выражаясь извѣстнѣе въ «присвоеніи не принадлежащаго званія» и «подлогѣ документовъ», внутри она знаменуется значительной расшатанностію нервной системы, нерѣдко жгучей и разъѣдающей болью души, отравленной сознаніемъ личнаго ничтожества и легко впадающей въ самую фантастическую реакцію, достигающую (у Раменскаго) предѣловъ маіи величія.

Въ разсказѣ Достоевскаго этотъ идѣ, отравляющій многія русскія души — данъ въ ужасающе-концентрированномъ видѣ: онъ убиваетъ человѣка на глазахъ быстро и безповоротно. Въ жизни, разумѣется, мы видимъ его дѣйствіе въ различныхъ, смягченныхъ или осложненныхъ формахъ. Рефлектирующій и совершенно слабый Голядкинъ изнываетъ одиноко, во внутренней борьбѣ, какъ червякъ на пыльной дорогѣ. **Болѣе дѣятельныя и сильныя натуры Карпухиныхъ и Раменскихъ заставляютъ ихъ метаться по свѣту, испы-**

тывать самые диковинные приключения, доставлять массу хлопот начальству и обывателямъ. Но они отравлены тѣмъ-же ядомъ. Это Голядкины съ темпераментомъ Поприщина, достаточно практичны для того, чтобы въ Россіи не посягать на испанскій престолъ и довольствоваться болѣе ообразнымъ съ географическимъ положеніемъ страны званіемъ князя, графа, губернатора или, наконецъ, «тайнаго агента»...

Однако, если фигуры Поприщина и особенно Голядкина всего полнѣе рисуютъ передъ нами типическую психологію современнаго русскаго «самозванца гражданскаго вѣдомства», отразившаго на себѣ и тѣни крѣпостнаго права въ прошломъ, и параграфы паспортнаго устава, и табели о рангахъ въ настоящемъ,—то гениальная комедія Гоголя, безъ сомнѣнія, до сихъ поръ еще остается совершенно живымъ выраженіемъ общественной стороны «самозванства» и въ этомъ смыслѣ является истинно національной комедіей нашихъ нравовъ. Голядкинъ стораецъ въ одиночествѣ, Поприщинъ тоже быстро попадаетъ въ домъ сумасшедшихъ. И только одинъ Хлестаковъ, хотя и пассивно, хотя и случайно выноситъ самозванство на арену общественной дѣятельности, показываетъ намъ его, какъ общественную силу. И мы видимъ, что его исторія въ тысячахъ живыхъ снимковъ повторяется ежегодно, ежемѣсячно, чуть не еженедѣльно по всему лицу русской земли, не смотря на то, что земля эта ушла болѣе чѣмъ на полстолѣтія отъ появленія Сквозника-Дмухановскаго и Хлестакова, Земляники и Держиморды передъ смѣющимися зрителями. Да, болѣе полустолѣтія мудрый городничій обращается къ намъ, русскимъ людямъ со своимъ: «чему смѣетесь, надъ собой смѣетесь» — и нужно сказать, обращается все съ тѣмъ-же правомъ.

Дѣло въ томъ, что двѣ стороны этой медали связаны очень тѣсно: гдѣ есть «ревизоры», тамъ, очевидно, есть и ревизируемые, а это значитъ, что ядъ, отравляющій Голядкиныхъ и Поприщинныхъ—разлитъ въ нашей атмосферѣ, что имъ отравлены и мы съ вами, читатель, и наши съ вами добрые знакомые. Мы смѣемся въ театрѣ—а въ это время за нами уже стоитъ свой Раменскій, готовый обревизовать насъ въ свою очередь. Инженеръ Павловскій, быть можетъ, самъ смѣялся надъ эпизодомъ съ самозванцами въ самарскомъ судѣ, когда везъ, въ даровомъ купѣ, самозванца князя Ширинскаго-Шихматова. Мѣщанинъ Хинелевъ изгибается передъ околodочнымъ Прохоровымъ, забывъ, что онъ князь Королько; но личность околodочнаго Прохорова только-что умалилась при видѣ однихъ только визитныхъ карточекъ «графинь, князей и инженеровъ». Раменскаго судятъ и, навѣрное, многіе хохочутъ въ судѣ,—но еще недавно полиціймейстеръ угощалъ его обѣдами, а за паспортомъ посылалъ частнаго пристава. И приставъ, вѣроятно, дрожалъ и говорилъ: «А-ва-ва-ва»..., — какъ Сквозникъ-Дмухановскій, не смотря на то, что онъ въ кругѣ своего officialнаго бытія

исполнять лишь обязанность «не взирая на лица». Не поразительно-ли, что даже тогда, когда мнимый Гендриковъ предъявляетъ подложный паспортъ мнимаго штабсъ-ротмистра Толстаго,—обаяніе мнимаго гофмейстерскаго званія такъ велико, что самозванцу все-таки даютъ уѣхать свободно изъ города, и лишь послѣ этого начинается чисто фантастическая погоня по уѣздамъ. За нимъ гонятся, о немъ пишутъ въ газетахъ, а онъ несется впередъ и все ревируетъ и ревируетъ—злополучный Фердинандъ VIII злополучныхъ російскихъ титулярныхъ совѣтниковъ Голядкиныхъ...

Что-же съ этимъ дѣлать?

Увы! Я боюсь уподобиться доктору медицины и хирургіи Крестьяну Ивановичу Рутеншицу и многимъ современнымъ Крестьянамъ Ивановичамъ Рутеншицамъ, полагающимъ, что въ совѣтахъ «бывать» или «не бывать врагомъ бутылки» и тому подобныхъ отдѣльныхъ панацеевъ лежитъ полное исцѣленіе отъ застарѣлой болѣзни злополучнаго російскаго Голядкина. Поэтому я не стану вдаваться въ вопросы терапіи и, поставивъ посильный діагнозъ болѣзни,—остановлю вниманіе читателя на одной лишь общественной чертѣ даннаго явленія.

Мы видѣли, что, съ одной стороны, «кругъ бытія» бѣднаго Голядкина является совершенно неопредѣленнымъ, и онъ всегда можетъ быть изъ него вытѣсненъ. Съ другой стороны, когда у того-же Голядкина хватить рѣшимости Поприщина и практичности Хлестакова или Раменскаго,—то онъ оказывается немедленно въ другомъ неопредѣленномъ, но уже фантастически, почти волшебномъ расширенномъ кругѣ. Прежде онъ не зналъ предѣловъ своего права, теперь сразу исчезаютъ предѣлы права чужого...

Эта неопредѣленность происхожденія и предѣловъ власти, которой облачается Хлестаковъ и Поприщинъ во второмъ періодѣ своего существованія, составляетъ основную общественную черту явленія, сопровождающую его и въ исторіи, и въ современной дѣйствительности. Уже правительства Елизаветы и Екатерины—особенно послѣ пугачевского бунта—сознавали страшную опасность, которую злоупотребленіе властію со стороны мелкихъ ея агентовъ вносило въ безправную среду. Оно избобрѣтало формы бумагъ, въ которыхъ строго воспрещались всякія излишества власти: «А будучи тебѣ въ той присяжной должности,—писали тогда въ «доѣздныхъ листахъ» и всякихъ инструкціяхъ,—поступать по указамъ и никому никакихъ обидъ, притѣсненій и приметокъ не чинить и взяткамъ не касатца, подъ опасеніемъ жестокаго по законамъ истязанія». Въ билетахъ, выдаваемыхъ судопромышленникамъ, очень точно опредѣлялись предѣлы правъ разныхъ властей и прописывались по адресу послѣднихъ угрозы «неотмѣннаго по законамъ штрафованія». Къ сожалѣнію, бумага оставалась бумагой, угрозы не пугали тогдашнихъ приказныхъ, и злоупотребленія властію со стороны разныхъ командъ породили на матушкѣ Волгѣ особый видъ чисто бытового самозванства, воплощ

органически сливавшегося съ разбоемъ. Кому не извѣстенъ знаменитый крикъ «Сарынь на кичку», теперь въ литературныхъ воспоминаніяхъ принявшій романтическій характеръ лозунга поволжской вольницы. Мы знаемъ, что стоило раздаться этому кличу съ «легкой лодочки» или стружка, и огромные караваны грузныхъ барокъ отдавались на волю теченія, «сарынь» (судорабочіе и бурлаки) кидалась на носъ судна («кичка») и смиренно лежала тамъ, пока удалцы распоряжались съ хозяевами, откупавшимися данью. Эти барки, плывущія по стрежню, мимо волжскихъ буераковъ, порой мимо селъ и деревень, глядѣвшихъ съ высоты береговыхъ обрывовъ, представляли тогда очень характерное зрѣлище: толпа русскихъ людей лежитъ ничкомъ «на кичкѣ», а небольшая кучка такихъ-же русскихъ людей самовластно распоряжается ихъ судьбой и имуществомъ. Величайшая трусость и низость, величайшая дерзость и смѣлость почти сказочная—обѣ противоположности сведены вмѣстѣ въ этой картинѣ, типической для матушки-Волги прошлаго вѣка.

И замѣчательно, что бурлакъ, сегодня покорно лежащій на кичкѣ, можетъ быть, еще недавно самъ подѣзжалъ въ легкой лодочкѣ съ тѣмъ-же властнымъ крикомъ. Гдѣ-же объясненіе страннаго парадокса?

Объясненіе просто: «сарынь на кичку» не есть волшебное заклинаніе. Это совершенно опредѣленное требованіе, чтобы «ребята» (судовая команда) вышли на носъ судна и тамъ ждали пассивно, не вмѣшиваясь въ то, что происходитъ. Если мы примемъ въ соображеніе, что съ этимъ приказомъ обращались не одни «удалые», но и многоразличныя «команды», являвшіяся для провѣрки «указныхъ пашпортовъ» и опасавшіяся сопротивленія безпашпортнаго судового сброда, то мы поймемъ все. Еще недавно въ поволжскихъ газетахъ печатались очень любопытныя воспоминанія поволжанина-старожила. Онъ говоритъ, между прочимъ, что большіе караваны всего менѣе опасались разбойничьихъ нападеній на пустынныхъ волокахъ, вдали отъ населенныхъ мѣстъ, такъ какъ противъ открытаго нападенія у нихъ были пушки. Истинная опасность грозила всегда невдалекѣ отъ городовъ и пристаней, такъ какъ здѣсь разбойники являлись часто подъ видомъ начальства (вспомнимъ нашихъ «тайныхъ агентовъ» на Самарскомъ плесѣ *). Гр. Толстой, поволжскій писатель 40-хъ годовъ сообщаетъ въ свою очередь, что

*) «Волжскій Вѣстникъ», 1895, № 22. Взято изъ разсказовъ старика Барышниковъ, описанныхъ еще въ 1851 г. «Разбой, по его словамъ, происходили самымъ зауряднымъ образомъ. Пристаютъ лодка, влѣзаютъ на расшиву люди, требуютъ хованина или приказчика, идутъ къ казенкѣ и говорятъ, что они пришли съ обыскомъ. Атаманъ съ пуговицами, есаулъ съ бумагою, у гребцовъ ружья». «Не пустить на барку боязно, думаютъ и въ самомъ дѣлѣ начальство»... Официальный разбой, отмѣченный уже въ половинѣ нашего столѣтія, — произведенъ этимъ-же способомъ. Виновиннымъ оказался расысланный станового...

за то мелкія «гардеютныя команды» являлись иногда подъ видомъ разбойниковъ. И вотъ почему былъ особенно страшенъ крикъ «сарынь на кичку», и вотъ чѣмъ объясняется его чисто магическая сила. Это, конечно, совлекаетъ съ него романтическую, почти волшебную окраску—но за то дѣлаетъ его необыкновенно типичнымъ и поучительнымъ для бытовой исторіи прошлаго вѣка...**).

Теперь я попрошу читателя вернуться къ одной чертѣ изъ области вышеприведенныхъ примѣровъ, къ тому моменту взаимныхъ отношеній между мелитопольскимъ ямщикомъ и мелитопольскимъ «реvisorомъ», когда ямщикъ подходитъ къ «графу» съ просьбой показать «прогонный листъ», опредѣляющій эти отношенія «на законномъ основаніи». Не кажется-ли вамъ, что это эпизодъ почти центральный въ нашей комедіи: если ямщикъ настоятъ на своемъ правѣ,—похожденія Раменскаго кончены, ему не придется ни ревисовать, ни беспокоить высшее начальство нѣсколькихъ уѣздовъ и даже губерній, такъ какъ маленький человекъ своимъ законнымъ требованіемъ разоблачитъ его самозванство въ самомъ началѣ. Но Раменскій закричалъ и затопалъ — и маленький русскій человекъ отступилъ...

Не смѣйтесь надъ маленькимъ русскимъ человекомъ, потому что онъ можетъ отвѣтить вамъ такъ-же, какъ отвѣтила простодушная старуха въ эпизодѣ, который я поставилъ эпиграфомъ къ настоящему очерку:

— Ахъ, батюшка, нынче были трое я... и всѣ только топали на законное требованіе маленькаго русскаго человека. И вотъ почему маленькому русскому человеку не остается ничего болѣе, какъ сказать, подобно той-же старухѣ:

— Поѣзжай, батюшка, поѣзжай себѣ на адорыве!...

Да, я боюсь уподобиться почтенному Крестьяну Ивановичу Рутеншицу Достоевскаго и многимъ современнымъ Рутеншицамъ, но, даже рискуя этимъ уподобленіемъ, — не могу отказаться отъ одной чисто гигиенической мѣры, которая, думаю, имѣетъ нѣкоторое значеніе. Мнѣ кажется, именно, что—вооружить самаго хотя бы простаго и маленькаго русскаго человека законными средствами противъ всякаго «незаконнаго требованія», откуда-бы оно на него ни налетало,—значило-бы весьма значительно подорвать язву російскаго самозванства,—такъ какъ, повидимому, совершенно ясно, что самозванцу нѣтъ никакой надобности предъявлять требованія законныя.

Въ заключеніе, позволю себѣ повторить то, что уже говорилъ въ предыдущемъ очеркѣ, по поводу самозванцевъ «прозванія духовнаго».

*) Интересно, что этотъ видъ самозваннаго разбойничества встрѣчается еще и нынѣ на Кавказѣ. См. выпр. «Волжскій Вѣстн.» 1895, № 221, перепечатки изъ «Новаго Обозрѣнія»: «у всѣхъ сподвижниковъ разбойника Алія красные погоны, по формѣ чиновъ земской стражи.»

«Мы улыбаемся или даже лицемерно радуемся наивностям пророка Пети и его простодушных слушателей, мы смѣемся (прибавлю теперь) надъ похождениями Раменскихъ и всякихъ «тайныхъ» агентовъ, а между тѣмъ всюду, гдѣ общественный барометръ почему либо падаетъ слишкомъ быстро, и горизонтъ заволакивается тучами, мы видимъ, какіе еще кошмары способны вставать изъ глубины взволнованнаго народнаго моря. Въ лицѣ чистыхъ сердцемъ Петинекъ и Микитушекъ встаетъ передъ нами полное отрицаніе самыхъ основъ современной общественности. А за ними тянутся уже вереницы совсѣмъ нечистыхъ Михенчевыхъ и Инчинныхъ, старцевъ въ калошахъ по 1¹-, пуда, старцевъ съ клюками и веригами, всѣхъ этихъ самозванцевъ духовнаго прозванія, жадными глазами высматривающихъ, гдѣ вода помутнѣе и невѣжество поглубже. Прибавьте къ этому описанную выше болѣзнь суевѣрія гражданскаго, дополните картину фигурами этихъ тронувшихся Поприциныхъ, Раменскихъ, Толстыхъ, Хинелевыхъ и Гендриковыхъ, совершающихъ свою фантастическую скачку по безотвѣтнымъ уздамъ и сѣющихъ смуту и полную сбивчивость въ самомъ понятіи о всякой власти, и вы согласитесь, что это не только не смѣшно, но и очень серьезно. Согласитесь, быть можетъ, также, что самыя эти фигуры далеко не всегда главные виновники, а часто только жертвы общей всѣмъ намъ болѣзни, отмѣчающія для насъ ея симптомы.

«И вотъ почему, повторяю, прежде чѣмъ поставить точку, помимо всякихъ другихъ соображеній, необходимо пользоваться временемъ для того, чтобы не только изучать глубину этого невѣжества, но трезвымъ взглядомъ на явленія природы и на сущность общественныхъ и гражданскихъ отношеній, разлагать эти призраки всяческаго суевѣрія»...

Вл. Короленко.

Дневникъ журналиста.

I.

Пятнадцатый годъ издается въ Петербургѣ ежемѣсячный журналъ «Наблюдатель». Его редакторъ-издатель А. П. Пятковский имѣетъ нѣкоторыя литературныя заслуги. Историко-литературныя статьи г. Пятковского въ «Современникѣ» пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ обращали вниманіе. Біографіи Веневитинова и Одоевскаго тоже должны быть упомянуты съ благодарностью. Журналъ свой ведетъ г. Пятковский неизмѣнно въ одномъ и томъ же

духъ, не очень опредѣленномъ, правда, но съ явственными симпатіями просвѣщенію, гуманности и прогрессу и съ несомнительною враждою къ обскурантизму и реакціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, маститый журналистъ взялъ на себя неблагодарный трудъ смѣшать масло съ водою и доказать, что возможно одновременно подводить два различныхъ итога подъ одними и тѣми же слагаемыми! Два и три всегда, конечно, равняется пяти, и это г. Пятковский отлично знаетъ и, повидимому, не сомнѣвается, когда рѣчь идетъ о какихъ угодно слагаемыхъ, кромѣ еврейскихъ... Тутъ его начинаютъ одолевать сомнѣнія, и онъ выводитъ совершенно другой, какой-то фантастическій итогъ, даже не 12, или 112, а просто что-то въ родѣ Мартобря или струны, звенящей въ туманѣ. Этотъ фокусъ смѣшенія воды и масла, это совмѣщеніе гуманности и просвѣщенія съ антисемитизмомъ и дикою нетерпимостью представляетъ очень интересную психиатрическую загадку. Когда нибудь намъ объяснять эту душевную аномалію ученые специалисты. Однако, не съ этой научно медицинской точки зрѣнія заговорилъ я объ антисемитизмѣ журнала г. Пятковского. Въ розыскахъ за союзниками «Наблюдатель» ихъ нашелъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», преимущественно же въ сотрудникахъ этого покойнаго журнала, покойномъ Г. З. Елисеевѣ и въ пишущемъ эти строки, причемъ меня упрекаетъ, что я теперь участвую въ журналѣ, совершенно чуждомъ антисемитизма! Я еще усугублю это ужасное обвиненіе: «Русское Богатство» враждебно антисемитизму, это знаетъ уже г. Пятковский, но, повидимому, ему неизвѣстно, что большая часть того, что до сихъ поръ у насъ напечатано въ этомъ направленіи, написано никѣмъ инымъ, какъ все мною-же, который, по мнѣнію «Наблюдателя», былъ вмѣстѣ съ Елисеевымъ представителемъ и опорой антисемитизма въ «Отечественныхъ Запискахъ»!! Вотъ какой я грѣшникъ и даже «измѣнщикъ».. Не было бы ничего дурного, конечно, если бы, страдая прежде антисемитизмомъ и затѣмъ исцѣлившись отъ этой болѣзни, я отрекся бы послѣ этого и отъ плодовъ болѣзненнаго бреда, напечатанныхъ тѣмъ или инымъ изданіемъ. Однако, мнѣ этого дѣлать не приходится. Этою формою душевнаго расстройства я никогда не страдалъ и отрекаться мнѣ рѣшительно не отъ чего. Напрасно «Наблюдатель» потревожилъ и прахъ Елисеева, и память уже не существующаго журнала. Случай этотъ приключился въ статьѣ «Наша журналистика», появившейся въ № 7 «Наблюдателя» за настоящій годъ. Мы нѣсколько остановимся на этомъ эпизодѣ, какъ очень характерномъ и поучительномъ во многихъ отношеніяхъ.

Отдѣлъ «Наша журналистика» давно существуетъ въ «Наблюдателѣ», появляясь раза два-три въ годъ. Это отдѣлъ вообще воинствующій, наполняемый *самой* аромъ полемикой въ тонѣ и духѣ полемикѣ, какая велась когда-то журналами покойнаго Благосвѣтлова. Веденіе отдѣла этого *приписывали* одному оставшему критику,

недавно воспѣвшему диокрамбы г. Волинскому на страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника». Надѣмся, что не его перу принадлежитъ послѣдняя «Наша журналистика», какъ исполненная антисемитизма, конечно, отнюдь не вяжущагося съ поклоненіемъ такому философу, какъ г. Волинскій. Впрочемъ, и тонъ статьи значительно умѣреннѣе прежнихъ. Въ концѣ статьи авторъ касается уже извѣстнаго нашимъ читателямъ эпизода съ г. Медвѣдскимъ. Изложивъ содержаніе статей г. Медвѣдскаго въ «Русскомъ Вѣстникѣ», авторъ дѣлаетъ нѣсколько цитатъ изъ замѣтокъ Н. К. Михайловскаго по этому поводу, занимаетъ сопоставленіе мнѣній г. Медвѣдскаго, высказанныхъ въ «Наблюдателѣ» и «Русскомъ Вѣстникѣ» (г. Медвѣдскій призналъ себя авторомъ тѣхъ и другихъ, *Русск. Вѣстн.*, 1896 г. № 7) и въ заключеніе цитируетъ слѣдующія слова извѣстной нашимъ читателямъ замѣтки г. Михайловскаго («Русск. Бог.» № 5): «Допустить, что все это писало одно и то же лицо—нельзя (г. Медвѣдскій тогда еще не признался въ этомъ), ибо это лицо пришлось бы признать не только человѣкомъ безъ всякихъ убѣжденій, но и провокаторомъ, подстрекающимъ въ одномъ органѣ и доносящимъ въ другомъ. Неужели же и въ литературѣ возможна та профессія, о которой говорить сенаторъ Таганцевъ: *профессія мизъ, возбуждающихъ къ преступленію ради будущаго выгоды?* «Никогда не повѣрю», какъ говорила въ подобныхъ случаяхъ одна невинная дѣвица. Желательно было бы знать, повѣрятъ-ли этому редакціи *Наблюдателя* и *Русскаго Вѣстника?* Послѣ этой цитаты «Наблюдатель» замѣчаетъ: «За *Русск. Вѣстн.* мы отвѣчать не можемъ, но на вопросъ г. Михайловскаго, обращенный къ намъ, принуждены отвѣтить—какъ это ни больно—*да, отрицъ*. Прибавимъ только, что редакція отвѣчаетъ нравственно и юридически только за статьи, ею принятныя въ журналъ или прямо написанныя по ея плану или подъ ея ближайшимъ руководствомъ, а никакъ не можетъ предвидѣть, что тотъ же авторъ, который ратовалъ въ *Наблюдателѣ* за свободу общественнаго мнѣнія въ печати, подъ тою же подписью будетъ содѣйствовать въ другомъ органѣ «обузданію» этой самой печати «какъ предварительною, такъ и послѣдующею цензурою»?.. Какъ вамъ нравятся, читатель, эти нравы? Дальше, кажется, и идти некуда».

Кстати, мимоходомъ о г. Медвѣдскомъ. Выше я уже замѣтилъ, что онъ расписался въ полученіи... Сдѣлалъ онъ это совсѣмъ развязно, съ самою безцеремонною бранью рыночнаго характера и съ совершеннымъ забвеніемъ о существованіи винограднаго листа... Это, видите-ли, просто эволюція идей и переходъ отъ сотрудничества въ органѣ полусимпатичномъ къ участію въ органѣ совершенно симпатичномъ (не поздоровится отъ такихъ похвалъ!). Желаемъ ему успѣховъ и въ дальнѣйшей эволюціи. «Наблюдатель» полагаетъ, что идти дальше некуда; надѣмся, что г. Медвѣдскій съумѣетъ пристыдить это малодушное недовѣріе къ силамъ его эволюціи. Въ литературныхъ предѣлахъ, въ самомъ дѣлѣ, идти дальше

некуда, но вѣдь г. Медвѣдскій уже и безъ того вышелъ изъ этихъ предѣловъ, а дальше мы, литераторы, не можемъ и предвидѣть путей эволюціи г. Медвѣдскаго. Не можемъ предвидѣть, не можемъ и обсуждать по некомпетентности.

Возвратимся, однако, къ «Наблюдателю». «Дальше, кажется, и идти некуда», замѣчаетъ онъ по поводу исторіи о г. Медвѣдскомъ. Въ самомъ дѣлѣ, виртуозному «совѣстительству» мнѣній г. Медвѣдскаго, уступаетъ даже уже вышеуказанное совѣстительство сотрудниковъ упомянутаго отставного критика, появляющагося въ антисемитическомъ «Наблюдателѣ» и въ филосемитическомъ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Впрочемъ, «Наблюдатель» или, по крайней мѣрѣ, авторъ статьи «Наша журналистика» не раздѣляетъ этого нѣсколько снисходительнаго мнѣнія и, повидимому, полагаетъ, что антисемитизмъ и филосемитизмъ не только вообще не совмѣстимы, но именно въ той же мѣрѣ несовмѣстимы, какъ отстаиваніе свободнаго развитія литературы и вызваніе къ ея обузданію. По крайней мѣрѣ, нѣчто подобное высказывается авторомъ «Нашей журналистики» по моему адресу (*Наблюдатель*, № 7, стр. 314): «Дальше, кажется, и идти некуда (*это по адресу г. Медвѣдскаго, какъ мы видимъ*). Однако, если уже дѣло коснулось этого щекотливаго предмета, то мы принуждены замѣтить, что *нѣчто подобное* бываетъ, кажется, и съ сотрудниками «Русскаго Богатства». Такъ, напримѣръ, г. Южаконъ былъ постояннымъ сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ», въ которыхъ велась, какъ извѣстно, систематическая борьба противъ еврейской эксплуатаціи (между прочимъ, въ статьяхъ Елисеева и Южакова), а «Русское Богатство», въ которомъ г. Южаконъ тоже состоитъ постояннымъ сотрудникомъ, очень благодушно относится къ тѣмъ же евреямъ. Не объяснить-ли намъ г. Южаконъ это странное обстоятельство, характеризующее не съ доброй стороны нравы современной якобы «россійской» журналистики, уже давно превратившейся, чуть-ли не огуломъ, въ шкловско-бердичевскую?»

Объясненіе очень коротко и просто: «Отечественныя Записки» не только *систематически*, но и случайно, изрѣдка никогда не были органомъ антисемитизма. Ни Елисеевъ, ни я никогда не являлись представителями антисемитизма ни въ «Отечественныхъ Запискахъ», нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Со всею литературною группою, къ которой я всегда принадлежалъ и принадлежать къ которой считаю за честь, я почитаю антисемитизмъ явленіемъ не только вреднымъ и несправедливымъ, но и безнравственнымъ и постыднымъ. И думается мнѣ, что въ этомъ смыслѣ я всегда высказывался достаточно систематически, часто и обстоятельно, чтобы не возбуждать никакихъ сомнѣній. Если бы дѣло шло только обо мнѣ лично, то этого категорическаго заявленія по поводу фантастической выходки «Наблюдателя» было бы вполне достаточно. Однако вопросъ объ антисемитизмѣ и отношеніи къ нему въ русской журналистикѣ такъ интересенъ, и важенъ, что я воспользуюсь этимъ

страннымъ недоразумѣніемъ и, не трудясь надъ выясненіемъ его появленія (это во всякомъ случаѣ не мое дѣло), остановлюсь на затронутомъ имъ предметѣ. Къ тому же и памятью мы отличаемся не очень длинною, такъ что кое-что въ ней обновить изъ недавняго даже прошлаго не будетъ бесполезно.

II.

Лично я мало былъ знакомъ съ Г. З. Елисеевымъ, а сотрудничалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ восьмидесятые годы, когда Елисеевъ былъ боленъ, почти все время жилъ за границею и какъ бы отсутствовалъ въ журналѣ. Тѣмъ не менѣе литературно я близко и хорошо знаю Елисеева. Съ перваго его «Внутренняго обозрѣнія» въ «Современникѣ» 1861 года и до послѣднихъ предсмертныхъ и посмертныхъ статей на порогѣ девятидесятихъ годовъ (Елисеевъ умеръ въ январѣ 1891 г.) я внимательно читалъ все, что выходило изъ подъ этого пера, широко образованнаго, всесторонне гуманнаго, недюжинно даровитаго. Если бы хоть гдѣ нибудь зазвучала у него такая дисгармонія, какъ національная или религіозная нетерпимость, я, конечно, запомнилъ бы это. Она не могла зазвучать, потому что она противорѣчила бы всей литературной фигурѣ этого всегда себя послѣдовательнаго и вѣрнаго журналиста, одного изъ самыхъ типическихъ и законченныхъ представителей того цикла воззрѣній, который принято называть идеями шестидесятихъ годовъ. Здѣсь не было и не могло быть мѣста ни антисемитизму, ни всякой другой національной нетерпимости, или вѣроисповѣдной исключительности. Здѣсь не было и не могло быть имъ мѣста по духу литературной дѣятельности Елисеева; его не было и по духу журнала, гдѣ, конечно, не было бы допущено проявленіе какой бы то ни было національной или религіозной нетерпимости, изъ какого бы авторитетнаго источника она ни исходила. Если бы Елисеевъ, или кто либо другой изъ участниковъ и сотрудниковъ журнала и оказался бы антисемитомъ въ душѣ, онъ имъ не могъ бы быть въ журналѣ. Его не допустили бы до этого, какъ и въ настоящее время никому не было бы дано проявлять свою національную нетерпимость въ «Русскомъ Богатствѣ», если бы — по несчастію — такой господинъ и оказался бы среди насъ. По всей вѣроятности, ему рано или поздно пришлось бы проститься съ «Русскимъ Богатствомъ». Беру смѣлость утверждать то же самое и относительно «Отечественныхъ Записокъ». Впрочемъ, симпатіи этого журнала по еврейскому вопросу довольно ясно написаны на его страницахъ. Стоитъ припомнить немного, что первое придетъ въ голову... Очень интересными съ этой точки зрѣнія являлись мемуары г. Богрова, печатавшіеся въ теченіе довольно продолжительнаго времени и представляющіе богатый матеріалъ по исторіи русскихъ евреевъ въ до-реформенную эпоху и въ первые годы правленія Александра II,

когда и еврейскій народъ почувствовалъ дуновение эмансипаціи и начиналъ надѣяться на лучшее будущее. Авторъ записокъ самъ еврей, и его воспоминанія проникнуты горячею любовью къ своему народу, вѣрою въ его нравственныя силы и свѣтлое будущее. Я не собираюсь здѣсь разбирать этихъ мемуаровъ, не лишенныхъ одно-сторонности, хотя исполненныхъ искренности и гуманности. Я упомянуть объ нихъ лишь для иллюстраціи отношенія къ еврейскому вопросу со стороны журнала, ихъ помѣщавшаго. Это отношеніе, конечно, не можетъ быть названо «систематическою борьбою» съ еврействомъ. Быть можетъ, еще болѣе яркою иллюстраціей, болѣе яркою, потому что много болѣе талантливою, надо считать нѣкоторыя страницы въ очеркахъ «Между дѣломъ» Салтыкова. Эти задушевные строки, исполненные негодованія противъ антисемитизма и проникнутыя симпатіей къ еврейской народной массѣ, должны быть извѣстны каждому образованному русскому. Образованному русскому обществу извѣстна и проповѣдь національной и религіозной терпимости, неоднократно высказанная въ статьяхъ Н. К. Михайловскаго въ томъ же журналѣ. Переводъ извѣстнаго разсказа гоепожи Оржешко «Самсонъ», написаннаго въ тонѣ самой сердечной симпатіи къ еврейскому народу, тоже появился въ «Отечественныхъ Запискахъ». Тамъ же состоялъ постояннымъ и близкимъ сотрудникомъ Котелянскій, молодой, талантливый и многосторонне образованный писатель, такъ много общавшій и такъ рано сошедшій въ могилу. Котелянскій былъ просвѣщенный еврей, освободившійся отъ тѣсныхъ рамокъ талмудизма, оковавшихъ еврейскую народность, но, конечно, принимавшій участіе лишь тамъ, гдѣ не видѣлъ къ ней вражды и гоненія. Было не мало и другихъ сотрудниковъ изъ евреевъ. Я припоминаю гг. Богрова, Кулишера, Красносельскаго и т. д. Зачѣмъ я все это припоминаю? Кто не знаетъ истиннаго отношенія «Отечественныхъ Записокъ» въ еврейскому вопросу? Однако, вотъ нашелся же журналистъ, который de bonne foi утверждаетъ какъ разъ противополож- Наше вниманіе очень коротка въ са- момъ дѣлѣ...

Систематическій обзоръ всего состава еврейскаго вопроса, *какъ онъ выяснился къ тому времени*, тоже можно найти въ «Отечественныхъ Запискахъ», именно въ моей статьѣ «Еврейскій вопросъ въ Россіи». Здѣсь вопросъ былъ поставленъ прямо и отвѣтъ данъ категорическій и, по условіямъ мѣста и времени, по возможности объемяющій всѣ составныя части вопроса. Полтора десятилѣтія мине-вало съ того времени, многое измѣнилось въ нашей жизни, многое осложнилось, одно развилось, другое опустилось. Измѣнилась съ тѣхъ поръ перспектива и еврейскаго вопроса, но руководящіе принципы, которые должны быть положены въ основу его рѣшенія, сохранили все свое значеніе, даже *выигравъ въ убѣдительности для всякаго непредубѣжденнаго и безпристрастнаго наблюдателя*. Если принять во вниманіе указанное *измѣненіе перспективы, установленной въ*

упомянутой статьѣ «Еврейскій вопросъ въ Россіи», то затѣмъ въ существенномъ и главномъ я и теперь написалъ бы то же самое, потому что и сейчасъ я считаю лучшимъ способомъ для кореннаго рѣшенія этого злополучнаго и тягостнаго вопроса, именно тотъ путь національной терпимости и общаго экономическаго прогресса и возрожденія, на которомъ могутъ найти примиреніе всѣ справедливые, хотя и антагоничные въ настоящее время, интересы, всѣ національныя, классовыя и другія историческія группы народонаселенія.

Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ... Постепенная эмансипація евреевъ, составлявшая одно время руководящее начало въ отношеніяхъ государства къ евреямъ, въ началѣ 80-хъ годовъ, еще не была остановлена, и никто не предвидѣлъ ея близкой отміны. Это одно обстоятельство значительно измѣняетъ то, что мы называли перспективою вопроса. Бесѣдовать съ человѣкомъ, которому постепенно даруются всѣ гражданскія права, или съ человѣкомъ, котораго гражданскія права постепенно ограничиваются, — двѣ задачи, далеко не одинаковыя, даже если это совершенно не измѣнившійся человѣкъ. Юдофильство и филосемитизмъ представляются по существу своему такими же явленіями національной и религіозной нетерпимости и исключительности, какъ и юдофобство и антисемитизмъ, но юдофильствомъ и филосемитизмомъ заражены въ настоящее время неполноправные слои населенія. Они затѣнены и безсильны; они какъ бы пытаются отъ богатой трапезы юдофобства и антисемитизма. Естественно, если симметрия этихъ составныхъ элементовъ еврейскаго вопроса значительно измѣнилась. Тогда юдофильство и юдофобство были *одинаково* вредны, одинаково препятствуя справедливому разрѣшенію вопроса. Въ настоящее время, черезъ пятнадцать лѣтъ, антисемитизмъ и филосемитизмъ, выросши оба и качественно, и количественно, сдѣлавшись поэтому и значительно зловреднѣе, вредоносность эту по необходимости проявляютъ не съ одинаковою силою. На первомъ планѣ стоитъ антисемитизмъ, и въ его ослабленіи первая задача всякаго рациональнаго рѣшенія еврейскаго вопроса. Филосемитизмъ, конечно, не заслуживаетъ и теперь никакого сочувствія, но покуда не ему должно быть отводимо главное вниманіе и забота, которыя должны быть сосредоточены на антисемитизмѣ, этой гнойной язвѣ современнаго поколѣнія не въ одной Россіи.

Другимъ тоже очень существеннымъ измѣненіемъ въ условіяхъ современныхъ сравнительно съ условіями начала восьмидесятихъ годовъ представляется это только что констатированное нами переименованіе юдофобства и юдофильства въ антисемитизмъ и филосемитизмъ. Не въ названіи дѣло, конечно, но въ данномъ случаѣ съ перемѣной названія связана и довольно серьезная перемѣна содержанія. Юдаизмъ—это талмудическая культура; семитизмъ—это принадлежность къ расѣ. Не случайно вытѣснены прежніе термины,

указывавшіе на отношеніе къ религіи, признаку культурному, способному къ приспособленію, наконецъ, устранимому. Не случайно вошли въ употребленіе новые термины, указывающіе на расу, на происхожденіе, признакъ, прирожденный и неустрашимый. Дѣйствительно, въ европейскомъ обществѣ произошла эта эволюція отъ религіозной и культурной нетерпимости къ національной и расовой. Въ Россіи, впрочемъ, эта эволюція не такъ далеко зашла, какъ въ Западной Европѣ, и добрая часть антисемитовъ готова привѣтствовать крещеніе евреевъ. Это въ сущности старые юдофобы, только принявшіе нѣмецкую кличку. Истинный антисемитъ относится къ крещенному еврею съ такою же враждою, какъ и къ талмудисту. По той же причинѣ прежніе юдофобы не рѣшались высказываться противъ распространенія просвѣщенія между евреями. Просвѣщеніе ослабляетъ значеніе талмуда, въ которомъ они старались найти оправданіе своей «фобіи». Не ловко же послѣ этого возражать противъ распространенія просвѣщенія, противъ ослабленія того, что они выставляли наиболѣе вреднымъ. Антисемиты этимъ не стѣсняются. Для нихъ дѣло не въ талмудѣ, не въ каббалистикѣ, не въ цадиккизмѣ даже, а въ самой расѣ. Сегодня она выразилась въ талмудизмъ и цадиккизмъ; завтра при другихъ условіяхъ она выльется въ другую форму, болѣе соответствующую духу времени и уровню цивилизаціи. Сущность, однако, останется та же самая: презрѣніе ко всему нееврейскому человѣчеству почти, какъ къ низшимъ животнымъ, и стремленіе поработить это человѣчество суровому и безсердечному игу высокоумнаго еврейскаго меньшинства. Такова теорія, которою всегда антисемиты стараются оправдать свою вражду къ распространенію просвѣщенія между евреями. Для нихъ просвѣщенный еврей еще опаснѣе и вреднѣе ортодоксальнаго. «Просвѣщеніе—вотъ чума, ученіе—вотъ причина». Искія старая, заклеянная еще Грибоѣдовымъ, но съ постыдною беззащитностью держащая снова оглашать историческіе пути человечества черезъ двадцать вѣковъ послѣ того, какъ произнесены были великія слова: «нѣсть ни эллинъ, ни іудей»...

Юдофильство, переходя въ филосемитизмъ, тоже претерпѣло эволюцію, тоже усугубляющую его вредное и опасное значеніе. Юдофильство было въ сущности ученіемъ консервативнымъ, которое старалось просвѣщеніе примирить съ талмудизмомъ и въ приверженности этой къ еврейской старинѣ черпало нетерпимость и къ своимъ, и къ чужимъ, которые пытались расшатать ветхіе устои талмудическаго міровоззрѣнія и талмудическаго строя жизни. Новѣйшій филосемитизмъ далеко не только консервативное ученіе. Онъ то требуетъ радикальной ломки существующаго быта еврейскаго народа, взывая къ переселенію въ Палестину, Аргентину, Соединенные Штаты, къ организаціи собственнаго государства и созданію еврейской націи; то пробуетъ религіозно реформировать еврейство, создавая секты, частью отрѣпающіяся отъ талмуда и соз-

дающія безпочвенныя половинчатыя ученія, вносящія только путаницу и напрасно растрчивающія силы, которыя пригодились бы на лучшее дѣло; то, наконецъ, какъ бы принимая вызовъ антисемитовъ, провозглашаетъ великую историческую миссію еврейства и старается ею, этою миссіею, оправдать такія явленія, которыя вовсе оправданія не заслуживаютъ. Филосемитизмъ особенно потому вреднѣе юдофильства, что, будучи движеніемъ реформаціоннымъ, онъ втягиваетъ въ себя элементы, по существу склонные къ просвѣщенію и прогрессу, въ то время, какъ антисемитизмъ загоняетъ ихъ туда съ другой стороны. Это чистая потеря и для всего европейскаго человѣчества, но въ особенности для еврейскаго народа, который очень и очень нуждается въ просвѣщенныхъ дѣятеляхъ, въ довѣренныхъ руководителяхъ и наставникахъ, которые помогли бы ему освободиться изъ оковъ средневѣковаго талмудизма и вывели бы на дорогу общечеловѣческаго прогресса, просвѣщенного труда и солидарной гуманности. Въ настоящее время это зависитъ менѣе отъ евреевъ, нежели отъ ихъ сосѣдей другихъ національностей, но и они бы могли внести свою посильную и немаловажную лепту въ это великое дѣло человѣческаго братства и общей взаимности.

Измѣненіе внѣшнихъ условій существованія еврейскаго народа въ Россіи и печальный ростъ нетерпимости, выразившійся въ развитіи антисемитизма и филосемитизма, уже сами по себѣ слишкомъ важны и значительны, чтобы нарушить симметрію составныхъ частей еврейскаго вопроса, какъ онъ выяснился въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, и измѣнить перспективу всей картины и вопроса, и отвѣта. Эти измѣненія дополняются едва ли не болѣе важнымъ еще измѣненіемъ экономическаго быта всей страны, вслѣдствіе чего указанное мною пятнадцать лѣтъ назадъ коренное рѣшеніе вопроса на почвѣ общаго экономическаго возрожденія становится все затруднительнѣе и затруднительнѣе. Успѣхи капитализма дѣлаютъ все труднѣе примиреніе антагоничныхъ интересовъ; но если борьба экономическая становится все несомнѣннѣе закономъ общественной жизни, то совершенно естественно, если она будетъ пользоваться всѣми орудіями, національною и вѣроисповѣдною сплоченностью въ томъ числѣ. Эта же сплоченность питаетъ національную исключительность однихъ и вызываетъ національную нетерпимость и вражду другихъ. Ожидать разложенія этой сплоченности можно въ такомъ случаѣ не отъ примиренія всѣхъ антагоничныхъ интересовъ, какъ то я предлагалъ въ началѣ 80-хъ годовъ, а отъ естественнаго возникновенія антагоничныхъ интересовъ въ средѣ самой національно и вѣроисповѣдно сплоченной группы (въ данномъ случаѣ, еврейской). Я уже намекалъ на эту возможность въ одной статьѣ по еврейскому вопросу, напечатанной около того же времени. Я еще не думаю, чтобы окончательно было поздно своротить наше экономическое развитіе съ путей обостренія классовыхъ антагонизмовъ на путь ихъ примиренія. Я знаю, что

Россія — дистанція огромнаго размѣра и обездолить эту дистанцію, хотя бы по всѣмъ правиламъ европейскаго капитализма, можно, конечно, но не такъ уже скоро. Покуда же въ нашей экономической жизни еще существуютъ элементы для экономического возрожденія на почвѣ примиренія, а не антагонизма интересовъ. Однако, въ настоящую минуту мы не видимъ вокругъ себя достаточно могущественныхъ общественныхъ элементовъ, которые захотѣли бы взять на себя задачу этого сознательнаго поворота на новую самобытную дорогу экономического развитія. Если же это такъ, то покуда мы не увидимъ такихъ общественныхъ силъ, мы и еврейскій вопросъ должны разсматривать въ условіяхъ не примиренія, все большаго и большаго развитія классовыхъ антагонизмовъ. Это самое существенное и важное осложненіе проблемы еврейскаго вопроса. Можно и должно указывать, какъ просто, скоро и спорно онъ рѣшается на почвѣ экономического развитія, ведущаго къ примиренію и соглашенію интересовъ, но неразрывно связывать его съ этимъ развитіемъ теперь становится нераціонально. Надо искать справедливаго и прогрессивнаго рѣшенія и въ случаѣ экономической эволюціи, ведущей къ развитію антагонизмовъ. Читатель легко оцѣнитъ ту громадную перемѣну въ составныхъ терминахъ рѣшенія, которая вносится этимъ фактомъ, ярко обрисовавшимся именно въ теченіе послѣдняго полуторадесятилѣтія.

III.

Я просилъ бы читателя прежде, нежели читать эти страницы дальше, запомнить и уяснить тѣ перемѣны, которыя внесла пятнадцатилѣтняя исторія въ термины еврейскаго вопроса въ Россіи. Эти измѣненія вкратцѣ резюмируются тремя пунктами: а) измѣненіе внѣшнихъ условій существованія евреевъ; б) развитіе антисемитизма и филосемитизма, и в) выяснившееся экономическое развитіе не въ сторону примиренія, а въ сторону накопленія антагонизма интересовъ. Краткое обоснованіе этихъ трехъ измѣненій читатель найдетъ выше. Ниже онъ найдетъ краткое историческое обозрѣніе періода, въ исходѣ котораго оказались эти перемѣны.

Въ началѣ этого періода, въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ и написана была мною упомянутая статья о еврейскомъ вопросѣ. Писалась она на далекой окраинѣ, на берегахъ Енисея, подъ живымъ и тягостнымъ впечатлѣніемъ еврейскихъ погромовъ, роковою волною прокатившихся по всему югу и западу Россіи; подъ впечатлѣніемъ тѣхъ репрессивныхъ мѣръ, которыя были пущены въ ходъ для восстановленія порядка и для возмездія безпокойному населенію; подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ печатной полемики, не очень достойно завершившей собою эти горестныя и постыдныя событія. Я тѣмъ живѣе ихъ чувствовалъ и въ отдаленіи, что нѣчто подобное десять лѣтъ передъ тѣмъ видѣлъ

собственными глазами, пережилъ и перечувствовалъ. Это былъ ужасный погромъ евреевъ и ихъ имущества въ Одессѣ на пасху 1871 года, за которымъ слѣдовали репрессивныя мѣры, въ видѣ массоваго тѣлеснаго наказанія, которыя, по недавнимъ тогда традиціямъ крѣпостного строя, почитались единственно цѣлесообразными и дѣйствительными.

Я не былъ очевидцемъ погромовъ 1881 года. Не собираюсь ихъ я и описывать здѣсь. Въ болѣе обширномъ масштабѣ и въ болѣе рѣзкой формѣ они повторили хорошо мнѣ знакомый погромъ 1871 года. За ними послѣдовали и репрессаліи приблизительно того же характера. Юдофилы восхваляли репрессивныя мѣры, вызывая не жалѣть розогъ и плетей для обузданія «дикаго звѣря» и въ этомъ поруганіи христіанскаго населенія вида единственно цѣлесообразное рѣшеніе еврейскаго вопроса. Съ другой стороны, юдофобы, почти даже не скрывая своего ликованія по поводу разворенія, насилія и обиды, перенесенныхъ еврейскимъ народомъ, требовали еще репрессалій противъ него же, разоряемаго и оскорбляемаго. То и другое было одинаково возмутительно, одинаково возбуждая чувство отвращенія въ каждомъ человѣкѣ, не чуждомъ понятія о человѣческомъ достоинствѣ. Дать рѣшительный отпоръ недостойной полемикѣ, только усугублявшей стыдъ этого историческаго эпизода, являлось прямо нравственною необходимостью. Первая половина упомянутой статьи моей и явилась этой отповѣдью въ обѣ стороны. Многое въ этой отповѣди принадлежитъ своему времени и современнымъ обстоятельствамъ, но основная мысль, что разрѣшеніе еврейскаго вопроса нельзя искать ни въ репрессаліяхъ противъ христіанскаго населенія, ни въ репрессивныхъ мѣропріятіяхъ противъ еврейскаго народа, сохраняетъ все свое значеніе вѣкъ условій мѣста и времени. Точно также и теперь сохраняетъ значеніе и основное положеніе, которое я защищалъ на тѣхъ же страницахъ, что украинскій народъ отнюдь не дикій звѣрь, нуждающійся въ обузданіи, а еврейская народная масса отнюдь не является безнравственными паразитами, стремящимися безъ труда жить на чужой счетъ. Оба народа умѣютъ трудиться и много, не покладая рукъ, работаютъ. Оба народа, въ своей массѣ, проникнуты тѣми крѣпкими традиціонными устоями морали, которые присущи самымъ лучшимъ народнымъ типамъ, изъ числа не озаренныхъ просвѣщеніемъ и цивилизаціей. Что же ихъ раздѣляетъ? Что ведетъ къ этой горестной враждѣ, а затѣмъ и къ этимъ постыднымъ событіямъ?

Прежде всего является вопросъ, не въ этомъ-ли отсутствіи просвѣщенія и лежитъ невозможность мирнаго сожителства двухъ народовъ, имѣющихъ одно общее отечество? Многое объясняется отсутствіемъ просвѣщенія, но не все. Сравнительно мирное сожителство другихъ вѣроисповѣданій и другихъ народностей, не смотря на то же отсутствіе просвѣщенія, указываетъ, что нужно искать и

другихъ причинъ, кромѣ невѣжества и предрасудковъ. Всякому, хотя нѣсколько знакомому съ условіями нашей южнорусской общественной и народной жизни, извѣстно, что замкнутость и обособленность евреевъ мало допускаетъ то общеніе, которое устанавливаетъ взаимныя добрыя чувства, а съ другой стороны экономическая союзность и солидарность евреевъ даруетъ имъ экономическія преимущества и успѣхи, вызывающіе раздраженіе остального населенія. Экономическая союзность, солидарность, взаимная помощь, что же тутъ дурного, кромѣ хорошаго? И отчего эти несомнѣнно добрыя альтруистическія чувства и поступки вызываютъ враждебныя чувства въ остальномъ населеніи? Добро не можетъ быть зломъ. Помощь ближнему не можетъ быть недобрымъ дѣломъ. Добрые люди не могутъ осуждать доброе дѣло, не могутъ возставать противъ помогающаго ближнему. Въ чемъ же тутъ дѣло? Какое злое недоразумѣніе тагуетъ надъ этими достойными отношеніями взаимности и солидарности? Къ сожалѣнію, здѣсь далеко не одно недоразумѣніе только. Въ настоящее время, когда экономическая жизнь народовъ строится на началахъ *bellum omnium contra omnes*, и множитъ экономическій антагонизмъ разныхъ слоевъ населенія и до послѣдней степени обостряетъ борьбу за существованіе, экономическая союзность той или иной группы населенія поневолѣ, по необходимости, приобретаетъ характеръ не столько оборонительнаго, сколько наступательнаго союза, нарушающаго интересы и благосостояніе другихъ, стоящихъ внѣ союза группъ населенія. Два тысячелѣтія гоненій и преслѣдованій вынудили евреевъ выработать эту союзность и солидарность, какъ единственное средство самообороны. Но измѣнились обстоятельства, и этотъ оборонительный союзъ самъ собою превратился, не могъ не превратиться въ наступательный, вызывающій совершенно естественную вражду остального населенія. Это остальное населеніе само не можетъ выработать такой союзности, и потому, во-первыхъ, что для этого необходимо время и не одно поколѣніе, и потому, во-вторыхъ, что большинство не можетъ по самому существу дѣла соста влять такого союза, а только и единственно меньшинство. Нѣкоторое примиреніе и соглашеніе антагоничныхъ интересовъ внутри группы, составляющей меньшинство населенія, возможно только въ ущербъ стоящаго внѣ группы большинства, которому, однако, въ случаѣ сплоченія, невозможно найти достаточно широкое поприще для перенесенія внутреннихъ антагонизмовъ наружу, за предѣлы группы. Здѣсь солидарность и сплоченность можетъ развиваться только при общемъ экономическомъ развитіи къ примиренію *всѣхъ* антагоничныхъ интересовъ. Въ случаѣ же общей эволюціи по пути укрѣпленія антагонизмовъ большинство по необходимости оказывается беззащитно передъ сплоченными группами меньшинства. Одобратъ такое положеніе дѣла большинству, конечно, не можетъ, и въ его средѣ естественно и неизбежно крѣпнетъ вражда къ сплоченному и

союзному меньшинству. Такимъ образомъ, центръ тяжести разрѣшенія еврейскаго вопроса и уничтоженія этого печальнаго и постыднаго раздора и вражды между народностями, вполне достойными и способными къ мирному, согласному сожителству, взаимному уваженію и честному совмѣстному труду, лежитъ въ явленіи еврейской обособленности и экономической союзности. Само по себѣ, явленіе солидарности только достойно и высоко нравственно, но *въ условіяхъ мѣста и времени* оно является фатальнымъ образомъ вредно по отношенію къ большинству и представляется источникомъ раздора и вражды. Совершенно ясно, что, въ уничтоженія этого раздора, нѣтъ и не можетъ быть рѣшенія еврейскаго вопроса, и безъ разложенія еврейской обособленности и союзности не устранены раздоръ и вражда.

Нельзя не отмѣтить еще одной стороны. Въ еврейской средѣ, какъ во всякой иной, есть и трудящіеся, и паразитные классы, находятся и честные, и безчестные люди. Благодаря поголовной союзности евреевъ (я говорю, конечно, о еврейскомъ большинствѣ черты осѣдлости), тѣ и другіе смѣшиваются въ глазахъ остальнаго населенія, и честные и трудящіеся евреи являются отвѣтственными за продѣлки негодяевъ и за поведеніе паразитовъ.

Если вся сущность еврейскаго вопроса въ разложеніи союзности и обособленности, то въ чемъ причина этого явленія? Оно зависитъ отъ двухъ родовъ причинъ: отъ его необходимости и отъ его выгоды. *Необходимость* создана гоненіями и поддерживается репрессіями; *выгодность* зависитъ отъ той эволюціи въ сторону накопленія антагонизмовъ интересовъ, которая характеризуетъ наше время.

Вопросъ о еврейской союзности первый потребовалъ новыхъ разъясненій. Это сдѣлано мной въ статькѣ, напечатанной въ *Одесскомъ листкѣ*, вскорѣ послѣ вышепрорежюмированной большой статьи. Эту союзность или «кагальность» многіе ставятъ евреямъ чуть-ли не въ первоначальный грѣхъ и возмутительное преступленіе. Между тѣмъ, это явленіе свойственно не однимъ евреямъ и при аналогичныхъ обстоятельствахъ возникало и возникаетъ между неполноправными группами населенія всякихъ расъ и религій. Пришлось прежде всего разъяснить это обстоятельство и указать на это естественное и необходимое историческое явленіе. Армяне въ Азіатской Турціи, греки—въ европейской, копты—въ Египтѣ, парсы—въ Индіи представляютъ то же самое. Однѣ и тѣ же причины создаютъ и послѣдствія одинаковыя. Евреи не представляютъ исключенія. Поэтому юдофобы такъ же неправы, когда за это обвиняютъ евреевъ, какъ и юдофилы, когда пытаются отрицать существованіе самого факта. Надо понять его, объяснить и изъ этого объясненія вывести программу необходимыхъ мѣръ и средствъ. Эта программа была указана. Однако, дальнѣйшее изученіе вопроса дало мнѣ возможность сдѣлать одно существенное дополненіе, приобретающее особое значеніе

въ настоящее время. Я обратилъ вниманіе на одну особенность еврейскаго вопроса въ Россіи, именно громадное скопленіе евреевъ, сравнительно съ небольшимъ ихъ процентомъ въ Германіи, Франціи, Англіи. Тамъ составляя ничтожное меньшинство, они, опираясь на союзность, могли *естъ* выбиться на верхъ, всѣ войти въ буржуазію и не дать никому изъ своихъ затеряться въ средѣ рабочей массы. Не то въ Россіи. Всѣмъ четыремъ милліонамъ евреевъ не хватаетъ мѣста въ буржуазіи. Значительное большинство остается трудящимися пролетаріями и по необходимости должны ими остаться. Это обстоятельство неизбежно и необходимо создаетъ и постепенно накапливаетъ антагонизмъ интересовъ и внутри еврейскаго народа. Медленное развитіе этого процесса; предразсудки, завѣщанные стариной; преданія талмудизма; но особенно неполноправность евреевъ и нетерпимость къ нимъ—задерживаютъ распространеніе сознанія, что, въ новыхъ условіяхъ экономическихъ, общееврейская союзность становится выгодно преимущественно еврейской буржуазіи, часто такъ же полно нарушая интересы еврейской народной массы, какъ и остального народа. Если мы будемъ упорствовать на пути развитія антагонизмовъ, то намѣченные только что обстоятельства одни и могутъ привести къ рѣшенію еврейскаго вопроса, конечно, при непремѣнномъ условіи совершенной полноправности, полной терпимости и распространенія просвѣщенія.

Я уже упомянулъ выше, что филосемитическое движеніе породило разныя реформаціонныя программы среди евреевъ. Едва-ли не первыми по времени были попытки религіознаго характера, задавшіяся цѣлью реформировать юдаизмъ на новыхъ началахъ, болѣе согласованныхъ съ современными условіями, чѣмъ ортодоксальный талмудизмъ. Мнѣ извѣстны три такія попытки, три еврейскія секты: «Ново-завѣтный Израиль» возникла въ Кишиневѣ; «Новый Израиль»—въ Одессѣ; «Духовно-библейское братство»—въ Елизаветградѣ. Последнее называли также еврейской штундой; оно было самое умѣренное изъ трехъ. Всѣ они возникли въ средѣ интеллигентныхъ, образованныхъ евреевъ и *для нихъ*, этихъ основателей, являлись *возвращеніемъ* къ талмудизму, хотя и реформированному. Такимъ образомъ, это движеніе не впередъ, отъ талмудическаго средневѣковья, а назадъ къ этому самому средневѣковью. Прогрессивнымъ это движеніе было бы, если бы возникло въ ортодоксальной массѣ, но масса была чужда ему и не было никакихъ оснований, чтобы эти полувозрожденные талмудисты имѣли возможность ее увлечь за собой. Совершенно также русскій народъ не заражается проповѣдью пашковцевъ, толстистовъ и пр., а идетъ за своими некультурными сектантами. Въ этомъ смыслѣ еврейское религіозное сектантство *начала* восьмидесятыхъ годовъ было явленіемъ реакціоннымъ для образованныхъ евреевъ, мертворожденнымъ и ничего не общающимъ *для* массы. Это и было мною высказано въ отзывѣ о книгѣ В. О. Португалова «Знаменательныя движенія въ

еврействѣ», напечатанномъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1884 годъ. Прошло двѣнадцать лѣтъ и послѣдствія оправдали мои предвидѣнія. Автору книги тогда мои предвидѣнія не понравились. Полагаю, что теперь и онъ согласится, что ничего знаменательнаго не было въ этомъ движеніи.

Впрочемъ, г. Португаловъ «знаменательнымъ» движеніемъ считалъ не одно сектантство, но и выходъ брошюры Autoemancipation, которая предлагала не больше-не меньше, какъ массовое выселеніе евреевъ и основаніе еврейскаго государства. И къ этому движенію пришлось отнестись отрицательно. Оно неосуществимо, потому что еврейской націи, какъ совокупности всѣхъ классовъ и профессій, составляющихъ народъ, не существуетъ, а создать ихъ по щучьему велѣнію невозможно, какъ и нельзя создать немедленно особой всесторонней самобытной культуры, а безъ того и другого не мыслимо основаніе еврейскаго государства и образованіе еврейской націи. Затѣмъ негдѣ основать это государство, потому что удобной и совсѣмъ пустопорожней земли уже нѣтъ на земномъ шарѣ. Наконецъ, и самое главное, нельзя сдвинуть съ мѣста эти миллионы населенія, не приводя ихъ фатально къ голодной смерти. И земледѣльческое населеніе немислимо выселять сразу миллионами, а не-земледѣльческое населеніе можетъ передвигаться лишь въ еще болѣе ограниченномъ размѣрѣ. Всѣ эти затѣи, палестинфильскія, аргентинскія и всякія другія подобныя — не только не исходъ, а одна пагуба для еврейскаго народа, которыя вдобавокъ не только разоряютъ и обездоливаютъ его не хуже погромовъ, но и возбуждаютъ противъ него населеніе, отчуждаютъ отъ него и отвлекаютъ отъ насущной задачи создать достойное существованіе въ отечествѣ. Такимъ отечествомъ для еврея скорѣе всего можетъ быть Россія, страна, заключающая въ себѣ чуть-ли не три четверти еврейскаго народа, а трудящагося еврейскаго народа, навѣрное, девять десятыхъ. Суровое это отечество теперь для евреевъ, но не балуетъ оно и родныхъ дѣтей своихъ. Въ русскомъ же народѣ столько исторически доказанной способности сожителства съ другими народностями, что искать лучшихъ условій въ сожителствѣ съ расами англосаксонскою (Соединенные Штаты), испанскою (Аргентина) или турецкою (Палестина) кажется напрасною тратою времени. Теченіе еврейскаго вопроса тѣсно связано съ общимъ теченіемъ русской исторіи и только на почвѣ общей работы евреевъ съ русскими для благосостоянія и преуспѣянія, просвѣщенія и цивилизаціи общаго отечества и можно искать тѣхъ путей разрѣшенія и еврейскаго вопроса, о которыхъ мы говорили выше. Мысли эти были высказаны мною частью въ упомянутомъ отзывѣ о книгѣ г. Португалова, частью въ статьѣ «Народъ-Скиталецъ» («Пчелка» 1882 г.). Мнѣ пришлось къ нимъ вернуться въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ. Вышла тогда брошюра г. Лемблана «Вырожденіе евреевъ и Палестина», и я далъ о ней отзывъ. на страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника»

(прежней редакціи). Брошюра заключаетъ много курьезовъ. Такъ, авторъ доказывалъ, что евреи всё поголовно душевно больные, и что вылечить ихъ можетъ только переселеніе въ Палестину. Тѣмъ не менѣе книжка проникнута горячимъ искреннимъ чувствомъ. Проектъ его, однако, совершенно фантастическій, и я заключилъ свой отзывъ строками, которыми и теперь охотно заключаю этотъ параграфъ о миграціонномъ движеніи евреевъ: «Хорошія, прочувствованныя строки, конечно (послѣ цитаты ихъ брошюры), но какъ онѣ похожи на бредъ безнадежно больного!... Нѣтъ, не на этихъ путяхъ зоологическихъ расовыхъ критеріевъ должны искать евреи, какъ и всякое человѣчество, свое спасеніе и свое благополучіе, и «евреи-просвѣтителѣ», хотя и ошибались во многомъ, были ближе къ истинѣ, нежели евреи-націоналисты, будь они изъ породы книжниковъ и фарисеевъ, или изъ разряда искренно любящихъ свой народъ...»

«Книжники и фарисеи» тоже не молчали въ это время. Очень характернымъ и поучительнымъ является въ этомъ смыслѣ книжка г. Геца «Что такое еврейство?», вышедшая въ 1885 году. Внимательно слѣдя за развитіемъ еврейскаго вопроса, я не оставилъ безъ отзыва и этого несчастнаго порожденія національной исключительности и высокомерія. Г. Гецъ—ученый и авторитетный еврей, но все-таки мы не будемъ тревожить прахъ его брошюры. Да поконится онъ въ забвеніи, какого заслуживаетъ. Среди самихъ евреевъ есть, конечно, достаточно лицъ, не имѣющихъ ничего общаго съ «книжниками и фарисеями». Такова, напр., интересная брошюрка г. Житлевскаго «Мысли объ историческихъ судьбахъ еврейства», вышедшая въ 1887 году и о которой мнѣ пришлось давать отзывъ тоже на страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника». Г. Житловскій совершенно ясно понимаетъ реакціонное значеніе всѣхъ этихъ философическихъ движеній и съ грустью замѣчаетъ, какъ въ «знаменательныя движенія» запутываются элементы, въ сущности сочувствующія прогрессу и просвѣщенію. «Можно быть вполне увѣреннымъ, что національное движеніе въ настоящемъ его видѣ должно пасть вслѣдствіе несовмѣстимости своихъ стремленій». Это сама истина, конечно...

Развивался еврейскій вопросъ и съ другой стороны. Измѣнялись, какъ выше отмѣчено, условія существованія евреевъ. Росла общественная нетерпимость, выразившаяся въ антисемитизмѣ. Приходилось считаться и съ этою стороною явленія. И чѣмъ дальше, тѣмъ чаще и настойчивѣе. Еще недавно, уже на страницахъ «Русскаго Богатства», мнѣ пришлось посвятить статью разнымъ проектамъ ограничить для евреевъ доступъ къ образованію и другимъ проявленіямъ антисемитизма (Русское Богатство, 1894 г.).

№ 4, «Хроника внутренней жизни»). Тамъ же я остановилъ вниманіе и на поучительномъ совпаденіи антисемитизма и руссофобства въ Германіи. Тѣ же лица, которыя являются вождями антисемитизма, проявляютъ такую же нетерпимость ко всему славянскому, въ особенности ко всему русскому. Не останавливаясь подробнѣе на этой исторіи вчерашняго дня. Она вѣдь и современная исторія. Къ ней придется, вѣроятно, возвратиться, и не однажды.

С. Южаковъ.

Съ 1894 г. издается въ Петербургъ Ф. ПАВЛЕНКОВЫМЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

СКАЗОЧНАЯ БИБЛІОТЕКА

Въ составъ этой библіотеки войдутъ избранныя сказки всѣхъ странъ и народовъ. Всѣхъ книжекъ предполагается выпустить отъ 150 до 200. Въ каждой книжкѣ помѣщается одна большая или нѣсколько маленькихъ сказокъ, иллюстрированныхъ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ рисунковъ. Всѣ книжки нумеруются отъ первой до послѣдней. Цѣна книжекъ отъ 5 до 25 коп.

До 1 сентября 1895 г. выпущено 70 книжекъ, въ составъ которыхъ вошли слѣдующія сказки:

№

книжекъ

Сказки Андерсена.

1. Дочь болотнаго царя. Съ 15 рис., портретомъ и біографіей Андерсена (15 коп.).
2. Райскій садъ. Съ 6 рис. (8 коп.).
3. Домовой и лавочникъ, Свиныя-копилка. На птичьемъ дворѣ. Красныя башмачки. Съ 2 рис. (10 коп.).
4. Супъ изъ колбасной палочки. Съ 6 рис. (6 к.).
5. Оле-Луке-Ойе. Ленъ. Свиныя. Капля воды. Съ 3 рис. (10 к.).
6. Цвѣты маленькой Иды. Сосѣднія семейства. Пастушка и трубочистъ. Съ 10 рис. (10 к.).
7. Стѣнная царица. Съ 16 рис. (15 к.).
8. Анна Лявбета. Съ 10 рис. (5 к.).
9. Самое невѣроятное. Комета. Небесный листъ. Съ 9 рис. (5 к.).
10. На дюнахъ. Съ 8 рис. (15 к.).
11. Послѣдній сонъ стараго дуба. Катѣка. Съ 3 рис. (8 к.).
12. Бузинная старушка. Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ. Съ 9 рис. (8 к.).
13. Колоколь. Стойкій оловянный солдатикъ. Мотылекъ. Съ 7 рис. (6 к.).
14. Ибъ и Христиночка. Сновидѣніе. Перо и чернильница. Съ 10 рис. (10 к.).
15. Камень мудрости. Съ 5 рис. (8 к.).
16. Большой морской змѣй. Свѣчи. Съ 4 рис. (5 к.).
17. Золотое сокровище. Блоха и профессоръ. Съ 10 рис. (6 к.).
18. Дикіе лебеди. Съ 6 рис. (8 к.).
19. Сынъ привратника. Съ 9 рис. (8 к.).
20. Морская царевна. Должна же быть разница. Съ 10 рис. (10 к.).
21. Соловей. Жаба. Съ 11 рис. (8 к.).
22. Попутчикъ. Съ 7 рис. (8 к.).
23. Исторія пяти горошинъ. Елена. Дѣвочка¹ со спичками. Съ 6 рис. (6 к.).
24. Калоши счастья. Съ 7 рис. (10 к.).
25. Она нигуда не годилась. Старый домъ. Дѣтская болтовня. Съ 7 рис. (8 к.).
26. Исторія одной матери. Кто же въ этомъ сомнѣвается. Навозный жукъ. Съ 9 рис. (8 к.).
27. Везобразный утенокъ. Маргаритка. Серебряная монетка. Съ 13 рис. (8 к.).
28. Тѣнь, Мѣдный кабанъ. Какъ старикъ ни сдѣлаетъ—все хорошо. Съ 9 рис. (10 к.).
29. Бутылочное горлышко. Подъ ивой. Съ 13 рис. (10 к.).
30. Дѣва льдовъ. Съ 19 рис. (18 к.).

Сказки Гауфа.

31. Холодное сердце. Съ 10 рис., портретомъ и біографіей Гауфа (18 к.).
32. Сказка о Калифъ-аистѣ, Молодой англичанинъ. Съ 10 рис. (12 к.).
33. Преданіе о золотомъ. Маленькій Мужъ. Съ 16 рис. (15 к.).
34. Карликъ-нось. Съ 10 рис. (12 к.).
35. Приключеніе Сада. Съ 11 рис. (15 к.).
36. Принцъ-Самованецъ, Бѣрей Абнеръ, который ничего не видалъ. Съ 7 рис. (10 к.).

Сказки Густафсона.

37. Корона морского царя. Друга короля Османа. Неумѣстная гордость. Король Карій. Съ 10 рис., портретомъ и биографіей Густафсона (10 к.).
38. Пастухъ и принцесса. Цвѣты радости. Такъ водится на войнѣ. Баржа. Съ 10 рис. (10 к.).
39. Храбръ иотавы. Король, страдавшій бессонницей. Каменная глыба. Своросѣйка. Попугай и жаворонокъ. Съ 12 рис. (10 к.).
40. Парящая кукла. Бѣлка. Исторія одного дерева. Земной глобусъ папы. Съ 10 рис. (10 к.).
41. Три брата. Маленькій сборникъ сказокъ. Съ 9 рис. (10 к.).

Сказки Жоржъ-Зандъ.

42. Говорящій дубъ. Красный молотокъ. Съ 9 рис., портретомъ и биографіей Жоржъ-Зандъ (18 к.).
 43. Розовое яблоко. Съ 5 рис. (12 к.).
 44. Великанъ Іеусъ. Съ 6 рис. (15 к.).
 45. Крылья мужества. Съ 9 рис. (25 к.).
- №№ 46—70. Русскія народныя сказки. Цѣна каждого номера—10 к.

Въ составъ слѣдующихъ книжекъ войдутъ: Сказки Карменъ Сильвы, сказки Асбьерсена, Братьевъ Гриммъ, Перро, и пр. и пр. При первой книжкѣ сказокъ того или другого автора въ большинствѣ случаевъ помѣщается его краткая биографія

БИБЛИОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ.

- 1) Ручной трудъ. Составилъ Графиня. Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. Съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.—2) Электрическіе звонки. Боттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Пер. съ англ. и дополнилъ Д. Головъ. Ц. 1 р.—3) Руководство къ рисованію акварелью А. Кассана. Съ франц. Съ 150 рис. Ц. 1 р. 50 к.—4) и 5) На всякій случай. А. Альмедингена. Научно-практическія свѣдѣнія по полеводству, садоводству, огородничеству, домоводству, по борьбѣ съ вредными насекомыми грибами и паразитами, а также съ фальсификаціей пищевыхъ и другихъ веществъ. Двѣ части. Цѣна каждой 50 коп.—6) Домашній опредѣлитель подѣлокъ. А. Альмедингена. Ц. 60 к.—7) Дѣтскій докторъ. Руководство для матерей и воспитателей. Д-ра Варіо. Съ франц. подъ редакціей профес. Пономарева. Ц. 1 р.—8) Гигіена дѣтства. Э. Перье. Ц. 50 к.—9) Уходъ за больными въ семьѣ. Энциклера. Ц. 50 к.—10) Уходъ за больными дѣтьми. Э. Перье. Ц. 50 к.

ПОПУЛЯРНО НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА.

- 1) Экстазы человѣка. П. Мантегацца. Въ 2-хъ частяхъ. Ц. 1 р. 50 к.;
- 2) Психологія вниманія. Д-ра Рибо. Ц. 40 к.; 3) Берегите легкія! Гигіеническія бесѣды д-ра Нимейера. Съ 30 рис. Ц. 75 к.; 4) Современные психопаты. д-ра А. Кюллера. Ц. 1 р. 50 к.; 5) Предсказаніе погоды. А. Далле, съ рис. Ц. 1 р. 25 к.; 6) Физіологія души. А. Герцена. Ц. 1 р.; 7) Психологія великихъ людей. Г. Жоли. 2-е изд. Ц. 1 р.; 8) Дарвинизмъ. Э. Ферьера. Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. 60 к.; 9) Міръ грѣш. Д-ра Симона. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Ц. 1 р.; 10) Первобытные люди. Дебьера. Со многими рис. Ц. 1 р.; 11) Законы подражанія. Тарда. Ц. 1 р. 50 к.; 12) Геніальность и помѣшательство. Ц. Ламбросо. Съ портр. автора и нѣсколькими рис. 2-е изд. Ц. 1 р.; 13) Общедоступная астрономія. К. Фламмаріона. Съ 100 рис. 3-е изд. Ц. 1 р.; 14) Гигіена семьи. Гебера. Ц. 50 к.; 15) Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. Мигулы. Съ 35 рис. Ц. 1 р.; 16) Наука о жизни. Попул. физіологія человѣка. И. Лункевича. Съ 92 рис. Ц. 1 р. 17) Электричество въ природѣ. Ж. Дори. Съ 102 рис. Ц. 1 р. 25 к.; 18) Усталость. Моссо. Съ 80 рис. Ц. 1 р. 25 к.; 19) Гигіена женщины. Женщины-врача Тило. Ц. 40 к.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ. П. Луковникова.

(Спб., Лештуковъ пер., № 12).

Издатели: Н. Михайловская.
Вл. Короленко.

Редакторы: П. Быковъ.
С. Поповъ.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ПЕЧАТНИЦА

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ,
ИЗДАВАЕМЫЙ

Н. В. Михайловской и Вл. Г. Короленко.

Продолжается пріемъ подписки
на 1896 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р.;
безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ 8 р.; за границу 12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ въ конторѣ журнала—*Бассейная ул., 10.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—*Никитскія ворота,
д. Гаварина.*

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать
за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ каждаго годового
экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

HALLOWELL
MAY 10 1971